

The left half of the book cover features a vertical strip of a landscape photograph. At the top, a bright sun is partially obscured by a dark, silhouetted horizon. Below the horizon, the landscape is dark and textured, with some lighter patches of grass or reeds. In the middle ground, there are several white silhouettes of people on horseback, some appearing to be herding animals. The overall color palette of the photograph is dominated by dark blues, blacks, and greys, with the bright yellow and orange of the sun providing a strong contrast.

А. М. ХАЗАНОВ

**КОЧЕВНИКИ
И
ВНЕШНИЙ МИР**

63.3(0)

Хазанов А. М.

Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.

ISBN 9965-441-18-9

Книга заслуженного профессора антропологии Университета Висконсин в Медисоне, члена Британской Академии, лауреата премии Гуггенхайма посвящена феномену номадизма, который, по мнению автора, заключается не только в его уникальности, специализированности, но и в его широкой распространенности практически во всех частях света, за исключением Австралии и лишь отчасти Америки, в его роли связующего звена между различными обществами и культурами, в его не только хозяйственной, но и социальной и исторической специфичности.

Показывается неразрывная и необходимая связь кочевников с внешним миром, т. е. с оседлыми обществами с иными системами хозяйства. Проводится сравнительный анализ евразийского типа номадизма и номадизма других регионов.

Особое место в исследовании занимают материалы по кочевникам евразийских степей, полупустынь и пустынь, так как с ними автор знаком лучше всего — ему доводилось бывать в этнографических и археологических экспедициях в Центральной Азии, Калмыкии и на Северном Кавказе.

»503010000
00(05)-02

ББК 63.3(0)

N 9965-441-18-9

© Хазанов А. М., 2002
© Издательство «Дайк-Пресс».
оформление, 2002

Благодарности и уведомления

Замысел этой книги отчасти принадлежит не только автору, но и профессору Геллнеру из Лондонской Школы Экономики. Несколько лет назад, опубликовав монографию, посвященную кочевникам евразийских степей, в первую очередь скифам, я обдумывал возможности написания следующей: об исторической антропологии кочевников все тех же евразийских степей. Профессор Геллнер со свойственными ему тактом, умением убеждать и чувством нового в науке обратил мое внимание, что было бы интереснее сравнить евразийский степной тип номадизма с номадизмом других регионов. Естественно, что провести такое сравнение по всем параметрам один человек не в состоянии. Поэтому я решил остановиться на том моменте, который кажется мне одним из важнейших для понимания самой сущности номадизма, — взаимоотношениях номадов с оседлым населением, которое в этой книге условно именуется «внешним миром».

Профессор Геллнер был настолько любезен, что взял на себя инициативу переговоров с издательством Кембриджского Университета и на протяжении всей работы над этой книгой, не считаясь с собственным временем, оказывал мне неоценимую помощь самыми разнообразными способами: от личной редакции первоначального синопсиса этой книги, написанного на весьма несовершенном английском языке, до моральной поддержки и научных консультаций. Он же прочитал рукописный вариант этой книги, сделав ряд ценных замечаний и предложений, способствовавших ее улучшению. Я думаю, без него эта книга вообще никогда не была бы написана, хотя, разумеется, всю ответственность за ее содержание несу я один. Поэтому моя первая благодарность принадлежит профессору Геллнеру, ученому поразительной разносторонности и очень хорошему другу.

Когда ученый работает в одной стране, а издательство находится в другой, когда эти страны разделены языком, правилами, традициями и многими другими барьерами, почти всегда возникают трудности технического порядка. Издательство Кембриджского Университета в лице г-жи Патриции Уилльямс (Mrs. Patricia Williams), а также г-на Стивена Барра (Mrs. Stephen Barr) относилось к ним с полным пониманием и во всем шло мне навстречу. Во многом благодаря доброжелательности и заботливости, проявленным ими, моя работа над книгой была если не легкой, то приятной. Поэтому мне хотелось бы выразить им самую искреннюю и сердечную признательность.

Транслитерация восточных собственных имен и названий всегда представляет значительные сложности, потому что востоковеды используют различные системы для транскрибирования нелатинских алфавитов и письменности и часто не совсем последовательно. Проблема еще более усложняется тем, что многие исторические личности и народы появляются под разными именами в различных источниках и современных работах, в которых они упоминаются. Поскольку эта книга написана не востоковедом, а также в основном не для востоковедов, я попытался оставить транслитерацию имен как можно более простой и не использовать диакритических знаков, лигатур и т. п.

Отдельные разделы этой книги в рукописи читали и сделали весьма полезные для меня замечания, способствовавшие ее улучшению, мои коллеги по совместной работе в Институте этнографии Академии наук СССР: д-р Крупник, проф. Першиц, д-р Членов, д-р Жуковская. Ряд вопросов, связанных с общими проблемами происхождения государства и классов, затронутых в этой книге, мне удалось подробно обсудить с проф. Классеном (Prof. Claessen) из Лейденского Университета. Всем им — моя глубочайшая и искренняя признательность.

Я хотел бы также поблагодарить моих коллег из разных стран, любезно приславших мне книги, статьи и оттиски, необходимые для работы над этой книгой, — прежде всего, опять-таки издательство Кембриджского Университета в лице г-жи Уильяме

(Mrs. Williams), а также проф. Барта (Prof. Barth), проф. Бейтса (Prof. Bates), проф. Бессака (Prof. Bessac), д-ра Бонта (Dr. Bonté), проф. Классена (Prof. Claessen), г-жу Давид (Mlle David), проф. Дюмезиля (Prof. Dumézil), проф. Фердинанда (Prof. Ferdinand), проф. Фукуи (Prof. Fukui), проф. Геллнера (Prof. Gellner), проф. Гиршмана (Prof. Ghirshman), проф. Глатцера (Prof. Glatzer), проф. Гронхауга (Prof. Gronhaug), проф. Гунду (Prof. Gunda), проф. Хьерта (Prof. Hjort), проф. Иеттмара (Prof. Jettmar), д-р Комороци (Dr. Komoroczy), проф. фон Куссмаля (Prof. von. Kussmaul), проф. Малхотру (Prof. Malhotra), д-р Мазетти (Dr. Masetti), проф. Пастнера (Prof. Pastner), проф. Солцмана (Prof. Salzman), д-р Шаркози (Dr. Sarkozi), проф. Шанклин (Prof. Shanklin), г-жу Шильц (Mlle Schiltz), проф. Спунера (Prof. Spooner), проф. Суит (Prof. Sweet), г-жу Сугита (Mlle Sugita), д-ра Шинкевича (Dr. Szynkiewicz), проф. Ван Стоуна (Prof. Van Stone).

Особая признательность и благодарность моей жене Ирине и сыну Якову, которые стремились сделать все, что было в их силах, чтобы облегчить мне работу над этой книгой, и которые временами вынуждены были мириться с тем, что наука отнимает у них мужа и отца. Им с любовью я и посвящаю эту книгу.

Предисловие ко второму изданию

*Habent sua fata libelli**. Рукопись первого издания этой книги была закончена в Москве, в конце 1979 года и сразу же отправлена в Кембридж. У меня было вполне достаточно причин для спешки. В условиях ухудшающегося политического и идеологического климата в СССР там практически не было шансов опубликовать эту книгу — ее сочли бы слишком ревизионистской (Khazanov, 1992a). Более того, я не мог исключать возможности того, что советские власти попытаются не допустить ее издания на Западе. Через две недели после того, как я получил известие, что моя рукопись благополучно достигла Англии, Советский Союз вторгся в Афганистан. Еще двумя неделями позже я подал заявление на эмиграцию из страны.

На самом деле, я решил эмигрировать уже несколькими годами ранее, но работа над этой книгой задержала подачу официального заявления. Однако январь 1980 года был не лучшим временем для такого рода начинаний. Советские власти никогда не относились благосклонно к тем, кто предпочитал капиталистический ад коммунистическому раю. В первой половине 80-х годов, когда международная разрядка полностью потерпела крах, они еще меньше, чем в 70-е годы, были благосклонны к таким людям. Как я и ожидал, мое заявление об эмиграции было отклонено. Что я не ожидал, так это занятного объяснения отказа. Оказалось, что мой выезд из страны «был не в интересах...». Несмотря на все мои попытки выяснить, о чьих интересах пеклись власти — моих, Советского государства или, может быть, мировой капиталистической системы, — я никогда не смог добиться ответа на этот вопрос. И ак я стал еще одним из «отказников», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

* Книги имеют свои судьбы (лит.).

После моего заявления об эмиграции советские власти сделали все возможное, чтобы помимо многого другого отрезать все мои связи с Западом. До известной степени это им не удалось, но они не были в этом виновны. К тому времени в железном занавесе уже появились дыры.

Тем не менее издание этой книги заняло почти пять лет. В течение всего этого времени сотрудники издательства Кембриджского Университета (Cambridge University Press) проявляли чрезвычайное терпение, понимание и сочувствие; они стремились помочь мне всеми имевшимися в их распоряжении способами. Я хочу использовать эту возможность, чтобы выразить мою огромную признательность этим людям. Много других людей, как моих коллег, так и тех, кто не имел никакого отношения к антропологии, также оказали мне большую помощь. Так, Майкл Лавин (Michael Lavigne), американец, который в то время жил в Москве, очень помог мне, используя подпольные каналы связи, в моей переписке с Западом. Он делал это несмотря на то, что подвергал серьезному риску собственную безопасность. Нил Наймер (Neal Naimen), молодой англичанин, специально приехал в Москву, чтобы привезти гранки, которые не доходили до меня по почте. Должен ли я заверять, что все эти люди навсегда останутся в моем сердце?

В те годы происходили также некоторые весьма занимательные события. Так, КГБ решил произвести обыск в моей квартире именно в то время, когда я был поглощен работой над книжным указателем, и карточки были разбросаны по всему кабинету. Я попросил офицеров не нарушать порядок в котором они располагались. В тот момент я не осознал иронии того, что я почти повторил знаменитую мольбу Архимеда. К моему большому удивлению, люди из КГБ повели себя лучше, чем римский центурион из легенды. Не только я был пощажен, но и мои карточки не пострадали от большого беспорядка, хотя офицеры провели несколько часов, тщательно проверяя, не содержат ли они какой-нибудь антисоветской пропаганды. Явно разочарованные, они удовлетворились тем, что конфисковали некоторые материалы из моего архива и все книги на иврите.

Это предисловие не совсем подходящее место для воспоминаний, поэтому я буду краток. Книга была опубликована в 1984 году и советские власти, которые, мягко говоря, не особенно способствовали ее изданию, поспешили наложить руку на мои авторские гонорары. Это неудивительно. Советские коммунисты ненавидели западные демократии, но обожали их твердые валюты. В тот же год я получил последнее официальное предупреждение КГБ о том, чтобы я прекратил мою так называемую «антигосударственную деятельность», правда, это предупреждение едва ли было сделано в прямой связи с публикацией моей книги. Однако, спустя семь месяцев, совсем неожиданно для меня, я получил разрешение покинуть СССР. Мне было приказано выехать в течение нескольких дней, оставив в стране архив и все мое имущество. У меня есть много оснований полагать, что мои коллеги на Западе сыграли решающую роль в том, что я не был арестован. По-видимому, они сумели убедить советские власти, что самым лучшим способом избавиться от меня было разрешить мне выехать из страны. В этой связи я хотел бы особенно упомянуть моих добрых старых друзей Генри Классена (Henri Claessen) и Эрнеста Геллнера (Ernest Gellner). Я хотел бы упомянуть и многих других людей, но боюсь упустить кого-либо из них. Некоторые из них слишком скромны и не любят рассказывать о той поддержке, которую они мне оказывали. Поэтому я, к сожалению, не могу выразить свою признательность этим людям так, как они того заслуживают.

Как бы то ни было, 7 июля 1985 года я с женой и сыном прибыл в Иерусалим, где я сразу же принял предложение стать профессором Еврейского Университета (Hebrew University). К тому времени моя книга начала уже свою собственную жизнь. Она была благосклонно оценена в разных странах (Bates, 1984; Fiather, 1984; Leach, 1984; Al-Azmeh, 1985; Ecsedy, 1985; Flaes, 1985; Golzio, 1985; Hart, 1985; Humphrey, 1985; Ingold, 1985; Ingold, 1985a; Kent, 1985; Tapper, 1985; Wilkinson, 1985; Oliver, 1986; Shimkin, 1986; Tapper, 1986). Несмотря на некоторые критические замечания, рецензенты в основном были согласны с большинством моих основных выводов и заключений. Единственным исключением была

рецензия Спунера (Spooner, 1986). Суть его критики заключалась в следующем. Первое, моя книга недостаточно связана с той литературой, с которой он как специалист в области изучения скотоводства и кочевничества знаком. Виноват, но я не могу помочь ему в этом отношении, за исключением того, что рекомендую читать больше и избегать предубеждений. Вторым пунктом критики было то, что моя книга по своей природе больше востоковедческая, чем антропологическая и историческая. Опять же, здесь не о чем спорить. Это просто означает, что мой досточтимый коллега и я по-разному представляем себе антропологию и особенно историческую антропологию. Третье критическое замечание Спунера состоит в том, что он неудовлетворен моей книгой в целом и что все в ней могло быть сделано по-другому и лучше. В этом отношении я полностью с ним согласен. В свою защиту я могу лишь повторить старую поговорку: *feci quod potui, faciant meliora potentes**. В течение многих лет я искренне надеялся, что Спунер сделает это лучше; я все еще жду его собственную книгу по кочевому скотоводству.

В любом случае, в течение последних пятнадцати лет или около того разнообразные исследования скотоводства стали значительно более интенсивными, и каждый год появляются новые ценные публикации. Каждый раз, готовя свои лекции или проводя семинары по темам, связанным со скотоводами и кочевниками, я с удовольствием обновляю свои программы и списки рекомендуемой литературы. В то же время многие мои коллеги и студенты в разных странах жаловались, что моя книга давно исчезла из продажи и поэтому было бы желательно ее второе издание. Они также отмечали, что предпочли бы книгу, изданную в бумажной обложке, что сделало бы ее более доступной. Это стало особенно очевидным для меня после того, как я из-за своих исследовательских интересов принял предложение Университета Висконсин в Меди-соне и в 1990 году занял должность профессора в Департаменте Антропологии. Поэтому, когда несколько лет спустя Издательство Университета Висконсин (University of Wisconsin Press) предложи-

* Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше (лат.).

ло мне опубликовать второе издание в бумажной обложке, я временно оставил в стороне другие проекты и решил написать это новое введение. Первоначально я намеревался представить в нем полный обзор основных течений, проблем и спорных моментов, существующих в современных исследованиях по скотоводству, но после того как многие страницы были уже написаны, мне пришлось весьма неохотно отказаться от этой идеи. Я понял, что следование моему первоначальному намерению сделает такое введение слишком длинным. В этом случае было бы лучше написать специальную обзорную статью или даже другую книгу. Таким образом, я вынужден был ограничиться неполным обзором наиболее важных новых публикаций. Из-за ограниченного объема введения я вынужден, как правило, упоминать только книги и сборники статей, оставляя в стороне почти все статьи, какими бы важными и интересными они не были. Скотоводство становится настолько широким предметом исследования, что практически невозможно даже сослаться на всю новую литературу в этом введении. Тем не менее я включил в него краткую дискуссию по ряду проблем, которые по разным причинам либо не были затронуты в первом издании, либо, по моему мнению, заслуживают дальнейшего уточнения и изучения. Основной тезис этой книги заключается в следующем: специализация означает большую зависимость. Чем более специализированы подвижные скотоводы, тем более зависимыми становятся они от нескотоводческого, преимущественно оседлого мира. В этой книге я сосредоточил свое внимание, в основном, на их экономической и социально-политической зависимости, оставив в стороне ее культурный и идеологический аспекты.

Однако важно иметь в виду, что скотоводы, включая кочевников, в культурном и идеологическом плане зависели от оседлых обществ так же, как они зависели от них в экономическом отношении. Экономическая зависимость кочевников от оседлых обществ и различные способы их политической адаптации к ним имели соответствующие идеологические последствия. Кочевая экономика должна была дополняться продуктами сельского хозяйства и ремесла, а культура кочевников нуждалась в культуре оседлого населения

как в источнике, составной части и модели для сравнения, подражания или отвержения (Khazanov, 1994).

В этой книге читатель найдет некоторые классификации и типологии, принятые одними учеными и критикуемые другими. Ничего другого я и не ожидал, и хочу еще раз подчеркнуть, что дефиниции, категории, типологии и классификации сами по себе не являются конечной целью исследования или чисто семантическим упражнением. Они всего лишь аналитический инструмент исследования, в известной мере отражающий избранные в нем методологические подходы. Их ценность зависит не столько от их точности, что почти всегда спорно, сколько от того, насколько адекватно они служат специфическим целям исследования.

Понимание скотоводства, предлагаемое в этой книге, основано на представлении о континууме специфических и гибких экономических стратегий с множеством разнообразных вариаций, особенно, если выделение последних связано с различными критериями. Я никоим образом не хочу представить мою классификацию жесткой или единственно возможной. Однако я все же полагаю, что такие широкие типологические формы, как: пастушеское земледелие (*transhumance*), полуоседлое скотоводство (агро-скотоводство), полукочевое скотоводство и кочевое скотоводство как наиболее крайняя форма адекватно служат целям моего исследования. Эта типология вполне применима, поскольку она основана на двух противоположностях: между скотоводством и земледелием и между подвижностью и оседлостью. Представить кочевое скотоводство или скотоводство в целом, всеохватывающей, но недостаточно точно определенной категорией, может быть удобно для некоторых археологов, вследствие природы их источников, но это едва ли будет способствовать лучшему пониманию их доисторических форм. Моя классификация, прежде всего, экономически ориентированная. Во-первых, она основана на предположении, что скотоводческая сторона подвижного скотоводства характеризует его как специфический тип экономической активности. Во-вторых, она обращает внимание на размер и значение сельскохозяйственного компонента для определения системы хозяйства данного общества в целом.

Однако оказалось, что корреляция между скотоводством и подвижностью не столь очевидна, как я предполагал. Моя клас-

сификация была оспорена Инголдом (Ingold, 1986: 165), воспринимающим кочевое скотоводство прежде всего в терминах подвижности и утилизации природных ресурсов и настаивающего на том, что эти характерные черты скотоводов объединяют их с охотниками и собирателями. (Как признает сам Инголд (Ingold, 1986: 13), его взгляды по этому вопросу противоречивы. Отдавая должное его интеллектуальной честности, я все же полагаю, что ученый сам должен решить свои проблемы.) На этом основании Инголд (Ingold, 1980: 83, 91) отрицает даже отличия между экономикой, добывающими пищу и производящими ее, равно как и само понятие неолитической революции.

Я могу только повторить, что оседлость и подвижность сами по себе не определяют и не указывают на общее направление экономической деятельности. Любой основной вид экономической активности имеет свои более подвижные и более оседлые формы. Кроме того, в рамках одной и той же системы хозяйства различные сектора, группы, семьи и индивиды могут придерживаться различных степеней мобильности и оседлости.

Общая подвижность

<i>Миграции</i>	<i>Экономическая подвижность</i>
(в сущности, это билет в один конец)	Бродячий образ жизни* (охотники и собиратели) Подсечно-огневое земледелие, мотыжное земледелие, скотоводческая мобильность. Подвижность странствующих этно-профессиональных групп. Промышленная мобильность

*Возможно, что термин «бродячий образ жизни» по отношению к охотникам-собирателям не самый лучший, и я не обязательно настаиваю именно на нем. Э все же следует признать, что существует огромная разница между их подвижностью и подвижностью скотоводов.

Любой ученый, для которого земледельческая (неолитическая) революция остается значимой концепцией, а автор, несмотря на его прежние диссидентские наклонности, в этом отношении разделяет мнение большинства ученых, едва ли будет отрицать принципиальную разницу между экономикой добывания пищи (включая охоту) и экономикой производства пищи (включая скотоводство); также как он не будет отрицать различие между дикими и domesticiрованными животными, которое Инголд склонен недооценивать.

Хотя главная особенность всех разновидностей подвижного скотоводства, на мой взгляд, состоит в их особой экономической специализации, было бы неразумно отрицать, что эта особая специализация влечет за собой особый образ жизни, взгляды на мир, культурные ценности, предпочтения и идеалы. Скотоводство является не только *способом жизнедеятельности*, но также и *образом жизни*. В данной книге я уделяю много внимания этим и многим другим аспектам подвижного скотоводства не потому, что считаю их несущественными или неважными, а лишь потому, что у любой книги есть свои границы. Когда ученый пытается охватить все вопросы сразу, он неизбежно рискует впасть в поверхностность, не сказав ничего существенного.

Несмотря на изобилие новой литературы по различным аспектам скотоводства и отдельным скотоводческим группам и народам, очень мало книг посвящено сравнительным и междисциплинарным исследованиям в этой области. Кроме того, большинство из них описывают современных скотоводов, игнорируя тем самым их исторических собратьев. Мне остается только надеяться, что в будущем больше ученых прислушаются к моему давнему призыву соединить историю и антропологию.

Книга Барфилда (Barfield, 1993) представляет собой добротное общее введение, или, как сам автор называет ее, учебник по данному предмету. Сборник статей, опубликованный Гэллати и Джонсоном (Galaty and Johnson, 1990), исследует различные скотоводческие системы пяти континентов и является наиболее широким и использующим новые данные обзором современного скотоводства. Однако предложенная издателями классификация

подвижного скотоводства в терминах исключительно физической географии представляется достаточно спорной. Гэллати и Джонсон подразделяют подвижное скотоводство на скотоводство равнин (полуаридное скотоводство), пустынное и тундровое скотоводство (аридное скотоводство) и горное (вертикальное) скотоводство. В этой классификации такие разные типы скотоводства, как практикующиеся, например, в Мали и Индии, Сахаре и Ботсване, или в Андах и Марокко, предстают более сходными, чем это обстоит в действительности. На самом деле кыргызские горные скотоводы на Памире имеют много более общего с их соседями, казахскими скотоводами, являющимися типичными степными (равнинными) кочевниками, чем со скотоводами Тибета, не говоря уже о Кавказе и Андах. Следует также упомянуть два сборника статей о кочевом скотоводстве, изданных в Германии (Krushe, 1981; Scholz, 1991).

Обращаясь к последним публикациям о кочевниках евразийских степей, полупустынь и пустынь, я, прежде всего, хотел бы отметить книгу Голдена (Golden, 1992). Она является выдающимся достижением в данной области и автор, безусловно, слишком скромно, называя ее всего лишь «введением». В то же время, *Кембриджская история древней Внутренней Азии* (Cambridge History of Early Inner Asia) (Sinor, 1990) с концептуальной точки зрения не является очень успешным изданием. Например, я не могу согласиться с весьма странным географическим и культурным определением Внутренней Азии, предложенным Синором. Однако главы, посвященные отдельным кочевым народам за немногим исключением, написаны на высоком уровне. Барфилд (Barfield, 1989) развил далее новаторские исследования Леттимора (Lattimore) по истории Внутренней Азии и способствовал лучшему пониманию проблемы формирования государственности у кочевников данного региона. Важный вклад в этой области сделали работы Беквита (Beckwith, 1987), Джагчида и Ван Джэй Симонса (Jagchid and Van Jay Symons, 1989) и Волдрона (Waldron, 1990).

Претенциозная монография Гумилева (1989) о кочевниках евразийских степей, опубликованная в России, примечательна только своей необузданной фантазией и плохо скрываемым антисеми-

тизмом. Это особенно прискорбно, потому что автор является сыном двух великих русских поэтов, Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Более любопытная общая книга о кочевом скотоводстве в евразийских степях (Крадин, 1992) была также недавно опубликована в России. Автор все еще мыслит в рамках советской марксистской школы и продолжает использовать ее терминологию, хотя и честно указывает на ее многочисленные недостатки. Тщетно пытаясь разрешить это противоречие, он утверждает, что кочевое скотоводство является особой социо-экономической формацией. Эрнесту Геллнеру, возможно, понравилась бы эта книга как еще одно доказательство того, что марксизм все еще жив в постсоветском не-Союзе (см. Gellner, 1988a); что касается меня, то, следуя американской поговорке, я не хочу хлестать мертвую лошадь.

Заслуживают также внимания многочисленные публикации, посвященные истории отдельных кочевых народов и политических образований, их связям с оседлыми соседями и их подданными или правителями (Jagchid and Hayer, 1979; Golden, 1980; Да-лай 1983; Воробьев, 1983; Егоров, 1985; Morgan, 1986; Allsen, 1987; Halperin, 1987; Jagchid, 1988; Rossabi, 1988; Ахинжанов, 1989; Endicott-West, 1989; Manz, 1989; Кадырбаев, 1990; Ratchnevsky, 1991; Khodarkovsky, 1992; Кляшторный и Султанов, 1992; Трепавлов, 1993). Этнографические и антропологические исследования менее многочисленны. Среди наиболее важных из них: Кузеев, 1978; Vainshtein, 1980; Szykiewicz, 1989; Масанов, 1984; Жуковская, 1988; Вайнштейн, 1991. За редкими исключениями (Humphrey, 1983; Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989; Bawden, 1989; Жуковская, 1990; Black et al, 1991; Forsyth, 1992), до сих пор нет объективных работ по проблемам трансформации скотоводов в странах, где господствовали коммунистические режимы. Апологетические работы, публиковавшиеся в прошлом советскими и монгольскими учеными или некоторыми западными «попутчиками» вроде Леттимора, не заслуживают доверия. У меня есть основания надеяться, что в будущем новое поколение ученых в постсоветских странах исследует эти важные вопросы намного лучше.

Скотоводы и кочевники Среднего Востока (Турция, Иран, Афганистан) продолжают привлекать внимание многих ученых,

причем особый интерес привлекают скотоводы Ирана (см. Oberling, 1974; Ehmann, 1975; *Styber*, 1978; Tapper, 1979a и Tapper, 1979b о шахсеванах; Digard, 1981; Garthwaite, 1983 о бахтиарах; Black-Michaud, 1986 о лупах; Bradburd, 1990 о комачи; Beck, 1986 и Beck, 1991 о кашгаях; van Bruinessen, 1992 о курдах). Ряд монографий о скотоводах Афганистана описывают ситуацию, существовавшую до советского вторжения в эту страну (Shahrani, 1979; Barfield, 1981; Tapper, 1991).

Среди наиболее значимых современных исследований в области истории и исторической антропологии, которые, в той или иной степени, относятся к кочевникам Среднего Востока, следует отметить следующие работы: книгу Бриана (Briant, 1982) о скотоводах и кочевниках в империях Ахеменидов и Александра Великого и на границах с ними; сборник статей о возникновении и истории государства Сефевидов (Savory, 1980); очерк истории бахтиаров (Garthwaite, 1983); сборник исследований, содержащий статьи по кочевникам в Каджарском Иране (Bosworth and Hillenbrand, 1983); монографии о кочевниках в Османской империи в период развитого средневековья (Lindner, 1983); и об образовании и трансформации кызылбашской системы (Reid, 1983); исследование об истории развития кашгайского политического образования (Beck, 1986); и диссертацию об индо-афганских государствах (Gommans, 1993).

Большинство последних исследований о скотоводах и кочевниках Ближнего Востока посвящено их изменяющемуся положению в новое время и в современную эпоху (см., например, Behnke, 1980; Lancaster, 1981; Sholz, 1981; Fabiletti, 1984; Anderso, 1986; Janzen, 1986; Lan., 1987; Hobbs 1989; Peters, 1990 о бедуинах и скотоводах в арабских странах; Marx and Shmueli, 1984; Steward, 1986; Ginat, 1987; Grossman, 1992 о бедуинах Израиля; Casanelli, 1982; Samatar, 1982 о Сомали; Casajus, 1987; Spittler, 1989 о туарегах). Из других ценных исследований можно выделить книги о племенной династии Нашиди в Центральной Аравии (Al Rasheed, 1991; см. также см. Васильев, 1982), и о связи между политическими формами и бедуинской устной литературой (Meeker, 1979).

Определенное количество новых публикаций посвящено древним скотоводам и кочевникам Аравии и Стран Благодатного Полумесяца (Matthews, 1978; Vardiman, 1979; Dostal, 1979; Adams, 1981; Eph'al, 1982; Shahid, 1984, 1984a; Anbar, 1985; Parker, 1986; Richard, 1987; Graf, 1989; Finkelstein and Perevolotsky, 1990; La Bianka, 1992), бедуинам в период раннего ислама (Crone, 1980, 1987; Donner, 1981; Пиотровский, 1985). Положение кочевников в мусульманских обществах Ближнего Востока рассмотрено в многочисленных публикациях Геллнера (см., например, Gellner, 1981). Их роль в исторических процессах в регионе описана в работах общего характера по формированию государств в Северной Африке (Berque, 1974; Laroui, 1977; Abun-Nasr, 1987), а также в более специальных публикациях (см., например, Berque, 1972; Brett, 1979; Levtzion, 1979; Noris, 1986; Hamani, 1989).

На теоретическом уровне исследования по кочевникам Ближнего и Среднего Востока сопровождаются продолжающимися дискуссиями о природе сегментарных линиджных систем и племенных образований. Дискуссии включают такие вопросы, как степень и формы иерархичности внутри сегментарных систем и сущность племени: является ли оно культурной и идеологической или же политической категорией, и может ли оно быть приравнено к вождеству? Однако представляется, что дискуссия смещается скорее к проблеме характера взаимоотношений между племенами и государствами, включая роль племен в образовании государства, и наоборот (среди многочисленных публикаций по всем этим проблемам см. Eickelman, 1981; Kuper, 1982; Ahmad and Hart, 1984; Crone, 1989; Khouri and Kostiner, 1990). Я должен отметить, что в этой книге я преимущественно занят проблемами трайбализма скотоводов-кочевников. Поэтому в ней не уделяется специального внимания тому, что трайбализм на Ближнем и Среднем Востоке был также характерен для некоторых оседлых земледельцев, хотя, безусловно, большинство племен практиковали скотоводство (Tapper, 1990: 54; ср. Dresh, 1989).

Я охотно готов признать, что чувствую себя незванным гостем в области изучения африканского скотоводства, основанного на ведущей роли крупного рогатого скота. До сих пор мне не-

приходилось проводить там какие-либо полевые исследования, или просто побывать в этой части света, и мое знание литературы об этом регионе довольно ограничено. В частности, я недостаточно подготовлен, чтобы осуждать одну из наиболее ярких характеристик социальной организации африканских скотоводов — систему возрастных классов. Тем не менее я продолжаю настаивать на том, что африканские скотоводы, как и любые другие, не могли существовать только лишь за счет продуктов скотоводства. Большинство из них, в той или иной степени, были вовлечены в сельское хозяйство. Высокоспециализированное скотоводство в Восточной Африке, очевидно, возникло поздно. Большинство африканских скотоводов, в стадах которых особое место занимает крупный рогатый скот, имеют более эгалитарную социальную организацию, чем скотоводы в евразийских степях или на Среднем Востоке. Отсутствие у них постоянного и институционального лидерства, очевидно, может быть обусловлено сочетанием ряда факторов. Я могу отметить среди них экологические ограничения, очень незначительное распространение верховых животных, являющихся основой военного превосходства кочевников в других регионах; и, наконец, последнее, но не по степени важности, — это отсутствие сильной и централизованной государственности в соседних оседлых регионах.

Современные работы по африканским скотоводам охватывают различные географические и культурные ареалы: зону Сахары и Сахеля (Beckwith, 1983; Dumas-Champion, 1983; Baroin, 1985; Adamu and Kirk-Greene, 1986; Bonfiglioli, 1988), Судан (Deng, 1978; Kelly, 1985; Robertshaw, 1987; Beck, 1988; Hutchinson, 1988; Johnson, 1989), Эфиопию (Carr, 1977; Almagor, 1978), Восточную Африку (Fukui and Turton, 1977; Dahl, 1979; Langley, 1979; Schlee, 1979; Schneider, 1979; Tablino, 1980; Dyson-Hudson and McCabe, 1985; Rigby, 1985; Robinson, 1985; Laube, 1986; Spencer, 1988; Калиновская, 1989; Schlee, 1989). Среди новейших публикаций следует упомянуть сборник, изданный Гэлэти и Бонтом (Galaty and Bonté, 1991), а также весьма оригинальную, но, на мой взгляд, малоубедительную монографию Микера (Meeker, 1989).

В дополнение к более или менее традиционным этнографическим и антропологическим исследованиям африканских скотоводов, налицо небывалый рост публикаций о современных проблемах их развития. Очень выборочный и неполный список включает следующие работы: Konczacki, 1978; Raikes, 1981; Sanford, 1983; Evangelou, 1984; Simpson and Evangelou, 1984; Glantz, 1987; Bovin and Manger, 1990; Stone, 1991; Little, 1992, Baxter, n. d. (см. также многочисленные публикации различных институтов и агентств по развитию).

Новые исследования по кочевникам Тибета (Clarke, 1987; Goldstein and Beall, 1989, 1991) по вполне понятным причинам немногочисленны. В течение последних двух десятилетий страна остается малодоступной для западных антропологов. Зато растет количество литературы по скотоводству в зоне северного оленеводства Фенноскандии и на Российском Севере. Новые исследования уделяют внимание как историческим, так и современным аспектам оленеводства (см., например, Ingold, 1976; Гуревич, 1977; Nickul, 1977; Ingold, 1980; Beach, 1986; Aikio, 1989; Крупник, 1989; Beach, 1990; Помишин, 1990; Beach and Aikio, 1992).

По причинам, разъясняемым в этой книге, в ней не отводится много места проблеме скотоводов Южной Азии. Все же некоторые новые публикации заслуживают упоминания. Книга Винка (Wink, 1990) содержит важную информацию о миграциях кочевников в Индию в средние века (см. также Азимжанова, 1977; Chaudhuri, 1990: 138—44, 263—96). Современное положение скотоводов Индии рассматривается в сборнике, опубликованном Мисрой и Малхотрой (Misra and Malhotra, 1982; см. также Sontheimer, 1976; Gadgil and Malhotra, 1979; Rao and Casimir, 1982; George, 1985; Salzman, 1986; George, 1990; Gooch, 1992). Больше информации можно найти в малоизвестных, по международным стандартам, индийских журналах и правительственных отчетах с ограниченной циркуляцией.

Практически не упоминается в этой книге высокогорное или альпийское скотоводство (трансхьюманс) в Европе (включая Средиземноморье), а также на Кавказе, в Альпах, поскольку оно является и, вполне очевидно, всегда было не чем иным, как специ-

ализированной отраслью сельскохозяйственной экономики (об археологических и исторических свидетельствах трансхьюманс и его эволюции в Европе см. Whittaker, 1988). Бродель был совершенно прав, отмечая, что «высокогорное или альпийское отгонно-пастбищное скотоводство (transhumance) даже в его самой неорганизованной форме, относится только к специализированной группе — пастухам. Оно основано на разделении труда и на оседлом земледелии, приносящем регулярные урожаи, со стационарными жилищами и деревнями» (Braudel, 1972: 87). В этом плане, горное скотоводство в Европе весьма отличается от полукочевого и кочевого скотоводства, практиковавшегося на Тибете или Памире. Его отличает то, что когда индивиды, общины или группы населения в Европе специализировались на скотоводческой деятельности, они никогда не составляли отдельного общества, а оставались частью оседлого общества, сохраняя тесные социальные связи с оседлым земледельческим населением. Они обычно разделяли его культуру и его основные ценности и нормы, хотя иногда в слегка измененной форме. Как Барфилд (Barneld, 1993: 5) остроумно заметил: «Хейди не является историей о швейцарской девушке -кочевнице, хотя каждое лето она пасла коров и коз». В этом отношении скотоводы, выпасающие лам в Латинской Америке, не представляют исключения (из последней литературы о них см. Orlove, 1977; Flores-Ochoa, 1979; Orlove, 1981; Browman, 1987; Brotherton, 1989; Flannery et al, 1989; Browman, 1990).

В Новом Свете индейцы-арауканцы в пампасах, по-видимому, представляли собой скотоводческое общество, пока они не были разбиты в ходе кампаний генерала Хулио Рока в 1879—1980 годах. Скотоводство в Новом Свете продолжают практиковать навахо (Navaho, Navajos), обратившиеся к этому роду экономической деятельности после восстания индейцев пуэбло в 1680 году (Underbill 1956: 41-3; Vogt, 1961: 296; Ellis, 1974: 309—24, 481; см. также Kluckhohn and Leighton, 1962; Downs, 1964a; Terrel, 1970; Iverson, 1981).

Я по-прежнему отказываюсь считать скотоводами индейцев Великих Равнин. Поскольку некоторые ученые критиковали мое мнение, я считаю себя обязанным обосновать его подробнее.

Многие исследователи согласятся с тем, что важнейшими характеристическими чертами культур индейцев Великих Равнин, имеющими отношение к данной дискуссии, являются следующие:

1. Как и скотоводческие культуры, они развились и функционировали в засушливой зоне, плохо приспособленной для мотыжного земледелия (Webb, 1931), и в обоих случаях наличие транспортных животных облегчало освоение широких территорий.

2. В отличие от скотоводческих культур Старого Света, культуры индейцев Великих Равнин не имели местных предшественников. Они не формировались спонтанно и не возникали в результате обычной диффузии. Напротив, они выросли из раннего колониализма. Культуры индейцев Равнин были созданы теми группами коренного населения, которые под давлением евро-американцев вынуждены были забросить или изменить свою прежнюю экономическую деятельность, включая мотыжное земледелие и приспособиться к новой географической и физической обстановке (Ewers, 1955: 152; Wedel, 1961: 284—92). Это приспособление было облегчено заимствованием лошадей и огнестрельного оружия.

3. За исключением собаки, лошадь была единственным одомашненным животным у индейцев Равнин; они не разводили овец и коз. Однако и лошадей у них было немного, не больше, чем по две на одного человека (Barsh, 1990: 104). Более того, племена Равнин не ели конину, разве что в редких случаях. Основой их экономики, ориентированной на удовлетворение непосредственных жизненных потребностей, была охота на бизонов, но весьма отличавшаяся от пешей охоты на крупную дичь и не имевшая аналогов в большинстве других охотничьих культур (Murdock, 1968: 13—15). Одним из немногих неполных исключений служит охота, практиковавшаяся некоторыми группами таежной и тундровой зон Евразии, которые держали одомашненных оленей преимущественно для транспортных целей или как приманку. В то же время, их хозяйство на протяжении многих столетий продолжало основываться преимущественно на добыче пищи.

4. Хотя лошади не предназначались непосредственно как продукт питания для индейцев Равнин, их наличие способствовало

интенсификации охоты. Кроме того, наличие лошади привнесло некоторые элементы скотоводства в их хозяйство, поскольку этих животных надо было пасти, обеспечивать кормами и т. п.

5. Хотя лошадь в культурах индейцев Великих Равнин приобрела культурную и социальную ценность, имеющую аналоги в скотоводческих культурах, новая социальная стратификация и сопутствующие ей институты, такие как милитаризм, не обязательно были связаны именно с заимствованием этого животного (ср. Ewers, 1955). Надо принять во внимание также общие исторические условия, возникавшие в этом регионе, включая различные стороны воздействия евро-американцев.

То, как называть индейцев Равнин: конными охотниками или кочевыми скотоводами, во многом зависит от общей концепции скотоводства. Если согласиться с Оливером (Oliver, 1962a: 35), что скотоводство является социокультурной системой, образом жизни, то надо будет обратить особое внимание на его сходство с верховой охотой индейцев Великих Равнин. Точно так же, если следовать Инголду (Ingold, 1986: 167), склонному подчеркивать подвижность как основной элемент кочевого скотоводства, различие между скотоводством и верховой охотой станет практически незаметным. Однако для меня скотоводство представляет собой особый тип (или скорее типы) экономики, связанной с производством пищи, и в этом отношении вполне отличающимся от верховой охоты. Индейцы Равнин не были типичными охотниками; тем не менее, они оставались охотниками. Поэтому главное направление экономики, основанной на присвоении пищи отличалось от скотоводческой экономики, основанной на производстве пищи. Соответственно, имеются четкие отличия как в характере периодических передвижений верховых охотников и скотоводов-кочевников, так и в факторах, определяющих их годичный экономический цикл (Oliver, 1962). В основном естественное передвижение стад бизонов непредсказуемо (Barsch, 1990: 14, 15), хотя иногда индейцы умели направлять их в нужном для успешной охоты направлении. Кроме того, причины, лежавшие в основе сходства отдельных культурных элементов в обществах верховых охотников и скотоводов-кочевников, также были иногда различными.

Например, если индейцы Равнин специально поджигали траву, чтобы облегчить охоту на бизонов, то кочевники евразийских степей практиковали этот способ не столько в целях охоты, сколько для того, чтобы расширить пастбища для домашнего скота. В силу всех этих причин предположение о том, что индейцев Великих Равнин надо причислять к скотоводам, переоценивает скотоводческую сторону их экономики.

Инголд (Ingold, 1986: 167) подозревает, что нежелание ученых признать нomaдизм охотников и собирателей является антропологическим отражением довольно распространенного презрения скотоводов к их соседям — охотникам-собирателям. Он даже обвиняет таких ученых в моральной предубежденности. Однако в научной работе всегда лучше полагаться на факты, нежели на чувства, которые очень часто обманчивы, и я боюсь, что Инголд в данном случае борется с ветряными мельницами. Ни я, ни, насколько я знаю, другие современные антропологи не имеют каких-либо предубеждений против охотников-собирателей; более того, Инголд не приводит никаких доказательств, утверждая, что скотоводы презирают охотников, или, по крайней мере, что они презирают их сильнее, чем оседлые земледельцы. Робертшоу (Robertshaw, 1989: 211) правильно отмечает, что презрительное отношение скотоводов к охоте могло иногда намеренно демонстрироваться ученым-этнографам их информаторами. В любом случае ситуация в Восточной Африке не является универсальной. Но даже там презрение к охоте гораздо больше связано с социальными факторами, чем с отличиями в формах занятости. В евразийских степях, так же как на Ближнем и Среднем Востоке, скотоводы всегда высоко ценили охоту.

Последние исследования, особенно по Леванту и соседним с ним территориям, ареалам, а также некоторым другим регионам, продвинули наше знание о начальных этапах domestikации животных и земледелия, первобытных формах экстенсивного скотоводства и распространения скотоводства по ойкумене (см., например, Шнирельман, 1980; Clutton-Brock, 1981, 1981a; Gauthier-Pikers and Dagg, 1981; Rowton, 1981; Clutton-Brock and Grigson, 1983,

1984; Gilbert, 1983; Grigson and Clutton-Brock, 1984; Mason, 1984; Rindos, 1984; Clutton-Brock, 1987; Rosen, 1988; Russel, 1988; Browman, 1989; Clutton-Brock, 1989a; Helmer, 1989; Шнирельман, 1989; Zagarell, 1989; Gauthier, 1990; Hemmer, 1990; Помишин, 1990; Zarins, 1990; Cribb, 1991; Bar-Yosef and Khazanov, 1992). Очевидно, в биологическом и культурном отношении процесс одомашнивания животных включал следующие стадии: выбор видов, подходящих для доместикации, поимку индивидуальных животных, их дальнейшую изоляцию, приручение, поведенческий контроль, контролируемое размножение (морфологические изменения), диффузию (перемещение животных в новые природные районы и их адаптацию к новому окружению (включая гибридизацию).

Недавние исследования по доисторическому Леванту подтверждают мой вывод о том, что животноводство там развилось не из охоты и что процесс одомашнивания был инициирован и проводился не охотниками, а в основном ранними земледельцами (Helmer, 1989). Растет количество свидетельств о том, что доместикация растений предшествовала одомашниванию животных. Первобытные охотники-собиратели, так же как их исторические собратья, способны были приручить многих животных. Из этнографических данных известно, что им нравилось держать различных млекопитающих, птиц и даже рептилий как ручных животных. Прирученные животные обычно держались ∂^{\wedge} развлечения, а иногда и для практического использования. Однако во многих важных отношениях приручение очень отличается от доместикации. Последнее предполагает регулярное размножение домашних животных и, в конечном счете, изменяет их генотип благодаря естественной и, особенно, искусственной селекции.

Одомашнивание требовало, по крайней мере, три предпосылки: (1) хорошее знание поведения животных, предназначавшихся для одомашнивания; (2) относительно оседлый образ жизни; (3) наличие избытка сельскохозяйственных или растительных продуктов, который мог быть использован в качестве корма. Охотники, особенно специализированные определённо отвечали первому условию, но, как правило, не второму и третьему. Тем не менее я не могу полностью

исключить возможность того, что в некоторых случаях domestикация животных происходила в общинах, практиковавших интенсивное собирательство диких растений и последующее хранение их запасов наряду со специализированной охотой, с использованием различных ловушек, загонных и т. п. Например, некоторые ученые настаивают на том, что одомашнивание животных, принадлежащих к семейству камелидов (*Camelidae*) в Южной Америке предшествовало возникновению земледелия (Browman, 1989; McGreevy, 1989).

С другой стороны, этнографические и исторические данные свидетельствуют в пользу более правдоподобной гипотезы, что охотники могли переходить к скотоводству, заимствуя уже одомашненных животных. Менее ясно, было ли достаточно заимствовать только «идею одомашнивания», хотя некоторые ученые считают это вполне вероятным. Так, многие полагают, что скотоводство было самой ранней формой производящей экономики в Сахаре и что одомашнивание крупного рогатого скота было там локальным явлением, достижением эппалеолитических групп, которые не практиковали земледелие (см. например, Muzzolini, 1983; Banks, 1984; Holl, 1989; Clutton-Brock, 1989). Все же едва ли стоит переоценивать возможность заимствования охотниками одомашненных животных и, особенно, идеи domestикации. При всех обстоятельствах, это не могло быть главным путем распространения скотоводства. В этом отношении примечательны этнографические материалы. Они свидетельствуют о том, что охотники наиболее охотно заимствовали таких животных как собаки, лошади, северные олени и даже верблюды, которых они использовали в качестве манков на охоте, либо транспортного средства, т. е. лишь для того, чтобы повысить эффективность их традиционного присваивающего хозяйства (Шнирельман, 1980: 216—217).

Еще менее вероятной представляется возможность того, что кочевое скотоводство в чистом виде существовало уже в доисторические времена. Несмотря на все более совершенные методы археологического исследования, в большинстве случаев мы все еще не можем с уверенностью отличать сезонные стоянки, оставленные кочевниками или полукочевниками, от тех, которые при-

надлежали группам, практиковавшим отгонно-пастбишное скотоводство, в котором только часть населения более или менее специализировалась на скотоводческой деятельности. Более того, всегда есть риск, что археологические данные об отдельном сегменте общества могут быть ошибочно распространены на таксономические подразделения более высокого уровня, особенно если этому сегменту присущи некоторые культурные особенности.

Этнографические материалы могут служить в качестве параллелей и сравнительных данных в наших моделях первобытного прошлого, но вряд ли они могут служить в качестве прямых аналогий для археологических реконструкций. Исследователи доисторического периода часто предпочитают использовать современные данные, например, этнографические аналоги вместо исторических данных. Учитывая разнообразие форм скотоводства, существовавших даже в пределах одних и тех же экологических зон, использование этнографических аналогов требует особой осторожности применительно к Ближнему и Среднему Востоку, и, как я подозреваю, также к Африке, южнее Сахары. Например, Шерратт (Sherratt, 1981, 1983) представил серьезные аргументы в поддержку своей гипотезы о том, что вторичная продукция от овец, коз и крупного рогатого скота, включая молоко, шерсть, тягу и грузовой транспорт, начала интенсивно использоваться только в V и IV тысячелетиях до н. э. Вполне возможно, что только после этого скотоводство начало приобретать сходство, при этом далеко неполное, с формами, известными в истории или используемыми в наших этнографических аналогах.

Все эти различия можно игнорировать, если согласиться с мнением археолога Крибба (Cribb, 1991: 16) о том, что «поиск полностью кочевого общества следует прекратить, а вместо этого принять иной подход, который признает, что существуют лишь тенденции к номадизму, проявляющиеся в различной степени в целом ряде обществ и групп населения». Однако не следует забывать, что игнорирование проблемы не означает ее решения.

Я по-прежнему полагаю, что для возникновения кочевого скотоводства с широким использованием для верховой езды лошадей и верблюдов должны были иметься особые предпосылки

и причины, а также длительный период времени для вызревания и развития. Чисто кочевое скотоводство в евразийских степях появилось поздно и еще позднее — на Ближнем Востоке (см. Zarins, 1989). Примечательно, что ни шумерский, ни аккадский языки не имели эквивалента понятию «номад», поскольку в то время скотоводство было гораздо менее специализированным и существовало много племен или групп как с кочевым, так и оседлым сегментами (Rowton, 1981: 28). Нельзя исключить, что лошадь и, возможно, даже верблюд стали использоваться для верховой езды раньше, чем это предполагалось еще недавно (Anthony and Brown, 1991). Однако широкое распространение эта практика получила гораздо позже. До сих пор нет бесспорных свидетельств того, что регулярная верховая езда предшествовала колесному транспорту.

Новые данные о возникновении и распространении скотоводства в Африке обобщены Смитом (Smith, 1992; см. также Webster, 1979; Spear, 1981; Ehret and Posnansky, 1982; Clark and Brandt, 1984; Robertshaw, 1989; Maggs and Whitelaw, 1991; Sadr, 1991). Тем не менее многие важные вопросы все еще остаются спорными. Один из них заключается в том, были ли одомашненный крупный рогатый скот, как и мелкий, заимствован в Северной Африке и Сахаре с Ближнего Востока или же он был одомашнен на месте, после того как концепция одомашнивания распространилась в регионе. Другой важный вопрос — имел ли место в Сахаре, и еще больше, в некоторых других регионах Африки прямой переход от охоты к скотоводству. Третий, также еще не решенный вопрос — как широко одомашненные животные и скотоводческая практика были распространены в Африке еще до появления там земледелия. *Argumentum ex silentio**, определенно, не является лучшим доказательством. Так, Робертшоу и Колле (Robertshaw and Collet, 1983) выдвинули гипотезу, что население эпохи неолита в Восточной Африке на самом деле практиковало смешанный тип экономики, а отсутствие семян от культивированных растений в их поселениях могло быть вызвано рядом факторов. Миграция

* Довод, почерпнутый из умолчания (*lat.*).

земледельцев эпохи раннего железа (200—300 гг. и. э.) предоставила скотоводам первую возможность получать зерно, не выращивая его самим, и таким образом, около 500 года н. э. их экономика стала более специализированной (ср., однако, Marshall, 1990). Однако возникновение подлинного скотоводства в Южной Африке, по всей видимости, относится к еще более позднему времени (Denbow, 1986).

Одной из насущных проблем, которой в силу ряда причин не было уделено подобающего ей внимания в первом издании этой книги, является проблема неустойчивого положения кочевых скотоводов и мобильных скотоводов в целом, в современном мире. За последние десятилетия на эту тему опубликовано много ценных исследований и материалов (см. например, Salzman, 1980; Galaty, Aranson, Salzman, Chouinard, 1981; Raikes, 1981; Salzman, 1982; Sanford, 1983; Simpson and Evangelou, 1984; Bovin and Manger, 1990; Galaty and Johnson, 1990; Galaty and Bonte, 1991; см. также многочисленные публикации Института проблем развития, Университета Сассэкс (University of Sussex), Скандинавского Института африканских исследований и многих других). Это значительно облегчает мою попытку дать краткий и весьма импрессионистский обзор проблемы. В самом общем виде можно сказать, что современное, более чем плачевное положение экстенсивных скотоводов связано с их изменяющимися отношениями с внешним миром. В этом отношении, их прошлое было уникальным, их настоящее — ненадежно, их будущее — сомнительно. Имеется достаточно большое количество людей, утверждающих, нередкое одобрением, что у них вообще нет будущего. В прошлом, подвижные скотоводы во многих регионах имели определенные военные и социальные преимущества во взаимоотношениях с их оседлыми соседями. Эти преимущества часто позволяли им преодолевать недостатки их специализированной, но ориентированной на удовлетворение насущных жизненных потребностей экономики, используя внеэкономические методы, переводя эти взаимоотношения из сугубо экономической плоскости в политическую. Иначе говоря, их

военное превосходство и неразвитость общественного разделения труда оборачивались рычагом их политического могущества. Это было особенно характерно для кочевников евразийских степей, а также Ближнего и Среднего Востока, у которых каждый взрослый мужчина был воином и большинство были воинами-всадниками.

Упадок скотоводческих обществ начался на заре Нового времени, когда оседлые жители усовершенствовали и военное дело! Парусники и затем, пароходы были более эффективным средством передвижения, чем караваны; а регулярные армии оседлых государств увеличили использование огнестрельного оружия и его точность на дальнем расстоянии и стали более сильными, чем иррегулярная конница кочевников (см. Headrick, 1981). Континентальные империи: Россия, Китай и Османская Турция одними из первых вторглись на территории мобильных скотоводов. Другие последовали за ними. Эти изменения проявились в некоторых частях света раньше, чем в других, но, в конечном счете, процесс во всем мире пошел по одному и тому же пути. Сначала скотоводы потеряли свое бывшее военное преимущество, затем свою политическую независимость, после чего они были вынуждены приспособиться «к силам, находившимся вне их контроля, включая экономику модернизированного или модернизирующегося оседлого мира. Увеличивающаяся зависимость от колониальных держав, национальных правительств и внешнего мира в целом, оставшихся чуждой силой для большинства скотоводов, имела для них несколько отрицательных последствий. Она сократила размер территории, занятой ими, подорвала их экономику, основанную на удовлетворении непосредственных потребностей, и нарушила стабильность их обществ.

Во многих странах вторжение земледельцев в скотоводческие ареалы происходило за счет экспансии аграрного населения и намеренной антискотоводческой политики колониальных держав и национальных правительств. Например, в Центральной Азии, задолго до большинства революций Российское правительство изымало летние пастбища казахов и иногда даже их зимние стоянки (Demko, 1969), заселяя их сначала казаками, а затем русскими крестьянами-переселенцами. Около полутора миллионов

новых колонистов из европейской части России мигрировали в Казахстан, и в конце XIX и начале XX столетий (Дахшлейгер, 1965: 51) казахские скотоводы-кочевники постепенно были вытеснены в аридные зоны Центрального и Южного Казахстана. Позднее так называемая «кампания освоения целины» 50-х годов, целью которой было превращение огромных пространств Северного Казахстана в центр по производству пшеницы, повлекла за собой переселение в страну еще от 1,5 до 2 миллионов новых мигрантов из европейской части СССР. Во время этой кампании скотоводческие хозяйства были закрыты, а большинство занятых в них казахов не были допущены к зерновому производству.

Сходные процессы происходили и за пределами Центральной Азии. В южной Монголии китайская крестьянская колонизация оттеснила кочевников на маргинальные земли и даже превратила их в этническое меньшинство в их некогда родной стране (Lattimore, 1940).

В Южной Африке, Свазиленде, Лесото, Ботсване и Зимбабве колониальное правление не только ограничило количество земель, использовавшихся коренными скотоводами, но даже наложило ограничения на их передвижения (Silitsheva, 1990; Smith, 1992: 218 ff.). В Кении маасаи и другие скотоводы потеряли значительную часть своих пастбищ во время и после колониального периода. Потери произошли, прежде всего, за счет миграции белых поселенцев, а затем, постепенной экспансии коренных земледельцев на земли маасаев, а также в результате создания природных заповедников (Hjort af Ornäs, 1990: 97; ср. Bernus, 1990: 167 ff.; Bovin, 1990 о зоне Сахеля; или Loiske, 1990: 82—83 о Танзании; обобщающие данные о ситуации в Африке см. в Galaty and Bonté, 1991a).

Подобная политика проводилась также многими правительствами в странах Ближнего и Среднего Востока. Например, в Иране закон о земельной реформе 1962—63 годов сделал неосвоенные земли, включая пастбища, собственностью государства (Beck, 1986: 157, 251; Black-Michaud, 1986: 209—10; Bradburd, 1990: 21). В Сирии, в 1958 году, правительство объявило все неосвоенные степные и пустынные земли общественной собственностью и стре-

милось внедрить земледелие в области, занятые скотоводами (Bahhady, 1981: 260—1; Lewis, 1987: 186; Shoup, 1990: 198).

В другой части света, в Скандинавской Арктике и Сибири, многие пастбища, использовавшиеся оленеводами, были потеряны из-за внедрения северного земледелия и особенно развития гидроэнергетики и добывающих отраслей промышленности (Paine, 1982; Савоскул и Карлов, 1988: 166—8; Morris, 1990: 198—202; Beach, 1990: 261—2; Beach, Anderson and Aikio, 1992: 60; Forsyth, 1992: 402—3). Положение оленеводов в России намного трагичнее, чем это иногда представляется, несмотря на заявления, что индустриализация Российского Севера не представляла опасности для их скотоводческой практики и что государственные оленеводческие хозяйства заслуживают всяческих похвал (Beach, 1990: 293). На самом деле, ситуация была прямо противоположной, и в настоящий момент не только оленеводство, но даже практикующие его этнические группы находятся в большой опасности. Коренные народы Российского Севера стали дискриминируемыми и бессильными группами населения, утратившими контроль над собственными судьбами. Продолжительность жизни коренного населения Сибири к настоящему времени не превышает 43 года. Это на 18—20 лет меньше, чем в среднем по России, и на 29 лет меньше, чем продолжительность жизни у эскимосов Канады и Аляски. В Советском Союзе индустриальное развитие Севера и политика Советского правительства в отношении коренного населения этого региона привели к очень негативным последствиям для экологии региона и разрушению традиционных способов существования. Охота и рыболовство находятся в упадке, а популяция северных оленей (1 800 800 голов) является рекордно низкой для двадцатого века (Пика и Прохоров, 1988: 78,80).

Вследствие индустриального развития северные пастбища уменьшились на 20 миллионов гектаров. Это оставило 100 000 северных оленей без пастбищ. В Магаданской области число оленей уменьшилось с 1 000 000 в начале 70-х годов до 600 000 в конце 80-х годов. В Ханты-Мансийском автономном округе количество оленей сократилось с 71 000 в 1930 году до 52 000 к 1982 году, и количество их продолжает снижаться (Соколова, 1990: 158).

Значительная часть пастбищ на полуострове Таймыр была буквально сожжена ядовитыми газами и кислотными дождями — побочными продуктами промышленности Норильска. К тому же, газопровод Моссо-яха—Норильск перерезал миграционные пути диких оленей, вынудив их конкурировать за одни и те же пастбища с домашними оленями. Металлические и капроновые ограждения, установленные в тундре в 80-е годы, привели к перевыпасу и дальнейшей деградации пастбищ (Тарасов, 1993: 6). Еще до начала добычи газа на полуострове Ямал пастбища уже были изувечены колесами и гусеницами тяжелой техники. Каждое пробное бурение нефтяных скважин оставляет от 4 до 9 гектаров отравленной земли. Ожидается, что к 2000 году пастбищные угодья на Ямале сократятся, как минимум, вдвое (Leibzon, 1992: 4).

Советский режим стремился проводить на Севере политику насильственной седентаризации (перехода на оседлость), а в организационном отношении использовать для коренных систем жизнеобеспечения, основанных на удовлетворении непосредственных потребностей, совхозно-колхозную модель, как она сложилась в земледелии и скотоводстве. Правительство приказало коренным жителям осесть в крупные поселения, где они составляли презируемое и дискриминируемое меньшинство среди русского населения. Значительная часть коренного населения оказалась безработной, в лучшем случае, стала неквалифицированной, занятой тяжелым физическим трудом рабочей силой. К концу 50-х годов более чем 70 процентов коренного населения на Российском Севере еще занимались оленеводством, охотой и рыболовством; к концу 80-х годов в эти отрасли были вовлечены только 43 процента коренных жителей. Менее чем 10 процентов коренного населения продолжали кочевой образ жизни; большинство из них были пастухами, вынужденными многие месяцы в году проводить со стадами, вдали от своих семей (Пика и Прохоров, 1988: 77). К тому же, навязанная государством практика посылать детей коренных жителей в отдаленные школы-интернаты, против воли их родителей, привела к их аккультурации и отчуждению от родного языка, этнических культур и традиционных занятий.

Катастрофическое уменьшение поголовья оленей, люмпенизация и массовая безработица среди коренного населения Российского Севера разрушили их традиционные образ жизни, систему ценностей и питания и обернулись тяжелыми последствиями для их здоровья, бедностью, распространением алкоголизма и высоким уровнем самоубийств. Другим результатом стала неспособность многих из них создать семью: они обречены на одиночество. Несколько лет назад Российское правительство впервые признало, что северные скотоводы находятся в катастрофической ситуации. Однако представляется, что до сих пор желание изменить что-либо к лучшему остается чисто декларативным. Несмотря на многочисленные конференции и другие подобные мероприятия отчасти пропагандистского характера, не заметно серьезного желания обратить внимание на реальные проблемы. Некоторые эксперты утверждают, что денег, потраченных на всю эту шумиху, было бы достаточно, чтобы обеспечить аборигенов Севера пристойным жильем и утварью. Между тем ситуация продолжает ухудшаться. Летом 1993 года у скотоводов Таймыра в течение полутора месяцев не было даже хлеба, чтобы накормить своих детей (Тарасов, 1993: 6).

Экстенсивное и подвижное скотоводство не может выжить в наши дни в своем традиционном виде. Поэтому определенная модернизация его неизбежна. Термин «модернизация» сейчас немоден и заменен расплывчатыми эвфемизмами типа «развитие» или «изменение» только потому, что в 50-е и 60-е годы некоторые приверженцы модернизации придерживались теории «конвергенции» и полагали, или надеялись, что все современные общественно-экономические системы будут иметь сходные институциональные черты. По их мнению, это должно было неизбежно привести к установлению либеральной демократии. Теперь многие теоретики полагают, что стремление представить западную модель социо-политического развития в качестве универсальной было ошибочным. Однако я все еще считаю, что термин здесь ни при чем, если не вкладывать в него конкретного идеологического смысла. В то же время многочисленные неудачи и ошибки в процессе модернизации привели нас к пониманию того,

что он включает в себя глубокую трансформацию существующих социальных, экономических и культурных институтов, которые могут облегчить или затормозить этот процесс. Недавние провалы в попытках модернизации во многих странах «третьего мира» доказали, что этот процесс сопряжен со многими трудностями, особенно, если особые пути и модели модернизации навязываются извне. Очевидно, что разрушение и вытеснение традиционных форм социальной и экономической организации не обязательно гарантируют развитие нового устойчивого строя. Напротив, часто это ведет к дезорганизации и хаосу (Eisenstadt, 1973, 1983).

Модернизация все еще остается чуждой концепцией для большинства кочевников и подвижных скотоводов на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной и Внутренней Азии, Африке и некоторых других регионах, несмотря на то, что прямые и намеренные попытки модернизации в форме государственного планирования и различных программ развития очень часто направлены именно на скотоводов. Ясно, что когда модернизация понимается преимущественно как постоянные технологические инновации и экономический рост — эта концепция остается неприменимой к подвижным скотоводам до тех пор, пока они не станут специализированной, но интегрированной частью современного общества, имеющей свою долю в широком распределении его благ. Эта проблема в настоящий момент не является чисто научной; как все проблемы, связанные с развитием, она стала важной политической, экономической, экологической и гуманитарной проблемой. Не только антропологи, но и социологи, экономисты, эксперты в области развития, политики, международные организации и государственные учреждения, а также многие другие, вовлечены в ее решение, но зачастую с разрушающими последствиями для самих скотоводов (Khazanov, 1990; 1990a).

Экономический аспект проблемы состоит в следующем. Экологические, экономические и социальные основания традиционного мобильного скотоводства делают его неспособным к долговременному стабильному экономическому росту, основанному на увеличении продуктивности. В прошлом скотоводческая экономика никогда не была ориентирована на получение постоянной прибыли-

ли или на целенаправленное удовлетворение требований рынка. Напротив, она была ориентирована на удовлетворение насущных жизненных потребностей, хотя при этом едва ли когда-либо была самодостаточной. Однако в настоящее время скотоводы все больше, вовлекаются в региональные или международные системы, основанные на монетарной экономике и увеличении производства, приносящего прибыль.

Экономики, ориентированные на непосредственное жизнеобеспечение, даже специализированные, легко перенапрягаются, когда они становятся зависимыми от рыночных транзакций и вынуждены производить в соответствии с законами современной рыночной экономики, направленной на получение прибыли. Они попадают в стрессовое состояние потому, что их традиционные производственные технологии не соответствуют требованиям рыночной экономики. Стресс становится еще сильнее, если технологии простого воспроизводства, подвергаясь некоторой модернизации, одновременно продолжают функционировать в рамках традиционных форм социальной организации и землевладения. Традиционным экономикам трудно не только конкурировать, но даже адаптироваться к современной экономике. Поэтому продолжать вести традиционное подвижное скотоводческое хозяйство в современном экономическом климате становится все более трудным делом. Скотоводы должны либо модернизировать свою экономику, либо сделать ее еще более специализированной, но в соответствии с требованиями коммерческого производства, или, напротив, сделать ее более диверсифицированной, дополнив иными формами современной экономической деятельности. В противном случае они сталкиваются с риском дальнейшей маргинализации и инкапсуляции (как бедуины Египта; см. Hobbs, 1989) или становятся приманкой для романтиков и туристов, для которых якобы вечные и неменяющиеся скотоводы представляют собой «других», коллекцию живого музея (см., например, Lavie, 1990 о бедуинах мзейна Южного Синая во время израильской оккупации). В этих условиях социальные последствия могут быть деструктивными.

Между тем подвижное скотоводство в его традиционных, тем более чисто кочевых формах, как оно существовало в течение

нескольких тысячелетий, и остатки которого некоторые из нас могут наблюдать в наших полевых исследованиях, если еще окончательно не мертво, то умирает. Оно умирает, потому что оно оказалось несовместимым с современным индустриальным обществом. Так же как традиционные общества все больше и больше трансформируются в модернизированные или модернизирующиеся общества, или все сильнее вовлекаются в их орбиту, традиционные скотоводческие общества все больше трансформируются в общества различного типа. Я не вижу каких-либо устойчивых тенденций, способных сильно затормозить этот процесс и тем более повернуть его вспять, хотя по экономическим и социальным причинам радикальный переход от одного образа жизни к другому всегда очень болезнен и, нередко, не очень успешен.

Как же следует подойти к проблеме традиционных мобильных скотоводов в нашем «Смелом Новом Мире», и какая модель модернизации является наиболее приемлемой для них? На мой взгляд, сама формулировка проблемы в таких терминах является ошибочной. Прежде чем внедрять любую политику развития, необходимы, по крайней мере, диалог и переговоры с населением, которому различные организации стремятся помочь. Следует спросить, не что делать со скотоводами, а что сами скотоводы хотят и должны делать, чтобы приспособиться к неизбежным последствиям процесса модернизации. Только в такой последовательности можно понять, как помочь скотоводам в этом очень болезненном процессе. Однако правительства и международные агентства часто действуют по-другому; они предпочитают говорить и решать сами, а не делегируют решения непосредственным участникам процесса развития. Правда, иногда организовать местное участие далеко не просто. И все же, логика тех, кто принимает решения за скотоводов, даже если они не связаны с особыми политическими интересами, остается неизменной и основана на двух утверждениях. Первое — в нашем индустриальном обществе (следует ли уже называть его, как это некоторые делают, постиндустриальным?) подвижные скотоводы просто уже не могут больше сохранять свой традиционный образ жизни и свою традиционную, направленную на обеспечение непосредственных жиз-

ненных потребностей экономику, и должны приспосабливаться к императивам современного мира. Второе — сами скотоводы неспособны разработать эффективные стратегии приспособления; поэтому они нуждаются в патернализме и руководстве. Первое утверждение представляется мне правильным, второе — ошибочным.

До сих пор были предложены и прошли испытание на практике два основных решения проблемы традиционных скотоводов. Во многих случаях результаты оказались разочаровывающими. Первое из них, большинство сторонников которого были экспертами из стран Запада, имело своей целью трансформацию традиционных скотоводов в коммерческих производителей скота или даже владельцев ранчо капиталистического типа. Однако, за немногими и неполными исключениями, различные схемы и проекты скотоводческих ранчо оказались неподходящими во многих пустынных и полупустынных зонах и в силу очевидного несоответствия природным условиям. Выпадение осадков здесь часто непредсказуемо, большинство пастбищ являются сезонными, их продуктивность низка и сильно меняется от года к году. Оптимальное использование их кормовых ресурсов скотоводами требует свободы их передвижения со стадами на обширной территории.

Неудивительно, что политика поощрения приватизации пастбищных земель или закрепление их за определенными группами, как, например, попытки внедрить систему ранчо, предпринятые в некоторых африканских странах, в лучшем случае, имела очень незначительный успех (Raikes, 1981; Sandford, 1983; Simpson and Evangelou, 1984). Так, в Кении, приватизация больших территорий, ранее принадлежащих маасаи, с целью создания на них «прогрессивных» ранчо, производящих говядину, в соответствии с провозглашенным принципом капиталистического развития национальной экономики, была приостановлена. Выяснилось, что не имеется достаточных земельных ресурсов для ее осуществления. Эта практика на самом деле снижала возможность использования всех земель маасаи в целом для нужд скотоводства. На смену пришла политика создания и предоставления земли групповым ранчо, т. е. объединениям, состоящим из нескольких семей и оперирующим как коммерческие предприятия. Однако эта политика противоре-

чит традиционному сезонному использованию пастбищ. Одновременно она поставила многих скотоводов в ущемленное положение и усилила социальную напряженность. Многие маасаи становились свидетелями того, как общие пастбища присваивались их более успешными соплеменниками или даже людьми со стороны. Процесс превращения «пастбищ» в «землю» не только подрывает традиционный образ жизни маасаи; он также становится настоящей угрозой коллективному существованию (Galaty, 1980: 161; Evangelou, 1984; Halderman, 1987; Bennett, 1988: 49; Graham, 1988; Bekure and Pasha, 1990; Hjort af Ornäs, 1990: 98; Galaty, 1992; 26 Little, 1992).

Другая проблема состоит в том, что администраторы и специалисты, ответственные за планирование, пытались превратить традиционных скотоводов в коммерческих производителей, не учитывали, что производство обусловлено не только экономическими, но также социальными и культурными факторами. Поэтому они игнорировали особенности социальной организации и землевладения традиционных скотоводов, и в частности, их мнение о том, что земля не имеет рыночной стоимости и не представляет собой частную собственность.

В конечном счете многие проекты по скотоводству в 60-е и 70-е годы испытывали влияние западной экономической теории и предполагали, что соответствующие экономике-технологические внедрения автоматически принесут желаемые экономические результаты. Однако многие скотоводческие группы, особенно в Африке, неохотно производят для рынка, поскольку скот для них — не только средство существования, но также форма богатства, социальный капитал, источник престижа и уважения, связанный с особыми культурными ценностями. Кроме того, эти проекты подразумевали, что цены на скот обеспечат стимул для развития скотоводства на коммерческой основе. Но национальные правительства, устанавливавшие цены для производителей и потребителей на животных и продукцию животноводства, часто предпочитали держать их на искусственно заниженном уровне, чтобы угодить растущему городскому населению (Raikes, 1981: 189; Bennett 1988-

Система неогороженных ранчо, развившаяся в западной части Северной Америки в последней четверти XIX и первой половине XX столетий, а также в ряде других стран, как, например, Аргентине или Австралии, изначально во многом отличалась от традиционной скотоводческой экономики. Прежде всего, она отличалась совсем иным характером земельной собственности и тем, что она функционировала в рамках капиталистической, ориентированной на получение прибыли экономики (Atherton, 1961; Frantz and Choate, 1955; Gilles, 1987). С самого начала скот производился для продажи. В отличие от Среднего Востока, Центральной Азии и Африки, в Америке не было периода, когда скотоводческое производство было бы ориентировано на удовлетворение непосредственных жизненных потребностей. «...Североамериканские скотоводы, несмотря на их романтические традиции, изначально были бизнесменами» (Bennett, 1985: 90). Все это позволило системе неогороженных ранчо быстро превратиться в интенсивную систему производства с орошаемыми пастбищами, передовым техническим обеспечением, выращиванием кормовых культур, племенным скотом, заграждениями и т. д.

Эти принципиальные различия делают невозможным превращение традиционных скотоводов во владельцев капиталистических ранчо без резкого изменения их социальной организации, разрушения их общинных форм землевладения, лишения большого числа скотоводов свободного доступа к пастбищам и роста их экономической и социальной дифференциации. Во многих таких случаях социальная цена может быть очень высокой. Негативные последствия приватизации земли наиболее очевидны, когда участие в этом процессе и дивиденды от него несбалансированны и непропорциональны, и когда число людей, теряющих право на владение землей и вынужденных переселяться в другие места, значительно возрастает. Механизмы, которые должны смягчить ущерб от потери земли, во многих случаях отсутствуют или слишком слабы. Так как другие секторы экономики во многих развивающихся странах обычно не в состоянии обеспечить этих людей работой и возможностями приспособиться к изменившейся ситуации, они зачастую обречены на то, чтобы пополнить ряды безра-

ботных или люмпенов (см., например, Bovin, 1990: 37—8, 43 о Сахеле; Salin, 1990: 74 о Судане; Worby, 1981: 161 о Ботсване). Кроме того, у традиционных скотоводов, как правило, отсутствуют опыт и необходимый капитал для создания хозяйств типа ранчо, ориентированных на производство для рынка. Так, в Турции не скотоводы, а оседлые бизнесмены и предприниматели с опытом менеджмента создали коммерческие скотоводческие предприятия. Они арендуют пастбища, организуют перевозки и доставку скота, мяса и молочных продуктов на рынок. Скотоводов юрюков они, в лучшем случае, нанимают пастухами, но даже это происходит далеко не всегда, так как предприниматели часто предпочитают брать на работу деревенских жителей (Bates, 1980: 125 сл.; ср. Bovin, 1990: 48—50 о ситуации в Сахеле; или Little, 1985: 145 сл., о ситуации в Кении). Переход земельной собственности, иногда в слегка замаскированной форме, в руки лиц, которые не являются непосредственными производителями-скотоводами и даже проживают в других местах, также становится все более распространенным явлением в некоторых частях бывшего Советского Союза и Монголии (о последней см. Mearns, 1993).

Второй принципиальной альтернативой традиционному подвижному скотоводству является переход на оседлость (седентаризация), иногда сопровождающийся коллективизацией. Многие правительства и их эксперты, особенно из стран коммунистического и «третьего» мира, до сих пор поощряют этот подход. В самом лучшем случае, они рассматривают скотоводство как устаревший и неприбыльный вид экономики; в худшем варианте, они считают его препятствием на пути прогресса. (Некоторые российские ученые до сих пор видят в кочевом скотоводстве эволюционный тупик; см., например, Шнирельман, 1986: 244; Крадин, 1992: 191.) Нередко это мнение основано на политических расчетах — желании навязать скотоводам власть центрального правительства или усилить ею контроль над ними. В то время как колониальные власти зачастую удовлетворялись поддержанием порядка и сбором налогов, национальные правительства были заинтересованы в установлении прямого контроля над скотоводами. В 1973 году, когда зона Сахеля была поражена жестокой засухой и многие скотоводы потеряли свои

скот и не могли продолжать свои традиционные перекочевки, Эбрахим Конате, секретарь Постоянной межгосударственной комиссии по контролю над засухой, с цинической откровенностью выразил свое удовлетворение сложившейся ситуацией: «Мы должны дисциплинировать этих людей и контролировать их пастбища и передвижения. Их свобода слишком дорого обходится нам. Их бедствие предоставило нам удобный случай» (Marnham, 1979: 9).

Примером одностороннего патерналистского подхода, пусть даже во имя благих намерений, является резолюция 15-го Международного Африканского Семинара, состоявшегося в Университете Ахмаду Белло в 1979 году: «Конференция отмечает, что кочевой аспект жизни скотоводов более не является рациональным перед лицом возрастающего давления на землю, и не в интересах самих скотоводов продолжать вести кочевой или полукочевой образ жизни» (Adamu and Kirk-Green, 1986: XVii).

Большинство суданских авторов, осуждая ошибки правительственного планирования, в то же время продолжают восхвалять идеалы седентаризации. Хогали (Khogali, 1981; ср. El-Arifi, 1975: 157; Salin, 1990: 64 сл.), например, утверждает, что подвижность является отрицательным явлением, поскольку время, затраченное на передвижения, — это потерянный человеческий капитал. Тот факт, что скотоводы заняты делом во время перекочевков, остался им незамеченным.

Однако результаты политики седентаризации, как правило, оказывались разрушительными как для скотоводов, так и для стран, вынуждавших их к оседлости, особенно если, как это часто бывало, такая политика проводилась силовыми методами. В Иране, например, во время правления Реза Шаха, правительство рассматривало кочевое скотоводство как препятствие на пути модернизации, и еще более, как политически нежелательное явление. Оно учредило программу «усмирения» и заставило мобильных скотоводов оседать на землю, что вскоре привело к их обнищанию. Около 75 процентов их скота погибло, и Иран лишился многих продуктов, таких как мясо, молоко, шерсть, а также тягловых животных (Irons, 1975; Tapper, 1979b: 22; Beck, 1986: 129; Black-Michaud, 1986: 83).

Советский пример еще более поучителен, особенно потому, что до недавних пор советская пропагандистская машина представляла его странам «третьего мира» как модель успешного развития, заслуживающую подражания. Первый широкомасштабный эксперимент подобного рода проводился в Советском Союзе в конце 20-х и начале 30-х годов. Всего за несколько лет кочевников и скотоводов Центральной Азии и других регионов силой заставили перейти на оседлость и вступить в создаваемые коллективные хозяйства, что означало потерю ими скота, находившегося до этого в их частной собственности. Деномадизация и коллективизация кочевников встретила широкое противодействие. Те, кто сопротивлялся, были либо убиты, либо депортированы; определенная часть людей бежала за пределы страны; многие умерли от голода. Но политические цели советской власти были достигнуты; скотоводы были «приручены», хотя и очень высокой ценой. Их традиционный образ жизни был разрушен, а советской экономике был нанесен серьезный ущерб.

Казахи, в прошлом наиболее многочисленный кочевой народ в Советском Союзе, ярко иллюстрируют эти трагические события. В начале 30-х годов, во время трагических событий насильственной и кровавой коллективизации, около 555 000 кочевых и полукочевых хозяйств были насильственно переведены на оседлость, зачастую в безводные регионы, где было невозможно не только ведение сельского хозяйства, но и скотоводства. Некоторые ско-

**Численность населения и количество хозяйств в Казахстане
1928—1975 гг.**

<i>Казахское население</i>		
1930 г.	1939 г.	1959 г.
4 120 000	2 307 000	2 755 000
<i>Количество хозяйств</i>		
1928 г.	1933 г.	1975 г.
30 305 900	4 800 600	29 700 000

Источник: Khazanov, 1990.

товоды переселялись в города, стремясь стать рабочими в промышленности, но там нельзя было найти даже неквалифицированную работу (Нурмухамедов, Савосько и Сулейменов, 1966: 195—6; Oleott, 1987: 179—87; Абылхожин, Козыбаев и Татимов, 1989).

Насильственная седентаризация стоила казахам около двух миллионов жизней и привела к огромным потерям скота. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы количество скота в Казахстане достигло приблизительно такого же уровня, как в период до коллективизации. Что же касается советской экономики, то корни постоянного дефицита мясной продукции в стране уходят к событиям начала 30-х годов.

Те из бывших кочевников в Советском Союзе, кто оставались занятыми в скотоводческом секторе национальной экономики, должны были работать в колхозах и совхозах. Отчужденные от владения скотом, они в лучшем случае становились низкооплачиваемыми работниками, не заинтересованными в результатах своего труда. Неудивительно, что производительность их труда резко снизилась, а животноводство в СССР находилось в состоянии стагнации.

В начале 70-х, будучи в Калмыкии, я посетил один из лучших совхозов в этой республике. Скот переправлялся с одного пастбища на другое на грузовиках, и воду животным доставляли в цистернах. Председатель этого совхоза, не калмык, а украинец, тем не менее, оказался компетентным руководителем. Правительство присвоило ему высшую советскую награду, звание Героя Социалистического Труда. Он рассказал мне о многих нововведениях, внедренных в его хозяйстве.

Он особенно подчеркивал высокую производительность труда, достигнутую в его совхозе, указывая на то, что для выпаса стада овец в 800 голов достаточно лишь 8 пастухов. Я заметил на это, что до коллективизации один калмык-кочевник на лошади, с помогавшим ему сыном-подростком и парой собак, вполне успешно выпасали такое же количество животных. Вначале председатель не поверил мне, но улыбающиеся калмыки-пастухи, присутствовавшие при нашем разговоре, подтвердили мои слова. Более того, было очевидно, что им было приятно это слышать. В конце концов,

председатель произнес свой самый убедительный аргумент: «Хорошо. Я верю вам. Но такое сравнение неправильно. Вы должны принять во внимание, что в прошлом скот принадлежал скотоводам, а сейчас он принадлежит государству». Едва ли эти слова нуждаются в комментариях.

Тем не менее примечательно, что многие эксперты в новом независимом Казахстане выступают против приватизации земли, хотя приветствуют частную собственность на скот. Они считают, что приватизация скорее сдержит, чем облегчит восстановление скотоводческого сектора национальной экономики. К тому же многие казахи боятся, что приватизация приведет к присвоению их земель представителями других этнических групп, более приспособленных к частной собственности на землю. Президент Казахстана Назарбаев, объясняя свое неприятие полного владения землей, указывает на то, что внедрение такой формы владения чуждо населению и ментальности бывших кочевников (Хазанов, в печати). Даже тогда, когда она не сопровождалась седентаризацией, коллективизация по-советски всегда оказывалась разрушительной для кочевников. Другая коммунистическая страна, Монголия, потерпела неудачу, пытаясь подражать советской политике коллективизации, проводимой в начале 30-х годов. В ответ монгольские кочевники подняли восстание, которое было подавлено после интервенции Советской Армии. Кроме того, правительство Монголии осознало, что оно скоро может стать правительством без народа, масса которого бежала за границу. Второй этап коллективизации в Монголии, в 1950 году, завершился без человеческих жертв; однако с тех пор скотоводческая отрасль экономики Монголии находилась в упадке (Bawden, 1989: 290 ff.) Неудивительно, что монгольское правительство в срочном порядке покончило с прежней системой, как только коммунизм пал в Монголии.

Деколлективизация и земельная реформа в Монголии еще не завершены, а в бывшем Советском Союзе в лучшем случае находятся на начальном этапе. Много трудностей еще впереди, особенно в формировании (или реформировании) тех институтов, которые заменят государственные, такие как, например, животноводческие совхозы и колхозы. Одна из проблем состоит в желании

государственной бюрократии сохранить контроль над распределением земель и продажей продуктов животноводства, а также над поставками скотоводам необходимой им продукции. Примечательно, однако, что роспуск колхозов и совхозов сопровождается кое-где желанием индивидуальных хозяйств восстановить формы кооперации, основанные на родственных связях.

В период культурной революции китайское правительство также проводило кампанию коллективизации кочевников Внутренней Азии, нанеся огромный ущерб скотоводству. Казахские скотоводы были обречены на голод и дети тех, кто бежал в Китай из Советского Союза в 30-е годы, пытались вернуться назад, чтобы избежать новой катастрофы.

Однако в 1980-е годы коммуны были распущены, скот и пастбища были распределены между индивидуальными семьями через контрактную систему «ответственности домашних хозяйств» и стало поощряться производство в соответствии с требованиями рынка. В то же время скотоводство стало более тесно интегрироваться с сельским хозяйством. С этого времени скотоводство во Внутренней Азии если не процветает, то, по крайней мере, способно удовлетворить местные потребности и даже производит некоторые излишки (Barfield, 1993: 172—6).

К счастью, насильственные и открыто кровавые формы насильственной седентаризации и коллективизации не стали общей практикой. Однако даже сейчас седентаризация иногда осуществляется с помощью различных форм внешнего давления на скотоводов, и ей предшествует их обнищание. В таких условиях оседание едва ли может считаться добровольным выбором.

Очевидно, седентаризация как результат обнищания подвижных скотоводов не является новым феноменом; она очень часто неразрывно связана с кочевым образом жизни. Однако в прошлом массовая и успешная седентаризация обычно происходила тогда, когда кочевники мигрировали в области, благоприятные для занятий земледелием, и зачастую завладевали пахотными землями в оазисах или зонах неорошаемого земледелия (Khazanov, 1992). В настоящее время седентаризация сталкивается с дополнительными трудностями, как, например, нехваткой земли, пригодной

для земледелия, демографическим давлением и т. п. Очень трудно перейти к земледелию, когда пахотные земли уже заняты другими, высокоценными их группами. В результате бывшие скотоводы часто вынуждены оседать в маргинальных районах, где занятия земледелием сопряжены с большим риском, а результаты непредсказуемы. Тем не менее скотоводам иногда приходится начинать на землях, которые сами земледельцы считают малопригодными. Часто эти земли очень скоро деградируют из-за чрезмерной культивации. Более того, эффективное занятие земледелием хотя бы на некоторых из таких земель зависит от дорогих ирригационных проектов и других широкомасштабных финансовых вложений. За редким исключением, пока ни национальные правительства, ни международные агентства по развитию не спешат или не в состоянии осуществлять такие вложения.

Возможности скотоводов в других секторах экономики ограничены их низким образовательным уровнем, отсутствием необходимых навыков и высоким уровнем безработицы во многих развивающихся странах. Справедливости ради надо отметить, что тенденция к седентаризации может принимать различные формы и вызываться разными причинами. В богатых нефтедобывающих арабских странах, где бедуины в силу сложившихся социальных и культурных традиций пользуются высоким престижем, правительства обеспечивают их лояльность, инвестируя часть своих огромных финансовых ресурсов в улучшение экономических и бытовых условий местных скотоводов. Они делают это с помощью таких диверсифицированных и иногда противоречивых мер, как улучшения в инфраструктуре, школьном образовании, охране здоровья, а также через распределение земель, создание рабочих мест, в частности, в особых сферах, как, например, в армии; оказание материальной поддержки, включая денежные выплаты; и т. д. Как бы ни были иногда успешны подобные меры в предотвращении дальнейшей деградации экономического положения бедуинов, они не всегда направлены на модернизацию скотоводческого хозяйства; более того, эти меры часто снижают степень вовлеченности бедуинов в производственный сектор экономики в целом.

Например, в Султанате Оман резкое увеличение государственных доходов от продажи сырой нефти после 1973 года и желание правительства стабилизировать политическую ситуацию в мятежной провинции Дхофар повлекло за собой развитие программ, включавших в себя целый ряд материальных субсидий, как в виде прямой помощи товарами и деньгами, так и путем искусственного создания тысяч рабочих мест в правительстве и армии. Скотоводы стали очень зависимы от государственной поддержки и от легких заработков благодаря инициированным государством мерам их поддержки (Janzer, 1986; Mohammed, 1991; Scholz, 1991; ср. Katakura, 1977; Cole, 1981; Lancaster, 1981; Fabietti, 1982a: 186—97; Fabietti, 1986: 22—9; Lancaster, 1986: 45—7; Kostiner, 1990: 244 о ситуации в Саудовской Аравии).

В Ливии в 70-х годах сельские местности Киренаики обезлюдели после того, как кочевники стали работать в нефтяной промышленности, осели в деревнях, проживая в «народных домах», предоставленных администрацией, а также заняли должности в государственном аппарате или предпочли жить на социальные пособия. Подвижное скотоводство начало развиваться в направлении рыночно ориентированной системы типа ранчо. В принципе, это могло бы привести к благоприятным результатам. Однако новая тенденция была больше основана на непотизме и системе патронажа, чем на здоровом рыночном развитии. Те, кто смогли занять высокие посты, — инвестировали в стада, зачастую выпасаемые египетскими пастухами, в то время как остальные бедуины стали зависеть от искусственно создаваемых рабочих мест в администрации или даже от социальных пособий (Behnke, 1980). Во всех таких случаях можно лишь задаться вопросом: в какой степени существующая тенденция является постоянной? Что произойдет с бывшими скотоводами в этих странах, если правительственные субсидии прекратятся или сократятся из-за колебания Цен на нефть на мировом рынке или по другим причинам? Как много животноводческих предприятий обанкротятся без государственной поддержки и сильно субсидируемого животноводческого производства?

В этом плане то что произошло в Иордании, отнюдь не в богатой стране, вполне поучительно. Оседание иорданских бедуинов

было стимулировано предоставлением различных государственных услуг и возможностями карьеры в армии и администрации. В результате несколько возникших ранчо, находящихся в собственности элиты, не способны удовлетворять потребностям страны, и почти все потребляемое в Иордании мясо приходится импортировать (Abu Jaber and Gharaibeh, 1981; Hiatt, 1984).

Все это подводит к вопросу о том, не преждевременно ли списывать со счетов подвижное скотоводство как жизнеспособную форму экономики во многих засушливых зонах?

Следует помнить, что подвижное скотоводство изначально развивалось как альтернатива земледелию именно в тех регионах, где последнее было невозможным или экономически менее выгодным. Например, во многих областях Центральной Азии пастушеское скотоводство, когда стада выпасаются круглый год на естественных пастбищах, все еще экономически более выгодно, чем хлопководство, навязанное населению советскими властями и нанесшее огромный ущерб как условиям его жизни, так и окружающей среде (Khazanov, 1990b; Wolfson, 1990).

Смелые попытки резко изменить засушливые природные зоны зачастую терпели неудачу или имели разрушающие последствия. Например, дореволюционные русские поселенцы в Казахстане практиковали экстенсивное неорошаемое земледелие, основанное на монокультуре пшеницы, что вело к истощению почвы и сокращению урожаев зерна. Однако это ничему не научило. Не был принят во внимание и довоенный американский опыт, когда значительная часть засушливых районов на Среднем Западе сильно страдала от пыльных бурь, вызванных эрозией почв. Климатические условия Северного Казахстана сходны с теми, которые существуют на американских равнинах с их благоприятными и неблагоприятными циклами для зернового производства. Поэтому в Казахстане неправильная агротехнология, примененная к «целинным землям», привела к сорнякам и ветрам, эрозии почвы и воды, что меньше чем за пятнадцать лет вызвало распространение песков на площади в три миллиона гектаров и подвергло другие двенадцать миллионов гектаров земли ветровой эрозии (Утешев и Семенов, 1967: 5; McCauley, 1970: 100—11; Комаров, 1978: 53). Сходная судьба

постигла степи на юго-востоке европейской части России (Котляков, Зонн и Чернышев, 1988: 62—3).

В Сирии земледелие, внедренное в степные районы в 1960-е годы, вскоре пришло в упадок. Применение сельскохозяйственной техники отнюдь не привело к получению стабильных и предсказуемых урожаев на маргинальных землях. Напротив, распашка степи имела катастрофические последствия для природной среды, включая потерю плодородности почв и резкое увеличение ветровой и водной эрозии. К счастью, эта практика была запрещена законом 1973 года (Bahhadi, 1981: 26 ff.; Lewis, 1987: 186 ff).

Выживание подвижного скотоводства и сама его желательность напрямую связаны с современными дискуссиями о природной среде и этике охраны природы. Существует определенная ирония в том, что тех, кто уже многие тысячи лет занимаются скотоводством, вдруг по всему свету и в унисон стали обвинять в экономической неэффективности и многих других грехах. В Африке и других регионах распространено мнение, что именно они ответственны за засухи и опустынивание. Снова и снова повторяются необоснованные и ложные суждения о том, что подвижное скотоводство обязательно ведет к деградации природной среды. На самом деле возникновение и распространение различных форм подвижного скотоводства привело только к одному существенному экологическому изменению: дикие травоядные животные были постепенно заменены одомашненным скотом, так как они соперничали с последним за пастбища. Однако скотоводы оказали куда более умеренное влияние на экосистемы, чем современные владельцы ранчо и фермеры. Семьдесят пять миллионов бизонов были уничтожены на Великих Равнинах за период не более чем в 157 лет, с 1730 по 1887 год, в основном после завоевания таких районов, как Индийские территории и Сосновая Гряда (Barsh, 1990). В степях Евразии сходный процесс не был завершен даже за три тысячелетия. Он стал особенно интенсивным только в течение последних нескольких сотен лет, в связи с экспансией земледельцев в степную зону. Тем не менее стада газелей (*Gazella subgutiurosa*) и сайгаков (*Saiga tatanca*) сохранились до сегодняшнего дня в нескольких

отдаленных регионах евразийских степей, где сельское хозяйство и промышленность еще не стали доминирующими*.

В целом, скотоводство не ведет к деградации растительного покрова, а умеренный выпас скота может даже быть выгодным для его нормального развития в засушливых областях, так как скот втаптывает в почву семена диких растений, уничтожает растения, чуждые местной флоре, и удобряет почву. Экстенсивное скотоводство наносит ущерб естественным экосистемам только в случаях перевыпаса, но растительность сохраняет способность к регенерации, если перевыпас носит только временный характер, как это и происходило в традиционных формах подвижного скотоводства. До тех пор, пока последнее зависело от динамического равновесия между естественными ресурсами, количеством скота и числом скотоводов, перевыпас рано или поздно приводил к уменьшению количества людей и скота, или в результате голода и стихийных бедствий, или в результате миграций, военных действий и других факторов, которые, в свою очередь, снижали давление на естественные ресурсы. Аргумент Хардин (Hardin, 1968: 1243—8; Hardin and Baden, 1977) о «трагедии общины» уже оспорен некоторыми учеными (см. например, Mc.Cay and Acheson, 1987). Как правило, коллективная собственность на ресурсы не означает открытого доступа к ним (Berkes и др., 1989: 93). В современный период перевыпас во многих частях света связан не столько с циклами истощения и регенерации пастбищ, сколько с политическими факторами, такими как необдуманная политика развития, отчуждение земель, принадлежащих скотоводам, или ограничение их передвижений, что увеличивает нагрузку на пастбища. В других случаях сверхэксплуатация продуктивных экосистем, ведущая к опустыниванию и деградации растительности, почв и водных ресурсов, вызваны навязываемой сверху коммерциализацией и попытками адаптировать и применить современные технологии к скотоводству, которое все еще функционирует в рамках традиционной социальной организации (Reining, 1978). Потеря скотоводами контроля над стадами, которые они выпасают, т. е.

* *Примечание к казахстанскому изданию.* Главную угрозу их дальнейшему существованию в постсоветский период также представляют не скотоводы, а браконьерство, в которое в основном вовлечено оседлое население.

отчуждение собственности на скот от непосредственных производителей, также может способствовать возникновению серьезного апологического дисбаланса в таких местах, как зона Сахеля в Западной Африке (Maliki, 1986: 4—5), или в засушливой зоне бывшего Советского Союза. Степи Калмыкии и предгорий Северного Кавказа быстро деградируют, поскольку их сезонные пастбища стали использоваться круглый год (Котляков, донн и Чернышев, 1988: 62—3, 69). В Казахстане и Туркменистане обширные пространства некогда плодородных пастбищ превратились в песчаную пустыню из-за того, что перестала соблюдаться практика их сезонного и ротационного использования, что привело к перевыпасу, а также из-за усиливавшейся тенденции к выпасу скота лишь одного вида. Темпы деградации в этих странах сравнимы с деградацией в Сахаре или Сахеле. В прошлом, пустыни Каракум и Кызылкум занимали меньше 24 процентов от общей площади Центральной Азии и Казахстана. Сейчас деградацией затронуто уже 30—40 процентов территории региона (Wolfson, 1990: 41—2).

Попытки интенсификации традиционного скотоводства и внедрения в него научных методов производства натолкнулись на трудности, даже в тех случаях, когда планирующие органы не стремились превратить скотоводов в капиталистических фермеров. Принимая решения, менеджеры, с одной стороны, временами склонны игнорировать преимущества местной экспертизы, несмотря на тот факт, что традиционные технологии имеют определенные полезные приспособительные элементы. С другой стороны, попытки увеличить продуктивность пастбищ и улучшить породы скота, одновременно сохраняя традиционный скотоводческий образ жизни и традиционную систему землевладения, зачастую ведут нежелательным и неожиданным последствиям, особенно, когда игнорируется проблема устойчивого равновесия.

Так, некоторые африканские правительства, следуя советам зарубежных доноров и экспертов, попытались внедрить различные проекты, связанные с улучшением водоснабжения, включая бурение колодцев, для того, чтобы улучшить качество пастбищ и увеличить производство говядины в ущерб ориентированному на молочное производство традиционному скотоводству. Новые колодцы, как правило

открыты для всех, в то время как в прошлом доступ к водным ресурсам зачастую находился под контролем определенных скотоводческих групп. В результате пастбища вокруг новых колодцев вскоре были истощены из-за перевыпаса (Horowitz, 1981: 61—88; Goldschmidt, 1981: 104 ff; Bernus, 1990: 166—7). Недавняя история Сахеля дает печальные примеры того, как поспешные попытки модернизации приводят к ухудшению состояния пастбищ (Gorse and Steeds, 1987).

Засухи и смещающиеся границы пустыни до известной степени представляют собой естественные явления, хотя мы до сих пор не знаем, до какой именно степени. Однако очевидно, что прогрессирующий упадок маргинальных засушливых пастбищных земель связан также сложным сочетанием современных социополитических, экономических, технологических и демографических изменений. Бурение колодцев, создание ранчо и навязанные сверху проекты сельскохозяйственного развития зачастую игнорируют тот факт, что когда скотоводы остаются на одном месте слишком долго или не владеют достаточным количеством пастбищ — природные ресурсы деградируют. Независимо от того, идет ли дождь, светит ли солнце, эти негативные изменения не исчезнут сами по себе.

Экологически обоснованное использование земель во многих засушливых и полузасушливых зонах все еще не достигнуто, и скотоводство в его подвижных формах до сих пор остается самым подходящим видом хозяйства для многих регионов мира. Более того, модернизация часто оказывается очень болезненным процессом; для самих скотоводов. Я хочу еще раз подчеркнуть, что скотоводство — это не только способ жизнедеятельности; это также образ жизни дорогой для тех, кто практикует его. Мне представляется, что проблема не в том, как заменить скотоводство другими видами экономической деятельности, а скорее в том, как сделать его более эффективным и как сделать необратимую трансформацию традиционного типа хозяйства и социальной организации скотоводов менее болезненной для них. Не существует универсального рецепта, в равной мере применимого для всех стран и всех скотоводческих групп. Но следует подчеркнуть, что скотоводы вполне способны положительно снимать те новации, которые они считают выгодными для себя. Распространение грузовиков среди бедуинов Иордании, Сирии,

Ирака и Саудовской Аравии (Chatty, 1986) является только одним из показателей этого.

Одно, пожалуй, достаточно ясно. Чрезмерный патернализм, даже с благими намерениями, едва ли поможет. Если цель заключается в экономическом развитии, то она никогда не будет достигнута без поощрения и стимулирования вовлеченных в него групп, обществ и стран. Те, кто планирует, — приходят и уходят, даже если они делают больше, чем просто разрабатывают различные проекты, сидя в своих кабинетах; субсидии и поддержка выделяются, а затем нередко прекращаются; правительственная политика и приоритеты меняются. Только сами скотоводы всегда остаются одни перед лицом суровой природной среды. Это они должны платить за непродуманные проекты и за все решения, сделанные за них другими, решения, зачастую основанные на чисто политических расчетах и игнорирующие их интересы. Только тогда, когда мнение самих скотоводов будет приниматься во внимание, и их собственное участие в процессе принятия решений будет обеспечено, можно ожидать их успешной модернизации.

Я должен предупредить читателя о некоторой непоследовательности в географической терминологии, использованной в этой книге. В первом издании я следовал давней научной российской традиции и называл «Средней Азией» регион, который в западной традиции называется «Центральной Азией». Однако новые независимые государства в бывшей советской Средней Азии, видимо по политическим причинам, изъявили желание называть свой регион «Центральной Азией», и в наши дни этот термин используется даже в Москве. Как я не могу и не хочу противостоять этой тенденции, я ей подчиняюсь. Хотя я не изменил терминологии в тексте книги, в этом новом предисловии «Центральная Азия» используется вместо «Средней Азии»*. Я прошу извинения за это неудобство, но современные политические процессы в регионе находятся вне моего контроля.

Я благодарен издательству Кембриджского Университета за то, что оно передало мне авторское право на эту книгу, а так же

*Примечание к казахстанскому изданию. В новом издании книги Средняя Азия повсюду именуется Центральной, а Центральная - Внутренней.

издательству Университета Небраска за разрешение воспроизвести в этом новом предисловии некоторые материалы моей статьи «Pastoral Nomads in the Past, Present and Future: A Comparative View», впервые опубликованной в сборнике «The Struggle for the Land» Paul. Olsen (ed.), Lincoln and London, University of Nebraska Press, 1990: 81—99. Во время моей жизни на Западе у меня было много возможностей обсуждать с моими коллегами многие антропологические и исторические вопросы, связанные со скотоводами. Я получил большую пользу от моих контактов и бесед с Робертом Адамсом, Томасом Олсеном, Виктором Азарья, Офером Бар-Иосефом, Томасом Барфильдом, Клиффордом Босвортом, Майклом Чемберленом, Патрицией Крон, Джоном Девисом, Шмуэлем Айзенштадтом, Уго Фабиетти, Эрнестом Геллнером, Йосефом Гинатом, Питером Голденом, Стивеном Ходкинсоном, Тимом Инголдом, Джоном Каррасом, Марком Кеннойером, Томасом Леви, Хербертом Льюисом, Руди Линднером, Беатрис Монц, Эмануэлем Марксом, Робинот Мирнсом, Томасом Нунаном, Стивеном Розен, Юлаем Шамильоглу, Хаимом Тадмором, Артуром Уолдроном, Андре Винком и многими другими. Никто из них, безусловно, не несет какой-либо ответственности за мои возможные ошибки и упущения. Я также благодарен моим друзьям, информаторам и коллегам в различных частях бывшего Советского Союза, продолжающим снабжать меня публикациями, недоступными на Западе, а также информировать меня о современном положении скотоводов в их странах. Мой аспирант Джефф Кауфманн оказал мне большую помощь в подготовке к печати этого нового предисловия.

Моя особая благодарность студентам, посещавшим мои лекции и семинары по скотоводству в Еврейском Университете в Иерусалиме и Университете Висконсин в Медисоне. Их любознательность, интерес и, зачастую, свежий взгляд и критика устоявшихся мнений, которые старшие антропологи, включая меня самого, иногда склонны принимать за очевидные, всегда были для меня стимулом для дальнейших исследований.

Медисон, август 1994

Предисловие к третьему, казахстанскому изданию

История этой книги изложена в предисловии ко второму изданию, и я думал, что на этом она будет закончена. Если я когда-либо и надеялся, что книга будет издана на русском языке, то к тому времени от этих надежд не осталось и следа. Правда, в последние десять лет, или около того, меня несколько раз спрашивали в России, не хотел бы я издать ее в этой стране. Я всегда отвечал, что буду рад и готов безвозмездно передать права на переиздание, но сам проявлять инициативу и обивать пороги издательств и академических институтов не намерен. На этом дело и заканчивалось. Предложение издать книгу в Казахстане было для меня неожиданным и приятным сюрпризом. Тем не менее, по размышлении, я прихожу к выводу, что на самом деле сюрприз этот весьма относительный.

В Советском Союзе Казахстан был одним из основных центров кочевниковедческих исследований, а в постсоветское время, по сравнению с другими странами СНГ, он не только сохранил, но и укрепил свои лидирующие позиции в этой области науки. Поразительно, как много интересных и важных работ по истории, антропологии (этнографии) и археологии кочевников издано и переиздано в независимом Казахстане за последние годы — и это несмотря на очевидные финансовые и иные трудности. Обращает на себя внимание и заслуживает всяческого уважения и тот факт, что публикуются работы не только казахстанских ученых, но и ученых других стран. Это свидетельствует о желании избежать изоляции науки, неизбежно ведущей к ее провинциализации. Об этом же свидетельствует и значительная открытость страны для иностранных ученых.

Для меня Казахстан — не чужая страна. Вот уже почти сорок лет я связан с ней и постоянными исследовательскими интересами, и

глубокой симпатией к ее народам с их нелегкой, подчас трагической судьбой. Со многими казахстанскими учеными меня связывают не только общие научные интересы, но и дружеские узы, выдержавшие испытание временем и превратностями человеческих судеб. По всем этим причинам я, без долгих колебаний, согласился стать одним из руководителей Висконсинско-Центральноазиатского проекта, финансируемого Агентством по международному развитию США (USAID) через Глобальную программу поддержки сотрудничества в исследовании скотоводства (CRISP). Одна из главных целей нашего проекта — изучение современного состояния скотоводства и животноводства в Центральной Азии и, по вполне понятным причинам, в первую очередь — в Казахстане. Для этого мне пришлось отложить в сторону ряд других проектов — кто знает, на время или навсегда? — и уделять много времени весьма нелюбимой мною организационной работе. Зато частые поездки в Казахстан и совместная работа над проектом еще больше сблизили меня со страной, ее людьми, и, конечно же, с моими казахстанскими коллегами и друзьями. Уже за первые годы работы мы собрали и предварительно обработали уникальные материалы (предварительные публикации их см. Наумкин, Шапиро, Хазанов, 1997; Наумкин, Томас, Хазанов, Шапиро, 1999), и мне очень хотелось бы надеяться, что у меня останется достаточно времени, сил и возможностей довести наше исследование до конца.

Мне уже приходилось писать, и не раз, что подвижное и экстенсивное скотоводство, при условии его модернизации, во многих аридных странах имеет целый ряд экономических и экологических преимуществ по сравнению с его интенсивными формами. Тем более уверения в этом в отношении Казахстана. Такое скотоводство для него — это не только история, но и насущная, хотя и болезненная современная проблема. Климат и природа буквально обрекают страну на то, чтобы эта отрасль и в будущем оставалась важной для национальной экономики. Это в теории. На практике же скотоводство Казахстана, как и вся экономика в целом, испытывает серьезные трудности — можно даже сказать кризис, связанный с переходом от суперцентрализованной системы так называемого государственного социализма к рыночной

То же самое можно сказать и о большинстве других центральноазиатских стран бывшего Советского Союза. В сущности, переход от колхозно-совхозного феодализма к частнособственническим отношениям капиталистического типа — это прыжок в неизведанное. Прыжок очень болезненный, но неизбежный. Какие формы скотоводческих хозяйств окажутся эффективными в новых условиях, и будут ли они одинаковыми во всех центральноазиатских странах и в различных экологических зонах, пока не ясно, тем более что во многом это будет зависеть от политического развития в регионе. Однозначного и приемлемого для всех решения проблемы нет, и едва ли оно может быть. С уверенностью можно утверждать лишь одно: возврат к традиционному кочевому скотоводству не только нежелателен по причинам социального и иного порядка, но и просто едва ли реален в начале XXI века, когда мир вступает в эпоху экономической (а в известной мере даже культурной) глобализации.

Сейчас я с еще большей уверенностью, чем в первом и втором изданиях этой книги, решаюсь утверждать, что традиционное кочевое скотоводство уже не существует нигде на земном шаре. Приведу лишь один пример из собственной полевой практики. Маасаи всегда считались, и сейчас еще считаются, наиболее традиционными и специализированными представителями восточноафриканского типа подвижного скотоводства. Но когда я посетил их в Танзании, в 1998 году, я поразился, насколько их реальная жизнь отличается от впечатления, которое может сложиться у неискушенных туристов или закоренелых романтиков. Да, маасаи по-прежнему носят свои традиционные одежды, их мужчины определенных возрастных классов не расстаются с копьями, и форма их временных лагерей не претерпела существенных изменений. Но для поездки на рынок они часто пользуются велосипедами, а копыя свои готовы продать любым визитерам, будучи при этом прекрасно осведомленными о ценах на них в сувенирных магазинах. Отнюдь не чураясь денег, которые им предлагают туристы, в благодарность за молчаливое разрешение фотографировать их самих и их скот, маасаи проявляют при этом поразительную осведомленность об обменном курсе различных валют.

В Казахстане закат традиционного кочевого скотоводства начался гораздо раньше, чем в Восточной Африке, уже в колониальный период, когда лучшие пастбища конфисковывались для нужд русской колонизации. В советское время с казахами-скотоводами обращались как с морскими свинками, подопытным материалом для непрошенной и несбыточной утопии. Кажется, я был первым, кто стал выступать с докладами и писать о подлинных последствиях насильственной седентаризации и коллективизации в Казахстане в конце 1920-х — начале 1930-х годов, которые, возможно, даже превосходили более известные ужасы коллективизации на Украине. Впрочем, особой моей заслуги в этом нет. В 1986 году говорить правду о коллективизации в Казахстане на Западе было много легче и безопаснее, чем в Советском Союзе. К тому же я располагал тогда лишь очень ограниченными и неполными данными. Собственно, я затрагивал эту тему в контексте более широкой проблемы модернизации кочевого скотоводства, не предполагая, что всего несколько лет спустя мои казахские коллеги смогут писать о казахстанской трагедии и ее последствиях гораздо лучше и подробнее.

Тем не менее коллективизация нанесла последний удар по традиционному скотоводству в Казахстане и других странах Центральной Азии. К концу советского периода скотоводство в регионе было в известной мере модернизировано, во всяком случае в технологическом отношении. Правда, оно было модернизировано по-советски, т. е. наихудшим и наименее эффективным образом, ценой больших людских, социальных и экологических потерь, за счет государственных субсидий и полного пренебрежения природным фактором. Например, в Казахстане количество скота превысило оптимальное, и это привело к перевыпасу и деградации пастбищ. Даже если бы Советский Союз не окончил свое бесславное существование, бесконечно долго такое положение дел продолжаться не могло.

Чудес на свете не бывает. Те, кого заверяли, что они рождены, чтоб сказку сделать былью, оказались у разбитого корыта. Теперь нора признавать, что не только политика, но и экономика развития — это искусство возможного. Оптимальным вариантом

представляется переход от неправильных и неэффективных форм модернизации к более рациональным. Однако в настоящий момент в центральноазиатском скотоводстве налицо тенденция к сокращению использования современной технологии, транспорта, искусственных кормов, достижений биологической науки и ветеринарии. Более того, в некоторых центральноазиатских странах заметно стремление к сохранению прежней совхозно-колхозной системы, пусть под иными наименованиями и в несколько модифицированном виде.

Во всех центральноазиатских странах скотоводство и животноводство сейчас находятся в упадке. поголовье скота существенно сократилось и во многих странах продолжает сокращаться. Опасение вызывает окрестьянивание или даже пауперизация бывших совхозников и колхозников. Вместо того, чтобы стать производителями, ориентированными на рынок, владельцами небольших, но экономически рентабельных хозяйств фермерского типа, эти люди в лучшем случае могут оказаться в роли крестьян, ведущих некапиталистическое натуральное хозяйство, а в худшем — утратить даже такую возможность. Не исключено, что многие из них перестанут быть владельцами скота и станут работниками в возникающих сейчас больших частных хозяйствах. Собственно, это уже происходит, хотя я не располагаю пока достаточными данными, чтобы установить, насколько распространенным стало это явление.

В принципе, большие фермы, использующие современную технологию и наемный труд, характерны для многих развитых стран. Они имеются во всех секторах сельскохозяйственного производства, включая животноводство. Однако в силу целого ряда политических, социальных и экономических факторов я отнюдь не уверен, что подобное развитие является оптимальным для Центральной Азии. В регионе, в котором более половины населения все еще занято в сельском хозяйстве, относительная стоимость труда по отношению к капиталу едва ли совместима с крупномасштабными капиталоемкими операциями. Более того, подобное развитие подразумевает, что многие люди будут вынуждены переселяться в города, что, собственно, уже и происходит. Однако в Центральной Азии в настоящее время не существует

достаточного количества рабочих мест в городских секторах экономики. Нет также уверенности в том, что владельцы крупных частных хозяйств, в основном происходящие из прежней колхозно-совхозной управленческой элиты, обладают менеджерскими навыками и знаниями, необходимыми для успешного ведения крупномасштабных операций на свободном рынке. Ведь они радикально отличаются от тех, которые требовались в условиях централизованной командной экономики.

Тем не менее страны Центральной Азии вполне способны преодолеть нынешний кризис в скотоводстве. Некоторые позитивные моменты в современном развитии указывают на потенциальную возможность серьезной реконструкции животноводства и скотоводства в регионе. Несмотря на все препятствия и инерцию, новые формы организации начинают возникать внутри, среди и вне бывших совхозов и колхозов. Некоторые из них могут нести в себе семена лучшего будущего для центральноазиатского скотоводства. Участники нашего проекта смогли идентифицировать в Казахстане и Кыргызстане ряд индивидуальных и кооперативных хозяйств фермерского типа, которые успешно адаптируются к новым условиям. Эти новые, добровольные, децентрализованные и горизонтальные формы организации и кооперации вполне могли бы стать заменой старым формам, связанным с пирамидальной командной системой. Для этого, однако, необходимы глубокие экономические реформы. Они не должны ограничиваться лишь социальной организацией производства, а включать в себя его технологическое обеспечение и обслуживание, менеджмент, кредитование, маркетинг, словом, все стороны экономического цикла, а также соответствующее законодательство, в числе прочего регулирующее права собственности на землю, пастбища и колодцы, которые, учитывая экологическое разнообразие центральноазиатского региона, едва ли должны быть всюду одинаковыми.

При наличии доброй воли и устранении бюрократических преград многое можно сделать без больших финансовых инвестиций в центральноазиатское скотоводство, тем более, что особенно рассчитывать на них не приходится. Например, участники нашего проекта работают сейчас над увеличением плодovitости овец казахской

тонкорунной породы, а также над совершенствованием ухода, вязан ного с выживанием ягнят. Мы считаем чрезвычайно важным увеличение производства баранины в Казахстане, особенно в условиях низких мировых цен на шерсть. В этом отношении наша конечная цель заключается в увеличении доходов сельских жителей и сохранении пастбищ путем создания таких условий, чтобы на каждый килограмм произведенного мяса требовалось бы меньше кормов.

Все это, однако, лишь оценки, проекты, предложения и эксперименты, основанные на практических исследованиях. Реализация их в гораздо большей степени зависит от политиков и избранного ими экономического и социального курса, чем от ученых. В августе 1999 года я в последний раз в этом столетии оказался в степи Южного Казахстана с ее неповторимым и незабываемым запахом ямшана. Что случится с теми, кто на протяжении тысячелетий пас здесь скот, в XXI веке? Останутся ли они и их потомки скотоводами? На этот вопрос все еще нет определенного ответа. Остается лишь надеяться, что и в будущем подвижное скотоводство найдет свою нишу в том новом мире, в котором будут жить наши дети и внуки и контуры которого лишь начинают вырисовываться сегодня.

В заключение — о гораздо более приятном. Прежде всего я хочу выразить благодарность правлению Фонда Сорос-Казахстан за содействие в издании этой книги на русском языке. Я особенно признателен профессору Нурбулату Масанову, которому принадлежала главная инициатива ее публикации в Казахстане. Нурбулат также любезно согласился представлять в Алматы все мои интересы, связанные с ее публикацией, что он и сделал наиболее эффективным и удобным для меня образом. Я очень благодарен куратору Фонда Сороса доктору Шинар Имангалиевой, также всячески содействовавшей изданию этой книги.

Я не могу не упомянуть с самыми теплыми чувствами господина Булата Казгулова, директора издательства «Дайк-Пресс», стремившегося издать книгу за считанные месяцы. (Я был бы рад, если бы большинство западных издателей следовали бы в этом отношении его примеру.) Тем не менее он согласился терпеливо ждать до тех пор, пока я нашел время внести в казахстанское издание все необходимые по моему мнению дополнения и измене-

нения. При этом ему приходилось иногда иметь дело с самыми неожиданными трудностями и проблемами. Как я уже писал в предисловии ко второму изданию, с самого начала публикация этой книги имела определенную кафкианскую сторону. При всем моем преклонении перед печальным гением этого великого писателя, я к этому никогда не стремился и уж никак не думал, что тень Кафки снова возникнет в связи с моей книгой в январе 1999 года. Тем не менее иначе, чем кафкианской, возникшую тогда ситуацию охарактеризовать было трудно. За исключением дополнений ко второму изданию, книга, первоначально была написана по-русски, но все попытки выцарапать оригинал рукописи из ВААП или других организаций, где, вероятно, она все еще хранится, успехом не увенчались. (Самому мне забрать рукопись с собой на Запад в 1985 году, разумеется, не позволили.) Переводить книгу, первоначально написанную по-русски, с английского — это ли не верх абсурда! Тем не менее, казалось, иного выхода не было, и мой казахстанский издатель был готов даже на это. Только в самый последний момент я вспомнил, что, покидая СССР, я оставил первоначальный и неполный вариант рукописи моему другу и коллеге профессору Марине Глебовне Мошковой. Без особой надежды я позвонил в Москву, и к моему приятному удивлению Марина заверила меня, что все еще хранит ее и что я могу забрать рукопись в любой момент. Зачем она делала это, давно имея в своем распоряжении окончательный вариант в виде изданной книги, судить не берусь, но мою благодарность ей за это нетрудно себе представить. Таким образом, за исключением предисловия ко второму изданию и некоторых дополнений в тексте, можно сказать, что книга впервые публикуется на языке оригинала. В этой связи я особенно благодарен доктору Алме Султангалиевой, любезно согласившей сверить русский вариант рукописи с окончательным текстом второго английского издания книги и перевести на русский язык те ее части, включая очень важное для меня предисловие ко второму изданию, которые были написаны по-английски. Сделала она это в очень короткий срок и в высшей степени профессионально.

Наконец, я не могу не упомянуть, что многим обязан всем участникам Висконсинско-Центральноазиатского проекта, особенно

тем, кто работает в Казахстане и Кыргызстане. Я не только узнал от них много нового о современном состоянии скотоводства в регионе; наша совместная работа побуждает меня еще раз вернуться к проблеме экстенсивного и подвижного скотоводства в современном мире. Из ученых Казахстана и России мне особенно хотелось бы выразить благодарность М. Абусеитовой, Ж. Абылхожину, И. Алимаеву, Ж. Жамбакину, А. Калышеву, С. Кляшторному, Н. Масанову, К. Медеубекову, О. Наумовой, С. Сагнаевой и многим другим. Мои висконсинские коллеги Кеннет Шапиро и Дэвид Томас не жалели времени, пополняя мои знания об экономике и биологии современного скотоводства и животноводства в западных странах. Мой аспирант и ассистент Дэвид Вебер много помог мне в подготовке рукописи к печати. Всем этим и многим другим людям я рад принести свою искреннюю признательность.

*Медисон — Иерусалим,
январь — март 2000*

*Моей жене Ирине
и моему сыну Якову,
с любовью*

Введение. Феномен номадизма:

мифы и проблемы

Поэты разных времен и эпох сложили много стихов, — прекрасных или нет, — это зависит от вкуса и качества самих стихов, воспевающих красоту степной, или соответственно пустынной, или тундровой природы, и прелести кочевой жизни. Собственно говоря, ничего особенно удивительного в этом нет. Для многих традиционных обществ нет ничего привычнее, и уже поэтому прекраснее, обитаемого ими пространства. Гораздо любопытнее, что среди подобных поэтов, наряду с самими кочевниками, много и некочевников.

Отношение оседлых жителей к кочевникам всегда было двойственным. Миф о кочевнике едва ли не старше мифа о «благородном дикаре». Уже в середине V в. до н. э. у отца истории — Геродота встречаются идеализирующие моменты в описании кочевников-скифов. Эфор их развил, а в IV в. до н. э. их с готовностью подхватили стоики и киники, противопоставлявшие естественную и неиспорченную варварскую жизнь порокам цивилизации. Даже в средние века миф о кочевнике не был полностью забыт. Может быть, именно он питал отчасти легенду о восточном царстве пресвитера Иоанна, призванного освободить восточных христиан из-под ига неверных.

В новое время оба мифа — о дикаре и кочевнике — пережили второе рождение, причем миф о кочевнике оказался, пожалуй, более живучим. Философы влияли на путешественников, путешественники — на ученых. У поэтов, писателей, просто читающей публики имелось много источников и много возможностей для дезинформации. И, кроме того, имелись соответствующие желания и потребности. Кочевой образ жизни был столь разительно непохож на оседлую жизнь горожан, что соблазн антитезы оказался очень велик.

Негативное отношение к действительности находило различные выходы, в том числе и в «царстве грез». Сложилось стереотипное представление о кочевниках, в котором их действительные или мнимые свободы и политическая независимость занимали едва ли не доминирующее место. А кроме того, несмотря на бедность и другие изъязны жизни кочевников, она в глазах не только их самих, но и многих представителей некочевых обществ обладала одним существенным преимуществом, тем, которое А. Ражу в начале нашего века обозначил как «качество жизни».

Мифы живучи, когда потребность в них сохраняется. Стереотипы также меняются с трудом. Может статься, что голливудский идеал ковбоя является прямым или косвенным потомком мифа о кочевнике. По крайней мере, подоплека их может быть одной и той же.

Но у каждого мифа есть своя цель. Миф на то и миф, чтобы не знать полутонов. Помимо светлой, миф о кочевнике имеет также и теневую сторону. В ней кочевник предстает почти как исчадие ада. В Китае всего-навсего презрительно относились к варварам-кочевникам, не способным к цивилизованному образу жизни. Но на западе Иордан (Гетика, 121), считавший, что гунны — потомки злых духов и ведм, в своем отношении к кочевникам имел и предшественников и последователей. Представление о необузданной жестокости и дикости кочевников со времен еврейских пророков сочеталось у многих с мыслью о том, что у них имеется особое предназначение карающего орудия господня.

Эта мысль не была чужда и раннехристианским авторам. Чуть позднее Аттила считался не более и не менее, чем «бичом божим». А в средние века подобные представления расцвели особенно пышным цветом. Кочевники нередко оказывались в одной компании с чумой, холерой, стихийными бедствиями.

Перестав представлять опасность, кочевники сохранили обаяние экзотики. Поэтому темная сторона мифа оказалась менее живучей, чем светлая. Впрочем, и она еще полностью не умерла. В колониальный и даже в постколониальный периоды в руках политиков она не раз превращалась в средство манипуляции общественным мнением. Царство грез и подчас фальсифицирован-

ное, во всяком случае одностороннее изображение земной реальности оказывались соседями.

Пора отрешаться от мифов. Если подходить к номадизму как к конечному результату специализированного скотоводческого направления экономики и поставить вопрос о том, представляет ли он в эволюции и истории человечества нечто большее, чем одну из линий хозяйственной адаптации, то надо сразу же избавиться от давления самооценок его носителей и субъективных эмоциональных оценок со стороны иных обществ, представителей иных тенденций, традиций и альтернатив, иных направлений эволюции.

Позволительно ли говорить о феномене номадизма иначе, чем о феномене оседлых охотников на морского зверя в Северном Ледовитом океане, или оседлых рыболовов в дельтах некоторых рек северо-западного побережья Северной Америки, или даже различных вариантов мотыжных земледельцев тропических стран? Имеем ли мы здесь дело лишь с уровнем хозяйственного развития (присваивающее хозяйство против производящего), или со специфичностью самой формы хозяйства (в конечном счете, все формы специфичны), или всего лишь с большей известностью, не имеющей строгого отношения к научным дефинициям?

В конечном счете феномен подразумевает не только редкое, необычное, уникальное явление, но и, напротив, явление, распространенное очень широко, а главное, глобальное по своим последствиям. Феноменальны были тасманийцы, и сейчас еще феноменальны бушмены. Но феномен номадизма, на мой взгляд, заключается в противоположном: (а) не только в его специализированное, но и в широкой (особенно в прошлом) распространенности практически во всех частях света, за исключением Австралии и лишь отчасти Америки; (б) в его роли связующего звена между различными обществами и культурами; (в) и наконец, не только в его хозяйственной, но также в социальной и исторической специфичности.

Возникает парадокс, который, предвосхищая содержание и выводы книги, вкратце можно сформулировать следующим образом. Общества, базирующиеся на одном из наиболее специализированных видов производящей экономики со сравнительно консервативной, лгало меняющейся во времени технологией, оказывали

существенное, хотя и не однонаправленное воздействие на социальное и политическое функционирование и эволюцию неочевых обществ с более диверсифицированной экономикой и развитой технологией. У самих номадов скотоводческая специализация и связанные с нею большая или меньшая хозяйственная односторонность и неавтаркичность нередко вели к направленным вовне собственного общества социальной мобильности и повышенной политической активности.

И главное, номады никогда не могли существовать сами по себе, без внешнего мира, представленного неочевыми обществами с иными системами хозяйства. Напротив, кочевое общество могло функционировать лишь до тех пор, пока этот внешний мир не только существовал, но и допускал возможность такой его реакции — социальной, политической, культурной, словом, всесторонней, при которой номады оставались номадами.

Таким образом, главный феномен номадизма, на мой взгляд, и заключается в его неразрывной и необходимой (коль скоро он остается номадизмом) связи с внешним миром, т. е. с иными в хозяйственном, культурном и социальном отношениях обществами. Обоснованию этого тезиса и посвящена данная книга.

В гуманитарных и социальных науках не раз можно было убедиться в том, что сведение сложного к простому, многих факторов к одному, значительно упрощало мыслительный процесс ученого и результат его исследования, но редко приносило позитивные плоды. То, что хорошо, или во всяком случае считается бонтоном в естественных науках, едва ли применимо к наукам о человеке. Проблема номадизма служит в этом отношении наглядным примером.

Не будучи автаркичным, номадизм не является закрытой системой ни по одному из своих основных параметров. Поэтому попытки определить функционирование и эволюцию кочевых обществ, исходя только лишь из них самих, с позиций экологического или (социально-)экономического детерминизма не могут привести к полному успеху. Правда, в качестве теоретических позиций они обычно не декларируются, — слово детерминизм сейчас явно не в моде, — но на практике они не так уж редки.

Конкретные исследования многих ученых свидетельствуют о том, что, хотя экология и экономика действительно являются одним из важнейших (но не единственных) факторов, определяющих специфику кочевых обществ, они тем не менее оставляют значительный простор для различных вариаций, притом не только хозяйственно-экономических, но и социально-политических. И главное, эти вариации связаны не только с внутренними, но и с внешними факторами.

Столь же неоправданными кажутся попытки безоговорочного распространения на номадов различных глобальных и универсальных схем всемирно-исторического развития человечества, выработанных к настоящему времени. Я не касаюсь сейчас вопроса о том, насколько верна или продуктивна та или иная схема. Дело в другом. Все они созданы на материалах по эволюции оседлых обществ, причем иногда лишь определенного региона, а затем механически переносятся на кочевников. Но связь кочевников с внешним миром — одно дело, их полное отождествление — другое. Недооценка специфики кочевых обществ так же опасна, как и переоценка.

Проблема «номады и внешний мир» потому-то столь сложна и многообразна, что ни с какой стороны не поддается упрощению. То, что верно по отношению к определенному кочевому обществу, еще нуждается в проверке применительно к другому. И кроме того, нельзя забывать про историю. То, что верно по отношению к современнымномадам, может оказаться неверным применительно к кочевникам древности и средневековья.

Но ни один ученый, даже основываясь на кабинетной работе, а не на собственных полевых исследованиях, не в состоянии дать сколько-нибудь полного и квалифицированного описания многих и тем более всех кочевых обществ, особенно, если он будет стремиться при этом не только к синхронии, но и к диахронии. Времена компедиумов типа «Weltgeschichte», составлявшихся усилиями одного ученого-компилятора, ушли в прошлое.

Выход один — максимально стремиться к типологиям, моделированию и генерализации, т. е. к неизбежному и сознательному упрощению и схематизации реальной действительности. На таком пути необходимо быть готовым к скептическому отношению коллег,

к неизбежному наличию в исследовании ряда лакун, спорных положений, возможных неточностей и даже ошибок, на которые коллеги в подобных случаях охотно и любезно указывают автору. Словом, надо быть готовым не к дифирамбам, а к критике, порой суровой и обоснованной. И если автор все же решается предпринять попытку установить, существуют ли какие-либо определенные закономерности во взаимоотношениях номадов с внешним миром, вместо того, чтобы продолжать заниматься исследованием конкретных кочевых обществ или кочевников конкретного региона, то лишь потому, что, по его мнению, время для подобной попытки уже созрело. Увидеть весь лес целиком за отдельными деревьями сейчас столь же необходимо, сколь рассматривать отдельные деревья этого леса. Географическая терминология, употребляемая в этой книге, не для всех может оказаться привычной. По причинам, которые разъясняются далее в тексте, автор разделяет Ближний Восток (Ирак, Аравийский полуостров, страны Благодатного Полумесяца и Северной Африки вплоть до Судана, а также Сомалийского полуострова) и Средний (Турция, Иран, Афганистан). Расширительное употребление термина Средний Восток закрепилось по довольно случайным обстоятельствам, связанным со Второй мировой войной. Как отметил Фишер (Fisher, 1966: 1—2): «Вплоть до 1939 г. превалировало некое расплывчатое и неопределенное разделение южной Азии на Ближний, Средний и Дальний Восток... Война 1939 г. одним ударом вывела вопрос территориального определения западной Азии из академических куш, в которых он в основном имел хождение. Военная провинция, протянувшаяся от Ирана до Триполитании и названная «Средним Востоком», стала свершившимся фактом». Едва ли этот факт должен быть обязывающим для антрополога.

В соответствии со старыми традициями русской и континентальной европейской науки в книге разделяются Центральная (Средняя) и Внутренняя (Центральная) Азия, которые в англосаксонской научной традиции обычно объединяются общим термином «Central Asia». Эти области тесно связаны друг с другом исторически, но тому, кто бывал в них или знаком с географической литературой, не надо объяснять имеющиеся между ними сущест-

венные физико-географические различия. Итак, Центральная (Средняя) Азия для автора — это область, ограниченная на севере Аральским морем и казахстанскими степями, на юге — системами Копет-Дага и Гиндукуша, на западе — Каспийским морем и на востоке — Памиром. Внутренняя (Центральная) Азия — область, включающая в себя Кашгарию, Джунгарию, Монголию и Тибет, ограниченная на юге Гималаями и на северо-востоке — хребтами Иньшан и Большой Хинган.

Материалы по кочевникам евразийских степей, полупустынь и пустынь занимают в книге непропорционально большое место по сравнению с материалами по кочевникам других регионов. Это не продиктовано никакой специальной целью. Просто именно им было посвящено большинство опубликованных автором работ пономадам и номадизму. Естественно поэтому, что с ними автор и знаком лучше всего, как по литературе, так и по полевой работе: этнографической в Центральной Азии, Калмыкии и Дагестане, археологической — в южнорусских степях, в Центральной Азии и на Северном Кавказе.

Специальный раздел этой книги посвящен происхождению кочевого скотоводства не только потому, что автор не вполне удовлетворен существующими гипотезами и теориями. Просто в книге о взаимоотношениях кочевников с оседлым миром, казалось интересным и целесообразным начать историю этих взаимоотношений *ab ovo*. Можно только согласиться с Боасом (Boas, 1940: 305): «Чтобы понять явление, мы должны не только знать, что оно собой представляет, но также, как оно возникло».

Особое внимание, которое уделяется в книге кочевникам древности и средневековья, там, где это возможно, отчасти продиктовано той же причиной, отчасти — соображениями иного рода. Кочевники наших дней прямо или косвенно уже вовлечены в современные экономические и политические системы оседлого мира, причем, как правило, иными способами и на иной основе, чем прежде. Характер их взаимоотношений с внешним миром претерпел качественные изменения. Изменения в кочевых обществах происходят сейчас столь быстро, что антропологи не всегда успевают их вовремя зафиксировать. Поэтому там, где речь идет о современ-

ном столетии, употребление настоящего времени в книге иногда чисто условное.

Правда, новое время не всюду наступало одновременно. Но начало процессу, коренным образом изменившему положение кочевников в нашем мире, было положено уже созданием сильных и централизованных государств позднего средневековья, таких, как Османская, Российская и Цинская империи. Колониальный период способствовал его интенсификации и распространению вширь, а в постколониальное время соответствующие тенденции только усилились и укрепились. Вопрос о том, сможет ли номадизм выжить в современном мире, вызывает большие сомнения. Приспособиться к этому миру ему позволяют не слишком часто. Каин снова убивает Авеля. Медленно, но верно и без особых помех, на этот раз прикрываясь самыми благородными намерениями. Правда и в наши дни, в порядке исключения, в некоторых регионах иногда отмечается кратковременное возрождение номадизма. Но оно имеет локальный характер и едва ли будет долговременным. При всех обстоятельствах, во многих случаях рискованно экстраполировать в прошлое современные полевые материалы и следующие из них выводы, без учета изменений в характере взаимоотношений номадов с внешним миром и их последствий, произошедших за последние два-три столетия.

Но данные по кочевникам древности и средневековья имеют один существенный изъян. В целом они сравнительно скудны и к тому же собраны не профессиональными антропологами, а лицами, в лучшем случае хорошо знавшими кочевников и их быт, но зато не читавшими ни Леттимора, ни Барта, ни Дайсон-Хадсона. И все же любая попытка проследить особенности номадизма не только в его нынешнем, довольно плачевном состоянии, но и в его историческом контексте, не может обойтись без этих данных.

Положение несколько облегчается потому, что там, где речь идет об экологических и даже хозяйственных основах номадизма, хуже всего освещенных в исторических источниках, но зато сравнительно мало меняющихся во времени, экстраполяция современных данных или данных недавнего прошлого не только неизбежна, но и в известных пределах допустима, хотя и со многими оговорками.

Но там, где речь идет о социополитической организации кочевников и особенно о конкретных формах их взаимоотношений с оседлым населением, без обращения к источникам не обойтись. К счастью, в отношении кочевников с древних времен оседлый мир занимался не одним только мифотворчеством.

Открывает не тот, кто наблюдает, а тот, кто делает свое наблюдение достоянием человечества, во всяком случае его заинтересованной части. В этом отношении приоритет явно принадлежал неномадам. Их знания о внешнем мире, по преимуществу, всегда носили утилитарный характер. Напротив, внешний оседлый мир со времен своего знакомства с кочевниками в целом всегда расширял свои знания, из утилитарных и эмоциональных становившихся все более научными.

Полное исследование этой темы — предмет особой книги, которая будет очень полезна и интересна, но которую предстоит написать кому-нибудь другому. Я лишь кратко отмечу основные этапы этого познания, далеко не завершенного, — если что-либо завершенное вообще существует в нашем мире.

Еще до того, как появились настоящие номады, древним государствам Западной Азии приходилось иметь дело с подвижными скотоводами и полукочевниками. Описания их образа жизни концентрируют внимание на его непривычности для оседлых жителей, но начисто лишены какой-либо специальной этнографической информации.

Первые века I тыс. до н. э., когда на смену скотоводам и полукочевникам II тыс. до н. э. в некоторых областях Западной Азии впервые появились настоящие кочевники, иногда выходцы из другого региона, были там временем шока и страха, вызванных неприятным знакомством с грозной и доселе невиданной силой. Библейские пророки, пожалуй, выразили его лучше других (см., например, Иеремия, V, 15—17). Библия и ассиро-вавилонские источники содержат некоторые данные о политической истории кочевников этого времени, но почти никаких прямых этнографических сведений.

Первый этап научного изучения кочевников охватывает античность, но отчасти, как бы по наследству, и часть средневековья. Кочевники в это время стали постоянным, хотя обычно

беспокойным и чаще всего малопривлекательным для оседлого населения фактором мирового порядка. Администраторы и полководцы оседлых стран, которым приходилось иметь с ними *дело*, *редко* утруждали себя научными исследованиями, а ученые, как правило, жившие вдалеке от номадов, за отдельными исключениями, чаще всего довольствовались стандартными описаниями их быта и нравов, столь отличными от быта и нравов земледельцев и горожан. Отсутствие земледелия, передвижение со скотом в зависимости от наличия травы и воды, отсутствие постоянных маршрутов перекочевки — такие описания, почти дословно повторяющиеся у греческих, римских, китайских, даже некоторых средневековых авторов, иногда кажутся просто переписанными друг у друга (ср. Геродот, IV, 46 про скифов, или Диодор, XIX, 94, 2 про набатеев, или Сыма Цян. *Ши Цзи*, гл. 110 про сюнну, или Аммиан Марцеллин, XIV, 4, 3, 5 про сарацинов и XXXI, 2, 10 про гуннов).

И все же древняя историческая традиция выработала представление об особом кочевом мире, в котором каждый народ похож на другой, но зато не схож ни с какими прочими, находящимися вне пределов этого мира. Представление это, питавшееся определенным жизненным опытом, а не только умозрительными заключениями, оказалось очень живучим. Ученые Халифата полностью разделяли представления своих античных предшественников. Правда, под пером Марвази (XII в.), писавшего про кочевников восточноевропейских степей и прямо ссылавшегося при этом на авторитет Гиппократов (как теперь выяснилось, псевдо-Гиппократов), древние скифы превратились в современных ему тюрок. Но суть от этого не менялась, коль скоро и этот ученый утверждал, что «в Европе все тюркские народы походят друг на друга, но не походят на другие народы».

Для греков в древности слово «скиф» означало не только принадлежность к определенному этносу, но и к северным кочевникам вообще, и то же самое означало слово «тюрк» для ученых Халифата. Подобные воззрения подкреплялись представлениями о наличии особого кочевого типа хозяйства и его зависимости от природно-географических условий. Истоки экологического направления в изучении номадов уходят в древность.

К этому же этапу восходят и первые изолированные попытки включить номадов в общую схему развития человечества, как в мифологическом виде утраченного золотого века или его антипода, так и в более научной теории трех стадий развития, разработанной Варроном. И, наконец, прагматически настроенные государственные деятели в весьма практических целях стали знакомиться с теми социальными и политическими особенностями номадов, в которых, по мнению наиболее прозорливых и дальновидных из них, одновременно заключались их сила и слабость. Отсюда, может быть, ведет СВОИ истоки социально-политическое направление в изучении кочевников. Второй этап, начавшись в средние века, захватывает часть нового времени. Отчасти он продолжал традиции предшествующего времени, обогатив и расширив их, отчасти внес много нового в изучение номадов, подготовив почву для следующего этапа. Конечно, у многих из тех, кто пережил сам или был свидетелем кочевых вторжений, эмоции и впечатления едва ли сильно отличались от чувств библейских пророков, описывавших нашествие киммерийцев и скифов в Западную Азию.

Но Рашид ад-Дин и Ибн Халдун руководствовались не эмоциями. Для них, государственных деятелей, кочевники были непреложным элементом политической жизни. Тем более чести делает им то обстоятельство, что вдобавок они были еще и учеными. В их трудах связь номадизма с определенной экологической средой впервые получила серьезное обоснование, а изучение социальной организации кочевников значительно продвинулось вперед. Рашид ад-Дин был одним из первых, кто серьезно обратил внимание на значение родственных и генеалогических связей для кочевников. И, наконец, в трудах обоих ученых и их менее известных предшественников и последователей кочевники впервые стали не побочным продуктом или антиподом цивилизации, abortивной линией истории, а ее интегральной, составной и даже необходимой адаптирующей частью. Без номадов была невозможна вся циклическая концепция цивилизации, созданная Ибн Халдуном.

Третий этап в изучении номадов связан со становлением современной науки. В Западной Европе, по мере того как ужасы

кочевых вторжении становились для нее историческим прошлым, исследование номадизма совершалось не столь эмпирическими путями, как на Востоке. В ней возобновились или, точнее сказать, начались заново попытки определить место номадов и скотоводов в целом в историческом процессе.

Теория трех стадий, столь популярная в XVIII и XIX. вв., в умах некоторых ученых оставляла место и для тех вопросов, которые волновали уже Ибн Халдуна. Многие из них пытались не только определить, но и оценить роль номадов в общем развитии человечества, в возникновении государства и цивилизации. В то время как Монтескье и некоторые другие подчеркивали эгалитарный характер кочевых обществ, Фергюссон и Адам Смит отмечали, что развитие скотоводства вело к социальной дифференциации. Кант усматривал истоки государственности в конфликте между кочевниками и земледельцами. Напротив, Гегель относил номадов ко второй доисторической стадии развития, для которой было уже характерно наличие социальных противоречий, но государство еще не возникло.

Таким образом, к началу XIX в. сформировалась определенная тенденция, или, может быть, лучше сказать инерция кабинетной научной мысли, стремившаяся рассматривать кочевников и скотоводов вообще (четкого разделения между ними не производилось) не столько как особый этнографический феномен, сколько как фактор общего развития человечества. На кочевников не только глядели глазами оседлых жителей, точнее, цивилизованных горожан. Они интересовали ученых в основном лишь постольку, поскольку укладывались в различные исторические концепции и схемы, основанные на земледельческом и городском пути развития общества, который приводил к возникновению цивилизаций.

Правда, в XVIII и особенно в XIX вв. стала бурно развиваться еще одна сторона кочевниковедения, долгое время слабо связанная с уже отмеченной. Пока философы о номадах, сидя в своих кабинетах, полевые у однако, не были профессиональными антропологами – в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в евразийских степях и Центральной Азии, нередко руководствуясь чисто практическими нуждами,

делали первые конкретные описания конкретных кочевых народов. Часто такие описания нельзя назвать особенно квалифицированными и тем более специализированными. Но это была сумма первичного материала, нуждавшегося и готового к обработке.

Четвертый этап в исследовании номадов можно датировать первой половиной XX в. Для него удивительным образом характерны, с одной стороны, общая антропологизация в исследовании номадизма, а с другой — определенный разрыв, образовавшийся между развитием антропологической теории и ее применением к кочевым обществам, несмотря на то, что полевые исследования теперь впервые стали проводиться и профессионалами. Это обстоятельство уже отмечено Дайсон-Хадсоном (Dyson-Hudson, 1972), который предложил и его соответствующее объяснение.

Правда, в общих построениях типа теории культурных кругов материалам по кочевникам и скотоводам отводилось большое место, но лишь в качестве примеров, которые должны были подтвердить уже сформулированные теоретические положения. Такие ученые конца прошлого — начала нынешнего века, как Ратцель, Гумплович, Оппенхаймер, Торнвальд, тоже проявляли теоретический интерес к кочевникам, но лишь как к активному фактору в развиваемой ими «завоевательной теории» происхождения государства. Тем самым они продолжали старое направление исследовательской мысли.

В то же время новые теории и научные подходы: ареальные исследования, концепции социокультурной и природно-географической адаптации, функционально-структурное, кросс-культурное, бихевиористское, неозволюционистское и экологическое направления в их различных проявлениях и разновидностях сравнительно мало использовали данные по кочевникам и в свою очередь оказали не слишком сильное влияние на исследования кочевых обществ*.

Разрыв между историческими и антропологическими исследованиями в области номадизма не только не сократился, но пожалуй, даже увеличился. За исключением работ Тойнби для

**Примечание к казахстанскому изданию.* То же можно заметить в отношении столь популярного сейчас постмодернистского направления и антропологии.

кочевников не нашлось должного и тем более специального места во многих концепциях эволюции и истории человечества, которые были предложены различными научными исследователями. В то же время антропологи, делавшие акцент на синхронных исследованиях, мало прибегали к использованию исторических материалов. Блестящая книга Леттимора (Lattimore, 1940) во всех отношениях стояла особняком.

В советской науке исследование номадизма производилось в рамках марксистского направления научной мысли в том виде, в котором оно сформировалось в 30—40-х гг. Для этого периода было характерно преобладание умозрительных общетеоретических выкладок над конкретными исследованиями, кабинетной работы над полевой, стремление доказать, что развитие кочевых обществ, в соответствии с принятыми историческим материализмом представлениями о последовательно сменяющих друг друга пяти универсальных социально-экономических формациях, ничем существенным не отличалось от развития оседлых. Неудивительно, что именно в этот период у кочевников были «открыты» рабовладельческая и феодальная формации. Однако в соответствии с иной, чем на Западе, научной традицией и под несомненным влиянием марксизма у советских ученых тех лет разрыва между историческими, археологическими и антропологическими исследованиями не было.

Новый, пятый этап в изучении номадизма начинается приблизительно одновременно на Западе и в СССР где-то в середине 50-х гг. и продолжается до наших дней. Впрочем, возможно, что вторая половина 70-х гг. знаменует собой наступление нового этапа. Так ли это, может показать лишь будущее.

Для рассматриваемого этапа характерно значительное расширение полевых исследований пономадам и увеличение числа ученых, занимающихся различными проблемами, связанными с номадами и номадизмом. Различные направления современной антропологической мысли в полной мере стали применяться и проверяться на материалах по кочевникам. В СССР политические изменения в послесталинский период до некоторой степени отразились и на науке. В советской антропологии значительно больше внимания

стало обращаться на отличия кочевых обществ от оседлых, на особенности их социально-политической организации, специфических путях функционирования и развития. Дискуссии по этим проблемам, начавшиеся в 50-х гг., в различной форме продолжаются и в наши дни. В последние годы известное распространение стали получать экологические исследования.

Отмечая особенности пятого этапа, я намеренно избегаю упоминания имен отдельных исследователей в связи с определенными научными подходами и парадигмами. Применительно к здравствующим, активно и плодотворно работающим коллегам, особенно трудно избежать субъективных оценок. Поэтому характеристику их теоретических воззрений лучше всего предоставить им самим или будущим историографам.

Также умышленно я не хочу обсуждать сейчас сравнительные достоинства и недостатки конкретных работ, посвященныхномадам, которые были опубликованы за последнее время. Я делаю это не из дипломатических соображений и не из боязни обидеть кого-либо из коллег. К оценке некоторых работ, в том числе критической, мне неоднократно придется еще обращаться далее в этой книге. Но критиковать легче, чем создавать. Поэтому во Введении мне хотелось бы подчеркнуть, что, по моему глубокому убеждению, все прочитанные мною научные работы по номадизму, как старые, так и новые, по своему ценны и полезны, а все научные подходы в исследовании этого феномена имеют свои преимущества. Для того, чтобы понять это, отнюдь не обязательно во всем и полностью соглашаться с ними. Достаточно простой непредубежденности.

Однако вместе с тем я еще раз хотел бы подчеркнуть и иное обстоятельство. Именно сейчас, когда накоплен значительный материал, когда значительно продвинулись теоретические исследования, номадизм вновь нуждается в комплексном изучении не только в статике, но и в динамике его функционирования и во всей совокупности его внутренних и внешних систем, структур, функции и связей. Номадизм надо рассматривать не только «изолированный вариант локальной, специфической или мультилинейной эволюции», но и как существенный и неотъемлемый фактор человеческой истории

Наконец, необходимо покончить с почти абсолютным преобладанием синхронных исследований и вернуть диахронии подобающее ей место в антропологии номадизма. Применительно к кочевникам я могу лишь повторить проницательный вывод, сделанный Эвансом Притчардом в 50-х гг. XX в.: «Рано или поздно антропологии придется выбирать: стать историей или стать ничем».

Конечно, работа с историческими источниками (как, впрочем, и с любыми другими) сопряжена с определенными трудностями. Конечно, эти источники не полны, а порой и не точны. Но все же из них можно извлечь много полезной и незаменимой антропологической информации. Палеонтолог не станет ворочать носа от обломка кости, а археолог — от черепка разбитого сосуда. Они довольствуются тем, что могут получить. Антрополог, чтобы стать историческим антропологом, должен примириться с тем историческим материалом, который он имеет, и научиться исследовать его наилучшим образом. Антропологическая критика письменных источников, по сравнению с исторической, находится пока в стадии становления. Тем не менее у нее, на мой взгляд, есть неплохие возможности и перспективы.

Столь же неоправданно снобистское отношение к сведениям ранних путешественников и наблюдателей. Жаль, конечно, что Волней или Буркхардт не читали ни Солцмана, ни Бонта, хотя в этом есть и свои преимущества. Но означает ли это, что их сведения лишены для антрополога всякой ценности? Учитывая изменения в кочевых обществах, произошедшие со времени опубликования их отчетов, у антропологов есть лишь два выхода: или ограничить себя изучением современной ситуации, или обратиться к материалам своих предшественников во всеоружии современных научных знаний и методов, и вместо того, чтобы указывать на их очевидные недостатки, постараться извлечь из них максимум полезной информации.

Союз или хотя бы диалог между антропологией и историей вполне осуществим и сулит неплохие плоды. Прецеденты уже имеются даже в исследованиях античной цивилизации. Чтобы не ходить далеко за примерами достаточно напомнить имена таких английских ученых прошлого поколения, как Эндрю Лэнг (Andrew Lang), Джейн Харрисон (Jane Harrison), Гилберт Мэррей

(Gilbert Murray), Х. М. Чэдвик (H. M. Chadwick) и нашего современника М. Дж. Финли (M. J. Finley). И если история пока выиграла от такого союза больше, чем антропология, то лишь потому, что историки раньше стали обращаться к антропологическим материалам и антропологическим методам исследования, чем антропологи — к историческим. Финли (Finley, 1975: 108) прав, когда замечает, что «начиная с Малиновского, антропологи слишком болезненно отреагировали на исторические спекуляции и однолинейный эволюционизм своих предшественников, отрицая не только их плохие методы, но также и сам предмет их исследования; процедура, хотя и понятная, но неоправданная». Я могу лишь добавить к этому, что нередкое отождествление марксизма и эволюционизма с историзмом едва ли оправданно. Исторический подход вполне совместим с различными антропологическими школами и парадигмами.

Феномен номадизма вновь нуждается в холическом подходе, с учетом предшествующих исследований и современных научных концепций. Идеальным случаем было бы вновь увидеть весь лес в целом, не упуская при этом из виду каждое конкретное дерево. Одному ученому такая задача не под силу. Автор рад уже тому, что в своем стремлении он сейчас не одинок. Попытки в этом направлении уже стали предприниматься и, надо надеяться, будут предприниматься в будущем. Ведь в конечном *счете de nihilo nihil**.

*Из ничего ничего не бывает (лат.)

Глава I

Номадизм как особый вид производящей экономики

Что такое номадизм?

О терминах не спорят, о терминах уславливаются. К сожалению, на практике это правило соблюдается не слишком часто, и номады не составляют в данном случае приятного исключения. Различные ученые вкладывают в термин «номады» различный смысл, причем с давних пор в его употреблении заметны две основные тенденции. Для одних номады — все, кто ведет подвижный образ жизни, вне зависимости от его хозяйственной специфики, для других — экстенсивные и подвижные скотоводы, совсем не занимающиеся земледелием или практикующие его в ограниченном размере, в качестве второстепенного и вспомогательного занятия.

Первое, слишком расширительное понимание номадизма, кажется, постепенно выходит из употребления, хотя и встречается до сих пор (например, де Планоль (de Planhol, 1966: 277) называет номадами австралийских аборигенов; Ли и Ди Во (Lee and De Vore, 1968: 11—12) — всех охотников и собирателей, а Аверкиева (1970: 3 ел.) — конных охотников на бизонов; см. также Мэрдок и Уилсон (Murdock and Wilson, 1972: 256—257); Симонсен (Simonsen, 1972: 190).

На мой взгляд, бродячие охотники и собиратели, с одной стороны, и подвижные скотоводы, с другой, имеют между собой слишком мало общего, чтобы объединять их под общим наименованием. Основы их хозяйства, в первом случае присваивающего, во втором — производящего, принципиально различны; поэтому сама их подвижность вызывается различными причинами и носит различный характер. Кробер (Kroeber, 1947), очевидно, осознавал это, когда противопоставлял «скотоводческий номадизм» и «при-

митивный номадизм». В равной мере термин «номады» неприменим и к другим подвижным группам, будь то этно-профессиональные группы вроде цыган, или так называемые «морские кочевники» Юго-Восточной Азии, или не полностью оседлые земледельцы, или некоторые группы рабочих в современных индустриальных государствах (т. н. индустриальная мобильность).

Поэтому за охотниками и собирателями, не ведущими оседлый образ жизни, лучше всего закрепить термин «бродячие» (соответственно: полубродячие, полuosедлые и т. д.), за подвижными экстенсивными скотоводами — «кочевые». Подобный взгляд в последнее время находит поддержку у многих специалистов (см. например, Forde, 1963: 33—34, 406; von Wissmann and Kussmaul, 1959: 874; Krader, 1966: 408—409; Spooner, 1973: 3; Хазанов, 1975: 5—6; Андрианов, 1978: 120). Таким образом, мы возвращаемся к первоначальному значению термина, к тому смыслу, который вкладывали в слово «номады» древние греки. «...И возвращается ветер на круги своя» (Екклесиаст, 1.6)

Однако если понимать под номадами любых подвижных скотоводов, это также приведет к слишком широкому и неопределенному употреблению термина, потому что скотоводство представлено весьма разнообразными формами. Очевидно, определение кочевого скотоводства как особого вида производящей экономики должно исходить из совокупности тех его хозяйственных особенностей, которые отличают его от остальных родов, видов и даже разновидностей хозяйственной деятельности.

На мой взгляд, к числу важнейших особенностей кочевого скотоводства, определяющих его хозяйственную сущность, относятся: 1) скотоводство как преобладающий вид хозяйственной деятельности; 2) его экстенсивный характер, связанный с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму; 3) связанная с потребностями скотоводческого хозяйства периодическая¹ подвижность в пределах определенных пастбищных территорий

Следует делать различие между регулярными перекочевками (например, на сезонные пастбища у кочевников евразийских степей) и иррегулярными (например, у кочевников внутренней Сахары). Но в любом типе номадизма подвижность рано или поздно становится неизбежной.

или между ними (в отличие от миграций); 4) участие в перекочевках всего или большей части населения (в отличие, например, от пастушеского или отгонно-пастбищного скотоводства); 5) натуральный, т. е. направленный в первую очередь на удовлетворение непосредственных нужд характер экономики (в отличие от современного капиталистического ранчо или молочного фермерства). Последний признак уже не применим, или применим лишь частично, к некоторым группам современных кочевых скотоводов, втянутых в мировую рыночную систему, но в прошлом он был для них достаточно характерным. И в прошлом кочевое скотоводство не являлось полностью самообеспечивающей экономикой. Но производство в нем не было предназначено специально для получения прибыли, хотя иногда в значительной мере было ориентировано на обмен. Именно эти хозяйственные особенности нomaдизма представляются основными. С одной стороны, они определяют его специфику как особого вида производящей экономики, отделяя и ограничивая его от других родов и видов хозяйственной деятельности. С другой стороны, они позволяют объединить в одну группу и систематизировать принципиально близкие типы и подтипы хозяйственной деятельности (в данном случае кочевого скотоводства), в сравнении с другими отличающиеся лишь второстепенными чертами. Наконец, именно с ними в большей или меньшей степени сопряжены все основные экономические, социальные, политические, культурные параметры нomaдизма и даже его взаимоотношения с внешним миром.

Таким образом, с хозяйственной стороны кочевое скотоводство можно определить как особый вид производящей экономики, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в периодические перекочевки. Пожалуй, можно еще добавить, что кочевое скотоводство, как, впрочем, и все основные виды хозяйства, соответствует определенному технологическому уровню. Оно занимает место между двумя революциями, включая их последствия, — неолитической и индустриальной.

С точки зрения предложенного определения, кочевое скотоводство является единым видом производящей экономики,

противостоящим другим видам как присваивающей (например, различным видам охоты, рыболовства и собирательства), так и производящей экономики (например, различным видам подсечно-огневого и мотыжного земледелия, плужного земледелия и т. д.)- Однако необходимо учитывать, что кочевое скотоводство в хозяйственном отношении не отделено от других видов производящей экономики непроницаемой стеной, а, напротив, связано с ними рядом переходных форм, в основе которых лежит постепенно уменьшающийся удельный вес скотоводства. Между ними не всегда проводят надлежащей грани (см., например, Kroeber, 1947: 323—324; Марков, 1976: 209; Marx, 1977: 344—345), что подчас может вести к искаженной картине номадизма. Ведь термин «скотоводческий» или «скотоводство», хотя и широко распространенные, сами по себе являются слишком неопределенными и неконкретными.

Основные формы скотоводства

Сколько-нибудь общепринятая классификация различных форм скотоводства в настоящее время отсутствует. Более того, некоторые антропологи иногда даже выражают сомнение в ее необходимости и целесообразности (см., например, Dyson-Hudson, N., 1972: 8; Dyson-Hudson, R., 1972: 31, 47), очевидно, разделяя в этом отношении принцип Лича (Leach, 1961: 3), объявившего создателей типологий и классификаций всего-навсего «коллекционерами антропологических бабочек» (ср., однако, Barth, 1966: 22). При этом обычно указывается на наличие индивидуальных и групповых хозяйственных вариаций в обществе.

Подобные сомнения, хотя они нередко покоятся на полевых исследованиях, не представляются достаточно убедительными. Классификации основных форм скотоводства рассматривают хозяйство общества в целом, естественно, уделяя наибольшее внимание его главным и определяющим направлениям. Например, во многих обществах, основанных на полукочевой скотоводческой или смешанной экономике, и даже в некоторых аграрных обществах, имеются семьи и группы, которые совершенно не занимаются земледелием, полностью посвятив себя скотоводству. Однако напрасно мы стали бы на этом основании называть подобные общества кочевыми

скотоводческими. В данных случаях мы сталкиваемся с профессиональной специализацией и разделением труда внутри одного и того же общества, в то время как подлинно кочевое скотоводческое общество влечет за собой разделение труда между различными обществами.

Правда, с начала XX в. классификацией скотоводческого хозяйства довольно много занимались географы, особенно французские (см., например, Bernard and Lacroix, 1906, *поп vidi*, Despois, 1949: ff. 217—325; Sorre, 1950: 642—653; Veyret, 1951; Capot-Rey, 1953: 251—252), очевидно, потому, что в их науке нет предубеждения против классификаций. «Классификации являются основой в нашем учении о географии» (Clarke, 1959: 95). Однако многие из предложенных географами классификаций имеют региональный характер. К тому же они, естественно, отражают принципы и потребности их собственной науки и поэтому не всегда и не во всем приемлемы для антрополога.

Разумеется, классификация ради классификации — нонсенс. Разумеется, ни одна антропологическая классификация не может вместить в себя все многообразие конкретных случаев и любую локально-временную специфику и уже поэтому не должна быть слишком жесткой и обязывающей. Однако в тех случаях, когда классификация не является самоцелью, а способствует более глубокому пониманию сущности рассматриваемого явления и его генезиса, она оказывается полезной. Без классификаций и типологий невозможны многие генерализации, а без генерализаций — антропологические теории, в том числе общие теории нomaдизма.

Различные ученые избирали разные категории для классификаций скотоводческого хозяйства как на региональном, так и на глобальном уровнях: географическое распространение, состав стада, длина перекочевов, направленность перекочевов, периодичность, перекочевов, характер жилищ, степень оседлости, характер оседлости, удельный вес земледелия в системе хозяйства и т. д. (помимо уже упомянутых работ см., например, Arbos, 1923: 559—561; Patai, 1951: 401—414; Bacon, 1954: 55; Barth, 1962: 342—343; *Nomadic Pastoralism as a Method of Land Use*, 1962: 358; Jacobs, 1965: 145—149; Whyte, 1966; Poucha, 1968: 121—122; Rathjens, 1969: 20—28;

Juhnson, 1969; Rudenko, 1969: 15—26; Murdock and Wilson, 1972: 256—257; Baxter, 1975: 207; Хазанов, 1975: 5—8; Khazanov, 1978b: Симаков, 1978; Андрианов, 1978: 123). В этом отношении для одного лишь историографического обзора едва ли хватило бы целой главы.

Большинство подобных классификаций в принципе нельзя считать верными или неверными. Вопрос в другом — насколько адекватно они служат конкретным целям конкретного исследования. Желая отвести возможный упрек, что «составители типологий никогда не объясняют, почему они выбрали именно ту, а не иную систему» (Leach, 1961: 3), оговорю заранее, что именно в соответствии с темой данной книги в основу предлагаемой классификации положен постепенно уменьшающийся удельный вес скотоводства в общем балансе производящего хозяйства традиционных обществ. Я придаю большее значение соотношению скотоводства и земледелия в системе хозяйства, чем, например, степени подвижности, еще и потому, что известны и подвижные формы земледелия, притом не только подсечно-огневые, но и основанные на применении пахотных орудий и паровых севооборотов, включая трехполье, например, у восточных славян вплоть до XIX в. (Шенников, 1971). В практически бесконечном ряду конкретных форм скотоводческого хозяйства в качестве основных выделяются:

Кочевое скотоводство, которое в своих чистых проявлениях характеризуется отсутствием земледелия даже в качестве вспомогательного занятия. Вопреки все еще встречающемуся мнению, чистые номады отмечены лишь в некоторых регионах распространения (Северная Евразия, Высокогорная Внутренняя Азия, евразийские степи, Аравия, Сахара), но и в них кочевое скотоводство сосуществует, как правило, с другими формами скотоводства. Значительно более распространено полукочевое скотоводство.

Полукочевое скотоводство характеризуется тем, что, хотя экстенсивное скотоводство с периодической сменой пастбищ на

² Любопытно отметить, что некоторые ученые, выражающие сомнения в применимости подобного критерия, на практике довольно широко его используют, хотя и не всегда последовательно (см., например, Johnson, 1969: 17, 94, 97, 106, 148, 164, 170, 174, 175).

протяжении всего или большей части года является и в нем преобладающим занятием, в качестве второстепенного и вспомогательного оно дополняется земледелием. Впрочем, в Северной Евразии полукочевое скотоводство сочетается с иными родами хозяйственной деятельности (см. с. 118—119).

Даже ограниченное занятие земледелием оказывает существенное воздействие на многие стороны жизни полукочевников, в частности на видовой состав стада, маршруты перекочевок, их сезонность и т. д. (см., например, Хазанов, 1975: 11 сл. про полукочевников евразийских степей; Doughty, 1988, т. 1: 234; Першиц, 1961: 37—39 про полукочевников Аравии; Evans-Pritchard, 1949: 35; Clarke, 1959; Johnson, 1969: 105, 109, 112—113, 115, 119, 130, 142, 148, 164, 168, 174, 175 про полукочевников Северной Африки и Сахары; Cunnison, 1966: 22 про хумр баггара; Barth, 1964b: 15—22; Swidler, 1973: 33—37; Spooner, 1975: 176 про полукочевников Белуджистана; Ferdinand, 1969: 143; Ferdinand, 1969a: 108 сл. про полукочевников Афганистана; Kussmaul, 1962: 223 про полукочевников Тибета).

Полукочевое скотоводство, как, впрочем, и любое другое, в различных регионах ойкумены представлено большим количеством разнообразных вариантов. Пожалуй, важнейшими из них являются следующие два: 1) когда одни и те же группы данного общества (или субобщества) занимаются и скотоводством и земледелием; 2) когда в рамках данного общества (субобщества) подчас с единой социополитической системой имеются группы, уделяющие преимущественное или даже исключительное внимание скотоводству, наряду с группами, преимущественно занимающимися земледелием.

Оба этих варианта распространены почти повсюду, где обитают полукочевники (см., например, Оразов, 1975: 215, 216 — про туркмен Ахала; Capot-Rey, 1953: 220 про полукочевников Сахары; Evans-Pritchard, 1949: 35 про полукочевников Киренаики; Fazel, 1973: 131 про бойр ахмад в юго-западном Иране; Ferdinand, 1969: 147 про полукочевников Афганистана; Barth, 1956: 1082 про кухистанцев).

В Ливийской (западной) пустыне Египта племя джавабис в целом участвует как в скотоводстве, так и в земледелии, а также в перевозке грузов. Но в той же пустыне имеются и другие племена разделенные на две секции, одна из которых ведет сравнительно оседлый, а другая — полностью кочевой образ жизни. Тем не менее обе секции представляют собой определенное социальное единство и имеют общего шейха (Awad, 1962: 334). Фукуи (Fukui 1970: 108—109, 121), изучавший иракку в Северной Танзании, выделяет в качестве особой формы «агро-скотоводческую экономику», в которой в отличие от смешанной фермерской экономики оба элемента хозяйственной деятельности отделены один от другого. На самом деле, очевидно, мы имеем дело с конкретным проявлением второго варианта полукочевого скотоводства. Аналогичная картина в Восточной Африке наблюдается, например, у покот, с той лишь разницей, что у них представлены оба варианта полукочевого скотоводства (Schneider, 1957: 279; Schneider, 1964: 70; Porter, 1965: 409—420; Conant, 1966: 505—507).

Одной из разновидностей первого варианта полукочевого скотоводства являются случаи, когда мужчины кочуют со скотом, а женщины остаются на месте и занимаются земледелием. В той же Восточной Африке это отмечено, например, у джи и каримоджонг, что нашло отражение в пословице джи — «зерно — это скот для женщин» (Gulliver, 1955: 61; Dyson-Hudson, R. and N., 1969: 79). Также и у некоторых групп сомали мужчины занимаются скотоводством, женщины — земледелием (Lewis, 1955: 88). В какой-то мере это свойственно фулани (Stenning, 1959: 7), теда (Johnson, 1969: 151—152) и некоторым другим группам скотоводов Сахары (Capot-Rey, 1953: 220) и т. д.

С хозяйственной стороны полностью кочевое и полукочевое скотоводство особенно тесно связаны друг с другом, нередко взаимнообратимы, образуя многочисленные переходные состояния в зависимости от локальной специфики, конкретно-исторической ситуации и, разумеется, экологических условий.

Например, между кочевым скотоводством и полукочевым, практикующим земледелие в качестве второстепенного, но регулярного занятия, существуют переходные формы, при которых занятие

земледелием имеет нерегулярный, не- ежегодный характер. Они отмечены, например, у беджа в Ливии, Южном Алжире, Южном Марокко, Мавритании, Сахаре (Paul, 1954: 13- Capot-Rey 1953, 220; Capot-Rey, 1962: 302; Nicolassen, 1963: 184).

В одних случаях полукочевое скотоводство может быть сравнительно стабильной хозяйственной системой и длительное время функционировать в более или менее неизменном виде, в других — этапом на пути перехода от кочевого скотоводства к смешанному хозяйству, в третьих, напротив, этапом на пути от смешанного хозяйства к кочевому скотоводству.

В евразийских степях многие из тех, кого традиционно считали и считают кочевниками, например, скифы, сунну, хазары, золотоордынские татары, и особенно крымские татары, туркмены и многие другие имели в своем составе полукочевые группы, иногда весьма стабильные (Rudenko, 1969: 17; Хазанов, 1975: 11-12). У фулани (Stenning, 1965: 366) и белуджей (Swidler, 1973: 37) изменение полукочевого хозяйства могло происходить в обоих направлениях, но в Тибете полукочевое скотоводство развивалось только в чисто кочевое (Ekwall, 1968: 22-23).

Однако и у полукочевников земледелие является всего лишь вспомогательным видом хозяйства, по определению Кредера (Krader, 1959: 505), «дополняющей формой хозяйства, ориентированного на удовлетворение насущных потребностей», как правило, не обеспечивающим полностью соответствующих потребностей. Поэтому в хозяйственном отношении полукочевники тоже зависят от внешнего мира.

В некоторых регионах, в частности в евразийских степях, на Ближнем и Среднем Востоке, иногда целесообразно дополнительно выделить полуоседлое скотоводство. Если не касаться отдельных нюансов — бессмысленного занятия при попытках создать генерализированную классификацию, то можно отметить, что полуоседлое скотоводство приблизительно соответствует тому, что Форд (Forde, 1963, с. 404) называл «оседлым земледелием с вспомогательным скотоводством», и еще больше тому, что иногда называют «смешанным земледелием» (Barth, 1976: 75).

Полуоседлое скотоводство отличается от полукоочевого главным образом тем, что при нем земледелие в общем балансе хозяйства становится преобладающим. Полуоседлое скотоводство также подразумевает наличие сезонных откочевок и/или отдельных преимущественно скотоводческих групп и семей в данном обществе. Но в однотипной экологической обстановке эти откочевки обычно являются более короткими и менее продолжительными по сравнению с перекочевками полукочевников. Кроме того, нередко полуоседлые скотоводы практикуют в ограниченном размере заготовку кормов. Так, у каракалпаков летом большая часть жителей аула откочевывала на пастбища и жила на них в юртах, хотя нередко сами эти пастбища находились на расстоянии всего нескольких сот метров от аула (*Народы Средней Азии и Казахстана*, 1962: 440—441). У полуоседлых киргизов в конце XIX — начале XX в продолжительность кочевания не превышала 3—3,5 месяцев, и к тому же не все члены семьи в период кочевания находились неотлучно со скотом; часть их круглосуточно жила оседло и занималась земледелием (Симаков, 1978: 24; ср. Ferdinand, 1969: 129) про полуоседлых скотоводов Афганистана).

Пастушеское или отгонно-пастбищное скотоводство характеризуется тем, что большая часть населения живет оседло и обычно занимается земледелием, а скот весь год или значительно чаще — какую-то его часть содержится на вольном выпасе и выпасается специализирующимися на этом людьми — пастухами. Обычно часть года скот содержится в загонах или стойлах, что подразумевает заготовку кормов. В немецкой литературе эта форма скотоводства иногда называется «*Teilnomadismus*» (см., например Poucha, 1968: 121; Kussmaul, 1969: 32).

Специфика отгонно-пастбищного скотоводства заключается не только в том, что оно прерывает с необходимостью для целых человеческих групп следовать за скотом. В конце концов и у некоторых кочевников и полукочевников скот и большинство людей движутся по разным маршрутам (см., например, Gulliver, 1955: 125—126 про туркана или Asad, 1970: 19 про кабабиш). Главное, что эта форма скотоводства дает возможность большинству практикующего ее населения постоянно жить оседло.

Пастушеское скотоводство обычно присуще обществам с большим или меньшим преобладанием земледелия. Но и скотоводство в них также является важной отраслью хозяйства, настолько важной, что экономика в целом иногда приближается к смешанной. Пастушеское скотоводство было с древних времен широко распространено в евразийских степях, Аравии, Северной Африке и на Среднем Востоке. В недалеком прошлом у многих групп узбеков весной и летом овец угоняли на пастбища, а осенью и зимой держали в загонах поблизости от кишлаков. Пастушеские навыки передавались из поколения в поколение в определенных семьях (*Народы Средней Азии и Казахстана*, 1962: 221—222). Хассан ибн Табит, панегирист Мухаммеда, выходец из оседлого мединского племени, был одним из первых, кто нарушил твердую традицию древнеарабской поэзии и вместо описания бедуинской жизни рассказал о своем собственном племени, скотоводство которого имело явные черты пастушеского. «Наше племя владеет каменистой местностью, окруженной горами, в которой знатные люди построили свои жилища и которую сделали годной для жизни.

Здесь растут пальмовые деревья, между которыми прорыты каналы в песчаной и каменистой земле и имеется защитный вал...

Если ты придешь в эту каменистую местность, ты найдешь здесь стойло с верховыми животными и стада свободно пасущихся домашних животных» (цит. по Фильштинский, 1977: 147).

Ибн Бишр, недждийский летописец XIX в., оставил описание пастушеского скотоводства в оазисах Аравии в эпоху первого ваххабитского государства:

«Жители Судайра оставляют весной своих верблюдов, породистых и [простых] лошадей [на пастбищах]. Они нанимают человека, который их поит, посещает их хозяев, возвращается к животным, а они на своих местах. Он поправляет их путы и оковы, затем уходит от них» (цит. по Васильев, 1967: 200—201).

В Иране в деревнях нередко имеются специальные пастушеские группы, члены которых в течение трех-четырех месяцев в году пасут скот в пустынных и степных районах (Barth, 1962: 342; см. также de Planhol, 1966a: 303—304) про луров и иранских азербайджанцев; Spooner, 1976 про сангсари).

Удельный вес скотоводства обычно является наиболее значительным специализированном горном варианте который в советской антропологической литературе часто называют яйлажным (от тюркского слова яйлаг — летнее пастбище в горах).

Яйлажное скотоводство позволяет населению, практикующему земледелие в определенных экологических зонах, использовать другие в качестве сезонных пастбищ в период их наивысшей продуктивности (Barth, 1962: 342). Часть времени в году скот выпасают на горных пастбищах, а часть — перегоняя его в более низкую зону.

В западной литературе яйлажному скотоводству более или менее соответствует понятие транехьюмэнс — высокогорное альпийское скотоводство (transhumance, la transhumance, transhumanz)— см., например, определение его, предложенное Кредером (Kräder, 1966: 409). Но, как справедливо отмечено Джонсоном (Johnson, 1969: 18—19), многие ученые нередко смешивают транехьюмэнс с вертикальными вариантами кочевого и полукочевого скотоводства, игнорируя, с одной стороны, историю этого термина, происходящего из испанского языка и первоначально введенного для обозначения специфических форм скотоводства в Пиринеях, Альпах и других горных районах Европы (Sorge, 1950: 647), а с другой, более существенной стороны, упуская из виду, что вертикальное передвижение скота само по себе определяет не форму скотоводческого хозяйства, а лишь его отдельные особенности (Bacon, 1954: 54).

Иногда встречается еще более широкое и еще менее оправданное употребление этого термина для обозначения любых сезонных перекочевков при различных формах скотоводства, особенно для таких, которые не являются чисто кочевыми, или для описания

хотя большинство - к пастушескому (см., например, данные по сравнительно хорошо изученному скотоводству в горных областях Европы и Кавказа: Arbos, 1923: 562-564; Haufler, 1955; *Veihzurht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa*, 1961; Krantzalov, 1963; Maltey, 1968: 231-261; Гамкрелидзе, 1968: 237-247; *Viehwirtschaft und Hirtenkultur*, 1969 Мандыбура, 1972: 7-9; Исмаилов, 1973: 59; Мамбетов, 1974: 134 сл.; Клепикова, 1974: 5-36; Робакидзе, 1978: 15-18; Шамиладзе, 1979)

Однако в евразийских степях, на Среднем Востоке и в Северной Африке яллагное скотоводство нередко сосуществует с полукочевым и кочевым (см., например, Janata, 1962/1963: 95—96-Schurmann, 1962: 68—70, 277—278 про северных тайманни в Афганистане; Coon, 1978: 215 про курдов; Gelber, 1969- 31—32 207—208 про берберов Высокого Атласа).

Оседлое скотоводство в первобытных и традиционных обществах, как правило, не является основным видом хозяйства. Оно лишь дополняет земледелие, и, как другие формы скотоводства, представлено различными вариантами.

Один из них — *придомно-стойловое* скотоводство в зависимости от природно-климатических условий, времени, специализации хозяйства, его технологического уровня и ряда других факторов характеризуется тем, что часть года скот пасется на прилегающих к селению пастбищах (обычно с ежедневным возвращением животных к месту поселения), а часть — содержится в стойлах или загонах с соответствующей подкормкой.

Если стремиться к дальнейшему подразделению данного варианта на ряд разновидностей, то в основу выделения их можно положить удельный вес специально заготавливаемых кормов в содержании скота. Тогда на одном полюсе будут преимущественно экстенсивные разновидности, а на другом — полунтенсивные или даже преимущественно интенсивные.

Еще одним вариантом оседлого скотоводства является *придомное оседлое скотоводство с вольным выпасом* — одна из наиболее примитивных форм скотоводства, при которой заготовка кормов и загонно-стойловое содержание скота вообще отсутствуют или сведены до минимума.

Хотя придомное оседлое скотоводство с вольным выпасом и явилось генетически едва ли не древнейшей формой, оно могло сохраняться в земледельческих обществах и много позднее, наряду с более развитыми. В России, например, оно продолжало существовать даже в XIV—XVI вв. (Шапиро, 1977: 72). Для него характерны небольшое количество разводимого скота и минимальный уход за ним.

В заключение отмечу, что предлагаемая классификация не является плодом только лишь кабинетных усилий, а в известной мере основана на многовековых традиционных представлениях и критериях самих скотоводов. В одном из бухарских документов конца XVI в. проводится различие между жителями деревень, кишлаков и степи, т. е. между оседлыми земледельцами, полукочевниками и кочевниками (Бартольд, 1963д: 467). Арабы различали чистых кочевников-верблюдоводов, овцеводов, иногда фактически являвшихся полукочевниками, полуоседлых скотоводов и земледельцев (ср. Musil, 1928: 44—45; Dickson, 1951: 108—111; Coon, 1976: 198—199).

Рассмотренные формы скотоводства являются также различными способами хозяйственной адаптации, которая в конечном счете определялась действием самых различных факторов. В то же время нельзя упускать из виду, что в конкретно функционирующих обществах эти формы не являются абсолютно статичными. Напротив, они лишь указывают на параметры подвижной и способной к трансформации хозяйственной системы, могут сменять друг друга на одной и той же территории, притом не всегда в одинаковой и однообразной последовательности. Однако в той мере, в которой контрверза между номадизацией и седентаризацией определяла сущность многих форм скотоводческого хозяйства и его изменений, удельный вес сопутствующего им земледелия остается одним из важнейших критериев.

Кочевое скотоводство и тем более другие формы экстенсивного скотоводства по многим своим характеристикам и признакам демонстрируют значительное разнообразие. В данной работе нет ни возможности, ни необходимости разбирать их все. Меня интересует лишь вопрос об их пригодности в качестве критериев для

типологии кочевого скотоводства, основанной на его географическом распространении.

Видовой состав стада

Видовой состав стада, его структура, т. е. половозрастной состав, а также характер использования разводимых животных в первую очередь определяются их биологическими особенностями и естественно-географическими условиями. Но свое воздействие оказывают также экономические, социальные, политические и культурные факторы, в лучшем случае лишь косвенно связанные с экологией (Jones and Whittlesey, 1932: 379; Forde, 1963: 400).

В Монголии в 50-х гг. XX в. в однотипной экологической обстановке зажиточные хозяйства больше внимания уделяли разведению крупного рогатого скота, а бедные — мелкого; зажиточные больше занимались овцеводством, а бедные — козоводством (Жагварал, 1974: 98). Многие монголы стремились иметь в своем хозяйстве больше лошадей, чем это вызывалось чисто хозяйственной целесообразностью. Один из информаторов дал в 1948 г. этому следующее объяснение: «Поскольку я имею лошадей, я даю другим пользоваться ими для поездки, угощаться кумысом и благодаря этому люди ко мне расположены и оказывают мне всяческую помощь, в частности в перекочевках, в присмотре за скотом, в стрижке шерсти и доставке ее в кооператив, в выполнении уртонной службы (т. е. почтово-транспортной повинности. — А. Х.). Это заслуга лошадей» (Жагварал, 1974: 99).

Бедуины Аравии держали лошадей из престижных и военных соображений, хотя природно-географические условия явно не подходили для этих животных, и гордились их родословными почти так же, как своими собственными.

По мнению Стауффера (Stauffer, 1965: 292), пропорция овец и коз у номадов Ирана зависит от их близости к рынкам. Чем к ним ближе, тем больше в стадах овец, чем дальше — тем больше коз, которые имеют меньший спрос на рынках, но зато более неприхотливы и дают на 50—100 % молока больше.

Все копытные (*ingulata*), в том числе дикие предки разводимых кочевниками животных, в эволюционном отношении представ-

ляют собой молодую и прогрессивную группу, оказавшуюся способной к быстрому расселению по ойкумене после окончания ледникового периода или исчезновения лесов в связи с климатическими изменениями. Отличительной особенностью их, закрепленной и даже усиленной у их домашних потомков, является высокая степень приспособления к условиям обитания, способность в первом же поколении резко изменить поведение, если изменяется окружающая среда (Баскин, 1976: 187).

Тем не менее законы биологии и экологии в полной мере действуют и среди копытных животных. Поэтому разведение северных оленей эффективно только в условиях тундры, верблюдов — пустыни, а яков — высокогорья. Поэтому арабские племена Южного Кордофана и Дарфура перестали быть верблюдоводами, так как условия саванны не благоприятствовали разведению этого вида скота (Awaci, 1962: 330).

Приведу еще один пример, касающийся верблюдов. Их многократно декларируемая неприхотливость в выборе пищи на самом деле относится лишь к богатым солью пустынным растениям. Выросшие в пустыне верблюды, попав на обильные пастбища, худеют и в конце концов гибнут (Баскин, 1976: 71). Точно так же по экологическим причинам — недостаток кормов — провалилась попытка введения зебу у туарегов Ахаггара (Nicolaisen, 1961: 49).

Конечно, такие животные, как овцы, козы, отчасти даже лошади и коровы, обладают большей лабильностью, чем сравнительно специализированные виды. Поэтому география их распространения значительно шире. Но одно дело приспособительные способности этих животных, а другое — хозяйственная целесообразность и эффективность их разведения в конкретных экологических зонах. Козы и овцы в целом способны пастись в одних и тех же экологических зонах. И действительно, в евразийских степях, на Среднем Востоке, в Северной и Восточной Африке их часто пасут вместе, причем козел в таком случае играет роль вожака. Однако козы менее прихотливы в корме, лучше приспособлены к резким колебаниям температуры, более выносливы; зато они не любят влажности (Dahl and Hjort, 1976: 250—251) и продукты их, за исключением специализированных пород, худшего качества. Туареги

в полной мере учитывают биологические различия, существующие между этими животными, в одних случаях, как например, в Южном Аире, ориентируясь на преобладание овец среди мелкого рогатого (1963: 45-46)

В отношении видового состава стада кочевое скотоводство сразу же можно подразделить на моноспециализированное и мультиспециализированное. В то время как кочевники Крайнего Севера разводят одних лишь оленей, большинство остальных кочевников Старого Света (о проблеме номадизма в Новом Свете см. с. 152—153) одновременно разводят различных животных хотя и разумеется в различных пропорциях. Не надо только упускать из виду, как это делает Кредер (Krader, 1959: 500), что сама моноспециализация может происходить на различных уровнях. У оленеводов она характерна для кочевого общества в целом, а на Ближнем Востоке — подчас присуща отдельным кочевым группам, интегрированным в более крупную систему или суперсистему.

С экологической стороны моноспециализированные типы и варианты кочевого скотоводства почти всегда являются вынужденными. Мультиспециализированные типы являются сравнительно более стабильными и устойчивыми, позволяют полнее утилизировать пастбища. Гибель или сокращение поголовья одного вида скота в какой-то мере может компенсироваться наличием других уже потому, что сопротивляемость различным стихийным бедствиям и репродукционные способности у животных различных видов различны. Напротив, для моноспециализированного кочевого скотоводства особенно характерно чередование периодов относительного благополучия и бедствий, связанных с естественными факторами. Биологические особенности разводимых животных учитываются номадами не только с точки зрения эффективности видового состава стада, но и специфики его разделения и выпаса в конкретных географических условиях. В условиях повышенной аридности у бедуинов Аравии, туарегов Сахары и сомали Африканского Рога верблюдоводство, с одной стороны, и козоводство и овцеводство с другой, оказываются малосовместимыми друг с другом и обычно дифференцируются в разные направления хозяйственной деятельности-

ности. Однако у кочевников евразийских степей лошадей, овец и крупный рогатый скот нередко выпасают совместно (см. с. 128). Структура стада у кочевников в первую очередь, естественно, определяется биологическими особенностями выпасаемых животных. Но в отличие от популяций диких копытных кочевники могут вносить и нередко вносят в нее существенные коррективы. Стада домашних животных обычно намного моложе, чем стада их диких родственников. Отсутствие старых животных в условиях пастбищного содержания ведет к отсутствию потенциальных вожаков и, следовательно, к необходимости непосредственного вмешательства человека в управление стадом (Баскин, 1976: 271).

Количество продуктивных и непродуктивных животных в стаде может регулироваться в зависимости от потребностей данной группы номадов в различных продуктах скотоводства и характере последних, а также их нескотоводческой, например транспортной (см. Cunnison, 1966: 38 про хумр баггара) активности и даже культурных факторов (Spooner, 1973: 12; Digard, 1973: 45—48; Dahl and Hjort, 1976: 32).

Наконец, различные кочевники по-разному используют как продукты скотоводства, так и самих животных. У бедуинов Аравии продукты верблюдоводства играют важную роль в питании, но для кочевников евразийских степей и Среднего Востока верблюды — в первую очередь транспортные, особенно выючные животные, а туркана рассматривают верблюдов как разновидность коров и совершенно не используют их для транспортных целей (Gulliver, 1955: 39, 260—261). Для большинства туарегов Ахаггара продукты верблюдоводства играют сравнительно небольшую роль в питании. Но в прошлом верблюды были незаменимыми верховыми животными для набегов, а также для караванной торговли, благодаря которой туареги получали большую часть необходимой им растительной пищи (Nicolaisen, 1963: 104; Lovejoy and Baier, 1976: 155). Четкая и однозначная зависимость между различными формами экстенсивного скотоводства и видовым составом стада также отсутствует. Можно лишь отметить, что в пределах одного региона конкретные формы скотоводства нередко связаны (или обусловлены) с преимущественным преобладанием животных тех

или иных видов. Так, по общему правилу в пустынных и степных областях Евразии верблюд и лошадь более всего характерны для тех форм скотоводства, которые наименее связаны с земледелием, а крупный рогатый скот — для наиболее связанных с ним форм. Но в иных условиях, в Восточной Африке, именно крупный рогатый скот занимает ведущую роль в стаде кочевников.

Численность стада

Эта проблема и целый круг сопряженных с ней вопросов в последнее время привлекает большое внимание антропологов. Однако практическую эффективность и применимость таких ее основных понятий, как максимальный и минимальный размер стада, не следует преувеличивать. По мнению Спунера (Spooner, 1973: 9) и некоторых других антропологов, «...способность пастуха контролировать животных в любой топографической ситуации является фактором, определяющим максимальный размер стада. Потребности семьи или других групп, которые существуют за счет стада, определяют его минимальный размер».

Прежде всего надо заметить, что оба понятия, несмотря на то, что внешне они представляют собой взаимосвязанную оппозицию, по существу относятся к разным сферам кочевнической экономики и поэтому отнюдь не являются неразделимыми. «Максимальный размер стада» относится к технике эффективного управления стадом, «минимальный размер стада» — к необходимому прожиточному минимуму.

Практическое количество совместно выпасаемых животных обычно зависит от сложного переплетения экологических факторов, связанных с географической средой, погодными условиями в каждый данный год и даже каждый сезон данного года, эпизоотической обстановкой, видовым составом стада, его биологическими особенностями и половозрастной структурой и т. д., а также социально-экономических факторов, таких как численность скота, находящегося в распоряжении отдельного хозяйства, количество наличных рабочих рук, условия выпаса и использования животных и т. д. и даже культурных традиций и профессиональных навыков. Поскольку большинство данных факторов являются переменными,

причем не только в рамках всего кочевого общества, но даже в рамках отдельной семьи или хозяйства, то и максимальный размер стада не может служить сколько-нибудь стабильным критерием. И еще меньше пригоден он для сравнения различных кочевых обществ.

Столь же малопригодным кажется и понятие минимального размера стада. Любому специалисту известно, насколько неопределенным, расплывчатым и неустойчивым, зависящим от уровня развития конкретного общества, экономической конъюнктуры, политических соображений и даже способов подсчета (как не вспомнить Дизраэли, относившего статистику к одному из видов лжи) является определение прожиточного минимума в современном обществе. Конечно, общества кочевников не основаны на денежной экономике. Но неавтаркичность кочевнической экономики приводит к тому, что минимальный размер стада отчасти зависит от дополнительных источников существования, размеры которых не только варьируют в различных кочевнических обществах и даже в различных семьях *внутри*, этих обществ, но могут меняться от года к году в зависимости от конкретной исторической и экономической ситуации.

Показательно в этом отношении наблюдение Иквэлла (Ekvall, 1968: 19), что для тибетского кочевника трудно вычислить в точности количество ресурсов, необходимых ему для жизни. Неудивительно поэтому, что конкретные цифры, которыми различные ученые определяют минимальный размер стада у кочевников, весьма сильно отличаются не только применительно к кочевникам различных регионов, но и внутри них. Очевидно, помимо субъективных причин, связанных с несовершенством подсчетов, неполнотой или неверностью собранной информации (статистика может быть видом сознательной лжи и в традиционных обществах), это связано и с отмеченными выше объективными обстоятельствами. Приведу несколько примеров.

Евразийские степи. По Палласу (1776: 226), калмыцкая семья из пяти человек в середине XVIII в. нуждалась в 8 кобылах, 1 жеребце, 10 коровах и 1 быке. Житецкий (1892: 212) считал, что у калмыков минимум стада — 50—100 голов разного скота на

семью. Георги (1776: 125) отмечал, что казахская семья среднего достатка обладала 30—50 лошадьми, 100 овцами, 15—25 головами крупного рогатого скота, 20—50 козами и несколькими верблюдами. Словцов (1881: 23—25) писал про казахов Акмолинской области, что семья из пяти-шести человек для своего существования нуждается в 5 лошадях, 10 баранах и 6 коровах. По другим данным семья, из пяти человек для ведения самостоятельного хозяйства должна была иметь 15 лошадей, 2 верблюдов, 6 голов крупного рогатого скота и 50 овец (*Народы Средней Азии*, 1963: 330). По мнению Толыбекова (1959:131), однако, казахская семья из четырех-шести человек нуждалась в 15—20 верблюдах с молодняком, 4—5 лошадях, 100—150 головах овец и коз. Ниже этого минимума не могло осуществляться даже простое воспроизводство.

Майский (1959: 140—141) считал, что монгольская семья из пяти человек в начале XX в. должна была иметь 14 лошадей, 3 верблюдов, 13 голов крупного рогатого скота и 90 овец и коз.

По подсчетам Руденко (1969: 18), для обеспечения минимальных нужд семьи в пять человек нужно иметь столько скота, чтобы поголовье его в общей сложности соответствовало 25 лошадям, исходя из расчета: 1 взрослая лошадь = 6/5 головам взрослого крупного скота — 6 овец и коз. Кроме того, необходимы дополнительные транспортные животные для перевозки жилища и имущества и верховые животные по числу взрослых членов семьи.

Средний Восток. Согласно Пастнеру (Pastner, 1971: 177), семья кочевников Мекрана может вести сравнительно обеспеченную по местным стандартам жизнь, имея 1 верблюда или осла и 30 овец или коз, причем часть скотоводческой продукции обменивается на земледельческую. По замечанию Свидлер (Swidler, 1973: 40, п. 13), брахуи получают большую часть денежного дохода от продажи скота; нуклеарные семьи, имеющие меньше 30 взрослых овец или коз, являются у них довольно обычным явлением. По Барту (Barth, 1964: 16—17; 1964a: 73), в Южном Иране нуклеарная семья для своего существования должна иметь не менее 60 взрослых овец и коз. Дижар (Digard, 1973: 37) отмечает, что у бахтиаров прожиточный минимум составляет 50 голов мелкого рогатого скота. В Гараджистане минимум скота на человека -10 овец и 1 верблюд (Glatzer, 1977: 38).

Африка. По Зильберману (Silberman, 1959: 569), у сомали женщина с тремя детьми может прожить, имея 50 овец или коз и дойную верблюдицу; сто голов обеспечивают зажиточность. Еще два животных нужны в качестве транспортных. Сходные цифры приводит Льюис (Lewis, 1961: 58).

По Асаду (Asad, 1970: 52), у кабабиш для независимого существования нуклеарной семьи нужно 20—25 верблюдов или 40—50 овец.

У каримоджонг умеренно зажиточный человек имеет 100—150 голов крупного рогатого скота, 100 овец и коз и несколько Ъслов (Dyson-Hudson R. and N., 1970: 107). Гулливер (Gulliver, "955: 39) пишет, что у туркана семья среднего достатка владеет 25—30 головами крупного рогатого скота и 100—150 — мелкого.

Если сравнить эти цифры с расчетами Даль и Хьерта (Dahl and Hjort, 1976: 266), согласно которым «референтивная семья» кочевников должна иметь 50—64 головы крупного рогатого скота, «или 28 верблюдов, или свыше 100 голов мелкого рогатого скота (при этом не учитывается потребление растительной пищи), или другими расчетами, по которым минимальный уровень насущных потребностей в случае, когда не выращивается зерно, должен равняться 2—4 стандартным единицам скота (СЕС) на человека, исходя из расчета, что СЕС равна 10 овцам или козам, 2 коровам, 1 верблюду (La Houeou, 1977: 25, 38, п. 2), то мы убедимся если не в ненадежности сведений конкретных наблюдателей, то, по крайней мере, в их нерепрезентативности за пределами данной) группы номадов в момент наблюдения. Слишком много переменных факторов: от колебания цен на скот и растительные продукты до размеров нескотоводческих источников дохода у кочевников делают понятие минимальной единицы скота малоподходящим для многих генерализаций.

Некоторые ученые, указывая на недостаточность и неопределенность рассмотренных понятий, выделяют еще одно: «оптимальный размер стада», колеблющийся «между максимумом и минимумом» (см., например, Leeds, 1965: 90). Конечно, при определении оптимального размера стада кочевники с их многовековым практическим опытом учитывали биологические и этиологические особенности выпасаемых ими стадных животных.

Например, важное значение имеет преднамеренное постоянное содержание животных в больших стадах, поскольку это позволяет использовать механизмы поведения, действующие только в плотных массах животных и лежащие в основе жесткого управления ими (Баскин, 1976: 271). Знаменитое чувство стадности у овец — вспомним Пана и его баранов — очевидно, является их адаптацией к созданным человеком искусственным условиям.

Однако точными данными относительно оптимального размера стада мы также не располагаем. К тому же в различных регионах он, по-видимому, различен. По расчетам Даль и Хьерта (Dahl and Hjort, 1976: 270), оптимальный размер стада верблюдов — 150 голов. Один пастух без собаки может пасти до 400 голов мелкого рогатого скота, с помощью собаки — до 500 голов.

Но у бедуинов рвала верблюдов выпасали стадами не более чем в 70—80 голов (Musil, 1928: 336). В Юго-Западной Азии один пастух способен выпасать стадо в 300—400 голов даже в наиболее трудных условиях (Barth, 1962: 345; Трубецкой, 1966: 104). У брахуи оптимальным считается стадо в 500 голов. Если оно насчитывает менее 250 голов, условия выпаса считаются плохими (Swidler, 1973: 28; см. также Barth, 1964: 22). Тем не менее у бахтиаров стадо мелкого рогатого скота обычно не превышает 200 голов (Digard, 1973: 45).

У калмыков в XIX в. два пастуха выпасали отару овец в 1000—1500 голов или табун на 300 лошадей (Житецкий, 1892: 95—96). У туркмен в недавнем прошлом стадо из 400—800 голов мелкого рогатого скота обслуживалось одним пастухом с подпаском (Оразов, 1970: 202). Стадо овец до 800 голов считалось нормальным, свыше 1000 — неудобным, тяжелым для выпаса (Бабаджанов, 1975: 229, прим. 16). Во Внутренней Монголии один человек мог управиться с отарой из 150—200 овец и даже из 500, если он имел коня; два всадника — с отарой из 2000 голов. Один человек мог выпасать табун из 150 лошадей. «Но вы редко увидите стадо более чем 1000 овец, так как овца имеет привычку съедать всю траву, ничего не оставляя, и те кто следуют за овцами, едва ли смогут найти себе траву для пропитания» (Goto, 1970: 95—96).

У кочевых оленеводов Камчатки и Чукотки максимальный размер стада 1000—1500 голов. Но он связан не с неспособностью пастухов справиться с выпасом более крупных стад, а с тем, что в них ухудшаются условия пастбы. Стадо уже не помещается в узких тундровых долинах, не может использовать небольшие участки с более мелким и рыхлым снегом на гребнях сопок и сдувах (Баскин 1976: 81).

Экономические, социальные и даже иногда те же экологические обстоятельства, потребности и нужды нередко побуждали кочевников и в определении оптимального размера стада руководствоваться не идеальными, а конкретными соображениями. Хороший пример приводит Каннисон (Cunnison, 1966: 63, 67, п. 7). Хотя хумр баггара имеют представление об оптимальном размере стада, на практике размер их стад нередко зависит просто от наличия рабочих рук.

К тому же оптимальный размер стада сам по себе во многом зависит от техники выпаса и некоторых других внебиологических факторов. Для примера приведу данные по современному ранчо. В США один всадник управляет с 1000 голов крупного рогатого скота. В Австралии до 50-х гг. XIX в. на одного человека приходилось от 300 до 1500 голов овец, позднее — до 2500 голов. В Аргентине на 1000 голов крупного рогатого скота в среднем приходится 2,5—3 человека, на 1000 голов овец и коз — 1,5 человека (Strickon, 1965: 245). В то же время, по моим полевым данным, в 1972 г. в передовом калмыцком совхозе «Западный»; где овцы круглый год находились на подножном корму, а воду на безводные пастбища возили в цистернах, стадо в 850 голов пасли 4 пастуха.

Я отнюдь не оспариваю необходимость изучения стада кочевников в его экономических, половозрастных, численных или любых иных показателях. Однако наши нынешние знания еще очень малы, и их трудно активно использовать для сравнительного исследования кочевых обществ, особенно в их взаимоотношениях с внешним миром.

Характер использования экологических зон

Несколько схематизируя многообразие конкретных случаев, в данном аспекте можно выделить три основных варианта.

1) Номады занимают исключительное или доминирующее положение в данной экологической зоне и по мере возможностей стремятся иногда к частичному хозяйственному использованию смежных зон, в первую очередь их маргинальных областей. Характерным примером в этом отношении служат евразийские степи, полупустыни и пустыни с их сравнительно четким географическим и экологическим разграничением зоны скотоводства от оазисов и зоны ирригационного земледелия. Правда, де Планоль (de Planhol, 1970: 445) полагает, что в высокогорной Внутренней Азии земледелие было возможно всюду, где было возможно кочевое скотоводство. На самом деле это далеко не так. Колебания в пользу того или иного вида хозяйственной деятельности происходили лишь в отдельных маргинальных областях (см. с. 110—111).

Другим примером доминирующего положения в экологической зоне являются оленеводы Крайнего Севера, быстро занявшие обширные области тундры и вплоть до XX в. продолжавшие расширять территорию своего кочевания (см. с. 158, 167—168).

Не многим отличаются в этом отношении и кочевники высокогорной Внутренней Азии. Разница заключается лишь в том, что их географическое разграничение с земледельцами носит не широтный, а высотный характер. На Ближнем Востоке те области на территории Аравии и особенно Сахары, где земледелие практикуется лишь в оазисах, представляющих собой небольшое вкрапление в сплошную территорию, занятую номадами, также можно относить к данному варианту.

2) Кочевники используют несколько экологических зон, разделенных зонами, занятыми представителями других видов хозяйственной деятельности — как правило, земледельцами. Кочевники сами их непосредственно не утилизируют, но вынуждены пересекать во время своих перекочевок, что может создавать известные трудности для обеих сторон. На самом деле иногда ситуация бывает более сложной потому, что утилизуемые кочевниками экологические зоны могут использоваться или попеременно различными

скотоводческими группами, или даже группами со мешанной экономикой.

Рассматриваемый вариант наиболее распространен на Среднем Востоке, в меньшей степени также на Ближнем (Barth, 1959—60-Barth, 1962: 342; Ferdinand, 1962: 124, 129—130; Johnson 1969-Swidler, 1973: 25; Marx, 1977: 351, 358). Изредка встречался он и в евразийских степях. Песчаная пустыня около Красноводска летом использовалась туркменами, зимой — казахами (Ищенко и до. 1928:81).

3) Кочевники, полностью или частично — последнее значительно чаще, — делят одну экологическую зону с земледельцами. При этом встречаются различные вариации. Иногда часть территорий находится в исключительном использовании кочевников, часть — земледельцев, а часть — используется ими совместно, обычно на основе попеременного сезонного принципа. Иногда кочевники монопольно используют свою собственную экологическую зону и вдобавок частично утилизируют зону земледельцев. Иногда, напротив, можно говорить всего лишь об особой нише, занимаемой кочевниками (или скотоводами) в экологической зоне земледельцев.

Во всех подобных вариантах сосуществование чаще всего выражается в том, что кочевники пасут скот на полях, с которых уже собран урожай. Иногда они платят земледельцам за пользование жнивьем, иногда — сами получают плату за навоз, который удобряет поля. В некоторых регионах такие отношения между скотоводами и земледельцами древнее, чем само кочевое скотоводство. Они зафиксированы, например, во II тыс. до н. э. в Месопотамии, в царстве Мари.

В целом данный вариант наиболее присущномадам Среднего Востока (см. например, Bates and Lees, 1977: 833 про турецких юрюков; Сооп, 1976: 216 про курдов; *Народы Передней Азии*, 1957: 231 про галешей Гиляна; Трубецкой, 1966: 11 про бахтиаров; Schurmann, 1962: 262 про кочевников Афганистана; Barth, 19646; Swidler 1973: 24 про кочевников Белуджистана). Однако он достаточно распространен также на Ближнем Востоке (см., например, Першиц, 1961: 31 про бедуинов Аравии; Feraea, 1970: 12 про верблюдоводов Южного Ирака; Johnson, 1969: 105 про саид атба

в Алжире) и в сахельско-суданской зоне (Stenning, 1959: 6; Gallais, 1972; Frantz, 1978: 102; Thomson, 1977: 60; Dahl and Hjørt, 1979: 7). По предположению Джулай (July, 1975: 160), хауса сами приглашали скотоводов фулани на свои территории, чтобы использовать навоз для удобрения полей, и тем самым способствовали их миграциям. В евразийских степях рассматриваемый вариант встречался реже, в основном у полукочевников и пастушеских скотоводов (см., например, Сазонова, 1978: 68).

Различные случаи, когда номады так или иначе делят одну экологическую зону с земледельцами лучше всего и наиболее подробно описаны Бартом (Barth, 1956; 1959—1960; 1964; 1964b). Однако, несмотря на отдельные оговорки, его работы страдают в этом отношении известным биологизмом. Кочевники и земледельцы по существу уподобляются различным видам животных, по-разному утилизирующим природные ресурсы и поэтому не конкурирующим друг с другом, а иногда даже вступающим в симбиотические отношения. Политические отношения и собственнические права, в конечном счете определяющие характер совместного использования одной зоны, при этом учитываются явно недостаточно.

Но, во-первых, и кочевое скотоводство, и любые другие системы хозяйства не являются абсолютно статичными, они способны к экспансии, в том числе за счет друг друга (см. данные самого Барта по Северо-Западному Белуджистану — Barth, 1964b: 18—19). Во-вторых, симбиоз подразумевает не просто сосуществование, взаимодействие и даже взаимозависимость, но и взаимную выгоду. Однако отношения кочевников и земледельцев в рассматриваемых случаях нередко мало подходят под подобное определение. Значительно чаще они являются *modus vivendi*, определяющимся не только чисто хозяйственной взаимозаинтересованностью, но и соотношением сил как непосредственно вовлеченных в него групп, так и в более широком внешнем мире, в конечном счете определяющим баланс этих сил. Фактор взаимовыгодности редко бывал в таких взаимоотношениях доминирующим и тем более сбалансированным (см., например, взаимоотношения хауса и фулани в сахельской зоне Нигера — Diarra, 1975).

Например, очень трудно вслед за Бартом (Barth, 1956: 1083) называть симбиотическими отношения между патанами и гуджарами в Сва-те, если первые, по описанию этого ученого, были землевладельцами, а вторые — их клиентами, или крепостными, или слугами. Возьмем не столь крайние случаи. От выпаса скота на полях, с которых уже собрали урожай, до потравы тех же полей — всего один шаг. Но этот шаг, выгодный для кочевников, мог оказаться губительным для земледельцев. Тем не менее средневековые источники полны свидетельств, как страдало земледельческое население Ближнего и Среднего Востока от практики кочевников загонять скот на засеянные поля (см., например, Рейснер, 1954: 43). Впрочем, в Иране она была распространена еще совсем недавно (Иванов М. С., 1961: 40). Во второй половине XIX в. в Хузистане на маршрутах ежегодных перекочевов луров и бахтиаров не оставалось неразрушенных деревень и невытопанных полей (Lambton, 1953: 157).

Напротив, юрюки по мере развития земледелия в приморской полосе Турции вынуждены были платить все более и более высокую арендную плату за право пастись свой скот в течение нескольких месяцев на полях земледельцев (Kolars, 1963: 48—50); см. также de Planhol, 1959: 529). Курды юго-восточной Анатолии при перекочевках с весенних на летние пастбища вынуждены были перегонять скот по неудобным маршрутам, чтобы избежать столкновения с землевладельцами (Johnson, 1969: 37). В Сахеле с введением таких сельскохозяйственных культур, которые можно было выгодно продать, как, например, хлопок, дающий поздний урожай, кочевники уже не могли пастись свои стада на жнивье в засушливый сезон (Norton, 1976: 260—261).

«Симбиоз» во всех таких случаях оборачивался простым соотношением сил, при котором более сильный руководствовался исключительно своими собственными интересами и потребностями, не считаясь с интересами более слабого. Любопытный пример того, как трудно скотоводам и земледельцам мирно делить одну экологическую зону, приводит Геллнер (Gellner, 1969: 33, 170). Берберам Высокого Атласа приходится прибегать для этого к помощи святых посредников, заселивших маргинальные территории.

На территории Восточной Бухары еще в XIX — начале XX в. существовали оседлые и полукочевые (а в более отдаленном прошлом и кочевые) группы, нередко делившие одну экологическую зону и конфликтовавшие при этом за использование ее отдельных ниш и анклавов. Это было не межгрупповое разделение труда, основанное на взаимной выгоде, а, скорее, вынужденное сосуществование, сопровождавшееся борьбой и стремлением вытеснить конкурентов (Кармышева, 1976: 145, 164, 190, 263).

Р. Козн (R. Cohen, 1978a: 155) совершенно прав, когда пишет: «Предположение структурного функционализма о том, что существует баланс между кочевниками и крестьянами, оказывается неверным, когда его проверяют в исторической перспективе».

Мою мысль можно было бы выразить языком чистой экологии. В ней выделяются следующие категории взаимодействий между двумя видами: а) симбиоз (+, +) — каждый из видов ускоряет рост другого вида; б) комменсализм (+, 0) — один из видов извлекает выгоду, не принося другому ни вреда, ни пользы; в) хищничество (+, -) — один вид подавляет рост другого, тем самым ускоряя свой собственный рост; г) конкуренция (-, -) — каждый из видов оказывает подавляющее действие на рост другого. (В описании этих категорий я в основном следовал за Смитом (Smith, 1974) с некоторыми дополнениями и уточнениями.)

На таком языке взаимодействие между кочевниками и земледельцами, сосуществующими в одной экологической зоне, которое Барт объединяет общим термином «симбиоз», следовало бы обозначать в диапазоне от ++ до — —, причем подлинно симбиотические отношения, если и встречаются, то представляют редкое исключение.

Однако я не сторонник того, чтобы приравнивать человеческие общества к биологическим видам и рассматривать их лишь как элементы природных экосистем. Человеческие общества и экологическая среда образуют суперсистемы, основанные на двусторонних связях. И главное, различные варианты взаимодействия между кочевниками и нековчниками значительно многочисленнее и разнообразнее, чем взаимодействие между двумя биологическими видами. Единственное, что я хочу еще раз подчеркнуть, это, что

экономическая взаимозависимость и даже взаимозаинтересованность далеко не всегда могут определяться как симбиоз. Отсутствующие в животном мире политические отношения придают взаимодействию кочевников и некочевников, в том числе тем из них, кто делит одну экологическую зону, специфическую окраску.

В целом второй и третий варианты использования кочевниками экологических зон несколько ближе друг к другу, чем первый. На практике они нередко не столько исключают, сколько дополняют друг друга. Например, бассери, которых в целом можно отнести ко второму варианту, все же не пренебрегают возможностью выпасать осенью и зимой скот на полях земледельцев (Barth, 1959—1960: 7).

Характер перекочевок

В данном случае я имею в виду именно перекочевки, диктуемые соображениями целесообразного выпаса скота, а не просто свойственную кочевникам подвижность, которая может вызываться различными хозяйственными и нехозяйственными причинами. На это уже неоднократно обращали внимание различные исследователи (см., например, Salzman, 1971: 132—193). Однако все же именно потребности рационального выпаса скота больше всего определяют характер и саму потребность в перекочевках у номадов. Узбеки-локайцы говорят: «Пища скота на земле, если скот будет получать ее с рук, то его невозможно насытить».

Как и все другие критерии номадизма, характер перекочевок зависит от совокупности многих факторов, в число которых входят и рассмотренные выше критерии. Поэтому он является достаточно гибким и переменным. Но, конечно, при всех обстоятельствах природно-географическая специфика является одним из его важнейших детерминантов.

Характер перекочевок различных групп номадов даже в одних и тех же регионах варьирует весьма сильно. Они имеют различную регулярность и стабильность³, различную цикличность (перекочевки

³ Под регулярностью перекочевок имеется в виду их временной под стабильностью — пространственный аспекты.

межсезонные и внутрисезонные), различную длину, различную направленность как в вертикальном⁴, так и в горизонтальном отношении (среди последних выделяются линейные, в свою очередь подразделяющиеся на меридиональные и широтные, и нелинейные, подразделяющиеся на эллиптические⁵, радиально-круговые⁶ и пр.)⁷, различные хозяйственные приоритеты (корм и/или вода, и/или температурные условия, или зараженность местности и пр.).

В то время как межсезонная смена пастбищ больше всего определяется природно-климатическими условиями, дающими возможность использовать определенные пастбища лишь в конкретное время года, внутрисезонные перекочевки в первую очередь обычно зависят от численности конкретного стада и его потребностей в корме и воде, а также иногда от ряда других причин. Межсезонная смена пастбищ уже сама по себе подразумевает определенную регулярность и цикличность перекочевок. К тому же межсезонные перекочевки, как правило, значительно длиннее, чем внутрисезонные. Четкое различие между межсезонными и внутрисезонными перекочевками больше всего характерно для кочевников северной и умеренной зон. В жаркой пустынной зоне оно выглядит более смазанным.

Стабильность тех перекочевок, которые непосредственно связаны с выпасом животных, в первую очередь определяется, наличием кормов и воды в одних и тех же местностях и в одно

⁴ Вертикальные перекочевки связаны со сменой пастбищ в высотном направлении.

⁵ Эллиптическими можно назвать такие перекочевки, ежегодные маршруты которых, нанесенные на карту, образуют эллипс или приближающуюся к нему геометрическую фигуру.

⁶ Радиально-круговыми можно назвать перекочевки, которые ведутся вокруг некоего более или менее постоянного центра, обычно связанного с водным источником, к которому периодически возвращаются стада.

⁷ Интересную и в целом вполне приемлемую классификацию маршрутов перекочевок предложил Джонсон (Johnson, 1969). Однако, на мой взгляд, он преувеличил значение этого критерия для типологии кочевничества в целом. Кроме того, едва ли следует так резко противопоставлять вертикальный кочевничество горизонтальному, тем более, что, как отмечает сам Джонсон, нередко одни и те же кочевники часть года совершают горизонтальные перекочевки, а часть — вертикальные.

и то же время года. Неудивительно поэтому, что у многих групп кочевников Аравии, Сахары и Восточной Африки она меньше, чем у номадов других регионов.

Надо подчеркнуть, что применительно к любым кочевникам нельзя говорить ни про абсолютную стабильность, ни про абсолютную нестабильность перекочевков. Даже наиболее твердо фиксированные маршруты не означают их обязательного ежегодного повторения, и даже самые нестабильные маршруты время от времени совпадают друг с другом. Естественно также, что применительно к одним и тем же кочевникам впечатление о стабильности маршрутов увеличивается, если мы рассматриваем их крупные подразделения, и уменьшается — если мелкие. И все же большая или меньшая стабильность маршрутов перекочевков может быть одним из критериев сравнения номадизма различных регионов.

На длину перекочевков прежде всего влияют сезонные наличия кормов и воды, а также численность стада, его видовой состав и многое другое. В результате она колеблется от нескольких десятков километров у коровопасов Восточной Африки до тысячи и более километров у кочевников Аравии, Среднего Востока, евразийских степей и некоторых групп оленеводов. Но в этом отношении внутрирегиональные различия нередко столь же значительны, как и межрегиональные.

Столь же разнообразна направленность перекочевков и определяющие ее причины. Можно лишь отметить, что вертикальные перекочевки повсюду в первую очередь связаны с природно-географическими условиями, но являются господствующими лишь в Высокогорной Внутренней Азии, а в других регионах — лишь в горных областях.

При анализе хозяйственных приоритетов перекочевков возможности каких-либо генерализаций столь же ограничены, как и любых других их особенностей. Если мы возьмем два важнейших приоритета — корм и воду⁸, то можно лишь отметить, что проблема

⁸ Их хотя и трудно, ни нее же можно разделить и теоретическом анализе, потому что если без воды не бывает растительности, то наличие воды не всегда вызывает ее появление. К тому же не каждая растительность годится и корм скоту, и животные различных видов питаются различными растениями. Кроме того, потребности в воде многих растений, поедаемых скотом, и самого скота различны.

кормов имеет важнейшее значение для кочевников северной и умеренной зон, а воды — для жарких.

Необходимо учитывать, что в конкретных кочевых обществах важное значение могут играть и другие приоритеты. Такова, например, проблема соли в Сахаре и Сахеле (Capot-Rey, 1953: 37; Smith, 1978: 86). В перекочевках фулани важное место занимает учет распространения разных видов мухи це-це в различные сезоны (Stenning, 1965: 371—372); в перекочевках тибетцев — зараженность отдельных местностей насекомыми или эпидемии (Ekvall, 1968: 19). Однако уже на региональном уровне такие приоритеты в целом могут рассматриваться как второстепенные.

Характер утилизации продуктов скотоводческого хозяйства и системы питания

В данном случае следует учитывать характер утилизации продуктов скотоводческого хозяйства в их пищевом аспекте и более широко — пищевые различия между кочевниками различных регионов. Как и все остальные, этот критерий также зависит от многих факторов. Среди них — экологическая ситуация, видовой состав стада, особенности взаимоотношений с внешним миром, культурные, религиозные и этнические традиции и многое другое.

К сожалению, я не нашел в литературе определенного ответа на вопрос, возможна ли в принципе здоровая и сбалансированная диета, основанная только на животных продуктах, без каких-либо растительных добавок. Судя по многочисленным косвенным данным, скорее надо предположить обратное, по крайней мере в качестве наиболее распространенной тенденции (ср. Spooner, 1973: 6).

Все, или почти все, кочевники употребляют в пищу растительные продукты, хотя и в различном количестве и добытые различными путями. В этом отношении между ними имеются довольно значительные различия. Не меньшие различия существуют и в использовании трех основных продуктов скотоводческого хозяйства — молока и молочных продуктов, мяса и крови. Утверждение Даль и Хьерта (Dahl and Hjort, 1976: 23), что «главная цель для скотоводов — производить молоко для насущных потребностей», едва ли верно применительно к кочевникам северной и отчасти даже умеренной зон.

В настоящее время мы не располагаем достаточно подробными и точными количественными данными о пищевых системах подавляющего большинства кочевников (если специалисты вообще уже не опоздали с их сбором) и тем более калорийной оценкой различных элементов этих систем. Все это очень затрудняет их сравнительное изучение. И все же сами различия слишком заметны, чтобы не бросаться в глаза.

Основные типы кочевого скотоводства

Рассмотренные критерии кочевого скотоводства позволяют выделить его основные географические типы. При этом я прекрасно осознаю, что даю в руки противникам классификаций еще одно отличное орудие для критики. По существу, внутри огромного массива пустынь, полупустынь и степей, протянувшегося от Северного Китая до Западной Африки и от Южной Сибири до Южной Африки, нет четких и бесспорных границ. Большинство крупных регионов распространения кочевого скотоводства не являются полностью гомогенными, с какими бы критериями мы к ним не подходили. Кочевники в них отнюдь не однородны. Некоторые из них во многих отношениях ближе к кочевникам других регионов, чем к своим непосредственным соседям, что связано со спецификой локальной адаптации, с историческими факторами и рядом других причин.

Между крупными регионами существуют промежуточные и маргинальные области, в которых кочевое скотоводство трудно отнести к какому-либо определенному типу. Наконец, каждый из основных типов номадизма может в свою очередь подразделяться на подтипы, виды, разновидности и т. п. почти бесчисленное количество раз. Чтобы облегчить задачу моим возможным критикам, я сам в дельнейшем приведу примеры того, как конкретная действительность не всегда укладывается в генерализации.

И все же наличие различных типов номадизма, носители которых в целом ближе друг к другу, чем к носителям других типов, является объективным фактом. Поэтому выделение одного лишь «скотоводческого пояса», как это сделал в свое время Кробер (Kroeber, 1947: 323) для Азии, явно недостаточно. К этому выводу

уже пришли различные ученые, хотя выделенные ими типы нomaдизма редко полностью совпадают друг с другом (ср., например, Narol, 1950; Patai, 1951; Patai, 1978; Bacon, 1954; Barque, 1959: 481—482; Rathjens, 1969; Johnson, 1969: 13—15; Spooner, 1973: 6—8; Coon, 1976: 191; Хазанов, 1975: 6—7). Как и всегда, критерий классификации зависит от целей исследования.

В данной главе типы кочевого скотоводства помимо географического выделяются на основе эколого-хозяйственных критериев: видовом составе стада, положении в экологической зоне, характере кочевания, пищевых системах. Однако в следующей главе я постараюсь показать, что формирование выделенных типов частично связано также и с историческими факторами.

Северный евразийский тип. Под Северной Евразией в данной работе подразумевается зона полярных пустынь и расположенная к югу от нее зона тундр, протянувшаяся от берегов Варангерфиорда до 60° северной широты на побережье Охотского моря. На юге она совпадает с изотермой июня +10°C (Берг, 1955: 11—16; Мильков, 1977: 26—53). Иногда в Северную Евразию включают также зону лесотундры.

Уже в силу того, что кочевое оленеводство является единственным полностью моноспециализированным видом нomaдизма, оно является также и наиболее гомогенным. Правда, выделяются три подтипа северного евразийского типа нomaдизма: лопарский (саами), коми-ненецкий и чукотско-корякский, но все они имеют не столько хозяйственные, сколько этнокультурные различия. Хотя этот тип является наиболее изолированным в географическом отношении, его изоляция, во всяком случае хозяйственная, все же не абсолютна. В Туве с прилегающими областями и в Северной Маньчжурии некочевые оленеводы еще совсем недавно соприкасались со степняками, разводившими овец и лошадей (Петри, 1929; Тугаринов, 1926: 76 сл.; Вайнштейн, 1961: 57—58; Вайнштейн, 1972: 9, 88—99). Правда, оленеводство в их хозяйстве играло второстепенную роль, уступая по своему значению охоте.

Само по себе разведение оленей не обязательно связано с кочевым скотоводством. В ограниченных размерах оленей разводили и содержали обитатели тайги и тундры — лесные ненцы,

селькупы, нганасаны, часть обских угров, кеты, лесные энцы, некоторые группы якутов, эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), ороки, верхне-амгульские негидальцы, тофалары (карагасы), некоторые группы тувинцев, основу экономики которых составляло присваивающее хозяйство (Прокофьев, 1928: 99—100; Попов, 1948: 55 -68; Nelleman, 1961: 91—92; *Народы Сибири*, 1956; Васильев, 1962: 67 сл.; Алексеенко, 1967: 65—70; Василевич, 1969: 72—79; *Общественный строй...*, 1970: 40; Вайнштейн, 1972: 9; Хомич, 1976: 131—132; Гурвич, 1977: 51).

Однако число домашних оленей у них было очень невелико. У таежных хантов на хозяйство приходилось по 25—30 голов, у селькупов — 1—20 и лишь у северных (тазовских) — 200—300 голов, у эвенков - до 25 голов, у кетов - до 10 голов (стада в 100 голов являлись исключением), у таежных групп якутов — 8—30 голов, у сроков — до 20 голов.

Лишь у некоторых групп в тундре разведение оленей стало основным занятием, и стада насчитывали сотни и тысячи голов. Поэтому кочевое оленеводство с полным основанием можно называть тундровым. Характерные для Севера экосистемы с небольшим числом специализированных видов, занимавших относительно большие ниши (Paine, 1971: 162), невозможность занятия земледелием приводили к тому, что большинство специализированных оленеводов тундры были чистыми кочевниками. Особая неустойчивость моноспециализированного кочевого оленеводства приводит к тому, что хозяйственной стратегией в его рамках становится максимизация поголовья скота, а в более широком контексте — стремление к дополнительным источникам существования. Однако эта максимизация не имеет ничего общего с той, которую Барт предполагает для номадов Среднего Востока. Её цели не накопление капитала в виде скота, а в первую очередь поддержание традиционной экономики в специфической экологической обстановке.

Присущие любым номадам, в том числе и чистым, второстепенные виды хозяйственной активности были на Севере связаны с присваивающей деятельностью (охотой и особенно рыболовством). И в северном евразийском типе известно полукочевничество, но в весьма специфической форме, заключающейся в

более или менее органическом сочетании оленеводства с присваивающим хозяйством. Например, известны группы европейских ненцев и чукчей, ведших смешанное хозяйство и сочетавших выпас оленей (в среднем по 100—150 голов на хозяйство) с охотой на морского зверя и рыболовством (Маслов, 1935: 111—115; Ковязин, 1936: 3; *Народы Сибири*, 1956: 902). Интересно, что в целом занятия охотой и рыболовством также ограничивали подвижность, и перекочевки упомянутых групп были короче и меньше, чем чистых оленеводов. Но все же оленеводство не знало того разнообразия переходящих одна в другую форм скотоводческого хозяйства, которые присущи номуадизму других типов.

Экологическая специфика тундры такова, что оленеводство занимает в ней доминирующее положение. Рост поголовья домашних оленей ведет к сокращению диких и к соответствующим трудностям для охотничьих групп (Гурвич, 1977: 52). С развитием оленеводства дикий олень вытеснился из различных областей тундры, и в настоящее время в значительном числе сохранился только на Таймыре и в низовьях Индигирки и Колымы, где охота на него была основным занятием коренного населения (Друри, 1949: 25; Крупник, 1976а: 65; Симченко, 1976: 4), но и там его поголовье быстро сокращается. Поэтому в данном случае нельзя говорить про совместную утилизацию одной зоны. Экономика кочевников подрывала экологическую основу экономики охотников.

По существу кочевое оленеводство в тундре могло бы занимать не только доминирующее, но и монопольное положение. На самом деле это не так (Семерилов, 1933: 9—11). Если не считать выходцев из оседло-земледельческих обществ юга, кочевники делили тундру с охотничье-рыболовческими группами, лишь в ограниченных размерах практиковавшими разведение оленей, — нганасанами, тундровыми энцами, некоторыми северо-якутскими группами, юкагирами, которые занимали тундру от Енисея до Колымы. Число оленей у них было выше, чем у охотников тайги, но значительно ниже, чем у кочевников-олeneводов. Так, у нганасан в бедных хозяйствах было не более 50 голов оленей (Попов 1948: 55 у тундровых юкагиров в бедных - до 10—20 голов, -богатых - 100-150 голов (Гурвич, 1975: 58), у северных якутов -

в бедных до 20, в богатых — от нескольких сот до тысячи голов (Гурвич, 1977: 50).

Однако в экологическом отношении сосуществование этих групп с кочевниками-оленеводами было основано не на принципе ниши, а на принципе анклава. Ниша не обязательно связана с пространственной разделенностью в данной экологической зоне; анклав ее подразумевает. Анклав, в данном контексте, означает компактную определенную территорию в экологической зоне, хозяйственная утилизация которой обладает существенной спецификой по сравнению с другими аналогичными территориями. При этом группы, утилизирующие такой анклав, занимают в нем монопольное положение.

Перекочевки номадов Северной Евразии в соответствии с четкими сезонными изменениями имели стабильный, линейный, меридиональный характер. Наличие кормов является важнейшим критерием отбора как зимних, так и летних пастбищ. Дополнительным критерием выбора летних пастбищ служили возможность заниматься другими, вспомогательными видами хозяйственной деятельности и количество гнуса. Номады Северной Евразии проводили 4-5 месяцев на зимних пастбищах, 2 – на летних и 5 – 6 – в пути между ними. На самих пастбищах перекочёвки совершались 1-3 раза в месяц, но в пути между ними перекочёвки совершались ежедневно, за исключением времени отёла (Керцели, 1911: 5 сл.; Карев, 1968: 32-33; Крупник, 1976: 66 сл.). Длина перекочёвок определялась шириной тундровой зоны, т.е. расстоянием между морским побережьем и северной границей тайги. Поэтому она колебалась от 50 – 100 км у оленеводов Чукотки до 100 – 200 км у саами Финмарка, 150 – 200 км у ненцев Каннинско-Тиманской тундры, 320 – 400 км у некоторых других групп саами, 400 – 500 км у эльвунейских и анюйских чукчей и до 1200 км у некоторых групп ненцев Большеземельской тундры (Гондатти, 1897:171; Семериков, 1933: 6 – 8; Терлецкий, 1934: 43; Vorren and Manker, 1962: 20; Paine, 1972 : 76; Крупник, 1976: 66).

Главной особенностью питания кочевников-оленеводов была её мясная направленность. Употребляли так же кровь. Продукты оленеводства дополнялись рыбой и птицей. Доение

олений в тундре практиковали лишь отдельные группы (Nellemann, 1961: 92). Например, ненцы доения не знали (Хомич, 1976: 75), но, судя по некоторым полевым материалам, иногда сосали молоко олениц. По мнению Спунера (Spooner, 1973: 5), северные оленеводы были единственными номадами, не употреблявшими земледельческих продуктов, а Симченко (1976: 83 - 84, 284) настаивает на том, что группы, питающиеся мясом оленей, все равно домашних или диких, потребностей в растительной пище не испытывают. По-видимому, оба утверждения не совсем точны.

Саами, европейские ненцы, а несколько позднее и чукчи получали земледельческие продукты путем обмена. Нельзя упускать из вида, что становление крупнотабунного оленеводства произошло тогда, когда обменные операции с южными обществами приобрели уже регулярный характер. Уже в начале XVIII в. европейские ненцы не могли обойтись без русской муки (Колычева, 1956: 86). Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов собирательство, которое подчас получало у оленеводов широкое распространение. «Идея Линнея о том, что растительная пища играла чисто подчиненную роль в диете лаппов, возможно не совсем совпадает с фактами, подчеркнутыми из других источников ... хорошо известное горное растение, *Angelica archangelica* использовалась лаппами в течение столетий как растительная пища и ... возможно составляла важный элемент в питании субарктических народов (Fjellstrom, 1964: 100; см. также Георги, 1776: 8—9; Беретти, 1929: 23; Меновщиков, 1974: 93—94 — об употреблении растительной пищи чукчами и коряками). Единственное, что можно утверждать с уверенностью, это что из всех номадов пища растительного происхождения играла наименьшую роль у северных оленеводов.

Евразийский степной тип. В географическом отношении он занимает (точнее занимал) великий пояс степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, протянувшихся от Дуная (венгерская *пушта*) до Северного Китая. В соответствии с ведущей хозяйственной ролью степного ландшафта в этом регионе я для краткости называю его евразийским степным. На юге, там, где пустыни умеренного пояса переходят в пустыни субтропического пояса (так называемые ирано-туранские или южнотуранские —

скотоводством, и маргинальные области, где возможны оба вида хозяйственной деятельности. В последних все зависит от конкретных исторических обстоятельств и непосредственно экологией не детерминировано (Хазанов, 1973; Хазанов, 1975; Khazanov, 19786) В лесостепной зоне возможно неполовое земледелие, но уже в степной ему угрожают засухи каждые 3,5—6,5 из 10 лет (Федорович, 1973: 210—211). Неудивительно, что естественные кормовые угодья Монголии составляют 89,5% ее территории; из них на сенокосы приходится всего 1,5% (Калинина, 1974: 143). Из-за глубины снежного покрова в лесостепь кочевники могли заходить только летом, зато в полупустынях и пустынях возможно только ирригационное земледелие. Исключения составляют ограниченные территории, преимущественно на берегах рек и внутренних водоемов, а также в предгорьях и межгорных котловинах. Хотя евразийские степи на протяжении тысячелетий были одним из ведущих регионов номадизма на земле, один факт нередко упускается из виду. В некоторые исторические периоды политические факторы определяли преобладание чистого номадизма, но в другие — полукочевничество получало здесь довольно широкое распространение⁹. В казахстанских степях и в Северном Причерноморье в золотоордынскую эпоху земледелие, тяжелый урон которому был нанесен монгольским нашествием, все же полностью не исчезло (см. данные ал-Омари и аль-Айни - Тизенгаузен, 1884: 230, 233 513; де Рубрук — *Путешествия в восточные страны* Плано Карпини и Вильяма Рубрука, 1957: 98; Иосафата Барбаро - *Барбаро и Контарини*, 1971: 150; Меховского - Меховский, 1936).

⁹ Однако высказанное мною ранее мнение о том, что и в евразийских степях полукочевники численно преобладали над кочевниками на протяжении большей части истории (Хазанов, 1975:11) кажутся мне сейчас нуждающимся в дополнительной проверке.

59; см. также Zajaczkowski, 1968: 229-233). Ранее, в IX в. Тамии ибн Бахр упоминает «селения и возделанные земли» в стране кимаков (Minorsky, 1948: 284; Кумеков, 1972: 94—95). Имеются сведения о земледельческом укладе у огузов (Каррыев, Мошкова Насонов, Якубовский, 1954: 41—42; Агаджанов, 1969: 260). Даже сунну, судя по письменным источникам, в какой-то мере «занимались обработкой полей» (Таскин, 1968: 24, 121). Про сарматские племена Предкавказья Страбон (Strabo, XI, 2, 1) свидетельствовал: «Одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием». Земледельческий уклад имелся также у скифов (Khasanov, 1978: 429—430), усуней (Акишев, 1969: 29); Акишев, 1970: 69) и древних кочевников Алтая (Грязнов 1947: 14—15).

В последний раз седентаризационный процесс активизировался с конца XVIII в., по мере включения большинства номадов в состав Российской империи. Уже к началу XX в., например, в Казахстане чистые кочевники сохранялись только на Мангышлаке, Сырдарье и в пустынной части Центрального Казахстана.

Кун (Coon, 1976: 224) в отличие от Бекон (Bacon, 1954: 46) совершенно верно подметил, что в номадизме евразийского степного типа линия, отделяющая кочевников от земледельцев, менее четкая, чем в ближневосточном. Но если граница между чистым номадизмом и полукочевничеством, а также между ними и другими формами экстенсивного скотоводства была в евразийских степях значительно менее четкой и легче проходимой, чем, например, в Аравии, то зато она была и более обратимой. Соответственно, различные переходные формы были многочисленнее и подвижнее, хотя и менее определенными.

Видовой состав стада и даже процентное соотношение различных видов скота в евразийских степях на одних и тех же территориях в целом были стабильны на протяжении всего времени существования в них номадизма. Это прослежено на примере древних сарматов и калмыков нового времени (Хазанов, 1974), населения Северной Каракалпакии в XI-XIV вв. и в самом недавнем прошлом (Цалкин, 1966: 154), кочевников Тувы 1 тыс.

н. а. и XIX — начала XX в. (Вайнштейн, 1972: 22), средневековых монголов и их современных потомков (Цалкин, 1968: 22—23).

Попытка Эберхарда (Eberhard, 1952: 107 — 139; ср. Johnson, 1969: 13) разделить евразийский степной тип номадизма на монгольский с преобладанием лошадей и тюркский со смешанным составом стада несостоятельна. Монголы разводят животных различных видов, а некоторые тюркоязычные кочевники имели лошадей не меньше, чем монголы. Но, конечно, и евразийский степной тип номадизма можно разделить на несколько подтипов: внутреннеазиатский (монгольский), казахстанско-центральноазиатский, восточноевропейский, южноцентральноазиатский (туркменский), хотя различия между ними преимущественно этнокультурные, а не хозяйственные. Несколько особняком стоит лишь южноцентральноазиатский подтип, во многих отношениях сближающийся с номадизмом средневосточного, а через него даже передневосточного типа. Специфика видового состава стада в номадизме евразийского степного типа определялась ведущей ролью двух животных: овцы и лошади. Значение овцы едва ли нуждается в каких-либо комментариях. Ассортимент растений, поедаемых овцой, очень широк и включает многие виды, непригодные для лошадей и крупного рогатого скота. Важно также что овцы способны доставать корм из-под снега толщиной в 15-17 см (Насимович, 1955. 75) В отличие от других регионов, овцы в евразийских степях издревле были почитаемыми животными. По узбекскому поверью, они попали на землю прямо из рая (*Народы Средней Азии*, 1962. 221).

Лошадь для степи имела то же значение, что верблюд для пустыни. По словам казахского хана Касима, «мы - жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их нам лучшей пищей и одеждой, а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него готовится... Людям степей без коня и жизнь не в жизнь» (Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат, 1895: 276). Лошадь была важнейшим транспортным (особенно верховым) животным, а так же источником мясной и молочной пищи. Согласно казахской пословице, умирает не тот кого ругают, а тот, кто потеряет свою лошадь

Козы в целом уступали по своему значению овцам, хотя в отдельных, особенно пустынных, областях они приобретали большее значение. В евразийских степях, как и в других регионах, коза до некоторой степени являлась ухудшенным эквивалентом овцы. В Монголии козы имеют значительное распространение в сухих и скалистых Гобийском пустынно-степном и Алтайском горно-степном районах (Шульженко, 1954: 38). Когда в результате китайской колонизации Внутренней Монголии кочевники вынуждены были использовать худшие пастбища, козы в их стадах стали занимать более важное место, чем овцы (Lattimore, 1967: 74, п. 23). Еще в начале XIX в. один из русских путешественников заметил про монголов, что «козы — удел недостаточных» (Тимковский, 1824: 79; ср. Шаниязов, 1975: 189 про полукочевых узбеков).

Крупный рогатый скот, хотя и уступал по своему значению мелкому, но все же занимал в составе стада более важное место, чем на Ближнем и Среднем Востоке. Его удельный вес в составе стада подчинялся двум правилам: в степных областях его было больше, чем в пустынных, и тем больше, чем большую роль играло земледелие в общем балансе экономики.

Корова для подвижных евразийских номадов, не запасавших кормов впрок, была животным, хотя и ценным, но слишком прихотливым, плохо приспособленным к перегонам на дальние расстояния. Рычков (1877: 22) писал, что коровы «в степях тебениевать не могут, для того киргизы (казахи. — А. Х.) мало их держат и у самого богатого более двадцати не бывает». Хотя корова съедает за сутки не более 48 кг травы, но если условия будут не идеальны — трава низкоросла, или слишком высока, или редка, или пастбища имеют сложный рельеф, — эта величина будет меньше. Корова останется голодной, но все же не сможет увеличить время кормежки и число скусываний (Фиельструп, 1927: 83; Баскин, 1976: 114).

Поэтому крупный рогатый скот у казахов появился лишь во второй половине XVIII — начале XIX в., когда русские власти начали стеснять свободу их перекочевки и активизировали седентаризационные процессы. Он был частично получен от каракалпаков,

частично просто отобран у калмыков во время их несчастливого бегства от русских властей из Поволжья в Джунгарию (Георги 1776: 126, 127; Левшин, 1832, III: 189). У казахов-адаевцев даже в 1927 г. только около 4% приходилось на долю крупного рогатого скота, но и он принадлежал главным образом тем 3% адаевцев, которые не кочевали (Брискин, 1929: 39).

По данным на 1927 г. в Киргизии крупный рогатый скот составлял от 34,3% до 46,5% от общего поголовья скота в русских хозяйствах и от 40,0% до 47,3% — в узбекских. И те и другие были оседлыми земледельцами. У киргизов, ведших еще кочевой и полукочевой образ жизни, крупный рогатый скот составлял от 6,85 /о до 10,3 /о, а у тех из них, у кого земледелие уже получало широкое распространение — от 14,8% до 24,1% (Лус, Колесник 1930: 46).

Зато у полуоседлых каракалпаков в XIX в. крупный рогатый скот преобладал над мелким (Народы Средней Азии, 1962: 439). Рост численности крупного рогатого скота по мере оседания отмечался и у других кочевников (см., например, Кармышева, 1954: 116 про узбеков-локайцев или Эрдниева, 1964: 25 про калмыков). Правда, древние кочевники активно использовали волов в качестве транспортных животных, но в средние века, особенно в послемонгольский период, они постепенно выходили из употребления в связи с увеличением общей подвижности номадов. В I тыс. до н. э. влекаемые волами кибитки были характерны для скифов (*Pseudo-Hippocrates, De ѳеге*, 25), и, по-видимому, многих других номадов, кочевавших в евразийских степях. В XIX в. ими пользовались лишь каракалпаки (*Народы Средней Азии*, 1962: 441), калмыки (Житецкий, 1893: 37), ногайцы (Иванов П. П., 1958: 43; Шенников, 1973: 53), да еще чумаки — украинские крестьяне, специализировавшиеся на перевозке соли из Крыма.

Во II—I тыс. до н. э. находки костей верблюдов в евразийских степях очень редки. Сыма Цян, описывая скотоводство у сюнну, относит верблюдов к числу редких животных (пит. по Таскин, 1968: 34). По-видимому, значение этого животного для кочевников евразийских степей увеличилось в монгольский и послемонгольский периоды. Существует мнение, что сами монголы впервые стали

разводить верблюдов в сколько-нибудь значительных количествах после того, как в начале XIII в. захватили стада их у тангутов (Владимирцов, 1934: 36; Кычанов, 1977: 47, 50).

Сам климат, достаточно холодный и сырой, ограничивал распространение верблюдов, неспособных к тебеневке в евразийских степях. Казахи покрывали верблюдов зимой попонами, чтобы уберечь от холодов (Георги, 1776:127; Фиельструп, 1929: 90). Существенное значение верблюды имели только в южных пустынных областях, преимущественно у туркмен, некоторых групп казахов и монголов. На юге Монголии с ее маловодными пустынными пастбищами верблюды почти полностью заменяют крупный рогатый скот и даже успешно конкурирует с лошастью (Шульженко, 1954: 38). Казахи и киргизы в основном разводили бактрианов или гибридов, туркмены — дромедаров (Ищенко и др., 1928: 135; Аргынбаев, 1973: 156).

Хотя верблюдов доили — автор сам имел возможность оценить вкусовые качества туркменского чала и казахского шубата, а для адаевцев в весенне-осенний период верблюжье молоко было одним из основных продуктов питания (Ищенко и др., 1928:146), основное использование верблюдов в евразийских степях, в отличие от Ближнего Востока, транспортное. В качестве верхового животного его использовали сравнительно редко.

Осел не играл сколько-нибудь существенной роли у кочевников и полукочевников евразийских степей. Согласно туркменской пословице, богатство бедняка осел да козел с чесоткой (Бабаджанов, 1975: 222). Еще одна особенность евразийского степного типа номадизма заключалась в том, что в составе стада мелкий рогатый скот обязательно сочетался с верховыми и транспортными животными, имевшими, однако, полуфункциональное назначение. Поэтому Бекон (Bacon, 1954: 46) достаточно четко охарактеризовала его как «multi-animal» (т. е. основанный на разведении животных различных видов). Тенденция к специализации на разведении животных одного вида не получила в данном регионе большого распространения, хотя про полное ее отсутствие говорить тоже нельзя. Так, в Южном Таджикистане локайцы специализировались на разведении лошадей, а карлуки — овец. Существовала даже специальная пословица: карлук создан богом для овец (Кармышева, 1954: 64 сл.).

Смешанный видовой состав стада, разумеется, не означает обязательный совместный выпас животных различных видов, хотя их поочередный выпас на одних и тех же пастбищах не был редкостью, особенно зимой. Он означает лишь обязательное сочетание их в составе одного хозяйства. В отличие от Аравии и Сахары в евразийских степях не было ни чистых верблюдоводов или коневодов, ни чистых овцеводов. В значительной мере это объясняется умеренной климатической зоной, в которой находился евразийский степной номадизм, а также проблемой кормов в зимний период, которые скот вынужден был добывать из-под снега. На помощь приходила уникальная способность лошади к тебеневке. Чтобы отрыть траву, скрытую снегом на глубине 10 см, ей достаточно трех ударов копытом. Но лошадь может тебеневать даже при толщине снежного покрова в 30—40, а иногда даже до 50 см (Насимович, 1955: 74; Баскин, 1976: 55)

В собственно степи, будь то монгольской, или той, находившейся к западу от нее, которую средневековые арабские и персидские авторы называли Дашт-и-Кипчак, или даже восточноевропейской, которую средневековые русские летописцы именовали Диким полем, кочевники занимали почти монопольное положение. Земледелие, ютившееся по берегам рек и водоемов, занимало столь незначительную площадь безбрежных степных пространств, что трудно говорить про совместную сезонную утилизацию одной экологической зоны. Просто земледельцы чаще всего занимали одни анклавы, кочевники — другие. От Авесты до Шахнамэ «Иран» (т. е. оседлый мир) противопоставлялся «Турану» (т. е. миру кочевому) не только в хозяйственном, но и в территориальном отношении. Со временем менялся вкладываемый в эти слова этнический смысл, но само противопоставление оставалось неизменным.

Несколько иное положение было в маргинальных областях: венгерской равнине, Мавераннахре — области между Амударьей и Сырдарьей, Хорезме, Семиречье, оазисах Восточного Туркестана, Ордосе. Земледельческая культура в некоторых из них уходит в глубокую древность. Кочевники и полукочевники, с одной стороны, и земледельцы, с другой, нередко жили в них рядом друг с другом

или даже чересполосно. Там иногда действительно имела место и совместная утилизация одних и тех же зон и ниш, почти всегда сопровождавшаяся столкновениями и борьбой.

Поскольку евразийский степной тип номадизма по большей части находился в умеренной зоне, это обстоятельство было одним из решающих в определении маршрутов и характера перекочевков. За исключением горных районов с их неизбежным круглогодичным или сезонным вертикальным кочеванием, особенно распространенным у киргизов, некоторых групп монголов, тувинцев и узбеков, наиболее обычным типом перекочевков был регулярный, линейный, меридиональный, с довольно стабильными маршрутами, четкой сезонной сменой пастбищ, водным приоритетом летом и кормовым — в остальные сезоны. «Кормовые потребности стада, необходимость обеспечить его водой и возможно лучше спастись от зимних холодов и являются основными моментами хозяйственной жизни кочевника. От этих моментов и зависит продолжительность стоянок, направление кочевков, число перекочевков и длина пути кочевания» (Ищенко и др., 1928:105). Это наблюдение про казахов можно распространить почти на всех остальных кочевников евразийских степей. Лишь кое-где в пустынных районах, например, у туркмен встречалось радиально-круговое кочевание, а зависимость от наличия воды выступала на первый план (Оразов, 1975: 217). Регулярный характер кочевания определялся присущими умеренной зоне четкими сезонными изменениями. «Для кочующего хозяйства, проходящего многие сотни километров с севера на юг, чрезвычайно важно, чтобы на всем пути были кормовые растения в периоде их достаточной кормовой ценности. Приход кочевника с отощавшим после зимы скотом на север в июле был бы равносителен джуту (падеж скота), так как в это время злаки начинают засыхать, и питательность их падает почти вдвое сравнительно с маем и июнем» (Ищенко и др., 1928: 44).

Теми же обстоятельствами определяется и меридиональный характер перекочевков, установившийся с древности и мало менявшийся в средние века, во всяком случае в сравнительно мирные времена. Из-за меридионального характера кочевания у монголов даже территории старых административных единиц

хошунов, имели, как правило, овальную форму, вытянутую с севера на юг (Грайворонский, 1979: 47). Богатые кормом летние пастбища влекли номадов на север, потому что степи обычно не имеют летнего замещения растительности (Алехин, 1950: 257), а сравнительно теплые зимы, неглубокие снега — на зимние, южные, хотя на последних нередко не хватало корма. Кормовые запасы пустынных пастбищ уменьшаются в 2—2,5 раза (*Средняя Азия*, 1969: 174). Летние пастбища, где происходил нагул скота, имели особенно большое значение для большинства кочевников. В Центральной Азии в степной зоне на овцу достаточно 1 га пастбищ, в пустыне — 3—6 га, местами даже 10 га (*Средняя Азия*, 1969: 174). В XIX в., когда большинство летних пастбищ было отобрано у казахов царским правительством, у них начался кризис кочевого хозяйства.

Постоянство маршрутов перекочевок нередко можно проследить на одной и той же территории с древности и до нового времени. Страбон (Strabo, VII, 3, 17) писал про древних номадов евразийских степей, что «они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом - на равнинах». То же самое Плано Карпини (*Путешествия...*, 1957: 70) утверждал про кочевников Золотой Орды: «Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих¹ самых рек поднимаются на горы». Наблюдатели конца XIX -начала XX в также отмечали, что калмыки уходят на зимовки из открытой степи к поросшим камышом лиманам и озерам в долине Маныча и прилегающих местностях (Дуброва 1898: 187; Очиров 1925: 15). Таким образом, в течение более чем двух тысяч лет маршруты перекочевок в степях Восточной Европы фактически остались неизменными.

Различные наблюдатели неоднократно подчеркивали стабильность, фиксированность маршрутов. «Постигнув укорененную временем и обычаями систему перекочевки — писал Небольсин (1852: 26) про Калмыков, — изменяемую только вследствие особенных географических условий и сокращения числа удобных для кочевания мест, почти всегда наверное можно знать, где именно род или известная часть его в данное время занимает степь своими кибитками». Про казахов отмечали, что «пойти по пути, по которому

ходит другой аул, считается преступлением» (Лялина, 1894: 30; см. также Левшин, 1832. III: 13).

Соответственно, длина перекочевов варьировала очень сильно. У монголов Внутренней Монголии она не всегда достигала 150 км (Lattimore, 1967: 73, п. 21), в Гобийской зоне Внешней Монголии равнялась 600 км (Грайворонский, 1979: 49), а у казахов Младшего и Среднего жузов — 1000—1500 км (Народы Средней Азии 1963: 354). У киргизов протяженность вертикальных перекочевов составляла от нескольких десятков до 150—200 км (Народы Средней Азии, 1963: 187), а у туркмен — протяженность радиально-круговых — 20—30 и 150—200 км (Оразов, 1975: 216—217).

Система питания у кочевников евразийского степного типа связана с их расположенностью в умеренной климатической зоне. Они употребляли меньше мяса, чем северные оленеводы или скотоводы высокогорной Внутренней Азии, но больше, чем номады Ближнего и Среднего Востока и тем более — Восточной Африки. Возможно, что на Ближнем и Среднем Востоке употребляли зато больше растительной пищи, но точными данными для такого утверждения я не располагаю. По расчетам Майского (1921: 156), у монголов в начале XX в. в калорийном отношении молочные продукты составляли 55,31%» растительные — 24,38 %, мясные — всего 20,31%.

В середине 50-х гг. нашего столетия кочевники Монголии в среднем на душу потребляли 400 г мяса или 143 кг в год (от 128 кг в бедных хозяйствах до 255 кг в богатых), 0,78 литра молока в день или 260 литров в год (от 107 литров в бедных хозяйствах до 546 литров в богатых), а также другие молочные продукты, на изготовление которых уходило 0,68 литра молока в день или 248 литров в год. Кроме того они потребляли в год 18 кг муки, т. е. 49 г в день¹⁰ (Жагварал, 1974: 115—116).

В целом система питания евразийских степных кочевников покоилась на сочетании двух основных элементов — мяса и молока

¹⁰ Данные о потреблении муки имеются на 1948—1949 гг., когда в Монголии испытывалась значительная нехватка земледельческих продуктов и их приходилось заменять продуктами собирательства. Обычное потребление муки гораздо больше.

с обязательным добавлением растительных продуктов. Утверждение Бекона (Васон, 1954: 46), что они неограниченно долгое время могут существовать только на молочных продуктах и мясе, явно ошибочно. В XVII—XIX вв. наиболее сильное наказание непокорных туркмен со стороны хивинских ханов заключалось в запрещении пользоваться базарами, где те могли покупать необходимое им зерно (*Народы Средней Азии*, 1962: 97). Соотношение между мясом и молочными продуктами менялось в зависимости от сезона. Летом в пищевом рационе преобладали молочные продукты, зимой — мясные (Жуковская, 1979).

Основу мясной пищи составляло мясо овец (и коз там, где их разводили), но конина также употреблялась в пищу, что резко отличает рассматриваемых номадов от всех остальных. По сравнению с мясом других животных, которых разводили в евразийских степях, конина обладает более высокой калорийностью, высоким процентом содержания минеральных веществ, аминокислот, витаминов группы А и В и т. д. (Гунга, 1976: 31). Зато употребление в пищу верблюжатины не имело сколько-нибудь существенного значения. Абу Дулуф, автор X в., писал про киргизов, что они едят любое мясо, кроме верблюжьего.

Доили всех разводимых животных, в том числе овец. Сведения об употреблении кочевниками евразийских степей крови в пищу имеются с древних времен. Можно предположить, что в древности и средние века (см., например, Меховский 1936: 59) употребление ее имело большее значение, чем в новое время, когда действовали запреты ислама. Монголы употребляют в пищу кровь до сих пор (Жуковская, 1979). И все же в системе питания кочевников евразийского типа кровь никогда не имела существенного значения.

Ближневосточный тип. Ближневосточный тип номадизма является менее однородным, чем номадизм уже рассмотренных типов. Он отчетливо разделяется на четыре основных географических подтипа — аравийский, североафриканский, сахарский и североафриканский, а при желании и на значительно большее их число. Сами эти подтипы также весьма диверсифицированы. И к тому же распространение различных форм экстенсивного

скотоводства и даже различных вариантов собственно кочевого скотоводства далеко не всегда соответствует намеченным географическим границам. И все же, помимо немаловажных исторических соображений, ряд общих хозяйственных черт, разделяемых номадами этого региона, позволяет говорить о возможности выделения особого ближневосточного типа номадизма.

На Ближнем Востоке представлены все выделенные формы экстенсивного скотоводства, но имеются локальные особенности в их распространении. Упрощая реальное положение дел, можно сказать, что Аравия и Сахара — домен чистых кочевников, Северная Африка, Палестина, отчасти Сирия и Ирак — полукочевников и пастушеских скотоводов. Согласно известному выражению, Ирак — могила бедуинов. Но можно сказать и по-другому. Ирак делал полукочевников из чистых номадов (описание их см. Oppenheim, 1939: 22 ff.; ср. Fernea, 1970: 11).

В то же время границы между различными формами скотоводства на Ближнем Востоке, особенно между чистыми кочевниками и остальными скотоводами, выглядят более четкими, чем в евразийских степях. Противопоставление чистых бедуинов всем остальным скотоводам и земледельцам было в конечном счете вызвано экологической спецификой, но закрепилось в экономике, социально-политической практике и системе ценностей. Только в Северной Африке, где возможно переложное плужное земледелие (Nicolaisen, 1963: 183), границы между различными формами скотоводства выглядят менее четкими, более проходимыми и обратимыми, чем в Аравии и Сахаре.

Но и сами кочевники в Аравии делятся на чистых верблюдоводов, таких, как например, рвала, шаммар и мутейр, и овцеводов и козоводов, имеющих также немного верблюдов в основном для транспортных нужд, т.е. чистых бедуинов и полубедуинов (Dickson, 1951: 109). Впрочем, и такое разделение не следует переоценивать. Например, мутейр, в основном верблюдоводческое племя, все же обладает небольшими стадами коз и овец.

У некоторых южноаравийских племен верблюдов меньше, чем у северных, коз больше, а осел служит основным верховым и транспортным животным (Bird, 1834:196; Coon, 1959: 872). Овцево-

ды обитали преимущественно в Неджде, Касyme и Джебель-Шаммаре, а также в Сирии, Палестине и Северной Африке. Многие, если не большинство из них, по существу были полукочевниками (Burckhardt, 1830: 330—331; Wallin, 1850: 35; Doughty, 1888: I: 15, 45, 234, 440; сводку данных см. Першиц, 1961: 36—39).

Видовой состав стада в номадизме ближневосточного типа определяется тремя важнейшими животными: верблюдом, овцой и козой. Волней (Volney, 1959 [впервые опубликовано в 1787]: 203) давно отметил: «Telle est l'importance du chameau pour le désert, qui si on l'en retirait, on en sous traitait toute la population, dont il est Tunique pivot» [Такое значение верблюда для пустыни объясняется тем, что своим молоком он кормит все население, для которого это является единственной основой]. Верблюд почти повсеместно является важнейшим верховым и транспортным животным; большое значение имеет также его молочное использование. Козы, как и всюду, по большей части, выступают как заменители овец в наименее благоприятных или горных условиях, хотя определенную роль здесь, очевидно, играют этнокультурные традиции.

Крупный рогатый скот, если отвлечься от нескольких специфических локальных и к тому же не чисто кочевых групп¹¹, сколько-нибудь существенное значение имеет только в северовостоchno-африканском подтипе. Лошадь повсюду на Ближнем Востоке, несмотря на ее высокое престижное и отчасти военное значение, распространена меньше, чем верблюд в номадизме евразийского степного типа. По данным Буркхардта (Burckhardt, 1831: 57), у аназа в начале XIX в. одна лошадь приходилась на 6—7 семей. «Лошади не имеют экономического значения. Они служат в основном как средство получения добычи и достижения влияния» (Musil, 1928: 371). Лошадь используется в основном как верховое животное, ее не выпасают в стадах, а мясо и молоко ее не используют в пищу.

Зато осел в качестве транспортного животного имеет большее значение, чем в евразийских степях, но, по-видимому, меньшее, чем на Среднем Востоке. Осел может нести до 100 кг груза, всего

¹¹В Дхофарс, на берегу Индийского океана, имеется группа, разводящая горбатый крупный рогатый скот, а в Южном Ираке — группа, разводящая водных буйволов (Coon, 1943: 209217; Coon, 1959: 872).

лишь в два-три раза уступая в этом отношении верблюду. Однако все же это — животное полукочевников — *шавийа* у арабов, вассальных племен у туарегов, и других экстенсивных скотоводов, а также земледельцев. Настоящий кочевник-бедуин или благородный туарег на осла не сядет, начисто забыв, что ослы были основными транспортными животными, если не у их непосредственных предков, то у их предтеч — скотоводов бронзового века.

Если первой важной особенностью номадизма ближневосточного типа я считаю особую роль верблюда в видовом составе стада, то вторая — раздельный выпас животных различных видов. Верблюдов невозможно выпасать с мелким рогатым скотом. В евразийских степях снег зимой заменяет овцам и козам воду, но в жарких пустынях даже зимой, в отличие от верблюдов, их надо поить каждые 3—4 дня.

В одних случаях — в Аравии и Сахаре все это приводит к межгрупповой и межплеменной специализации, в других — в Северной Африке, подчас к внутриплеменной, в третьих — на Африканском Роге — к внутригрупповой и даже внутрисемейной. Правда, это утверждение является обобщенным, отвлекающимся от многообразия конкретных случаев. Но повсюду в номадизме ближневосточного типа верблюдов выпасают отдельно. Законы экологии в этом отношении непреложнее многих из человеческих.

Уже это обстоятельство само по себе определяло многие особенности перекочевков, характерных для номадов Ближнего Востока. Верблюдоводы кочевали больше и дольше, чем овцеводы, были менее прикованы к источникам воды. В Северной Африке на зимнюю откочевку в пустыню нередко отправляли только верблюдов, овцы оставались в Телле (Dhina, 1956: 421—424). Юлиан Тувим сострил однажды, что верблюд может неделю работать и не пить, а человек — неделю пить и не работать. Под «питьем» польский поэт имел в виду алкогольные напитки. Но если их заменить на обыкновенную воду, афоризм, во всяком случае в той его части, которая относится к верблюду, оказывается вполне верным.

В Аравии, Сахаре, отчасти на Африканском Роге кочевники регулярно прикочевывают к земледельческим оазисам, с которыми они связаны многочисленными историческими, этническими, со-

циальными и культурными узами. В Аравии, особенно на границах с Сирией и в Касиме, кочевники по древней традиции пасли скот на скошенных полях (Першиц, 1961: 31, Смилянская, 1979: 27). Но подобная совместная утилизация одной экологической зоны имеет меньшее значение, чем на Среднем Востоке, как из-за сравнительно небольших размеров земледельческих оазисов, так и из-за преобладающей в них культуры финиковой пальмы, отходы которой дают меньше корма скоту, чем стерня зерновых. Только в Северной Африке и странах Плодородного Полумесяца подобная утилизация одной экологической зоны с земледельцами приобретала большее значение.

Еще одна особенность перекочевков проистекает из расположенности Ближнего Востока в жарком и засушливом поясе. Нерегулярность выпадения осадков во многих областях и неопределенная локализация пастбищ приводят к тому, что маршруты перекочевков также являются менее стабильными, а кое-где и менее регулярными, чем, например, в евразийских степях и на Среднем Востоке. Капо-Рей (Capot-Rey, 1953: 251) замечает про кочевников Сахары: «Первое правило игры и, по правде говоря, единственное правило — это то, что кочевник следует за дождем». Сезонность перекочевков, хотя и существует, но проявляется иногда менее отчетливо, чем в упомянутых регионах, а наличие или отсутствие воды приобретает решающее значение (Marx, 1978: 46—49). В наибольшей степени все эти особенности перекочевков присущиномадам Аравии и Сахары, отчасти также Рога. В Северной Африке стабильность маршрутов перекочевков значительно выше. Но во всех областях в этом отношении существуют локальные различия.

Среди кочевников Сахары одни группы проводят сухой период вне ее — в Телле на севере или в Сахеле на юге, другие — проводят лето в Сахеле, а на зиму возвращаются в Сахару, третьи — кочевники эргов, в зависимости от наличия воды и кормов кочуют в самой Сахаре, причем их перекочевки не имеют ярко выраженного сезонного характера (Capot-Rey, 1953: 254—261, ср. Johnson, 1969: 116). Но уже в полупустынных районах к северу от Сахары, благодаря наличию влажного сезона, стабильность перекочевков увеличивается (Capot-Rey, 1953: 18).

Локализация зимних и летних пастбищ у верблюдоводов Аравии зависит от дождей и является неопределенной (Musil, 1927: 45; Coon, 1959: 873; Johnson, 1969: 45). В то же время рвала и мутейр имеют весьма выраженную сезонность перекочевов по нелинейным (эллиптическим) маршрутам.

За исключением опять-таки североафриканского подтипа, у номадов Ближнего Востока нет того абсолютного преобладания линейных маршрутов, которые характерны для номадов Северной Евразии и евразийских степей. Нелинейные маршруты встречаются у них достаточно часто. Некоторые аравийские племена совмещают меридиональное и круговое кочевание с вертикальным (Першиц, 1961: 31).

В соответствии с разнообразными условиями региона длина перекочевов варьирует очень сильно. У рвала она достигала 1500 км (Awad, 1962: 333), у туарегов — от 300 до 1000 км (Capot-Rey, 1953:262), а у туарегов Ахаггара не превышает 50 км (Nicolaisen, 1963: 149).

Основу питания номадов Ближнего Востока составляют молоко и растительные продукты, зато мясо имеет меньшее значение, чем в номадизме евразийского типа (см., например, Nicolaisen, 1963: 38 про туарегов; Musil, 1928: 96 про рвала). Все основные виды разводимых животных — верблюды, овцы и козы, используются как в молочном, так и в мясном отношениях. Но если в пищевом отношении верблюды — это в первую очередь молочные животные, то овцы и особенно козы — не только молочные, но и мясные.

Пример туарегов показывает насколько зависят кочевники Ближнего Востока от растительной пищи. Действительно, иногда они вынуждены питаться исключительно молоком в течение недель и даже месяцев, но при этом жалуются на утомляемость и боли в животе (Nicolaisen, 1963: 209; ср. Monod, 1975: 102). По данным Лота (Lhote, 1955: 213), туареги Ахаггара употребляют на душу в год 187 кг проса, 15 кг фиников и еще большее количество пшеницы. Арабы Сахары употребляют на душу в год 180 кг пшеницы и 75 кг фиников. Туареги Аира потребляют на душу 0,5 кг растительной пищи в день или около 180 кг в год (Nicolaisen, 1963: 213).

Даже в настоящее время, несмотря на многовековое господство ислама, у кочевников Аравии и Сахары отмечено употребление крови в пищу, причем не только у тебу Сахары (Nicolaisen, 1963: 312), но и у бедуинов Аравии (Doughty, 1888, I: 561; Fulbert, 1938: 39). Поэтому можно думать, что в прошлом оно имело большое значение. Однако по крайней мере сейчас кровь является лишь дополнительным элементом пищевого рациона (см., например, Nicolaieon, 1963: 235) про туарегов).

Северовостоафриканский подтип ближневосточного типа номадизма в основном представлен сомали и родственными им народами. В отношении видового состава стада его специфика не слишком велика. Сомали разводят все тех же овец, коз и верблюдов, правда не используя последних в качестве верховых животных (Zohrer, 1964—65: 150). Транспортными животными служат ослы, лошадей очень мало, а крупного рогатого скота (*зебу* — *Bos indicus*) больше всего на юге, где скотоводство сочетается с земледелием (Lewis, 1955: 329—330). Выпадение дождей, особенно в Северном Сомали, не равномерно в течение различных лет и сезонов. Соответственно, нет и стабильных маршрутов перекочевки, хотя они имеют регулярный годичный цикл с двумя сухими и двумя влажными сезонами (Lewis, 1955: 331; Lewis, 1961: 41).

Пища сомали состоит в первую очередь из молока и молочных продуктов, но и мясо, особенно в сухой сезон, когда молока не хватает, имеет существенное значение. Забой скота на мясо является регулярной практикой. Некоторые группы кочевников сомали употребляют в пищу кровь верблюдов и крупного рогатого скота. Растительная пища также является постоянным элементом их диеты (Swift, 1977: 285).

Некоторые особенности северовостоафриканского подтипа номадизма ближневосточного типа (отсутствие практики использования верблюда в качестве верхового животного, роль крупного рогатого скота, употребление крови в пищу) в известной мере сближают его с номадизмом восточноафриканского типа. Особенно это относится к таким группам как габра, кочующим в Кении и Эфиопии к северу от самбуру и туркана (Топу, 1976: 269—271). Но в целом он гораздо ближе к ближневосточному, и в хозяйствен-

ном отношении и исторически. «Отношения между Сомали и Аравией восходят к античности» (Lewis, 1955: 45). К тому же следует учитывать, что крупный рогатый скот получил в Сомали наибольшее распространение там, где чисто кочевые формы скотоводства уступают полукочевым или пастушеским.

В заключение об одном довольно обширном регионе, который я не решаюсь отнести ни к одному из основных типов номадизма — о сахельско-суданской зоне. Если стремиться к более дробной типологии, то, возможно, ее необходимо отнести к особому типу или даже типам номадизма (ср. Patai, 1978: 16—20). Однако когда цель — выделить лишь основные типы номадизма, в глаза бросается ее промежуточность, слишком уж большая неоднородность по всем основным параметрам. Не случайно Херсковитц (Herskovits, 1962: 72—73), выделивший Восточный Судан в особую культурную область в Африке, тем не менее сталкивался с трудностями в ее определении. Хоровиц (Horowitz, 1967) выразил обоснованные сомнения в том, что эту область вообще можно считать единым культурным ареалом. Во всяком случае скотоводческое хозяйство, в том числе кочевое, не демонстрирует в нем значительной гомогенности.

В отношении состава стада, например, верблюдоводы кабабиш напоминают кочевников Северной Африки (Asad, 1970), коровопасы баггара или фулани — Восточной Африки (Stenning, 1959; Cunnison, 1966). У беджа крупного рогатого скота больше, чем верблюдов (Paul, 1954: 16). Но уже в отношении характера перекочевок и утилизации продуктов скотоводства между этими группами и номадами как Ближнего Востока, так и Восточной Африки имеются существенные различия. Например, в отличие от восточно-африканских номадов хумр баггарра кочуют в соответствии с регулярными сезонными циклами (Cunnison, 1966: 13).

Такая же сложная и противоречивая картина наблюдается в Сахеле и Западном Судане. В Сахеле к разводимым верблюдам, козам и овнам прибавляются зебу, а в саванне — крупный рогатый скот и овцы становятся главными животными и большее значение приобретают лошади (Nicolaisen, 1963: 28). К югу от 12 параллели верблюд встречается редко (Awad, 1962: 330). Скотоводство

туарегов Нигера ближе к скотоводству фулани, чем к скотоводству туарегов Ахаггара (Capot-Rey, 1962: 303). Даже в отношении порядка смены времен года Сахель резко отличается от Северной Африки, хотя нестабильность перекочевки его кочевников весьма значительна (Bremaud and Pagot, 1962: 318).

Как и на Ближнем Востоке и в Восточной Африке, вода является важнейшим хозяйственным приоритетом в перекочевках кочевников сахельско-суданской зоны. На это помимо общих причин, связанных с климатическими условиями, имеются и специфические, связанные с видовым составом стада и характерные только для сахельско-суданской зоны и Восточной Африки. В Сахеле крупный рогатый скот нельзя пасти дальше, чем на расстоянии 15—20 км от водопоя. Иначе он затратит слишком много энергии, добываясь до воды (Bremaud and Pagot, 1962: 320). Хумр баггара в Судане кочуют таким образом, чтобы водные источники всегда находились в досягаемости для крупного рогатого скота (Cunnison, 1966: 13).

Но в системах питания между скотоводами сахельско-суданской зоны и Восточной Африки имеются существенные отличия. Так, фулани не употребляют крови, но открыто демонстрируют свою любовь к растительной пище (Monod, 1975: 143—144).

В результате я склоняюсь к тому, чтобы рассматривать в этой книге сахельско-суданскую зону как маргинальную между ближневосточным и восточноафриканским типами номадизма.

Средневосточный тип. Номадизм средневосточного типа в некоторых отношениях является промежуточным между номадизмом ближневосточного и евразийского степного типов. Это неудивительно, учитывая его географическую локализацию и историю формирования (см. главу II).

Сходство номадизма средневосточного и евразийского степного типов в некоторых районах их распространения было замечено еще в средние века. В начале XVI в. Бабур писал об афганцах кабульской области: «Подобно тому как в Хорасане и Самарканде кочуют турки и аймаки, так и в этой области кочуют хазарейцы и афганцы» (Захир-ад-Дин Бабур, 1958: 165). Северозападный Афганистан можно рассматривать как

маргинальную область между номадизмом обоих типов (Ferdinand, 1969: 129). Другой такой областью является территория к северу от Эльбурза в северо-восточном Иране. Иранские туркмены вели хозяйство, мало чем отличавшееся от хозяйства туркмен на территории Русского Туркестана (Сооп, 1976: 220, 221). Их кочевья были разделены лишь после проведения границы между Россией и Ираном в 1881 г. (Логашева, 1979: 35—36). Туркменский (южно-центральноазиатский) подтип сам является внутренне неоднородным, хотя в целом его можно считать промежуточным, причем несколько более близким к средне-восточному. Однако, описав его в разделе, посвященном евразийским степнымномадам, я больше возвращаться к нему не буду.

В то же время уже Рашид ад-Дин отмечал сходство ближневосточного и средне-восточного номадизма. «Прежде всего надлежит знать, что в каждом поясе земли существует отдельное [друг от друга] население, [одно] оседлое, [другое] кочевое. Особенно в той области [или стране], где есть луга, много трав, [в местностях], удаленных от предместий городов и от домов [селений], много бывает кочевников, — так, как [это] мы наблюдаем в пределах Ирана и во владении арабов, где есть безводные пустыни с травой; такая земля подходяща для верблюдов, потому что они поедают много травы, а воды потребляют мало» (Рашид ад-Дин, 1952: 73). Со средних веков были известны группы кочевников, зимовавших в Сирийской пустыне, а на лето откочевывавших на высокие плато Малой Азии. Позднее так кочевали курды, в XVI в. заменившие тюркских кочевников в Восточной Анатолии (de Planhol, 1959: 527—528).

Наконец, номадизм небольших групп киргизов в северо-восточном Афганистане имеет черты, например наличие яка в стаде, сближающие его с высокогорным внутрнеазиатским типом (Shahrani, 1979).

Однако в отличие от Сахары и Центральной Аравии и тем более Гоби или Каракумов, пустыни Среднего Востока — Дешт-е Кевир и Дешт-е Луг — лишены воды и всякой растительности. Поэтому на Среднем Востоке нет ни настоящих бедуинов, ни таких чистых номадов, каковыми еще недавно были монголы или

казахи. Истахри писал, что в Аравии и Северной Африке все степи за исключением отдельных небольших пространств представляют хорошие пастбища и потому поделены между различными кочевыми племенами, тогда как хорасанская степь почти вовсе не населена; глаз видит только дорогу и почтовые станции по сторонам ее (цит. по Бартольд, 1971: 141).

Пожалуй, средневосточный тип номадизма является наименее однородным. Чисто предварительно, не столько как итог, сколько как повод для дальнейших исследований, я выделяю в нем Следующие подтипы: западный (горный), представленный в основном полукочевниками курдами, лурами и бахтиарами; северо-западный, представленный шахсенами и некоторыми другими тюркскими группами Иранского Азербайджана; северный, представленный туркменами и другими тюркоязычными народами Ирана и Афганистана, который, как уже отмечалось, можно рассматривать как промежуточный; южный, основанный на перекочевках меридионального типа, достигающих 500 км, с преобладанием летних пастбищ в горах, а зимних на низменностях, спускающихся к морю; юго-восточный, в основном полукочевой, представленный в первую очередь белуджами и брагуи, сочетающих разведение мелкого рогатого скота и верблюдов с выращиванием финиковой пальмы; восточный (горный), представленный в основном кочевниками Афганистана. Следует отметить, однако, что территориальные границы и хозяйственные различия между различными подтипами выглядят весьма расплывчатыми, а сами они также неоднородны.

Экстенсивное скотоводство на Среднем Востоке представлено различными формами: от чисто кочевой до отгонно-пастбищной, причем, как и в евразийских степях, они являются взаимобратимыми и взаимосвязанными (Трубецкой, 1966: 101; Сооп, 1976: 215). Однако оседлые формы скотоводства с заготовкой кормов не получили здесь большого распространения (Barth, 1962: 343). Зато в соответствии с географическими условиями региона особое значение в

¹² В прошлом здесь было много кочевников (Петрушевский, 1949: 66). Но к настоящему времени большинство их осело (Tapper, 1979a: 101 -103)

нем приобрели горные варианты упомянутых форм. В настоящее время полукочевое скотоводство на Среднем Востоке решительно преобладает над чисто кочевым. Однако частично это результат изменений, происшедших в новое время. В средние века чисто кочевые формы скотоводства были распространены больше.

Видовой состав стада в номадизме средневосточного типа основан на решительном преобладании мелкого рогатого скота (Barth, 1962: 344; Ferdinand, 1969: 133), преобладании не только количественном, но и качественном. При этом козы в составе стада играют большую роль, чем у номадов степной Евразии, а их пагубное воздействие на ландшафт, возможно, преувеличено (Kolars, 1966). У некоторых средневосточных номадов, например, белуджей в Южном Иране, козы играют большую роль, чем овцы (Spooner, 1972: 123; Spooner, 1975: 178—179). У шах навази пропорция этих животных составляет 2:1 в пользу коз (Salzman, 1971: 187), а в Мекране они встречаются примерно в равной пропорции (Pastner, 1971: 174).

Верблюды и лошади имеют ограниченное, главным образом транспортное значение (лошадь — в первую очередь верховое). При этом сколько-нибудь существенное значение верблюды имеют только для белуджей (Coon, 1976: 192) и патанов (Spooner, 1975: 174; Ferdinand, 1969: 133). В Белуджистане верблюд используется полукочевниками для сельскохозяйственных работ (Swidler, 1973:32).

Любопытно, что хотя на Среднем Востоке встречаются верблюды обеих пород, а также их гибриды (Снесарев, 1921: 87; Ferdinand, 1962: 135; Fischer, 1966: 300), в отличие от средних веков, дромедары значительно преобладают над бактрианами (Bulliet, 1975: 161). Что касается лошади, то лишь про кашкайцев и курдов в литературе отмечается их специализация на ее разведении (*Народы Передней Азии*, 1957: 248 ; Patai, 1978: 32). До начала XX в. коневодство было развито у бахтиаров (Трубецкой, 1966: 104). В качестве транспортного животного большое значение имеет осел (Hole, 1978: 149). Значение крупного рогатого скота в целом невелико. В Хузистане его разводят бахтиары и некоторые арабские племена (Трубецкой, 1966: 12, 103).

По природно-географическим причинам на Среднем Востоке почти нигде нет сколько-нибудь большой экологической зоны, сравнимой с Аравией, Сахарой или евразийскими степями и находящейся в исключительном распоряжении номадов. Территории, занятые номадами, отчасти являются искусственно созданными экологическими зонами, в основном в средние века, по мере того, как кочевники вытесняли из них земледельцев, приспособляя для выпаса скота (см. с. 198—199). Поэтому нигде не живут они так вперемешку, как на Среднем Востоке, вовлеченные в совместное использование одних экологических зон и ниш. Это использование приобретает разный вид, но его можно свести к двум основным, выделенным Бартом вариантам, о которых уже писалось выше.

Другой особенностью экстенсивного скотоводства, в том числе кочевого, на Среднем Востоке, также отмеченной Бартом, является специфическая взаимосвязь и взаимозависимость самих номадов, заключающаяся в попеременном использовании ими одних и тех же экологических зон и ниш. Неудивительно поэтому, что у многих номадов Среднего Востока маршруты перекочевок являются наиболее стабильными и регулярными (Spooner, 1972: 124), поскольку они зависят не только от природно-географических условий, но и от сложной системы попеременной утилизации различных экологических ниш не только с земледельцами, но и с другими скотоводами.

В номадизме средневосточного типа в целом преобладают меридиональные, линейные или частично линейные маршруты и, в соответствии с гористым рельефом, вертикальные (а также частично вертикальные) с хорошо выраженной сезонностью. Исключение составляют только некоторые группы белуджей. Длина перекочевок, как и в большинстве других типов номадизма, сильно варьирует. У некоторых кочевников Южного и Восточного Афганистана до недавнего времени она достигала 1000—1500 км (Рейснер, 1954: 41—42; Ferdinand, 1969: 133, 141).

Система питания кочевников Среднего Востока сходна с системой питания ближневосточных номадов. Три элемента — молоко, растительные продукты и мясо, создают ее основу. Продукты коневодства у кочевников Среднего Востока имеют меньшее

значение, чем у кочевников евразийских степей, а продукты верблюдоводства, чем у кочевников Ближнего Востока. Кровь в пищу практически не употребляется. Из литературы создается впечатление, что по крайней мере некоторые кочевники Среднего Востока употребляют меньше мяса и больше растительной пищи, чем кочевники евразийских степей, причем последняя является нередко ведущей частью диеты (см., например, Barth, 1962: 345 про кочевников Юго-Западной Азии в целом; Barth, 1964a: 72 про бассери; Schumann, 1962: 261; Ferdinand, 1969: 136 про кочевников Афганистана; Salzman, 1971: 188; Spooner, 1975: 181; Swidler, 1973: 30 про белуджей).

Восточноафриканский тип. Восточноафриканский тип номадизма, хотя и не является таким гомогенным и моноспециализированным, как северный евразийский, но все же во многих отношениях представляется более однородным, чем ближневосточный или средневосточный. Но все же и в нем имеются переходные формы. Рендилле разводят верблюдов, по составу стада приближаясь к сомали (Spencer, 1965: 291; Spencer, 1973: 1 ff.).

В свое время Форд (Forde, 1963: 304) писал о почти полном отсутствии чистого номадизма в этом регионе, и во многом он был прав. Правда, самбуру (Spencer, 1965: 22) и туркана (Gulliver, 1955: 2) являются чистыми кочевниками, и так же, по-видимому, обстоит дело с большинством маасаи. Но многие восточноафриканские подвижные скотоводы практикуют также и земледелие, хотя в различных масштабах — например, джи, нанди, додос, покот (сук), мандари, кипсиг, каримоджонг, ираку, барабаиг и другие (Huntingford, 1953: 3, 4, 7, 77; Gulliver, 1955: 51, 61; Deshler, 1965: 158; Fukui, 1970: 101—104; Dyson-Hudson R. and N., 1969: 78, 79; Dyson-Hudson R. and N., 1970: 114—117; Klima, 1970: 13; Baker, 1975: 189).

Видовой состав стада у восточноафриканских скотоводов весьма однообразен. Крупный рогатый скот занимает бесспорно ведущее положение, но, вопреки распространенному стереотипу, отнюдь не монопольное. Мелкий рогатый скот также всегда присутствует в составе стада (Spencer, 1965: 3; Bohannan, 1966: 129; Dahl and Hjort, 1976: 220; Klima, 1970: 104).

Причины, по которым в составе стада скотоводов Восточной Африки преобладает крупный рогатый скот, не вполне ясны. Очевидно, помимо культурно-исторических оснований для этого есть и важные экологические. Однако они еще плохо исследованы, и некоторые интересные соображения, бегло высказанные Даль и Хьертом (Dahl and Hjort, 1976: 234), можно рассматривать только как предварительные.

Другой особенностью номадизма восточноафриканского типа является отсутствие таких транспортно-верховых животных, как лошадь и верблюд. В Западной Африке лошадь достигла Гвинейского побережья, но в Восточной — она практически не известна. К югу от Эфиопии всадничество не встречается. Почти так же обстоит дело и с верблюдами. Правда, они имеются у рендилле и появились сравнительно недавно у туркана, но обращаются с ними, как с крупным рогатым скотом (Gulliver, 1955: 39, 260—261), а на нем в Восточной Африке не ездят (Forde, 1963: 401), в то время как в Судане баггара используют быков в качестве транспортных животных (Cunnison, 1966: 31). В качестве транспортных животных иногда используют ослов, но в очень ограниченном размере. Так, барабаиг и каримоджонг используют ослов для перевозки грузов, но верхом на них не ездят (Klima, 1970: 100; Dyson-Hudson R. and N.. 1970: 100).

С некоторыми оговорками можно сказать, что восточноафриканские скотоводы занимают доминирующее положение в своей экологической зоне. Хотя они, как уже отмечалось, и практикуют земледелие, но в основном в отдельных анклавах. По Бакстеру (Baxter, 1975: 212): «Во всяком случае, с начала колониального правления, кенийские скотоводы мигрируют в пределах своей демаркированной племенной территории, а во время сезонных миграций не пересекают территории оседлых народов». По-видимому, так же обстояло дело и в доколониальный период (см., например, Alpers and Ehret, 1975: 492 про маасаи и сонджо). Про совместную или попеременную утилизацию одних и тех же экологических зон или ниш, такую как на Среднем Востоке или в Северной Африке, говорить не приходится.

Характер перекочевки определяется прежде всего и больше всего природно-климатическими особенностями Восточной Африки, особенно нерегулярным выпадением осадков. Отсюда — нерегулярность и нестабильность, дисперсность маршрутов перекочевки и их нелинейный характер (см., например, Gulliver, 1955: 38; ср. Gulliver, 1975; Spencer, 1965: 7; Dyson-Hudson R. and N., 1969: 89 про джи, туркана, самбуру и каримоджонг). Рассматривая характер перекочевки восточноафриканских кочевников, необходимо учитывать и особенности видового состава их стада. Крупный рогатый скот — не верблюды, и может находиться без воды лишь ограниченное время. У самбуру в самых крайних случаях его надо поить каждый третий день (Spencer, 1965: 6). Крупный рогатый скот обычно пасут раздельно с мелким, но овцы и козы нередко выпасаются совместно (Dahl and Hjort, 1976: 250). Длина маршрутов перекочевки весьма невелика.

Система питания восточноафриканских кочевников базируется на молоке как ее важнейшем продукте. Из кочевнических продуктов на втором месте по значению стоит мясо (по крайней мере в калорийном отношении), на третьем — кровь. Однако мясо играет меньшую роль в пищевом рационе восточноафриканских кочевников, чем в рационе кочевников многих других регионов. Кровь содержит отсутствующее в молоке железо. Но, главное, она является источником пищи в сухой сезон, когда молока не хватает. Однако в калорийном отношении потребляемое количество крови явно уступает молоку и мясу (Deshler, 1965: 162; Dahl and Hjort, 1976: 173—175).

По-видимому, кочевники восточноафриканского типа употребляют меньше растительной пищи, чем кочевники Ближнего и Среднего Востока, но почти у всех у них она является непременной составной частью системы питания (Schneider, 1964: 68). Из литературы, особенно старой, но отчасти и современной (см., например, Baxter, 1975: 214), иногда может создаться впечатление, что продукты кочевнического происхождения являются единственными элементами пищевого рациона. Однако имеются указания на то, что кочевники Восточной Африки употребляют значительно большее количество растительной пищи, чем они готовы иногда

допустить. Примечательным представляется замечание Боханнана (Bohannan, 1966: 132): «Недавние исследования специалистов по экономике питания, диетологов и географов показали, что некоторые виды крахмалосодержащей пищи вошли в рацион почти всех африканских пастухов».

И действительно, применительно к додос Дешлер (Desnier, 1965: 165—166) прямо утверждает, что зерновые составляют важнейшую часть их диеты. Регулярное употребление растительной пищи отмечено у каримоджонг (Dyson-Hudson R. and N., 1969: 79) и барабаиг (Klima, 1970: 13).

Менее ясен вопрос о маасаи. Форд (Forde, 1963: 297) писал, что зерновые и корнеплоды у них едят все, кроме воинов. В то же время Джекобе (Jacobs, 1975: 407—409) утверждает, что у них существуют строгие запреты против любой пищи нескотоводческого происхождения. Однако и он отмечает, что маасаи составляют в этом отношении исключение среди восточноафриканских скотоводов. Существует мнение, что запрет употреблять что-либо кроме продуктов скотоводства появился только у некоторых групп южных маасаи лишь в XVII—XVIII вв. (Alpers and Ehret, 1975: 491—492).

Обращает на себя внимание еще один факт. В употреблении растительной пищи у скотоводов восточноафриканского типа существуют значительные различия между различными половозрастными группами, причем женщины употребляют ее больше, чем мужчины (Dyson-Hudson R. and N., 1970: 100).

Высокогорный внутреннеазиатский тип. Высокогорный внутреннеазиатский тип представлен в первую очередь кочевниками Тибета (Kussmaul, 1962; Ekvall, 1968). Особый подтип представлен киргизами Памира. Природная среда Памира и Тибета имеет много общего (Агаханянц, 1965: 16 сл.).

Как почти все типы номадизма, ни в географическом ни в хозяйственно-культурном отношении этот тип также не является полностью изолированными или гомогенным. На северо-востоке, где тибетское плато граничит с равнинами северо-западного Китая и степями Монголии, кочевники разводят верблюдов, лошадей, овец и коз, приближаясь в этом отношении к номадизму евразийского

степного типа. Амдо (Tsing hai) является пограничной областью и в этническом отношении — помимо тибетцев в ней живут монголы, салары, казахи и другие кочевники евразийских степей (Hermanns, 1949: 29—34). Но в других областях специфика номадизма рассматриваемого типа прослеживается весьма отчетливо.

Опять-таки, как почти повсюду, в Тибете помимо чистых номадов выделяются полукочевники (Downs, 1964: 1115—1119; Downs and Ekvall, 1965: 180—182), представленные в обоих своих главных вариантах, а также группы, практикующие пастушеское скотоводство в его горном яйлажном варианте.

Специфика высокогорного внутреннеазиатского типа номадизма проявляется в своеобразном составе стада, в котором важнейшее место занимают як и особая высокогорная порода овцы, в большинстве районов в пропорции 1:4—8 (Ekvall, 1968: 11—12). Як является также важнейшим транспортным животным и ходит под выюком до тридцати лет (Потанин, 1950: 308), хотя под выюк западные тибетцы используют даже овец (Hermanns, 1949: 84). Кроме Тибета домашний як встречается также в Монголии, Маньчжурии, Забайкалье, Саяно-Алтае, Тянь-Шане. Но только на Памире значение его сравнимо с Тибетом. У киргизов Восточного Памира в 1890-х гг. было 7—8 тыс. яков на 40—50 тыс. мелкого рогатого скота (Шибеева, 1973: 104).

Крупный рогатый скот и лошади имеют в Тибете значительно меньшее значение. Лошадей сравнительно мало, тибетцы не едят их мяса, не пьют молока и не используют под выюк. Но лошади являются престижными животными и важны для набегов и войн. Крупный рогатый скот, плохо приспособленный к высокогорью, считается животным бедных земледельцев. Однако гибриды, особенно яка с коровой, играют важную роль в экономике, так как могут жить и на высокогорье и на сравнительно небольшой высоте (Downs and Ekvall, 1965: 176—179).

Между кочевниками и полукочевниками Тибета имеются существенные отличия. Последние разводят меньше яков и овец, но больше крупного рогатого скота, на разведении которого они иногда специализируются.

Кочевники центральноазиатского высокогорья занимают монопольное положение в своей экологической зоне, которая в вертикальном отношении весьма четко отделена от зоны, где практикуется земледелие. Этим объясняется практическое отсутствие конкуренции в их утилизации: «высота является основным фактором, отделяющим пастбищные земли от сельскохозяйственных» (Ekvall, 1968: 5). Там, где кочуют скотоводы, земледелие невозможно. Чем меньше высота и лучше условия для земледелия, тем хуже чувствует себя як, который ниже 10000 футов теряет способность к размножению. Киргизы Памира также разводят яков только в самых высокогорных районах. Там, где они хотя бы на зиму спускаются в долины, разведение его невозможно (Лус, 1930:155). Однако сами границы между кочевниками и земледельцами в Тибете не являются неизменными. В северо-восточном Тибете верхняя граница земледелия — около 3000 м (Потанин 1950: 257), но в южном — муссоны, проникающие через Гималаи из Индии, позволяют выращивать ячмень на высоте по крайней мере 4200—4600 м, пшеницу — 3900 м (Ковалевская, 1938: 486— 487). Поэтому скотоводство в Тибете в основном сконцентрировано в его северо-западных, северных и северо-восточных областях (Кычанов, Савицкий, 1975: 122).

Перекочевки номадов Тибета имеют регулярный характер с ярко выраженными сезонностью и вертикальной направленностью, при которой наличие корма в зависимости от времени года имеет важнейший хозяйственный приоритет. Но в сравнении с евразийским степным типом номадизма маршруты перекочевки менее стабильны. Это объясняется рядом обстоятельств. В Тибете из-за горного ландшафта пастбища не составляют сплошной территории. Резко континентальный горный климат подвержен частым и нерегулярным микроколебаниям, в зависимости от которых меняется пригодность пастбищ. Яки не тебеляют. Поэтому кочевники вынуждены искать пастбища на крутых склонах, где ветер сдувает снег, или же в скалистых бесснежных местах (Баскин, 1976: 115).

Специфика высокогорного внутреннеазиатского типа номадизма отчетливо проявляется также в присущей ему системе

питания. Именно в Тибете наблюдается наиболее комплексное использование всех трех традиционных продуктов скотоводческого хозяйства: молока, мяса и крови. Климатические условия высокогорья повышают потребности в богатой протеином пище. Поэтому из всех типов номадизма, за исключением северного евразийского, в высокогорном внутреннеазиатском наблюдается наибольшее употребление мяса, а также наибольшее употребление крови, за возможным исключением восточноафриканского типа — точными сравнительными данными я не располагаю. Мясо овец и яков составляет основу мясной пищи, молоко яков — молочной.

По мнению Иквэлла (Ekvall, 1968: 59), «продукты питания состояли из трех источников (молоко, мясо и кровь) и сами по себе, без добавления фруктов, зерна или овощей, являлись достаточно питательной диетой». Тем не менее растительная пища являлась у тибетских кочевников постоянным элементом в системе питания. На Восточном Памире главным мясным животным была овца (Шибалева, 1973: 108). В отличие от тибетцев киргизы не пили свежего молока.

В заключение еще о двух регионах, скотоводство которых обладает целым рядом особенностей, но не будет разбираться подробно, потому что его нельзя отнести к кочевому.

Возможность выделения особого южноазиатского (индийского) типа номадизма вызывает большие сомнения. Чистых кочевников в настоящее время в Индии, по-видимому, нет, так же как и сколько-нибудь значительных групп полукочевников. Полукочевниками нередко называют некоторые скотоводческие группы в Раджастане и Гуджарате (Bose, 1975). Но у них перегоны скота на отдаленные от поселения пастбища совершаются не каждый год, и в них участвует всего от 3,5% до 37,4 /о хозяев; к тому же не все члены этих хозяйств передвигаются со скотом (Bose, 1975: 5—8). Такое скотоводство в лучшем случае можно считать пастушеским. Однако по видовому составу стада и некоторым другим особенностям его вполне можно рассматривать как подтип скотоводства средневосточного типа.

Более южные индийские скотоводы, обитающие в лесистых и гористых районах Центральной Индии, преимущественно корово-

пасы. Они частично разделяют одну экологическую зону с земледельцами и не образуют сколько-нибудь автономной хозяйственной системы. Их хозяйство по существу является лишь придатком земледельческого (см., например, Sontheimer, 1975).

Софер (Sopher, 1975: 195) пишет по поводу «скотоводческих каст» в Индии: «Для понимания их сущности всегда необходимо иметь в виду два принципиальных момента: 1) многие члены, обычно даже большинство так называемых скотоводческих каст, в основном являются земледельцами или заняты некоторыми другими видами нескотоводческой специализации для своего пропитания; 2) члены каст или других общностей, для которых скотоводство не является традиционной функцией, тем не менее в некоторых районах могут иногда специализироваться на скотоводческой деятельности».

Судя по данным Махапатры (Mahapatra, 1975: 210—211), такие скотоводческие касты, как ахир, коала, гонда, ядава (yadava), гавли, (gowli), гхоси, колари, курула, дхангар, мирдха, курмар, курумба, майньяни и другие, как правило, практикующие земледелие в качестве вспомогательного занятия, и даже такие племена, как тода, следует отнести к числу оседлых или полuosедлых скотоводов. Гадди, бхаравад, рабари (rehbari), часть гавли (gowli) и дхангар, голла, гауда и другие являются пастушескими скотоводами (в пригималайских районах в его яйлажной разновидности), имеющими постоянные жилища в деревнях.

Почти такие же сомнения вызывает возможность выделения номадизма андского типа. В настоящее время в Андах известны группы ламоводов, у которых полностью отсутствует земледелие (Webster, 1973: 116, 117). Однако большинство групп, разводящих ламу и альпаку в Андах, сочетает скотоводство с земледелием. Их скотоводство относится к горной разновидности пастушеского скотоводства (Webster, 1973; Browman, 1974; ср. Murra, 1965: 188).

Целый ряд обстоятельств особенно тесно связывал скотоводство с земледелием в Андах и в доколониальный период. Среди них — отсутствие практики использования молока и молочных продуктов, медленные темпы естественного прироста лам и альпак, отсутствие у большинства семей стад в 150—200 голов —

необходимого минимума для ведения чисто скотоводческого хозяйства (Murra, 1965: 188; Browman, 1974: 190).

Проблемы баланса и неавтаркичность кочевого хозяйства

Рассмотренные особенности кочевого скотоводства позволяют вновь обратиться к вопросу о его специфике. Условно все виды скотоводства можно рассматривать как различные способы хозяйственной адаптации, параметры которой, если временно оставить в стороне социополитические факторы, в конечном счете определялись уровнем технологического развития и экологией. При этом кочевое скотоводство является формой крайне специализированной в хозяйственном и отчасти культурном отношениях. В этом отношении его можно рассматривать как ответ на условия, диктуемые природно-географическим фактором, и притом ответ успешный, потому что из всех видов традиционного производящего хозяйства именно кочевое скотоводство смогло освоить и эксплуатировать потенциальные ресурсы обширных экологических зон. Возникновение кочевого скотоводства было важным этапом в распространении производящего хозяйства в аридной, полупустынной и тундровой зонах ойкумены. Временно оставляя в стороне социально-политические факторы, можно сказать, что кочевое (а иногда и полукочевое) скотоводство развилось и функционировало в первую очередь там, где оно имело хозяйственные преимущества над всеми остальными родами и видами хозяйственной деятельности, причем это преимущество на большей части рассматриваемых зон продолжалось вплоть до XX в., а кое-где сохраняется и в наши дни.

Еще в древности Страбон (Strabo, VII, 4, 6) отмечал, что даже в Крыму — одной из самых плодородных областей евразийских степей, урожай достигал всего сам-тридцать, в то время как в Месопотамии — сам-триста. Даже в наши дни во многих областях земледелие дает меньший экономический эффект, чем экстенсивное скотоводство (Шульженко, 1954: 217 сл.). В Центральной Азии пастбищное скотоводство при круглогодичном выпасе является наименее трудоемким и наиболее выгодным видом хозяйства, в 2,5 раза более доходным, чем хлопководство (Федорович, 1973:

218). Однако ограниченные возможности инновации в кочевом скотоводстве как системе хозяйства также бросаются в глаза. Если многие виды земледелия в техническом отношении демонстрируют способность к прогрессивным диахронным технологическим изменениям, какими бы причинами последние не вызывались, то в кочевом скотоводстве, коль скоро его формирование завершено, преобладает простое воспроизводство однотипных, крайне специализированных форм. Это не означает, что номадизм в целом или его отдельные варианты и субварианты являются тупиковыми. Просто в более широком смысле номадизм нельзя полностью отождествить с кочевым скотоводством, хотя последнее и является его хозяйственной основой. Экологические основы кочевого скотоводства таковы, что оставляют мало простора для развития комплексного хозяйства в зоне его распространения и лишь в некоторых случаях позволяют определенные варианты в рамках чисто скотоводческого направления экономики (например, варианты в составе стада). С одной стороны, именно специализация позволила номадизму занять доминирующее положение в ряде экологических зон и приспособить их к долговременному хозяйственному использованию. Но с другой стороны, эта специализация ограничивает возможности экономического роста за счет увеличения продуктивности скотоводческого хозяйства в кочевых обществах, даже при условии их социальной стратификации и политической централизации.

За редкими и неполными исключениями специализация в архаической и традиционной экономике резко отличается от специализации в рыночной экономике индустриального общества в частности тем, что совершается в рамках экономики, удовлетворяющей самые насущные потребности. Однако само по себе специализированное скотоводческое хозяйство, в отличие от хозяйства многих сопоставимых видов земледелия, не может обеспечить даже всех непосредственных нужд номадов. Номадизм практически неотделим не только от дополнительных видов хозяйственной активности, но и от такой социально-политической активности, одной из целей которой является преодоление хозяйственной односторонности. Разумеется, в различных вариантах номадизма и даже в

различных кочевых обществах она проявлялась по-разному и с различной интенсивностью. Но в качестве общего правила знаменитый афоризм Леттимора (Lattimore, 1967: 522) «настоящий кочевник — бедный кочевник» едва ли верен. Как раз обедневшие номады чаще других вынуждены были искать дополнительные источники существования и нередко оседали.

Однако «бедность» и «богатство» в конечном счете понятия относительные, до известной меры субъективные, меняющиеся от эпохи к эпохе, от общества к обществу, зависящие от различных исторических и социально-экономических факторов, культурных ценностей и традиций и т. д. Поэтому куда более важными и объективными представляются иные хозяйственные проблемы, которые специализация ставит перед кочевым скотоводческим хозяйством.

Важнейшая из них — отмеченная Бартом и рядом других ученых проблема баланса между наличием естественных ресурсов (корм, вода), поголовьем скота и численностью населения (Barth, 1964: 123ff; Sweet, 1965: 137; Paine, 1971: 161; Swidler, 1973: 23—24).

Барт (Barth, 1959—1960: 8) утверждает, что «до тех пор, пока технология хранения кормов не станет достаточно эффективной, абсолютная численность населения ограничивается плодородностью пастбищ в наименее продуктивную часть года». То, что, рассматривая зависимость между численностью населения и естественными ресурсами, мы должны учитывать именно наименьшую продуктивность пастбищ, представляется достаточно спорным. Домашние животные, особенно верблюды, способны аккумулировать впрок энергию, полученную в период полноценного кормления, а кочевники (во всяком случае некоторые) умеют регулировать численность стада в зависимости от сезона и заготавливать при этом впрок продукты скотоводческого хозяйства. Сам Барт (Barth, 1959—1960: 9) применительно к номадам Южной Персии приводит примеры того, как система их перекочевки направлена на то, чтобы использовать максимальную продуктивность пастбищ. Однако в том, что между численностью кочевников и имеющимися в их распоряжении кормовыми ресурсами существует определенно выраженная зависимость, опосредствованная поголовьем скота, едва

ли приходится сомневаться. Сами номады эмпирически прекрасно ее понимали. Согласно монгольской пословице, «без травы нет скота, без скота нет пиши».

Правда, как отметили Бейтс и Ли (Bates and Lees, 1977: 828), проблема баланса приобретает иной вид по мере вовлечения номадов в рыночную экономику. Действительно, у кочевников Мекрана, продающих 25 % ежегодного прироста скота и взамен покупающих сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия (Pastner, 1971: 177), или у северных сомали (Swift, 1977) она не может не выглядеть совсем по-иному, чем у каримоджонг или туркана. Однако столь сильная зависимость от рынка присуща лишь номадам нового и новейшего времени, и то далеко не всем. Экстенсивный характер экономики не допускает постоянного решения проблемы баланса за счет интенсификации производства и тем самым обрекает кочевое скотоводство на стагнацию. По подсчетам ряда ученых, количество скота, приходившегося на душу населения у сюнну, живших в древности на территории Монголии, почти полностью совпадало с тем, которое было у монголов Автономной Монголии в 1918 г.: 19 и 17,8 голов соответственно (Egami, 1956; Таскин, 1968а: 41 сл.). Любопытно, что хотя по сравнению с 1918 г. население Монголии в 60-х гг. удвоилось, количество населения в самой степи осталось практически неизменным. Прирост населения приняли города (Марковска, 1973: 290).

Для большинства африканских кочевников характерен относительно низкий рост населения, более низкий, чем у земледельцев (Dahl and Hjort, 1979: 7—8). При этом некоторые из них практиковали сознательное уменьшение рождаемости, особенно в период засухи (Swift, 1977: 282). Племя рендилле ограничивает рождаемость различными средствами, включая инфантицид. Кроме того, из-за постоянного нарушения баланса наблюдается стабильный отток части рендилле к другому племени, самбуру (Douglas 1966: 263, 270).

Увеличение продуктивности пастбищ требует целого ряда сложных и комплексных мероприятий и в условиях кочевого скотоводства до недавнего времени было практически невозможно. Впрочем, и в наше время некоторые мероприятия, ставящие своей

целью внедрить в скотоводческое хозяйство современные технические средства, нередко не достигают цели и приводят подчас к неожиданным и нежелательным последствиям. Так, во многих странах бурение колодцев, не учитывающее состояние пастбищ, приводит к истощению последних из-за перевыпаса (Glantz, 1976: 13; Norton, 1976: 260; Le Houerou, 1976: 270; Le Houerou, 1977: 28).

Кочевников иногда упрекают в том, что они не заготавливают кормов для скота на зиму. Но восстановление скошенных травостоев в евразийских степях происходит только через несколько лет. За это время площадь сенокосов нередко зарастает кустарником и теряет свою пастбищную ценность (Калинина, 1974: 15). Имеется еще одна причина, препятствующая заготовке сена в массовом масштабе, — отсутствие необходимого количества рабочих рук. «Табун в 100 лошадей может пасти круглый год один человек, но для прокормления такого количества животных зимой сеном потребовалось бы 15 000 пудов сена (1 пуд — 16 кг) (Дмитриев, 1903: 100).

В кочевом хозяйстве возможен лишь временный баланс, достигающийся только путем непрерывного колебания всех трех перечисленных переменных, нарушения и нового восстановления их оптимальной зависимости друг от друга. В подобном эквilibриуме даже микроколебания играют важную роль. Так, на территории бывшего СССР урожайность дикорастущих растений в разные годы колебалась в полупустынях в пределах 1:5,4, а для разнотравья даже 1:40; в пустынях — в пределах 1:5, а для однолетнего разнотравья — даже 1:60. Все это сказывается на скотоводстве и в наши дни. Поголовье овец и коз, достигшее в Туркмении в 1959—1960 гг. 5,1 млн. голов, в 1962 г. снизилось до 4,2 млн. (Федорович, 1973: 216).

Положение осложняется еще и тем, что колебания отмеченных переменных далеко не всегда происходят синхронно. Каждая из них в свою очередь определяется многими факторами как постоянного, так и временного характера, как регулярными, так и нерегулярными. Барт (Barth, 1962: 350) пишет про кочевников Юго-Западной Азии: «Мы знаем, что миграции населения, периодический голод и эпидемии, так же как колебания в фертильности, в течение столетий

поддерживали колебания в численности населения приблизительно на одном уровне». Это верно. Но верно также и то, что колебания в численности населения не всегда совпадали с соответствующими колебаниями поголовья скота (см., например, Khazanov, 1979 про Монголию XII в.).

В конце XIX — начале XX в. для кочевников Северной Евразии был характерен специфический тип демографической структуры и воспроизводства населения с максимально высокой рождаемостью, очень высокой детской смертностью и низким, но устойчивым приростом населения. У ненцев это привело к тому, что к началу XX в., а возможно и раньше, равновесие между ресурсами эксплуатируемой территории и численностью населения было нарушено. В результате пастбища были истощены, а ненцы вынуждены были прибегать к массовым закупкам продовольствия: По подсчетам Крупника (1976: 80 сл.), в 20-х гг. нашего столетия, покупные продукты в пищевом балансе составляли у них 45— 65% в энергетическом исчислении. Конечно, высокие рождаемость и смертность характерны и для многих традиционных аграрных обществ. Однако они не так быстро и не всегда приводили к отмеченным у ненцев последствиям.

Климатические пульсации различной продолжительности наличие которых теперь общепризнано в климатологии, также непосредственно воздействовали на утилизируемые скотом естественные ресурсы и вносили свою лепту в нарушение рассматриваемого баланса. Более того, как сейчас выясняется, по крайней мере некоторые популяции домашних животных также подвержены определенным биологическим пульсациям, возможно, как-то связанным с климатическими. Например, динамика поголовья оленей у кочевников Северной Евразии имеет отчетливо прослеживающийся волнообразный характер с повторяющимися через каждые 10—15 лет резкими падениями численности оленей (до 50 /о) в годы массовых эпизоотии на Европейском Севере или гололедиц на Чукотке (Крупник, 1979: ИЗ сл.).

По представлениям казахов существуют тяжелые года», входящие в 12-летний животный цикл летоисчисления. К таким годам относятся год мыши, зайца и курицы. Но самым опасным

раз в 36 лет считается год зайца, сопровождающийся жестоким джутом (*Народы Средней Азии*, 1963: 359).

Наконец, простейший и поэтому наиболее известный случай — массовая гибель скота в результате стихийных бедствий или эпизоотии, также влекущая за собой нарушение баланса. У сюнну зимой 71 г. до н. э. из-за обильного снегопада и успешных вражеских набегов случился голод. «Умерло из каждого десятка три человека, а из каждого десятка скота пало пять голов» (Таскин, 1973: 28). Голод повторился в 68 г. н. э. «В том же году в землях сюнну был голод, от него из каждого десятка населения умерло шесть-семь человек, а из каждого десятка скота пало шесть-семь голов» (Таскин, 1973: 29).

В Казахстане в XIX в. крупные джуты, когда гибло от половины до трех четвертей всего поголовья скота, повторялись каждые 6—11 лет, местные джуты случались почти ежегодно (Толыбеков, 1959: 54—56; ср. Ищенко и др., 1928: 69, приводящих более умеренные цифры). В Монголии начала XX в. до 50 /о скота гибло от эпизоотии (Вяткина, 1960: 151). У номадов Южной Персии за один сезон могла погибнуть половина скота (Barth, 1964a: 71). У чукчей от 1/2 до 1/3 всего поголовья оленей могло погибнуть за одно лето (Bogoras, 1904: 80; Paine, 1971: 162).

Гулливвер (Gulliver, 1955: 103, 122), отмечающий стабильность населения джи, объясняет, за счет чего достигается эта стабильность: «Серьезные нехватки продовольствия происходят примерно раз в десять лет, реже случается жестокий голод: но любое из этих бедствий приводит к увеличению смертности, а также к ослаблению общего физического состояния и сопротивляемости к болезням. Иногда тяжелые годы совпадали с эпизоотиями скота» (ср. Peters 1960: 39 про стабильность кочевого населения Киренаики).

Наконец, нельзя не вспомнить недавнюю засуху в Сахеле и ее катастрофические последствия — гибель 100000 человек и не менее 25% поголовья скота, особенно если не забывать, что на протяжении нынешнего столетия это уже третья засуха подобного рода (Grove, 1978; Glantz, 1977: 2—3; *The Politics of Natural Disaster*, 1976).

Даже в Тибете, где, по мнению Иквелла (Ekvall, 1968: 19), имеется избыток пастбищ, в отношении численности скота и роста его поголовья существуют те же закономерности, что и в других регионах кочевого скотоводства.

У многих номадов существуют специальные пословицы, отражающие неустойчивость их хозяйства. Их сравнение показывает, что повсюду номады сталкиваются с одними и теми же проблемами. Сравним сомалийскую: «изобилие и скудость всегда рядом; богатство и бедность посещают один и тот же дом» (Lewis, 1961: 37); казахскую: «скот принадлежит бурану и сильному врагу» (Толыбеков, 1959: 218); монгольскую: «богатому достаточно одного джута, а богатырю — одной стрелы» (Жагварал, 1974: 113).

Если под гомеостазисом понимать стремление системы к постоянству всех ее функциональных условий и связей, то кочевое хозяйство может быть охарактеризовано как гомеостатическое лишь условно, имея в виду только тенденции определенных циклов его внутреннего развития. Гомеостазис кочевого хозяйства не статичен, а динамичен, и поддерживается он также специфическим образом. Можно отметить, что баланс включает в себя также соответствие наличных рабочих рук количеству скота (Paine, 1972: 78), но эта проблема обычно решается с помощью соответствующих социальных механизмов (см. главу III).

Представление о том, что кочевникам присуще стремление к экологическому равновесию, к искусственному сохранению хозяйственно-демографической стабильности в условиях постоянной среды и малоизменяющихся во времени доступных ресурсов, мало соответствует действительности, потому что, как видно хотя бы из приведенных примеров, на практике такая ситуация попросту невозможна. Напротив, для кочевников чаще всего характерна повышенная напряженность всех хозяйственно-демографических процессов, в благоприятные периоды высокая рождаемость¹³ и стремление к

¹³Приведенные выше данные об африканских номадах свидетельствуют, что высокая рождаемость характерна не для всех номадов. Однако не исключено, что эти данные относятся как раз к неблагоприятным циклам. Во всяком случае цифровых данных слишком мало для решительных заключений и сравнений. Более того, высокие коэффициенты рождаемости нельзя смешивать с уровнем роста народонаселения.

расширенному производству. Только при таких обстоятельствах их хозяйство и сами они могут противостоять стихийным бедствиям. В результате чередования благоприятных и неблагоприятных периодов происходит своего рода выравнивание, а регуляция гомеостазиса самой системы приобретает вид циклических колебаний¹⁴.

Именно со спецификой поддержания гомеостазиса связано отношение кочевников к пастбищам. Мнение о том, что они не заботятся об их сохранности (Spooner, 1973: 16, 24), в качестве универсальной закономерности едва ли соответствует действительности. Известны примеры как раз обратного. Так, северные оленеводы стремились уменьшить нагрузку на используемые ими пастбищные ресурсы (Крупник, 1976: 93). Бедуины до последней возможности воздерживаются от использования летних пастбищ (Marx, 1978: 49; ср. Digard, 1973: 47—48 про бахтиаров). У сомали традиционные вожди на севере страны обладали властью объявлять определенные пастбища закрытыми с целью их восстановления (Swift, 1977: 284). Там, где заметной заботы о пастбищах действительно не наблюдается и где это не связано с социально-политическими причинами, как, например, у каримоджонг (Dyson-Hudson R. and N., 1969: 79) или в Северной Кении в 60-х гг. нашего века (Dahl and Hjort, 1979: 8) или у казахов Букеевской орды в XIX в. (Шахматов, 1964: 64—65), объяснение может заключаться в том, что кочевое хозяйство находится в благоприятном цикле своего развития. В Сахеле в годы с благоприятным количеством осадков число животных и людей возрастает настолько, что начинает превышать существующие возможности маргинальных пастбищ в менее благоприятные годы (Katz and Glantz, 1977: 96-97). Неблагоприятный период, который неизбежно должен его сменить, автоматически уменьшает нагрузку на пастбища и может привести к их частичному или полному восстановлению. В Монголии на участке, где выпас скота не производился всего каких-нибудь

¹⁴ Подобная модель в некоторых отношениях близка к той, которая предложена Крупником (1976) для традиционного хозяйства народностей тундровой зоны (в том числе оленеводства), отличающегося максимальной изменчивостью экологических условий.

пять лет, урожайность травостоя достигает 10 центнеров с гектара, в то время как на выпасаемом — всего 3,2 центнера (Жебрак, 1933: 6). Суит (1977: 285) отмечает про сомали: «Периодические засухи и эпизоотии регулярно снижали поголовье скота и в целом обеспечивали его долговременное и динамическое равновесие со способностью растительности регенерировать».

Игнорирование специфики кочевого хозяйства и особенностей его саморегуляции подчас приводит к превратным представлениям об отношении номадов к расширенному воспроизводству. Некоторые ученые считают максимизацию поголовья скота важнейшим направлением в экономической стратегии кочевников, чуть ли не самоцелью. Например, Пейн (Paine, 1971: 168—169) пишет, что расширение поголовья скота «является основной ценностью скотоводства» и «часто практикуется без учета того, есть или нет возможности для соответствующего расширения пастбищ» (ср. с. 157—158 про северных оленеводов, о которых пишет Пейн).

Однако что бы ни думали об этом сами кочевники¹⁵ и изучавшие их антропологи, на практике долговременная максимизация поголовья скота невозможна, если только она не связана с определенными факторами, действующими вне кочевого общества. Разумеется, речь идет об объективных хозяйственно-демографических процессах, присущих данному кочевому обществу в целом, а не о стремлениях, действиях и даже результатах действий отдельных индивидов, семей и групп внутри этого общества.

Как отмечает Императо (Imperato, 1976: 286) про африканских скотоводов: «Поскольку пользование водой и пастбищами имеет коллективный характер, не в интересах отдельного индивида ограничивать размер своего стада, пытаясь предотвратить перевыпас и разрушение окружающей среды. Даже если бы он был уверен в последствиях перевыпаса, он бы не ограничил размер своего стада. Сделать это, значит поставить под угрозу его личное выживание».

¹⁵Вопрос о том, понимают ли сами кочевники невозможность долговременной и неограниченной максимизации поголовья скота, нуждается в дальнейшем исследовании. Материалы, которыми я располагаю, скорее свидетельствуют о том, что они этого не осознают или осознают не полностью, хотя отмечены и исключения из этого правила

ради коллектива, который может и не последовать его примеру» (см. также Livingstone, 1977: 210). Не случайно, во всех кочевых обществах в большей или меньшей степени существует имущественное неравенство во владении скотом. Что касается кратковременной максимизации, то, опять-таки вне зависимости от стремлений и достижений отдельных индивидуумов и их хозяйств, по существу, ее результатом является не расширенное производство, а, напротив, поддержание гомеостаза, правда весьма специфическими средствами. Расширенное производство в кочевом обществе в целом в сколько-нибудь значительных размерах невозможно, что по существу обрекает его скотоводческое хозяйство на стагнацию. Если иметь в виду долгосрочную перспективу, Даль и Хьерт (Dahl and Hjort, 1976: 271) правильно замечают: «Возможности создания большого стада только лишь через биологическое воспроизводство более ограничены, чем это представляется» (ср. Nicolaisen, 1963: 117 про туарегов). Поэтому, когда Пейн (Paine, 1971: 170) пишет про скотоводов, что они «походят на зарождающихся капиталистов», он отдает дань традиционным представлениям формальной школы, а не реальной действительности. Существующее иногда внешнее поверхностное сходство не может заслонить качественного различия между целями и результатами производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, с одной стороны, и в капиталистическом, с другой.

Но даже внешнее сходство между этими двумя совершенно различными типами экономики прослеживается далеко не всегда. У племени барабаиг введение по инициативе колониальных властей ветеринарной службы привело к увеличению поголовья скота и в результате — к перевыпасу и истощению пастбищ. Надежды на то, что излишек скота будет поступать на рынок, не оправдались. Барабаиг использовали его традиционным способом: для приобретения новых жен и укрепления социальных позиций.

Обычное объяснение этого — присущий восточноафриканским скотоводам «cattle-complex» («коровий комплекс») (Klima, 1970: 109—110): стремление к неограниченному росту поголовья скота, не вызывающемуся хозяйственными потребностями и не соответствующему экономической основе общества. В этом отноше-

нии показательно приведенное Алленом (Allan, 1965: 331) высказывание сэра Филиппа Митчела: «Есть только две альтернативы для африканских народов — либо они съедают излишки своего скота, либо излишки скота съедают их». С теми или иными вариациями это мнение высказывается до сих пор (см., например, Whyte, 1966: 345).

Но действительно ли *cattle-complex* приводит к неограниченному росту поголовья скота и не вызывается хозяйственной необходимостью? Если мы не будем рассматривать экономику восточно-африканских номадов по образу современной капиталистической, то увидим, что хотя «коровий комплекс» нельзя объяснить соображениями одной только экономической целесообразности (необходимо учитывать также социальные факторы и систему ценностей, принятую в восточноафриканских обществах), его все же нельзя считать экономически иррациональным¹⁶. Периодические засухи, эпизоотии и другие стихийные бедствия — неперенный спутник кочевого хозяйства, влекут за собой массовый падеж скота. Уже поэтому неограниченный рост его поголовья невозможен (см., например, Gulliver, 1955: 164 про туркана или Spencer, 1965: 25 про самбуру).

Надо учитывать и другие формы: медленное воспроизводство поголовья крупного рогатого скота (Spooner, 1973: 11—12) и стремление продлить лактационный период для получения молока, зависящий от прироста молодняка (Stenning, 1965: 373). Кроме того, именно в периоды засух, когда молока не хватает, наиболее часто устраиваются жертвоприношения, т. е. открывается источник мясной пищи (Schneider, 1957: 278 — 300). Сакрализация использования скота, таким образом, связана с необходимыми обществу институтами реципрокации.

Наконец, невыгодные для восточноафриканских скотоводов цены на скот (про каримоджонг см. Dyson-Hudson R. and N.,

¹⁶В качестве сравнения любопытно отметить исследование Шанклин (Cramer, 1976), показавшей, что казалось бы иррациональные представления, связанные с крупным рогатым скотом у скотоводов ирландцев, на самом деле имеют адаптивную функцию (по крайней мере и такую). Они способствуют сохранению естественных ресурсов при традиционной системе хозяйства.

1969: 82) затрудняют их приобщение к рыночной экономике. При таких условиях стремление к максимальному росту поголовья скота в благоприятные годы может быть экономически оправданным, так как является страховкой на случай неизбежных бедствий (Deshler, 1965: 167; Dyson-Hudson R. and N., 1969; Spencer, 1965: 4; Spencer, 1973: 180; Baker, 1975: 191).

Подобная точка зрения получила сейчас очень серьезное и детальное обоснование в специальном исследовании Даль и Хьерта (Dahl and Hjort, 1976: 129). В частности они показали, что последствия стихийных бедствий могут неблагоприятно сказываться на половозрастной структуре стада крупного рогатого скота даже двадцать лет спустя. Но стихийные бедствия и соответственно резкие колебания в численности поголовья стада характерны не только для восточноафриканских, но и всех остальных кочевников. Хозяйственные проблемы, стоящие перед всеми кочевниками, по существу, одни и те же. Там, где при решении их в основном приходится полагаться на ресурсы собственной экономики, выбор соответствующих способов также весьма ограничен.

Таким образом, не только долговременное расширенное производство несовместимо с кочевым скотоводством, но и го-меостатический баланс в его экономике достигается с большим трудом. Не случайно у многих кочевников наблюдается стремление расширить производственную базу за счет прямой утилизации продуктов природы, и охота, собирательство и даже рыболовство распространены у них как дополнительные виды хозяйственной деятельности (см., например, про оленеводов Севера: Fjellstrom, 1964; Крупник, 1976; про монголов: Формозов, 1928: 142—143; Потанин, 1950: 130; про киргизов: Айтбаев, 1959: 77—112; Шибаяев, 1973: 102; про казахов: Вяткин, 1947: 70—71; про калмыков: Житецкий, 1892: 37; про туркмен: Брегель, 1961: 49; про бехмаи: Fazel, 1973: 137; про луров: Hole, 1978: 140; про белуджей: Salzman, 1971: 187; Spooner, 1975: 178; про кочевников Афганистана: Ferdinand, 1969: 147; про рвала и других кочевников Аравии: Musii, 1928: 15, 95; Першиц, 1961: 31; про туарегов: Capot-Rey, 1962: 303; Nicolaisen, 1963: 170, 179—180; Smith, 1978: 77—83; про теда: Cline, 1950: 29; Chappelle, 1958: 193; про сомали: Lewis, 1955: 73;

про каримоджонг: Dyson-Hudson R. and N.. 1969: 78, 79; про додос: Deshler, 1965: 166-167; про барабаиг: Klima, 1970: 14). Поэтому предложенное Солцманом (Salzman, 1971) деление кочевого скотоводства на чистое и мультитресурсное довольно условно. В известной мере любое кочевое скотоводство является мультитресурсным (ср. Forde, 1963: 405).

Однако присваивающие виды хозяйства в качестве дополнительной хозяйственной активности, конечно, не могут решить существа проблемы — нестабильности и односторонности кочевого скотоводства. Например, у туарегов одно хозяйство может собрать несколько сот килограммов диких семян в год, но этого не хватает, тем более что в засушливые годы, когда потребность в растительной пище особенно велика, урожай диких растений значительно меньше (Nicolaisen, 1963: 179).

Возможный временный выход из положения заключается в расширении производственной базы за счет освоения новых пастбищ или обращения в пастбища земледельческих территорий. До известного предела номады способны расширить свою экологическую зону. Однако для этого необходим ряд благоприятных факторов, и притом отнюдь не только природно-географического порядка. История древности и средних веков дает достаточно много примеров подобных событий.

В первые века н. э. сарматские племена язигов и роксоланов, а позднее гунны, заняли плодородную равнину Паннонии (Harmatta 1970: 26 и ел). При Саманидах некоторые группы огузов, покинувшие свою родину, с согласия правительства заняли в Мавераннахре под пастбища часть земель, неудобных для земледелия (Бартольд, 1963: 317).

Монгольские завоевания привели к существенному сокращению площади обрабатываемых земель во многих завоеванных странах и соответственно к увеличению пастбищных угодий. После покорения Северного Китая большое число монголов с их семьями и скотом было расселено в Северном Китае и Маньчжурии (Владимирцов, 1934: 125). По словам Рашид ад-Дина (1952а: 279), «некоторым другим из тех войск он (Чингиз-хан) дал без меры места зимних и летних кочевок на границах Китая, Джурджэ

(чжурчжэней. — Л. Х.) и в прилегающих к ним пограничных землях Монголии. Это чрезвычайно многочисленное войско; они завладели всеми степями, городами, зимними местами и летними местами Китая, Джурджэ и Монголии».

В предмонгольское время Семиречье было благоустроенной земледельческой областью с довольно развитой городской жизнью. От монгольского нашествия оно пострадало довольно мало, так как подчинилось добровольно. Тем не менее несколько десятилетий спустя города Семиречья оказались большей частью разрушенными, а земледелие захирело. Все объясняется очень просто: прекрасные пастбища привлекли монгольских кочевников со всеми вытекающими отсюда последствиями (Бартольд, 1963в: 153).

В Ираке монголы разрушили ирригационную сеть, связывавшую Тигр с Ефратом, обратив в пустыню древние культурные земли (Сооп, 1976: 148). (Впрочем, существует мнение, что губительные последствия монгольского вторжения для ирригационной сети Ирака преувеличены — см. Fernea, 1970: 25—37.) Плодородные земли Джебзир на севере Благодатного Полумесяца были заброшены земледельцами со времен монгольского нашествия и вплоть до 10-х гг. XX в. оказались в руках кочевников (Смилянская, 1979: 25). Монгольское нашествие, а также походы Тимура и последовавшие за ними внутренние усобицы разрушили систему искусственного орошения на территории современного Афганистана. Земли старых земледельческих оазисов Кандагара, Кабула и Пешавара превратились в пустоши, пригодные лишь для выпаса скота (Рейснер, 1954: 31).

В Северной Африке, начиная с эпохи вандалов, кочевники постепенно вытесняли земледельцев. Но особенно разрушительным было вторжение в XI в. кочевников бану хиляль и бану сулейм, отбросивших земледельческую жизнь к побережью и в горы (см., например, Julien, 1956a: 145; Levtzion, 1977: 360; ср. Bovill, 1958: 4, 5—8; см. также с. 204, 353 данной книги).

Чукчи за последние три столетия значительно расширили свою пастбищную территорию за счет соседей (Bogoras, 1904: 15, 732; Leeds, 1965, 87—90). Ненцы с конца XVII в. стали осваивать Ямальский полуостров и вытеснять энцев из бассейна среднего и

нижнего течения реки Таз и левого берега Енисея. А коми, проникшие в XIX в. в Зауралье, захватили пастбища к западу от Оби (Васильев, 1976: 326, 334). Фулани со своим скотом на протяжении многих веков расселялись по сахельско-суданской зоне (Stenning, 1957).

Однако описанный способ расширения пастбищной территории также не мог быть постоянным и стабильным, хотя бы потому, что слишком зависел от соотношения сил. Известны примеры и того, как земледельцы, когда они становились сильнее кочевников, изгоняли их с захваченных земель, и пастбища вновь обращались в обработанные поля. В настоящее время этот процесс стал почти повсеместно доминирующим (см., например, Dahl and Hjord, 1979: 5 сл.; Gallais, 1977: 306 ff.; Le Houerou, 1976: 269 про Африку). К тому же далеко не все земли, которые кочевники могли захватить насильственным путем, годились под пастбища. Кочевники-оленоводы не способны освоить тайгу, коровопасы Африки — тропические леса, евразийские степняки — лесную и отчасти даже лесостепную зону. Территория распространения кочевого скотоводства все же больше всего определяется ландшафтной зональностью. Как отметили Салинс и Сервис (Sahlins and Service, 1960), менее специализированные культуры имеют больший потенциал для изменений, чем высокоспециализированные.

Но главное, расширение экологической зоны, занятой номадами, также не дает долговременного решения проблемы баланса, потому что рано или поздно и в расширенном виде она оказывается заполненной. Подвижный гомеостазис, с трудом достигавшийся кочевым скотоводческим хозяйством, вообще не мог регулироваться полностью только за счет внутренних ресурсов или их простого расширения. Вопреки все еще встречающемуся мнению (см., например, Bacon, 1954: 57; Nicolaisen, 1963: 481) кочевое скотоводческое хозяйство, до сих пор условно рассматривавшееся мною как автономная хозяйственная система, в силу своей специализированности не является автаркичным. Когда Леттимор (Lattimore, 1967: 69, 329) писал, что степная экономика является гораздо более самообеспечивающейся, чем экономика оседлых обществ, он отдавал дань устаревшим представлениям, не более. Впрочем позд-

нее он, кажется, пересмотрел свои взгляды (ср. Lattimore, 1979-481—483).

Любопытно заметить, что захват скота, как в соседних кочевых обществах, так и у земледельцев, является важным побудительным мотивом набегов и войн кочевников, наряду с захватом земледельческих продуктов и ремесленных изделий. Монголы стремились к захвату скота не меньше, чем всего остального. Уже после похода 1205 г. против тангутов они угнали огромные стада скота (Рашид ад-Дин, 1952: 144; Рашид ад-Дин, 1952а: 150).

Особенностью оленеводческого хозяйства ненцев и чукчей в начале XX в. являлась низкая доля собственной оленеводческой продукции в пищевом балансе и зависимость кочевников от купленных или обмененных продуктов. Наличное поголовье оленей не могло полностью удовлетворить всех потребностей кочевого хозяйства. Так, суммарная продукция нуветских чукчей могла с трудом удовлетворять лишь собственные потребности этих номадов, но не обеспечила им никаких излишков оленеводческой продукции для обменных операций. Поэтому для оленных чукчей обмен оленины на мясо и особенно жир морского зверя являлся столь же необходимой заменой собственной продукции на более калорийные продукты некочевнических обществ, как покупка продовольственных товаров для европейских ненцев. В отношении питания именно оленеводы находились в большей зависимости от обмена с приморскими охотниками на морского зверя, потому что вынуждены были отдавать необходимую им самим продукцию оленеводства за жир морского зверя — излишек зверобойного промысла (Крупник, 1976: 87—88).

Сомали в сухой сезон нередко вынуждены продавать скот, чтобы остаться в живых (Lewis, 1961: 43). Барабаиг ежегодно, когда не хватает молока в засушливые месяцы, обменивают скот на маис и просо у соседей земледельцев (Klima, 1970: 13, 25). Туареги в годы засух питаются почти исключительно земледельческими продуктами (Nicolaisen, 1963: 200).

Кочевое хозяйство ограничивает также возможности разделения труда — в частности выделение ремесла в самостоятельную отрасль производства. Я не ставлю сейчас своей целью

анализировать экономические взаимоотношения кочевников, земледельцев и тем более горожан во всей их полноте. Об этом еще много будет говориться дальше. Сейчас я стремлюсь лишь подчеркнуть одну из сторон этих взаимоотношений, на которую со всей ясностью обратил внимание еще Ибн Халдун (Ibn Khaldun, 1967: 122): «...цивилизация пустыни является менее развитой, чем городская, поскольку не все признаки цивилизации встречаются у жителей пустыни. ...Если (бедуинам) нужны города для удовлетворения их жизненных потребностей, то городское население нуждается в бедуинах для удовлетворения своих потребностей в комфорте и роскоши. Таким образом, пока они живут в пустыне и не приобрели царской власти и контроля над городами, бедуинам нужны жители последних».

Дело в том, что специалисты неоднократно отмечали неавтаркичность номадов в изучаемых ими регионах, иногда ошибочно полагая, что в других регионах дела обстоят иначе. Так, Барт (Barth, 1962: 345), отмечая зависимость номадов Юго-Западной Азии от земледельческой и ремесленной продукции оседлых обществ, пишет, что оленеводы Севера и кочевники Центральной Азии почти полностью независимы в экономическом отношении от внешнего мира. Первое утверждение совершенно верно, второе, увы, нет.

Действительно, примеры неавтаркичности номадов Среднего Востока многочисленны и хорошо известны (см., например, Schurmann, 1962: 261; Ferdinand, 1969: 136 ff.; Swidler, 1973: 23; Spooner, 1975: 173). Однако точно так же обстояло дело и с другими номадами, во всяком случае с их подавляющим большинством. Могли быть количественные различия, но не качественные. О номадах Северной Евразии я уже писал. Кочевники евразийских степей, вопреки мнению некоторых ученых, также отнюдь не были самообеспечивающимися.

Уже Махмуд Кашгарский приводил поговорку: «Нет тюрка (т. е. кочевника. — А. Х.) без таджика (т. е. оседлого), нет шапки без головы (цит. по Бартольд, 1963а: 460). Для Руси особенно опасными были осенние набеги половцев, стремившихся захватить нужные им плоды урожая (Каргалов, 1967: 35). Набеги кочевых узбеков и казахов на земледельческие области Мавераннахра

совершались почти исключительно в зимние месяцы, когда они испытывали наибольшие трудности из-за недостатка кормов для скота. По свидетельству Рузбехана, казахи устраивали набеги на подчиненные Шейбани-хану города «вследствие острой нужды в платье и хлопчатобумажной одежде» (Ахмедов, 1965: 82, 110).

Столь же сильно зависели от земледельцев и ремесленников кочевники Ближнего Востока. Ограничусь тем, что сошлюсь на мнение нескольких авторитетных специалистов (Hitti, 1956: 19; Capot-Rey, 1953: 212; Capot-Rey, 1962: 302; Nicolaisen, 1963: 209—210, 213—214, 216, 481—483; Rosenfeld, 1965: 75; de Planhol, 1966: 278). Непредельно декларлируемая автаркичность восточноафриканских и сахельских скотоводов и их независимость от земледельцев также нуждается в пересмотре (см., например, Gulliver, 1955: 6—7; Stenning, 1965: 365, 372; Deshler, 1965: 166; Winans, 1965: 173—175; July, 1975: 157).

Таким образом, нестабильность и неавтаркичность экономики можно считать почти неизменными атрибутами кочевого скотоводческого хозяйства. Для преодоления их у кочевников имелись две альтернативы.

1. Седентаризация, которая, если она затрагивает все кочевое общество, обычно бывает связана с его коренной структурной ломкой. Однако в занятой кочевниками природной зоне она почти никогда полностью не осуществима (во всяком случае была не осуществима в прошлом). Поэтому на практике седентаризация обычно реализовывалась в лучшем случае как одна из потенциальных тенденций развития.

Поскольку кочевничество развивалось как альтернатива земледелию именно в тех регионах, где последнее было экономически невыгодно или вообще невозможно, то седентаризация кочевников требовала или миграции в другие регионы (или хотя бы их передвижения в другие экологические ниши или анклав — об этом см. с. 324), или же являлась вынужденной мерой. Только там, где земледелие являлось альтернативной возможностью, и особенно там, где оно имело экономические преимущества перед кочевым скотоводством, происходило прочное оседание кочевников на землю.

Рассматриваемое под таким углом полукочевничество не всегда является шагом на пути к более полной оседлости или оптимальным вариантом хозяйства в данной экологической среде. Нередко оно является не столько пространственной, сколько временной альтернативой полному кочевничеству, когда последнее не в состоянии обеспечить себе приток необходимых продуктов извне в нужном количестве и/или на выгодных для себя условиях и потому вынуждено изыскивать внутренние ресурсы.

Подобная вынужденная седентаризация, связанная с нестабильностью кочевнической экономики, естественно, в первую очередь затрагивала наиболее бедных номадов. По-видимому, седентаризация как одно из возможных последствий обнищания кочевников — явление, характерное для всех форм номадизма, и нередко она осуждалась и презиравалась общественным мнением.

О полукочевничестве среди северных оленеводов Евразии я уже писал (см. с. 118—119). Обедневшие кочевники саами уже в XVIII в. оседали в долинах, где они занимались рыболовством и охотой (Vorren, 1973: 146). Однако, будучи чаще всего связанным с обеднением отдельных хозяйств, полукочевничество на Севере являлось не стабильной системой, а временным состоянием.

В евразийских степях подобная седентаризация известна со скифского времени (Хазанов, 1975: 148—149). Скифы считали бедняков, не имевших возможности продолжать кочевание, «бесчестными», людьми «самого низкого происхождения». У огузов обедневшие и оседавшие на землю лица переставали быть полноправными членами общества. Обычное право огузов доброжелательно относилось лишь к кочевому образу жизни. Легендарному Огуз-хану приписывалось изречение: «Передвигайтесь, не будьте оседлыми, кочуйте по весенним, летним и зимним пастбищам и землям у моря, не зная недостатка. Пусть у вас не убавится молоко, йогурт, кымран» (цит. по Агаджанов, 1969: 96—97, 109).

Барт (Barth, 1962: 350; 1964a: 77—78) про номадов Юго-Западной Азии также отмечает, что обнищание является наиболее распространенным путем к седентаризации. То же самое происходит сейчас в Африке (Dahl and Hjort, 1979: 28 ff., Gallais 1977: 310).

Такая вынужденная оседлость далеко не всегда была прочной и длительной. Недавние кочевники рассматривали свое состояние как вынужденное и временное и при первой возможности обычно вновь переходили к кочеванию. Один из русских наблюдателей XIX в. писал про казахов: «Только лишь безвыходная нищета может побудить кочевника заняться хлебопашеством. Но лишь только он обзавелся скотом, тотчас бросает свою неуклюжую лопату, которой он пахал землю вместо сохи — он делается кочевником» (Завадский-Краснопольский, 1874: 17).

Подобная седентаризация, справедливо отмечают исследователи (Barth, 1979: 76; Dahl and Hjort, 1979: 28—30), облегчала давление населения и косвенно скота на естественные ресурсы. Однако полностью она, естественно, редко решала экономические проблемы кочевого общества. Поэтому кочевники нередко стремились развить у себя земледельческий и ремесленные уклады за счет выходцев из других обществ. Но поскольку в данном случае речь идет уже не только об экономических, но и политических проблемах, этот случай будет рассматриваться дальше.

2. Вторая альтернатива заключалась в приобретении различными способами необходимых продуктов в соседних оседлых обществах. Последние выступали как дополнительный фактор обеспечения стабильности самого скотоводческого хозяйства. Таким образом, адаптация кочевого скотоводства к природно-географическому окружению является неполной. Обратной стороной ее является необходимость и неизбежность активной адаптации номадизма к внешнему миру.

В данной главе я стремился аргументировать необходимость такой адаптации для номадов экономическими причинами. Однако она вызывается также и причинами социального и политического порядка.

Глава II

Происхождение кочевого скотоводства

Спунер (Spooner.1973: 5) писал недавно, что «...практически еще ничего не известно об истоках номадизма». Я смотрю на вещи не столь пессимистично. Конечно, полную и детальную картину происхождения кочевого скотоводства воссоздать сейчас невозможно. Для этого в ней еще слишком много лакун и неясностей. Однако общие контуры проступают уже достаточно отчетливо.

Но прежде всего — о современном состоянии вопроса. Поскольку историография не является главной целью ни книги в целом, ни данной главы, нет ни возможности, ни необходимости рассматривать все многочисленные теории происхождения кочевого скотоводства, одни из которых взаимно исключают, другие — дополняют друг друга. Остановлюсь лишь на некоторых из них, получивших наибольшее распространение.

Очень долгое время большое влияние на разработку проблемы происхождения кочевого скотоводства оказывала так называемая «теория трех стадий», согласно которой скотоводство возникло из охоты, причем ранее земледелия. Зародившаяся еще в древности (Dicaearchus, Varro), она особенно большое распространение получила в XVIII—XIX вв. Монтескье (Montesquieu), Гердер (Herder), Кондорсэ (Condorcet), Мортилье (Mortiller), Лаббок (Lubbock), Морган (Morgan), Энгельс (Engels) — все они были ее приверженцами. Правда, Вико считал, что земледелие появилось раньше скотоводства, но его мнение не получило признания. Правда, Тэйлор (Tylor), Липперт (Lippert), Шурц (Schurtz), Шмидт (Schmidt), Копперс (Koppers), Менгин (Menghin), Лоуи (Lowie) допускали, что скотоводство и земледелие могли возникнуть независимо друг от друга, но и они выводили скотоводство непосредственно из охоты. Даже Хан (Hahn, 1896; ср. Kramer, 1967), доказавший, что

доместикация животных произошла только у мотыжных земледельцев, смог убедить далеко не всех и не сразу.

Не могу не отметить в этой связи то, что Библия отдает хронологический приоритет не скотоводству, тем более кочевому, а земледелию (ср. Бытие. 4. 2 и особенно Бытие. 4. 20). Не Каин, и даже не его младший брат Авель — «пастырь овец», а лишь Иавал: «он был отец живущих в шатрах со стадами».

Некоторые из приверженцев теории трех стадий занимались не только проблемой происхождения скотоводства вообще, но и непосредственно — кочевого скотоводства. По их мнению, возникновение последнего прямо связано с охотой на травоядных млекопитающих. Бродячие охотники, следовавшие за стадами этих животных, в конце концов смогли одомашнить их и превратиться в кочевых скотоводов. В доказательство чаще всего приводилось и приводится оленеводство. Оно рассматривалось как древнейшая форма скотоводства, восходящая чуть ли не к палеолиту, даже многими из тех, кто принимал теорию трех стадий лишь со значительными оговорками или не принимал ее вовсе (см., например, Богораз-Тан, 1929: 83—85; Schmidt and Koppers, 1924: 502—528; Schmidt, 1951: 1—41; Flor, 1930: 86—146, 152—237; Thumwald, 1932: 77; Pohlhausen, 1954; Pohlhausen, 1972: 176—195; Hermanns, 1949: 216; Curwen and Helt, 1953: 37—46, 93—94, 278).

Справедливости ради надо отметить, что некоторые исследователи не считали охотничий путь возникновения кочевого скотоводства, и особенно менее специализированных форм скотоводства, единственным. Они допускали, что земледельцы также могли начать разведение животных (см., например, Lattimore, 1967: 327). Однако и подобная компромиссная точка зрения вызывает много возражений.

Далее я постараюсь показать, что прочно укоренившееся в умах многих ученых мнение об оленеводстве, как древнейшей форме скотоводства, противоречит фактам. Пока же отмечу, что хотя случаи приручения отдельных животных охотниками неоднократно описывались в этнографической литературе, возможности их доместикации и разведения ими вызывают очень много сомнений. Этому препятствовали и подвижный образ жизни охотников, и отсутствие у них необходимых кормовых ресурсов, и многое другое.

Тем более не в состоянии были охотники domesticiровать все стадо. Охотники на диких оленей отнюдь не сопровождали стадо, потому что неспособны были выдержать необходимую скорость передвижения, и к тому же, во время преследования нельзя заниматься любой другой хозяйственной деятельностью. Зная пути миграций оленей, они охотились на них в определенное время года и в определенных местах (Burch, 1972: 344—359). Кроме того, переменный состав самого стада делал невозможной его domesticiкацию. Самое большое, на что были способны охотники, это заимствовать уже domesticiрованных животных, о чем свидетельствует пример некоторых северных оленеводов. Очевидно, это было одним из второстепенных путей распространения кочевого скотоводства по ойкумене, но достаточно редким. Обращает на себя внимание тот факт, что индейцы прерий стали конными охотниками на бизонов, но отнюдь не скотоводами-кочевниками. Некоторые ученые большое значение придают климатическим изменениям, связанным с аридизацией (Toynbee, 1935: 8; Zeuner, 1956: 28). То, что климаты прошлого не оставались неизменными, сейчас бесспорно. Но когда именно, как и где они менялись — область гипотез и дискуссий. Специалисты признают, что общепринятая теория климатических изменений практически отсутствует (Sutcliffe, 1963: 277; Butzer and Twidale, 1966: 135; Будыко, 1974: 5), хотя предложенные до сих пор теории, стремящиеся объяснить колебания климата различной продолжительности, вероятно не столько исключают, сколько дополняют друг друга. Гете заметил, что между противоположными точками зрения лежит не истина, а проблема. Но иногда каждая из них содержит часть истины.

Сейчас признается влияние на климат множества различных факторов: возмущений земной орбиты (теория Миланковича), колебания приливовобразующей силы (теория Петерссона), колебания солнечной активности, изменения направления магнитной оси, дрейфт континентов и т. д. (Brooks, 1949; Bell, 1953: 123—136; Shapley, 1953; Fairbridge, 1961; Lamb, 1966: 3 ff.; Шнитников, 1969; Возовик, 1970). Действуя как порознь, так и накладываясь друг на друга, они создают сложную картину долговременных и кратковременных климатических флюктуаций.

К сожалению, хронология, а иногда и само наличие кратковременных флюктуации устанавливаются палеоклиматологами с особым трудом, хотя для рассматриваемой проблемы именно они представляют наибольший интерес. Например, стабильность зональных границ, особенно между лесом и степью, не всегда указывает на стабильность климата, так как лес обладает значительной устойчивостью и в засушливых условиях, но зато сравнительно медленно распространяется в новые области даже при благоприятных гумидных условиях (Милюков, 1967: 137; Lamb, 1974: 196—197). Однако однолетние растения, как дикие, так и культурные — не лес. Для них — даже небольшие изменения температуры, и тем более небольшие изменения увлажненности, могут иметь очень важные последствия.

Насколько мне известно, большинство палеоклиматологов отвергает сейчас как идеи Хантингтона (Huntington) и его последователей (Huntington, 1907; Huntington, 1945; Грумм-Гржимайло, 1933; Петров, 1966а: 205—211; ср. Chappell, 1971) о пульсационной аридизации климата, так и предположения о его практической неизменности в голоцене (Raikes, 1967: 92). Как писал Брукс (Brooks, 1949: 286), «если прогрессивная теория [аридизации климата] представляет возможность для решительного отрицания, то теория флюктуации — нет». На протяжении последних десяти-двенадцати тысяч лет колебания климата как в сторону аридности, так и гумидности, как локальные, так и планетарные, как более или менее продолжительные, так и весьма кратковременные, происходили неоднократно. Я далек от мысли отрицать, что некоторые из них могли существеннейшим образом сказываться на судьбе обществ с производящей экономикой, в том числе и скотоводческих. Совсем напротив.

Однако засушливые эпохи случались неоднократно, а возникновение различных типов кочевого скотоводства в каждом из регионов его распространения было хотя и не одновременным и даже не единовременным, но одноразовым событием. Поэтому, признавая, в отличие от Леттимора (Lattimore, 1967: 158), важную роль климатических изменений в возникновении если не всех, то многих типов кочевого скотоводства, я все же считаю, что

одного этого недостаточно. Необходимы были также хозяйственные¹ и культурные предпосылки.

Довольно популярной, в частности в советской литературе, является точка зрения, согласно которой переход к кочевому скотоводству связан с ростом поголовья стад и трудностью их прокорма. Поэтому пастбища приходилось периодически менять, а скот пасты все дальше и дальше от поселений. В конечном счете группы, заинтересованные в первую очередь в скотоводстве, перестали практиковать земледелие даже в качестве второстепенного занятия и превратились в номадов (Sauer, 1952: 97; Напиаг, 1955: 556; Грязнов, 1955: 19-29; Грязнов, 1957: 21—28; Боголюбский, 1959: 174, 175; Гумилев, 1966: 67—68; Артамонов, 1977: 6; критику этого мнения см. Марков, 1976: 22—23).

Подобное, чисто эволюционистское в традициях XIX в. построение, придающее решающее значение медленным и плавным количественным изменениям, легко уязвимо для критики. Во-первых, как показывают многочисленные этнографические данные, скотоводы, даже самые примитивные, умели регулировать численность стада, не лишая его репродуктивной способности, и в случае необходимости прибегали к этому на практике. Во-вторых, число животных в природе также регулируется, хотя и не вполне еще понятным образом. Ясно, однако, что регулирующие факторы действуют сильнее при высокой, чем при низкой плотности животных, когда нарушается допустимый баланс с кормовыми ресурсами (Lack, 1954). Можно полагать, что механизмы регуляции оказывали определенное воздействие и на древнейшие домашние виды животных, еще мало отличавшихся от своих диких предков. В-третьих, как я уже отмечал в предыдущей главе, в условиях экстенсивного скотоводства, притом не только кочевого, длительный и непрерывный рост поголовья скота невозможен. Первоначальный рост поголовья скота, связанный с полным освоением новой экологической зоны, был скорее следствием, чем причиной перехода к кочевому скотоводству. Однако обратной стороной этого преиму-

¹ Правда, Зенер (Zeuner, 1956: 28) предполагает, что лошадь и верблюд были одомашнены племенами, еще ранее перешедшими к номадизму из-за усыхания климата. Однако современные данные опровергают это предположение.

щества был целый ряд недостатков, вызванных односторонней хозяйственной специализацией. Поэтому сомнительно, чтобы стремление к росту поголовья скота было главным побудительным мотивом номадизации.

Еще одно мнение о возникновении кочевого скотоводства, по-видимому, прямо или косвенно восходит к Леттимору (Lattimore, 1967: 277—278). По существу его взгляды касались частного случая — возникновения номадизма во Внутренней Азии, которое этот автор объяснял давлением земледельческих обществ, оттеснявших своих более слабых соседей в степи и пустыни. Далее я постараюсь показать, что даже применительно ко Внутренней Азии точка зрения Леттимора является далеко не бесспорной. Но у некоторых исследователей (см., например, Spooner, 1973: 5, 6, 40; Lees and Bates, 1974: 187—193; Service, 1975: 249—250; Gilbert, 1975: 70; ср. Хлопин, 1970: 55; Шилов, 1964: 102) она приобрела более генерализированный вид, превратилась в своего рода «теорию вытеснения». Возникновение кочевого скотоводства объясняется вытеснением отдельных групп в аридные зоны, то ли в результате давления более сильных соседей, то ли в результате перенаселения, то ли в результате того и другого одновременно.

На мой взгляд, эта довольно умозрительная гипотеза не подтверждается фактами, по крайней мере в качестве универсальной закономерности. Большинство степных и пустынных областей, в которые якобы вытеснялись отдельные группы населения, были уже предварительно заселены, причем нередко группами, практиковавшими производящую экономику. Очевидно, возникновение кочевого скотоводства было явлением столь сложным и многогранным, что каким-либо одним изолированным фактором объяснить его невозможно. К тому же в этом процессе следует отличать локальные особенности от универсальных тенденций и закономерностей.

Не менее сложным и многофакторным явлением было распространение номадизма по ойкумене, включавшее его адаптацию и реадаптацию в различных экологических зонах, определенную социальную трансформацию, взаимодействие и взаимовлияние

различных форм скотоводства, а также других родов и видов хозяйственной деятельности. Истоки кочевого скотоводства кажутся сейчас более или менее ясными. Они уходят в неолитическую революцию — в становление производящего хозяйства, которое, как теперь выясняется, в Старом Свете, в основном, происходило сразу в комплексной земледельческо-скотоводческой форме. Не исключено, что domestикацию животных начали уже группы, практиковавшие развитое собирательство, а не первоначальные земледельцы. Главное, однако, что животных могли domestиковать только группы, ведущие сравнительно оседлый образ жизни и располагавшие определенными излишками растительной пищи. Распространение производящего хозяйства из центров его первоначального возникновения, очевидно, совершалось различными путями, важнейшими из которых были миграции и заимствования. Однако при всех обстоятельствах, оно влекло за собой адаптацию к иному природному окружению, иногда domestикацию новых видов животных, определенную хозяйственную специализацию, приводившую к тому, что в ряде областей преимущественно аридной зоны скотоводство получало преимущество над различными видами земледелия.

Подобный процесс нельзя понимать как автоматический. Он насчитывал несколько промежуточных стадий. К тому же более подвижные формы скотоводства, возникавшие из более оседлых, не всегда полностью вытесняли последние. Нередко они сосуществовали, являясь фактором дальнейшей диверсификации и специализации скотоводческого хозяйства. Так, первоначальное придомное скотоводство с вольным выпасом в отдельных областях привело к появлению более развитых вариантов оседлого скотоводства, а в других — к пастушескому скотоводству. В свою очередь, пастушеское скотоводство, при наличии соответствующих условий и стимулов, могло явиться исходной формой для возникновения сначала полукочевого, а затем кочевого скотоводства. Конечно, о подобной последовательности можно говорить лишь там, где упомянутые формы в основном развивались спонтанно. К тому же сама номадизация нигде и никогда не была абсолютно детерминирована — у нее были свои предпосылки, свои стимулы, свои побуждения и тормозящие факторы.

Более конкретно происхождение и распространение кочевого скотоводства в его основных и второстепенных центрах представляется в настоящее время следующим образом.

Евразийские степи, полупустыни и пустыни. Становление производящего хозяйства и его изменения в сторону кочевого скотоводства в этом регионе происходили неодновременно и заняли несколько тысячелетий. Этот процесс был значительно более сложным, чем представляется Гуденафу (Goodenough, 1970), связывающему его с продвижением в степь с запада «курганной культуры». Однако сама эта культура, на реальности которой настаивает Гимбутас (Gimbutas, 1970: 155—197), является всего лишь искусственной и умозрительной конструкцией, объединяющей много различных и разновременных археологических культур. Столь же несостоятельно мнение (Vason, 1954: 49—51; см. также Vainshtein, 1978: 130—131), что первыми кочевниками в евразийских степях стали охотники, заимствовавшие скот у своих соседей земледельцев.

В степи Восточной Европы производящее хозяйство проникло с Балкан уже в VI—V тыс. до н. э. (Пассек, Черныш, 1970; Формозов, 1977: 63—79). В Центральной Азии земледельческие культуры Южной Туркмении VI тыс. до н. э., непосредственно связанные с раннеземледельческими культурами Передней Азии (Массой, 1971: 44 сл.), долгое время были полуостровом в море культур со старым присваивающим хозяйством. Следы скотоводства прослеживаются только в верхних слоях кельтиминарской культуры, датируемых III тыс. до н. э. (Виноградов, 1968; Формозов, 1977: 119). Северная степная зона Центральной Азии не знала производящего хозяйства до второй половины III тыс. до н. э.

Далее на восток появление производящего хозяйства в Южной Сибири впервые прослеживается только в афанасьевской культуре второй половины III тыс. до н. э. (*История Сибири*, 1968: 159—162). Неолитические обитатели Монголии и Забайкалья, вопреки мнению Эгами (Egami, 1970: 324), были не кочевниками, а охотниками и собирателями (Волков, 1967: 90; Окладников, 1970: 179). Только во второй половине III—II тыс. до н. э., в эпоху бронзы, на всем пространстве евразийских степей окончательно устанавливается господство производящего хозяйства, представленного различными вариантами.

Уже в V - IV тыс. до н. э. на юге Восточной Европы были известны домашние крупный и мелкий рогатый скот, и даже лошади (Цалкин, 1970: 265). На рубеже IV—III тыс. до н. э. в некоторых районах европейских степей, особенно Волго-Уральском междуречье, наметилось преобладание скотоводства над земледелием (Збеневич, 1974: 112—114; Мерперт, 1974: 102—112). Распространение скотоводства в неолите и бронзовом веке характерно также для различных областей Центральной и Западной Европы (см., например, Fleming, 1972; Bradley, 1972). Однако, вопреки мнению некоторых исследователей (Мерперт, 1974: 112; Шилов, 1964: 101, 102; Шилов, 1975: 14; Массой, 1976: 44), нет оснований полагать, что скотоводы III и даже II тыс. до н. э. были подлинными кочевниками.

Судя по остеологическим материалам, в неолите, энеолите и бронзовом веке в евразийских степях не было изменений видового состава стада и процентного соотношения различных видов в направлении, которое позднее стало характерно для кочевников этого региона (Цалкин, 1970: 253). Обычные для многих археологических культур этого времени, долговременные поселения также свидетельствуют против наличия кочевого скотоводства.

Наконец, трудно себе представить евразийских кочевников без лошади как верхового животного. Поэтому, хотя вопрос о ранних этапах использования лошади и их последовательности довольно запутан, на нем следует остановиться особо. В Южной России domesticiрованная лошадь появилась очень рано — не позже IV тыс. до н. э. Можно было бы думать, что важного значения в экономике она в это время еще не имела, однако имеются два труднообъяснимых исключения. На двух поселениях IV тыс. до н. э. (или III тыс. — в зависимости от принятых систем хронологии) — Дереевка, находящемся в лесостепной зоне, и Репин Хутор — в степи на Нижнем Дону, кости лошади составляют большинство среди остеологических остатков домашних животных — до 80%. В этой связи Цалкин (1970: 248) писал о «первых в истории животноводства племенах коневодов».

Однако, как практически пасли стада этих лошадей? Для IV тыс. до н. э. у нас нет никаких неоспоримых позитивных данных о верховой езде. И в то же время трудно представить

себе стада лошадей, к тому же лишь недавно одомашненных, управляемых пешими пастухами. Я вижу только одно возможное объяснение этой загадки. Для этого необходимо вновь вернуться к старой проблеме «*Fahren und Reiten*» [ехать и ездить верхом]. Согласно наиболее распространенной до сих пор точке зрения, лошадь сначала была освоена в качестве упряжного животного, и лишь затем — верхового. Однако отдельные исследователи настаивают на обратном порядке (см., например, Curwen and Hatt, 1953: 47; Трубачев, 1960: 15; Ковалевская, 1977: 21). Поскольку нет данных о том, что колесно-упряжный транспорт появился в восточноевропейских степях раньше III тыс. до н. э., то не исключено, что они частично правы.

Но только частично, потому что верховая езда, если она действительно существовала в IV—III тыс. до н. э., да и позднее, должна была делать только первые шаги. Конская сбруя или вообще отсутствовала или была самой примитивной. На некоторых изображениях Передней Азии III тыс. до н. э. встречаются люди, сидящие на лошадях без узды и седла. Может быть в евразийских степях они появились значительно раньше. Но они еще не были настоящими всадниками, самое большее — их предтечами, и не только потому, что были мало приспособлены для ведения военных действий (Kussmaul, 1963:31 ff.). Даже их пастушеские возможности были ограниченными.

И кроме того, они были скорее единичным, чем массовым явлением. Одно дело — пасти с помощью собак небольшой табун лошадей, время от времени садясь на лошадь, но не удаляясь слишком далеко от поселения. Наличие многочисленных костей свиньи в поселении Деревка говорит о преобладании оседлого образа жизни. И совсем другое — регулярно следовать верхом за стадами по маршрутам, насчитывающим сотни километров. По имеющимся пока достоверным данным, появление первых настоящих всадников произошло лишь около середины II тыс. до н. э. (Смирнов, 1961: 46; Zeuner, 1963: 337).

Во II тыс. до н. э. в евразийских степях бытуют так называемые «культуры степной бронзы». Хотя соотношение скотоводства и земледелия в этих культурах, и даже между

различными локальными вариантами внутри отдельных культур варьирует, хозяйство всех их являлось комплексным, скотоводческо-земледельческим, иногда даже земледельческо-скотоводческим, во всяком случае отнюдь не кочевым (Акишев и Кушаев, 1963: 131; Цалкин, 1964: 29; Цалкин, 1972: 66—81; История Сибири, 1968: 172—173; Итина, 1977: 39).

В то же время ряд данных свидетельствует о том, что скотоводство во многих степных культурах рано приняло экстенсивные формы. Очевидно, обитатели степей уже в эпоху бронзы, и даже энеолита, осваивали не только разные долины, но и довольно далеко проникали в глубь степей. Между Уралом и Волгой обнаружены могильники, отстоящие от речных долин от 15 до 90 км. В них были похоронены не только мужчины, но и женщины и дети (Шилов, 1964; Мерперт, 1974: 98—100). Очевидно, степь в III тыс. до н. э. была обводнена лучше, чем позднее. Но нельзя исключать и другого — того, что некоторые семьи или даже группы скотоводов уже отрывались на более или менее значительное время от стационарных поселений. Освоение степей облегчалось для скотоводов бронзового века тем, что они уже знали колесно-упряжный транспорт, проникший с Ближнего Востока в Восточную Европу не позднее III тыс. до н. э.

Таким образом, можно думать, что в III и во II тыс. до н. э. в Степи существовали скотоводы, ведущие подвижный образ жизни, следовавшие пешими или в запряженных волами и лошадьми телегах за своими стадами, состоявшими из овец и в меньшей степени крупного рогатого скота, и, возможно, иногда садившиеся при этом на лошадь. Их скотоводство в различных районах Степи принимало различные формы, из которых наиболее подвижными были, по-видимому, пастушеская, а местами — даже полукочевая.

Нельзя исключить даже, что существовали какие-то группы, совершенно не занимавшиеся земледелием, хотя их наличие пока довольно гадательно. Но если они и были, то весьма сильно отличались от кочевников более позднего времени, так как являлись составной частью обществ с комплексной скотоводческо-земледельческой экономикой. Кробер (КроеБег, 1948: 278) писал про кочевников, что они образуют не культуру, а полукультуру,

зависящую от оседлых соседей. Применительно к скотоводам евразийских степей бронзового века даже это будет преувеличением, потому что принадлежавшие им археологические культуры абсолютно тождественны соответствующим культурам оседлых земледельцев.

Сравнительная подвижность скотоводов бронзового века евразийских степей облегчала их миграции, засвидетельствованные уже в IV—II тыс. до н. э. Многие специалисты помещают сейчас прародину индо-иранцев в южнорусских степях. Тогда их появление во II тыс. до н. э. в Передней Азии, Иране, Индии также должно быть поставлено в ряд скотоводческих миграций, который станет еще более длинным, если мы учтем многочисленные передвижения скотоводов внутри самой Степи или на ее ближайших границах. Передвижения, хотя и не нашедшие отражения в письменных источниках, но хорошо прослеживающиеся археологически (см., например, Збенович, 1974: 161; Итина, 1977: 88, 234—235; Мерперт, 1978: 62). Причины подобных миграций могли быть довольно разнообразными: рост населения, истощение пастбищ², которое в условиях отсутствия еще регулярного круглогодичного цикла перекочевки могло происходить довольно быстро, наконец, не в последнюю очередь, стремление приблизиться к центрам развитых земледельческих культур или цивилизаций. Однако миграции скотоводов III—II тыс. до н. э., не порвавших еще с земледелием, не походили на миграции конных кочевников последующих тысячелетий, как телега не походит на лошадь. Они были значительно более медленными и постепенными, и новые земли, пригодные для культивации, интересовали переселенцев не менее, чем новые пастбища. Те, кто видит в древних индо-иранцах кочевников, похожих на скифов или монголов (см., например, Leschnik, 1972: 150—166; van Lohuizen—de Leeuw, 1975: 16), совершают ошибку, вполне объяснимую для XIX в., но мало оправданную для наших дней.

Все необходимые технологические предпосылки кочевого скотоводства: соответствующий видовой состав стада, длительная

²Лингвистические материалы позволяют реконструировать общеиндоевропейское представление о загробном мире как о пастбище (Иванов В. В., 1976: 33).

практика подвижных и экстенсивных форм скотоводства, молочное хозяйство, колесно-упряжный транспорт, всадничество, были не позднее середины II тыс. до н. э. налицо в европейских и казахстанских степях. Но соответствующей трансформации археологических культур «степной бронзы» в это время не наблюдается. Заметный перелом происходит только на рубеже II и I тыс. до н. э. и особенно в начале I тыс. до н. э., когда прекращается жизнь на поселениях предшествующего времени, когда появляются новые археологические культуры явно всаднического и кочевнического облика, когда античные авторы называют обитателей степи «млекоедрами», «доителями кобылиц», а чуть позднее конкретными именами киммерийцев, скифов, саков и других.

Предпосылки перехода к кочевому скотоводству, весь комплекс которых был налицо уже в середине II тыс. до н. э., оставались нереализованными минимум половину тысячелетия. Я могу предложить этому лишь одно объяснение — изменение климата и изменение экономической и политической обстановки в регионе. Одним из самых трудных вопросов в палеоклиматологии голоцена является вопрос о суббореальном периоде. Схема Блитта-Сернандера, согласно которой для этого периода был характерен ксеротермический климат, сейчас подвергается критике со стороны некоторых ученых. Обычно они указывают на то, что нет данных, которые подтверждали бы одновременное образование «пограничного горизонта», свидетельствующего о прекращении торфообразования из-за высыхания болот по всей Европе. Между тем исследование торфяников, по выражению одного из специалистов, «несравненных архивов природы», явилось основой, на которой была выработана упомянутая схема. Кроме того противники схемы Блитта-Сернандера полагают, что нет убедительных доказательств проникновения степных ценозов в лесную зону в суббореальный период (Предтеченский, 1957: 106—107; Бучинский, 1957: 19; Таттар, 1961: 336; Нейштадт, Гуделис, 1961: 14—18; Мильков, 1967: 127, 131—136). Однако их мнение оспаривается другими специалистами, которые приводят доводы в пользу того, что какое-то иссыхание водоемов и наступление степи на лес все же имело место (Клеопов, 1941: 231 сл.; Берг, 1947: 97 сл.; Тумаджанов, 1961: 262; Костин, 1965: 69; Рябцева, 1970: 117).

Не будучи специалистом, я, естественно, не берусь судить, кто прав. Для меня гораздо важнее другое. Вне зависимости от своих теоретических позиций и конкретной аргументации почти все палеоклиматологи признают, что II тыс. до н. э. характеризовалось сухим климатом, который по-видимому достиг своего максимума на рубеже II—I тыс. до н. э. (Brooks, 1949: 296, 305; Бучинский, 1957: 19; Шнитников, 1957; Шнитников, 1969; Предтеченский, 1957: 98, 106; Тумаджанов, 1961: 262, 263; Ver-yard, 1963: 4; Костин, 1965: 69; Lamb, 1966; Starke!, 1966: 27; Frengel, 1966: 113; Butzer and Twidale, 1966: 135; Синицын, 1967: 150; Рябцева, 1970: 117). Это предположение подтверждается также данными археологии (Виноградов, Мамедов, 1975: 252; Piperino and Tosi, 1975: 186).

Совпадение этих дат с временем возникновения кочевого скотоводства, устанавливаемым по данным археологии и письменных источников, едва ли случайно. Очевидно, усыхание климата и было тем последним толчком, который побудил скотоводов окончательно забросить земледелие и полностью перейти к кочеванию.

К тому же этот переход почти совпал с появлением в Северном Причерноморье и Центральной Азии и на их границах оседлых государств, разнообразные контакты с которыми имели важное экономическое и социально-политическое значение для древних номадов. Не случайно киммерийцы и скифы ознакомились со своим появлением на мировой арене походами в Переднюю Азию (Herod., I, 103—106; IV.I). Не столько давление земледельческих государств, сколько само их существование, с соответствующими возможностями для кочевников, облегчило их специализацию.

Если переход к номадизму в восточной части евразийских степей — во Внутренней Азии, и совершился позднее, чем в западной, то едва ли намного. Правда, по мнению Леттимора, (Lattimore, 1967: 57—58, 341, 346—349), северные и западные варвары, жуны и ди, которые тревожили Китай в первой половине I тыс. до н. э., были скотоводами, еще практиковавшими также и земледелие. Он утверждает, что китайцы чжоуского времени не описывали их как конных кочевников. Леттимор (Lattimore, 1967: 61; ср. Watson, 1972:

140) датирует освоение коня под верховую езду и появление настоящих кочевников на границах Китая только IV— III вв. до н. э. Однако все это, очевидно, произошло значительно раньше. В иньских надписях к цянам (жунам) прилагаются эпитеты: «лошадиные», или «разводящие лошадей» (Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978: 175). В трактате Лицзи про жунов и ди говорится: «Некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков».

Очень вероятно, что переход к кочевому скотоводству во Внутренней Азии связан с какими-то давлением или импульсами с запада, хотя Леттимор (Lattimore, 1967: 162—163) решительно выступает против такого предположения. По мнению Го Мо-жо и ряда советских синологов, племена ди, появившиеся на горизонте китайской истории в VI в. до н. э., были «скифами», т. е. кочевыми ираноязычными племенами (Го Мо-жо, 1959: 434; Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978: 183—184; Волков, 1979: 132—133). Вещи скифских типов, в том числе знаменитый звериный стиль, в последнее время обнаружены не только в Ордосе, но и в Северном Китае. Археологические и антропологические материалы также свидетельствуют о том, что в I тыс. до н. э. в Монголию проникают скотоводы из Казахстана, Центральной Азии и, возможно, Алтая (Волков, 1967: 95; Jettmar, 1967: 134; Мамонова, 1970: 207).

Леттимор (Lattimore, 1967: 277—278, 327—328, 343, 349, 364) полагает, что предки кочевых скотоводов Внутренней Азии сначала вели смешанную экономику на границах Китая, но были оттеснены в степь и перешли к номадизму по мере того, как древние китайцы расширяли свою земледельческую территорию. На самом деле картина была более сложной. Кочевники не только отступали, но и наступали, и переходили к смешанной экономике после того, как переселялись на территорию Северного Китая. Их постепенная дальнейшая ассимиляция китайцами могла иметь большее значение, чем вытеснение. Происхождение кочевого скотоводства в западной половине евразийских степей, где никакого давления со стороны оседлых государств не могло и быть, косвенно свидетельствует против построений Леттимора.

Леттимор (Lattimore, 1967: 385—386) утверждает, что если варварские племена севера были бы настоящими кочевниками, они

бы воспользовались раздробленностью Китая в V—IV вв. до н. э. для нападения на него, используя благоприятный момент. Но, во-первых, период Чжаньго (V—III вв. до н. э.) как раз являлся временем экономического, политического и военного усиления Китая, когда постепенно происходило его объединение. При этом интересно отметить, что, по мнению Шан Юэ (1959: 51), именно нападения кочевников способствовали тенденции к объединению (это отмечает и Леттимор в своей последней работе — см. 1979: 48). Во-вторых, именно объединение Китая в свою очередь вызвало к жизни крупное объединение кочевников под властью сюнну, естественно, с некоторым опозданием. В-третьих, строительство оборонительных стен против угрозы с севера началось в Китае уже в IV—III вв. до н. э. Следовательно, опасность существовала и тогда.

И не только опасность. Историю взаимоотношений Китая с племенами скотоводов, среди которых уже были и настоящие кочевники, надо начинать не с периода Чжаньго, а по крайней мере с чжоуского времени (Фань Вэнь-лань, 1958: 55 сл.). Тогда мы не упустим из виду, что именно жуны заставили чжоуского Пин-вана перенести столицу на восток, а ди, вторгшись на среднекитайскую равнину, обосновались на территории царства Вэй и более столетия нападали на царства Ци, Лу, Цинь, Чжень и домен чжоуских ванов. Более того, долгое время варвары не только успешно нападали на Китай, но под его влиянием даже создавали собственные государства, например, царство жунов Ицюй и царство Чжуншань (Сяньюй) белых ди (Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978: 174 сл.). Можно лишь пожалеть, что об обстоятельствах их возникновения, их характере и особенностях нам известно слишком мало.

Ближний Восток (Месопотамия, Аравия, Сирия, Палестина).

В главе I я попытался обосновать правомерность выделения ближневосточного типа кочевого скотоводства. Однако, как и все Другие, он не возник в готовом виде, а является продуктом Длительного исторического развития. Границы его не раз менялись на протяжении веков. Поэтому я прежде всего обращаюсь к тем территориям, которые можно считать исходными для его генезиса. Сейчас общепризнанно, что происхождение скотоводства на Ближнем Востоке — древнейшей колыбели неолитической револю-

ции, непосредственно связано со становлением там производящего хозяйства (Read, 1959: 1629—1639). По-видимому понятное, хотя иногда и поспешное увлечение недавними, действительно сенсационными открытиями привело к тому, что многие ученые стали переоценивать степень специализированное скотоводства в неолитической Передней Азии. Так, Фленнери (Flannery, 1965: 1254-1255; см. также Narg, 1959: 85; Массой, 1976: 39) предположил, что у жителей гор Загроса уже в VII тыс. до н. э. скотоводство приняло являющую форму, и наряду с постоянными поселениями в горах имелись сезонные лагеря. Некоторые исследователи стали даже писать о чистых кочевниках или полукочевниках неолита (Kupper, 1959: 113—117; Brentjes, 1968: 29). Последние исследования показали, однако, что являющее скотоводство в Загросе можно датировать не ранее второй половины IV тыс. до н. э. (Mortensen, 1975: 23, 32—33). Впрочем, для окончательного решения этого вопроса данных пока недостаточно.

Довольно широкое распространение получило мнение о том, что чистые кочевники появились на Ближнем Востоке в бронзовом веке, в III—II или даже в IV тыс. до н. э. (Toynbee, 1935: 404; Kupper, 1957; Kupper, 1959: 117, 119; Gelb, 1961: 27 ff.) и уже тогда вступили в конфликт с земледельцами Месопотамии и Египта³.

Ли и Бэйтс (Lees and Bates, 1974: 187—193) предполагают, что отделение скотоводства от земледелия в районах древних речных цивилизаций было обусловлено развитием ирригации, стимулировавшей хозяйственную специализацию. Спецификой рассматриваемого региона, действительно, являются ранние экономические и политические связи между скотоводами и древнейшими очагами земледельческой цивилизации. И все же нет оснований рассматривать обитателей степи: гиксосов, древних евреев, амореев, сутеев, арамеюв и других, как настоящих номадов.

Новые исследования (Kupper, 1957; Henninger, 1969; Haldar, 1971; Kiengel, 1972) опровергают старое, но все еще довольно

³Справедливости ради надо отметить, что некоторые исследователи, пример, Куппер, отличают скотоводов этого времени от более поздних номадов-всадников, хотя и сохраняют за ними общее наименование, очевидно следуя давней традиции.

живучее представление (ср., например, Renan, 1889: 14, п. I; Van Lss, 1947: 65; Fischer, 1966: 123) о древних семитах как исконных кочевниках. Освященное именами Велхаузена (Welhausen), Робертсона Смита (Robertson Smith) и Уинклера (Winckler) представление о древних евреях, как о бедуинском племени, будто сошедшем со страниц Буркхардта (Burckhardt), Доути (Doughty) или леди Блант (Lady Blunt), не соответствует действительности (Goiten, 1955: 24). По мнению Олбрайта (Allbright, 1960: 205), патриархи вели жизнь полукочевников, деля свое время между уходом за скотом и земледелием.

Примечательно, что на древнем Ближнем Востоке не было даже единого термина для обозначения номадов (Kiengel, 1972:17). Западные семиты Передней Азии разводили овец и коз, в меньших размерах также крупный рогатый скот. Их главным транспортным животным был осел (Salonen, 1955: 52). Может быть не все овцеводы и козоводы разводили ослов, но наличие чисто ословодческих групп представляется мне сомнительным (ср. Henninger, 1969: 53).

Состав стада предполагает, что древние скотоводы не имели возможности удаляться от источников воды дальше, чем на 30 км⁴. Известно, что они жили на окраинах земледельческих областей, в зоне с количеством годовых осадков от 100 до 250 мм, и наряду со скотоводством практиковали земледелие, особенно там, где можно было обойтись без ирригации, или где последняя не требовала применения сложной оросительной техники (Kurrer, 1957: 115—116).

Так же как миграции скотоводов евразийских степей в III—II тыс. до н. э., миграции скотоводов Ближнего Востока этого же времени, как правило, были скорее медленным и постепенным передвижением, подчас инфильтрацией, чем быстрым и внезапным завоеванием, тем более, что последние непосредственно соседствовали с культурными областями. «Но чаще всего мигрировали не целые племена, а их сегменты или еще меньшие группы» (Klengei, 1972:

⁴ Возможно, однако, что они жили также в более глубинных районах степей и пустынь. По мнению некоторых специалистов, климат в это время был менее сухим, а петроглифы, обнаруженные в Центральной Аравии, свидетельствуют о том, что даже в ней было возможно древнейшее скотоводство.

37; ср. Куррег, 1959). Обычным результатом переселения в земледельческие области была седентаризация скотоводов.

Таким образом, для III—II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке можно предполагать наличие лишь пастушеского и полукочевого скотоводства, но отнюдь не настоящего кочевничества. Чисто кочевые группы, если и были, то составляли редкое исключение (Klengel, 1972: 177; Rowton, 1967: 109). Но вопреки мнению Куна (Coon, 1976: 53), эти древнейшие полукочевники, по терминологии немецких ученых, не слишком походили на современных «Halbbeduinen» (полубедуинов). «Полубедуины» использовали в качестве транспортных животных верблюдов, даже если сами не разводили их, и кроме того, различные экономические и политические отношения всегда связывали их с настоящими бедуинами.

Пока невозможно утверждать с уверенностью, что Аравия была единственным центром номадизации в рассматриваемых областях Ближнего Востока, но все говорит за то, что она была важнейшим центром. В некоторых отношениях роль Аравийского полуострова в развитии и распространении номадизма на Ближнем Востоке сходна с ролью Сахары для африканского номадизма. Как и в Сахаре, на петроглифах Аравии, открытых экспедицией Рикманса-Филби (Ruskmans-Philby), сначала, с VI тыс. до н. э., появляется крупный рогатый скот, а затем, с IV—III тыс. до н. э. — мелкий, который с конца III тыс. до н. э. окончательно вытесняет крупный в Центральной Аравии (Lippens, 1956). Не позднее IV тыс. до н. э. скотоводство становится в ней преобладающим видом хозяйственной деятельности (Anati, 1968; Anati, 1974; Tchernov, 1974). Впрочем, и в Аравии эти даты надо считать пока чисто предварительными.

По мнению Макклуре (McClure, 1971: 3—5, 28—29), климат Аравии изменялся синхронно климату Сахары, так что можно говорить про единый «Сахаро-Аравийский пояс». Последняя сухая фаза началось ок. 2500 г. до н. э. и продолжается до современности (ср. Butzer and Twidale, 1966: 135; Pearse, 1971: 14). Как сказалось на древнейших скотоводах Аравии ее усыхание, неизвестно. Может быть одним из последствий его было движение скотоводов к границам земледельческих областей (Gates, 1976: 30). Ясно одно.

Тот процесс, который получил название «бедуинизации Аравии», т. е. завершение формирования в ней настоящего кочевого скотоводства, связан с освоением верблюда в качестве верхового животного.

Точное время и место domestikации верблюда, равно как и первые шаги его разведения, практически неизвестны. Неясно также, связаны ли между собой, и как именно, domestikация дромедача (*Camelus dromedarius*) и бактриана (*Camelus bactrianus*). Согласно традиционному мнению, разведение верблюдов в Передней Азии началось в середине или даже второй половине II тыс. до н. э. (Albright, 1942: 96, 100; Bacon, 1954: 47—48; von Wissmann, 1959: 880b—881a; Coon, 1976: 50).

В знаменитых текстах из Мари (XVIII в. до н. э.) часто упоминается осел, но никогда — верблюд. Однако последний упоминается в наиболее ранних частях Библии. Правда, по отношению к этим упоминаниям иногда проявляется скепсис; еще с XIX в. их неоднократно объявляли анахронизмом (одно из последних подобных высказываний см. Klengel, 1972: 154; ср. Albright, 1960: 207). Но для подобного скепсиса нет достаточных оснований. В Библии верблюд упоминается 56 раз, из них 25 раз в одной только книге Бытия, причем все эти упоминания падают на эпоху патриархов. Верблюды входят в состав имущества Авраама, Исаака и Иакова (см., например, Бытие, 12:16, 24: 10, 24: 35, 30: 43, 32: 15 и др.). Примечательно, однако, что они еще не фигурируют в качестве верховых животных. В то же время из сообщения Бытия, 32: 15 о даре Иакова — «дойных верблюдиц», комментаторы делают вывод, что в эпоху патриархов верблюжье молоко уже употреблялось в пищу.

Обращает на себя внимание и умеренное количество верблюдов, упоминаемых у патриархов (Бытие, 24: 10—10; 32: 15—30), не идущее в сравнение со стадами, приписываемыми Иову (Иов, 1:3 — 3000; 42: 12—6000) и особенно с 50000 верблюдов, отнятыми у агарян потомками колена Рувима (1-я Паралипоменон, 5: 21). Некоторые исследователи полагают также, что домашний верблюд встречается на ряде изображений, происходящих из различных областей Ближнего Востока, датируемых более ранним временем, чем середина II тыс. до н. э. Поэтому давно уже высказывалось

мнение, что время одомашнивания верблюдов следует удревнить (Free, 1944; Rathjes, 1955: 18, 114—115; Pohl, 1957: 165—166; Bulliet, 1975: 36), по мнению Рипински (Ripinsky, 1957), даже до IV тыс. до н. э. Вероятно, прав Хеннингер (Henninger, 1969: 42), считающий, что надо разделять два вопроса: дату одомашнивания верблюда и дату начала специализации на его разведении. Очевидно, между этими двумя событиями прошло много времени.

Как бы то ни было, только специализация на разведении верблюдов, начавшаяся в Аравии где-то в середине II тыс. до н. э., которая возможно, была стимулирована аридизацией полуострова, привела к распространению подлинного кочевого скотоводства во внутренних районах Аравии и Сирии. Уже в XIX в. до н. э. медианиты, амалекиты и «сыновья Востока» вторглись через Иордан в Палестину (Судьи, 6: 1—6), «и им, и их верблюдам было несть числа» (Судьи, 6: 5). По мнению Достала (Dostal, 1959: 22), их вторжение было связано с извечными проблемами кочевников: стремлением расширить пастбищную территорию для увеличившихся стад, потребностью в сельскохозяйственных продуктах, торговле с оседлыми обществами и т. д.

Что касается лошади, то сведения о ее наличии в культурных областях Ближнего Востока имеются уже для начала II тыс. до н. э., а может быть даже еще более раннего времени (Salonen, 1955: 17—18; Zeuner, 1963: 317; Moorey, 1970), но долгое время она оставалась редким и дорогим животным. Вопрос о роли индоевропейских племен в ее распространении все еще является дискуссионным (ср. Kammenhuber, 1968; Diakonoff, 1972; Mayrhofer, 1974). Для меня, однако, важно сейчас подчеркнуть другое обстоятельство. Во-первых, во II тыс. до н. э. лошадь в качестве верхового животного почти не использовалась. Второе тысячелетие до н. э. — время наибольшего распространения боевых колесниц.

Лишь последние ассирийские цари спешно пытались создать боеспособную кавалерию, но без особого успеха (Yadin, 1963: 286 — 287; Хазанов, 1971: 56). Во-вторых, на рассматриваемых территориях во II тыс. до н. э., да и позднее, лошадей, которых разводили преимущественно в горных районах (Jankowska, 1969: 266—167), больше использовали не подвижные скотоводы, а оседло-

земледельческие государства и преимущественно в военных целях. Считается, что в Аравии лошадь появилась чуть ли не в начале нашей эры (Hitti, 1956: 20—21). Страбон специально отмечал, что лошадей в Аравии нет, и их работу выполняют верблюды (Strabo, XVI, 4, 2; XVI, 4, 26).

Когда в Аравии кочевое скотоводство окончательно приняло тот вид, который стал определяющим для номадизма ближневосточного типа? Досталь (Dostal, 1959: 20 ff.; ср. Bulliet, 1975: 87 ff., ИЗ ff.) полагает, что в конце I тыс. до н. э. в Северной Аравии было изобретено новое верблюжье седло с лукой, помещавшейся на горбу животного и оставлявшей всаднику свободными руки. В результате значительно повысилась боеспособность верблюжьей кавалерии, ставшей грозной военной силой. Именно с этого времени, по его мнению, можно говорить о настоящих аравийских бедуинах. Хеннингер (Henninger, 1969: 37) начинает «die voll beduinische Period» [полный бедуинский период] с III в. н. э. Кун (Coon, 1959: 872) датирует его еще позднее — временем между Христом и Мухаммедом. Приведенные материалы не позволяют полностью согласиться с Каскелем (Caskel, 1954: 36—46), связывающим бедуинизацию Аравии с гибелью оседлых государств и упадком караванной торговли в Аравии в результате общего кризиса античного мира, что, по его мнению, побудило часть оседлого населения перейти к кочеванию. Однако не исключено, что число кочевников в конце античного — начале средневекового периода, действительно, могло пополниться за счет оседлых жителей.

В целом можно сделать вывод что рассматриваемый тип номадизма, несмотря на длительную предысторию, окончательно сформировался не менее чем на тысячу лет позднее евразийского степного, хотя и без сколько-нибудь существенного воздействия последнего. В отношении генезиса между ними существует еще одно важное различие. В то время как евразийский степной тип кочевого скотоводства уже в древности, в I тыс. до н. э., в основном занял почти всю отведенную для него экологией зону (Хазанов, 1975), территориальное оформление ближневосточного типа завер-

шилось только в средние века, после целого ряда войн, завоеваний, миграций и связанных с ними последствий. Однако в предпосылках формирования обоих типов можно заметить известный параллелизм. И в евразийских степях, и на Ближнем Востоке ведущая линия становления кочевого скотоводства шла от смешанной экономики через экстенсивное пастушеское и/или полукочевое скотоводство. В обоих регионах наиболее ранние формы экстенсивного скотоводства основывались в первую очередь на разведении мелкого рогатого скота. В обоих из них всестороннее, как пищевое, так и транспортно-верховое освоение лошади и верблюда, имеющих аналогичные функции в экономике, заняло продолжительное время. В обоих регионах непосредственный переход к кочевому скотоводству в его традиционных хозяйственных формах, по крайней мере в отношении видового состава стада и способов его использования, вероятно, был связан с определенными изменениями или колебаниями климата. Наконец, в обоих регионах кочевники с самого начала были связаны сложной системой мирных и немирных отношений с оседлыми государствами.

Средний Восток (Малая Азия, Иран, Афганистан). Происхождение кочевого скотоводства в Малой Азии, Иране и Афганистане резко отличается от его происхождения на Ближнем Востоке. На территории последнего номадизм возник самостоятельно, при решающей роли арабийского центра. На рассматриваемых территориях он не столько возник, сколько распространился в результате внешних импульсов и особенно прямых миграций, а также под воздействием причин социально-политического порядка. Поэтому данный регион является промежуточным между евразийским степным и ближневосточным с точки зрения не только хозяйственно-культурных форм номадизма, но и его происхождения.

Пастушеское и даже, возможно, полукочевое скотоводство, особенно в их яйлажных вариантах, появились здесь очень рано, в горных районах Ирана и на Армянском нагорье не позднее III тыс. до н. э. Но мы не располагаем фактами, подтверждающими мнение тех ученых, которые думают, что и настоящие номады появились здесь чуть ли не с III тыс. до н. э. (см., например, Spooner, 1972: 126; Spooner, 1973: 37). Очевидно, кочевниками не были ни кутии,

ни касситы, сыгравшие важную роль в истории Месопотамии. Немногочисленные письменные источники, упоминающие подвижных скотоводов на рассматриваемых территориях, даже в I тыс. до н. э. — середине I тыс. н. э., рисуют картину, весьма сильно отличающуюся от средневековья.

В Малой Азии настоящих кочевников в древности вообще не было, хотя и существовали группы скотоводов, практиковавших трансхьюманс (de Planhol, 1959: 526; de Planhol, 1969: 71—72). В Иране, согласно Геродоту, четыре из шести персидских племен были кочевыми (Herodotus, I.125). Однако никаких подробностей о них отец истории не сообщает. Из других источников создается впечатление, что в древности настоящих кочевников (например, верблюдоводов в Фарсе, о которых упоминает Страбон (Strabo, XV, 3, 1), было меньше, чем экстенсивных скотоводов. Последние были прежде всего горцами, доставлявшими много хлопот властям, особенно греческим; недаром их нередко именовали «бродягами» и «разбойниками» (см., например, Polybius, V, 44; Strabo, XI, 12, 4; XI, 13, 3; Arrian, *Anabasis*, III, 24, 2—3). Марды, кадусии, коссии, уксии, эламены, паратакены и другие вели образ жизни, в некоторых отношениях напоминающий образ жизни позднейших полукочевников курдов и луров и, отчасти, даже бахтиаров. Их скотоводство было в основном яллагного типа и дополнялось земледелием в качестве второстепенного занятия (Briant, 1976; Briant, 1977). Это засвидетельствовано, например, для коссиев, паратакенов, киртиев и эламенов (Strabo, XV, 3, 1; XVI, 1.18; Diodorus, XVII, II, 4; Arrian *Anabasis*, VII, 15, 2).

Арриан сообщает про уксиев, что «земли они не обрабатывают; в большинстве своем это пастухи», однако тут же отмечает, что уксии живут в деревнях (Arrian, *Anabasis*, III, 17, 3—6). По описанию Курция Руфа, марды — по Геродоту одно из кочевых персидских племен, — рыли пещеры в горах и прятались в них со своими женами и детьми⁵ (Curtius Rufus, V, 6, 17—18). Но Курций

⁵ Любопытно, что использование пещер в качестве зимних убежищ для скота сохранилось до нашего времени у полукочевников курдов и луров (de Planhol, 1966a: 296; Coon, 1976: 215; Hole, 1978: 152).

Руф стремился подчеркнуть их дикость. По Диодору (FGH, 90, F66) и Страбону (XV, 3, 1), часть мардов практиковала земледелие. Наряду с мелким рогатым скотом заметную роль в составе их стада играл крупный; зато верховых животных — лошадей и особенно верблюдов, было мало. Горные племена в источниках обычно выступают как пешие стрелки из лука (Strabo, XVI, 1, 18; Xenophon, *Anabasis*, IV, 3, 28—33), и только про кадусиев сообщается, что у них была конница (Plutarch, *De Alexandri fortuna*, I. 329b). Дань, наложенная Александром на уксиев, состояла из 100 лошадей, 500 транспортных животных (волов?) и 30000 овец (Artian, *Anabasis*, III, 17, 6).

Настоящие кочевники степного типа появлялись в Малой Азии, Иране и Афганистане извне — из евразийских степей. Однако киммерийцы, скифы, парны, саки, кушаны, аланы, хиониты, эфталиты и другие не оказали существенного воздействия на формы местного скотоводства, потому что если они оставались на новых территориях, то нередко оседали, как, например, саки в Сеистане. Положение изменилось в средние века, когда вторжения больших масс кочевников из Аравии и евразийских степей и связанные с ними социально-политические потрясения, в частности упадок власти земледельческо-городских обществ и рост влияния различных кочевых объединений, привели к значительному численному и территориальному распространению номадизма в этом регионе.

Де Планоль (De Planhol, 1969: 73) пишет про «средневековую бедуинизацию» Анатолии и Ирана. С этим можно согласиться лишь в том случае, если подразумевать под бедуинами любых чистых номадов, что едва ли целесообразно. Поэтому лучше писать о средневековой номадизации Малой Азии, Ирана, а также Афганистана, причем арабские бедуины сыграли в этом процессе менее значительную роль, чем тюрки и монголы евразийских степей (Петрушевский, 1960: 41 сл.). Эта номадизация происходила различным образом. Прежде всего — путем переселения кочевников в рассматриваемый регион и освоения его для кочевых форм скотоводства, нередко сопровождавшемся вытеснением оседлого и полуоседлого населения из районов, облюбованных номадами. Марко Поло (гл. XXXV), описывая путь между Керманом и

Хурмузом, заметил: «В старину были там поселки, а теперь их нет, и народ, что живет там, скот пасет» (Marco Polo, 1975: 91). Белуджи во время своих миграций в средние века нередко разрушали земледельческую культуру местного населения (Никулин, 1953: 23).

Номады стремились сохранить свое хозяйство в привычных для них формах, но это не всегда позволяли законы экологии. Бедуины не смогли проникнуть на анатолийское плато, по свидетельству аль-Джахиза, слишком холодного для дромедаров, а в Иране они ограничились занятием юго-западной провинции — Фарса (по Истахри, в X в. в Фарсе было около 500 тысяч кибиток кочевников), с которой еще в древности граничили верблюдоводческие племена (Strabo, XV, 3, 1), и отчасти также Хузистана (de Planhol, 1969: 73; Cahen, 1975: 310). Большинство бедуинов, которым были отведены земли в Хорасане (ок. 672—3 г. там поселилось около 200 тысяч арабов — Zarrinkub, 1975: 28), постепенно осело на земли и иранизировалось. Но турки с их более привычными к холоду бактрианами, и тем более лошадьми, смогли обосноваться в Анатолии, особенно после сельджукского завоевания (de Planhol, 1966: 302). Примечательно, что огузских топонимов больше всего в Центральной Анатолии, равнины которой более удобные для кочевания. Только после того, как они были заселены, огузы двинулись дальше, через горные перевалы Западной Анатолии вышли к Эгейскому морю и лишь в XIII в., пройдя горы Ликийи и Киликийи, достигли долин Средиземноморья (Еремеев, 1971: 86).

Однако в Анатолии, особенно Западной, где природные условия благоприятствовали земледелию, а политика центральных властей вне зависимости от их происхождения почти всегда поощряла седентаризацию, кочевое скотоводство получило значительно меньшее распространение, чем в более аридном Иране (de Planhol, 1959: 525—529). Кочевники переселялись в него на протяжении многих веков, но особенно большие массы их проникли в Иран в XI—XII вв. с сельджуками (в Северный Хорасан, Гурган, Дахистан, Азербайджан, Арран, некоторые районы Курдистана и Луристана — см. Lambton, 1953: 59; Bosworth, 1968: 79) и позднее — в XIII в. с монголами. Между XII и XIV вв. кочевники составляли приблизительно четверть насе-

ления страны (Helfgott, 1977: 36). Кроме того, центральные власти часто производили их перегруппировки и расселения, способствуя дальнейшему распространению номадизма (см., например, Lambton, 1953: 131).

Привилегированное положение, в котором оказались кочевники в Иране, и ущерб, который они наносили земледельческому населению, приводили к номадизации отдельные группы местного полуседлого и оседлого населения. Так, большая часть луров и бахтиаров образовалась из бывших земледельцев, практиковавших пастушеское скотоводство, но в средние века вынужденных забросить свои деревни (см. de Planhol, 1966a: 292; Трубецкой, 1966: 175). В Южном Афганистане отдельные кочевые или полукочевые группы, возможно, существовали и до X в. Однако только после огузского движения и особенно последующих вторжений кочевников евразийских степей (достаточно вспомнить никударийскую орду, поселившуюся в Восточном Хорасане), смешавшихся с местным населением и оказывавших воздействие на его скотоводство, номадизм в Афганистане принял свои традиционные формы (Schumann, 1962: 45—46). Одни кочевники теснили других. Так, сельджуки вытеснили белуджей из Хорасана и Кермана в Мекран и далее на восток (Пикулин, 1953: 18; Frye, 1961: 47). Таким образом, цепной процесс номадизации, который в евразийских степях происходил в I тыс. до н. э., на Среднем Востоке был длительным и прерывистым и завершился на два тысячелетия позднее. Только во II тыс. н. э. кочевники здесь заняли всю подходящую для них экологическую зону.

Только в средние века окончательно сформировались все три основные разновидности номадизма и полуномадизма на Среднем Востоке. Первая, основанная на разведении овец и лошадей и перекочевках меридионального типа в зоне степей и полупустынь (Горган, Муган, Хорасан), в наибольшей степени испытала воздействие номадизма евразийского степного типа. Еще в период завоевания Ирана монголы облюбовали в качестве своих зимников Муганс кую степь, потому что там был хороший корм для лошадей (Галстян, 1977: 167, 170—176). Вторая, связанная с использованием верблюдов и выращиванием финиковой пальмы (арабы Юго-Западного Ирана,

племена Мекрана и Белуджистана), испытала воздействие номадизма ближневосточного типа. В племенах белуджей, особенно таких, как ринд, имеются арабские элементы, вошедшие в их состав во время захвата белуджами мекранского побережья (Пикулин, 1959: 17). Белуджистан уже в X в. славился своими верблюдами, которых даже вывозили в Хорасан и Фарс (Бартольд, 1971: 92). Третья разновидность — горная (луры, бактиары, кашкайцы, курды и другие), в наибольшей степени основанная на разведении мелкого рогатого скота, во многом сохранила старые местные черты (de Planhol, 1966a: 298), хотя в древности крупный рогатый скот у них был распространен больше, чем в новое время.

В целом кочевники евразийских степей оказали большее влияние на номадизм Ирана и Афганистана, чем бедуины Аравии. Не случайно многие скотоводческие термины в персидском языке заимствованы из тюркских. Очевидно, это влияние определялось как экологией, так и историей. Однако именно в средние века дромедар на Среднем Востоке стал преобладать над бактрианом, в то время как в I тыс. до н. э. двугорбый верблюд был известен почти во всем Иране (Bulliet, 1975: 157).

Африка. Хотя кочевое скотоводство в Африке относится к различным типам, генезис их во многом взаимосвязан. Поэтому целесообразно рассмотреть его в одном разделе. Сейчас очевидно, что внутриконтинентальные истоки скотоводства находятся в Египте и Северной Африке. Не совсем ясно, правда, в какой мере они связаны с местным развитием, а в какой — с импульсами или даже миграциями из Азии (ср. Mauny, 1967: 583—599; Clark, 1970: 197). Однако в Египте в древности скотоводство всегда оставалось лишь придатком к земледелию. Центр развития экстенсивных форм скотоводства в Северной Африке находился в Сахаре.

Не исключено, что домашние животные появились в Северной Африке довольно рано — уже в VII тыс. до н. э. (Higgs, 1967: 167), а в V—IV тыс. до н. э. обитатели Сахары и даже Сахель (Smith, 1978: 94) были скотоводами, разводившими помимо овец и коз длиннорогую и короткорогую породы крупного рогатого скота (Clark, 1970:198; Clark, 1972: 132; Lhote, 1976: 67). Знаменитые

сахарские наскальные изображения привели к широкому распространению мнения о том, что уже в неолите в Сахаре обитали чистые номады — коровопасы. Это кажется мне сомнительным. Нет никакой уверенности в том, что эти изображения дают правильное представление о видовом составе стада; тем более не могут они служить и доказательством отсутствия земледелия. Ряд археологических данных не противоречит такой возможности (Clark, 1967: 605; Hugot, 1968: 488).

Правда, возможно, что уже в это время скотоводы Сахары, тем более отдельные группы их, были весьма подвижными. Однако отсутствие таких верховых животных, как верблюд и лошадь, ограничивало их подвижность. Время появления осла в Северной Африке точно не установлено (Nicolaisen, 1963: 100, 484). К тому же и он был характерен скорее для полукочевников, чем для настоящих номадов.

Следующий этап связан с аридизацией Сахары, по-видимому, усилившейся в середине — второй половине III тыс. до н. э. (Lamb, 1966: 6). С I тыс. до н. э. природные условия ее если и отличались от современных, то не намного (Butzer and Twidale, 1966: 135—37; Butzer, 1966: 78; Shaw, 1971: 59; Kellogg and Schreider, 1977: 147). Усыхание Сахары вызвало отлив населения к Югу и Востоку. Оставшееся — вынуждено было приспосабливаться к изменившимся условиям, что означало дальнейшее увеличение роли скотоводства в хозяйстве и степени его подвижности.

Можно ли предполагать, что в III—II тыс. до н. э. в Сахаре уже обитали настоящие кочевники? Для уверенного ответа на этот вопрос данных слишком мало. Возможно, уже были группы, полностью порвавшие с земледелием, но едва ли можно говорить о сложении в это время чисто кочевнических обществ. Согласно традиционному мнению, лошадь появилась в Египте около 1700 г. до н. э. и оттуда вскорости проникла в другие страны Северной Африки (Hanscar, 1955: 483 — 484). Возможно, эту дату придется удревнить на несколько веков (Emery, 1960: 8—9). Но как и всюду, II тыс. до н. э. в истории лошади — время не всадничества, а боевых колесниц, в Северной Африке связанных со все еще загадочными гаррамантами. Всадничество в Северной Африке полностью вытеснило использование

колесниц только в середине III в. до н. э. (von Wissmann, 1959: 889). Последний раз ливийские боевые колесницы упоминаются в 307 г. до н. э. (Diodorus, XX, 64, 3), а ливийская конница первый раз — в 261 г. до н. э. (Polybius, I, 19, 2—4). Из-за специфики природных условий лошадь в освоении Сахары номадами сыграла значительно меньшую роль, чем позднее верблюд (Briggs, 1960: 21; Nicolaisen, 1963: 112—113). Как бы то ни было, уже в III—II тыс. до н. э. скотоводство в Северной Африке существенно отличалось от позднейшего восточноафриканского, так как крупный рогатый скот не занимал в нем ведущего места.

Возникновение подлинного кочевого скотоводства в Северной Африке пока осмотрительнее всего датировать началом I тыс. до н. э. В это время африканские кочевники впервые попадают в поле зрения древнегреческих авторов, которые прямо называют часть ливийских племен номадами. Судя по данным Гекатея (Hecataeus, FGH, F335) и Геродота (Herodotus, IV, 186, 187, 191), в восточной части Северной Африки, от дельты Нила до Сиртики, жили кочевники, а в западной — земледельцы. Первых греки называли креофагами, т. е. мясоедами, и галактофагами, т. е. молоко-едами, вторых — ситофагами, т. е. поедателями хлеба.

И все же только внедрение верблюда в скотоводческое хозяйство придало номадизму в Северной Африке его законченную форму. На это потребовалось довольно много времени. Считается, что верблюд появился в Египте в VI—V в. до н. э. или несколько раньше — в период ассирийского завоевания (Hitti, 1956: 22; Nicolaisen, 1963: 314; Coon, 1976: 25), а в остальных странах Северной Африки еще позднее. Хитти, например, связывает это событие только с мусульманским вторжением VI в. до н. э. Но, как уже отмечалось, судя по Библии и некоторым археологическим данным, верблюды в Египте могли появиться уже в эпоху патриархов. Дромедары в Северной Африке, кажется, впервые упоминаются Юлием Цезарем в связи с битвой при Тапсе. Некоторые специалисты датируют их распространение в ней первыми веками н. э. (Capot-Rey, 1953: 85; Nicolaisen, 1963: 314). Но к приходу римлян в Северную Африку там, очевидно, уже знали верблюдов, проникших из Египта и Сахары (Demougeot, 1960: 241—247).

Вероятно, какой-то сравнительно короткий период времени, насчитывающий максимум несколько веков, верблюд в Северной Африке сосуществовал с лошастью (Monod, 1932: 96, 99; Mauny, 1954: 14). Но будущее было за верблюдом. По мнению Жюльена (Julien, 1956: 160; ср. Levtzion, 1971: 120—121), уже в первых веках н. э. в Северной Африке вместо прежних овцеводческих племен происходит формирование верблюдоводческих, которые, испытывая давление со стороны римлян, проникают в Сахару.

Уже с этого времени можно говорить о принципиальном единстве североафриканского, особенно сахарского, и аравийского кочевого скотоводства. В средние века они сблизились еще больше. В V или VI в. н. э. сахарские кочевники-верблюдоводы ворвались в зону, которую римляне до этого рассматривали не просто как свою территорию, но и как области земледельческой цивилизации (Capot-Rey, 1953: 186—187). Арабское завоевание Северной Африки в VII в. прибавило к этому мало нового. Зато последующее появление в ней бедуинских племен, особенно хилалианское движение XI в. и вызванные им последствия (de Planhol, 1968: 140 ff.), знаменовали собой завершение длительного процесса.

Распространение скотоводства и производящего хозяйства вообще в других регионах Африки, как теперь выясняется, происходило значительно раньше, чем предполагали еще совсем недавно. Однако и в них становление кочевого скотоводства было очень длительным процессом. До сих пор нет достаточного количества данных, чтобы с уверенностью судить о времени и условиях появления скотоводства в Нубии. Сейчас полагают, что скотоводство и земледелие появились в ней в V—IV тыс. до н. э. в результате египетского влияния (Trigger, 1976: 31—35; Krzyzaniak, 1976: 762). Это не исключает возможности того, что производящее хозяйство в Нубии позднее испытывало и другие внешние воздействия, связанные с оттоком населения из усыхающей Сахары (Arkell, 1961: 46—52; Clark, 1967: 613; Clark, 1970: 206), и со стороны Аравийского полуострова. Вполне возможно, что скотоводство стало основным занятием населения Северной Нубии уже в IV—III тыс. до н. э. (Arkell, 1961: 32, 48—53). В египетских надписях времени VI династии упоминаются скотоводческие племена, которых иногда считают прямыми

предками античных блеммиев и современных беджа (Paul, 1954: 21, 27 ff.). Но, как уже не раз, мне хотелось бы подчеркнуть, что нет достаточных оснований рассматривать этих древнейших скотоводов как настоящих кочевников.

Лошадь появилась в Нубии в конце эпохи Среднего царства (Emery, 1960: 8—9), но, по-видимому, не как верховое животное, и не играя большой роли в скотоводческом хозяйстве. О кочевом скотоводстве на территории современного государства Судан с уверенностью можно говорить только начиная с I тыс. до н.э., когда Страбон, рассказывая об «эфиопских племенах», пишет, что часть из них кочевала. «Эфиопы ведут по большей части кочевой образ жизни и отличаются бедностью вследствие скудной почвы, неумеренного климата и удаленности от нас (Strabo, XVII, 1, 3; см. также XVII. 2. 1; ср. Diodorus, III, 8).

Однако верблюд появился в Нубии лишь в конце I тыс. до н. э. (Arkell, 1961: 163). И только после этого можно говорить о появлении отдельных черт ближневосточного номадизма в Судане. В то же время можно предположить, что в его скотоводстве уже в древности имелись черты, характерные для более позднего номадизма восточноафриканского типа. Диодор Сицилийский писал об ихорфагах (поедателях крови), что «они живут, потребляя молоко, кипяченное с кровью» (Diodorus, III, 15). Таким образом, уже в древности Судан был той маргинальной областью, в которой различные типы номадизма граничили и взаимно влияли друг на друга. В средние века такое положение получило дальнейшее развитие. Очевидно, объяснить его одной лишь экологической спецификой невозможно. По крайней мере частично оно связано также с чисто историческими причинами: внешними импульсами, миграциями и т. п.

Не менее, если не более сложными, были генезис кочевого скотоводства и его последующая история на территории Африканского Рога. Кларк (Clark, 1967: 613, 615; 1972: 137) предполагает, что домашние животные и растения появились на территории современных Эфиопии и Сомали из долины Нила по крайней мере во II, а вероятно, даже в III тыс. до н. э. Вероятно, производящая экономика Рога изменялась от комплексного земледельческо-

скотоводческого или скотоводческо-земледельческого хозяйства к постепенному увеличению удельного веса скотоводства, приобретавшего все более экстенсивный вид. Специфика этого процесса в основном определялась тремя факторами: прогрессирующей аридизацией Рога (Clark, 1954: 149—150; Lewis, 1955: 71), его нынешними природными условиями — из всей Восточной Африки только в Сомали по-настоящему аридный климат (Butzer, 1966: 80), и, наконец, его географической и исторической близостью к Аравии.

Археологических материалов, позволяющих проследить ранние этапы развития скотоводства на территории Африканского Рога, пока явно недостаточно. Наскальные росписи только в ограниченной мере способны восполнить этот пробел. Наиболее ранние наскальные росписи в Эритрее, Хараре и Сомали посвящены пастушеским сценам. На них представлен длиннорогий и безгорбый крупный рогатый скот. Только значительно позднее, возможно в I тыс. до н. э., на изображениях появляются зебу, а еще позднее, в последние века до н. э. — первые века н. э., и верблюды. Кларк (Clark, 1967: 615; см. также Cole, 1963: 267—268; Clark, 1954: 315; Graziosi, 1964: 91—98, 187—190) связывает их появление с мигрантами из Аравии.

Вероятно, развитие кочевого скотоводства на Африканском Роге шло в направлении, сближающем его с аравийским подтипом номадизма и отделяющим от восточноафриканского типа. В китайских источниках IX в. о жителях Рога сообщается, что «они прокалывают вену одного из своих быков, смешивают кровь с молоком и пьют в сыром виде» (Freeman-Grenville, 1962: 8). Этот обычай сохранился до наших дней у галла и южных сомали. Но у чистых кочевников — северных сомали он отсутствует (Lewis H. S., 1966: 30, п. 11). Ибн Батутта в XIV в. упоминает уже живущих на Роге кочевников, пасущих верблюдов и овец (Freeman-Grenville, 1962: 27).

Очевидно, те черты кочевого скотоводства на Африканском Роге, которые позволяют относить его к ближневосточному типу, окончательно сформировались лишь во II тыс. до н. э., в процессе расселения сомали (Lewis, 1955: 45 — 46; Lewis, 1960; Lewis, 1961: 24—25; ср. Lewis H. S., 1966). Разнообразное влияние Аравии на

формирование конкретных особенностей кочевого скотоводства на Африканском Роге, могло включать в себя и идеологический аспект — распространение ислама.

Как теперь выясняется, формирование восточноафриканского типа кочевого скотоводства также было значительно более длительным, чем можно было предположить еще недавно. Судя по последним данным, производящее хозяйство начало распространяться из Нубии на юг и юго-восток уже во второй половине II—I тыс. до н. э. В I тыс. до н. э. в Кении и Долине Рифт уже жили скотоводы, возделывавшие также в ограниченном размере просо (Clark, 1967: 615, 617; Clark, 1970: 208; Seddon, 1968: 491; Sutton, 1971: 144; Jacobs, 1975: 410; Phillipson, 1976:66; Oliver, 1977: 653), а к началу н. э. производящее хозяйство проникло даже в Южную Африку (Juskeep, 1971: 249). Лингвистические данные также свидетельствуют о том, что скотоводство было известно в южной части Восточной Африки и некоторых областях Южной Африки до появления банту (Ehret, 1967). В Зимбабве скотоводство играло большую роль, но не было подлинно кочевым. Экономика в целом была смешанная, хотя, возможно были специализированные на скотоводстве группы (Garlake, 1978). Таким образом, миграции скотоводческих народов в Восточной Африке в конце I — начале II тыс. н. э. были не началом, а очередным этапом длительного процесса (Posnansky, 1967), продолжавшегося до XIX в. Маасаи появились в Восточной Африке лишь в XVII в. (Oliver, 1977: 654), и они тоже были не последними.

Где-то на рубеже I —II тыс. н. э. на нагорьях Эфиопии или на более широких пространствах, включающих Южный Судан, путем скрещивания длиннорогого безгорбого скота с короткорогим горбатым зебу была выведена новая порода — длиннорогий горбатый санга (sanga). Вместе с мигрирующими с севера скотоводами он проник в Центральную и Восточную Африку и стал там наиболее распространенной породой крупного рогатого скота (Posnansky, 1966:

88 - 89). Однако завершение формирования номадизма восточноафриканского типа происходило почти на наших глазах во второй половине II тыс. н. э.

Причины скотоводческих миграций в Восточную Африку в конце I — начале II тыс. н. э., как и более поздних, не вполне ясны. Оливер (Oliver, 1961: 59) дает им обычное объяснение — увеличение поголовья скота и недостаток пастбищ. Возможно, для некоторых периодов надо учитывать и другой фактор — сухой климатический период (Jacobs, 1975: 411). Увлажнение Восточной Африки и распространение лесов, по мнению Дейла (Dale, 1954, 26—28), началось только с XV в. Если так, то формирование номадизма восточноафриканского типа косвенно связано с климатическими изменениями.

Северная Евразия. Я уже отмечал ошибочность мнения об оленеводстве как древнейшей форме скотоводства. Отдельные исследователи, правда, до сих пор утверждают, что оленеводство на Крайнем Севере возникло самостоятельно, причем некоторые из них полагают, что это произошло в очень раннее время (Krader, 1970: 321; Вдовин, 1973: 242—245; Диков, 1975: 52; Симченко, 1976: 77—78). Однако фактически это мнение остается неаргументированным сколько-нибудь серьезно. Поэтому я отдаю предпочтение предположению о том, что оленеводство возникло на Юге Сибири у народов, имевших навыки скотоводческого хозяйства (см., например, Василевич, 1969: 78—80; Вайнштейн, 1972: 88 сл.).

Если на Большой Боярской писанице действительно изображены северные олени, то одомашнивание их произошло не позднее I тыс. до н. э. Но по мнению Грязнова (1978: 224), расходящемуся с мнением таких известных зоологов, как Верещагин, Флеров и Цалкин, высоко поднятая на длинной шее голова — признак благородного оленя (*Cervus elaphus*, франц. *cerf*, нем. *Hirsch*), а не северного (франц. *geppe*, нем. *Renntier*). В китайских источниках встречаются упоминания о разведении оленей в Фусани в V в. н. э. (Бичурин, 1950а: 47). Об одомашнивании оленя в Саянах думал еще Флор (Flor, 1930: 133), хотя он и возводил происхождение оленеводства к охоте. Очевидно, район Саян и Алтая, где оленеводство[^] практикуется до сих пор и где в древности жили предки самодийских народов, был если не единственным, то древнейшим центром оленеводства (Vainshtein, 1980: 120 ff.). Однако в это время оно не составляло основу их хозяйства.

Только когда под давлением тюркоязычных народов самодийцы стали продвигаться на север, в тайгу, смешиваясь при этом с аборигенным населением, началось распространение практики разведения домашних оленей в западной и центральной частях таежной зоны. Считается, что это произошло на рубеже I—II тыс. н. э., когда олень остался у самодийцев единственным домашним животным, приспособленным к новой экологической обстановке. Тем не менее в тайге крупнотабунное оленеводство практически невозможно. Поэтому самодийцы вынуждены были перейти к присваивающим формам хозяйства — охоте и рыболовству, а оленей использовать, главным образом, как транспортных животных (Максимов, 1929: 22 сл.; Василевич, Левин, 1951: 78—80; Хомич, 1966: 39; Вайнштейн, 1972: 108—109). Однако не исключено, что распространение оленеводства в Северной Евразии началось значительно раньше. Симонсен (Simonsen, 1967: 70) по ряду косвенных данных предполагает, что саами разводили домашних оленей уже в кьельмойский (Kjelmoу) период (200—600 гг. н. э.). Судя по археологическим данным, не исключено, что население Нижнего Приобья уже на рубеже эр практиковало охоту с оленем манщиком (Мошинская, 1953: 78 сл.).

У самодийцев практику разведения домашних оленей заимствовал ряд народов западной и центральной частей таежной и тундровой зон, а при посредстве тунгусов и народы тундровой зоны Северо-Восточной Сибири. Правда, до сих пор не ясно, появилось ли оленеводство у тунгусов самостоятельно, хотя и под влиянием коневодов тюрков, или в результате заимствования у самодийцев (ср. Василевич, Левин, 1951: 84—86; Василевич, 1969: 80; Вайнштейн, 1972: 114—122). Как бы то ни было, но к XVI—XVII вв. его уже знали ненцы, коми-зыряне (ижемцы), ханты и манси, предки энцев и нганасан, кеты, юкагиры, коряки и чукчи. Однако у всех у них в это время оленеводство приобрело преимущественно транспортное направление; господствовало же присваивающее охотничье-рыболовческое хозяйство, представленное различными вариантами (Василевич, Левин, 1951: 82-84; Левин, 1958: 221—222; *Историко-этнографический атлас Сибири*, 1961: 24 сл.; Алексеенко, 1967: 69—70; *Общественный строй у народов Северной Сибири*,

1970: 39; Хомич, 1976: 146; Шнирельман, 1974: 50—51; Крупник, 1976а: 57—65).

Таким образом, несмотря на знакомство с домашними животными и разведение их в ограниченных количествах обитателями таежной и тундровой зон Евразии, они на протяжении многих веков продолжали вести в основном прежнее присваивающее хозяйство.

Резкий перелом начался лишь с началом XVIII в. Описанию и объяснению его посвящены интересные работы Крупника (1975, 1976; ср. Leeds, 1965: 98), за которыми я в основном и следую.

С начала XVIII в. почти по всей тундровой зоне наблюдается очень резкий рост поголовья домашних оленей и соответствующий переход от различных форм охотничье-рыболовческого хозяйства с вспомогательным транспортным мелкотабунным оленеводством к охоте на оленей и крупнотабунному оленеводству и, наконец, на рубеже XVIII—XIX вв. — к кочевому оленеводству. Весь этот переход совершился за какие-нибудь 100—150 лет. Социальным фоном, притом, по-видимому, благоприятным, на котором происходили эти изменения, было укрепление русской власти на Крайнем Севере, связанное с установлением определенного правопорядка, сокращением межэтнических столкновений, развитием обмена и торговли и т. д. (Leeds, 1965: 124—125). Возможно, у ненцев свою роль сыграло сокращение поголовья диких оленей в результате неумеренной охоты

(Хомич, 1976: 75). Однако непосредственным толчком к переходу к кочевому оленеводству, очевидно, послужило похолодание во второй половине II тыс. н. э. (Willet, 1953: 55; Brooks, 1954: 157; Lamb, 1966: 10; Cernak, 1971: 17), которое некоторые ученые даже называют Малым Ледниковым Периодом.

Дело в том, что тундровый северный олень, в отличие от таежного, хорошо приспособлен к низким зимним температурам, но очень плохо — к даже весьма умеренным летним. Даже при температуре +10—15°C олени перестают пастись, быстро теряют в весе, слабеют. Поэтому похолодание создало благоприятную экологическую обстановку для развития крупнотабунного кочевого оленеводства. Переход к новой системе хозяйства на первых порах привел к резкому увеличению численности населения. У ненцев и

чукчей оно за 80—120 лет возросло в 4 раза с последующей стабилизацией.

Если не считать саами, кочевое оленеводство в конце XIX — начале XX в. наибольшее распространение получило у некоторых групп коми-ижемцев, европейских и западносибирских ненцев, оленных чукчей и коряков, все вместе насчитывавших всего 10—12 тысяч (Крупник, 1976: 58—59). В то же время, как отмечалось в главе I (с. 119), между Енисеем и Колымой в основном продолжали жить охотники, практиковавшие оленеводство лишь в качестве второстепенной хозяйственной деятельности. Возникает вопрос, почему кочевое оленеводство не стало монопольным в благоприятной для него экологической зоне? Возможно, это отчасти связано с рядом географических и экологических обстоятельств, но в первую очередь — с поздним возникновением кочевого оленеводства, совпавшим по времени с усилением давления и влияния южных оседлых обществ. Показательно, что в конце XIX — начале XX в. продолжалось распространение крупнотабунного оленеводства у тундровых энцев, нганасан, северных якутов (Попов, 1948: 55; Хомич, 1966: 51; Долгих, 1970: 133—134; Гурвич, 1977: 51). Хозяйственная перестройка Севера после революции прервала этот процесс.

Время и обстоятельства появления оленеводства у саами пока с точностью не установлены. Одни исследователи отстаивают мнение о его самостоятельном возникновении, другие — связывают его с каким-то восточным влиянием (ср. Василевич, Левин, 1951: 81—82; Nelleman, 1961; Vorren, Manker, 1962: 13, 75; Simonsen, 1972: 190, 191; Вайнштейн, 1972: 124—125). Однако переход к кочевому скотоводству у различных групп саами Скандинавии начался лишь в XVI—XVII вв. и продолжался даже в XIX в. Важным фактором в этом процессе было давление земледельческих обществ с юга, одним из последствий которого было сокращение поголовья диких оленей (Vorren, Manker, 1962: 57—58, 76-77; Vorren, 1973: 185-193). В то же время продукты оленеводства были важны для саами для торговли со скандинавскими народами (Simonsen, 1967: 76). Но, возможно, климатические изменения также благоприятствовали хозяйственным сдвигам.

Высокогорная Внутренняя Азия. В настоящее время имеется слишком мало данных для уверенного суждения о том, когда и как появилось кочевое скотоводство в этом регионе, а также о том, когда здесь сформировался особый тип номадизма, связанный с разведением яков. Были ли оба эти события одновременны или разновременны, мы с достоверностью не знаем.

По мнению Херманса (Hermanns, 1949: 115, 118, 158, 275, 281), тибетские номады, представители «einer alten, urtümlichen Hirtenkultur, die jetzt in Innerasien gesondert dasteht», [древнейшей пастушеской культуры, обособившейся во Внутренней Азии] появились в Тибете извне и привели с собой домашних овец и яков. В самом Тибете произошла лишь дальнейшая специализация кочевого скотоводства. Он полагает, что первым населением Тибета были кочевники, и лишь впоследствии часть из них перешла к земледелию. Концепция Херманса во многих своих частях основана не столько на фактах, сколько на теоретических воззрениях венской культурно-исторической школы, хотя автохтонное происхождение тибетского номадизма кажется действительно маловероятным.

Тем не менее нет убедительных доказательств, что як был одомашнирован во Внутренней Азии. Более правдоподобно предположение, что это произошло именно в Тибете, где до сих пор встречается дикий як, свободно скрещивающийся с домашним (Ekvall, 1968: 12). Единственное, что можно утверждать с уверенностью, то, что як был одомашнирован не позднее I тыс. до н. э. Кости яка обнаружены в Пазырыкских курганах на Алтае, датируемых первой половиной I тыс. до н. э. (Руденко, 1953: 70, 73). Первые сведения о нем в Европе, кажется, содержатся у античного автора III в. до н. э. Элиана, который дал ему название «Роерфа-гус» — «поедающий злаки».

Зато можно согласиться с Леттимором (Lattimore, 1967: 211–212), высказавшим мнение о том, что тибетский номадизм (я бы сказал — высокогорный внутреннеазиатский номадизм в целом) является вторичным. Очевидно он сложился из двух основных источников: местной смешанной экономики, возможно, с некоторым скотоводческим уклоном, и номадизма евразийского степного типа. Влияние последнего сказывалось не только в виде

различных импульсов, но и прямых миграций. Время от времени степные кочевники искали убежища в горах Тибета, главным образом на северо-востоке, в Амдо и Северном Хаме (Kusmaul, 1962: 230 сл.; Roerich, 1974: 238). К сожалению, мы не знаем в точности, как рано это началось, по-видимому, уже в I тыс. до н. э.

Леттимор (Latifaoglu, 1967: 215) и Иквэлл (Ekvall, 1968: 11) предполагают, что китайский термин иян (Ch'iang), обозначавший в I тыс. до н. э. прототибетские племена пограничья, означает «пастух». По их мнению, эти племена еще не были настоящими кочевниками высокогорья и еще не одомашнили яков, хотя и разводили овец и крупный рогатый скот. Однако М. В. Крюков любезно сообщил мне, что обозначение барана в соответствующем иероглифе в принципе может восходить и к тотему. В то же время в китайских источниках имеются указания на то, что цян уже знали лошадей. Очевидно, часть цянов практиковала скотоводство степного типа до того, как она была вытеснена в глубь Тибетского нагорья. Но нагорье к моменту прихода цянов было уже заселено (Кычанов, Савицкий, 1975: 22—23). Поэтому domestикацию яка не обязательно связывать именно с последними.

Время появления киргизов на Памире и распространения у них яководства также не вполне ясно. Ясно лишь, что это произошло в средние века (Маанаев, 1963: 9—11). Бабур в своих мемуарах писал, что в горах между Шерганой и Кашгаром кочует племя чограк, которое вместо быков разводит кутасов (яков) (Захир ад-Дин Бабур, 1958: 44). Вероятно, предки киргизов заимствовали яков у тибетцев. В тибетских документах содержатся упоминания о киргизских племенах в притибетских районах в VIII — начале IX в. В средние века ареал расселения киргизских племен был шире, чем теперь. Он захватывал районы, прилегающие к Тибету и Кашмиру, включал горные районы, прилегающие к Хотану. И теперь еще в горах Куэнь-Лунь, на сравнительно небольшом расстоянии от Тибета, расселены мелкие группы киргизов (Абрамзон, 1971: 57). Наконец, можно привести мнение зоолога. «Расселение яка в Северной Киргизии, то есть в горах Тянь-Шаня, несомненно шло с юга на север. Это заставляет думать, что тянь-шаньский домашний як скорее всего происходит

из Тибета, а не из Монголии, тем более, что и южнее Киргизии, в Кашгарских горах и на Кокшаалтау, живут киргизы, занимающиеся разведением этого животного. Такого же, вероятно, происхождения и яки, разводимые киргизами на Алтае и на Памире... По морфологическим признакам алтайские яки также ничем не отличаются от тянь-шаньских, а те и Другие в свою очередь, ближе к тибетскому яку, чем к монгольскому» (Аус, 1930: 153).

Противоречивый характер номадизма проявляется во всех его аспектах, в том числе и в его происхождении. В главе I, рассматривая различные типы кочевого скотоводства, статично, в их уже сформировавшемся виде, я определил их как результат специализации и адаптации к определенному природному окружению, с ограниченными возможностями инноваций. Теперь, после рассмотрения его генезиса, это определение нуждается в определенных оговорках и пояснениях. Адаптационная пассивность кочевого скотоводства является относительной. Инновации происходили (например, распространение верблюдов в средние века и вытеснение бактрианов дромедарами и их гибридами), хотя и были сравнительно небольшими и отчасти вызывались нехозяйственными причинами (см. главу IV). Изменения уже сформировавшихся типов кочевого скотоводства в направлении дальнейшей адаптивной специализации, приспособлении к окружающей среде можно охарактеризовать как инволюцию, используя этот термин в том смысле, в котором его употребляет Сервис (Service, 1971: 97).

Кроме того, истории возникновения кочевого скотоводства в большей степени, чем истории его функционирования, присущи элементы активной адаптации к меняющимся природно-климатическим условиям обитания. Эта история включает в себя три основных момента: хозяйственно-технологические предпосылки, триггер — конкретный побудительный стимул перехода к номадизму, и социально-политический фон.

Под хозяйственно-технологическими предпосылками я понимаю такие изменения скотоводческого хозяйства, которые делают его потенциально способным и готовым к переходу к кочевому скотоводству. В зависимости от конкретных обстоятельств эти

предпосылки могли реализоваться, а могли и нет. Никакого детерминизма в возникновении кочевого скотоводства не было. Там, где оно все же возникало, причем по внутренним причинам, это не было результатом какой-либо закономерности (например, в развитии производящего хозяйства или связанной с повышением эффективности производства за счет специализации). Напротив, окончательный разрыв с другими видами производящего хозяйства, очевидно, был вынужденным. Инволюция, скорее, явилась следствием, а не причиной возникновения кочевого скотоводства. Именно поэтому я и считаю, что для возникновения кочевого скотоводства был необходим конкретный побудительный стимул. По-видимому, в большинстве случаев он был связан с климатическими сдвигами.

Таким образом, в противоположность Леттимору и его последователям я считаю, что номадизм в первую очередь возник в результате адаптации к природному, а не к культурному (социальному) окружению. Тем не менее последнее могло облегчить его роды, если было благоприятным, т. е. представляло возможности преодоления присущих номадизму экономических и социальных (о них см. главу III) трудностей.

Однако это лишь один из путей возникновения номадизма, который в основном может считаться недиффузионным. Таким путем, по-видимому, формировались евразийский степной, ближневосточный и северный евразийский типы номадизма, возникшие независимо друг от друга. Разумеется, под независимостью подразумевается лишь сам переход к кочевому скотоводству, не исключающий возможности заимствования домашних животных и соответствующих технологических навыков (т. е. того, что я включаю в хозяйственно-технологические предпосылки номадизма).

Второй путь возникновения номадизма можно охарактеризовать как преимущественно диффузионный, хотя и его история достаточно сложна и многогранна. Она включает в себя следующие основные моменты: первоначальный переход к номадизму в локально-ограниченных центрах в других экологических регионах; его дальнейшее распространение в благоприятных экологических зонах (в том числе за счет вытеснения других родов и видов хозяйства); цепной процесс распространения номадизма, вызванный

военным превосходством его носителей или иными причинами; способность кочевого скотоводства к трансформации в новых экологических зонах с соответствующей сменой видового состава стада, но сохранением прежней направленности хозяйства. Таким образом, диффузионный путь возникновения кочевого скотоводства не исключает самостоятельной адаптивной специализации. Но при нем она является не основной, а вторичной.

Средневосточный и высокогорный внутринеазиатский типы номадизма в основном можно считать диффузионными. Вопрос о номадизме восточноафриканского типа менее ясен. Надо к тому же отметить, что и там, где номадизм возник самостоятельно, он сперва появился в отдельных локальных центрах и лишь затем распространился по всему соответствующему региону. Таким образом, на практике оба выделенные пути происхождения кочевого скотоводства имеют некоторые общие черты.

В заключение я хочу обратить внимание на один биологический аспект проблемы. Наибольшими способностями к лабильности, трансформации и хозяйственной «экспансии» обладали мультиспециализированные типы кочевого скотоводства, в составе стада которых ведущую роль занимали животные с высокой морфологической пластичностью. Напротив, моноспециализированные типы, или типы, в составе стада которых ведущее положение занимали специализированные виды животных (олень, як, наконец, лама, если иметь в виду не только кочевое скотоводство), в основном остались эндемичными.

Глава III

Социальные предпосылки взаимоотношений номадов с внешним миром

Аборигенная модель (native model), научная модель и реальная действительность

Вопрос о том, насколько совпадает аборигенная (folk) модель социальной организации с реальной действительностью, каковы ее функции и т. д., не нов в антропологии, и не только в ней одной¹. Его практическое значение очевидно. Факт несовпадения стереотипов общественного сознания, т. е. тех представлений, которые общество имеет о самом себе, и его повседневной практической жизнедеятельности, *la société pensée* и *la société te vécu* [общество мыслящее и общество существующее], если пользоваться языком Леви-Стросса, известен достаточно хорошо. В то же время для любого исследователя социально-политической организации кочевников важно установить их подлинные характер и структуру.

По мнению Спунера (Spooner, 1973: 25, 26), «основная функция аборигенной модели социальной организации — позволить членам общества предсказывать их повседневные взаимоотношения друг с другом через посредство стабильных социальных групп, стабильных идентичностей, статусов и ролей». Подобное мнение имеет определенные основания. Надо лишь иметь в виду, что у кочевников аборигенную модель нельзя представлять как жесткий структурный каркас для фиксации малоизменяющейся реальности. Сам каркас — подвижен, и в соответствии со спецификой конкретной действительности приспособлен не только для статичного функционирования социальных форм, но и для их трансформаций

¹ См., например, многолетнюю дискуссию о трехсословном характере индоевропейского общества в связи с трудами Дюмезиля.

и изменений. Не случайно сами кочевники явно осознают структурные принципы своих моделей, но и в то же время нередко весьма смутно представляют их границы и отдельные детали.

Наконец, необходимо считаться еще с одним обстоятельством. Аборигенная модель является составной частью идеологии данного общества и поэтому не только отражает существующие в нем экономические, социальные и политические отношения, но и воздействует на них. Она включает в себя социализацию, легитимизацию, нормативность, селекцию и ряд других аспектов. При этом отражение не может быть полностью адекватным (общество не может полностью объяснить самое себя), а воздействие — абсолютно стихийным. В идеологии любого неэгалитарного общества имеются аспекты, отражающие частные интересы определенных групп, слоев и классов — возьмем для примера хотя бы легитимизацию власти, о которой сейчас много пишут антропологи, интересующиеся происхождением классов и государства.

Главными особенностями аборигенной модели у многих (но далеко не у всех) кочевников являются представления об обществе как разросшейся семье или минимальном линидже, принципе происхождения и генеалогии. Точнее, таковы некоторые обобщенные особенности многих аборигенных моделей, своего рода модель моделей, их инвариант. На самом деле каждое общество обладает своей моделью, и хотя имеются однотипные модели, но едва ли найдутся две абсолютно тождественные. К тому же в неэгалитарных обществах могут одновременно сосуществовать несколько аборигенных моделей или субмоделей.

Остается выяснить, с одной стороны, как конкретно соотносятся отмеченные черты аборигенной модели с различной практикой, а с другой — можно ли создать единую научную модель социально-политической организации кочевников. Предвосхищая содержание данной главы, на последний вопрос я склонен сразу же ответить: нет.

Разумеется, вслед за многими наблюдателями и учеными можно отметить, что социально-политическая структура наиболее развитых кочевых обществ евразийских степей, Ближнего и Среднего Востока приобретает вид приблизительно следующей схемы: семья — линидж или линиджи различной генеалогической

глубины — род — секция или секции — племя — племенная конфедерация. Но подобная модель является скорее грудой кирпичей, чем построенным зданием и едва ли много приближает нас к пониманию кочевого общества.

Прежде всего надо подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело не с аборигенной, а с научной моделью. Сами кочевники, прекрасно создавая многоступенчатость и иерархичность своей социальной структуры, тем не менее пользуются для обозначения соответствующих звеньев (сегментов) весьма недифференцированной терминологией, и отчасти это связано с их неполной функциональной дифференцированностью и изменчивостью.

У арабов термин *ашира* мог употребляться для обозначения самых различных звеньев (сегментов) социальной структуры, от линиджа, где он соответствует термину *хамула* и многим другим, до самых высших. Но у различных племен северо-западной Аравии совокупность нескольких *хамула* называлась *ашира*, а у других, наоборот, несколько *ашира* составляли одну *хамула* (Jaussen, 1908: 112 ff.; Vacon, 1958: 120—130; Першиц, 1961: 69—71).

На Среднем Востоке такая ситуация прослеживается уже в средние века. В сефевидском Иране для обозначения отдельных племен целиком и их различных подразделений употреблялись одни и те же термины самого различного происхождения: тюркский *иль* (э.ль_), арабская *тайфа* (*тауфа*), монгольский *аймак* (Петрушевский, 1949: 94—95). Та же неустойчивость и взаимозаменяемость терминологии отмечена и для многих других кочевников и полукочевников (см., например, Владимирцов, 1934: 59; Vacon, 1958: 116 про казахов и киргизов; Марков, 1976: 223 про туркмен; Трубецкой, 1966: 140—141 про бахтиаров; Barth, 1953: 36, 37, 46; Авдал, 1959: 152 про курдов; Pehrson, 1966: 18 про марри белуджей; Asad, 1970: 104 про кабабиш)².

² Правда, не исключено, что недифференцированность и, в частности, неустойчивость социальной терминологии кочевников будут выглядеть преувеличенными, если обращаться не к сравнительно крупным этническим группам в целом, а к их отдельным подразделениям. Последним, очевидно, свойственна более четкая и единая система наименований. И все же в данном случае факт несовпадения социальной терминологии представляется весьма примечательным.

Кроме того, кочевник, говорящий о своем обоке, *ашире*, *тире*, *хамуле* или *кабиле*, и ученый, переводящий эти термины на научный язык как клан, секция или племя, не только говорят на разных языках, но и мыслят различными категориями³. Для кочевника *обок* или *ашира* могут быть обозначением одной из многих групп происхождения (descent groups), к которым он принадлежит, и в зависимости от контекста эти термины могут обозначать единицы различного таксономического уровня. Для антрополога — клан или племя — научный термин для обозначения специфической, отличной от остальных формы социальной организации, неизбежно связанный с бременем определенной традиции (и инерции) научной мысли. И поскольку ни общепринятого определения этих терминов, ни универсального понимания определяемых ими форм социальной организации нет (и по-видимому, быть не может), антрополог еще должен объяснить, что реально означают секция, клан или племя в исследуемом им обществе. А если он к тому же стремится к генерализациям, он может задаться вопросом: каковы вообще функции клана или племени у кочевников.

Что же в таком случае остается от самой научной модели, по крайней мере до того, как эта процедура будет проделана? Только (одно: социальная организация соответствующих номадов имеет сложный и многоступенчатый вид и концептуализируется в понятиях родства и происхождения. И сам этот факт и все остальное еще нуждаются в расшифровке и объяснении. Но даже после выполнения этой процедуры за бортом остается слишком многое: производственные общины, территориальные образования, родственные группы, контрактные ассоциации и т. д.

Даже если стремиться создать структурно-функциональную модель социальной организации конкретного кочевого общества, необходимо предварительно выделить по меньшей мере два-три различных типологических и отчасти таксономических ряда или плана с различными функциями. Один из них хозяйственный или

³В данном случае меня интересует не различие между тем, что в антропологии получило название эмического (emic) и этического (etic) подходов, а его результаты, потому что ни один из этих подходов сам по себе не является конечным.

производственный (например, отдельное хозяйство — нуклеарная община⁴ — община второго порядка — (община третьего порядка) — кочевое образование). Второй — генеалогический (например, семья, точнее ее унилинейное ядро, — микролинидж — линидж — макролинидж — клан — секция — племя). Третий ряд, — собственно социальный, точнее, социально-политический, который включает в себя территориальный аспект (например, семья — семейно-родственная группа — субклан — клан — племя — племенное объединение).

Несмотря на свою сопряженность и переплетенность, несмотря на совпадение отдельных звений и частичное совпадение функций, выполняемых звеньев различных планов, сами эти планы — суть различные явления и смешение их, особенно в дескриптивных работах по социальной организации, недопустимо. Только после того как работа по их выделению будет проделана (а применительно к кочевым обществам она лишь только начинается), и конкретная модель создана, можно будет пытаться выделить некие инварианты однотипных моделей социальной организации различных кочевых обществ. Однако мои возможности и цели в этом отношении гораздо скромнее. Поэтому я останавлиюсь лишь на некоторых особенностях социально-политической организации кочевых обществ и лишь в аспекте, необходимом для главной темы этой книги. К сожалению, при этом не избежать полностью того самого смешения различных типологических планов, против которого я только что сам призывал, и вместо готового здания придется обращаться к отдельным блокам и даже кирпичам. Зато я собственным примером доказываю, что если критика и является разновидностью научного творчества, то, безусловно, самой легкой.

Наконец, применительно кномадам очень важным представляется еще одно обстоятельство. Неавтаркичность, я бы во многих случаях решился даже сказать антиавтаркичность, их хозяйства с неизбежностью влечет за собой неполную автономию их социальной и политической организации, равно как и их определенную

⁴ Определения употребляемых автором терминов даются далее в тексте.

культурную несамостоятельность. Последние определяются не только внутренними, но и внешними факторами, в частности характером взаимоотношений с внешним миром, уровнем развития и спецификой последнего. Не случайно кочевники иногда имеют общие социальные и культурные черты с земледельцами своего региона и в то же время отличные от кочевников других регионов I (Irons, 1979: 362). Все это, разумеется, не означает, что социальная организация номадов вообще не имеет никаких форм, непосредственно связанных с хозяйственной спецификой номадизма, вызванных к жизни экономическими потребностями последнего и опосредствованно — даже адаптацией к определенному природному окружению. Имеется в виду другое.

Не только социально-политическая организация любого кочевого общества в целом, но и многие ее конкретные формы могут и должны рассматриваться под двояким углом: изнутри, как непосредственно вытекающие из потребностей и особенностей функционирования собственного общества, и извне, как вызванные к жизни, полностью или частично, особенностями и потребностями его взаимоотношений с внешним миром.

Проблема собственности в кочевых обществах

Экономические отношения, существующие в кочевых обществах, покоятся на двух важнейших основаниях: частной собственности на скот и корпоративной собственности на пастбища.

Ни в настоящем, ни в прошлом не известно ни одного кочевого общества, в котором основная масса скота за редкими и незначительными исключениями (см. Першиц, 1959: 40 сл.) не принадлежала бы отдельным индивидам и/или их семьям. Затраты рабочей силы в экстенсивном скотоводстве в целом меньше, чем в земледелии, зато уход за животными менее обезличен, чем уход за посевами. Поэтому производственная специфика скотоводства такова, что его возникновение с самого начала должно было быть основано если не на частнособственнических, то на сугубо индивидуализированных в отношении владения и пользования скотом формах (Хазанов, 1975: 9, 93; Шнирельман, 1980).

С правовой точки зрения, частная собственность на скот у кочевников является безусловной, но в практическом отношении в большинстве кочевых обществ она дополняется различными формами реципрокации, а иногда и ре дистрибуции. (Редкое исключение — современные бахтиары, см. Digard, 1973: 48.)

Вопрос о собственности на ключевые естественные ресурсы в кочевых обществах, в первую очередь на пастбища, является более сложным. В советской антропологии он дискутируется уже несколько десятилетий. Некоторые ученые полагали и полагают, что в прошлом в наиболее развитых кочевых обществах собственность на пастбища, если не юридически, то фактически приобретала частнособственнический, конкретно — феодальный характер (см., например, Владимирцов, 1934; Потапов, 1954; Златкин, 1973; Лашук, 1973; Федоров-Давыдов, 1973; см. также Krader, 1979: 230). Другие ученые это мнение оспаривали и оспаривают (Толыбеков, 1959; Толыбеков, 1971; Шахматов, 1964; Марков, 1970; Марков, 1976; Хазанов, 1975; ср. Першиц, 1976). На мой взгляд, можно говорить лишь о тенденции к установлению частной собственности на некоторые виды пастбищ, и то лишь применительно к отдельным кочевым обществам, как правило, нового и новейшего времени, интегрированным с оседлыми обществами в одну систему, в которой кочевники политически оказываются в подчиненном положении (о современном положении в Африке см. Dahl and Hjort, 1979: 32—33). Но даже в них частная собственность на пастбища нередко связана с целым рядом ограничений и обычно является значительно менее полной и развитой, чем в соседних оседлых обществах.

Например, в евразийских степях тенденция к переходу отдельных пастбищ в частную собственность установилась *по мере* включения кочевников в состав Российской и Китайской империй, однако полностью она так и не была реализована.

У казахов Внутренней (Букеевской) орды в начале XIX в. хан Джангер, бывший, кстати, генерал-майором русской службы и получивший потомственное дворянство, захватывал сам и выделял своим приближенным земельные участки в частную собственность (Толыбеков, 1971: 388). Но такая ситуация была все же исключительной. Закон 1868 г. окончательно порывал с прежней поли-

тикой русского правительства, направленной на поддержку ханов и султанов, а всю землю казахов объявил государственной собственностью (Вяткин, 1941: 318).

В Монголии XIX — начала XX в. земля считалась собственностью маньчжурского государства, предоставленной в пользование монгольским военно-административным единицам. Майский (1921: 223, 269) отмечал, что «земля является общественной собственностью, которой фактически распоряжаются хошуны. Ни князья, ни высшие ламы, ни сам Богдо-Гэген не имеют особых, только им принадлежавших участков. Все пасут свой скот на равных основаниях». «В смысле кочевков, князь по общему правилу не имеет никаких привилегий; его скот пасется со скотом его подданных».

Однако контроль за использованием пастбищ, осуществлявшийся монгольской аристократией, все же значительно превышал традиционные формы. Уже в XIX в. Дуброво (1884: 7) отмечал про Северную Монголию: «Князья и тайджи, т. е. дворяне, пользуясь наравне с другими общинной землей, в то же время позволяют, себе выделять из нее лучшие куски, захватывают их в свою пользу, закрепляют за собой и строго следят, чтобы никто другой не пользовался будто бы их собственной землей. За нарушение же прав на землю, присвоенную без какого бы то ни было согласия общины, строго наказывают». Сходная картина наблюдается в: настоящее время кое-где на Среднем Востоке (см., например, Barth, 1964 b про белуджей).

Тем не менее корпоративная собственность на пастбища, присущая подавляющему большинству кочевых обществ, демонстрирует большее разнообразие, чем частносемейная и частноиндивидуальная собственность на скот. На одном полюсе мы встречаемся с ее такими, сравнительно простыми формами, когда земля и пастбища, т. е. вся территория, не только теоретически считаются принадлежащими кочевому образованию в целом, но и на практике отсутствует (или выражено слабо) фиксированное разделение этой территории между его различными подразделениями. Наилучшим примером в этом отношении служат кочевники Восточной Африки (Gulliver, 1955: 31; Spencer, 1965: 5; Dyson-Hudson R. and N. 1969:

78, 79, 88) или некоторые кочевники Судана (Cunnison, 1966: 27, 74; Asad, 1970: 13). Сходная ситуация отмечается у сомали (Lewis, 1955: 331—332), аль мурра (Coie, 1975: 28, 95), марри белуджей (Pehrson, 1966: 8) и других.

На другом полюсе мы имеем дело со случаями, когда верховная собственность на пастбища в кочевых обществах принадлежит всему кочевому объединению, но на практике они распределяются на правах владения или пользования между его различными подразделениями. Разумеется это всего лишь схема, но она опирается на обобщение фактического материала. Многочисленные примеры в изобилии отмечены у кочевников евразийских степей и Ближнего и Среднего Востока, исследователи которых неоднократно описывали конкретные особенности распределения пастбищ, а также колодцев, разграничение маршрутов перекочевки и т. п. При этом иногда возникали очень сложные формы расчлененных прав собственности, владения и пользования.

Подобный вид корпоративной собственности на пастбища в значительной степени сопряжен с регулированием и контролем их распределения и использования. Осуществление этих функций иногда предоставляет руководящему слою номадов определенные преимущества как социального, так и материального порядка, в частности возможность пасти свой скот на лучших пастбищах. Именно подобные привилегии принимаются некоторыми советскими учеными за доказательство наличия частной собственности на пастбища. Однако, несмотря на встречающиеся злоупотребления, в этом случае мы чаще имеем дело с отправлением общественно полезной функции управления и ее вознаграждением, чем со сколько-нибудь развитыми частнособственническими правами.

Например, последний тюркский каган имел пастбища, запретные для остальных кочевников. Однако пасшиеся на нем стада должны были служить пищей во время военных походов. Куруки — заповедные пастбища у средневековых тюрок и монголов, являлись своего рода общественным фондом на случай войн и стихийных бедствий (Бартольд, 1963а: 29, 34).

В некоторых кочевых обществах важное и самостоятельное значение приобретала собственность на колодцы и другие водные

источники. Она также представлена разнообразными формами, одни из которых более индивидуализированы, а другие имеют корпоративную форму или же приближаются к таковой.

Как правило, чем более индивидуализирован труд по устройству и поддержанию колодцев в порядке и чем больше требующийся для этого объем работ, тем более индивидуализированный вид приобретает собственность на них. Подчас она распространяется не на все кочевое общество, а лишь на его отдельные (обычно низовые) подразделения. В то же время индивидуальную или групповую собственность на колодцы трудно назвать частной, потому что по отношению к членам собственного кочевого общества она обычно не бывает сколько-нибудь полной. На практике она нередко ограничивается правом преимущественного пользования колодцем и первоочередного доступа к нему, но далеко не всегда и не при всех обстоятельствах исключает допуск других лиц и групп, и обычно не подразумевает плату за такой допуск. Очень многое здесь зависит от дефицита воды. Поэтому правила могут меняться от года к году и от сезона к сезону (ср., например, Ищенко и др., 1928: 65 про казахов; Марков, 1976: 224 про туркмен; Montagne, 1932: 72; Lippens, 1956: 184; Cole, 1975: 32, 86 про кочевников Аравии и Сирии; Stewart, 1973a: 382 про мавров; Evans-Pritchard, 1949: 36 про бедуинов Киренаики; Gulliver, 1955: 37; Spencer, 1966: 6 про кочевников Восточной Африки).

Наличие различных форм корпоративной собственности на ключевые ресурсы в кочевых обществах объясняется совокупным действием многих факторов. Одни из них преимущественно связаны с окружающей средой (большая или меньшая регулярность в выпадении осадков и соответствующая степень стабильности пере-кочевок, однородность или разнородность пастбищной территории, сезонные различия), другие — с хозяйственными факторами (видовой состав стада и особенности его выпаса, характер утилизации экологических ниш и зон), третьи прямо или косвенно — с численностью данного кочевого общества и его социальной организацией. Наконец, и в данном вопросе нельзя игнорировать взаимоотношения номадов друг с другом и с внешним миром.

Семья, хозяйство и община в кочевых обществах

Два института являются универсальными в любом кочевом обществе — семья и община. Наличие семьи не нуждается в доказательствах, поскольку она, очевидно, всегда существовала в любом человеческом обществе. Вопрос об общине заслуживает специального рассмотрения.

Но прежде всего о семье. Сравнительные материалы свидетельствуют о том, что численность ее у кочевников, как правило, невелика, а сама семья обычно не включает взрослых представителей более чем двух поколений. В большинстве кочевых обществ преобладают нуклеарные семьи, состоящие из мужа, жены, их неженатых сыновей и незамужних дочерей. Вариантом подобной семьи, широко распространенным, например, у евразийских степных кочевников является патрилокальная семья, в которой один из женатых сыновей, обычно младший, живет с родителями и наследует ту часть их собственности, которая остается после того, как остальные ее части были распределены между его старшими братьями [в англоязычной литературе такая семья получила название «stem-family»], (подробно об этом см. Хазанов, 1975: 94—98). Впрочем, такая семья распространена не только у кочевников евразийских степей (см. например, Stenning, 1959: 4, 47 про фулани; Barth, 1964: 12 про бассери).

За исключением разве что Восточной Африки, полигинические семьи у кочевников составляют сравнительно небольшой процент от общего числа. После смерти главы семьи они или распадаются на семьи, состоящие из матерей с их детьми, или частично входят в состав других семей — там, где согласно правилу левирата сын, брат или другой родственник умершего наследует его жен вместе с обязанностью заботиться о его малолетнем потомстве. В последнем случае распад первоначальной полигинической семьи лишь откладывается до того времени, когда подросшие дети выделяются и образуют собственные семьи. Иногда в силу каких-либо конкретных причин (например, потребности в рабочих руках в семье, богатой скотом, или нежелания делить семейное стадо) выдел женатых сыновей происходит только после смерти отца. Иногда братья (обычно от одной матери) продолжают вести совместное хозяйство и совместно владеть

скотом даже после смерти отца. Известны и другие формы расширенных семей. Но, как правило, все они только временно расширенные, а не постоянно сложные или большие семьи типа восточнославянской (*мир*) или югославянской (*задруга*), которые не разделялись по крайней мере на протяжении нескольких поколений и насчитывали десятки и даже сотни человек (Косвен, 1963).

У кочевников раньше или позднее, но раздел семьи происходит обычно в каждом следующем поколении. В этом отношении все известные у них формы семьи ближе к нуклеарной, чем к большой. Правда, утверждения о преобладании в том или ином кочевом обществе расширенных семей нередки. Однако анализ соответствующего материала обычно показывает, что подобные утверждения основаны на смешении двух различных институтов: семьи и семейно-родственной группы. Впрочем, отсутствие единого понимания расширенной семьи также могло добавить путаницы в этот вопрос.

Особенностью семьи кочевников является то, что чаще всего она совпадает с отдельным хозяйством. Поэтому главной экономической характеристикой семьи как отдельного хозяйства у кочевников является совместность производства (не исключая, разумеется, половозрастного разделения труда), совместность потребления, выражающаяся в безусловном праве на долю производственного продукта и наличие общей движимой собственности, нередко находящейся в распоряжении или под контролем главы семьи. Семья является единой и автономной, в идеале самообеспечивающейся экономической единицей. Даже там, где хозяйство и семья совпадают не полностью, как, например, у скотоводов Восточной Африки, даже там, где муж, жены и дети раздельно владеют скотом, до тех пор, пока они составляют одну семью, общесемейные интересы и потребности, нередко воплощенные в лице главы семьи, все же берут верх, хотя они отчасти могут расходиться с индивидуальными.

Так, у туркана хозяйство делится на дворы по количеству жен. За каждой из жен закреплено определенное количество скота, и она отдельно готовит пищу для себя и своих детей. Но в случае необходимости жены делятся своими запасами пищи;

мясо и кровь вообще распределяются среди всех членов семьи, а главе ее принадлежит конечное слово в распоряжении скотом (Gulliver, 1955: 128).

Как это ни странно, но семейно-родственная группа (она же, по терминологии различных ученых, патронимия, большая расширенная семья, микролинидж и даже клан) является одной из наименее изученных в теоретическом отношении, не имеющей общепринятого обозначения и просто плохо описанной формой социальной организации, хотя на практике с ней постоянно сталкиваются исследователи первобытных и традиционных обществ. Я понимаю под ней отдельные самостоятельные семьи, наиболее тесно связанные друг с другом отношениями родства, взаимопомощи, совместности проживания и т. п., ядро которых составляют ближайшие кровные родственники (микролинидж), ведущие происхождение от близкого предка и в прошлом нередко составлявшие одну семью, — родные и двоюродные братья, дяди, племянники и т. д.⁵ У кочевников семейно-родственная группа состоит из близкородственных семей, которые весь год или его часть кочуют вместе и оказывают друг другу взаимопомощь и взаимоподдержку. Не говоря уже о том, что такие группы устойчивы значительно меньше, чем отдельная семья, входящие в их состав семьи ведут раздельное хозяйство и раздельно владеют скотом. Семейно-родственная группа состоит из нескольких автономных экономических ячеек, не имеющих права автоматического притязания на собственность и труд друг друга. Поэтому смешение ее с расширенной семьей недопустимо.

Когда Николайсен (Nicolaisen, 1963: 146) пишет о наличии у туарегов Ахагара «расширенной семьи, которая сотрудничает в выпасе коз и различных других работах, животные находятся в индивидуальной собственности и каждый шатер или домашнее хозяйство обеспечивают прежде всего сами себя — как говорят туареги, «у них есть собственная сумка для взбивания масла и собственный мешок для проса», он по существу имеет в виду семейно-родственную группу.

⁵ В функционально-структурном анализе очень важно разделять экзогамные и неэкзогамные семейно-родственные группы. Однако сейчас это лишь увело бы меня в сторону от основной темы.

Расширенные семьи, но фактически семейно-родственные группы, Гулливер (Gulliver, 1955: 156) описывает у туркана. В то же время он отмечает, что основной экономической ячейкой общества туркана является нуклеарная семья, состоящая из мужа, его жен и детей, которая имеет отдельные элементы полигинической и патрилинейной расширенной семьи, потому что сыновья становятся полностью независимыми только после смерти отца. [Ср. его же описание соотношения семьи и семейно-родственной группы (primary kin group, the «extended family») у джи (Gulliver, 1955: 76, 81).]

Каннисон (Cunnison, 1966: 60) также пишет про расширенную семью у хумр баггара, чаще всего состоящую из сыновей умершего человека с их женами и потомством. Но и это скорее не семья, а семейно-родственная группа в предложенном понимании, потому что у хумр баггара «человек обязан заботиться прежде всего о своей нуклеарной семье; забота о расширенной семье идет второй по счету» (ср. Stenning, 1958: 93; Frantz, 1978: 105, 106 про фулани). В то же время Барт (Barth, 1962: 344—345; ср. 1964a: 74) у номадов Юго-Западной Азии, Першиц (1961: 69) у кочевников Аравии, Бессак (Bessac, 1965: 383) у монголов четко различают семью и семейно-родственную группу (см. также Swidler, 1973: 27; Glatzer, 1977: 130).

У кочевников евразийских степей с самого начала и до конца их существования как кочевников решительно преобладали нуклеарные семьи и их вариант — семьи, в которых младший сын оставался жить с родителями (stem-families) (Хазанов, 1975: 73—76). По свидетельству Рашид ад-Дина (1960: 107), «издревле у монголов и тюрок был такой обычай, что еще при жизни выделяют своих старших сыновей и дают им [добро], [скот] и [стадо овец]». В то же время наряду с такими семьями всегда существовали и семейно-родственные группы. Нередко члены их агнатного ядра именовали себя «детьми одного отца» (ср. казахское «эта баласы», киргизское «бир атанын балдары», туркменское «бир ата»), хотя на самом деле они включали в себя не только семьи братьев. Слово «отец» употреблялось в данном случае в смысле «ближайший предок» (Абрамзон, 1951: 153). Именно эти группы принимаются Бекон (Bacon, 1958: 57, 68-69, 84), Кредером (Kradler, 1963:

370—371) и Шинкевичем (Szyrkiewicz, 1975: 115—116) за расширенные семьи.

Изучая в свое время социальную организацию древних кочевников евразийских степей, я обратил внимание, что, судя по археологическим материалам, по мере развития у них седентаризационного процесса происходило увеличение размеров семьи и увеличение числа входящих в нее поколений. Обращение к сравнительному материалу показало, что подобное явление в евразийском степном регионе прослеживается вплоть до нового времени (Хазанов, 1975: 73 сл.). Оно отмечено также на Ближнем (Jausen, 1908: 11 ff.; Першиц, 1961: 89) и Среднем Востоке (Swidler, 1973: 37).

Намечается любопытная закономерность. В пределах одного культурного региона и сравнимого имущественного и социального уровня размеры семьи у кочевников обычно меньше, чем у полукочевников. Очевидно, это объясняется экономическими причинами. В кочевом скотоводстве производство в целом требует меньшего количества рабочих рук, чем в земледелии. Нехватка их в том или ином хозяйстве среднего достатка обычно имеет сезонный или временный характер, связанный с определенными домашними циклами. Отчасти она компенсируется существующими у кочевников институтами взаимопомощи. Может быть дополнительное воздействие на эти различия оказала также специфика скота как имущества, не нуждающегося в капитальных вложениях и продолжительных интенсивных трудовых затратах, движимого и легко делимого, подверженного резким колебаниям в численности и в то же время требующего сугубо индивидуализированного ухода. В традиционном, особенно ирригационном земледелии потребность в рабочих руках ощущается сильнее. Определенную роль могло играть также стремление замедлить процесс дробления недвижимой собственности — земли. В заключение любопытно отметить, что оседание охотников и собирателей также ведет к увеличению размеров семьи (Cohen R., 1978: 42—43).

Теперь об общине. И в англоязычной и в советской научной литературе этот термин (англ. community) является одним из самых полисемантических. (Перечень различных определений см. Webster. 1960, s. v.; Murdock, 1965: 79; Хазанов, 1975a: 3.).

Тем не менее во многих, если не в большинстве крестьянских обществ община представляет собой нечто большее, чем группу людей, непосредственно взаимодействующих друг с другом, которые в социальном отношении отдалены от других подобных групп. Помимо социальных, община в них имеет отчетливо выраженные производственные функции, связанные с интересами и потребностями непосредственных производителей.

Крестьянские общины представлены многими диахронными, хозяйственными, локальными и прочими вариантами. Кочевые общины разделяют с ними ряд общих черт, имея в то же время свои особенности.

Ни в имущественном, ни в производственном отношениях отдельные семьи и хозяйства в кочевых обществах не одинаковы, потому что они располагают различным количеством скота и рабочих рук, и количество это не остается неизменным. Проблема тем острее, что сами семьи у кочевников обычно малочисленные, а необходимое количество рабочих рук в хозяйстве подвержено сезонным колебаниям, не говоря уже о колебаниях, связанных с внутренним циклом существования индивидуальных семей. Осуществление полного производственного цикла (и тем более — нескольких циклов подряд) силами одного, среднего по своей зажиточности, хозяйства у кочевников, как правило, невозможно, во всяком случае крайне трудно. Хотя хозяйства кочевников не являются столь натуральными, как большинство крестьянских, особенно в докапиталистические эпохи, они все же в отличие от капиталистических фермерских хозяйств не могут вести производство самостоятельно, не вступая друг с другом в трудовую кооперацию и более широкие отношения взаимопомощи. Хотя эти отношения имеют различные проявления, кочевники, как и крестьяне, не могут производить без более или менее оформившейся системы таких отношений, которые составляют основу и сущность общины. По сравнению с ними другие факторы, благоприятствующие возникновению кочевой общины (например, отношение к ключевым ресурсам), являются второстепенными. Там, где существуют мелкие крестьянские хозяйства, возникает крестьянская община. Там, где существуют мелкие кочевнические хозяйства, возникает кочевая община.

Разумеется, и в различных кочевых обществах общины обладают существенными особенностями, а их значение в общей системе социальных связей не одинаково. Наиболее отчетливо кочевые общины функционируют у кочевников евразийских степей и Ближнего и Среднего Востока (Першиц и Хазанов, 1979).

Первая особенность общины в большинстве обществ, принадлежащих к номуадизму рассматриваемых типов, заключается в ее отношении к ключевым ресурсам. Обычно община лишь пользуется ими постольку, поскольку ее члены входят в состав того или иного кочевого объединения или его подразделения, которые и являются носителями соответствующих собственностиских прав.

Но не только собственность на ключевые ресурсы, особенно на пастбища, во многих кочевых обществах — расщепленная; даже пользование ими нередко является неполным и совмещенным. Так, в евразийских степях пастбищами, особенно летними, могли совместно пользоваться несколько кочевых групп, входивших в состав более крупного подразделения. Эти группы выступали то как самостоятельные общины, то как составные части общины более высокого таксономического уровня.

Например, про казахов-адаевцев наблюдатели отмечали, что «на летовках кочевки аулов большей частью смешиваются, особенно в пределах главных родовых групп» (Ищенко и др., 1928: 108). У киргизов зимники были более или менее закреплены за общинами, представленными небольшими группами близких родственников (аилами). Но летом аилы, принадлежавшие к одному и тому же подразделению, выпасали скот на пастбищах, находившихся в их совместном владении. Более того, иногда пути перекочевок нескольких подразделений перекрещивались, причем смежные участки считались их совместным владением (Плоских, 1972: 27—29).

Расчлененный характер собственности достаточно часто встречается и в оседлых обществах, например в античном (греко-римском) или феодальном. Но в них права собственности, владения и пользования были по крайней мере достаточно четко разграничены на горизонтальном уровне. В кочевых обществах они и здесь выступают весьма расплывчатыми, подчас являясь источниками внутренних конфликтов.

Вторая особенность кочевой общины, неразрывно связанная с первой, заключается в ее составном характере, своеобразной иерархичности ее структуры. С производственной стороны соседской общиной является уже небольшая, в евразийских степях и на Ближнем и Среднем Востоке редко превышающая 15—20 человек, группа самостоятельных хозяйств, совместно кочующих весь год или большую его часть, совместно выпасающих скот или в наибольшей степени связанных другими отношениями взаимопомощи, а иногда также взаимоответственности и взаимозащиты. «Киргизы (т. е. казахи. — А. Х.), — писал один из ранних наблюдателей, — редко кочуют большим числом в одном месте, ибо стадам их тогда бывает тесно, но составляют общества из нескольких семейств, связанных родством или взаимными выгодами, и, переходя вместе с одного кочевья на другое, не разлучаются без особенных причин. Такое подвижное селение называют они аул; количество кибиток в нем зависит от случая» (Левшин, 1832, ч. III: 24). Казахские аулы насчитывали 2—4, редко более 8 хозяйств (Семенюк, 1973: 44), и подобная численность их оставалась неизменной вплоть до принудительной коллективизации и седентаризации в 30-х гг. нашего столетия (Брискин, 1929: 11). У монголов в 30-х гг. XX в. наиболее распространенными были общины, состоящие из 5—6 хозяйств (Симуков, 1933: 23).

Иногда подобные общины первого порядка, которые можно назвать нуклеарными кочевыми общинами, совпадают с семейно-родственными группами. Но это совсем не обязательно. Нередко они состоят не только из агнатов и их семей, но и из когнатов, свойственников и лиц, связанных лишь дальним родством, и то не всегда (см., например, Зиманов, 1958: 77 про казахов; Коль (Cole, 1975: 48, 63) про аль мурра; Барт (Barth, 1964: 21) про бассери; Персон (Pehrson, 1966: 72 ff.), Пастнер (Pastner, 1971: 75) про белуджей; Льюис (Lewis, 1965: 333—334) про сомали).

Примечательно, что нуклеарные общины временами выделяются и самими кочевниками, иногда имеющими для них специальные наименования: *аал* и *тот* у тувинцев, *аил* или *аул* у киргизов и казахов, *хотон* у калмыков, *дар* у аль мурра. Значительно чаще, однако, в силу обычной полисемантичности социальной термино-

логии у кочевников, для обозначения подобных общин пользуются терминами, используемыми для обозначения групп, объединяемых общностью происхождения или родственных групп, например, *хамула* у арабов или *оба* у туркмен (ср. Tapper, 1979: 59).

У многих кочевников несколько общин первого порядка объединены в общину второго порядка, члены которых в определенные сезоны совместно используют одни и те же пастбища и/или водные источники, осуществляют совместные перекочевки и связаны различными социальными, родственными и другими связями, а иногда и определенными видами взаимопомощи. Наконец, в некоторых случаях несколько общин второго порядка могут составлять общину третьего порядка с соответствующими правами на естественные ресурсы, дополняемыми различными иными связями.

Так, у калмыков низший уровень общины составлял *хотон*, состоявший из группы близкородственных семей. Родственные *хотоны* объединялись в *терл* (*терлмюд*) и *арван*, члены которых обычно стремились кочевать неподалеку друг от друга. Следующий уровень представлен *анги* и *аймаком*, земли которых имели специальное обозначение — «оток», т. е. район с более или менее очерченными границами (Небольсин, 1852: 7—8; Эрдниев, 1970: 122, 209—211).

Подобные же три уровня общинной организации описаны Пастнером (Pastner, 1971: 175—176, 180) на примере белуджей округа Мекран в Пакистане. Автор называет их соответственно кочевой лагерь (*nomadic camp*) — от 2 до 6 нуклеарных семей, микро-скотоводческая орбита (*micro-pastoral orbit*) — до 10 лагерей, приблизительно 200 человек, и макро-скотоводческая орбита (*macro-pastoral orbit*).

То, что Эванс-Притчард (Evans-Pritchard, 1949: 56; ср. Peters, 1967: 262; Peters, 1960: 31) называет расширенными семейными группами *биют* (*biyut*) у бедуинов Киренаики, на самом деле является различными уровнями кочевой общины. Это явствует из его же описания: «Их члены живут на одной и той же части племенной территории, мигрируют во время дождей на одни и те же пастбищные земли, пользуются одними и теми же колодцами во время засушливого сезона и культивируют смежные поля. Члены

биюта обладают ярко выраженным чувством солидарности... Они совместно отвечают за дурной поступок, совершенный одним из их членов. Небольшой биют чаще совпадает с лагерем, состоящим обычно из 5 — 10 шатров на пастбище; а когда в летний период несколько близкородственных лагерей располагаются рядом друг с другом, вблизи от источников и колодцев, то общее количество лагерей иногда переваливает за сотню шатров».

У туарегов Ахаггара нуклеарная община состояла из 2—7 семей. В благоприятный сезон несколько таких общин объединялись во вторичную, насчитывающую от 10 до 20 семей. Она являлась кооперативной единицей в совместном выпасе верблюдов и караванной торговле, для которых не хватало рабочих рук, которыми располагала первичная община (Nicolaisen, 1963: 146). Третья особенность кочевой общины: текучесть ее состава, в целом значительно большая, чем в крестьянских общинах, во всяком случае в большинстве последних (ср. Spooner, 1973: 14—15). В отличие от многих крестьянских общин, в кочевых — отсутствует такой признак, как постоянность совместного проживания, в данном случае — кочевания. В зависимости от различных причин, в том числе времени года, численности стада, продуктивности пастбищ, состояния водных источников, члены кочевой общины могут кочевать совместно или раздельно. Даже различные семьи, входящие в состав нуклеарных кочевых общин, далеко не всегда кочуют вместе.

Невозможность совместного выпаса большого количества скота была отмечена уже в Библии, повествующей о разделении Авраама и Лота (Бытие, 13: 6—11).

Помимо этого тот баланс, о котором писалось в главе I, имеет не только общий аспект, относящийся к кочевому обществу в целом, но и частный, касающийся отдельных хозяйств, находящихся, например, в различных стадиях их внутреннего цикла. Этот второй аспект баланса, связанный с кратковременными микроколебаниями его составляющих, имеет следствием соответствующие колебания и изменения в численности, составе и структуре кочевых общин. Экономические проблемы, потребность поддержания и укрепления социальных связей как родственного, так и контрактного типа

и т. п. также оказывали воздействие на численность и степень текучести кочевых общин. Нельзя сбрасывать со счетов и политический аспект их функционирования.

В частности слабость и децентрализованность кочевых образований, отсутствие надежных гарантов безопасности в лице государства или собственной военно-политической организации могут порождать тенденцию к интеграции общин. Напротив, относительная безопасность может вести к их дезинтеграции. В XII в., который для монголов был временем постоянных междоусобиц, они нередко кочевали куренями (Рашид ад-Дин, 1952а: 86). Дискуссия об их сущности ведется уже несколько десятилетий. На мой взгляд, в одной из своих функций они являлись иногда общинами второго порядка, но внутренне дифференцированными в социальном отношении и весьма сложными по составу. По мере установления внутреннего порядка, у монголов стал господствовать айильный способ кочевания, т. е. кочевание нуклеарными общинами.

В XVIII в. из-за напряженной политической обстановки значительное число казахских аулов также предпочитало передвигаться сообща (Толыбеков, 1959: 206). Но подобные объединения нескольких нуклеарных общин имели временный характер и распадались с наступлением затишья (Зиманов, 1958: 70—71).

Конечно, расщепленный характер собственности на ключевые ресурсы и вертикальная структура самих общин облегчают переход из одной в другую и образование новых общин. Не случайно большинство подобных переходов совершается в пределах общин более высокого таксономического уровня. Например, у казахов XIX в. нередко были случаи, когда члены одного и того же подразделения, совместно пользовавшиеся (или владевшие) определенной пастбищной территорией, образовывали несколько кочевых общин, но сравнительно легко переходили из одной в другую (Шахматов, 1964: 66 сл.). То же самое отмечает Суит (Sweet, 1965: 137) про кочевников Северной Аравии, у которых группы, основанные на минимальных линиджах (т. е. нуклеарные общины), отдельные семьи и даже родные братья могут отделиться от сородичей и кочевать самостоятельно или же присоединиться к другим группам.

Отмеченное обстоятельство связано с еще одной особенностью кочевых общин, встречающейся, впрочем, и в некоторых некочевнических обществах (об этом см. Хазанов, 1975а: 6; Першиц, 1978: 155). Эта особенность заключается в том, что в структурном отношении общины нередко покоятся на отношениях родства и общности происхождения. Во всяком случае связанные ими лица чаще всего составляют ядро кочевых общин (ср. Тарпер, 1979: 59). Может возникнуть вопрос: если кочевая община покоится на отношениях родства и происхождения, то не является ли она не особым институтом, а всего навсего одним из социальных или генеалогических подразделений соответствующего кочевого общества? Если брать существо дела, то на него надо ответить отрицательно. Несмотря на оболочку родства и общности происхождения, содержание кочевой общины прежде всего производственное, и экономическую основу ее составляют частная собственность на скот и самостоятельное производство, ведущиеся отдельными домохозяйствами.

Любопытно отметить, что иногда даже кооперация и взаимопомощь в кочевой общине как бы идут по двум линиям: собственно соседской, и тогда они имеют по преимуществу производственное; назначение, и по родственной (например, уплата брачного выкупа, участие в кровной мести и пр.), больше связанной с социальными функциями. Поэтому состав лиц, на которых распространяются обязанности взаимопомощи обоих видов, не всегда совпадает. В родственной взаимопомощи, например, могут участвовать лица, кочующие в различных общинах.

Это хорошо видно, в частности, на примере кочевников Северной Аравии. Считается, что при таких работах, как остриг овец, обязаны помогать все соседи (Musil, 1908: 285). В то же время помощь по случаю празднеств, связанных с обрезанием или свадьбой и особенно при уплате выкупа за кровь, считалась делом главным образом родственников, в особенности *хамса*, т. е. членов одной из родственных групп (Hess, 1932: 32; Musil, 1928: 48; Daghestani, 1932: 202).

Нуклеарные кочевые общины под различными наименованиями выделены и описаны антропологами у многих кочевых народов. Например, Эванс-Притчард (Evans-Pritchard, 1949: 56) и Питере

(Peters, 1960: 35) пишут про «лагеря» (третичные сегменты) у бедуинов Киренаики; Николайсен (Nicolaisen, 1963: 146 ff.) про «лагеря» у туарегов; Торри (Топу, 1976: 272) про «поселения» у габра; Ауад (Awad, 1962: 333) про «объединения» у номадов Среднего Востока; Барт (Barth, 1962: 345) про «кооперативные пастушеские единицы» у номадов Юго-Западной Азии; Барт (Barth, 1964: 25) про «пастушеские единицы» у бассери; Персон (Pehrson, 1966: 71) про «лагеря» у марри белуджей; Солцман (Salzman, 1971: 186) про «местные общины» у шах навази белуджей; Свидлер (Swidler, 1973: 27, 30) про «лагеря» у брахуи и белуджей (ср. «группировки в целях удовлетворения насущных потребностей» Спунера (Spooner, 1973: 26) или «локальная группа по совместной эксплуатации природных ресурсов» Дайсон-Хадсона (Dyson-Hudson N., 1972: 11). Однако при этом нередко упускается из вида, что подобные нуклеарные общины обычно являются всего лишь автономной и наиболее заметной составной частью более широкой общинной системы у кочевников.

Противоположная тенденция характерна для интересной статьи Таппера (Tarper, 1979). Его «пастушеские единицы» по существу совпадают с нуклеарной общиной. Таппер (Tarper, 1979: 49), как и я, полагает, что «пастушеская единица» у номадов в первую очередь является экономическим институтом. Однако поскольку для него «основная кочевая община» — это прежде всего «сравнительно стабильная», «основная социологическая единица», «базовая политическая единица», то он называет общиной только то, что я рассматриваю как общины второго или третьего порядка.

Например, он пишет (Tarper, 1979: 50), что у бедуинов аль-мурра — община — это «летний лагерь, который группируется вокруг своего собственного колодца». Но Коль (Cole, 1975: 42, 63), данными которого пользовался Таппер, выделяет еще и *дар* (dar) — по существу нуклеарную общину, хотя и не стабильную, но совместно кочующую часть года, состоящую из нескольких хозяйств (*байт*), отдельно пасущих скот, но совместно питающихся⁶ и связанных узлами взаимозащиты, которые крепче кровного родства.

⁶ Это показывает, что кооперация у кочевников может принимать различные формы.

Точно так же «лагеря» бассери, которые Таппер (Tarpey, 1979: 54) вслед за Бартом (Barth, 1964: 25) считает «основными общинами кочевого общества бассери», на мой взгляд, представляют собой общины второго порядка. Первичной (нуклеарной) общиной является «кооперативная пастушеская единица», объединение из 2—5 хозяйств для совместного выпаса скота (Barth, 1964: 21—23, 42).

Может показаться что вопрос о том, что считать первичной, а что вторичной общиной, является надуманным, напоминающим дискуссию свифтовских остроконечников и тупоконечников. На мой взгляд, это не так. Первичная община в первую очередь и чаще всего возникает из производственных нужд, пусть не всегда постоянных, выраженных с большей или меньшей отчетливостью и по-разному проявляющихся. В то же время общины второго и третьего порядка в функциональном отношении не являются столь однородными. В одних случаях они (или их ядро) основаны на совместном владении или пользовании ключевыми ресурсами, в других — преимущественно на выполнении социальных (и политических) функций.

В номадизме других типов община хотя и существует, но выявляется не всегда столь же отчетливо, как в номадизме рассмотренных типов.

Например, у суданских кабабиш и хумр багара прослеживается только первичная община, и то очень неустойчивая по своему составу, который может меняться каждый год (Asad, 1970: 20, 128; Cunnison, 1966: 9, 42, 59 f.). В то же время у фулани нуклеарная община имеет вполне отчетливый вид. Ее ядро составляет «агнатная линиджная группа», состоящая не более чем из трех поколений (около 20 семей, приблизительно 100 человек). В основном нуклеарная община, хотя и не обязательно полностью, совпадает с семейно-родственной группой. Она обладает хорошо определенными корпоративными правами на пастбища и водные источники, члены ее весь год или большую его часть кочуют вместе и связаны различными узами кооперации и взаимопомощи. Подобные общины объединяются в общины второго порядка, совместно кочующие в дождливый сезон (Stenning, 1959: 38, 41, 50, 52—53; Slenning, 1965: 36/, 378—379, 383). В то же время, у габра, которых в целом

можно отнести к северо-восточному африканскому подтипу номадизма ближневосточного типа, три уровня общины достаточно заметны (Топу, 1976: 272—280).

У кочевников Тибета отчетливо выявляются два уровня общины, причем нуклеарная — часто совпадает с семейно-родственной группой (Ekvall, 1968: 28).

Гораздо слабее представлена община в номадизме восточно-африканского типа, в котором экологические обстоятельства вызывают необходимость в том, чтобы любое хозяйство имело возможность по своему усмотрению пользоваться любыми пастбищами на всей территории, принадлежащей данному обществу. Однако и у них помимо системы социальных связей, направленных на экономическую безопасность, существует производственная взаимопомощь между отдельными хозяйствами, основанная на контрактных отношениях родственного или партнерского типа, хотя эти отношения не являются постоянными.

Так, у самбуру община существует в виде «небольших поселений», объединяющих 4—10 хозяйств, в большинстве своем родственных. Состав таких общин может меняться после каждой перекочевки, но все входящие в нее хозяйства связаны узами производственной кооперации и социальной взаимопомощи, без которых они не могут обойтись (Spencer, 1965: 6, 8, 9, 12, 15, 16, 20, 22—23; Spencer, 1973: 24—25). У каримоджонг имеются непостоянные скотоводческие лагеря — объединения, возникающие ради «безопасности и общения» (Dyson-Hudson R. and N., 1970: 110). Также и у туркана, хотя отдельные хозяйства редко проводят весь год в одной общине, само наличие последней трудно отрицать. Прослеживаются даже несколько ее уровней — «основное соседство» (2—3—5 хозяйств) — кооперативная производственная единица; «вторичное соседство» (5—20 хозяйств), «основанное на пользовании общим водным источником и частом использовании общих пастбищ, предполагающем временное фактическое исключение Других людей»; и даже «третичное соседство», связанное некоторыми социальными узами (Gulliver, 1955: 11—12, 33, 37, 43).

У оленеводов Северной Евразии община прослеживается весьма четко (Броднев, 1959: 75; Vorren and Manker, 1962: 143—144;

Общественный строй..., 1970: 405-412; Васильев, 1976: 331—332; Крупник, 1976а: 63—64). У ненцев и чукчей в конце XIX — начале XX в. она имела два уровня, у саами — один, хотя имеются указания, что у некоторых групп последних весной и летом нуклеарные общины «имеют тенденцию объединяться в более крупные единицы» — т. е. общины вторичного порядка (Whitaker, 1955: 62).

Нуклеарная община (стойбище, по саами *сиуда* [si'i'da], поненецки *парма*), представляла собой объединение 2—5 хозяйств (10—25 человек), для совместного выпаса оленей. Помимо чисто производственных нужд совместный выпас нередко вызывался экологическими причинами. В летний период, когда животные страдают от гнуса, комаров и оводов, большое стадо легче сохранить, чем маленькое, потому что из большого оленя не разбегаются, а сбиваются в кучу и «кружат» (*Общественный строй...*, 1970: 396).

У ненцев группа соседних стойбищ часто, хотя и не всегда, связанных узами родства и свойства и отношениями взаимопомощи, представляла собой общину второго порядка (100—250 и более человек). В пределах этих общин были обычны переходы из одного стойбища в другое.

У чукчей — нуклеарная община — стойбище, иногда совпадала с *варатом* (дословно «собрание живущих вместе»), объединением 10—15 семей. Но в других случаях варат был летним объединением нескольких стойбищ (Долгих и Левин, 1951: 102—103).

Родство и происхождение в кочевых обществах

В 110 главе Ши цзи, посвященной сюнну, Сыма Цян приводит любопытную историю, связанную с именем основателя их государства — Маодуня. Соседи сюнну — дунху, потребовали у него лучшего коня, затем любимую жену и, вопреки мнению приближенных, Маодунь отдал их ради мира. Но когда дунху потребовали у сюнну пустующую территорию, а приближенные советовали отдать ее, разгневанный Маодунь ответил: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее» и отрубил головы всем, советовавшим уступить (цит. по Таскин, 1968: 38—39).

Хотя история, очевидно, имеет легендарный характер, она весьма поучительна. Номадам отнюдь не чуждо представление о принадлежности территории тому или иному объединению. Специфика заключается лишь в том, что территориальные связи в их обществах обычно не проявляются в чистом виде, а опосредствованы и реализованы в отношениях родства (псевдородства). Очевидно, сама подвижность кочевников ограничивает развитие непосредственных территориальных и соседских связей, тем самым оставляя родство в качестве наилучшей альтернативы для выражения социальных отношений.

Конечно, простая констатация того факта, что конфигурация кочевых обществ повсюду (или почти повсюду) основана на родстве (ср. Sprouer, 1973: 28), мало что говорит. Во-первых, отношения родства (псевдородства) как структурная основа социальной организации, характерны не только для кочевых, но и для многих других обществ, основанных на иных системах хозяйства. Во-вторых, родство только до известной степени определяет даже общую конфигурацию основанных на нем обществ, оставляя значительную свободу для конкретных форм социополитической организации. Собственно говоря, именно такая картина и наблюдается у кочевников.

Поэтому применительно к ним необходимо одно уточнение. Все та же подвижность кочевников и перманентная нестабильность скотоводческой экономики вызывают к жизни текучую социальную организацию, способную к перестройке и обладающую для этого соответствующими сегментационными способностями. Наиболее подходящим для этого принципом в большинстве кочевых обществ оказывается происхождение, в котором концептуализируется структурообразующая роль отношений родства. Благодаря его применению, сложный и многоступенчатый характер социальной организации кочевников часто выражается в совокупности отдельных сегментов: дискретных групп, объединенных общностью происхождения различной генеалогической глубины и, в случае необходимости, способных к разделению или слиянию как по горизонтали, так и по вертикали. Впрочем, сама сегментация не обязательно должна быть связана с представлениями об общности происхождения, охватывающей всех членов данного общества.

Однако утверждение о том, что для социальной и политической организации кочевников в качестве структурообразующие™ важнейшее значение имеет принцип происхождения, опять-таки нуждается в целом ряде уточнений и оговорок. Во-первых, в наибольшей степени это утверждение применимо только к чистым кочевникам; уже у полукочевников и тем более у экстенсивных скотоводов картина иногда может быть другой. Во-вторых, сам принцип происхождения не исключает и не может исключать непосредственной реализации отношений родства. Я уже обращал внимание на то, что не все формы социальной организации у кочевников приобретают вид групп, основанных на общности происхождения и не все они комплектуются на основе единого принципа происхождения.

Даже оставляя в стороне контрверзу между аборигенной моделью и реальной действительностью, между идеологией и общественной практикой, можно сказать, что родство и происхождение в рассматриваемых обществах не только оперируют преимущественно в разных сферах и на различных уровнях, но отчасти имеют различную функциональную направленность. Ибн-Халдун отчетливо осознавал эти различия, когда писал, что *асабия*, основанная на реальном родстве, сплачивает значительно сильнее, чем принадлежность к одному племени (Ibn Khaldoun, 1863: I, 275). «Причина заключается в том, что цели групповых чувств — защита и нападение, могут быть реализованы только на основе общего происхождения ...кровные и другие близкие родственники помогают друг другу, в то время как чужие нет» (Ibn Khaldoun, 1967: 147—148)⁷.

⁷Правда, Ибн Халдун не менее ясно осознавал относительность родственных связей как таковых. Поэтому далее он писал: «Клиентные отношения и контакты с рабами или союзниками оказывают такое же воздействие как и отношения на основе общности происхождения. Последствия общего происхождения, хотя и естественные, отчасти все же являются воображаемыми. В действительности, ощущение близости дают социальное общение, дружеские связи, долгое знакомство и тесная компания, которые создаются когда растут вместе, имеют одну кормилицу и делят все обстоятельства жизни и смерти! Если тесные контакты устанавливаются таким путем, их результатом станут привязанность и сотрудничество» (Ibn-Khaldun, 1967: 148).

Низшие подразделения различных типологических планов, в первую очередь связанные с социальными, экономическими и в более узком отношении — производственными нуждами, покоятся на родственных и контрактных отношениях (о роли последних см., например, Spooner, 1973: 25—26; Marx, 1977: 356, 357; Marx! 1978: 61 ff.). Высшие подразделения, имеющие преимущественно социополитические функции, отчасти включающие функции гарантов или держателей корпоративных собственнических прав на ключевые ресурсы, основаны на принципе происхождения (Spooner, 1973: 24; Barth, 1973: 18).

Но и это только одна сторона дела. Родство регламентирует отношения внутри сравнительно небольшого количества людей, медирует положение индивида в системе горизонтальных связей, преодолевая дискретный характер различных групп, объединенных общностью происхождения. Происхождение регламентирует отношения между различными группами и одновременно устанавливает принадлежность к данному обществу в целом и его конкретным подразделениям. И не только саму принадлежность, но и соответствующие права и обязанности, а иногда и социальные позиции. Родство социализирует позиции индивида в обществе, происхождение их легитимизирует (см. Marx, 1977: 358—359).

Сам принцип происхождения в кочевых обществах проявляется двояко: в генеалогиях (*genealogical descent*) и в представлениях об общности происхождения всех членов данного общества. Едва ли надо объяснять, что оба эти его проявления не обязательно должны полностью совпадать друг с другом.

К тому же их функции, хотя и неразделимы полностью, но совпадают тоже не во всем. Генеалогии важны для формирования групп, объединенных общностью происхождения и определения их взаимоотношений. Представление об общности происхождения служит идеологическим обоснованием общественной интеграции.

Так, все афганцы считают своим предком Каиса (Абдул Рашида); его сыновья, внуки и правнуки рассматриваются как основатели всех крупнейших афганских племен (Elphinstone, 1819, I: 248, 253; Рейснер, 1954: 52, прим. 2; Spain, 1963: 41; Glatzer, 1977: 107 ff.). Все сомали возводят свое происхождение к Акуил

АбуТаалибу — кузену пророка и брату Али (Lewis, 1961: 12), туркмены — Огуз-хану (Абу-л-Гази, 1958: 40), буряты — к Баргу-Баатуру (Humphrey, 1979: 247). (См. также Cunnison, 1966: 111 про хумр баггара; Evans-Pritchard, 1949: 55; Peters, 1960: 29 про бедуинов Киренаики; Salzman, 1971: 186 про шах навази белуджей.)

В то же время самбуру четко осознают различное происхождение отдельных кланов и субкланов (Spencer, 1965: 77), и примечательно, что связи между этими подразделениями весьма слабы. У фулани также нет представления о том, что все члены клана происходят от одного предка (Stenning, 1959: 53—54).

Хорошим примером того, как соответствующие идеологические потребности вызывают представление об общности происхождения, служат казахи. Монголы разрушили социальную организацию тех тюркоязычных кочевников, которые считаются основными предками казахов, перетасовали их подразделения, вызвали значительные этнические перегруппировки в евразийских степях. Но как только кочевые группы различного происхождения, из которых образовался казахский этнос, обособились в политическом, а затем на этой основе и в этническом отношении, у них возникло стремление искусственно возвести свое происхождение к одному общему предку который, правда, не успел получить всеобщего признания (Левшин, 1832, II: 25—31; Харузин, 1889: 26—27; Гродеков, 1889: 2—3; Аристов, 1894: 394—397; Чулошников, 1924: 199; Абрамзон, 1951: 138; Васон, 1958: 67). Однако выработка соответствующих генеалогий по ряду причин, в первую очередь слабости и неустойчивости казахских политических образований, отставала. В результате единая генеалогическая схема, способная обосновать представление об общности происхождения, создана не была.

В евразийских степях в послемонгольскую эпоху нередко тюркоязычное кочевое племя состояло из первоначального монголо-язычного ядра, к которому примыкали отдельные подразделения различных тюркоязычных племен. Со временем монгольским осталось только название. Такова, например, история известного узбекского племени конград (кунград). Тем не менее все члены нового образования возводили свое происхождение к одному предку.

Сходная картина наблюдалась у некоторых кочевых племен Ближнего Востока (Musil, 1908, Bd. III: 112 ff.; Philby, 1922, II: 176; Першиа, 1961: 86—87).

Кроме того, представления об общности происхождения могли иметь еще одно назначение, которое условно можно назвать внешнеполитическим. Они освящали отношения между различными кочевыми образованиями, устанавливая между ними квазиродство, или отсутствие такового. Когда после монгольских завоеваний судьбы тюркоязычных и монголоязычных кочевников оказались тесно переплетенными друг с другом, возникло представление об общности их происхождения. Оно было зафиксировано Рашнд-ад-Дином (1952а: 76, 77; ср. Васон, 1958: 55), но едва ли являлось всего лишь изобретением самого ученого политика. По мнению рвала, все племена аназа имеют общего предка. Поэтому они рассматривают их как своих бени аль-амм, двоюродных братьев по отцовской линии (Jaussen, 1908: 111 —112). Мне кажется, что Солцман (Salzman, 1975: 627) подчеркивая, что «линиджная идеология в стабильные времена является резервной социальной структурой», несколько ограничивает как ее потенциальные возможности, так и практическое применение.

Генеалогический принцип чрезвычайно удобен для кочевников не только для формирования групп, объединенных общностью происхождения. По существу, он имеет полифункциональное назначение, и этим объясняется его распространенность и живучесть. Благодаря генеалогиям и соответствующим сознательным или бессознательным манипуляциям ими, их способности к сужению или расширению, расщеплению и слиянию в зависимости от практических потребностей и конкретной исторической действительности, социальная организация в целом и ее различные типологические планы в идеологическом отношении приобретают необходимую гибкость, способность к реорганизации применительно к новым условиям, но с сохранением структурообразующих принципов.

Для тюркоязычных кочевников евразийских степей характерно, что количество вертикальных сегментов генеалогического ряда не было постоянным. Происходила постоянная перестройка генеалогии-

ческой структуры, с чем нередко сталкивались ученые, констатирующие расхождение в составленных ими генеалогических таблицах одних и тех же племен.

У хумр баггара большинство подразделений, от минимального линиджа до секций, на которые разделяется племя, могут легко менять свое положение в общей структуре, которая так же легко к этому приспосабливается (Cunni-son, 1966: 10).

В литературе можно без труда найти много примеров того, какое значение придается генеалогиям во многих кочевых обществах. Еще Рашид-ад-Дин (1952а: 29) писал: «Обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия [насаб] каждого появляющегося на свет ребенка... Ни у одного из других племен, исключая монголов, нет этого обычая, разве лишь у арабов, которые [тоже] хранят [в памяти] свое происхождение». И далее. «Так как у них (т. е. монголов. — А. Х.) нет ни религиозной общины [миллат], ни веры [дин], при помощи которых они наставляли бы дитя, подобно другим [людям], на праведный путь, то каждому народившемуся дитяти отец и мать объясняют предание о роде [кабила] и родословной [насаб]». У сомали каждый знает свою генеалогию, насчитывающую 20—30 поколений (Lewis, 1961: 128; Lewis, 1962: 40).

Еще одна из функций генеалогий — легитимизация социального неравенства в аборигенной, уже неоднородной модели. (Этот аспект хорошо исследован Хэмфри (Humphrey, 1979) на примере бурят.) Так, хотя все скифы считались потомками Таргитая, происхождение различных неравноправных подразделений их общества связывалось с различными сыновьями героя-первопредка (Herodotus, IV. 5—6; см. также Khazanov, 1978: 426). Нередко именно аристократия культивирует знание генеалогий и манипулирует ими, чтобы идеологически обосновать свои руководящие позиции (см., например, Stewart, 1973а: 379 про мавров). Гродеков (1889: 12) писал про казахов и киргизов, что в отличие от аристократии «бедные не знают, кроме названий своих прямых предков и своего рода и колена, ничего об отдаленных разветвлениях родства». На полвека раньше об этом же писал Левшин (1832, ч. III: 11).

Несколько перефразируя афоризм Оруэлла, можно сказать про кочевников: тот, кто контролирует настоящее, — контролирует прошлое; тот, кто контролирует прошлое, — контролирует будущее.

В то же время у многих кочевников генеалогии идеологически обеспечивают легкую инкорпорацию и адаптацию чужих групп в их собственные, без существенной структурной перестройки. Не исключено, что генеалогическая амнезия (ее не следует смешивать со структурной амнезией см. Gulliver, 1955: ИЗ ff.), отмеченная у многих номадов, отчасти может объясняться тем, что она облегчает генеалогическую ассимиляцию. (О генеалогической амнезии и генеалогической ассимиляции у туркмен — см. Марков, 1976: 218; у бедуинов Аравии — Rosenfeld, 1965: 182; бедуинов Киренаики — Evans-Pritchard, 1949: 56; Peters, 1960: 41—42; хумр баггара — Cunnison, 1966: 6, 113, п. 6; афганцев — Ferdinand, 1969: 137.)

У северных сомали генеалогии являются постоянными и неизменяющимися. Поэтому, когда две группы объединяются против общего врага, они закрепляют свое объединение формальным соглашением, а не созданием фиктивной генеалогии (Lewis, 1962: 40).

Правда, Маркс (Marx, 1977: 354) считает, что более или менее детальное знание генеалогий связано с контролем над данной территорией и способностью ее защищать. Там, где контроль утрачен, генеалогии не нужны. Подобный подход как раз и представляет смешение двух планов социальной организации: генеалогического и политического. Многие номады успешно контролировали свою территорию и без детального знания генеалогий. В отмеченном аспекте генеалогии важны в первую очередь как структурный принцип формирования корпоративных собственнических групп и соответствующего расщепления собственности на ключевые ресурсы. Однако последние могут формироваться и на иной, негенеалогической основе.

У большинства кочевников генеалогический принцип происхождения сопряжен с унилинейностью, хотя и в этом отношении существуют определенные вариации. Конечно, подавляющее большинство их — патрилинейны, что особенно последовательно подчеркивается во многих аборигенных моделях. Однако на практике у многих номадов, особенно на низших уровнях организации

хозяйственного и социально-политического планов, важное значение имеют также связи со свойственниками и когнатами, создающие дополнительные линии защиты (Peters, 1960: 44—45; Peters, 1967: 272-274; Hart, 1973: 28—30; Barth, 1973a: 13 ff.; Digard, 1973: 49; Stewart, 1973a: 384; Marx, 1978: 61—63).

К тому же ни унилинейность вообще, ни патрилинейность в частности не являются неперенными принципами социальной организации номадов. Саами, коряки и чукчи неунилинейны (у них отсутствует принцип общности на основе происхождения). Любопытно, что генеалогии у них также отсутствуют — это негативное совпадение отнюдь не случайного, а закономерного свойства. Определенные группы туарегов — матрилинейны или еще недавно были таковыми, хотя и не полностью (Nicolaisen, 1963: 137, 139, 144—146, 476—478, 485—486). Туареги не являются единственным исключением. По мнению Николайсена (Nicolaisen, 1963: 496), беджа перешли к патрилинейности только после обращения в ислам. Имеются серьезные основания для предположения, что древние кочевники евразийских степей — сарматы, также долгое время сохраняли матрилинейность (Хазанов, 1970).

Некоторые племена кочевников Ближнего Востока и евразийских степей ведут свое происхождение от женского предка или имеют женский эпоним в своих генеалогических схемах. Для объяснения этого предложено несколько гипотез (см., например, Bacon, 1958: 178; Peters, 1960: 29; Marx, 1977; Marx, 1978), но ни одну из них нельзя считать исчерпывающей. В то же время, разумеется, нет никаких оснований разделять старое мнение Робертсона Смита (Robertson Smith, 1903: 31; ср. Ashkenazi, 1946—49: 670—671; Толстов, 1948: 352 сл.), что женский эпоним является пережитком гипотетического матриархата.

Сегментарные системы в кочевых обществах*

О системе сегментарных линиджей вообще и у скотоводов и кочевников в частности написано уже очень много, хотя никакой

* *Примечание к казахстанскому изданию.* Под сегментарными системами в западной антропологии обычно понимаются децентрализованные политические структуры с однотипными и равноправными подразделениями на горизонтальных и вертикальных уровнях.

ясности в ее понимании не достигнуто. До сих пор ведется дискуссия, в какой мере она является идеальной моделью, а в какой — реальной действительностью (см., например, Evans-Pritchard, 1940: 141—142 ff.; Bacon, 1958; Sahlins, 1961; Sahlins, 1968: 50—52; Smith, 1956; Bessac, 1965; Fortes and Evans-Pritchard, 1940: 5 ff; Gellner, 1969: 36 f.; Gellner, 1973: 3—6; Black-Michaud, 1975: 63, 87; Marx, 1977: 359; Digard, 1978: 315-317; Service, 1975: 65 f.; Salzman, 1978; Tapper, 1979: 48; Asad, 1979: 421—422).

На мой взгляд, дискуссия отчасти объясняется различным пониманием самой системы сегментарных линиджей. Одно из наиболее детальных определений принадлежит Салинсу (Sahlins, 1961: 330), выделившему «шесть основных элементов сегментарной линиджной организации: линейность, сегментация, местная генеалогическая сегментация, сегментарная социальность, комплиментарная оппозиция (или эффект давления), а также структурная относительность». Салинс обращает внимание, что там, где выделенные признаки встречаются не полностью, сегментарные системы принадлежат к иным типам. Тем не менее социальную организацию многих обществ нередко характеризуют как систему сегментарных линиджей на основе более ограниченного числа признаков.

В этом отношении показателен пример Миддлтона и Тейта (Middleton and Tait, 1958: 1—31), выделивших на африканском материале несколько вариантов такой системы. Когда же они попытались определить то общее, что присуще всем этим вариантам, то нашли всего лишь, что «во всех них действует сегментарный принцип, и отношения между территориальными группами воспринимаются в терминах происхождения, линиджа или клановой системы» (1958: 29).

В подобном определении по существу сохраняется лишь сам принцип сегментации, обычно генеалогический. И он действительно отмечен у большинства кочевников в настоящем или прошлом (Gellner, 1973: 4—5).

Сегментация, однако, не обязательно подразумевает внутреннюю однородность самих сегментов (см., например, Nicolaisen, 1963: 144—146 про туарегов Ахаггара), а структурная однотипность сегментов

различных уровней не должна заслонять различие (по крайней мере частичное) выполняемых ими функций (Gellner, 1969: 48—49) в таксономиях различных типологических планов.

Далее я буду рассматривать сегментарные системы лишь в одном плане — социополитическом, хотя они, безусловно, заслуживают более всестороннего исследования.

В этом отношении интересно понимание сегментарных систем, предложенное Геллнером (Gellner, 1969: 51; ср. 1973: 4), следующего за Эвансом-Притчардом (Evans-Pritchard, 1940; 1949). Сегментарная система характеризуется как «стабильность без правления», т. е. прежде всего как средство поддержания внутреннего порядка посредством специфического механизма в условиях неразвитой социальной дифференциации. То, что подобная система существует на практике, едва ли подлежит сомнению. Сам Геллнер хорошо описал ее на примере подвижных скотоводов Высокого Атласа. Вопрос в том, насколько часто она встречается, а там, где встречается, является ли она единственным механизмом поддержания внутреннего порядка или же дополняется другими?

По-видимому, для номадизма евразийского степного, ближневосточного и средневосточного типов наиболее характерны асимметричные сегментарные системы, в которых структурная относительность и сбалансированная оппозиция нарушены. Так, про организацию бедуинов Киренаики, которую иногда рассматривают как типичную для системы сегментарных линиджей, Эванс Притчард (Evans-Pritchard, 1949: 54—55) и Питере (Peters, 1967: 271) отмечают, что в ней отсутствует сбалансированная оппозиция, а сегменты одного уровня отличаются друг от друга по своим размерам и силе. Даже там, где сбалансированная оппозиция существует, она часто нарушается на практике (см., например, Barth, 1973: 13).

Но главное заключается в том, что взаимоположение и взаимоотношения сегментов одного уровня в большинстве систем не являются одинаковыми в номадизме упомянутых типов, причем не только в отношении их соответствующего числа, размеров, и силы, но и политического веса. В то время как большинство сегментов одного уровня считаются более или менее равными,

один из них в отношении происхождения, знатности и, главное, своих политических позиций стоит выше всех остальных, является «первым среди равных».

Например, у бедуинов Аравии «вождями секций, на которые подразделяется племя, становятся только липа, принадлежащие к определенному линиджу, который отличается от всех остальных» (Sweet, 1965: 143). У шах навази белуджей «есть вождестский линидж, из которого происходят племенные сардары (Salzman, 1971: 186). У кабабиш «фактически вся политическая власть и привилегии принадлежат линиджу, из которого происходят вожди» (Asad, 1970: XV).

Миддлтон и Тейт (Middleton and Tait, 1958: 14) полагают, что сходные системы, обнаруженные в Африке, являются вариантом системы сегментарных линиджей. Но наличие доминирующих сегментов и лидеров, как естественное следствие их наличия, — все это противоречит и структурному принципу и предполагаемому эгалитарному существу данной системы.

Сам Эванс-Притчард высказался по этому поводу весьма недвусмысленно и в 1940 и в 1949 гг. Сравните: «Не существует ассоциации, класса или сегмента, которые занимают доминирующее место в политической структуре по приказу более организованной силы, чем те, которые находятся в распоряжении любого из сородичей» (Fortes and Evans-Pritchard, 1940: 14).

«Любая племенная система, для которой характерны сегментарные структуры, является системой сбалансированной оппозиции между племенами и племенными подразделениями от самых крупных до самых мелких. В таких племенах не может быть единой власти» (Evans-Pritchard, 1949: 142).

Фернеа (Fernea, 1970: 105) совершенно прав, когда пишет, что «существование доминирующей линиджной группы, группы, имеющей непропорционально больший контроль над ресурсами и в конечном счете большую власть внутри племенной группы, чем любой другой сегмент, входит в противодействие с классической моделью сегментарной системы... потому что в известном смысле, появление доминирующих линиджей является конечным результатом условий, подрывающих ту систему сдержек и проти-

вовесов, которые делают равноправными в политико-экономическом отношении структурно эквивалентные сегменты» (ср. Smith, 1956: 53, 57; Spooner, 1973: 35).

Не отрицая сегментарного характера систем с политически доминирующими сегментами, я выделяю их в особый вариант и называю дифференцированными сегментарными системами. При наличии соответствующих условий может случиться, что доминирующий сегмент в структурном отношении перестает быть репликой остальных, полностью или частично выпадает из генеалогического клише данного общества, приобретает особые правила родства и происхождения и, главное, по существу, превращается в особое сословие. Характерным примером могут служить сословия ашина у древних тюрков, или «белой кости» у монголов или казахов, возводившие свое происхождение к Чингиз-хану.

Подобные системы можно назвать стратифицированными сегментарными системами. Вопрос в том, всегда ли они возникают только из дифференцированных, представляется мне открытым. В этом плане хотелось бы подчеркнуть, что стратифицированные сегментарные системы являются более узким понятием, чем сама социальная стратификация. Если система является сегментарно-стратифицированной, то стратифицированным является и общество в целом. В то же время, если общество является стратифицированным, то его сегментарная система не обязательно должна быть такой же. Просто стратификация в нем развивается по иным линиям.

Следует, однако, иметь в виду, что все варианты сегментарных систем взаимнообратимы, способны при наличии соответствующих условий трансформироваться одна в другую, отражая обратимость социальных процессов в кочевых обществах.

Чтобы сделать мое отношение к сегментарным системам у кочевников более ясным, я вынужден несколько забежать вперед, предвосхищая выводы из следующих разделов этой книги. На мой взгляд, социальная дифференциация у кочевников вообще и дифференцированные и стратифицированные сегментарные системы в частности возникают главным образом в результате их специфических взаимоотношений с внешним миром. Само наличие таких

взаимоотношений является постоянным фактом, их конкретные особенности подвержены историческим изменениям, но в прошлом у кочевников они в основном сводились к повторяющимся образцам. Эти изменения отражаются и на характере сегментарных систем, также не остающихся неизменными. При этом возможны ситуации, когда степень эгалитаризма или, напротив, неравенства присущие реально функционирующим сегментарным системам у кочевников, не совпадают, или чаще совпадают не полностью, с тем, который отражен в их идеологиях (и особенно субидеологиях различных групп и слоев данного общества). Идеологии могут быть более, или напротив, менее эгалитарными, чем социальная действительность в момент наблюдения, потому что они включают в себя не только данный момент, но и прошлое состояние и даже подчас наметившуюся тенденцию будущего развития. Далее я представлю примеры таких ситуаций. Нельзя забывать также, что идеологии не только отражают социальную практику; они могут участвовать также и в ее формировании и изменении.

Для более полного понимания конкретных сегментарных систем всегда желательно, по возможности, учитывать их диахронный аспект, равно как и то, какая тенденция является преобладающей в их состоянии в момент наблюдения или описания — к стабильности или к изменениям. Применительно к последнему случаю, надо также учитывать направление происходящих изменений.

При историческом подходе к конкретно функционирующим сегментарным системам у кочевников их эгалитарная и неэгалитарная стороны уже не представляются взаимоисключающими. Они могут просто свидетельствовать о том, что система, как и само общество, находится в стадии изменения. Но в определенных случаях они могут быть комплиментарными, более или менее сбалансированными, одновременно выполняя функции поддержания внутреннего порядка.

Наконец, нельзя упускать из виду, что сама сегментарность у кочевников имеет две стороны. Первая — идеологическая, поскольку аборигенная модель, в которой реализуется принцип происхождения и генеалогии, имеет отчетливо выраженные сегментарные черты, а как убедительно продемонстрировал Солцман (Salzman, 1970),

«идеологии зачастую представляют собой резервные социальные структуры». Вторая сторона — практическая, так как сегментарность проявляется не только в самоконцептуализации социальной организации номадов, но и в ее реализации и трансформации.

Высшие уровни социально-политической организации в кочевых обществах

Кун (Coon, 1976: 319) сравнил наиболее крупные подразделения кочевников (племена и конфедерации) с «скелетной организацией, которая используется в случае необходимости». Это сравнение нуждается только в одной, хотя и весьма существенной поправке. Скелет постоянен, а высшие звенья социополитической организации номадов — нет. Они возникают по мере необходимости и исчезают, упрощаются или перестраиваются, когда необходимость в них отпадает. Их значение возрастает по мере того, как возрастает значение выполняемых ими политических функций, и уменьшается, по мере того, как в них сокращается необходимость.

В обществах, основывающихся на кочевом скотоводстве, производственный цикл обеспечивается уже на низших уровнях их социальной организации. Отдельных хозяйств и общин различных порядков — всего этого достаточно для оптимального выпаса скота, утилизации естественных ресурсов, необходимой взаимопомощи и кооперации. Такова примерно социальная организация северных оленеводов, у которых группы, объединенные общностью происхождения, отсутствуют, в лучшем случае, как у ненцев, выражены сравнительно слабо.

Наличие более высоких уровней организации у кочевников непосредственно из производственных процессов не вытекает, и поэтому они представляют не хозяйственные, а иные планы, в первую очередь социально-политический план, хотя при этом могут также выполнять отдельные и при этом весьма важные экономические функции. Я уже отмечал выше и хочу подчеркнуть еще раз, что возможность и даже необходимость выделения различных функциональных планов в научных моделях социальной организации кочевников отнюдь не исключает того обстоятельства, что на практике конкретные звенья этих планов имеют более или менее

выраженный полифункциональный характер. Высшие звенья социополитической организации кочевников могут вызываться к жизни в первую очередь социальными потребностями, но тогда функциональная сфера их действия и роль их сравнительно невелики, как в некоторых обществах восточноафриканских скотоводов. Зато значение их увеличивается по мере того, как в кочевых обществах усиливаются тенденции к определенной политической интеграции, какими бы средствами эта интеграция не достигалась.

Эти тенденции могут быть связаны с различными факторами. К числу важнейших из них относятся: потребности рационального распределения ключевых ресурсов, установления и регуляции маршрутов перекочевок, определенного внутреннего порядка, необходимого для производственных процессов, потребности обороны, борьба за скот, пастбища и обрабатываемые земли, миграции и войны, стремление одних групп кочевников подчинить себе другие⁸, особенности взаимоотношений и взаимодействия с внешним оседлым миром и т. д.

Весьма условно все эти факторы можно разделить на три группы: действующие внутри самого кочевого образования; между различными кочевыми образованиями; между кочевым образованием, с одной стороны, и внешним оседлым земледельческо-городским миром, с другой. При этом значение и проявление их в конкретной исторической ситуации и различных экологических условиях неодинаково.

Соотношение перечисленных факторов и относительное значение каждого из них определяют конкретный характер, прочность и уровень политической интеграции номадов, а также степень институционализированности и централизованности власти в них, и силу последней.

Тот же самый генеалогический принцип происхождения, который действует во многих кочевых обществах в качестве

⁸Возможно, к данному случаю также применимо понятие «цепной реакции», предложенное раньше для объяснения некоторых особенностей распространения самого кочевого скотоводства. Различные формы социальной организации одних кочевых обществ могли копироваться (с различными вариациями) другими, например, из-за потребностей самозащиты и т. д.

структурообразующего, распространяется и на высшие звенья их организации. Более того, не исключено, что именно потребность в последних (в том числе потенциальная или проявляющаяся эпизодически) благоприятствовала развитию генеалогий, и особенно унилинейности у номадов и соответствующего плана их социальной организации. Может быть Бессак (Bessak, (1965: 392) отчасти прав, когда замечает: «Имея в виду фрагментацию первичных скотоводческих групп вследствие роста или уменьшения стад, нет экономических оснований для развития обществом унилинейных родственных связей. Напротив, эти связи должны были бы быть билинейными или даже просто ассоциативными». Северные евразийские и отчасти даже восточноафриканские кочевые общества могут служить подтверждением этой мысли. У первых — генеалогии отсутствуют, и к тому же не получила распространения унилинейность, у вторых — генеалогии развиты сравнительно слабо.

Работы Кробера (Kroeber), Маннерса (Manners), Колсона (Colson) и Фрида (Fried, 1975; ср. Biebuysk, 1966; Southall, 1970) поколебали старое, идущее еще от Моргана и его предшественников представление о племени как основной этно-лингвистической, территориальной и политической единицы первобытности. Вслед за ними Имануэль Маркс (Marx, 1977, 1978, 1979) высказывает мнение, что вопрос о сущности племени у кочевников также нуждается в пересмотре. Конфедерация и отчасти также племя у кочевников Среднего Востока, считает Маркс, являются лишь чисто территориальными единицами, а не военно-политическими с соответствующим руководством.

Мне кажется, что проблема гораздо сложнее. Разумеется, кочевое племя занимает определенную территорию и в этом отношении действительно может рассматриваться как территориальная единица. Однако оно не походит на какой-либо кантон или дистрикт с исторически сложившимися или административно установленными границами. Во-первых, как я уже отмечал, территориальные связи у кочевников в чистом виде обычно не проявляются, а бывают опосредствованы родством и происхождением. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев племя у кочевников является также

социальной единицей, хотя бы потому, что обозначает верхние рубежи дискретной социальной организации. Разумеется, сами эти рубежи не обязательно являются стабильными и неизменными, а дискретный характер племени, как и любой другой формы социальной организации у кочевников, является относительным (об этом уже писалось выше). Наконец племя как территориальную единицу нельзя отделить от соответствующих отношений собственности на ключевые ресурсы и от способности охранять эти права собственности. (Об этом, кстати, пишет и Маркс — Marx, 1978: 49—50.) Даже когда племя не выступает как их непосредственный держатель или регулятор, его следует рассматривать как верховного собственника и/или гаранта собственности, по крайней мере, как ее олицетворение. Ведь в конечном счете кочевник пользуется правами на естественные ресурсы не в силу простого кочевания на данной территории, а в силу своей принадлежности к данному племени и его соответствующему подразделению. «Происхождение есть основа для обладания определенными правами, которые принадлежат членам генеалогически ограниченной группы, отстаивающей свои права от остального мира» (Barth, 1966: 24).

Основной материал, которым оперирует Маркс для подтверждения своего мнения, относится к ближневосточнымномадам нашего времени или недавнего прошлого. Но едва ли бедуины Негева или Синая, подчиненные сильным и централизованным государствам, являются достаточно репрезентивными для далеко идущих заключений. Нельзя просто отмахнуться от многочисленных сообщений ранних наблюдателей, согласно которым именно племя являлось верховным собственником пастбищной территории, например, У бедуинов Аравии. В качестве примера приведу слова Тамисье (Tamisier, 1840: 256), который недвусмысленно утверждал: «Каждая часть территории принадлежит племени; оно может распоряжаться этой территорией как хочет: это собственность, которую его отцы завоевывали своей кровью». (См. также Wallin, 1854: 122; Burton, 1893: 113—114; Jaussen, 1908: 238 f; Dickson, 1951: 582.)

Правда, одного этого не всегда было достаточно для прочной институционализации и тем более централизации власти. Поэтому не все племена в Аравии имели верховного вождя (Marx, 1977:

348_349), но такие племена, судя по многочисленным описаниям путешественников (сводку их см. Перший, 1961: 153 сл.), были в явном меньшинстве. И уж во всяком случае среди бедуинов Аравии отсутствовали «племена без правителей». Даже у тех племен, у которых отсутствовали верховные вожди, имелись вожди и предводители входящих в племя подразделений более низкого таксономического уровня.

Моя мысль сводится к тому, что племя у кочевников никогда не является чисто территориальной единицей (ср. Salzman, 1979a). В первую очередь это политическая организация. Кстати, даже в прошлом веке были ученые, полагавшие, что у бедуинов племена — это не объединения родственников, а военно-политические образования (см., например, Jacob, 1897: 222). Там, где территориальные связи не дополняются или опосредствуются политическими, как в прошлом у коряков и чукчей, мы имеем дело всего лишь с этнолингвистической общностью. Вопрос о том, можно ли считать подобную общность племенем, я приберегу для дискуссии о сущности последнего, едва ли уже завершённой. Так же, как нельзя отождествлять политическую организацию с управлением, нельзя определять наличие политических функций племени только лишь по присутствию в нем сильной институционализированной и тем более централизованной власти (ср. Marx, 1978: 50). Их невозможно полностью разделять друг от друга, но и отождествлять также не следует. Даже уровень социальной дифференциации данного кочевого общества и степень институционализированности и централизованности власти в нем не обязательно должны полностью коррелировать друг с другом. Диффузный характер политической власти как раз является одной из особенностей многих кочевых объединений. Лишь при определенных условиях она приобретает централизованные формы. Но едва ли мы вообще получим достаточно адекватное представление о племени у кочевников, если будем рассматривать его лишь изнутри. Номады никогда не составляют закрытого общества. Политические функции племени наиболее четко проявляются именно в его противостоянии внешнему миру, в первую очередь оседлому, но отчасти и кочевому тоже. Не случайно

большинство факторов политической интеграции, а также концентрации и централизации власти у кочевников связаны с их отношениями с другими оседлыми и кочевыми обществами. Даже такие факторы, как регуляция маршрутов перекочевков, которые условно рассматриваются в качестве внутренних, нередко зависят от положения данного кочевого общества во внешнем мире (как, например, у многих средневосточных номадов).

Геллнер (Gellner, 1969: 2 — 3) предложил различать «первобытный» и «маргинальный» трайбализм. Последний, по его мнению, возникает на границах земледельческо-городских государств, власть которых от отвергает. Фрид (Fried, 1975) вообще отрицает понятие «первобытного трайбализма». По его мнению, трайбализм всегда вторичен и возникает лишь под давлением более сильных обществ. Действительно, у номадов трайбализм в большинстве случаев имеет вторичный и маргинальный характер, так как не в последнюю очередь вызывается к жизни взаимоотношениями с внешним миром. Я имею в виду самый широкий спектр таких взаимоотношений, включающих не только оборону, но и наступление, не только оседлые земледельческие и городские общества (хотя в первую очередь кочевой трайбализм включает именно их), но иногда и другие кочевые. Это не означает, что следует полностью игнорировать внутренние факторы в возникновении политического трайбализма у номадов. Просто в большинстве случаев они играли второстепенную и сопутствующую роль (ср. Першиц, 1961; Barth, 1962: 347; Spooner, 1973: 35 про кочевников Ближнего и Среднего Востока).

Однако политический трайбализм у кочевников внутренне противоречив. В большей или меньшей степени, но он налагает известные ограничения на возможность выбора и самостоятельность низовых производственных подразделений. В то же время специфика производства у кочевников требует, чтобы отдельное хозяйство и община обладали достаточной свободой действий, могли принимать самостоятельные решения. Это противоречие во многом объясняет как периодическое возникновение кочевых политических образований, так и их неустойчивость и непостоянство.

Еще больше оно объясняет почему сила и централизованность политической власти у номадов нередко отстают от уровня

социальной дифференциации их общества. Конкретная ситуация определяла какие силы получают преобладание: центристские или центробежные, какая тенденция возьмет верх: к диффузии политической власти или к ее концентрации.

Опять-таки конкретная ситуация, вызывающая к жизни политический трибунизм, определяет и размеры кочевых образований. Если численность последних превышает необходимость, дробление их неизбежно (см., например, Awad, 1962: 333 про номадов Ближнего и Среднего Востока).

В заключение несколько слов о племенных объединениях, которые нередко называют «конфедерациями». Этот термин не кажется мне очень удачным, потому что кочевые объединения не всегда формируются на добровольной основе. Но при всех обстоятельствах они вызываются к жизни военно-политическими причинами (см., например, Marcais, 1913: 242 ff. про «конфедерации» у средневековых кочевников Северной Африки). Поэтому, даже не всегда имея общее руководство, не способные полностью устранить столкновения отдельных племен, они могут и должны рассматриваться прежде всего как политические образования.

Имущественное неравенство и социальная дифференциация в кочевых обществах

Если рассматривать кочевые общества изнутри, то в них можно выделить два потенциальных источника социальной дифференциации⁹ частную собственность на скот и руководящие позиции в общественной организации.

Частная собственность на скот, различия в семейном цикле и имплицитная неустойчивость кочевого скотоводства неизбежно влекут за собой определенное имущественное неравенство, заключающееся в том, что одни индивиды и их семьи богаче скотом, чем другие (ср. Bonté, 1977).

⁹Под социальной дифференциацией я понимаю любые формы социального неравенства и расслоения (статусные, ранговые, сословные и др.). Под социальной стратификацией — наличие в обществе иерархических наследственных слоев и групп с различными правами и обязанностями, занимающих различное положение в общественной жизни, руководстве обществом и/или производстве и распределении.

Кочевая община, как и крестьянская, заинтересована в имущественном равенстве своих членов. Слишком резкое неравенство ставит под угрозу существующую в ней систему кооперации и взаимопомощи. Резкое ухудшение материального положения отдельных хозяйств делает их плохими партнерами в общине. Они или выпадают из нее, или оказываются в зависимости от богатых хозяйств.

В кочевой, как и в крестьянской, общине всегда существуют две синхронно действующие тенденции: к выравниванию] сглаживанию внутренних различий и к углублению имущественного неравенства, расширению сферы, в которой оперируют отношения зависимости между различными хозяйствами. Реализация обеих тенденций выходит за пределы общины и зависит от ситуации в обществе в целом, а применительно к кочевникам — нередко даже и от их отношений с внешним миром.

Та потребность в рабочей силе, которая существует у кочевников, может удовлетворяться за счет бедных членов своей общины, пасущих скот и выполняющих другие работы в хозяйствах своих более богатых родственников и соседей. Однако, как правило, в кочевой общине близкие родственники эксплуатации не подвергаются — это угрожало бы существующим социальным связям.

Тем не менее даже в нуклеарной общине находятся способы, с помощью которых богатые скотоводы могут с выгодой для себя использовать чужой труд. Иногда это достигается с помощью присоединения к зажиточному родственному ядру общины бедных неродственных семей. Например, в каждом кочевье рвала жили выходцы из *других* племен: они назывались *кусара* и опекались кем-нибудь из рвала (Musil, 1928: 267—268; ср. Peters, 1960: 43 про бедуинов Киренаики). У казахов ядро аульной общины состояло из семей близких агнатов, а иногда и свойственников. Но в нее допускались также вольноотпущенники и *консы* (*котсы*). Последние составляли особую специальную категорию, в которую преимущественно входили бедняки, утратившие связь с собственными аулами и жившие в чужих общинах (Вяткин, 1947: 132, прим. 1; Сабырханов, 1969: 150, прим. 28). В киргизских аилах имелись чужеродцы — потомки рабов (Ильясов, 1963: 345).

У ненцев богатые оленеводы объединялись в *парме* с более бедными и по сложившемуся обычаю по очереди пасли скот, хотя у одного могло быть 1500 голов, а у другого — 30 (Броднев, 1959: 77). Аналогичный институт — «постоянная скотоводческая ассоциация, основанная на трудовой взаимопомощи и даже помощи продуктами питания» существует у каримоджонг. Эти ассоциации возникают в том случае, если в одной семье много скота, но мало рабочих рук, а в другой, наоборот, мало скота, но много рабочих рук (Dyson-Hudson R. and N., 1970: 110; ср. Stenning, 1959: 53 про фулани).

Однако нельзя сбрасывать со счетов и противоположную тенденцию. Целый ряд обстоятельств тормозит и препятствует превращению имущественного неравенства у кочевников в стабильную и прочную основу социальной дифференциации.

Прежде всего, та же самая неустойчивость хозяйства, которая характерна для кочевого общества в целом, проявляется и на индивидуально-семейном уровне. Перераспределение имущества, в первую очередь и главным образом скота и скотоводческих продуктов, может служить социальному продвижению и отчасти даже — завуалированной эксплуатации. Но одновременно оно связано с потребностями социальной интеграции и частично является своеобразным средством экономического страхования.

Такое перераспределение обычно принимает вид реципрокации и редистрибуции в их разнообразных конкретных проявлениях. Соотношение реципрокации и редистрибуции в различных кочевых обществах различно. Можно лишь отметить, что чем менее дифференцировано в социальном отношении данное общество, тем большее значение приобретают в нем несбалансированная и сбалансированная реципрокация. Первая, не требуя от берущего обязательного эквивалентного возврата взятого, накладывает на него моральные обязательства по отношению к дающему и повышает престиж последнего. Вторая — требует, чтобы то, что дано, было тем или иным способом возвращено обратно, хотя и не обязательно в абсолютно равной пропорции (ср. Sahlins, 1974: 193—195).

Редистрибуция, естественно, больше связана с социальным неравенством. Отчасти также выполняя функции коллективной

взаимопомощи и страховки, редистрибутивные институты могут одновременно являться экономическими каналами социальной дифференциации. Но как нередко бывает не только в кочевых обществах, редистрибуция не столько упраздняет и ограничивает реципрокацию, сколько надстраивается над ней, и последняя продолжает существовать даже в кочевых государствах.

О сбалансированной реципрокации у татар Золотой Орды в XIV в. сообщает ал-Омари. «Когда у одного из них начинает хиреть скотина, как-то: лошадь или корова, или овца, то он закалывает ее, и [часть] дарит своим соседям, а когда у них также портится овца, или корова, или лошадь, то они закалывают ее и дарят [часть ее] тем, кто их одарил. По этой причине в домах их [никогда] не бывает недостатка в мясе» (цит. по Тизенгаузен, 1884: 23—31).

Сходное правило существовало у бедуинов (Doughty, 1888, I: 442—443). У кочевников Аравии помощь оказывалась не только при кульминационных моментах жизненного цикла (свадьба, обрезание и т. п.) или при чрезвычайных жизненных обстоятельствах (уплата компенсации за убийство, требования гостеприимства), но и в случаях утраты скота, например, в результате болезни (Jausen, 1908: 273; Musil, 1927: 461; Першиц, 1961: 76).

По словам Доути (Doughty, 1888, I: 344), ограбление считалось общей бедой, и шейх обязывал всех соплеменников, чтобы они в течение одного-двух дней возместили пострадавшим весь утраченный ими скот (ср. Musil, 1928: 452 про обедневших рвала).

В качестве еще одного примера приведу *саун* (*соан*) (ср. *вадиа* у бедуинов Аравии) — казахское слово, которым в советской антропологии обозначаются различные формы и условия передачи богатыми скотовладельцами скота на выпас обедневшим членам общества. (Описание их у казахов см. Георги, 1776, ч. I: 131; у ближневосточных и средневосточных номадов — Doughty, 1888, II: 140; Jausen, 1908: 273; Першиц, 1961: 124—126; Swidler, 1973: 28—29; у фулани — Stenning, 1959: 41, 62.) Долгое время многие советские антропологи безоговорочно считали *саун* средством эксплуатации, нередко даже феодальной (Толстое, 1934; Вяткин, 1947: 119—121; Толыбеков, 1971: 159 сл.). Однако Першиц (1973) показал, что *саун* включает в себя различные формы перераспре-

деления скота, в том числе и чисто реципрокальные. Даль и Хьерт (Dahl and Hjort, 1975: 21) выделяют две формы перераспределения скота у африканских скотоводов. Первая («партнерская») основана на системе подарков. Вторая («патронажная» или «клиентальная») на системе займов.

Но даже и те формы *сауна*, которые содержат отдельные элементы эксплуатации или чаще способствуют росту социального неравенства, одновременно преследуют иную цель. Они препятствуют выпадению бедняцких хозяйств из кочевого общества и тем самым препятствуют его дезинтеграции. Аналогичную роль, хотя и не единственную, играет «патронажная форма» в Африке. К тому же с течением времени животные, взятые займы, иногда начинают рассматриваться как собственность должника или его потомков. Тем самым эта форма перераспределения скота может служить выравниванием имущественных разделении (Dahl and Hjort, 1979: 23). Примечательно, что наиболее сильно и отчетливо эксплуататорские черты *вадиа* проявляются не внутри данной кочевой группы, а во взаимоотношениях различных групп, когда богатые и знатные бедуины передавали мелкий рогатый скот на выпас овцеводческим племенам или овцеводческим подразделениям собственных племен (Philby, 1922: I, 59; Müller, 1931: 50 f.; Dickson, 1951: 109—110; Перщиц, 1961: 125—126).

Айронс (Irons, 1979: 365, 367) справедливо заметил, что у кочевников реди-стрибуция не получила такого распространения и значения, как во многих обществах с иными системами хозяйства. Очевидно, в первую очередь это связано с тем, что централизованное накопление скота, даже если оно оправдывается необходимостью создания страхового фонда, практически невозможно. Отношения *саунного* типа у кочевников отчасти служат альтернативой реди-стрибуции. И все же последняя в своих достаточно четких проявлениях известна во многих кочевых обществах.

В огузском эпосе в обращении к аристократии говорится: «Не сгубив своего имущества, человеку не прославить себя щедростью» (*Книга моего деда Коркута*, 1962: 11). У бедуинов Аравии было принято, чтобы шейхи время от времени устраивали публичные угощения и делали подарки малоимущим членам своей группы

(Dickson, 1951: 53). Известны случаи, когда бедуинские шейхи делили свои доходы «среди своих людей» (Burckhardt, 1831: 308, ср. 331). У казахов *баи*, *бии* и *султаны* нередко устраивали щедрые пиршества, следуя пословице: «Собака, которую ударят жирной костью, никогда не питает» (Толыбеков, 1959: 95).

Надо учитывать также и иные перераспределительные механизмы, действующие между различными подразделениями и группами номадов. Права или нет Суит (Sweet, 1965: 142 if.; ср. Першиц, 1961: 131—132; Spooner, 1973: 11) в своем предположении, что у бедуинов *газу* набеги за скотом являются институционализированной формой его перераспределения, на практике они отчасти приводят именно к этому. Аналогичный институт, для обозначения которого советские антропологи пользуются казахским словом *барымта*, был распространен у кочевников евразийских степей.

Бедуинские *газу* и казахская *барымта* во многих отношениях отличались, например, от туркменских *аламанов*. *Аламаны* являлись ничем не прикрытым, не ограниченным и не регулируемым никакими правилами грабежом оседлого, в основном персидского населения, на который оно практически не могло ничем ответить. Одной из его главных целей был захват рабов. *Газу* и *барымта*, когда они совершались между самими кочевниками, были явлением двусторонним и приводили к неэкономической циркуляции скота между различными кочевыми образованиями и их подразделениями, хотя и не без потерь¹⁰. Любопытно, что у казахов в XIX в. *барымта* иногда использовалась бедными кочевниками для захвата скота у казахской знати. И еще одно обстоятельство препятствует неограниченному развитию имущественного неравенства у кочевников. Хотя генерализации относительно минимума скота, необходимого для ведения самостоятельного хозяйства, практически невозможны (см. с. 101—104), тем не менее он реально существует в каждом конкретном обществе в каждый конкретный момент. Поэтому обедневшие номады, которые не могут получить в достаточном количестве скот за счет отмеченных выше институтов, имеют перед собой две

¹⁰ Левшин (1832, ч. III: 85) отмечал, что *барымта* уменьшает количество скота у казахов, потому что при быстром отгоне его не берегут и часть захваченного скота гибнет дорогой.

основные альтернативы: идти в услужение к богатым скотовладельцам или дополнять скотоводство иными источниками существования, что нередко влечет за собой частичную или полную седентаризацию (Barth, 1964: 108 f.; Barth, 1964a: 75; Dahl and Hjort, 1979: 27). Но скотовладельцев настолько богатых, что они не способны управиться со своим скотом сами или с помощью действующих в данном обществе механизмов кооперации и взаимопомощи, включая саунные, не так уж много, во всяком случае много меньше, чем бедняков. Поэтому какое-то количество последних постоянно выключается из кочевого общества (см. с. 169—173), и это опять-таки до известной степени способствует ограничению в нем имущественных различий.

Житецкий (1892: 25) писал про калмыков, что «в степи кочуют семьи сравнительно зажиточные, а те из них, которые беднеют, лишаются скота, выбрасываются из года в год степью за ее пределы. Остаются из семей бедных скотом в степи только те, сравнительно немногие, которые пристраиваются в качестве пастухов и работников при *худуках* [водные колодцы] у крупных скотоводов и при *хурулах* [буддистские монастыри в Калмыкии].

Таким образом, стремление к неограниченному численному увеличению скота, невозможное уже из-за причин, рассмотренных в главе I, не обязательно влечет за собой постоянный рост имущественного неравенства. Потребности кооперации и взаимопомощи, необходимость в которых диктуется как производственными, так и социальными нуждами, благоприятствуют развитию более или менее ярко выраженной тенденции к ограничению различий если не в собственности на скот, то в использовании его самого и его продуктов. Иначе кочевое общество оказывается в кризисной ситуации.

Имущественные различия, отнюдь не всегда постоянные, конечно могут способствовать социальному продвижению, приобретению высокого статуса или ранга и тем самым определенной социальной дифференциации, но сами по себе редко способны превратить ее в устойчивую и наследственную социальную стратификацию. У восточноафриканских скотоводов, например, позиция кредитора в патронажной форме перераспределения скота

«...дает возможность стать уважаемым и влиятельным человеком» (Dahl and Hjort, 1979: 23), но не более. Имущественные различия не столько создают, сколько закрепляют наследственное социальное неравенство, когда оно существует. Было бы слишком просто, но неверно, повторить вслед за Леттимором (Latimore, 1979: 483): «Богатство имело тенденцию передаваться по наследству, и так возникала племенная аристократия».

Разумеется, богатый скотовладелец мог привлечь к себе некоторое количество людей, создать из них дружину и с ее помощью укреплять и расширять свои влияние и власть. Так, храбрый и щедрый бедуинский шейх привлекал к себе сторонников даже из других племен (Oppenheim, 1900, II: 88—89). Однако подобных людей, привязанных к предводителю лишь выгодой и личной лояльностью, надо было содержать, а на содержание тратить скот. Их труд хотя использовался в хозяйстве, но мало, потому что в первую очередь они были воинами, и еще потому, что сфера возможного применения самого труда в скотоводческом хозяйстве ограничена. Социальные выгоды оборачивались имущественными потерями.

Выход заключался в захвате скота и других богатств в других обществах или даже в других подразделениях собственного общества. Не случайно кочевые образования, в которых отмечено появление социальной прослойки, подобной монгольским *нукерам* или казахским *тюленгутам*, обычно характеризуются повышенной военной активностью, в том числе и междоусобной. Владимирцов (1934: 80 сл., 95) сравнивал монгольского хана XII в. с предводителем разбойничьей шайки, поведение которого определялось необходимостью содержать дружины. Ради этого на соседей предпринимались набеги за добычей. У казахов институт *тюленгутов* сошел на нет в XIX в., с наступлением навязанного русским правительством внутреннего спокойствия (Бекмаханов, 1947: 48 сл.; Бижанов, 1969: 169).

Однако подобная военная активность может вызываться различными причинами. Иногда она сама по себе может стимулировать появление военных предводителей и группирующихся вокруг них лиц, для которых набеги и война превращаются в постоянные

промыслы. Причины и следствия в данном случае выступают как весьма условные категории, способные меняться местами. Для меня важнее всего подчеркнуть, что при всех обстоятельствах и данный способ социальной реализации имущественных различий сопряжен с внешними факторами.

Имущественное неравенство у кочевников нередко приобретает особенно заметные размеры в двух случаях: когда у них существует государство или когда сами они инкорпорированы в состав оседлого государства. Государство в таких случаях выступает гарантом собственности и одновременно ослабляет действие перераспределительных механизмов. Пример трансформации традиционного общества хотя и некоего, в современных условиях привел Барт (Barth, 1966: 16—17). На примере сват он верно подметил, что редистрибуция сильнее, когда богатства трудно реализовать на рынке: в противном случае ее роль быстро уменьшается. Даль и Хьерт (Dahl and Hjort, 1979) показали, что аналогичная картина наблюдается и у некоторых африканских скотоводов.

Правда, многие ученые (Lambton, 1953: 289; Barth 1964: 103 f.; Stauffer, 1965: 294; Ferdinand, 1969: 142 ff.; Johnson, 1969: 77;) приводят примеры того, как богатые скотовладельцы Среднего Востока обращают скот в капитал в виде земли и после этого сами нередко переходят к оседлому образу жизни. Однако это явление позднее и локально-ограниченное, присущее уже новейшему времени. Оно знаменует собой частичное разложение соответствующих кочевых обществ. Так, в Белуджистане, особенно в Калате, земля стала предметом купли-продажи лишь совсем недавно (Swidler 1973: 29).

Кстати, даже в новейшее время иногда наблюдается и обратная картина: обращение капитала в скот. Сомали иногда работают в течение многих лет за пределами своей страны в качестве моряков и пр., чтобы затем вернуться на родину, обзавестись скотом и возобновить кочевание (Lewis, 1961: 32).

В древности и средневековье самой земельной собственности в капиталистическом смысле не было, а приобретение и сохранение земли кочевниками путем денежно-рыночных трансакций, если и имело распространение, то очень и очень ограниченное

Тем не менее верно, что контроль и собственность над скотоводческой продукцией и средствами производства, особенно культивируемыми землями, усиливает социальную дифференциацию: кочевого общества и укрепляет власть вождей над рядовыми кочевниками (Capot-Rey, 1962: 304; Peters, 1967: 176; Salzman 1978: 132, 135; Salzman, 1979: 439). Поэтому кочевая аристократия стремилась при благоприятных условиях к приобретению обрабатываемой земли, хотя бы потому, что корпоративный характер собственности на ключевые естественные ресурсы тормозит процессы социальной дифференциации у кочевников. Не любя заниматься земледелием, кочевники охотно становились землевладельцами. Но эти культивируемые земли не являлись капиталом и приобретение их достигалось преимущественно путем завоеваний, захвата и пожалований.

Необходимо отметить еще один источник социального неравенства в кочевых обществах — нередкое наличие в них рабов и других зависимых и эксплуатируемых групп и лиц. Они способствуют неравенству уже потому, что когда есть зависимые, существуют и те, от которых они зависят, когда есть доминируемые, всегда найдутся доминирующие. Поэтому кочевая аристократия в силу своего положения как распорядителей общественными делами, предводителей общества, извлекает наибольшую выгоду как имущественную, так и социальную, из наличия таких групп. Именно она выступает в качестве их покровителей, патронов и т. д. В свою очередь это дает ей дополнительную силу по отношению к рядовым свободным членам собственного общества, силу, которую можно противопоставить традиционным институтам, ограничивающим социальное неравенство¹¹.

И все же наличия подобных групп в кочевых обществах, как правило, недостаточно, чтобы сделать их стратифицированными изнутри. Одна из причин этого заключается в недостаточной диверсифицированности кочевого хозяйства. Когда зависимые группы и лица вовлечены в то же самое скотоводческое производство, что и остальные члены общества, они должны быть сравни-

¹¹Случай туарегов, который, на первый взгляд, противоречит этим утверждениям, будет разбираться дальше.

тельно немногочисленными, чтобы сохранялось их зависимое положение. В противном случае они постепенно сравниваются с остальными членами общества, если не юридически, то фактически¹².

В качестве одного из многочисленных возможных примеров сошлюсь на *отегю-бойол* (*otegü-boyol*) в Монголии XII — начала XIII в., по Пелльо, буквально «*esclaves ancestraux*», или в его же переводе «наследственные рабы» (Pelliot and Hambis, 1951: 85—86). О сущности этой социальной группы в монголистике ведется многолетняя дискуссия. Владимирцов (1934: 65) считал *унаганбогол* (т. е. *отегю-бойол*) «крепостными вассалами, которые не могли свободно расторгать связи, скреплявшие их с владельческим родом». Однако он сильно переоценил степень зависимости *отегю-бойол*. «Эти «рабы» скорее были вассалами, сохранявшими свободу передвижения и даже свою племенную организацию и многие из них назначались на высокие должности» (Pelliot and Hambis, 1951: 85—86).

Конечно, иногда зависимые группы заняты нескотоводческой хозяйственной деятельностью. Но в таком случае они занимают маргинальное положение, находясь на рубежах кочевого общества с более широким социальным континуумом, связанным с внешним миром. Та легкость, с которой кочевники наделяли эпитетом раб каждого, кто занимался земледелием, не должна вводить в заблуждение. Для них земледелец — раб уже потому, что привязан к одному месту, поработен собственным тяжелым трудом и не в силах оказывать должного сопротивления¹³.

Примерно так же обстоит дело и с рабами. Рабство, до недавнего времени почти имманентно присущее практически всем кочевникам евразийских степей Ближнего и Среднего Востока, в то же время никогда не имело у них важного производственного значения. Некоторым, но не полным исключением в этом отношении

¹²Пример туарегов, на первый взгляд, может противоречить этому утверждению, но о них речь будет дальше — см. с. 426.

¹³Но «нецивилизованные» кочевники отнюдь не были в этом отношении чем-то исключительным. В китайских сочинениях тайского времени все неханьцы — варвары; когда варвары выступали против Китая их называли рабами. Эта традиция уходит своими корнями в древние времена.

являются только туареги. Главная причина, на мой взгляд, заключается в том, что кочевое скотоводческое хозяйство в принципе не приспособлено для использования в массовом размере рабского труда (Khazanov, 1973: 415—438; Khazanov, 1975; Хазанов, 1976).

Конечно, обладание рабами увеличивало престиж, влияние и власть их владельцев (см., например, Stenning, 1959: 65 про фулани). Наилучшим примером в этом отношении, пожалуй, служит использование рабов в качестве телохранителей и дружины наиболее могущественными бедуинскими шейхами, например Шааланами и Рашидидами (Musil, 1928: 59, 277; см. также Doughty, 1888, I: 553; Oppenheim, 1890, II: 89; Першиц, 1961: 101; Rosenfeld, 1965: 177). Впрочем чернокожие рабы-дружинники известны в Аравии еще с доисламских времен. Однако содержание таких дружин мог себе позволить только шейх, располагавший внешними источниками дохода. С дружинниками-рабами повторяется та же ситуация, что и со свободными дружинниками.

Использование рабов для выпаса скота или в домашних работах обычно не давало существенного экономического эффекта, тем более, что кочевое общество мало приспособлено для устранения возможности побегов. Не случайно поэтому большинство рабов или их потомков отпускались на волю и частично адаптировались в кочевом обществе, хотя приниженное положение их и экономическая зависимость от бывших хозяев продолжали сохраняться (см., например, Wallin, 1850: 26 про кочевников Ближнего Востока)¹⁴.

Иная ситуация создавалась, когда рабов сажали на землю с сохранением их зависимого статуса. Но данный случай относится уже к взаимоотношениям кочевников и землевладельцев и поэтому будет рассматриваться дальше.

Следует также отметить, что наличие зависимых групп внутри кочевого общества лишь условно может рассматриваться как проявление их внутренней социальной дифференциации, потому

¹⁴ Любопытно заметить, что в античной древности рабам-пастухам всегда жилось лучше, чем другим рабам, занятым в производстве. Невозможность повседневного контроля, характер труда, требовавший известной инициативы, необходимость вооружения пастухов для стад — побуждали их хозяев предоставлять им известную самостоятельность.

что происхождение этих групп в первую очередь связано с взаимоотношениями данного *кочевого* общества с внешним миром, точнее — с их последствиями.

Социальное неравенство в кочевых обществах в первую очередь возникает в результате потребности в особой политической власти с соответствующими специализированными функциями по руководству и управлению обществом. Три упомянутые источника последней: внутренние организационно-управленческие потребности, потребности взаимоотношений с другими кочевыми обществами и потребности взаимоотношений с оседлыми земледельческо-городскими обществами¹⁵ не только вызывают к жизни руководящий слой, но и в конечном счете определяют его социальные позиции, условия его превращения в наследственный аристократический стратум. Чем сильнее проявляются потребности в руководстве, чем важнее они для общества, тем прочнее и стабильнее положение руководящего слоя. Важно лишь отметить, что не только общественные потребности создают и укрепляют руководящий слой, но и руководящий слой создает соответствующие потребности. Иначе картина будет слишком односторонней.

Именно в качестве руководящего слоя кочевая аристократия может пользоваться определенными привилегиями в своем обществе, например, в пользовании лучшими пастбищами, добровольными подношениями, реже — даже более или менее фиксированными натуральными обложениями и трудовой помощью со стороны рядовых кочевников. Высокие социальные позиции являются наиболее надежным, пожалуй даже единственным, гарантом имущественных различий, причем для закрепления их иногда используются традиции общественной солидарности.

Тем не менее потребности собственного общества меньше всего могут способствовать закреплению социального неравенства. Во-первых, взятые сами по себе, они являются наиболее ограниченными и непостоянными. Интегрирующие процессы в кочевых обществах не являются достаточно стабильными. Центробежные

¹⁵Рассматривая их далее порознь, я, конечно, осознаю, что они могут оперировать одновременно в одном и том же кочевом обществе. Они трудноразделимы еще и потому, что активизация одного из них способствует активизации других.

тенденции противодействуют центростремительным. Во-вторых, последние отчасти возникают под прямым или косвенным воздействием внешнего мира, в результате функционирования данного кочевого общества в более широком экономическом и социополитическом континууме. В-третьих, независимое существование кочевого общества в этом континууме возможно лишь в том случае, если оно до определенной степени будет сплоченным и консолидированным, если общественные потребности и интересы в нем будут преобладать над частными и групповыми. Это обстоятельство является серьезным барьером для развития социальной и имущественной дифференциации. Руководящий слой в подобных обществах не только по форме, но и по существу является выразителем общественных интересов.

Надо учитывать и другие факторы, препятствующие развитию социальной дифференциации в кочевых обществах, которые уже отмечены различными учеными — подвижность и низкую плотность населения (Burnham, 1979: 362; Irons, 1979: 362; ср. Магх, 1978: 52, п. 16). Однако в целом они представляются второстепенными и преодолимыми.

Итак, внутренние процессы у кочевников, связанные с социальной дифференциацией, являются обратимыми и, главное, не слишком интенсивными. В определенных, достаточно редких случаях они способны вызвать к жизни стратифицированное общество, но никогда — государство. Во всяком случае мне подобные примеры неизвестны.

Второй источник социальной дифференциации связан со взаимоотношениями различных кочевых обществ, особенно когда такие взаимоотношения реализуются в подчинении одних групп номадов другими.

Следует различать подчинение двух видов. В первом случае, который я уже вкратце рассматривал выше, в одном и том же объединении, наряду с группами и подразделениями, занимающими господствующее положение, имеются другие, входящие в него в качестве неполноправных, зависимых и эксплуатируемых. Во втором — отношения зависимости устанавливаются между различными объединениями.

Подчинение одних групп кочевников другим в обоих своих видах — явление, хорошо известное на протяжении всей самостоятельной истории кочевников евразийских степей (см., например, Хазанов, 1975; Khazanov, 1978 про скифов; Бичурин, 1950: 144; Бичурин, 1950а: 161, 190—191; Таскин, 1973: 54 про сюнну; Бичурин, 1955а: 186, 229 про кангюй; Дестунис, 1860: 420; Гумилев, 1967 про древних тюрков; Агаджанов, 1969: 159, прим. 3 про половцев (кыпчаков); Аннинский, 1940: 88—89; *Полное собрание русских летописей*, т. 10, 1885: 90 про монголов Золотой Орды). Особенно стабильным был тип кочевых объединений, в которых одно племя доминировало над другим, находившимся от него в зависимости вассально-даннического типа. Столь же прочно удерживалась идеология главенствующего племени, рассматривавшего остальных как своих рабов (Хазанов, 1975: 154 сл.)¹⁶.

Однако в евразийских степях подобные отношения по своему значению всегда уступали зависимости, устанавливавшейся между кочевниками и оседлым населением (Khazanov, 1979). Также обстояло дело и на Среднем Востоке. Тем не менее в племенных объединениях афганцев одно из племен обычно было гегемоном, другие — вассальными. Среди лоханийских племен в XVI—XVII вв. таковым было племя даулат-хель, среди хахаев в XV—XVI вв. — юсуфзаи, среди гориа-хель — халиль (Рейснер, 1954: 98).

Гораздо большее значение имела зависимость одних групп номадов от других на Ближнем Востоке, где она была тесно связана с их хозяйственной специализацией (Rosenfeld, 1965: 77).

Еще в начале XX в. почти все полукочевые племена Сирии платили дань бедуинам аназа, верхней Месопотамии — шаммарам, северо-западной Аравии и Хиджаза — бану сахр, хувейтат и некоторым другим, северо-восточной Аравии — мутаир и еще нескольким племенам (Blunt, 1889, I: 29—30; Musil 1928" 59—60; Першиц, 1976: 295).

¹⁶Разумеется, подобное «рабство» нельзя понимать буквально. Тем не менее упоминания о нем, донесенные традицией оседлых народов, сбивали некоторых советских ученых на поиски рабовладельческих отношений у номадов, особенно древних. Критику подобного мнения см. Khazanov, 1973; Khazanov, 1975; Хазанов, 1976.

В Северной Африке на протяжении большей части средневековья среди податных племен, находившихся в зависимости от племен махзен (поставляющих военные контингенты государству и поэтому не плативших налогов), имелись полукочевники и даже кочевники. Второй вид зависимости был представлен неполноправными лицами и группами: союзниками, покровительствуемыми и клиентами, обладавшими второсортной асабией и связанными с аристократией различными контрактными отношениями (Marçais, 1913: 242; Иванов Н. А., 1963: 192; ср. Stewart, 1973 про Мавританию). По своему происхождению они были иноплеменниками, но нередко адаптировались в господствующем племени (ср. Peters, 1967: 173—174 о возможности смены статуса клиента на благородный в Киренаике).

Однако и рассмотренный источник социальной дифференциации и политической власти в кочевых обществах не является достаточно стабильным и надежным. С экономической стороны извечные изъятия и трудности кочевого скотоводческого хозяйства редко предоставляют возможность получения сколько-нибудь значительного и постоянного прибавочного продукта одной кочевой группой за счет других. С культурной стороны тому же препятствует однотипный образ жизни, связанный с мобильностью, возможностью откочевов и т. п. С социально-политической стороны трудности возникают по самым различным причинам: от слабости и неразвитости политических институтов и отсутствия достаточно сильного аппарата принуждения до сегментарного характера социальной организации. Питере (Peters, 1968: 168—169), например, отмечает, что в Киренаике сильные клиентские племена вполне способны защитить себя от благородных племен. То же самое верно для Мавритании (Stewart, 1972; Kowalska-Lewicka, 1978) и племен Западной пустыни Египта.

Подчинение одних кочевников другим становится несколько более прочным и долговременным, когда между ними устанавливается взаимосвязь на основе хозяйственной специализации, как в Сахаре и отчасти в Аравии. Однако взаимозависимость и взаимозаинтересованность уже сами по себе ограничивают возможности эксплуатации и ее соответствующую социальную реализацию.

Кроме того, наиболее прочная взаимозаинтересованность между доминирующими и подчиненными группами в кочевых образованиях или между ними устанавливается только тогда, когда их объединяют общие интересы по отношению к внешнему, не кочевому миру. (Туареги и племена Мавритании в этом отношении не составляют исключения.) Именно при таких обстоятельствах их объединения приобретают достаточную стабильность, благоприятствующую социальной дифференциации, иногда становятся стратифицированными.

Таким образом, мы приходим к третьему и основному источнику социальной дифференциации и политической власти в кочевых обществах — их взаимоотношениям с оседлым земледельческим и городским миром.

Кочевое общество не дает достаточных возможностей для стабильной социальной дифференциации только лишь за счет внутреннего развития. В качестве стабилизатора должен действовать внешний фактор. Проявляться он может самым различным образом: от прибавочного продукта, извлекаемого из подчиненных и эксплуатируемых оседлых обществ, до социальной поддержки, которую оседлое общество в лице государства оказывает проводникам своего влияния среди подчиненных кочевников, когда оно пытается создать из них свою социальную опору. Однако результатом чаще всего бывает одно и то же: рост и укрепление социальной дифференциации в кочевом обществе.

Внешние связи с оседло-земледельческими обществами, к которым кочевое общество стремится по экономическим причинам, одновременно больше всего могут способствовать росту и укреплению социальной дифференциации, при наличии соответствующих условий, превращают статусные различия в ранговые, сословные и даже классовые. Поэтому те, кого условно можно назвать «кочевой элитой», «кочевой знатью» или «кочевой аристократией» стремятся к этим связям не только по экономическим, но и по социальным причинам.

Кочевые вожества

В предыдущих разделах социально-политическая организация кочевников рассматривалась преимущественно с функционально-структурной точки зрения. Теперь представляется целесообразным затронуть также ее эволюционный аспект. Тот факт, что изменения в кочевых обществах по преимуществу имели обратный и кругообразный характер, едва ли может служить препятствием для постановки подобного вопроса. Если отказаться, наконец, от представлений об однолинейном и однонаправленном характере эволюции, а также от чрезмерного отождествления социальной эволюции с биологической, если признать, что социальная эволюция не обязательно должна быть необратимой, то два факта представляются достаточно очевидными. Во-первых, ограниченные и неравномерные возможности развития, присущие любым конкретным эволюционным линиям или направлениям (или, если сказать по-другому, их конкретный эволюционный потенциал), не означают полной стабильности или стагнации, какие бы причины, внутренние или внешние, не вызывали сами изменения. Во-вторых, обратимость сама по себе означает движение от более низкого уровня к более высокому и обратно, т. е. предполагает определенные эволюционные изменения. Поэтому вопрос о том, что представляли в эволюционном отношении наиболее развитые кочевые общества, и какого эволюционного уровня они были способны достичь до того, как они непосредственно подчиняли другие общества, или сами были подчинены ими, представляется вполне законным.

Из предыдущего изложения следует, что они способны достичь той непосредственно предшествующей возникновению государства стадии развития, которую сейчас чаще всего характеризуют как «стратифицированное общество» или «вожества»¹⁷.

¹⁷ Оба термина представляются мне не совсем адекватными, потому что первый обращает преимущественное внимание лишь на ее социальную (или социально-экономическую) сторону, а второй — на политическую (или социально-политическую). Однако подробное обсуждение и этой проблемы заняло бы слишком много места и вышло бы далеко за пределы главной темы моей книги (подробно о ней см. Хазанов, 1979). Антропологическая терминология и без того уже является настолько запутанной — тут я полностью солидарен с Першицем (1979), что по возможности я не желаю вносить в этот больной вопрос свою лепту.

Для того, чтобы выяснить, насколько применим к рассматриваемым кочевым обществам и соответствующим политическим образованиям термин «вождество», я попытаюсь проследить, насколько присущи им те признаки вождеств, которые сейчас наиболее часто выделяются различными исследователями¹⁸. Однако это не означает, что я всегда согласен с такой характеристикой вождеств и их выделенные черты сами по себе не всегда полностью совпадают.

Вождества вообще	Соответствующие кочевые политические образования
1) Наследственная социальная дифференциация, наследственное неравенство, наличие аристократического стратума (Service, 1971: 157; Service, 1975: 80; Claessen and Skalnik, 1978: 22)	+
2) Централизованное руководство (централизованное правительство) (Service, 1975: 80; Claessen and Skalnik, 1978: 22)	x
3) Ограниченные функции верховного вождя, преимущественно связанные с судопроизводством, церемониалом и внешними сношениями (Cohen R., 1978: 59)	+
4) Нет легитимной и принудительной власти, чтобы навязывать решения руководства, (Service, 1978: 22)	+
5) Теократический образ правления (Service, 1975: 80; Claessen and Skalnik, 1978: 22)	—

«+» означает наличие соответствующего признака, «—» — его отсутствие, «x» — более слабую его выраженность, чем в оседлых обществах.

6) Нет эффективных средств предотвра-
щения распада вожеств (Cohen R., 1978:
35; Cohen R. 1978a: 4; Skalnik, 1978:
614—615)	+
7) «Каждая узловая точка в структуре
дублируется в центре системы» (Cohen
R., 1978a: 4; ср. Cohen R., 1978: 55)	х
8) Относительно мирный характер (Service,
1975: 296)	—

Составленная таблица признаков нуждается в комментариях.

1) Об особенностях социальной дифференциации у кочевников см. с. 153—163. Еще раз подчеркну, что неравный доступ к ключевым ресурсам не является у них ее основой. Впрочем, то, слишком узкое и жесткое, на мой взгляд, понимание социальной стратификации, которое предложил Фрид, не применимо и к очень многим оседлым обществам (см. например, Service, 1971: 157; Service, 1975: 242; Service, 1978; Cohen, 1978: 57; Ciaessen, 1978: 553, 588; Skalnik, 1978: 604; Хазанов, 1979; Khazanov, 1981).

2) В целом политическая централизация в соответствующих кочевых обществах выражена слабее, чем в оседлых. Тем не менее различия не качественные, а количественные, не столько структурные, сколько функциональные. Сами функции централизованного управления у кочевников, как правило, бывают более узкими. Основные политические решения и руководство общественными делами в основном принимаются и осуществляются аристократией, но лишь небольшое число важнейших решений принимается на высшем уровне. Правильнее говорить не об отсутствии централизованного руководства вообще в соответствующих кочевых полициях, а об их сравнительно меньшей централизованноеTM, сравнительной диффузности системы управления. В то же время в определенных ситуациях эти полиции способны временно создавать очень централизованные системы управления, необходимые для выполнения конкретных задач, и по мере выполнения их иногда прекращавшие свое

существование. «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Подобную централизацию можно назвать ситуационной.

3) В отдельных случаях верховный вождь в кочевых полициях мог вообще отсутствовать, хотя все же такая ситуация представляется скорее исключением, чем общим правилом. Там, где он имеется, — его функции нередко частично те же, что и в оседлых обществах: судопроизводство, церемониал, внешние сношения. Не менее, если не более, важны, однако, и другие: посредничество во внутренних конфликтах и военное предводительство. Особые военные вожди, наподобие *аки/юв* у бедуинов Аравии, являются исключением. Но даже и у них шейхи нередко выступали в роли военачальников. Тем не менее в некоторых кочевых обществах заметно стремление к своеобразному разделению труда по руководству общественными делами с тем, чтобы не допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках. Так в казахских кочевьях XVIII в. роль политических предводителей, ханов и султанов в судопроизводстве была очень ограниченной (Левшин, 1852, ч. III: 176 сл.; Чулошников, 1924: 208 сл.).

В этой связи несколько слов о характере политического руководства у кочевников. Я уже обращал внимание, что институционализация и централизация власти у них нередко отстает от степени социальной дифференциации. Это частично объясняет тот факт, что предводители номадов, когда возникают условия в ситуационном централизованном руководстве, могут иметь различное происхождение. Чаще всего они являлись представителями аристократического стратума самих кочевников, нередко выходцами из среды наследственных руководителей. Но это далеко не обязательно. Мугулун — создатель объединения жуань-жуаней в IV в. и. э. был беглым рабом (Бичурин, 1950: 184); Шааланы — выходцы из среды рядовых кочевников, а основатели конфедерации хамсе ведут свое происхождение от купца из Шираза (Barth, 1964: об—87). В отдельных регионах, в первую очередь на мусульманском Ближнем Востоке и в Африке, предводителями кочевников иногда становились религиозные реформаторы и проповедники, подчас выходцы из земледельческо-городского общества, но объективно действовавшие в интересах номадов (Stenning, 1965: 366—367; Gellner, 1969: 4.; Cohen R., 1978: 57—58; Bontc, 1979: 179).

В то же время сам характер ситуационного руководства подразумевает, что при благоприятных обстоятельствах и в случае необходимости оно может возникнуть и в обществе с неразвитой социальной дифференциацией, в котором аристократия как специализированный привилегированный стратум отсутствует или же позиции ее очень слабы.

Три типа власти, выделенные Максом Вебером: традиционная, бюрократическая и харизматическая, применительно к предводителям кочевников выглядят несколько абстрактно.

Одни из этих предводителей в отношении своего происхождения и характера власти были традиционными, но могли приобрести харизму в результате своей успешной деятельности (наилучший пример — Чингиз-хан). Другие, напротив, обладая харизмой, смогли с ее помощью добиться руководства традиционными формами социальной организации кочевников. Стать же бюрократическими и те и другие могли лишь отчасти и при особой ситуации — только лишь в результате завоевания оседлых областей и только с помощью уже существовавшей там бюрократии. Но в таком случае сами кочевые политии типа вожеств переходили на иной эволюционный уровень.

4) В обычных условиях отсутствие легитимной и принудительной власти навязывать решения присуще руководству кочевников еще в большей степени, чем руководству оседлых вожеств.

5) Хотя мнение о якобы теократическом образе правления, присущем вожествам, получило очень широкое распространение среди западных антропологов, я не вижу для него достаточных оснований. Обычно за доказательство наличия теократии принимаются представления о сакральном характере власти вождя или самой его персоны, но этого явно не достаточно (подробно об этом см. Хазанов, 1979). К тому же даже эти представления отмечены далеко не во всех кочевых политиях.

О сакральных аспектах власти можно говорить лишь применительно к некоторым обществам восточноафриканских номадов. Ислам на Ближнем Востоке и в суданско-сахельской зоне также в некоторых случаях делал вождями у кочевников лиц, связанных с религией, особенно когда возникали потребности в

быстрой интеграции и централизации. Бонт (Bonté, 1979: 180) справедливо заметил, что сила религии в данных случаях важна еще и потому, что способна разбить ограничения племенного общества. В то же время функции «святых посредников», вроде тех, которых описал Геллнер (Gellner, 1969: 78), были ограниченными. В евразийских степях в доисламское время функции посредничества между божествами и народом были присущи и скифским царям и тюркским каганам, но и у тех и других были не вождества а государства. Во всяком случае подлинные теократии, т. е. политии, в которых главным руководящим сословием или классом является жречество, принимающее важнейшие политические решения, у кочевников если и встречаются, то в качестве редкого и неполного исключения.

6) Отсутствие эффективных средств предотвращения распада присуще кочевым политиям еще больше, чем оседлым обществам.

7) В силу более диффузного характера центрального руководства и его более ограниченных функций, нередко имеющих ситуационный характер, оно не всегда является дублирующей репликой руководства на более низком уровне, хотя определенная тенденция к этому прослеживается в ряде кочевых политии.

8) «Относительно мирный характер» любых вождеств является очень неопределенным признаком. Единственное, что можно заметить по этому поводу — соответствующие кочевые политии являются менее «мирными», чем некоторые оседлые вождества.

Проведенное сравнение, на мой взгляд, показывает, что к ряду кочевых политии в целом применим термин «кочевые вождества». Однако эти вождества, по сравнению с оседлыми, обладают и специфическими чертами. Прежде всего, в эволюционном плане все они являются вторичными, т. е. возникают не *sui generis*, а обязательно в результате взаимодействия с внешним миром, которое может принимать различные формы. Не только централизованное руководство в них, но и их самих в известной мере можно назвать ситуационными.

Именно поэтому они обычно являются особенно нестабильными с диффузным, децентрализованным руководством и текучим и непостоянным составом. Иногда в структурном отношении они

совпадают с высшими звеньями социально-политической организации кочевников, такими, как подплемя, племя или племенное объединение. Однако это совсем не обязательно. В качестве примера сошлюсь на монгольское вождество XII в. или казахские и туркменские вождества XVIII — начала XIX в., свидетельствующие о том, что кочевые вождества могут и не соответствовать полностью конкретным звеньям социально-политической организации соответствующего кочевого общества.

В этом отношении я расхожусь с мнением Суит (Sweet, 1965: 138). У беду инов Аравии она характеризует как мелкие вождества относительно стабильные единицы — племенные секции (*fakhd*). Таким образом, для Суит основой выделения кочевых вождеств служит их структура. На мой взгляд, выполняемые ими функции служат более надежным критерием, разумеется, с учетом общего уровня социально-политического развития соответствующих кочевых обществ.

Тема и вариации

Остается проследить, как проявляются особенности социополитической организации и функционирования кочевых обществ на региональном уровне и в исторической ретроспекции, а также как коррелируют они с выделенными в главе I основными хозяйственными типами нomaдизма. Сформулировать эту проблему значительно легче, чем решить ее, по причинам, на которые мне уже приходилось сетовать. Кочевые общества, в частности их социальная организация, лучше всего описаны лишь тогда, когда их взаимоотношения с внешним миром стали наименее типичными, если в качестве эталона сравнения брать предшествующие эпохи. Это необходимо постоянно иметь в виду, равно как и то обстоятельство, что некоторые особенности их социальной организации сформировались именно в новое время, как следствие изменившихся отношений с оседлыми обществами.

Северный евразийский тип. Рассматривая социальную организацию таких нomaдов, как ненцы, чукчи или коряки, необходимо учитывать, что включение их в состав Российской Империи совпало или даже предшествовало становлению у них крупно-

табунного оленеводства. Оленеводство у саами также испытывало ограничения и регулирование со стороны скандинавских государств вплоть до квоты на численность оленей (Whitaker, 1955; Vorren and Manker, 1962).

Меры русской администрации, направленные на устранение межгрупповых столкновений, постепенное вовлечение оленеводов в сферу товарно-денежных отношений и просто охрану частной собственности на оленей (*Общественный строй...*, 1970: 98—100, 385; Диков, 1974: 100 —101), способствовали определенной атомизации их общества, значительному росту имущественного неравенства (Колычева, 1956: 86; *Общественный строй...*, 1970: 67, 411—413; Васильев, 1976: 327—331). Уже в XVIII в. у ненцев количество оленей в отдельных хозяйствах колебалось от 10 до 3000 голов (Зуев, 1947: 32). По данным 1926 г., у кочевников ненцев 73,3 /о хозяйств имело менее 100 голов оленей, 58,5 /о — менее 50, 40,1% — менее 25 (Броднев, 1959: 77). В то же время к 1926—1927 гг. товарность оленеводства на севере СССР достигла 18 /о (*Общественный строй...*, 1970: 69).

Однако нельзя недооценивать наличия у северных оленеводов редистрибуции и прочих систем перераспределения, которые хотя и не устраняли имущественного неравенства, но все же сглаживали его (Житков, 1913: 220; Leeds, 1965: 122—123; *Общественный строй...*, 1970: 410). Хотя Броднев (1959: 76—77) не был знаком с работами субстантивистов и не знал термина «генерализированная реципрокация», он, описывая различные ее проявления у ненцев, довольно точно сформулировал и ее суть: «Отказ нуждающемуся в помощи осуждался общественным мнением как самый тяжкий проступок — воровство или нарушение экзогамии. Плохой или хорошей славой человек прежде всего был обязан своим отношением к взаимопомощи. Обязанность взаимопомощи являлась важной частью правовых норм ненцев... Но взаимопомощь, будучи явлением диалектически противоречивым, имела и другую сторону. Нельзя было требовать платы за оказанную помощь, но в то же время получивший ее не мог уклониться от тех или иных услуг оказавшему эту помощь».

Имущественное неравенство не реализовывалось у северных оленеводов в стабильной социальной дифференциации как по причинам, вообще присущим кочевникам, так и из-за особенностей колониальной политики. Богатые скотовладельцы пользовались авторитетом, влияли на выбор маршрутов перекочевок, представляли свою группу перед русской администрацией, но и только. Аналогичная картина наблюдалась у саами (Whitaker, 1955: 56; Vorren and Manker, 1962: 144—145).

Между различными этническими общностями северных оленеводов существовали определенные различия в социальной организации. Саами, чукчи и коряки — билатеральны или, скорее, просто неунилинейны, ненцы — патрилинейны. Но у всех у них отсутствует генеалогический принцип организации общества, корпоративные группы происхождения, сегментарные системы. Родственные связи дополнялись контрактными связями партнерского типа. К числу подобных относится знаменитое *н'эв тумгын* — «товарищество по жене», которое некоторые советские антропологи тщетно рассматривали как подтверждение гипотезы Моргана — Энгельса о групповом браке.

По существу, у большинства оленеводов социальная организация наиболее отчетливо была представлена двумя основными и наиболее устойчивыми формами хозяйственного плана — отдельным хозяйством и общиной, а также семьей, если брать собственно социальный план. Семья чаще всего, хотя и не всегда, совпадала с отдельным хозяйством. Общины могли состоять как из хозяйств однородных в хозяйственном отношении, так и разнородных. Нередко богатые скотовладельцы просто прибегали к найму пастухов или к отдаче скота на выпас на различных условиях (Bogoras, 1904: 82—83; *Общественный строй...*, 1970: 408; Васильев, 1976: 332—333; Крупник, 1977: 80, 87).

Территориальные общности, охватывавшие все хозяйства и общины, кочующие в данном районе со сравнительно четкими географическими границами, в социально-политическом отношении никак оформлены не были, за исключением общих прав на пастбищную территорию, реализовывавшихся *de facto*. Хозяйства, Прикочевывавшие в новые районы, должны были испрашивать

разрешения у тех, кто уже кочевал там, и иногда получали отказ (*Общественный строй...*, 1970: 407). Однако наличие таких общностей осознавалось самими кочевниками, и нередко границы этих общностей совпадали с границами различных диалектов (Долгих и Левин, 1951: 105—106).

У ненцев (за исключением давно аккультурированных европейских групп) имелись экзогамные роды, но генеалогический принцип у них *был* выражен довольно слабо. Родовые генеалогии у них отсутствуют, имеются лишь легенды о происхождении кланов. В этих легендах связи между родами, на которые распространялось правило экзогамии, запрещавшее браки между их членами, объяснялось тем, что они были основаны братьями. Однако конструирование генеалогических линий, протягивающихся отныне живущих ненцев к предполагаемым основателям рода, отсутствует. Характер племенной организации у ненцев и само ее наличие исследованы очень плохо. Иногда в силу особых обстоятельств ненецкие «роды» объединялись в более крупные образования, но состав последних не был фиксирован. Можно также упомянуть об административных единицах, также именовавшихся родами. Они иногда искусственно создавались русской администрацией, в основном в фискальных целях.

Устойчивого разделения пастбищ в пределах данной территориальной общности не было. Они считались общей собственностью (Беретти, 1929: 21; Васильев, 1976: 335—336). Распределение пастбищ происходило без посредничества какого-либо постоянного руководства, на основе взаимной договоренности. Лишь к концу XIX в. и только в некоторых областях тундры (особенно на Ямальском полуострове) пастбища переходили в преимущественное пользование отдельных общин. Но хотя бы отчасти это было связано с политикой русской администрации, для которой стабилизация маршрутов представляла возможности большего контроля и управления оленеводами (Житков, 1913: 206—209; Броднев, 1959: 71—72; Васильев, 1976: 335; Крупник, 1977: 62—63).

Теоретически нельзя исключить, что не будь колониальной власти, борьба за скот и пастбища привела бы в конце концов и северных оленеводов к созданию более централизованных и диффе-

ренцированных форм социальной организации. Но даже в этом можно усомниться. Чукчи перешли к оленеводству, отобрав большую часть необходимого им скота у коряков и юкагиров, и при этом остались нестратифицированным обществом (*Общественный строй...*, 1970: 98; Вдовин, 1965: 10 сл.). Для подлинной социальной дифференциации у оленеводов Северной Евразии просто не было ни возможностей, ни стимулов. Очевидно не было у них и стимулов для возникновения сегментарных систем, характерных для кочевников аридных зон.

Евразийский степной тип. К новому времени в евразийских степях, полупустынях и пустынях не осталось, или почти не осталось, кочевых обществ и групп, которые в прошлом не прошли бы через горнило государственного существования. Однако государственные периоды почти у всех у них сменялись безгосударственными с соответствующей осцилляцией социальной организации. Те ученые, которые рассматривают историю кочевников евразийских степей как единый поступательный процесс развития (см., например, Lattimore, 1974; Kräder, 1979), сильно упрощают действительность. Так, например, поступает Шинкевич (Szynkiewicz, 1975: 125), когда, несмотря на этнические и политические изменения в степи в средние века, рассматривает период с VI по XII в. и далее как время однолинейного развития по крайней мере некоторых форм социальной организации номадов Центральной и Внутренней Азии. В результате он склонен искать истоки дезинтеграции монгольского клана в государстве древних тюрок VI в. н. э. Беда лишь в том, что нет фактов, подтверждающих это мнение.

На протяжении почти трехтысячелетней истории кочевников евразийских степей внешний мир противостоял им в виде оседлых государств, обычно крупных и сильных. Это одна сторона дела. Другая заключается во взаимоотношениях самих номадов.

Представляя собой огромное, почти сплошное пространство без труднопроходимых границ, степи не были однородными в экологическом отношении. Западная часть их в целом плодороднее, богаче восточной. Отсюда частые миграции номадов в западном направлении, почти всегда сопряженные с войнами. Нельзя также сбрасывать со счетов потребность в распределении пастбищ и

регуляции маршрутов перекочевок, хотя и не такую сильную, как у кочевников Среднего Востока, но тем не менее существующую и нередко сопряженную с определенными политическими функциями, отличными от самого производственного цикла. Все вместе это приводило к тому, что с древности наиболее распространены у кочевников рассматриваемого региона были сравнительно крупные образования, а центростремительная тенденция имела под собой долговременную основу.

Неудивительно поэтому, что социальная организация евразийских степных номадов, как правило, не ограничивалась уровнями, необходимыми лишь для ее непосредственного производственного функционирования. Насколько позволяют судить источники, высшие звенья социальной организации с определенными политическими функциями прослеживаются у большинства кочевников евразийских степей нового времени, средних веков и даже древности. Разумеется, их относительная сила, устойчивость и конкретные формы не оставались неизменными.

По мнению Бекон (Bacon, 1958: VII: 183—185) и Кредера (Krader, 1963: 4, 10 ff.), социальная организация тюркоязычных и монголоязычных кочевников представляет собой конический клан. Для Бекон, которая находит конический клан также у бедуинов Аравии и многих других народов, основанием для подобного заключения служит сам принцип сегментации и предполагаемая ею амбивалентность соответствующих групп, объединяемых общностью происхождения. Ошибочность мнения об их амбивалентности хорошо показал Шинкевич (Szyrkiewicz, 1975: 114 м ff.). Кредер идет гораздо дальше. Он находит у евразийских кочевников генеалогическое ранжирование на основе примогенитуры. Чтобы исключить возможность недопонимания, приведу определение самого ученого (Krader, 1963: 369).

«Клановая генеалогия является средством, при помощи которого демонстрируется происхождение от общего предка и устанавливается кровное родство. Более того, она является средством, устанавливающим соответствующий социальный ранг. Все линии происхождения коллатерально ранжированы в соответствии с порядком рождения основателя каждой линии происхождения,

будь то клан, линидж, родственная группа одного поселения или семья. Генеалогия указывает на членство индивида в группе, где он может быть лично неизвестен, и узаконивает его притязания на определенный ранг. В таких обществах нет двух абсолютно равных членов, каждый находит свое место в системе коллатерально ранжированных линий происхождения от общего предка. Ранжирование самих линий происхождения индивида внутри каждой линии основано на принципе примогенитуры».

Мне кажется, из этой цитаты ясно, что конический клан Кредера во всем существенном совпадает с коническим кланом Кирхгоффа (Kirchoff, 1968), как он описан, например, для Полинезии. Однако ни сколько-нибудь последовательная примогенитура, ни тем более постоянное ранжирование коллатеральных линий, в зависимости от их генеалогического отношения к предку, ни зависимость социальных позиций индивида от порядка его рождения решительно не были присущи кочевникам евразийских степей.

Приведу несколько примеров. Хорошо известно, что в империи Чингиз-хана, государствах чингизидов и во всех остальных кочевых государствах, где чингизиды составляли правящие династии, отсутствовали устойчивые правила наследования власти.

У киргизов, согласно китайским источникам, не было ни постоянного ранжирования коллатеральных линий, ни наследования власти согласно правилам примогенитуры.

У казахов были представления о генеалогическом старшинстве отдельных орд и их подразделений, но практического значения это не имело (Харузин, 1889: 46; Гродеков, 1889: 7; Чулошников, 1924: 200).

У калмыков в XVIII в. *аймак* — объединение нескольких *хотонов*, возглавлял *зайсанг*, происходивший из старшей линии старшего *хотона*. Но уже в следующем таксономическом подразделении — *анги*, старшинство различных *зайсангов* не учитывалось, и все они считались равными друг другу (Небольсин, 1852: 8).

Количество примеров можно продолжить (см., например, с. 297 про кочевников раннего средневековья — печенегов), но вывод, по-моему, ясен. Мнение Кредера о наличии конического клана у тюрко-монгольских кочевников — плод недоразумения,

причины которого остаются для меня загадкой. Правда сам ученый (Kräder, 1963: 370) отмечает, что монголы Ордоса в XVII—XIX вв., а позднее калмыки, казахи и киргизы стали отходить от принципа конического клана. Но все дело в том, что не было самого принципа.

За несколькими исключениями в новое время у кочевников евразийских степей господствовали различные сегментарные системы. Для них характерно, что в одних и тех же образованиях было неодинаковое количество сегментов в подразделениях одного таксономического уровня и даже неодинаковое количество самих подразделений на различных вертикальных уровнях (Жданко, 1950: 77—78). К тому же сегменты различались по своей численности. Сами системы не оставались неизменными, а в соответствии с внешними и внутренними обстоятельствами изменялись, причем в различных направлениях.

У туркмен XVIII — начала XIX в. сильные племенные образования, неоднократно возникавшие у их предков в средневековый период, давно распались (Брегель, 1961; Марков, 1976: 206 сл.). Хотя социальная организация туркмен насчитывала не менее 5—6 ступеней, ее высшие звенья — племена и их крупные подразделения, как правило, не имели централизованной политической власти. Они представляли собой совокупность мелких самоуправляющихся подразделений, связанных представлениями об общности происхождения, но объединявшихся в ситуационные вождества только эпизодически, в случае необходимости совместных военных действий. Возможность и даже необходимость кочевания небольшими группами являлись одной из причин того, что самостоятельность отдельных общин (*оба*), связанных с низшими ступенями социальной организации (*тирс*) была очень велика. Кочевая община самостоятельно выбирала маршруты перекочевок.

Неудивительно, что имущественная и социальная дифференциация у туркмен не выразилась в стабильном обособлении руководящего и привилегированного слоя. Имущественная дифференциация общины приводила к появлению в ней богатых и авторитетных семей, но они не противопоставляли себя ей.

Муравьев (1822: 56) замечал, что у туркмен йомутов в каждом из мелких подразделений «есть избранный старшина, которому народ повинует, или лучше сказать, которого народ уважает по старости лет, по разбойническим доблестям его, или по богатству».

В одних областях расселения туркмен крупные подразделения вообще не имели постоянных предводителей, в других имелись вожди, не обладавшие постоянной реальной властью. По словам одного из наблюдателей, у прикаспийских йомутов «всякий побогаче называет себя ханом» (Галкин, 1867: 31). У некоторых групп наблюдалось возвышение отдельных линиджей, и титул иногда передавался по наследству, но все это имело лишь временный характер.

У киргизов в XVII в. племена являлись более стабильными образованиями, чем у туркмен. Каждое племя и даже его крупные подразделения имели наследственных предводителей — *биев*. Согласно китайским источникам, «каждый бий управляет своей землей и имеет своих подданных. По своему могуществу и власти они равны один другому, ни на волосок не подчиняются друг другу. Если бий умирает, то устанавливают своим бием его сына и брата, другие же не могут занять это место» (Сиюй вэнь цзянь лу. Бурты: 8; цит. по Петров, 1961: 126).

Интересные изменения произошли в начале XIX в. Лица, принадлежавшие к подразделению *манап* (по имени основателя, жившего в XVII в.) из племен сары багыш, постепенно заняли привилегированное положение не только в своем собственном племени, но и в ряде других племен (Абрамзон, 1971: 158). В конце XIX в. родословные киргизских *манапов* насчитывали 14—18 поколений (Петров, 1961: 122). Может быть их сегментарная система развивалась в сторону стратифицированной.

Столь стойкое наличие у киргизов дифференцированной сегментарной системы, на мой взгляд, объясняется тем, что начиная с монгольского периода они по существу без перерыва входили в различные государственные образования, или кочевые, или оседлые, причем временами сами подчиняли себе земледельческие территории. С конца XVI в., в период перемещения киргизских племен в Кашгарию и Шергану, и особенно в начале XVIII в., их бий, опираясь на свои кочевые подразделения, стали правителями

земледельческих областей и городов. Внешний фактор у киргизов всегда присутствовал и способствовал социальной стратификации

Казахи вступили на арену истории в XV—XVI вв. со стратифицированной сегментарной системой — наследием предшествующего политического развития, когда их предки входили в состав различных государственных образований, возникших в результате распада монгольской империи. Сословие «белой кости» вело свое происхождение от Чингиз-хана и противопоставляло себя всем остальным казахам как в социальном, так и в генеалогическом отношениях, пересекая сегментарные (местные) группы. Однако история казахов в XVI—XIX вв., за исключением отдельных кратковременных периодов, — это история почти непрерывного упадка их политических образований и, соответственно, упадка реальной власти «белой кости» в лице ханов и султанов.

Единое ханство скоро распалось на три орды (жуза), возглавлявшихся выборными ханами — чингизидами. Жузы и входившие в их состав племена являлись сравнительно стабильными территориально-политическими образованиями. Но власть возглавлявших их ханов была слабой, особенно по мере того, как из их рук ускользало владение земледельческими территориями и городами (Бартольд, 1963в: 270; Пищулина, 1969).

Правда, время от времени в связи с военной опасностью у казахов появились более сильные и влиятельные ханы, вроде Тауке или Аблая во время войны с Джунгарией в 30-х гг. XVIII в., но это уже зависело от конкретной исторической ситуации, требовавшей временного объединения нескольких крупных подразделений в ситуационные вожества, и отчасти от личных качеств самих ханов. Последним таким вождем был султан Кенесары, возглавивший в XIX в. мощное национальное движение против России и в ходе него провозглашенный ханом. По устным преданиям казахов, хан Аблай завещал своим сыновьям никогда не решать до конца конфликтов среди крупных казахских подразделений, так как только такая обстановка являлась необходимым условием для сохранения среди них ханского влияния (Толыбеков, 1971: 362). По-видимому, хан Аблай в совершенстве понял принципы сегментарной системы.

Наиболее сплоченными в социальной организации казахов были подразделения более низкого таксономического уровня, связанные с совместным использованием пастбищной территории, военными и прочими интересами. Характер кочевания казахов и их отношения с другими номадами и оседлыми государствами ограничивали самостоятельность отдельных низших подразделений больше, чем у туркмен. У каждого сравнительно крупного казахского подразделения существовали определенные и стабильные на протяжении больших исторических периодов пастбищные территории и пути кочевания (Муқанов, 1974: 76), нарушение которых в результате внешнеполитических потрясений больно отзывалось на кочевническом хозяйстве. Эти подразделения возглавляли *тарханы*, *бии*, *батыры*, *баи*, *аксакалы* и другие представители «черной кости», т.е. сословия, к которому принадлежали все казахи, за исключением чингизидов и лиц, возводивших свое происхождение к пророку или его сподвижникам. Власть таких предводителей, основанная на их авторитете и богатстве и связях с конкретными подразделениями, постепенно возрастала по мере того, как падало влияние «белой кости» (Вяткин, 1941: 114). Однако верхушка «черной кости» не стала замкнутым сословием и не смогла наследственно закрепить свою власть, отчасти из-за противодействия русской администрации. Согласно «Уставу о сибирских киргизах» должности *биев* были объявлены выборными, с последующим утверждением государственной властью (Зиманов, 1958: 196—197).

Сегментарная система казахов развивалась от стратифицированной к дифференцированной и далее к недифференцированной (их определение см. с. 254 сл.), и я думаю, что даже если бы не было их включения в состав России, все равно социальная стратификация в их обществе постепенно теряла бы свое значение.

Лишь в нескольких случаях (монголы, калмыки) сегментарные системы у кочевников были подорваны их длительным, но специфическим существованием в различных государствах, и не в последнюю очередь политикой подчинивших их оседлых государств.

Монгольское общество XII в. было сегментарно-дифференцированным и социально стратифицированным (см. Szyrkiewicz,

1976; однако автор переоценивает значение примогенитуры). Политика Чингиз-хана, а затем юаньской династии, объективные условия завоеваний и переселений разрывали сегментарную систему на куски. Позднее не менее сильный удар ей нанесла политика маньчжурского правительства, хотя сами линиджи еще сохранялись или конституировались заново.

С созданием империи Чингиз-хана закрепилось обособление аристократии в особое привилегированное сословие, а чингизиды у халха монголов, в отличие от западных монголов, составили высший, наследственно-замкнутый слой общества. Соответственно, генеалогический принцип происхождения в качестве структурообразующего претерпел сильные изменения и, главное, по-разному проявлялся в разных сословиях. Но среди рядовых монголов он был окончательно подорван только маньчжурской политикой, направленной на создание в Монголии территориальных групп (Грумм-Гржимайло, 1926, т. III, ч. I: 285 сл.; Bacon, 1958: 86; Bessac, 1965; Szyrkiewicz, 1977).

Данные по древним и средневековымномадам, несмотря на их фрагментарность, подтверждают, что их социальная организация варьировала все в том же спектре сегментарных систем, основанных на генеалогическом принципе. Правда, поскольку большинство этих данных относится к государственным или предгосударственным периодам жизни соответствующих номадов, о дифференцированных и стратифицированных сегментарных системах сведений гораздо больше, чем недифференцированных; сама же сегментация остается в тени. Тем не менее иногда удастся проследить определенные системы сегментации, стойко сохранявшиеся в степи на протяжении многих столетий.

У скифов царский клан, претендовавший на божественное происхождение, превратился в сословие, члены которого возглавляли отдельные подразделения кочевников (Хазанов, 1975: 191 – 199; Khazanov, 1978: 437).

Сыма Цянь в 110 главе Ши Цзи пишет о стратификации общества сюнну. Простые сюнну «не имеют фамилий и прозвищ». Но все сановники занимают должности по наследству. Три фамилии Хуянь, Лань и позднее появившаяся Сюиту считаются у

сюнну знатными родами» (цит. по Таскин, 1968: 35, 40). Эти роды были связаны с правящим родом шаньюев Люяньди (Сюйляньти), по существу обособившимся в правящий слой. В этой связи мне представляются верными выводы Таскина (1973: 17): «Рассматривая политическую организацию сюнну-ског общества в целом можно прийти к выводу, что она очень похожа на политические организации других, более поздних кочевых народов, и в частности монголов».

Более подробные сведения относятся к средневековому периоду. Сегментация печенежского общества по данным Константина Багрянородного (Constantine Porphyrogenitus. *De Administrando Imperio*, 37) была основана на схеме 1:2:2:2:5¹⁹. В X в. печенеги, кочевавшие в степях Восточной Европы, совершали набеги на Русь, были вовлечены в сферу византийской политики, но не составляли единого и централизованного объединения. Каждое из 8 печенежских племен действовало самостоятельно, по существу представляло собой отдельное вожжество, и во главе его стояли наследственные вожди. Однако, по утверждению Константина Багрянородного, «после их смерти их двоюродные братья наследовали их власть. По закону и древнему обычаю, господствующим среди них, они не имели права передавать свой ранг своим сыновьям или своим братьям. Те, кто у власти, правят только в течение своей жизни, а когда они умирают, либо их двоюродные братья, либо сыновья их двоюродных братьев должны назначаться во власть, для того, чтобы высшая должность не оставалась исключительно в одной семейной ветви, чтобы и коллатеральные ветви наследовали власть, но никто из чужой семьи не мог стать князем».

Сегментарная система огузов была основана на несколько иной схеме. Если следовать Рашид ад-Дину (1952: 86—90), высшие звенья ее можно изобразить как 1:2:3:4. По мнению Толстова (1947: 97), правда далеко не бесспорному, подобная

¹⁹ Любопытно отметить, что подобная схема близка к той, которая зафиксирована у каракалпаков, одним из предков которых считаются печенеги (Жданко, 1950: 82 сл., 108—109).

схема восходит еще ко временам сюнну. Различные средневековые авторы: Рашид ад-Дин, Махмуд Кашгарский, Ибн ал-Асир, Марвази и Абу-л Гази-хан, расходятся в деталях, передавая версию об Огуз-хане и происхождении огузских племен. Однако большинство их отмечает наследственную дифференцированность огузских племен, объясняемую различиями в старшинстве или чистокровности их происхождения. Вероятно, не только социальная организация огузов, но и их сегментарная система стали стратифицированными еще до сельджукских завоеваний. Одним из последствий социальных различий явилось сильное имущественное расслоение в их обществе, отмеченное Ибн-Фадланом.

Все это неудивительно, если учитывать вхождение в состав огузского объединения ряда земледельческих территорий и городов Сырдарьинской области, а также связи с государствами Центральной Азии. Кстати, ряд ученых рассматривает объединение огузов в Приаралье и Северном Прикаспии в конце IX — начале X в. уже как государственное (см., например, Pritsak, 1953; Агаджанов, 1969: 36—42, 122 сл.). Однако, судя по данным Ибн-Фадлана (цит. по Ковалевский, 1956: 127—130), центральная власть в огузском объединении была слабой и ограниченной.

Ближневосточный тип. Ближневосточный номадизм в любом отношении слишком разнообразен, чтобы рассматривать его суммарно. У бедуинов Аравии размеры и уровни социально-политической организации во многом определялись потребностями и возможностями охраны скота, пастбищ и водных источников (Rosenfeld, 1965: 76). У верблюдоводов особенности кочевания, требовавшие контроля над пастбищными территориями, занимавшими большую площадь вызывали потребность в достаточно крупных образованиях с элементами институционализированной, а иногда и централизованной политической власти. Она отправлялась шейхами отдельных племен или их подразделений и обычно передавалась по наследству (Musil, 1928: 50). Дифференцированные сегментарные системы, вообще характерные для аравийского подтипа номадизма, наибольшее развитие получили у сильных верблюдоводческих племен (Sweet

Шейхи сосредоточивали в своих руках значительную часть доходов, поступавших от обложенного данью земледельческого населения оазисов и вассальных овцеводческих племен (Rosenfeld, 1965: 78 f.). Они получали плату за различного вида покровительство, оказывавшегося от лица возглавляемого ими структурного подразделения, в том числе за безопасный проход по его территории и за пастбища, которые они, опять-таки от лица своей группы, сдавали в аренду другим группам кочевников (Burckhardt, 1831: 5, 7; Jaussen, 1908: 164; Musil, 1928: 59—60; Dickson, 1951: 504, 562; Першиц, 1961: 123; Stein, 1967: 133).

Шейхам выделялась часть военной добычи, даже если сами они не участвовали в набегах. «Таково правило, что даже если шейх сам не участвует в набегах, часть добычи должна передаваться ему» (Oppenheim, 1990, II: 87; ср. Jaussen, 1908: 143, 168).

Хотя некоторые шейхи резервировали лучшие пастбища для выпаса своего скота (Philby, 1922, II, app. II; Dickson, 1951: 51, 394), большая часть их доходов и соответствующего влияния происходила из источников, находившихся вне их собственных образований. Но эти доходы были приобретены благодаря их поддержке (Burckhardt, 1831: 95; Doughty, 1888, I: 294—295; Burton, 1893, II: 114; Musil, 1908: 333; Першиц, 1961: 139; Першиц, 1976). Не случайно по отношению к собственному подразделению власть шейхов была ограниченной, и частью своих доходов они должны были делиться с рядовыми кочевниками (Montagne, 1932, 71; Rosenfeld, 1965: 76; Sweet, 1965: 139—140).

Только серьезные внешние факторы способствовали существенному укреплению политической организации и централизации власти у бедуинов. Это случилось, например, у рвала в конце XIX в., когда возвысились шейхи Шалааны, потому что им удалось захватить контроль над значительным отрезком хаджжа (пути паломничества в Мекку) и вступить в сложные взаимоотношения с турецкими властями в Дамаске; одновременно они стали испытывать давление государства Рашидидов в Хайле (ср. Marx, 1977: 349).

Однако от тех же внешних факторов, в частности внешней опасности, в значительной мере зависят в таком случае и глубина социальной дифференциации общества, и степень его централизации,

и продолжительность преобладания в нем центростремительных тенденций (Sweet, 1965: 129f.; Rosenfeld, 1965: 76). Перечисленных факторов было достаточно для возникновения социальной стратификации у бедуинских обществ Аравии. Однако эта стратификация внутри самих бедуинских племен не вызывала существенных различий между аристократией и рядовыми кочевниками в их отношении к производству, распределению и тем более к собственности на естественные ключевые ресурсы.

Туарегские общества Сахары, если взять наиболее известных ее номадов, были более стратифицированными, хотя источники самой стратификации в целом оставались те же, что и в Аравии. Но социальная стратификация у туарегов развивалась в первую очередь по линии хозяйственной специализации и отчасти по линии этнических различий. Если не считать промежуточных групп и слоев, ее можно изобразить в следующем схематическом виде: благородные племена верблюдоводов; вассальные племена, преимущественно разводившие мелкий рогатый скот; полукрепостное земледельческое население; рабы. Большая стратифицированность туарегского общества, по сравнению с аравийским, на мой взгляд, объясняется двумя основными обстоятельствами. В отличие от Аравии у туарегов верблюдоводы, группы, разводящие мелкий рогатый скот, и земледельцы были интегрированы в единую социополитическую систему (см. с. 427 сл.).

Необходимо также учитывать необычно значительное для кочевников развитие рабства у туарегов, в частности роль рабов в выпасе скота (Nikolaisen, 1963: 439—442). Исключительная аридность и изолированность области почти исключали возможность их побегов. К тому же туареги устраняли ее специальными мерами. Так, «Кель Иви и Кель Герес обменивали своих пленников, что ограничивало необходимость следить за вновь приобретенными рабами» (Lovejoy, 1976: 155). Кроме того, туареги извлекали в прошлом значительные доходы из внешних источников: караванной торговли и работорговли.

При всех обстоятельствах социальная организация туарегов плохо подходит под понятие сегментарных систем. Практически

даже в благородных племенах прослеживается лишь деление на несколько секций, а представление об общности происхождения не сопровождается сколько-нибудь развитым генеалогическим принципом (Nicolaisen, 1963: 140 ff.).

Не менее стратифицированным было мавританское общество с его двумя привилегированными сословиями — воинственными племенами арабского происхождения и религиозно и торгово ориентированными племенами берберского происхождения. Эти сословия имели различные зависимые слои и группы, в которых социальные различия частично совпадали с этническими. Тем не менее в основе самой стратификации также лежало подчинение земледельцев кочевникам и вассально-данническая зависимость одних групп от других. В качестве дополнительного фактора можно отметить важную роль внешней торговли (Briggs, 1960: 211 ff.; Stewart, 1973; Stewart, 1973a: 375—385; Harnes, 1979).

Социальная организация большинства кочевников и полукочевников Северной Африки, особенно арабских или арабизированных, была близка к организации бедуинов Аравии. Преобладали дифференцированные сегментарные системы и социальная стратификация. Руководство племенем было наследственно закреплено в руках одного линиджа, происходящего из одного и того же подразделения, хотя твердых правил наследования не было. Шейхи были военными предводителями, ведали внешними сношениями, отправляли судебные функции, распределяли пастбища и водопой и регулировали перекочевки (Maçais, 1913: 254—257; Brunschvig, 1947: 100 ff.; Иванов НА., 1963).

И все же у кочевников Северной Африки главные факторы социальной стратификации заключались не во взаимоотношениях различных групп и образований номадов, и тем более не в отношениях, существовавших внутри них, а в их взаимоотношениях с оседлым населением и государством. Не случайно, по общему правилу, наиболее стратифицированными были племена махзен (поддерживаемые государством и освобожденные от налогов).

Социальная организация кочевников берберов, в первую очередь заната, по свидетельству Ибн-Халдуна (Ibn Haldun, 1925, III: 179 ff.; ср. Golvine, 1975: 136—137), была сходной с описанной

выше. Но уже у полукочевых берберов и тем более у тех, кто практиковал лишь пастушеское скотоводство, она обладала рядом особенностей, в частности была менее дифференцированной в социальном отношении (Golvine, 1957: 23 п.).

В качестве классических систем сегментарных линиджей иногда называют системы, представленные у бедуинов Киренаики и берберов Атласа, полукочевников или отгонно-пастбищных скотоводов. Эти системы хорошо описаны Геллнером. «Берберы не стратифицированы на аристократов и простонародье, и у их кланов нет постоянных доминирующих семей шейхов» (Gellner, 1969: 64).

Однако я бы не стал преувеличивать их эгалитарность, во всяком случае социальную. Хотя у берберов Центрального Атласа племя — понятие до некоторой степени условное, тем не менее потребность в высших звеньях социальной организации у них существовала (Gellner, 1969: 49, 90—91). Ограниченные потребности интеграции и централизации не благоприятствовали социальной дифференциации внутри общества. Но все же они реально существовали и вызывали к жизни иное средство, вполне адекватно соответствовавшее своим целям. Функции наследственного руководства, во многих кочевых обществах сосредоточенного в определенных линиджах, у берберов в значительной мере сосредоточены в линиджах «святых» посредников, не входящих в генеалогические рамки общества²⁰. «Святые» частично выполняли функции, которые в большинстве других кочевых обществ возложены на аристократию (Gellner, 1969: 78). Обращает на себя внимание также, что более ограниченная социальная дифференциация у берберов Атласа вполне коррелирует с отсутствием тех внешних факторов, которые благоприятствуют ей в других кочевых обществах.

В значительной мере это относится и к бедуинам Киренаики — области, где земледельцы практически отсутствовали, а города — не играли сколько-нибудь существенной роли (Evans-Prichard, 1949: 44-45). Правда, существовали «свободные» и

²⁰ На Ближнем Востоке разделение власти между светскими лидерами и религиозными линиджами отнюдь не ограничено центральным Высоким Атласом. Аналогичное явление отмечено в Киренаике, Хадрамауте и северных горах Йемена.

клиентские, зависимые племена (Peters, 1968: 175), причем степень зависимости последних варьировала. Но этого было недостаточно для значительной социальной дифференциации, по крайней мере в среде самих свободных племен. И все же различные подразделения возглавлялись шейхами, и функции руководства были наследственно закреплены за отдельными линиджами (Evans-Pritchard, 1949: 59—60). Назвать такую социальную организацию сегментарной — можно, но эгалитарной — едва ли.

Социальная организация сомали — главных представителей северовостоафриканского подтипа ближневосточного типа номадизма охарактеризована Льюисом (Lewis, 1955; 1961) как сегментарная линиджная система. Однако в некоторых отношениях, частично отмеченных самим Льюисом (Lewis, 1961: 297—302; 1961: 344), она отличается от классических образцов. К числу таких особенностей относятся необычно большое значение и глубина генеалогий, отсутствие сбалансированной оппозиции между сегментами одного таксономического уровня — они различаются по силе, численности и влиянию, наличием племени (клана, по терминологии Льюиса), носителя корпоративной собственности на естественные ресурсы с четко обозначенными генеалогическими границами и хотя и слабой, но наследственной властью султанов, закрепленной за определенными линиджами. Кроме того, у сомали имеются неполноправные и зависимые группы, не включенные в генеалогические рамки социальной структуры.

Таким образом, потенциальные предпосылки для развития стратификации в сомалийском обществе были, но они не получили развития. Почему? Очевидно, потому что не было соответствующего вызова и стимулов. Экологическая ситуация у сомали такова, что для стабильного распределения пастбищ и регуляции маршрутов перекочевок — одного из путей укрепления политической власти у кочевников, у них не было серьезных возможностей.

Практика набегов на землевладельцев также не получила у них большого распространения. Значительно чаще одни группы кочевников совершали набеги на другие. Это было связано с нехваткой пастбищ и незначительной ролью земледелия. К тому же земледельцы находились под религиозной защитой, а часть из

них была включена в генеалогическую структуру сомалийского общества.

И все же в прошлом власть султанов была несколько большей. При этом показательно, что султанаты возникали не столько внутри кочевого общества, сколько на его границах, там, где султаны имели дополнительные источники доходов и власти — например, контроль над торговыми путями. Кочевые племена признавали их власть когда вступал в действие внешний фактор — войны с Эфиопией (Lewis, 1961: 209).

Таким образом, исторические обстоятельства не стимулировали ни объединение сомали для завоеваний или обороны, ни внутреннюю социальную дифференциацию. Сомалийское продвижение на юг носило характер постепенного проникновения, а не единовременной экспансии. Попытки завоевать Эфиопию, предпринимавшиеся в XV—XVI вв. султанатом Адал, в которых сомали принимали самое активное участие, не привели к успеху. Борьба с более сильной Эфиопией после XVI в. была малоперспективной. При этом все же показательно, что именно южные сомали, у которых существенную роль играет земледелие, являются наиболее дифференцированными в социальном отношении.

Средневосточный тип. Как отмечалось в главе I, в отличие от кочевников евразийских степей номады Среднего Востока находились в значительно более тесной, постоянной и повседневной взаимосвязи и взаимозависимости с оседлым населением и оседлыми государствами этого региона. В географическом отношении «внешний мир» для них не был в подлинном смысле слова внешним. С одной стороны, их кочевья чаще всего считались территорией того или иного государства, хотя бы чисто номинально; с другой — кочевья и поля земледельцев пространственно не были полностью отделены друг от друга. Геллнер (Gelber, 1973: 2) назвал такой номадизм симбиотическим с тройным партнерством: номады — земледельцы — горожане. Регуляция маршрутов перекочевок и распределение пастбищ требовали особо четкой и строгой координации. Де Планош (de Planhol, 1969, 88 ff.) полагает, что в Иране последняя особенность приобрела особое значение в позднем средневековье, когда номады, заполнив все подходящие для них

экологические зоны, стали испытывать нужду в пастбищах. В результате возникли крупные кочевые объединения, существующие частично до настоящего времени.

В некоторых областях региона, в первую очередь в том же Иране, отмеченные особенности были к тому же тесно связаны друг с другом. В то же время взаимоотношения различных групп кочевников между собой в целом играли на Среднем Востоке меньшую роль, чем в евразийских степях.

Для недалекого прошлого Барт (Barth, 1962: 348) выделил три формы социополитической организации, присущей средневосточным кочевникам, между которыми, как обычно, существуют и переходные формы: а) «атомизированные, основанные на родстве лагеря, без политических связей с другими кочевыми лагерями»; б) «группа лагерей, объединенная патрилинейным происхождением в сегментарную линиджную систему без вождей»; в) «группа лагерей, сегменты которой структурно могут походить на линиджи. Такая группа определяется как структурное целое благодаря тому, что в ней имеется верховный вождь».

Очевидно, первая, атомизированная форма, представленная, например, у турецких юрюков (Еремеев, 1969; Bates, 1971: 123 f.; Bates, 1974) — результат событий нашего времени или недавнего прошлого, плод изменившихся взаимоотношений между оседлым населением и его государственной машиной и ослабленными кочевыми группами. Короче, это итог дезинтеграции последних. В средние века подобные изолированные общины кочевников были бы уничтожены или земледельцами, или другими кочевниками, или же были бы инкорпорированы в социополитическую организацию последних.

Вторая недифференцированная форма имела у кочевников Среднего Востока лишь ограниченное распространение, по-видимому, отчасти по тем же самым причинам, хотя политика государства могла приводить и к противоположным результатам — увеличению социальной дифференциации (см. с. 458—459).

По крайней мере до недавнего прошлого, а отчасти и в наши дни, среди кочевников Среднего Востока наиболее распространенными были различные виды дифференцированных и стратифицированных сегментарных систем. Их спектр весьма широк.

На одном полюсе его располагаются такие кочевнические объединения, как бойр ахмад и особенно бехмаи и тайеби, имеющие наследственных предводителей и вождей, но сравнительно децентрализованные и изолированные от внешнего мира (Fazel, 1973: 138). На другом — такие мощные и централизованные объединения, как кашкайцы, бассери, некоторые афганские и белуджские группы, наиболее тесно связанные с внешним миром, стратифицированные на различные привилегированные, полнопровные и неполнопровные слои.

Аристократический стратум иногда выпадает из генеалогического клише возглавляемого им образования, следует особым сословным правилам родства и происхождения (см., например, *Народы Передней Азии*, 1957: 280; Иванов М. С., 1961: 88-92; Barth, 1964, 71 ff.; 130 ff.; Трубецкой, 1966: 128, 139).

Сегментарность различных систем средневосточных номадов выглядит очень ограниченной. По существу, наиболее распространены лишь два ее признака: многоступенчатость и генеалогический принцип. Но, как и в евразийских степях, структурная эквивалентность, как правило, отсутствует: сегменты одного уровня различаются и по своим размерам, и по числу входящих в них сегментов более низкого порядка. Структурообразующая роль генеалогического принципа тоже не абсолютна. Не у всех кочевников он охватывает все подразделения общества сверху донизу, и различные подразделения могут признаваться генеалогически неродственными (см., например, Fazel, 1973: 134 про бойр ахмад; Barth, 1964: 49 ff. про бассери).

Важно отметить, что на Среднем Востоке, как и всюду, чем сильнее общая социальная стратификация и централизация кочевого общества, тем более ограниченное и специализированное место занимает генеалогический принцип в качестве основы его организации. Правда, правящий стратум, по крайней мере, вначале, рекрутируется благодаря генеалогической близости с лидером центральной группы-ядра. Но во-первых, группирующиеся вокруг вождей лица, например, дружина, могут состоять из лиц различного происхождения. Во-вторых, высокие социальные и имущественные позиции аристократии являются притягательной силой для установления

контрактных отношений зависимости (например, вассальных ил типа патрон — клиент) как с отдельными лицами, так и с целыми группами, не связанными непосредственной общностью происхождения (см., например, Barth, 1964b: 17—19; Spooner 1975: 172—173; Salzman, 1978a, 130 ff. про белуджей).

Как и у евразийских степных номадов, внешний фактор играет важнейшую роль в социальной дифференциации номадов Среднего Востока. Конечно, его следует понимать очень широко, потому что даже регуляция маршрутов перекочевок и охрана пастбищной территории во многом связаны с взаимоотношениями номадов между собой и с оседлым населением. И все же основным и решающим в этом процессе являются непосредственные взаимоотношения кочевников с оседлым населением и государством.

Интересно, что экономические и экологические различия между номадизмом обоих типов находят свое отражение в различных проявлениях одного и того же фактора. У евразийских номадов определяющим был характер взаимоотношений между кочевниками и оседлыми обществами, у средневосточных номадов — их положение в самом оседлом обществе. Но, конечно, и эти различия, как и все остальные, не следует переоценивать, потому что нельзя упускать из вида вариации локального и временного порядка.

Афганские племенные объединения включали в себя как родственные, так и неродственные (точнее, менее родственные, если учесть представление о генеалогическом родстве всех афганцев) племена — последние обычно в качестве вассальных.

Кроме того, в афганских племенах имелись различные категории зависимого населения, в основном земледельческого, объединяемого персидским термином «хамсая» (буквально «под одной тенью», «под общей тенью» т. е. сосед и т. п.). Они считались не принадлежащими к племенной организации (Elphinstone, 1819, I, 274 ff.; Ferdinand, 1969: 144).

Все это способствовало развитию социальной стратификации среди афганцев. У многих племен уже в средние века выделилось подразделение, за которым наследственно закрепилась должность вождя (*хан-хель*). Таковым, например, были сазодаи у абдали (дуррани). Они были эндогамны, пользовались рядом привилегий,

обладали личной неприкосновенностью, на них не распространялось правило кровной мести (Elphinstone, 1819, II: 116). Сазодаем был Ахмад-шах, основатель государства Дуррани (Рейснер, 1954: 49 сл.). В то же время социальная организация многих других афганских племен характеризуется как ацефальная, без фиксированного руководства (Ferdinand, 1969: 137).

Восточноафриканский тип. Экологические условия функционирования кочевников Восточной Африки таковы, что у них нет потребностей и возможностей ни в распределении пастбищной территории, ни в контроле за маршрутами перекочевок (Forde, 1970: 21 — 23; Monod, 1975: 128). В то же время факторы, благоприятствующие политической интеграции и централизации, проявляются слабо. Именно благодаря совокупности этих и ряда других причин, даже общинные связи у восточноафриканских кочевников сравнительно неразвиты. Многоступенчатый характер социальной организации и такие ее особенности, как генеалогический принцип, иерархия групп происхождения, сегментарные системы, не получили у них такого развития, как на Ближнем Востоке, не говоря уже об институционализированной и централизованной власти.

Не только у самбуру, но и у рендилле принадлежность к одному клану не связана с представлением об общности происхождения (Spencer, 1965, XXIV—XXV, 50, 76, 77; Spencer, 1973: 78). Дети не помнят своих предков далее деда (Gulliver, 1955: 76). Система социальных связей восточноафриканских кочевников весьма гибкая. Важную роль в ней играют родственники не только по отцу, но и по матери, а также свойственники. Большое значение приобрели партнерские отношения контрактного типа: друзей, побратимов и компаньонов в различных операциях, связанных со скотом (Gulliver, 1955, 197; Spencer, 1965: 27—28; Dahl and Hiort, 1976: 263).

В своей совокупности эти связи создают для индивида и его хозяйства достаточные линии защиты как производственной, так экономической и социальной. Последняя заключается прежде всего в создании необходимых механизмов перераспределения скота, без которых значительно атомизированное производство не может нормально функционировать. В том же направлении

действует и система ценностей (накопление скота для приобретения жен, жертвоприношений и т. д.), поощряющая реципрокацию.

Система возрастных групп и классов у восточноафриканских номадов вне зависимости от причин, условий и места ее возникновения, очевидно, имела полифункциональное назначение. В прошлом в ней был сосредоточен оборонительный и наступательный потенциал общества (Gulliver, 1955: 12; Spencer, 1965: 96, 100; Goldschmidt, 1965: 403—404; Alpers and Ehret, 1975: 491). Кроме того, возрастные классы позволяли регулировать половозрастное разделение труда, брачные отношения и домашний цикл таким образом, чтобы отдельное хозяйство было наилучшим образом обеспечено скотом и необходимыми рабочими руками (Spencer, 1965: 299; Dahl and Hjort, 1976: 75, 256). Тем самым эта система также способствовала преодолению производственной атомизации.

Благодаря различным перераспределительным механизмам, вызывавшимися производственными и социальными потребностями, имущественные различия у восточноафриканских номадов, подчас значительные (см., например, Gulliver, 1955: 99—110 про туркана и джи; Spencer, 1965: 2 про самбуру; Klima, 1971: 15 про барабаиг; Spencer, 1973: 40 про рендилле), не реализовывались в стабильной социальной дифференциации. Конечно, были различия в престиже и статусе, имелись своего рода восточноафриканские коллеги меланезийских «больших людей» (Dahl, 1979: 278), так же как элементы того, что определяется весьма неопределенным понятием геронтократии, но обычно они не приобретали наследственного характера. Экспансия туркана во второй половине XIX в. не вызвала существенных изменений в их социальной организации (Gulliver, 1955: 7). Правда, у барабаиг (Klima, 1971: 83, 95, 98) имеются главы кланов и даже верховный вождь, позиции которых генеалогически закреплены за определенными линиями согласно правилам примогенитуры. Но по крайней мере в настоящее время их функции преимущественно ритуальные. В прошлом вожди были также военными предводителями, и власть их была несколько большей. При подобной экологической, экономической и социальной ситуации подчинение одних скотоводческих обществ дру было практически невозможно. Происходила лишь борьба за скот и

пастбища, принимавшая характер отдельных набегов, когда последних не хватало. Возможность обращения скота в недвижимую собственность (землю) или другой вид инвестиций (Dahl, 1979: 279) отсутствовала.

Спенсер (Spencer, 1965, XVII—XVIII) прямо отмечает, что различие между самбуру и маасаи заключается в том, что первые были окружены такими же скотоводами, как они сами, а маасаи жили по соседству с земледельцами, на которых можно было совершать выгодные набеги. И именно у маасаев социальная дифференциация приобрела наследственный вид — выделились наследственные жрецы, происходившие из одного клана и выполнявшие также светские функции по руководству обществом. Однако доколониальная история маасаи изучена весьма плохо. Кажется, что в XIX в., когда отдельные группы их начали воевать между собой, маасаи ослабели (Alpers and Ehret, 1975: 492). Существуют различные мнения относительно характера их общества в это время (см., например, Jacobs, 1975), и поэтому рискованно делать какие-либо ответственные заключения, опираясь на подобный материал.

У найди был верховный жрец, отчасти выполнявший функции, которые выполняют вожди в других обществах. Но Хантингфорд (Huntingford, 1953: 50) объясняет это возросшей потребностью в централизованном руководстве, связанной с увеличением удельного веса земледелия в обществе найди.

Отношения с внешним миром у рассматриваемых восточно-африканских скотоводов в целом были ограничены. Нескотоводческие продукты добывались или путем обмена, или благодаря наличию земледельческого уклада у них самих. Колебания между кочевым и полукочевым скотоводством, очевидно, были перманентной особенностью образа жизни. Неудивительно, что сколько-нибудь глубокая и стабильная социальная дифференциация не получила у них развития. В этом отношении они существенно отличаются от более ранних скотоводческих мигрантов в Межозерье (см. гл. V).

Общества восточноафриканских скотоводов и кочевников нередко относят к числу эгалитарных, не всегда уточняя, что именно понимается под этим весьма широким и расплывчатым термином.

Иногда эгалитарными называют общества, наиболее простые и ранние в эволюционном отношении. В таком случае «эгалитаризм» восточноафриканских номадов даже чисто теоретически мог быть только вторичным, потому что сам номадизм является сравнительно поздним ответвлением производящего хозяйства.

Но даже их вторичный эгалитаризм вызывает определенные сомнения, хотя и не из-за уже неоднократно отмечавшейся обратимости социальных процессов у номадов. В конце концов определенный уровень развития присущ любому обществу. Каким путем и с какого предшествующего уровня он достигается — дело другое. Главные сомнения связаны с применимостью к восточно-африканским скотоводам той характеристики, которая с теми или иными вариациями обычно предлагается для эгалитарных обществ. Если взять в качестве примера определение Фрида (Fried, 1967: X, 21 f.), важнейшую особенность таких обществ составляет генерализированная реципрокация, не требующая отдачи взятого. Однако в качестве перераспределительных механизмов у восточноафриканских номадов действует не генерализованная, а сбалансированная и отчасти даже несбалансированная реципрокация. Определенная социальная дифференциация и неравенство также были им известны, хотя они мало где приобрели наследственный характер. Термин «нестратифицированные» (ср. Lefébure, 1979, 2) кажется более подходящим для их характеристики, чем эгалитарные. Однако недостаток его заключается в том, что он имеет лишь негативный смысл.

Номады судано-сахельской зоны столь же мало гомогенны в социальном отношении, сколь и в хозяйственном. В целом их социальная организация все же ближе к номадам Ближнего Востока, чем Восточной Африки, но социальная дифференциация у них развита слабее, чем у ближневосточных кочевников. У хумр баггара мы встречаем довольно типичную систему сегментарных линиджей и всего лишь неформальное предводительство. Даже в доколониальный период, когда набеги за рабами были выгодным занятием, у них отсутствовало наследственное руководство (Cunnison, 1966: 8—10, 42, 189—190).

У водабе фулани в Борну, у фулани в Долине Бенью в Нигерии и у некоторых других групп только небольшие агнатные

группы, связанные общностью происхождения (линиджи) с неформальными или невлиятельными предводителями, а не кланы, состоявшие из нескольких подобных линиджей, имели реальное значение до тех пор, пока до них не докатились отголоски и последствия движения Усмана дан Фодио (Stenning, 1965: 375—385, 393—394; Cohen R, 1978a: 150—154).

У кабабиш один из линиджей превратился в почти эндогамный стратум с монополией политической власти и правами преимущественного использования и контроля естественных ресурсов. Но подобная стратификация не вытекает ни из экономических, ни из социальных условий жизни, а прямо связана с конкретными историческими событиями колониального периода и политикой колониальной администрации (Asad, 1970: 102, 158 f.).

Правда, на протяжении почти всей средневековой истории Судана, вплоть до XIX в. включительно, кочевники неоднократно создавали различные государственные образования или участвовали в их создании. Только при таких обстоятельствах их социальная организация подвергалась более или менее быстрой и значительной трансформации, а социальная дифференциация у них возрастала. Но основа всех этих государств была земледельческая (Stenning, 1959: 13 ff.; Stenning, 1965: 366—367; Smith, 1971: 165—169; Norton, 1971: 110—111; Cohen R., 1978a: 144 ff.).

Мои конечные выводы совпадают с теми, которые были сделаны Бэрхемом (Burnham, 1979: 353). В кочевых обществах Африки к югу от Сахары рост социальной дифференциации связан с завоеванием оседлых обществ или седентаризацией самих номадов. Одного только внутреннего развития самих номадов для этого было недостаточно.

Высокогорный внутреннеазиатский тип. В отношении социальной организации этот тип номадизма не является гомогенным, так как киргизы Памира ничем существенным не отличаются от своих сородичей евразийского степного типа.

О социально-политической организации номадов Тибета известно довольно мало. К тому же на ней не могло не сказаться одно историческое обстоятельство долговременного действия. В политическом отношении номады всегда были

подчинены оседлому государству (точнее — государствам). В отдельные периоды их зависимость была большая, в другие меньшая, в центральных районах она ощущалась заметнее, чем на северо-востоке, на границе с евразийскими степями. Козлов (1947: 215) встретил в самом конце XIX в. в Каме кочевое объединение голоков, с наследственной аристократией, не признававшее ни тибетских, ни китайских властей. Но в целом политическая несамостоятельность кочевников Тибета была их важной особенностью на протяжении многих столетий (Lattimore, 1967: 212—213).

Вопрос о собственности на естественные ресурсы у номадов Тибета не вполне ясен. Встречаются утверждения о том, что в некоторых местах они вынуждены были арендовать пастбища (Кычанов, Савицкий, 1975: 126; Решетов, Яковлев, 1975: 210). В то же время Иквэлл (Ekvall, 1954: 46) отмечал, что обычно пастбища считаются принадлежащими племени и распределяются по входящим в его состав общинам. Возможно, ситуация менялась в зависимости от места и времени.

Генеалогический план социальной организации тибетских номадов прослеживается слабо — во всяком случае я не нашел о нем в литературе сколько-нибудь подробных сведений. Очевидно, он получил гораздо меньшее значение и развитие, чем у номадов евразийских степей или Ближнего Востока.

В экономическом отношении социальная организация тибетских кочевников покоится на тех же подразделениях, что и в номадизме иных типов: отдельных хозяйствах и общинах (Ekvall, 1968: 25 ff.).

Собственно социально-политический план наиболее отчетливо представлен семьей в различных ее вариантах и семейно-родственной группой. Но уже клан Иквэлл (Ekvall, 1968: 28—29) характеризует как «некую аморфную линиджную группировку... предположительно связанную с общим предком, который дал ей свое имя ... нечто похожее на клан в процессе его упадка». Члены одного клана могли быть разбросаны по разным племенам.

Племена явно были в первую очередь политическими организациями. Но в то время как в Центральном Тибете они

подверглись сильной деформации, нередко будучи включенными в общую административную систему государства в качестве особых дистриктов, на северо-востоке еще в начале XX в. они пользовались значительной автономией, неохотно подчиняясь или тибетскому, или китайскому правительствам (Ekvall, 1968: 29). В этом районе иногда возникали целые племенные объединения — ситуационные вождества.

Имеются сведения, что в отдельных племенах власть вождей приобретала наследственный характер (Решетов, Яковлев, 1975: 210), но чаще она, по-видимому, была невелика даже в окраинных районах. Жесткое сословно-классовое деление, свойственное оседлому населению Тибета, для кочевников во всяком случае не было характерно.

Южная Азия. В главе I я уже выражал сомнения в возможности выделения индийского скотоводства в самостоятельный тип номадизма. Эти сомнения подкрепляются рассмотрением социальной организации скотоводов Южной Азии, точнее — отсутствием у таковой какой-либо существенной специфики по сравнению с окружающим земледельческим населением. За редкими исключениями, скотоводы не составляют того, что в Индии принято называть «племенное общество». Их социальная организация утратила всякие особенности, которые должны были иметься в прошлом. Напротив, и в этническом и социальном отношении скотоводы сейчас тождественны земледельцам — как и последние, они включены в кастовую систему (причем в Раджастане в такие высокие касты, как райкас, джаты и раджпуты) и в систему деревенских общин и не имеют отличной и отдельной от земледельцев собственности на земли и пастбища (Bose, 1975: 7—9).

Краткий обзор социально-политических отношений, существующих (или существовавших) в кочевых обществах, относящихся к номадизму различных типов, на мой взгляд, не противоречит сделанным ранее предварительным выводам.

Вопреки мнению некоторых ученых (см., например, Sahiins, 1968: 37-39; Johnson, 1969: 159-160; Марков, 1976: 278-313), номадизм невозможно рассматривать как автаркичную

экономическую систему и тем более как особую замкнутую социально-политическую систему, соответствующую определенному этапу (или этапам) эволюции, систему, которая обладает собственными внутренними закономерностями социального функционирования и развития. Как явствует из истории происхождения и распространения нomaдизма, взятый в целом, он не является определенным этапом универсальной эволюции в том ее понимании, которое предложил Карнейро (Carneiro, 1973: 97—100). Кроме того, нет таких черт социально-политической организации, которые были бы присущи всем нomaдам или же встречались бы только у них (Spooner, 1973: 3; Tapper, 1979: 45). Наконец, нет какого-либо определенного эволюционного уровня, на который можно было бы поместить всех нomaдов. Самое большее, что можно сделать в этом отношении, это наметить нижние и верхние рубежи их социально-политической эволюции и функционирования в качестве политически независимых обществ, и то с рядом существенных оговорок.

Столь же малоперспективно, на мой взгляд, стремление объяснить все вариации в социально-политической организации нomaдов, равно как и общий, уровень развития отдельных кочевых обществ, непосредственно через экологию или исключительно экологией (см., например, Eberhardt, 1952: 69—72; Rubel, 1969; Salzman, 1971; Swidler, 1972; Spooner, 1973; Dahl, 1979; ср. Pastner, 1971a; Хазанов, 1973; Frantz, 1978; Lefebure, 1979a; Bourgeot, 1979), хотя, разумеется, экологический фактор является одним из его важнейших детерминантов.

Можно взять любой экологический фактор, присущий различным кочевым обществам, и легко обнаружить, насколько они отличаются тем не менее друг от друга в социально-политическом отношении.

Например, сравнительная стабильность маршрутов перекочевок присуща как атомизированным оленеводам Северной Евразии, так и значительно более дифференцированным в социальном отношении нomaдам Среднего Востока, нерегулярность маршрутов — как различным ближневосточным нomaдам, так и скотоводам Восточной Африки. По видовому составу стада сомали весьма

близки к бедуинам Аравии, а туареги к теда. Раздельность выпаса животных различных видов характерна и для сомали, и для рендилле, и для туарегов, и для бедуинов Аравии.

Даже если брать различные экологические факторы в их совокупности, этого будет недостаточно для объяснения социальных и тем более политических различий между различными кочевыми обществами, потому что их социально-политическая специфика отнюдь не сводится к пассивной адаптации к соответствующему природному окружению.

Я далек от мысли умалять заслуги только что упомянутых и других экологически ориентированных ученых. Благодаря их исследованиям наше понимание номадизма продвинулось намного вперед. Однако исторический процесс не поддается упрощению. Воздействие на него экологического фактора в прошлом учитывалось далеко не всегда в достаточной мере. Но экологический детерминизм в качестве главного метода исследования социальных и политических систем и их изменений, очевидно, так же малоперспективен, как экономический, культурный, или историко-материалистический, или любой другой.

Именно поэтому мне представляются малоперспективными попытки некоторых марксистско-ориентированных ученых, ссылаясь на Маркса и Годелье, анализировать номадизм и его эволюцию, исходя главным образом из его предполагаемого внутреннего самостоятельного социально-экономического развития.

Например, Хелфготт (Helfgott, 1977: 39; ср. Bonté, 1974) пытается сконструировать особую кочевническую социально-экономическую формацию. Лефевюр (Lefebure, 1979: 11) от имени группы французских антропологов выражается более осторожно. Обращаясь к тем кочевым обществам, которые он считает классовыми, он ставит вопрос: «Может ли наша характеристика социоэкономической специфики кочевых скотоводческих обществ привести к определению единого способа производства, или мы вынуждены признать существование нескольких способов, и должны ли мы вообще рассуждать в терминах экономико-социальной формации?»

Однако сами марксисты всегда утверждали (и за редкими исключениями утверждают до сих пор), что каждой формации

присущ особый способ производства, который образуется из совокупности производительных сил и производственных отношений (новая терминология, вроде суперструктуры и инфраструктуры, которую пытается ввести Годелье (Godelier, 1978), сути дела не меняет). Каждый способ производства в марксистском понимании обладает качественной спецификой в сравнении со всеми остальными. Тем, кто придерживается иного мнения, мне хотелось бы напомнить афоризм марксиста Энгельса (1969: 56) «Если я включу сапожную щетку в класс млекопитающих, это не поможет ей приобрести железы млекопитающих»²¹.

Поскольку, согласно одному из основных постулатов марксизма, способ производства даже в узком понимании включает в себя социально-экономические отношения, вышеупомянутые марксисты, прежде чем говорить о кочевом способе или способах производства, должны продемонстрировать, чем они отличаются от всех остальных. До сих пор этого никем убедительно сделано не было, на мой взгляд, потому, что кочевое скотоводство, составляющее экономическую основу нomaдизма, является не способом производства, а всего лишь особым видом хозяйственной деятельности, а сам нomaдизм не является автономной системой ни по одному из своих основных параметров. В этом отношении кочевое скотоводство стоит в одном типологическом ряду с земледелием, охотой, рыболовством и т. п., но отнюдь не с так называемым «азиатским способом производства», рабовладением, феодализмом или капитализмом, будем ли мы считать последние особыми этапами всемирно-исторического процесса или же результатами локального исторического развития, конкретными проявлениями мульти-линейной эволюции.

Члены группы «Ecologie et anthropologie des sociétés pastorales» («Экология и антропология скотоводческих обществ») в Париже, отвергая экологический подход, полагают, что кочевые общества способны в основном самостоятельно, за счет своего внутреннего

²¹ Надо отметить, что сам Годелье выступает против того, чтобы «смешивать формы разделения труда со способами производства» (Godelier, 1978: 765), как это делают (или делали) некоторые другие французские марксисты.

развития пройти путь от первобытных, «эгалитарных» до классовых (см., например, Bonté, 1974; Bonté, 1975; Bonté, 1975a; Bonté, 1977; Lefebure, 1979; Harnes, 1979).

Правда, они сами осознают дискуссионность подобной точки зрения. «Критицизм приветствуется», — писал один из них (Lefebure, 1979: 13). На мой взгляд, точка зрения, изложенная в этой главе, ясно показывает, что я довольно сильно расхожусь с упомянутыми французскими коллегами. Тем не менее, следуя их любезному приглашению, я хочу добавить к ней еще несколько фраз.

В качестве исходных на пути исторической эволюции они берут нестратифицированные «эгалитарные» кочевые общества, которые мыслятся по образцу восточноафриканских скотоводов типа джи или каримоджонг. Имущественные различия у них благодаря механизмам перераспределения не являются постоянными. Бонт (Bonté, 1974: 76—77; 1975: 388) и вслед за ним Лефевюр (Lefebure, 1979: 4) находят в них много сходных характеристик с древними германцами. И те и другие «составляют оригинальный эволюционный путь, типичным продуктом которого могут рассматриваться все еще недифференцированные кочевые скотоводческие общества, повторяющие путь, пройденный древними германскими сообществами в период между эпохой Цезаря и великих вторжений» (Lefebure, 1979: 6)²².

Сама такая посылка кажется мне догматической и неверной. Упомянутые «исходные» кочевые общества представляются такими, как Маркс в своем «Grundrisse» мыслил древних германцев: производство велось силами отдельных домохозяйств, но собственность на ключевые ресурсы принадлежала обществу в целом. И на этом основании само общество именуется общиной — «общиной, осно-

²²На каком фактическом материале основаны такие представления о древних германцах, остается неизвестным. Любой антрополог, который возьмет на себя труд кроме «Grundrisse» Маркса хотя бы поверхностно ознакомиться с современной археологической и исторической литературой о древних германцах или просто внимательно перечитать Тацита легко обнаружит, что их общества в I—III вв. н. э. иначе как стратифицированными не назовешь. Между 1857 - 1858 и 1979 гг. германистика все же не стояла на месте. За это время представления о социальной организации, порядке землепользования, экономике и общем уровне развития древнегерманских племен изменились весьма сильно.

ванной до появления какой-либо формы производственной деятельности» (Lefebure, 1979: 4—5). Вопросы о том, что в данном случае имел в виду сам Маркс, я касаться не буду. Это потребовало бы ненужного текстологического и источниковедческого анализа марксовской терминологии, кстати, далеко не единообразной, проблем, связанных с адекватностью перевода, и специального экскурса, что именно понимал в 1857 г. Маркс под общиной²³ (по-видимому, не всегда то же, что Бонт).

Но Бонт и Лефебюр упускают из вида, что корпоративная собственность на ключевые ресурсы помимо (допустим) древних германцев и «эгалитарных» номадов присуща и многим другим значительно более сильно дифференцированным в социальном отношении кочевым обществам. В таком случае, если быть последовательными, мы должны их также считать общинами. Считать, конечно, можно, но в таком случае сама эволюция от «эгалитарных» кочевых обществ к неэгалитарным явно совершалась не в том направлении, которое представляется некоторым членам «l'Equire». В то же время реальные производственные общины, в том числе у восточноафриканских номадов, остаются ими незамеченными.

Толчком для развития социальной дифференциации упомянутые ученые считают рост производительных сил в скотоводческой экономике, влекущий за собой установление постоянного имущественного неравенства. «...Формирование неравноправных производственных отношений в кочевых скотоводческих обществах, как нам представляется, в целом происходит в периоды роста продуктивности труда и накопления внутри домашних хозяйственных единиц, тем самым приводя к обострению внутренних противоречий в обществе. Фундаментальное противоречие внутри специфической структуры эгалитарных производственных отношений, а именно, противоречие между домашними рамками производственной работы и общинными условиями воспроизводства, по всей видимости, определяется противоречием между производственными отношениями и производительными силами» (Lefebure, 1978: o).

²³ Маркс различал *Gemeinde* — собственно общину, и *Gemeindwesen* — весьма широкое и расплывчатое понятие, употребляемое им в различных смыслах.

Далее утверждается, что в результате предполагаемых противоречий формируются группы и слои, монополюно владеющие средствами производства (скотом, пастбищами), и группы и слои, лишенные их. Экономические различия перерастают в социальные, социальные — в классовые.

Справедливости ради нельзя не отметить, что упомянутые ученые не отрицают воздействия внешнего мира на номадов. В ряде конкретных исследований они сделали по этому поводу много ценных и интересных наблюдений, вступающих иногда в противоречие с их собственными взглядами²⁴. Тем не менее в теоретическом плане они свои собственные эмпирические наблюдения явно недооценивают. В результате факты вступают в конфликт с теорией. Из работ парижских марксистов остается неясным, за счет чего достигается предполагаемый рост производительных сил в кочевой скотоводческой экономике. По-видимому, не случайно они не могут привести ни одного примера внутреннего развития кочевого общества от эгалитарного к классовому. Вместо этого Бонт (Bonté, 1975) сопоставляет нестратифицированных скотоводов Восточной Африки с «переходным» стратифицированным, по его мнению, обществом маасаи и далее — классовыми обществами Межозерья. Бонт полагает, что все они являются различными этапами внутренней эволюции восточноафриканских скотоводов, причем религия не легитимизирует возникновение классов, а играет роль в самом их формировании. (Хотя Бонт не упоминает Макса Вебера, параллелизм его взглядов со взглядами автора «Протестантской этики» кажется весьма примечательным.)

Бонт не показал того, что для его гипотезы представляется главным: действительно ли производительность труда в скотоводческом хозяйстве в Руанде или Анголе выше, чем у маасаи, а у маасаи — чем у каримоджонг или туркана. Но и без этого

²⁴ Например, Бонт (Bonté, 1975a) справедливо подчеркивает, что развитие земледельческого сектора экономики у туарегов Кель Гереса явилось важным фактором их эволюции в классовое общество. Непонятно только, почему он считает создание класса зависимых и эксплуатируемых земледельцев нетуарегского происхождения результатом внутреннего развития туарегского общества (ср. Burnham, 1979: 353—354)

факты конкретной истории Восточной Африки находятся в разительном противоречии с его гипотезой.

Оставим в стороне маасаи. Вопрос об уровне их социальной дифференциации в доколониальный период далеко не ясен; к тому же сомнительно, чтобы последняя была связана исключительно с внутренними факторами (Jacobs, 1975). Однако сколь бы ни были противоречивы мнения различных ученых относительно обстоятельств возникновения государств Межозерья, ясно одно: оно связано с взаимодействием скотоводческих и земледельческих групп, интегрированных тем или иным способом в одно общество (см. с. 444 сл.). Следовательно, внешний фактор и здесь явно был налицо.

В какой-то мере та же проблема давно дискутируется и советскими антропологами. Одни полагают, что нет принципиальных различий между кочевыми и некочевыми обществами, что и те и другие развиваются по единым для всего человечества формационным закономерностям всемирно-исторического процесса. При этом предпочтение всегда отдается внутреннему развитию (см., например, Златкин, 1971; Лашук, 1973; Федоров-Давыдов, 1973). Другие, напротив, думают, что эволюция кочевников неотделима от их взаимоотношений с внешним миром и в конечном счете подчинена специфике эволюции последнего (Хазанов, 1973; Хазанов, 1975; Марков, 1976²⁵; ср. Першиц, 1976).

Нетрудно заметить, что между двумя рассмотренными подходами к проблеме, которые чисто условно можно назвать «экологическим» и «марксистским», несмотря на все их различия, есть одна общая черта. Экологически ориентированные антропологи объясняют социальные особенности и социально-политическое развитие кочевников их внутренней экологической адаптацией.

²⁵ Крайние позиции в этом вопросе занимает Марков. По его мнению, уровень развития всех кочевников Азии практически всегда был одинаков. Для его характеристики ученый пользуется введенным Морганом и Энгельсом понятием «военная демократия». Даже завоевание оседлых государств очень мало и лишь временно меняло, по его мнению, присущие кочевникам доклассовые социально-экономические отношения (Марков. 1976: 279, 307—308, 312).

Упомянутые французские ученые и некоторые из их советских коллег объясняют их эволюционными изменениями за счет внутренних противоречий.

В обоих рассмотренных подходах есть моменты, заслуживающие серьезного внимания. Частично я уже останавливался на них в данной главе. И все же мой конечный вывод сильно отличается от тех, которые предлагают упомянутые ученые. Для меня номадизм в социально-политическом отношении не сводится к одной лишь хозяйственной адаптации кочевого скотоводства к природному окружению. В то же время он не является ни особой социально-экономической формацией, ни особым способом производства. Уровень социально-политического развития кочевых обществ и его соответствующие изменения в очень сильной мере определяются спецификой их взаимоотношений с внешним миром и особенностями последнего.

Глава IV

Способы адаптации номадов к внешнему миру

Два вида адаптации номадов к внешнему миру — экономическую и социально-политическую, в теоретическом анализе разделить гораздо легче, чем на практике. Тем не менее факт остается фактом. Будучи неавтаркичным, номадизм любого типа не может функционировать в изоляции. Различия существуют в способах и средствах, а не в потребностях и целях. По общему правилу, чем более дифференцированным в социальном отношении является данное кочевое общество, тем активнее оно стремится к контактам и взаимодействию с внешним миром. Правда, в большинстве случаев справедливо и обратное утверждение. Интенсивные и разносторонние контакты с внешним миром способствуют росту социальной дифференциации и/или имущественного неравенства у номадов. Для объяснения данного явления эффект обратной связи подходит гораздо больше, чем однонаправленная причинно-следственная цепочка. Все сказанное относится также ко многим полукочевникам. В силу большей комплексности их хозяйства те же самые потребности ощущаются ими не столь остро, но все же они реально существуют.

Таким образом, выбор конкретных способов адаптации кочевого общества к внешнему миру зависит от экономических потребностей всех его членов и социально-политических устремлений отдельных слоев и групп. И, конечно, рассматривая способы адаптации номадов к внешнему миру, никогда нельзя упускать из виду предоставляемые последним конкретные возможности и накладываемые ограничения. Внешний мир по отношению к номадам выступает обычно не пассивным фоном, а активной силой взаимодействия.

Все отмеченные обстоятельства и сочетания друг с другом, которое может принимать самые разнообразные формы, приводят к тому, что даже одни и те же способы адаптации кочевников проявляются по-разному. И все же попытка выделить основные способы не кажется мне безнадежной.

Седентаризация

Первый и наиболее радикальный способ — седентаризация, увеличение сельскохозяйственного производства, развитие ремесел. Но на этом пути перед кочевниками имеется много трудностей и препятствий как психологических, так и социальных. Седентаризация означает необходимость ломки стереотипа мышления, поведения, традиционной системы ценностей и традиционного образа жизни. Вероятно, антитеза кочевой — оседлый образ жизни является не только отражением различий в объективных условиях существования, но и составной частью идеологии кочевников, иногда сознательно или бессознательно культивируемой кочевой аристократией. Будучи одним из проявлений универсальной оппозиции «мы — они», в функциональном плане она одновременно играет этно- и культурноинтегрирующую роль в собственном обществе и дифференцирующую по отношению к оседлому миру. Более того, она является установочной на негативное отношение к последнему. По своей природе вторичная, подобная установка, раз укоренившись, становится тормозом на пути седентаризации. Однако это препятствие до сих пор не всегда учитывается теми властью имущими администраторами, которые спешат покончить поскорее с проблемой кочевников в современном мире.

Социальные препятствия седентаризации, хотя и на ином уровне, во многом связаны с теми же трудностями, что и психологические. Индивидуально-семейная Седентаризация выбивает кочевника из традиционной системы социальных связей, лишает важных линий защиты. «Часто (как в Турции) кочевники, переходящие на оседлость, должны внедряться в другие этнические общества, изначально враждебно к ним настроенные» (Bates, 1971: 14- со Bates 1974-Monod, 1975: 141-142; Dahl and Hjort, 1975- 29)

Массовая седентаризация нередко связана с определенной дезинтеграцией кочевого общества, с существенной трансформацией

его социальной организации. Не все слои и группы данного общества извлекают из нее равную выгоду (или невыгоду), и уже поэтому не все они заинтересованы в ней в равной мере. Примечательно, что частнособственнические тенденции по отношению к земле усиливаются у кочевников по мере развития седентаризационного процесса (см., например, Марков, 1976: 224 про туркмен; Эрдниев, 1970: 38—40 про калмыков; ср. Spooner, 1973: 15).

Конечно, и психологические и социальные препятствия седентаризации не являются непреодолимыми. Многочисленные исторические примеры свидетельствуют об этом совершенно недвусмысленно. Когда основатель династии Ляо в X в. совершил поход на территорию Монголии и посетил развалины бывшей уйгурской столицы на Орхоне, он предложил уйгурскому владельцу города Ганьчжоу вернуться в прежние уйгурские владения. Однако, хотя со времени вынужденного ухода уйгур в Восточный Туркестан прошло всего 80 лет, они уже успели привыкнуть к земледельческо-городской жизни и не захотели возвращаться в кочевья предков (Бартольд, 1963д: 498—499).

Важнейшее и наиболее трудно преодолимое препятствие заключается в экологии. Поскольку кочевое скотоводство в первую очередь развилось как наиболее эффективная хозяйственная альтернатива земледелию в неблагоприятных для последнего экологических зонах, то оно в зоне кочевого скотоводства было возможно лишь в территориально ограниченных анклавах или в маргинальных областях.

Однако даже в маргинальных областях земледелие нередко было менее выгодным делом, чем в его традиционной и устойчивой зоне. И, к тому же, именно в них границы между кочевыми и земледельческими обществами являются наиболее подвижными, зависящими от климатических колебаний, общей исторической ситуации в регионе, конкретного соотношения сил и соответствующей политики тех, кто был сильнее. (О том, как на протяжении веков менялась в этом отношении ситуация на юге Восточной Европы — см. Хазанов, 1973; в Центральной Азии — Бартольд, 1963b: 120; на границах Китая со степью — Laltimore, 1967; в Северной Африке — Julien, 1956; Julien, 1956a; в Сахеле — Gallais, 1977; в Аравии

сопредельных странах — Першиц, 1961: 39 сл.; в Турции — Bates, 1971: 121; ср., однако, Asad, 1973: 66—67.)

Все это вело к тому, что в одних случаях кочевники вынуждены были переходить к земледелию из-за сокращения пастбищ и/или соответствующей политики оседлых государств, а в других — земледельцы вынуждены были уступать свои поля под пастбища или сами обращаться к кочевничеству.

На большей части территории, занятой кочевниками, земледелие, в экономическом отношении способное эффективно конкурировать с кочевым скотоводством, возможно лишь только при условии проведения дорогостоящих ирригационных работ и больших капиталовложений, внедрении специальных сельскохозяйственных культур и т. д., и то далеко не везде. За редкими исключениями, вплоть до нашего времени, это было почти невозможно. Да и в XX в. ретивость иных политиков нередко опережает создание соответствующих стимулов и возможностей для седентаризации.

Для успешной, полной и массовой седентаризации были необходимы миграции в иные экологические зоны, благоприятствующие занятию земледелием. Подобные миграции хорошо известны в истории. В одних случаях это были массовые и единовременные переселения, в других — постепенные инфильтрации. Иногда они являлись результатом сознательных и целенаправленных действий, значительно чаще — неизбежным, но стихийным, следствием взаимоотношений кочевников друг с другом и с оседлыми обществами в конкретной исторической ситуации. Нет единой причины, вызывающей миграцию кочевников. Поэтому не может быть и единого объяснения их. Вопреки мнению Тойнби (Toynbee, 1935: 15), миграции кочевников вызываются не только климатическими изменениями или ослаблением оседлых цивилизаций, но и целым рядом других факторов, в том числе коренящихся в особенностях функционирования самих кочевых обществ в данный исторический момент. Седентаризация в таких случаях нередко являлась реадаптацией к новой экологической и социальной среде.

После монгольского завоевания Центральной Азии в ней поселился ряд монгольских и тюркских кочевых групп (Петрушевский, 1977: 132). Первоначально это привело к сокращению

земледелия и увеличению удельного веса кочевого скотоводства. Однако постепенно в новой экологической зоне большинство пришельцев стало переходить от чистого нomaдизма к полукочевому скотоводству и даже оседать. Подобные процессы происходили в Центральной Азии неоднократно и в до монгольский и в послемонгольский периоды. Последними прошли этот путь кочевые узбеки, после того, как Шейбани-хан отнял Центральную Азию у Тимуридов (Иванов П.П., 1958: 72).

Аналогичное явление хорошо известно и в истории Ближнего Востока. На протяжении многих столетий кочевники, вынужденные по разным причинам покидать Аравию, нередко оседали, оказавшись в иной экологической зоне. Если отвлечься от библейских времен, то одним из древних примеров подобной седентаризации являются танух йеменского происхождения, переселившиеся в III в. н. э. в плодородный район к западу от Евфрата и создавшие там княжество Лакхмидов (Hitti, 1956: 81). В Сахаре также известны случаи оседания как берберских (в том числе таких больших, как заната), так и арабских племен. Нередко оседали те, кто терпели поражения и вынуждены были уступать победителям свои пастбища (Capot-Rey, 1953: 181, 282—284; ср. Coon, 1931: 408 про племена риф; Evans-Pritchard, 1949: 45—46 про Киренаику). Не составляет исключения и Средний Восток. Об оседании аравийских бедуинов на территории Ирана уже упоминалось. На протяжении многих веков скотоводы и кочевники из горных районов современного Пакистана и других областей переселялись в долину Инда и оседали на ее плодородных землях, а иногда даже проникали в южные области субконтинента (Doni, 1974: 111—114; ср. Leshnik, 1972: 158 ff.). В XV—XVII вв. и позднее многие афганские племена стали переходить к земледелию после захвата чужих обрабатываемых земель или переселения на свободные земли, годные для культивации. Способы переселения были различными, но результаты — схожими (Рейснер, 1954: 46, 256).

Нередко переход к земледелию был вынужденным. Так, на равнине по берегам нижнего течения Кабул-Дарьи и в горных долинах Свата и Пянджгары, захваченных племенами хахи в начале XVI в., не было обширных пастбищ, необходимых для ведения

крупномасштабного кочевого скотоводства. Поэтому оно должно было дополняться земледелием (Рейснер, 1954: 46—47).

Белуджи, переселяясь в Белуджистан и оттесняя местное население, сами стали переходить к земледелию, причем в Мекране уже с XIII—XIV вв. Особенно интенсивно эти процессы протекали в Восточном Белуджистане, где в руках белуджей оказались издревле обрабатываемые земли, а местное население (джаты, радж-путы и другие) истреблялось, вытеснялось, обращалось в рабов или в зависимых арендаторов (Пикулин, 1959: 26; ср. Salzman, 1978a: 132).

Еще один пример из другого региона — Сомали. Когда кочевники с севера проникли в более плодородные районы южного Сомали, они перешли к более комплексному хозяйству, сочетающему земледелие с скотоводством (Lewis, 1960: 227).

Однако достаточно полная и массовая седентаризация, какими бы путями она не осуществлялась, преодолевает односторонность номадизма тем, что отказывается от него самого. Поэтому мы вновь возвращаемся к проблеме адаптации к внешнему миру тех номадов, которые остаются при этом номадами, и способам, которыми она достигается.

Торговля и торговое посредничество

Необходимо различать два основных вида торговли номадов с внешним миром: 1) непосредственный обмен и торговлю в основном с земледельческими и городскими обществами; 2) посредничество или участие в торговле между различными оседлыми обществами и связанные с ними услуги и другие контакты.

Непосредственный обмен и торговля между кочевниками, с одной стороны, и земледельцами и горожанами, с другой, в самой своей сущности содержат ряд труднопреодолимых препятствий, особенно, если иметь в виду их долговременный исторический аспект. Экономика, базирующаяся на кочевом скотоводстве, нередко является экономикой относительно высокой товарности. Так, удельный вес обмена в удовлетворении нужд рядовой аратской семьи в дореволюционной Монголии составлял 30 % (Марковска, 1973: 288).

По общему правилу, кочевники в силу специализированности и односторонности своего хозяйства были больше заинтересованы в торговле, чем оседлые общества с их, за отдельными исключениями, более комплексным, но в то же время характерным для древности и средневековья натуральным и следовательно, более автаркичным хозяйством. К тому же торговля с беспокойным кочевым миром всегда была сопряжена с возможностью военных действий и грабежа со стороны последнего. Кочевникам было труднее реализовать прибавочный продукт (когда он имелся) в рамках собственного общества с его не диверсифицированной экономикой. Необходимо также помнить, что, помимо земледельческих продуктов, не меньший интерес в торговле с оседлыми обществами для кочевников представляли ремесленные изделия. Несмотря на неоднократные попытки и разнообразие применявшихся для этого способов, кочевники никогда не могли наладить в должном количестве и качестве производство их в своем собственном обществе. В лучшем случае они добивались паллиативов, причем косвенно, с помощью все того же внешнего мира. Ибн Халдун понимал все это очень хорошо, как явствует из его высказывания, приведенного в предыдущей главе.

Разумеется, это не означает, что земледельцы были совершенно не заинтересованы в торговле с кочевниками или не умели извлекать из нее выгоду. Факты свидетельствуют о другом. Просто для кочевников торговля с земледельцами была делом необходимым и жизненно важным, особенно, когда они не могли обеспечить себе приток сельскохозяйственной и ремесленной продукции неэкономическими путями. Земледельцы же в принципе могли обойтись и без торговли с кочевниками (см., например, Bates, 1971: 115 про ситуацию в Турции).

Несколько по-иному обстояло дело с городами как центрами сосредоточения ремесла и торговли. Однако в большинстве случаев города являлись составной частью более устойчивых систем оседлого мира, на обслуживание которых они и были рассчитаны в первую очередь. Торговля с кочевниками иногда могла сулить большую прибыль, но в качестве постоянного фактора была слишком нестабильной, чтобы городские жители ориентировались на нее как единственную долговременную перспективу. Разумеется,

и исключения из этого правила, особенно на Ближнем Востоке. В средневековом Марокко: «Города были изолированы от сельской местности, за исключением случаев, когда они служили центрами торговли для бедуинов. В таких случаях основная связь между городом и округой представляла собой скорее неопределенный симбиоз между скотоводами и купцами, чем более стабильное доминирование землевладельцев над крестьянами» (Lapidus, 1975: 39).

Итак, первое препятствие заключается в экономических различиях между кочевыми и оседлыми земледельческо-городскими обществами. Второе — снова связано со спецификой самой кочевнической экономики.

Когда ученый изучает древние и средневековые исторические источники, у него может создаться превратное впечатление об экономическом потенциале и устойчивости кочевого хозяйства. В этих источниках содержится сравнительно много сведений о заинтересованности кочевников в торговле с оседлым миром и о большом количестве скота и скотоводческих продуктов, которые они поставляли на рынки последнего. Невольно возникает вопрос, каким образом кочевое хозяйство создавало необходимые для торговли излишки, если нестабильность действительно является его перманентной особенностью? Для правильного ответа на него необходимо учитывать три различных обстоятельства: характер исторических источников, специфику кочевнической экономики и имущественные и социальные различия в кочевых обществах.

Сведения о торговле кочевников с оседлым миром, содержащиеся в упомянутых источниках, как правило, являются отрывочными, неполными и иногда относятся лишь к тем периодам и даже годам, когда она переживала подъем. Нередко именно поэтому древний или средневековый автор и обращал на нее свое внимание. Поскольку кочевое скотоводческое хозяйство функционирует циклически, вполне вероятно, что во многих подобных случаях источники отражают благоприятный цикл его роста, временно создающий необходимые для торговли излишки.

Кроме того, имущественные и социальные различия в кочевых обществах приводят к тому, что, хотя стремление к обмену и торговле

с оседлым миром присуще всем их членам, возможности у них различны. Иногда торговля осуществляется в ущерб перераспределительным механизмам, существующим в кочевом обществе. Но зато для кочевой аристократии и просто богатых скотовладельцев она могла служить каналом, стабилизирующим и укрепляющим их экономические и социальные позиции.

Именно поэтому в статьях торговли иногда начинают фигурировать предметы роскоши, которые Леттимор (Lattimore, 1967: XLII) склонен считать чуть ли не основными в торговле кочевников с оседлым миром. К тем социальным мотивам, по которым кочевая аристократия особенно стремится к контактам с внешним миром, надо добавить еще ее особые экономические мотивы, зачастую отличные от интересов кочевого общества в целом. Впрочем, эти социальные и экономические мотивы на практике бывают обычно переплетены столь тесно, что их трудно разделить.

Наконец, в торговле с оседлым миром кочевники далеко не всегда реализуют только излишки своего производства. Иногда им приходится поступаться и частью необходимого продукта. Обмен скота и скотоводческих продуктов на земледельческие может ухудшать систему их питания (см., например, с. 169) и даже долговременные перспективы воспроизводства скота, но, тем не менее, быть необходимым, так как позволяет продержаться за счет менее калорийных продуктов в неблагоприятные сезоны и циклы (ср. Dahl and Hjort, 1976: 179—1810. Впрочем, известны случаи, когда скота оставалось так мало, что кочевники были вынуждены продавать своих детей и жен (см., например, известия ал-Омари, ал-Макризи и ал-Айни о татарах Золотой Орды — цит. по Тизенгаузен, 1884: 231, 235, 436, 513; данные о калмыках XVIII в. — Пальмов, 1927: 125; о казахах начала XIX в. — Вяткин, 1941: 216). Солцман (Salzman 1978a : 131) отмечает, что в плохие годы белуджам просто нечего предложить для торговли. В XIX в. ряд прямых и косвенных мероприятий русской администрации, заинтересованной в максимальных поставках дешевого казахского скота на русские рынки, и ростовщическая деятельность проникавших в степи торговцев привели к чрезмерному вывозу скота, не возмещавшемуся естественным приростом поголовья и

способствовавшему разорению кочевников (Аполлона, 1976: 346 сл.; Марков, 1976: 201).

Таким образом, с одной стороны, не только специализированность, но и неустойчивость кочевого скотоводства повышали заинтересованность кочевников в торговле с оседлым миром, а с другой та же неустойчивость не благоприятствовала производству стабильного излишка, который мог бы регулярно реализовываться на рынке и удовлетворять потребности этого общества.

Торговля с оседлым миром — неперенный атрибут номадизма любого типа, хотя значение ее не всюду одинаково, а региональная и даже локальная специфика весьма значительны.

Я уже приводил данные, свидетельствующие о том, что оленеводы Северной Евразии в отношении обмена и торговли не составляют какого-либо существенного исключения, по сравнению с остальными номадами (см. с. 158, 169). Главное различие заключалось лишь в том, что для них торговля являлась, по существу, единственным средством приобретения необходимой земледельческой и ремесленной продукции. Других альтернатив не было. Поэтому оленеводы стремились к ней даже на самых невыгодных для себя условиях. Локальной особенностью чукчей было важное значение обмена с эскимосами — охотниками на морского зверя, позволявшего сбалансировать систему питания. Кроме того, эскимосы отчасти выполняли для чукчей ту же роль, что ремесленники в оседлых земледельческо-городских обществах юга (Крупник, 1976: 47).

В евразийских степях специфика торговли кочевников с оседлым миром более всего определялась двумя обстоятельствами. Одно из них — экологическое, другое — политическое.

Раздельная утилизация различных экологических зон с земледельцами создавала определенные пространственные трудности для торговли. Подчас скот и другие товары надо было гнать и везти на большие расстояния. И примечательно, что наиболее активной стороной в торговле были именно кочевники. Бартольд (1963б: 123) писал даже, что «везде, где происходила торговля кочевников с оседлыми народами — на границах Китая, мусульманского мира и России — кочевники сами пригоняли

свои стада к пунктам пограничной торговли, не дожидаясь, пока торговцы приедут в степь».

Это не совсем так. Известна, например, активная роль согдийских торговцев в Тюркском каганате, а Ибн Фадлан засвидетельствовал, что мусульманские купцы проникали в глубь огузских кочевий (Ковалевский, 1956: 126—27).

Тем не менее чаще всего ситуация действительно была такой, как ее охарактеризовал Бартольд. Отдельные цифры выглядят очень впечатляющими. Так, осенью 1527 г. «из ногаев» на Русь для продажи пригнали 20 тысяч коней, в 1529—30 гг. — 80 тысяч, в 1530—31 гг. — 30 тысяч, в 1532—33 гг. — 50 тысяч (Зимин, 1972: 221). Казахи Младшей Орды продали России за 1798—1802 гг. 10919 лошадей и 649298 баранов, за 1803—1807 гг. — 4314 лошадей и 406715 баранов, за 1808—1812 гг. 282 лошади и 318202 баранов (Вяткин, 1941: 215). Однако, по отмеченным выше причинам, я не стал бы абсолютизировать эти цифры и, главное, принимать за неизменные на протяжении больших отрезков времени. Значительное колебание приведенных цифр от года к году уже само по себе достаточно показательно.

Не исключено, что некоторые миграции и завоевания кочевников начинались из-за простого желания быть поближе к столь необходимым для них рынкам. Уже в древности подобную политику проводил скифский царь Атей (Хазанов, 1975: 242; Khazanov, 1978: 430). Можно привести также мнение Бартольда (1963: 467—468), полагавшего, что монгольское завоевание Центральной Азии было ускорено недалекими действиями хорезмшаха Мухаммеда, закрывшего торговые пути из Мавераннахра в степь. Возможно, стремлением быть поближе к китайским рынкам объясняется перемещение центра политической жизни монголов с берегов Толы, Орхона и Керулена на юг, в районы Чахара в период между смертью Эсена и укреплением власти Даян-хана (Златкин, 1964: 62).

Любопытно, что имеющиеся сведения почти всегда указывают на кочевников, как на сторону, наиболее нуждающуюся в торговле, и на оседлых жителей, как на сторону, наиболее от нее выгадывающую. Макдиси специально отмечал низкие цены на мясо у северных границ

Мавераннахра. По словам Истахри, в X в. Хорезм был обязан своим богатством исключительно торговле с номадами, которая сосредотачивалась в северной части страны с центром в городе Гургенче (совр. Куня-Ургенч). Благодаря этой торговле эмиры Гурганча усилились настолько, что в конце X в. овладели южной частью страны и перенесли титул хорезмшахов на свою династию (Бартольд, 1963б: 124).

Позднее сельджукский султан Санджар в своем указе специально отмечал: «Товары и предметы их (т. е. кочевников. — А. Х.), дающие прибыль, являются причиной увеличения благоденствия, довольства и пользы оседлых людей» (цит. по *«Материалы по истории туркмен и Туркмении»*, 1939: 314). Однако оседлые государства, соседствующие с кочевниками евразийских степей, чаще всего рассматривали торговлю с ними как инструмент внешней политики, средство экономического давления. В Китае торговля с кочевниками обычно непосредственно велась или регулировалась государством. При этом с удивительным постоянством повторялась одна и та же ситуация. Китай стремился прекратить или ограничить торговлю с номадами, если они не хотели признавать себя его подданными, а номады добивались права на торговлю с оружием в руках.

В мирных договорах, которые Китай был вынужден заключать с сюнну, по требованию последних обязательно включалось обязательство Китая открывать рынки на пограничных заставах. По словам Сыма Цяня (Ши цзи, гл. 10, цит. по Таскин, 1968: 51), «отличаясь алчностью, сюнну ценили рынки на пограничных пропускных пунктах и любили китайские изделия, а Хань тоже была заинтересована в существовании рынков на пограничных пунктах, чтобы удовлетворять их желания».

Император Сюань-цзун в 1431 г. откровенно объяснял, почему он разрешил торговлю с кочевниками: «Китай открыл торговлю вовсе не потому, что у него нет лошадей и крупного рогатого скота (кстати, лошадей явно не хватало. — А. Х.). Наоборот, варвары целиком зависят от Китая. Если прекратить торговлю, то они непременно озлобятся. Поэтому разрешение двора на торговлю есть, в то же время, и проявление умиротворяющей гуманности» (цит. по Мартынов, 1970: 233).

В данном случае многовековой исторический опыт редко оказывал китайцам полезную службу. Это происходило не потому что, согласно известному афоризму, единственный опыт, которые можно извлечь из истории, это, что из нее не извлекают никакого опыта. Просто экономика, социополитическая организация и идеология Китая настолько отличались от кочевнических, что проще было идти на риск войны, чем потрясать их основы.

Но даже и в тех государствах, где придерживались более «либеральных» взглядов на торговлю с номадами, правительств; никогда не упускали из вида политических соображений. По закону 1212 г. тангутское государство Си Ся (Да Ся) запрещало лицам направляющимся к татарам, изготовлять для них посуду и прочую утварь. За нарушение закона полагалось три года каторги (Кычанов 1977: 58, прим. 3). Шейбани-хан запрещал самаркандским бухарским и хорезмским купцам продавать товары казахам (Ахмедов, 1965: 10). «Несколько раз был издан августейший указ. чтобы население Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало, и чтобы между ними и жителями этил земель не было взаимных посещений и поездок купцов. Так что, несколько раз в некоторых районах Туркестана и городах Хорезма было приказано ограбить казахских купцов. У ханского величества при издании этого указа были в виду разного рода мудрые соображения» (Фазлах Ибн Рузбихан Исфাহани, 1976: 101).

На Ближнем Востоке, особенно в Сахаре и Аравии, торговля имела еще большее значение для номадов, чем в евразийских степях, и осуществлялась на более выгодных для них условиях. Мелкооазисный характер оседлой жизни во многих областях региона и военно-политическая сила номадов на протяжении большей части его истории за последние полторы тысячи лет приводили к тому, что от последних в значительной мере зависело само ее поддержание (ср. Coon, 1976: 63). Кроме того, узоость внутреннего рынка и превратности внешней торговли способствовали частичной ориентации городского ремесла и торговли на удовлетворение нужд номадов (de Planhol, 1966: 273; см. также Evans-Pritchard, 1949: 44—45 про Киренаику; Capot-Rey, 1953: 217-219, 227 про Сахару; Першиц, 1961: 51 про Аравию). По подсчетам Смилянской

(1979: 94), в XVII—XVIII вв. около 5 % городского населения Сирии было занято обслуживанием кочевников.

Приобретение кочевниками проса, фиников и другой сельскохозяйственной, а также ремесленной продукции в оазисах не встречало никаких препятствий. Их жители испытывали постоянную нужду в мясе, масле, сыре и прочих продуктах скотоводческого хозяйства (см., например, Nicolaisen, 1963: 63, 218 про Сахару; Першиц, 1961: 55 про Аравию). Более того, сахарские и аравийские города как торговые центры сильно зависели от торговли с кочевниками. В Аравии номады имели свои постоянные торговые центры, куда регулярно прикочевывали летом (Wallin, 1850: 36, 46; Doughty, 1888, I: 123; Philby, 1922, I: 170; Dickson, 1951: 49; Першиц, 1961: 55—56). Кроме того, вплоть до настоящего времени дожили странствующие торговцы, продающие бедуинам товары непосредственно в их кочевьях (Awad, 1962: 334; Stein, 1967: 85; ср. Burckhardt, 1831: 154 f.).

Впрочем, спрос на продукты скотоводческого хозяйства, особенно на шерсть и верблюдов, был велик не только в оазисах и городах Аравии (Marx, 1977: 347). Но наибольшую выгоду от их экспорта извлекали не кочевники, а профессиональные торговцы (Першиц, 1961: 42—43, 56 сл.). Однако, по все тем же извечным причинам, предложение было ограниченным, хотя до первой мировой войны одни только рвала продавали ежегодно до 30—35 тысяч верблюдов (Oppenheim, 1939, 1: 102). Поэтому столь важное значение для многих ближневосточных кочевников имела караванная торговля. И все же и на Ближнем Востоке власти оседлых государств, когда могли, не упускали возможности использовать заинтересованность кочевников в торговле как средство политического давления. По свидетельству Блант (Blunt, 1879, I: 69), бедуины зависели от доброй воли паши, когда весной приходили к городам продавать скот и покупать продукты и одежду и вынуждены были платить за право торговли.

На Среднем Востоке кочевники и оседлые жители особенно тесно связаны друг с другом и экологией, и историей. Неудивительно поэтому, что между ними издавна установилась тесная экономическая взаимозависимость, а регулярные обмен и торговля

стали постоянным фактором их взаимоотношений. Например, в Афганистане основу их составляет не только заинтересованность номадов в зерне, но и потребность земледельцев в молочных продуктах.

Ситуация, существовавшая на Среднем Востоке еще сравнительно недавно, довольно подробно описана многими исследователями (см., например, Schurmann, 1962: 255: 261—262; Barth, 1962: 346 ff.; Barth, 1964a: 72; Barth, 1976: 74; Ferdinand, 1969: 134 ff.; Spooner, 1975: 180). Однако я бы не решился безоговорочно переносить ее на прошлые времена, когда экономическая сторона взаимоотношений кочевников с оседлым населением перекрывалась и опосредствовалась военно-политической.

Регулярный обмен, а также бартерную и кредитную торговлю с земледельцами практикуют и кочевники Африканского Рога (Lewis, 1955: 71, 78). Судя по некоторым данным (см., например, Gulliver, 1955: 6—7/211; Van Zwanenberg and King, 1975: 149; Dahl, 1979: 266), для восточноафриканских кочевников и полукочевников обмен с оседлым населением также имеет большее значение, чем это отражено во многих исследованиях. Маасаи в XVIII в., несмотря на набеги на кикуйю, одновременно торговали с ними и приобретали у них железные изделия (Alpers and Ehret, 1975: 493—494).

У номадов Тибета внеэкономические способы преодоления экономической специализации были ограничены. Зато широкое распространение получили различные виды торговли: от бартерной до денежной, от обмена скотоводческих продуктов на зерно и ремесленные изделия на местных рынках или непосредственно с торговыми партнерами из числа земледельцев до поставки тысяч овец, крупного рогатого скота и лошадей на рынки западного Китая (Кюнер, 1908: 65 сл.; Козлов, 1947: 372; Downs and Ekwall, 1965: 175, 180; Ekwall, 1968: 69).

Дальняя караванная торговля и ее обслуживание иногда приносили кочевникам большие выгоды, чем непосредственный обмен скотоводческих продуктов на продукты земледелия и ремесла. Поскольку торговля производилась товарами, произведенными, главным образом, в оседлых странах, скотоводческое хозяйство избавлялось от напряжения, связанного с необходимостью регу-

лярного обмена или продажи его продукции. Роль кочевников в караванной торговле была самой разнообразной: посредническая торговля, перевоз грузов, продажа или сдача в аренду транспортных животных, провод и охрана караванов, просто беспрепятственный пропуск их за плату и т. д.

В данном случае преимуществом кочевников было не только их географическое положение, подвижность, наличие транспортных животных, но и их психологические установки по отношению к путешествию, переселению, передвижению за пределы традиционно занятой территории. Не случайно все великие торговые сухопутные пути древности и средневековья были проложены самими кочевниками или при их участии. Нельзя полностью сбрасывать со счетов и еще один момент. В отличие от многих древних и средневековых обществ как Запада, так и Востока, у кочевников торговля и связанные с ней профессии всегда стояли высоко на шкале ценностей и пользовались большим престижем.

Наибольшее значение караванная торговля приобрела для некоторых кочевников Ближнего Востока. Имеются данные, что в ней участвовали уже полукочевники II тыс. до н. э., использовавшие ослов в качестве транспортных животных, а также предоставлявшие проводников и эскорт (Kupper, 1957: 15, 119). Полагают, что именно кочевниками-верблюдоводами в I тыс. до н. э. был проложен «путь благовоний», соединивший Средиземноморье с Южной Аравией, а через нее — с Индией и Восточной Африкой (Rathjens, 1952—1953: 283).

Посредничество в караванной торговле имело очень важное значение для древних бедуинов Аравии. Ее упадок нанес сильный удар по их благополучию и явился одной из причин важных перемен в истории полуострова.

Не исключено, что верблюдоводческая специализация ближневосточного кочевничества, и даже распространение верблюдоводства в кочевничестве других типов, отчасти связаны с потребностями караванной торговли и выгодами, извлекаемыми из нее кочевниками (Bulliet, 1975). У бедуинов Аравии в новое время караванный извоз и перевоз хаджжа служили дополнительными источниками дохода (Awad, 1962: 334). Однако с бедуинами успешно конкурировали профессионалы-горожане (Перший, 1961: 33—34, 56, 57—58, 60).

Наибольшее значение караванная торговля приобрела для кочевников Сахары, у некоторых групп которых она стала одним из важнейших источников дохода, иногда — даже важнейшим средством существования (Capot-Rey, 1953: 217—218; Bovili, 1958: 53; Nicolaisen, 1963: 209—212, 216, 218—219; Stewart, 1973; Harnes, 1979: 377 ff.). Не исключено, что именно борьба за контроль над караванными путями являлась иногда подоплекой событий, приводящим к миграциям, завоеваниям и возникновению кочевых государств (см., например, Levtzion, 1971: 127—128 про альморавидов).

На Среднем Востоке караванная торговля имела более ограниченное значение. В первую очередь она была важна для специализировавшихся на ней некоторых групп афганских номадов — повинда. Уже в XIII—XIV вв. они обслуживали транзитную торговлю на путях, соединяющих Индию с Персией и Центральной Азией. Этому способствовало совпадение караванных путей с маршрутами перекочевков, так что повинда лишь на летовках расставались со скотом и семьями. Они сдавали внаем верблюдов, нанимались погонщиками, получали плату за охрану караванов и сами занимались посреднической торговлей. Группа лоханийских племен, имевшая зимники в долине Инда, а летники — на Газнийском плато и на границах Хорасана, постепенно превратила посредническую торговлю между Индией и Ираном, а затем между Индией и Центральной Азией в свое дополнительное, а в некоторых случаях даже основное занятие. В XVI в. повинда дважды в год совершали путешествие от Бухары через Кандагар и Гомал в Индию.

Даже в XIX в., когда такая торговля переживала упадок, повинда практиковалась значительной частью насыр, хароти, ду-тани, миан-хель и некоторых других племен. Впрочем, кочевники в Афганистане занимаются (или занимались) посреднической торговлей вплоть до настоящего времени, а покорение Хазараджата в конце XIX в. вызвало в Центральном Афганистане то, что Фердинанд назвал «коммерциализацией бывших чистых скотоводов». Некоторые группы номадов превратились в странствующих торговцев *par excellence* (Рейснер, 1954: 50, 65, 68; The-siger, 1955: 319; Schurmann, 1962: 255, 262; Ferdinand, 1962: 125; Ferdinand, 1969: 138 ff.; Азимджанова, 1977: 44).

Другие группы номадов получали доходы от караванной торговли, главным образом за счет охраны и беспрепятственного пропуска караванов по своей территории (см., например, Сооп, 1976: 195 про белуджей).

В евразийских степях караванная торговля также имела ограниченное значение, в лучшем случае, являясь второстепенным источником дохода для некоторых групп номадов. Правда, она существовала уже с древности. Скифы везли греческие товары в Приуралье (Herod., IV, 24), а Страбон отмечал про сарматов-аорсов, что они богатели, перевозя на верблюдах и торгуя индийскими и вавилонскими товарами (Strabo, XI, V, 8).

Наиболее известен Великий Шелковый путь — из Китая на Средний Восток, в Причерноморье и Средиземноморье. Но хотя кочевники временами извлекали выгоды из его функционирования, чаще всего это было тогда, когда они создавали сильные и обширные государства, способные контролировать территории, по которым он проходил. В противном случае китайцы, например, могли менять его направление на отдельных участках, оставляя в стороне кочевые области. Так, иногда Шелковый путь проходил к югу от Тянь-Шаня, из Хами через Кашгар и далее на Фергану и Самарканд, т. е. через оазисы Восточного Туркестана и земледельческие области Центральной Азии, несмотря на то, что путь через кочевые территории севернее Тянь-Шаня обходился дешевле, так как там верблюды могли пастись по дороге на хороших пастбищах (Lattimore, 1967: 173). Таким образом, не только сама торговля, но даже и ее маршруты становились средством политики.

К тому же караванная торговля в евразийских степях, в основном, велась специализировавшимися на ней профессиональными купцами — выходцами из оседлых стран — на Великом Шелковом пути согдийцами, позднее несторианами и среднеазиатскими мусульманами, на Волжском пути — хорезмийцами и жителями стран Халифата. Стремясь монополизировать торговлю, они иногда образовывали нечто вроде гильдий, и, естественно, извлекали из нее наибольшую выгоду.

Караванная торговля всегда была связана в первую очередь с политической и экономической ситуацией в обширном внешнем

мире, подчас включавшим несколько континентов. Кочевники могли иногда включаться в нее, используя ее в своих интересах. Но, как правило, не они ее создавали и не они определяли ее развитие и саму судьбу. Даже у туарегов выгоды от караванной торговли существенно колебались от столетия к столетию и от одной группы к другой (Capot-Rey, 1953: 303; Bovill, 1958; Keenan, 1977: 34—35).

Великие географические открытия и перемещение торговых путей в начале нового времени нанесли удар по межконтинентальной и, отчасти, даже трансконтинентальной караванной торговле. В долговременной перспективе каравеллы побеждали караваны (ср. Harnes, 1979: 381) так же, как вооруженные огнестрельным оружием регулярные армии оседлых государств стали одерживать победы над иррегулярной конницей кочевников. Впрочем, автомобили в этом отношении оказались значительно сильнее каравелл.

В целом же, торговля с оседлым земледельческим и городским миром была для номадов делом не выгоды, а насущной экономической необходимости. И приносила она чаще всего не прибыль, а элементарные средства существования.

Подчинение и различные формы зависимости кочевников от оседлых обществ

Вхождение в состав оседлого государства¹ не всегда оборачивалось для номадов и особенно для их аристократии только лишь отрицательной стороной. Известны случаи, когда дело ограничивалось более или менее формальным признанием его суверенитета, нередко дополняемым обязанностью военной службы. В таком случае положение номадов определялось, в основном, двумя факторами: простым соотношением сил между ними и государством и конкретной политикой последнего по отношению к номадам.

Подобная ситуация, хотя все же стесняла кочевников, но в то же время предоставляла им определенные выгоды. Помимо

¹ В данном разделе, за отдельными исключениями, не рассматривается положение номадов в государствах постколониального периода. Об этом существует уже обширная литература и число работ, публикующихся по данной тематике, постоянно возрастает.

возраставших возможностей обмена и торговли, они получали плату за военную службу, но не упускали случая грабить оседлое население, когда для этого создавалась подходящая ситуация, например, если правительство было слабым или смотрело на грабеж сквозь пальцы (см., например, Lambton, 1953: 139, про ситуацию в Иране при Каджарах; ср. Bates, 1971: 123).

Так же как кочевая по своему происхождению династия не всегда выражала интересы кочевников перед своими оседлыми подданными, так и оседлое правительство не всегда могло эффективно отстаивать интересы земледельцев перед кочевниками. Подчинение и инкапсулизация кочевников на государственном уровне может сопровождаться их сравнительной свободой на локальном. Номады не всегда проявляли лояльность к династии, даже когда она выдвигалась из их среды; тем более трудно было полагаться на них государству, не говоря уже об его оседлых жителях, от которых номадов отделяли образ жизни, культура, а нередко и этнические различия.

Отмеченная ситуация вплоть до XIX в., а кое-где и до XX в. (см., например, Salzman, 1979: 441—444 про шах-навази белуджей) была особенно характерна для Ближнего и Среднего Востока, где государства не всегда могли эффективно контролировать кочевников, более или менее формально находившихся под их суверенитетом. Примером может служить средневековая история Ирана или Северной Африки.

В Иране, начиная с XI в., кочевники, чтобы достичь и отстоять наиболее выгодные и привилегированные позиции как по отношению к самому государству, так и его различным группам, слоям и классам, должны были быть сильными, т. е. централизованными, что благоприятствовало их социальной стратификации. Слабое государство (а государство в Ираке в этот период чаще всего было слабым) в своих взаимоотношениях с беспокойным и непокорным кочевым элементом, который к тому же составлял основную массу войска, искало выход в инкорпорации кочевой аристократии в состав правящего класса, подкупая ее титулами, должностями, подачками и землями.

Так, в XIV—XVI вв., а временами и позднее, вожди ряда кочевых племен и их подразделений назначались правителями

областей и округов и после утверждения правительством нередко передавали свои должности по наследству (Lambton, 1953: 89 ff.; Петрушевский, 1949: 75 сл.; *История Ирана*, 1977: 173, 190). Кроме того, вожди кочевников являлись распорядителями территорий, которые назначались в кормление тому или иному племени. Эти территории включали в себя не только пастбища, но и пахотные земли с эксплуатируемыми крестьянами.

Правда, надо иметь в виду, что в Иране, начиная с сельджукского периода и, особенно в послехулагуидское время, нельзя говорить об общем противопоставлении любых кочевников оседлым жителям и государству. Различные кочевые объединения занимали в различных государствах на территории Ирана, даже тех, которые были созданы кочевниками, различное положение.

Поэтому руководящие позиции в собственном объединении не всегда гарантировали кочевой аристократии соответствующее положение в государстве, хотя бы из-за борьбы за власть между различными кочевыми объединениями, которой государство пользовалось, противопоставляя одних кочевников другим. В то же время ее включение в состав господствующего класса государства всегда способствовало росту социальной стратификации среди самого кочевого объединения, укреплению социальных позиций и власти кочевой аристократии, ее обособлению от рядовых кочевников. Исключение составляли те случаи, когда кочевая по своему происхождению аристократия вообще теряла связь с соответствующим кочевым объединением (Fernea, 1970; Salzman, 1974: 208).

Сходные взаимоотношения кочевников с государствами стали наиболее типичными для Северной Африки после появления там кочевников бану хилаль в XI в. Различные вариации таких взаимоотношений существовали на протяжении многих последующих веков, даже в периоды усиления и централизации государственной власти (подробнее об этом см. главу V). «Таким образом, эти арабы, проникшие сюда не более чем три четверти века назад, составили политическую силу, временами доминирующую, и оставались таковыми до начала двадцатого века» (Julien, 1956a: 118). Но и в Северной Африке положение различных кочевых объединений в одних и тех же государствах сравнительно сильно варьировалось.

Разумеется, рассмотренные случаи были, так сказать, оптимальными для кочевников, хотя они и были не такими уж редкими, особенно там, где кочевники и земледельцы не были полностью разделены экологией. В противном случае правительства оседлых государств иногда сами приглашали отдельные группы кочевников в свои пределы по внутривластным соображениям и/или нуждаясь в их военной силе.

Так в частности поступали в Центральной Азии саманиды и караханиды (Бартольд, 1963: 382; Бартольд, 1963б: 124). Правда, во времена караханидского завоевания тюркская гвардия саманидов оказалась ненадежной, но опыт не пошел на пользу. Хорезмшахи, нуждаясь в сильном войске для проведения завоевательной политики и укрепления своей власти в завоеванных странах, привлекали на службу кочевников-кипчаков, с вождями которых они вступали в родство. Так, при хорезмшахе Текеше было создано сильное военное сословие. Однако у него были традиционные недостатки, последствия которых оказались роковыми для Хорезма. Кипчаки были весьма ненадежны в борьбе с кочевниками, но зато безжалостно грабили захваченные оседлые области, восстанавливая местное население против хорезмшаха. К тому же они оказались склонными к придворным интригам. При хорезмшахе Мухаммеде они поддерживали его мать Туркан-хатун и находились в оппозиции к нему самому (Бартольд, 1963: 413, 445). Мухаммед явно не доверял войску. Может быть это и послужило причиной рокового решения распределить его по городам Мавераннахр вместо того, чтобы, собрав вместе, дать наступающим монголам решающую битву.

И Сасанидский Иран и Византия, а до нее Рим, нанимали арабов охранять границы друг от друга. В фатимидский период продолжались миграции бедуинских племен из Аравии в Египет. Бедуины входили в состав войска и, таким образом, становились частью господствующего класса. И в Египте неудобства от присутствия бедуинов ощущались весьма сильно. Поэтому их стали поощрять к миграции на запад, что положило начало хилифьянскому движению (Marçais, 1931: 78; Семенова, 1974: 105).

Афганских вождей вместе с их воинами охотно принимали на службу и награждали земельными пожалованиями самые различные

династии: Газневиды, Тимуриды, Сефевиды, Моголы. Особенно много афганцев переселилось в Индию в период государств Лоди (1450—1526 гг.) и Сур (1540—1555 гг.), в которых они составили господствующий слой (Рейснер, 1954: 63).

Однако известно и немало других случаев, когда положение кочевников в составе оседлого государства было более противоречивым и не столь для них выгодным, особенно для рядовых кочевников. Давление государственной власти все же ощущалось, если не прямо, то косвенно, если не всегда реально, то потенциально. Одним из самых больных вопросов для кочевников почти всегда было налогообложение и другие повинности, которые стремились наложить на них государство.

Даже в средневековом Иране кочевники, особенно не из привилегированных племен, были обложены податями в пользу государства (не считая обязанности нести военную службу), хотя и в меньшем размере, чем крестьяне (Петрушевский, 1949: 312 сл.). Эти подати особенно увеличились после реформ шаха Аббаса I и снова при Надир-шахе.

Нередко вхождение в состав оседлого государства было для кочевников наименее болезненным тогда, когда это государство осуществляло широкую экспансию и успешно вело завоевательную политику. Тогда политическое подчинение окупалось экономическими выгодами, невозможность грабить «своих» земледельцев и горожан с лихвой окупалась грабежом чужих.

Как отметил Уатт (Watt, 1953:20), «...Коран появился в атмосфере больших денег, а не пустыни». В только что возникшем исламском государстве проблема бедуинов ощущалась весьма остро. Хотя Мухаммед не любил и не доверял бедуинам (см., например, *Коран*, сура 49, ст. 14), именно они способствовали успеху созданного им государства (ср., однако, Asad, 1973: 65—66). Впрочем, сам пророк был достаточно дальновиден, чтобы и не пытаться изменить основу их социальной организации. От бедуинов, которые, по циничному выражению халифа Омара, «были топливом для ислама» (Hitti, 1956: 29) и значительная часть которых откочевала из Аравии, требовалось лишь принятие ислама, т. е. признание государственного суверенитета. Очевидно, только выгоды от

начавшихся завоеваний обеспечили их лояльность новому государству и новой религии.

Сама же Аравия со времен первых халифов и до появления ваххабизма в XVIII в. почти не знала единой власти и единой государственности, а бедуины относились к исламу довольно равнодушно.

«...Действительно, на тюркских границах бедуины благоразумно стараются выглядеть мусульманами; но у них совсем нет религиозной строгости, они ленивы в проявлении набожности настолько, что в целом их сравнивают с неверными, не знающими ни религиозного закона, ни пророков. Впрочем, они вполне охотно признают, что религия Магомета была создана не для них» (Volney, 1959: 212; ср. Burckhardt, 1831: 99 ff.).

В какой-то мере история повторилась с возникновением ваххабизма. Это учение распространялось прежде всего в оазисах Аравии. Но развиваемая им идея джихада — священной войны против «многобожников», на практике вылившаяся в набеги и военную экспансию, оказалась достаточно привлекательной для бедуинов. Если в первые годы возникновения ваххабитского государства Саудиты постоянно воевали с бедуинами, то, начиная с 80-х гг. XVIII в., они все чаще выступали как союзники (Васильев, 1967: 125, 130 сл.), хотя ряд наложенных ограничений и обязанность платить закят явно были бедуинам не по вкусу.

По существу, первое государство Саудитов было создано оседлой знатью городов-оазисов Неджда для прекращения бесконечных внутренних войн, нарушавших нормальные условия производства, а также для борьбы с турецкой опасностью и совместной военной экспансии под знаменем обновленного ислама. Кочевая аристократия лишь временно присоединилась к ней отчасти из-за выгоды, отчасти в результате принуждения. Бедуины всегда были готовы сбросить ваххабитское ярмо, что и доказали войны Мухаммеда Али, приведшие к разгрому Саудитского государства. По интересному, хотя и недоказанному, предположению Леттимора (Lattimore, 1967: 222-223), широкая завоевательная политика, которую проводил Тибет в VIII в. н.э., велась в интересах

кочевников, чтобы заинтересовать их и привязать к государству Лхассы. Невольно напрашивается аналогия с Мухаммедом и его бедуинами.

Нередко оседлое государство, даже будучи более сильным и располагая военным преимуществом, прибегало по отношению к кочевникам к политике косвенного управления, не стремясь непосредственно изменить их социополитическую организацию, особенно в ее низших звеньях, а всего лишь довольствуясь их инкапсулизацией в состав государства. В результате иногда возникали своего рода «административные кочевые вожества». Но и такая политика уже сама по себе приводила к более или менее сильным социальным трансформациям. Кочевая аристократия иногда частично инкорпорировалась в состав господствующих классов. Одновременно помощь правительства и функции посредников между государством и собственным объединением укрепляли ее позиции по отношению к остальным кочевникам (ср. Marcais, 1913: 238 ff.; Stenning, 1959: 73-77; Barth, 1962: 349; Irons, 1979: 371; Salzman, 1974; Salzman, 1979: 433, 434 ff.).

Китай проводил политику косвенного управления по отношению к подчиненным кочевникам, начиная с 1 в. до н. э., когда часть сюнну вынуждена была признать его суверенитет. При этом правительство поддерживало и подкупало местную аристократию, а иногда и прямо вмешивалось во внутренние дела номадов, способствуя трансформации их социальной организации.

Так, монгольская знать, предводители *аймаков* и *хошунов*, ставших при маньчжурах постоянными территориально-административными единицами, была включена в циньский бюрократический аппарат и получала жалованье от правительства, одновременно не забывая взыскивать в свою пользу подати с рядовых кочевников (История Монгольской Народной Республики, 1967: 187 сл.; Ермаченко, 1974: 159; Ширендыб, 1975: 230; см. также-с. 224 данной книги).

В Каме маньчжурское правительство пыталось превратить в своих чиновников предводителей тибетских кочевников, возложив на последних их содержание, но, не забывая при этом взыскивать с них налоги в свою собственную пользу (Козлов, 1947: 172—173, 1/5).

Даже Россия одно время экспериментировала с политикой косвенного управления по отношению к казахам и калмыкам, пока окончательно не забросила ее в XIX в. Эта политика, однако, в отношении аристократии различных кочевых народов и даже одних и тех же народов в разные исторические периоды была различной, варьируя в зависимости от политической ситуации. У казахов влияние «белой кости» сперва поддерживалось и укреплялось русской администрацией, а затем было подорвано и упразднено. Реформой 1867—1868 гг. потомки Чингиз-хана были лишены всех сословных привилегий и приравнены к «сельским обывателям».

Напротив, у калмыков в XVIII в. произошло окончательное обособление аристократии в замкнутое и привилегированное сословие (Небольсин, 1852: 7—9; Пальмов, 1929: 18—19; Эрдниев, 1970: 206—211). Калмыцкие *нойоны*, главы отдельных улусов, имели право налагать физические наказания на рядовых кочевников, и облагали их ежегодным налогом в размере 1/10 части скота (Паллас, 1809: 485).

Хивинские ханы поддерживали подчиненных им туркменских вождей, способствовали захвату ими земельной собственности, позволяли присваивать часть налогов, а русское правительство способствовало росту у туркмен имущественного неравенства, отчасти связанного с седентаризацией (Марков, 1976: 231—232).

В Иране политика косвенного управления осуществлялась правительством даже в XX в. (см., например, Salzman, 1974: 204—205; Salzman, 1978b: 544—545; Fazel, 1973: 135).

В XVI—XVII вв. Моголы и Сефевиды, собирая дань с афганцев, пользовались услугами их вождей. Взамен они способствовали укреплению власти последних, освобождали от налогов, жаловали грамоты на владение землей и т.д. (Рейснер, 1954: 55, 225). Именно Сефевидам обязан своим возвышением сазодай-хан-хель абдали, из которого впоследствии вышел основатель державы Дуррани. Шахи Дуррани проводили ту же политику. Выборы ханов в большинстве племен контролировались шахом, и чем послушнее было данное племя шаху, тем послушнее было оно и хану (Eiphistone, 1819,1: 255, 264). «Стоит отметить обстоятельства,

от которых зависит степень власти вождя. В племенах, послушных правителю, значительное влияние хана проистекает из его службы, заключающейся в сборе налогов и организации милиции, а также косвенно, из доходов, связанных с отправлением этих обязанностей. Его личный характер существенно влияет на его власть и влияние» (Eiphinstone, 1819, I: 260—261).

Власть бедуинских шейхов также возрастала, когда они опирались на поддержку центральных властей (Awad, 1962: 335; Marx, 1977: 350). Нередко шейхи выступали посредниками между своим кочевым образованием и властями (см., например, Burckhardt, 1831: 96), и последние всячески стремились привлечь их на свою сторону и купить их лояльность. Турки в Ливии ограничивались получением налогов, не всегда регулярных, которые собирали бедуинские шейхи, оставляя часть их себе (Evans-Pritchard, 1949: 96; ср. также с. 433 сл. данной книги о положении в средневековой Северной Африке).

Таким образом, вхождение в состав оседлого государства даже в тех случаях, когда кочевники в известной мере сохраняли свою автономию, нередко способствовало росту социальной дифференциации в их среде (ср. Irons, 1971: 155).

Впрочем, политика косвенного управления по отношению кномадам далеко не всегда была достаточно надежной с точки зрения государства и его правительства. Двойная лояльность предводителей кочевников (своему объединению и государству) при наличии соответствующих условий легко могла обернуться их нелояльностью по отношению к последнему. История Китая, Ирана и многих других стран дает этому достаточно много примеров.

Тем более сильно ощущали кочевники жесткую руку оседлого государства, когда последнее переходило к политике прямого управления, или больше не нуждалось в предоставлении им особого статуса, или просто стремилось ликвидировать саму проблему кочевников в своих пределах.

Различные китайские правительства неоднократно прибегали по отношению к подчиненнымномадам к политике насильственной ассимиляции в ее самых крайних проявлениях, например, заставляя их вступать в браки с китайцами. Одно из ранних свидетельств

подобного рода относится к уйгурам XII в., оказавшимся в провинции Шэньси (Сунмо Цзивэнь, с. 6—8; цит. по Малявкин, 1974: 92; см. также Малявкин, 1975: 80—81). Позднее, при династии Мин, были запрещены браки между монголами, оставшимися в Китае после гибели Юань. В указе 1372 г. императора Юань-чжана говорится: «Нельзя монголов отпускать на родину. Их нужно роднить с китайцами путем брака и запретить браки между монголами. Нарушителей этого закона, мужчин и женщин, превращать в рабов (Мин цзи-цзе фу-ли; цит. по Далай, 1975: 202). Гораздо раньше император Тоба Хун из государства Северное Вэй, будучи по происхождению сам кочевником, но проводивший политику китаизации в своем государстве, поощрял смешанные сяньби-тибетско-китайские браки (Крюков, Малявин, Софронов, 1979: 94). "

В Тибете из-за давления правительства Лхассы была нарушена племенная структура многих кочевников (Козлов, 1947: 35, 211; Ekvall, 1968: 29; Решетов, Яковлев, 1975: 210).

В то же самое время, когда кочевники довольно привольно чувствовали себя в слабом Иране, в соседней Турции правительство препятствовало созданию больших кочевых объединений и, не принимая в расчет экономических интересов кочевников, проводило политику контроля над их перекочевками, ограничения их автономии и административной интеграции. Восстания курдов в XIX и XX вв. были лишь запоздалой реакцией на такую политику (de Planhol, 1969: 83 f.).

Фулани, составляя меньшинство в мусульманских государствах Западного Судана в период, предшествовавший движению Османа дан-Фодио, вынуждены были следовать их политике, участвовать в их войнах, платить налоги и даже отдавать своих женщин местным правителям (Stenning, 1959: 6; Stenning, 1965: 365, 367- Horton, 1971: 111).

Чаще всего, чем сильнее меняется баланс сил, тем хуже становится положение кочевников в оседлом государстве. Их повинности возрастают. Даже в Афганистане, где положение кочевников в силу ряда причин вплоть до самого последнего времени было лучше, чем во многих других странах, они, хотя

нехотя, но привыкли платить налоги, чтобы избежать конфликта с правительством (Schurmann, 1962: 317, 322). Нередко происходит дезинтеграция высших звеньев социополитической организации номадов, и увеличивается значение имущественных различий, а традиционные институты взаимопомощи и перераспределения перестают функционировать (см., например, Digard, 1973: 48 про бахтиаров). Кочевое хозяйство интегрируется в локальную или даже более широкую экономическую систему и часто вынуждено приспособливаться к ее оседло-земледельческому сектору как ведущему, на условиях, навязываемых последним. В наши дни подобную тенденцию можно считать господствующей, но в некоторых регионах она стала преобладающей уже давно.

Там, где номады не занимают господствующего положения в особой экологической зоне, даже перекочевки их подчас подчинены аграрному производственному циклу деревень, через которые они проходят, а собственность на пастбища уже не всегда принадлежит им.

В России лучшие из казахских, киргизских, отчасти калмыцких и бурятских земель были в XIX в. отобраны в пользу русских переселенцев (см., например, Шахматов, 1964). Цикл перекочевов турецких юрюков подчинен циклу земледельцев в ущерб им самим. Своих пастбищ они не имеют и поэтому вынуждены платить за пользование ими землевладельцам или крестьянским общинам (Bates, 1971: 124-127).

В результате описанных перемен кочевое скотоводческое хозяйство еще больше теряет свои натуральные черты, еще больше вовлекается в обмен и торговлю. Практикуются различные формы торговли на местных рынках, включая посреднические, бартерные и даже денежные, с учетом колебания рыночных цен (см., например, Barth, 1962: 346-347; Barth, 1964a: 72; Barth, 1976: 74; Ferdinand, 1969: 143; Fazel, 1973: 133, 134; Swidler, 1973: 28; Bates and Lees, 1977 про кочевников Среднего Востока).

В результате подобного положения дел кочевники иногда стремятся наняться на работу в оседлых земледельческих и городских секторах экономики (см., например, Capot-Rey, 1953: 166; Keenan, 1977: 173 ff. про кочевников Сахары; Frantz, 1978:

104 про фулани; Swift, 1979 про сомали; Dahl and Hjort, 1979 про скотоводов Восточной Африки; Pastner, 1971: 175; Salzman, 1971: 187; Swidler, 1973: 32; Balland and Kieffer, 1979: 81 про кочевников Среднего Востока).

В такой ситуации кочевники получают возможность приобретения необходимых им товаров, но на условиях, варьирующих в самом широком спектре.

Во времена маньчжурской династии торговля превратилась в прямое орудие эксплуатации монголов китайскими купцами, в которой ей помогали монгольские аристократы. Используя коллективную ответственность находящихся под их управлением групп, они гарантировали уплату долгов и процентов китайским купцам и даже сами вкладывали капиталы в китайские фирмы (Грумм-Гржимайло, 1926, 111, вып. 1: 353—354; Майский, 1959: 167 сл., Lattimore, 1967: 201—206; История Монгольской Народной Республики, 1967: 201—206; Бурдуков, 1969).

Однако известны и иные случаи, когда натуральное крестьянское хозяйство оказывается хуже приспособленным к денежно-рыночной экономике, чем кочевническое. Так, афганские кочевники продавали товары хазарейцам глубинных районов с годичной отсрочкой оплаты, но из расчета 100% годовых, и к тому же сильно завышая цены. На таких же условиях ссужались деньги. В результате многие земли в Хазараджате переходили в руки кочевников (Ferdinand, 1962: 130 ff.; Ferdinand, 1969: 149; см. также с. 270 данной книги о других кочевниках Среднего Востока). Однако важно отметить, что выгоды из подобных торгово-денежных отношений с земледельцами извлекают, в основном, лишь богатые скотовладельцы.

Еще одно направление политики, которую оседлые государства нередко проводили и проводят по отношению к находившимся под их суверенитетомномадам — это седентаризация в довольно широком спектре: от добровольной, но поощряемой, до принудительной и насильственной. Не случайно кочевые подданные оседлого государства иногда стремились остаться номадами, чтобы избежать налогообложения и давления со стороны властей.

В Северной Африке нумидийский царь Масинисса уже во II в. до н. э. начал проводить политику массовой принудительной седентаризации. Римляне ее продолжили (Capot-Rey, 1953: 185, 282; Julien, 1956: 97 ff., 133 f.; Julien, 1956a: 307; Bousquet, 1957: 32), и Страбон (Strabo, XVII, 3, 15) назвал ее превращением номадов в общественных людей. Поразительно, как мало изменилось отношение цивилизованных оседлых жителей к номадам и их проблемам за последние две тысячи лет!

Справедливости ради, однако, надо отметить, что седентаризация номадов в Северной Африке в древности сопровождалась крупными ирригационными работами, строительством дорог и т. п.

В более позднее время она далеко не всегда проводилась столь продуманно (о политике седентаризации см., например, Першиц, 1961: 210 сл.; Capot-Rey, 1962: 307; Keenan, 1977: 173 ff. — про Ближний Восток; Рейснер, 1954: 55; Bates, 1971: 121; Ferdinand, 1962: 47—49 — про Средний Восток; Трубецкой, 1977 — общую сводку современных данных). По отмеченным причинам она не всегда была успешной и эффективной и редко была выгодной для номадов. Номады охотно становились землевладельцами, но со значительно меньшим энтузиазмом — земледельцами.

Даже в наши дни приобретение земли и последующую частичную или полную седентаризацию во многих странах могут себе позволить лишь богатые и знатные кочевники (см., например, Lewis, 1961: 93 про Сомали; de Planhol, 1959: 529—530; Bates, 1971: 121 про Турцию; Rosenfeld, 1965: 77, 79; Stein, 1967: 102 ff. про Аравию; Stauffer, 1965: 294; Fazel, 1973: 133, 139; Digard, 1973: 50 про Иран; см. также с. 257—258 данной книги).

В целом признание суверенитета оседлых государств приносило иногда выгоды отдельным группам номадов и/или их руководящему слою. Но реальное подчинение было связано с потерей политической независимости, угрозой традиционным институтам и формам социально-политической организации, прямой или косвенной эксплуатацией со стороны государства и его господствующих классов, а там, где существовали этнические различия — угрозой ассимиляции. Подчинение почти всегда было вынужденным путем, на который кочевники вступали не

добровольно, а под давлением силы. Не случайно этот вид адаптации наиболее типичен для нового времени.

Подчинение и различные формы зависимости оседлых обществ от кочевников

Я имею в виду довольно широкий спектр немирных взаимоотношений между кочевниками и оседлым миром, складывающихся в результате тех преимуществ, которые в данном аспекте представлял кочевой образ жизни: мобильность и военное превосходство — последнее особенно там, где номады разводят верховых животных (Першиц, 1976; Bonté, 1977a: 44).

Спектр этих отношений варьирует от нерегулярных набегов и грабежа земледельцев и горожан до навязывания им более или менее долговременных отношений покровительства и зависимости². Выгоды от подобных внеэкономических взаимоотношений для кочевников слишком очевидны, чтобы на них останавливаться подробнее. Кочевники получают возможность приобретать необходимые им земледельческие продукты и ремесленные изделия (а также скот) силой или угрозой ее применения, мало что давая или вообще ничего не давая взамен. Поэтому там, где кочевники располагают соответствующими возможностями, их набеги и грабежи становятся постоянным явлением. Для некоторых номадов они были важным вспомогательным источником существования.

Так, по мнению Буркхардта (Burckhardt, 1831: 57, 107—108, 234 ff.), многие группы бедуинов Аравии не могли прокормиться за счет своего скотоводческого хозяйства и вынуждены были заниматься грабежом. Спунер (Spooner, 1975: 178) отмечает, что у белуджей набеги приобрели вспомогательный вид хозяйственной деятельности. На практике набеги кочевников отмечены во всех регионах распространения номадизма (см., например, Klima, 1970: 110 про барабаиг; Leeds, 1965: 109 про чукчей; Козлов, 1947: 214, 305; Ekvall, 1968: 40, 52—53 про номадов Тибета). Соответствующие

² Подобные отношения могут существовать и между различными кочевыми группами и объединениями, а также внутри последних. Их значение и последствия рассмотрены вкратце в гл. III.

данные о кочевниках евразийских степей, Ближнего и Среднего Востока слишком многочисленны и легко доступны, чтобы были возможности и смысл делать их выборочную подборку.

Вплоть до нового времени с его революцией в военном деле оседлые государства не могли найти постоянного военного решения проблемы защиты от набегов кочевников. Именно этим обстоятельством объясняется парадокс: в разных регионах и в разные эпохи они сооружали дорогостоящие оборонительные системы на границах с кочевым миром, а кочевники вновь и вновь доказывали их неэффективность (ср., например, Великую Китайскую стену, или римские *limes* в Северной Африке, или дербентскую и другие стены, которые Сасаниды построили против вторжений с севера, или длинные стены, построенные в VIII в. арабами для защиты отдельных оазисов Мавераннахр, или целую систему крепостей и укрепленных пунктов, возведенных киевским князем Владимиром). Только римляне на несколько веков смогли эффективно оградить земледельческие и городские территории в Северной Африке от набегов кочевников и даже отодвинуть границу к югу, хотя в конце концов и она была прорвана. Русские смогли отодвинуть свои границы к югу только в XVII в.

И все же набеги по самой своей сущности являлись слишком ненадежными и нестабильными, слишком зависящими от баланса сил между кочевниками и оседлым населением в каждый данный конкретно-исторический момент. Когда обе стороны, кочевники и оседлое население, сохраняют свою политическую самостоятельность, эксплуатация подобного рода не является надежно гарантированной, не имеет каких-либо строго фиксированных форм и чревата разрушением самих основ хозяйственной жизни оседлого населения (см., например, Capot-Rey, 1953: 174; de Planhol, 1966: 280 про Сахару).

В долговременной перспективе для кочевников было выгоднее и надежнее заставить оседлое население платить регулярную дань в обмен на свое покровительство, защиту от других групп кочевников и просто за то, что они оставляли его в покое. На локальном уровне такие отношения были наиболее распространены на Ближнем Востоке (см., например, Musil, 1918: 42; Першиц, 1961: 133 сл., Awad, 1962: 335; Capot-Rey, 1962: 304; Rosenfeld, 1965: 77; Stewart, 1973a:

381; Coon. 1976: 195—196), отчасти также на Среднем Востоке. Значительно меньше практиковались они в евразийских степях.

Однако долговременные и стабильные отношения даннического типа между кочевниками и оседлым населением, устанавливающиеся на локальном уровне и, как правило, в результате исторически сложившегося соотношения сил, а не единовременного массового завоевания, в основном характерны для тех областей и периодов, когда оседлое государство или вообще отсутствует или слишком слабо. Не случайно такие отношения наибольшее распространение получили в Аравии и, особенно, в Сахаре, или в Белуджистане на Среднем Востоке, где сам тип оседлой жизни, сосредоточенной в небольших оазисах, разделенных обширными пустынными пространствами, обрекал ее на военную слабость. В других случаях государство не всегда могло защитить своих подданных, но, по крайней мере, предотвращало их прочную зависимость от кочевников. Там, где оседлое государство противостояло кочевникам как реальная сила, с которой они вынуждены были считаться, у них оставался один выход для получения необходимых продуктов насильственным путем — его подчинение или завоевание.

Любые виды подчинения или завоевания кочевниками оседлых обществ можно рассматривать как средство их политической адаптации к внешнему оседлому миру. Экономическая и социально-политическая отсталость кочевников оборачивалась при этом военными преимуществами — сильной, массовой и мобильной военной организацией, сплоченной ради перспективы эксплуатировать земледельческое и городское население. Данный случай обеспечивает кочевникам бесперебойное и беспрепятственное приобретение земледельческих и ремесленных продуктов на наиболее выгодной для них внеэкономической основе. Само это приобретение достигается различными средствами. Наиболее типичными и распространенными из них являются следующие:

1) Прямой нефиксированный и бесконтрольный грабеж. Если завоевание оседлых территорий не является кратковременным эпизодом и сами кочевники желают прочного установления своего господства над завоеванным населением, такое положение долго

продолжаться не может. Среди руководителей кочевников всегда находятся люди, понимающие, что нельзя убивать курицу, несущую золотые яйца. Правда, они не всегда способны в должный момент овладеть ситуацией.

Когда киданьский правитель Дэ-Гуан в X в. попросту присоединил захваченный Китай к своему государству, назвав его Великое Ляо, он не смог придать эксплуатации захваченной страны каких-либо организованных форм. Последовали всеобщие восстания, и новоиспеченный император вынужден был вернуться на родину. Объясняя причины недолговечности своего государства, он проявив понимание смысла событий, считая, что допустил три ошибки производил непосильный сбор средств с китайского населения; разрешил киданям грабежи и не послал своевременно правителей областей на места (Таскин, 1975: 98). Впоследствии неудачный опыт киданей смогли с большей пользой для себя использовав чжурчжэни, монголы (хотя и не сразу) и маньчжуры,

II) Данничество. Под данничеством понимается внешняя форма зависимости и эксплуатации, заключающаяся в том, что завоеванные группы отдают часть произведенного продукта и/или выполняют иные повинности в пользу победителя, сохраняя при этом свою собственную экономическую и социополитическую организацию, хотя и не всегда в полном и нетрансформированном виде. Обычно они остаются неинтегрированными (или не полностью интегрированными) в социально-политическую организации господствующей группы. Как правило, данничество генетически связано с неинституционализированными военными грабежами и контрибуцией и является не индивидуальной, а коллективной формой зависимости (Хазанов, 1972: 168—169; Khazanov, 1975: 122—123; Хазанов, 1975: 6159; Pershits, 1979).

Даннические отношения между номадами и оседлым населением известны в различных формах и на различных уровнях. В одних, уже отмеченных случаях, население какой-либо деревни на Среднем Востоке или оазиса на Ближнем Востоке платило дань определенной кочевой группе или индивидуальным членам кочевой аристократии за «покровительство» и защиту от других номадов и еще больше, чтобы откупиться от набегов самих

покровителей (см., например, Lambton, 1953: 160; Першиц, 1961: 133 сл.; Rosenfeld, 1965: 78, 79; Coon, 1976: 195). В других случаях оседлое государство платило дань кочевому (например, Китай или русские княжества — еюнну или Золотой Орде).

III) Прямое налогообложение. В отличие от данничества эта более развитая и централизованная форма эксплуатации возможна лишь в том случае, если кочевники, занимающие господствующее положение в созданном ими в результате завоевания оседлых стран государстве, располагают необходимым фискальным аппаратом. Как правило, этот аппарат, в основном, укомплектован за счет бюрократии или других представителей оседлого населения, перешедших на службу завоевателям. При этом на первых порах нередко практикуются наиболее хищнические откупные формы налогообложения.

Лишь впоследствии они иногда сменялись фиксированным налогообложением. Не в последнюю очередь это было заслугой таких выдающихся государственных деятелей — выходцев из среды покоренного оседлого населения, как Елюй Чу-цай или Рашид ад-Дин, к которым слово реалисты подходит гораздо больше, чем коллаборационисты. Во всяком случае, они понимали, что политика — это искусство возможного, хотя «возможное» иногда стоило им собственной головы. В то же время нельзя умалять заслуг и наиболее дальновидных кочевых правителей, вроде Угэдэя и Газан-хана. Но по общему правилу такое положение возникает далеко не всегда, и отнюдь не после всякого завоевания кочевниками оседлого государства (см. гл. V).

В других случаях сходное положение может возникнуть, когда кочевые или скотоводческие по своему происхождению группы, занимая господствующее положение в государстве, интегрированы с земледельцами в единую экономическую систему на основе общественного разделения труда. Так случилось, например, в государствах африканского Межозерья. Далее я подробно останавлиюсь на этих вопросах.

IV) Создание земледельческого и ремесленного укладов в собственном обществе. Я рассматриваю сейчас только те случаи, которые прямо или косвенно связаны с подчинением оседлых

групп или обществ или с их кратковременными или долговременными последствиями, а не с процессами, протекающими внутри самих кочевых обществ (например, седентаризацией обедневших кочевников).

Выгоды от наличия подобных укладов для кочевников очевидны. Они делают их экономику более диверсифицированной и если не устраняют полностью, то смягчают ее зависимость от внешнего мира. В Восточной Африке сходную роль играют охотничьи касты и этнические группы в скотоводческих обществах (Monod, 1975: 141; Dahl, 1979: 262, 267, Toney, 1979: 520), которым пока уделялось слишком мало внимания. Однако способы создания подобных укладов могут быть различными.

В одних случаях кочевники просто переселяли на свои территории ремесленников и земледельцев из завоеванных оседлых обществ или же использовали в качестве таковых захваченных рабов. Подобная практика была широко распространена у кочевников евразийских степей, а также на Ближнем и Среднем Востоке (см., например, Capot-Rey, 1953: 168—170); Першиц, 1961: 138; Awad, 1962: 335; Johnson, 1969: 151—152, 156). Арабы переселяли обращенных в рабство земледельцев из завоеванных стран в Хиджаз уже в I в. Хиджры (El-Ali, 1959: 252).

В других случаях кочевники сами привлекали на свои территории ремесленников и крестьян, так как были заинтересованы в их продукции. В таких случаях положение последних могло быть более легким, хотя их зависимость от кочевников и эксплуатация последними все же существовали.

Ахмад-шах Дуррани заселял Кандагар насильственно переселенными из Индии и Ирана купцами и ремесленниками. Практически все ремесленники в его государстве были неафганцами (Рейснер, 1954: 82). Но в конце XII — начале XIII в. среди киргизов жили добровольно поселившиеся у них китайские ремесленники (Бартольд, 1963д: 505). В древности китайцы констатировали, что «рабы и рабыни пограничных жителей печалются о своей тяжелой жизни, среди них много желающих бежать, и они говорят: «Ходят слухи, что у сюнну спокойная жизнь, но что поделаешь, если поставлены строгие караулы?» Несмотря

на это. иногда они все же убегают за укрепленную линию» (Бань Гу Хань-шу, гл. 94 б, цит. по Таскин, 1973: 41).

В третьих случаях, как, например, на Ближнем и Среднем Востоке, мы встречаемся с кочевниками, земледельцами и ремесленниками в рамках одних и тех же племенных образований, в которых кочевники занимают господствующее положение (см., например, de Planhol, 1966; Barth, 1973: 20). Иногда подобные зависимые группы, особенно ремесленные, выглядят как неотъемлемая составная и специализированная часть самого кочевого общества, сохраняющая свою зависимость просто потому, что ей некуда больше деваться. Однако по своему происхождению они все же чаще всего связаны не с хозяйственной специализацией внутри самого кочевого общества, а с подчинением оседлых групп или с общей обстановкой, созданной кочевыми вторжениями и завоеваниями, когда принятие зависимого положения и покровительства со стороны кочевников было единственным выходом (см., например, Capot-Rey, 1953: 226; Nicolaisen, 1963: 18 про туарегов; Musil, 1928: 281; Rosenfeld, 1965: 77; Coon, 1976: 196, 200 про бедуинов Аравии; de Planhol, 1966: 273 f. про кочевников Ближнего и Среднего Востока).

V) Захват земельной собственности и получение с нее доходов в виде ренты, прямой эксплуатации крестьян, превращенных в арендаторов или издольщиков и т.п. Как мы уже видели, это возможно даже в тех случаях, когда кочевники инкорпорированы в состав оседлого государства. Завоевание и подчинение, однако, предоставляют для этого наилучшие возможности (см., например, Philby, 1922, II: 13; Першиц, 1961: 137; Rosenfeld, 1965: 79 про Аравию; Barth, 1962: 346 про Юго-Западную Азию; Рейснер, 1954: 110—111, 146, 225; Schurmann, 1962: 263—264; Ferdinand, 1969: 144 про Афганистан). Разумеется, каждая из рассмотренных форм зависимости и эксплуатации представлена различными, в том числе более или менее централизованными вариантами. И, конечно, наличие одной из них не исключает существование других. В то же время преобладание тех или иных форм зависит от многих различных факторов и их комбинаций — общей исторической ситуации, экономических и социополитических особенностей как завоевателей, так и заво-

ных, характера подчинения и завоевания, наконец, от отношений, устанавливающихся между завоевателями и завоеванными и от экологического фона, на котором разворачиваются эти отношения.

«Это событие, искры которого разлетались [во все стороны] и зло которого простерлось на всех; оно шло по весям, как туча, которую гонит ветер», — писал Ибн ал-Асир о монгольском завоевании (цит. по Тизенгаузен, 1884: 2). История знает многочисленные случаи завоевания кочевниками оседлых обществ и государств, многие из которых являлись событиями всемирно-исторического значения. Помимо их эмоциональных оценок, подобно приведенной выше, ученые со времен Ибн Халдуна, если не еврейских пророков, задумывались над тем, какое воздействие оказывают подобные завоевания на функционирование и развитие оседлых обществ. Значительно меньше внимания уделялось тому, как они отражались на самих кочевниках.

Между тем подчинения и завоевания оседлого населения, особенно крупномасштабные, в большинстве случаев приводили к быстрой и сильной трансформации их социополитической организации, во многих случаях значительно более сильной, чем завоеванных земледельцев и горожан. Результатом подобной трансформации являлось возникновение так называемых кочевых государств.

Глава V

Номады и государственность

Кочевая государственность и условия ее возникновения

Термины «кочевая государственность» или «кочевое государство» являются весьма расплывчатыми и неопределенными. Строго говоря, кочевыми государствами должны именоваться лишь такие независимые образования, достигшие соответствующего эволюционного уровня и обладающие соответствующей политической организацией, в которых большинство населения составляют номады, разделенные на господствующие и подчиненные классы. Однако в более широком смысле кочевыми государствами нередко называют государства, созданные кочевниками в результате завоевания других обществ, особенно, когда кочевники занимают в них господствующее положение. Наконец, известны государства с кочевыми династиями, или династиями кочевого происхождения. Кроме того, в некоторых государствах кочевники или скотоводы занимали господствующее или привилегированное положение в силу причин, непосредственно с завоеванием не связанных.

Известным основанием для подобного расширительного употребления терминов служит тот факт, что перечисленные государства в генетическом отношении иногда были связаны друг с другом. Поэтому, пользуясь пока терминами «кочевая государственность» или «кочевое государство» в широком смысле слова, я вернусь к их уточнению в заключительной части главы, после рассмотрения различных примеров их возникновения и эволюции.

Саму же проблему кочевой государственности я начну с выводов предыдущих глав. Кочевое скотоводство в хозяйственном отношении не является автаркичным, и до тех пор, пока оно остается кочевым, нуждается в экономических ресурсах оседлого, прежде

всего, земледельческого и городского мира. При этом, для кочевников наиболее выгодны внеэкономические способы приобретения недостающих им продуктов, особенно путем подчинения различных оседлых групп, обществ, государств. Завоевание было лишь одним из средств такого подчинения, доведенным до своего логического конца.

Целый ряд обстоятельств, о которых уже много писалось в предыдущих главах, ограничивал развитие социальной дифференциации и возникновение государства у кочевников *sui generis*, только лишь в результате внутреннего развития. Чаще всего появление последнего было непосредственно связано с завоеваниями, как правило, оседлых стран и областей. Правда, потребности обороны, по-видимому, также могли вызывать иногда появление государственных образований у кочевников, но в этом случае они обычно являлись кратковременными и наименее устойчивыми. К тому же от обороны до нападения и экспансии у кочевников был всего лишь один шаг.

Итак, подчинение и завоевание оседлых земледельческих и городских обществ являются конкретным проявлением того внешнего фактора, который, наряду с внутренним, определял особенности социополитической организации кочевых обществ и общий уровень их развития. Поскольку кочевничество — это не только хозяйственная адаптация к природным условиям, но и активная адаптация к экономическим, социополитическим и культурным условиям внешнего мира — подчинение и завоевание являлись крайним средством адаптации второго рода.

Сторонники завоевательной теории происхождения государства (*Ueberlagerungstheorie*), в подтверждение правильности своих взглядов, наиболее часто ссылались и ссылаются именно на факты завоевания земледельцев кочевниками или скотоводами (см., например, Gumplovicz, 1899; Oppenheimer, 1926; Thurnwald, 1935; Westermann, 1952; Eberhardt, 1952; ср. Pritsak, 1952: 51). На мой взгляд, проблема гораздо сложнее. Прежде всего, две генерализации нуждаются в аккуратном различении. (1) Действительно, кочевые государства если не во всех, то в большинстве случаев рождаются в связи с успешной военной экспансией, в результате

подчинения и завоевания, в первую очередь, оседлого населения. (2) Не все кочевые государства формируются в результате завоевания. Таким образом, в универсальном плане завоевание является лишь одним из конкретных путей возникновения государства, отнюдь не единственным (Хазанов, 1970; Khazanov, 1979).

Но если не всякое государство рождается в результате завоевания, то справедливо и обратное утверждение: не всякое подчинение и завоевание автоматически влекут за собой возникновение государства. Для этого они должны быть достаточно прочными и крупномасштабными (т. е. численность и экономический потенциал подчиненного населения должны быть достаточно велики). Кроме того, общества как завоеванных, так и самих завоевателей, должны уже быть в какой-то мере социально дифференцированными. Сомнительно, например, что вообще возможно завоевание одного эгалитарного общества другим, а длительное и прочное завоевание в этом случае — даже еще более сомнительно.

Сам по себе необходимый минимум социальной дифференциации может быть недостаточно большим, чтобы повлечь за собой возникновение отдельного государства у завоеванных и, тем более, у завоевателей. Но в результате подчинения или завоевания, выступающих в роли катализаторов, возникает суперстратификация (см., например, Fried, 1967: 232; ср. Wittfogel, 1963: 324—325), которая, с одной стороны, полностью или частично, превращает этнические различия в социальные, а с другой — приводит к возникновению государства.

И все же новые государства чаще всего возникали в результате завоевания уже существовавших государств и оседлых областей, городское и крестьянское население которых было уже разделено на отдельные слои и классы. Иногда для строительства здания проще использовать материалы из развалин других зданий, чем все создавать заново. Иногда, когда разрушены лишь верхние этажи, проще всего их достроить и отремонтировать. Новые здания, построенные или достроенные подобным образом, могут быть не столь красивыми и пропорциональными, как прежние, зато возводятся гораздо быстрее. Так и созданные кочевниками государства нередко широко использовали наследство, доставав-

шееся им от их оседлых, а отчасти, и кочевых предшественников. К чему это приводило, я постараюсь проследить дальше.

При всех обстоятельствах для проведения широкой внешней экспансии кочевое общество должно быть достаточно консолидированным. Все или большинство кочевников должны извлекать из экспансии (скажем шире — военных успехов) определенные выгоды или рассчитывать извлечь их в недалеком будущем. В то же время, чем сильнее объект экспансии, тем выше требования к централизованности и сплоченности номадов. Однако рост социальной дифференциации в кочевых обществах отнюдь не обязательно должен предшествовать внешней экспансии. Напротив, он может происходить уже в ходе ее самой и по мере ее успехов.

Успешная экспансия ставила перед кочевым обществом новые проблемы. Она могла способствовать стабилизации политической власти, укреплению социальных и имущественных позиций кочевой аристократии, существовавшей ранее или заново возникшей, превращению ее в господствующий класс по отношению к покоренному населению и в привилегированное руководящее сословие по отношению к рядовым кочевникам. Более того, при определенных обстоятельствах она же открывала пути для превращения кочевой аристократии в господствующий класс и по отношению к остальным номадам. Подобная экспансия могла смягчать и разрешать внутренние проблемы, возникающие у кочевников из-за возрастающих социальных различий, так как способна была выносить их вовне, решать за счет подчиненного или завоеванного общества. Тем не менее социальные и экономические последствия экспансии могли приводить к тому, что кочевое общество теряло как раз те черты, которые делали возможной ее успешную экспансию. Тогда другие кочевники вступали на путь своих предшественников и отчасти повторяли, весь процесс.

Различные кочевники решали возникавшие в результате успешной экспансии проблемы по-разному, но само решение оказывало сильное воздействие на специфику и судьбы конкретных кочевых государств.

Характер государственных образований, возникавших в результате подчинения или завоевания кочевниками земледельцев, во многом определялся социально-политическими и экономическими отношениями, складывавшимися между победителями и побежденными. При анализе этих отношений нельзя сбрасывать со счетов и экологический аспект. Можно выделить три основных типа государств, возникавших в результате такого завоевания. Каждый из них связан с определенными путями специфической эволюции. Правда, эти эволюционные пути редко реализовывались полностью и подчас были обратимыми. Поэтому вместо особых типов часто предпочтительнее говорить о соответствующих особенностях и тенденциях или направлениях возникновения, функционирования и трансформации рассматриваемых государств. На практике эти тенденции нередко проявлялись одновременно в одних и тех же государствах, но все же преобладающей в каждом из них в определенный исторический период, как правило, была лишь одна. Разумеется, нельзя упускать из виду, что каждый конкретный случай уникален и неповторим. Но некоторая схематизация исторической конкретики — явление, неизбежное в любой генерализации.

Основные типы и тенденции возникновения и эволюции кочевой государственности

Кочевые государства первого типа (или государства с преобладанием первой тенденции) характеризуются тем, что подчинение и завоевание оседлого населения, в основном, реализовывалось в них в вассально-даннических или иных примитивных и не всегда упорядоченных формах коллективной зависимости и эксплуатации. Наиболее устойчивыми и длительными эти формы чаще всего были тогда, когда кочевники и оседлое население продолжали обитать в отдельных экологических зонах.

Иногда при этом оседлое население сохраняло свое собственное государство, лишь поставленное в вассальную зависимость от кочевого, иногда кочевники и оседлые жители оказывались объединенными в составе одного и того же государства. При всех обстоятельствах их весьма ограниченная интеграция

происходила преимущественно в политической сфере. Кочевники и оседлое население жили бок о бок, но не вместе. Эксплуатация последнего, сколь бы хищнической она подчас ни была, не затрагивала социальных и экономических основ этого общества и не влекла за собой возникновение единой социально-экономической системы в дополнение к политической.

Даже установление вассальной зависимости оседлого государства и, тем более, создание единого государственного образования с земледельцами и горожанами всегда стимулировали изменения в кочевом обществе. Возникновение кочевого государства было сопряжено по крайней мере с ограниченной седентаризацией. Так, кочевая аристократия не могла обойтись без городов — центров политической власти, ремесел и торговли. Иногда она сама вызывала их к жизни. Правда, появление таких городов выглядит несколько искусственно. Не столько государство существовало за их счет, сколько сами они существовали за счет государства. К тому же в рассматриваемых государствах подобные явления не были необратимыми. Они лишь могли иногда служить предпосылками дальнейших изменений, но уже на иной основе.

До тех пор, пока внешняя экспансия еще продолжалась, пока завоевательный порыв не угас, для кочевого государства часто было характерно преобладание первой тенденции. После того, как из-за изменившегося соотношения сил, или из-за иных причин, возможности примитивной эксплуатации оседлого населения существенно сокращались или прекращались вовсе — можно проследить три основных варианта дальнейших изменений.

Первый связан с отпадением оседлых областей или государств, уменьшением удельного веса земледелия и ремесла и гибелью городов внутри самого кочевого общества, с вторичной примитивизацией его социально-политических отношений, распадом и гибелью кочевого государства.

Второй вариант обусловлен дальнейшим усилением и конечным возобладанием седентаризационного процесса. В результате кочевое общество в целом переставало быть таковым, становясь оседлым земледельческо-городским *par excellence*. Оно могло еще сохранять значительный кочевой уклад, но развивалось уже совсем в ином русле.

Третий вариант связан с тем, что кочевое государство первого типа превращалось в государство второго типа, к характеристике которого я и перехожу.

В государствах второго типа кочевники, земледельцы и горожане были интегрированы в единую социально-политическую и, отчасти, даже экономическую систему. В полном и законченном виде подобная интеграция встречается сравнительно редко. Чаше всего она затрагивает лишь отдельные слои и классы как оседлого, так и, особенно, кочевого общества. (Именно в таких случаях предпочтительнее говорить не о типе государства, а о соответствующей тенденции в его функционировании и трансформации.)

Государства второго типа особенно характерны для тех случаев, когда кочевники после завоевания оседлого государства, или в его процессе, переселялись на территорию последнего и начинали делить с земледельцами одни экологические зоны. В подобных государствах происходил синтез сравнительно менее развитых социальных отношений завоевателей с более развитыми отношениями завоеванных. Соответственно, и изменения в государствах второго типа (или государствах с преобладанием второй тенденции развития) происходили быстрее, чем в государствах первого типа.

Хотя подобные государства своим возникновением были обязаны кочевникам, характер господствующих в них социально-экономических и, отчасти, даже политических отношений во многом определялся отношениями, сложившимися в оседлых областях.

Государства третьего типа характеризуются наличием единой социально-экономической и политической системы, в основе которой лежало общественное разделение труда, как правило, между скотоводами и земледельцами. При этом социальная стратификация и оформление классов развивались по линиям, по большей части совпадающим с экономической специализацией и этническими различиями.

Я не думаю, что выделенные типы и тенденции возникновения и трансформации кочевых государств являются исчерпывающими.

Известны и некоторые другие. Например, государство у кочевников может возникать за счет внутренней седентаризации и/или создания земледельческого уклада в их обществе без всяких завоеваний, в результате религиозного движения (пример — сенуситы). Кроме того, все оговорки относительно условности различных типологий, которые были сделаны в предшествующих главах, в полной мере сохраняют свою силу и в данном случае.

Таковы некоторые предварительные соображения о возникновении и трансформации кочевых государств. Для дальнейшей конкретизации необходимо рассмотреть их особенности в различных регионах распространения номадизма. К сожалению, объем книги и ограниченность моих знаний позволяют остановиться лишь на отдельных примерах. Я стремился лишь выбирать те из них, которые, на мой взгляд, наилучшим образом служат поставленным целям. Но, конечно, фрагментарность картины не может не сказаться отрицательным образом на конечных выводах.

Евразийские степи, полупустыни и пустыни

Из экологических особенностей рассматриваемого региона, влияющих на специфику кочевых государств, надо отметить две следующих: преимущественно раздельное обитание кочевых и оседлого населения в различных экологических зонах и сравнительно высокую плотность кочевого населения, что облегчало его объединение. Важнейшей политической особенностью региона было то, что внешний оседлый мир нередко противостоял кочевому в виде крупных государств, подчас даже империй.

Конечно, имелись и мелкие государственные образования. Не требовалось, например, больших сил для подчинения изолированных оазисов в Восточном Туркестане в тех случаях, когда Китай был не в состоянии противодействовать этому. Однако значительно чаще для завоевания оседлых обществ нужна была предварительная консолидация самого кочевого общества или даже нескольких обществ. Это, соответственно, влекло за собой усиление в них социальной дифференциации. В отдельных случаях государство у кочевников возникало уже накануне завоевания земледельцев и горожан, хотя от успеха или неудачи последнего зависела его дальнейшая судьба.

Наконец, важнейшая экономическая особенность, отчасти связанная с двумя перечисленными, заключалась в определенных трудностях в регулярной и бесперебойной торговле между кочевниками и оседлым населением (подробнее об этом см. с. 332—333 сл.).

По изложенным причинам, подчинение оседлых обществ имело для кочевников евразийских степей особенно важное значение и чаще всего происходило в форме завоевания последних.

Нарушив хронологическую последовательность, я начну с монголов, потому что о созданных ими государствах мы располагаем гораздо более подробными сведениями, чем о других кочевых государствах древности и раннего средневековья.

В последнее время некоторые ученые стали утверждать, что государство Чингиз-хана не было первым монгольским государством, что уже в XII в. государство и классовое общество имелись у найманов, керейтов и даже собственно монголов (*История Монгольской Народной Республики*, 1967: 109; Гонгор, 1973: 121; Кычанов, 1974: 169; Сандаг, 1977; Krader, 1978: 99; Krader, 1979: 27). Бездоказательность такого мнения хорошо показана Мункуевым (1977).

Вплоть до начала XIII в. у монголов были известны только отдельные племена или племенные объединения: найманское, керейтское, меркитское, татарское и другие, по существу, являвшиеся не более, чем ситуационными вождествами. Все они, однако, были довольно текучими по своему составу. «Племя (*ирген*) было величиной непостоянной и чрезвычайно слабо организованной и сплоченной. Известное объединение временно возникало в период войн, когда собирались нападать на кого-нибудь или отражать нападение противного племени» (Владимирцов, 1934: 79). Соответственно, и ханы этого времени «были эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью» (Владимирцов, 1934: 80).

Одно время, во второй половине XII в., существовало объединение собственно монголов (*Тайная история*, §§52, 53, 57, 58; Рашид ад-Дин, 1952а: 35 - 46). Но оно включало в себя не все монгольские подразделения и скоро распалось. После смерти Хутулы-хана монголы обходились без общего предводителя, и

когда Тэмуджин боролся за объединение монголов, тайчиуты и другие собственно монгольские подразделения находились в стане его врагов.

Для Монголии рассматриваемого времени в этом не было ничего удивительного. XII в. — время ожесточенной борьбы не только между различными племенными объединениями, но и внутри них, между различными племенами и даже их подразделениями. «Тайная история» и Рашид ад-Дин рассказывают об этом с подробными деталями и в полном согласии друг с другом. Разница лишь в том, что *Тайная история* (§254; цит. по Козин, 1941: 184) повествует о междоусобицах в эпическом духе:

«Небо звездное бывало
Подворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постели тут не ложились.
Мать широкая земля
Содрогалась —
Вот какая распря шла
Всеязычная
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переводывались.
Друг на друга всяк посягал,
Вольной волею никто не жила.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать?»

А прозаический Рашид ад-Дин (1952: 104, 105) сообщает о междоусобицах сухим языком фактов. Не случайно Тэмуджину для объединения монгольских племен потребовалось больше времени и сил, чем для всех последующих завоеваний.

Борьба велась, как всегда, за пастбища, скот, добычу, за подчинение одних групп номадов другим. При этом создается впечатление, что внутренняя борьба в монгольском обществе XII в. выходила за рамки обычных междоусобиц, присущих кочевни-

кам. Есть основания для предположения, что баланс между естественной продуктивностью наличных пастбищ, количеством скота и численностью населения был у монголов сильно нарушен. В то время, как у них наблюдалось нечто вроде перенаселения, засушливый климат, характерный для XII в., привел к ухудшению условий выпаса (Khazanov, 1979). Не случайно у монголов в это время существенное значение имела охота, а иногда даже рыболовство. Не менее показательным, что по невыгодному для Цзинь договору 1147 г., она должна была поставить монголам не только сельскохозяйственные продукты, но и овец и коров (Martin, 1950: 58; Воробьев, 1975: 330).

Но дополнительные источники существования, вне собственно кочевого хозяйства, были у них в XII в. крайне ограничены. Трансконтинентальная торговля переживала упадок (Воробьев, 1975: 338—339), а отношения с Китаем складывались не в пользу монголов (Martin, 1950: 57—59). Монгольское общество XII в. явно находилось в «стрессовом состоянии».

Между тем оно было социально дифференцированным, хотя и нет никаких данных, подтверждающих мнение Кредера (Kräder, 1978: 99—100), что оно уже было разделено на два класса, различающихся своим отношением к средствам производства. Помимо рядовых кочевников — *аратов*, у монголов выделился аристократический стратум, а на другом полюсе — зависимые группы. Но рядовые свободные кочевники не платили каких-либо регулярных и фиксированных налогов и не выполняли других обязательных повинностей в пользу аристократии.

Тем не менее последняя уже превращалась в наследственное сословие. Тэмуджин был правнуком Хабул-хана, одного из самых знатных и влиятельных вождей первой половины XII в. Однако социальные позиции аристократии окончательно еще не стабилизировались. Об этом опять-таки свидетельствует родословная Тэмуджина. Его прадед возглавлял вождество, в которое входила большая часть собственно монгольских подразделений. Но его отцу, Есугаю, уже не хану, а просто *баатуру*, помимо его собственного подразделения, подчинялась только часть другого — таичиутов. Сам же Тэмуджин, несмотря на свое знатное проис-

хождение, начал карьеру бедным и невлиятельным человеком, без зависимых людей и нукеров.

Так случилось у монголов не раз. Только не каждый, подобно Тэмуджину, способен был переломить судьбу. Но и ему удалось сделать это только благодаря тому, что его деятельность совпала с объективной тенденцией развития монгольского общества. Оно очень нуждалось в объединении для того, чтобы с помощью завоеваний преодолеть внутренние трудности, как экономические, так и социальные. Поэтому не будь Тэмуджина, это объединение совершил бы кто-нибудь другой. Вопрос: как и в какой форме?

1206 г., когда Тэмуджин стал Чингиз-ханом, можно считать годом рождения монгольского государства. Дальнейшая судьба его всецело зависела от успешной внешней экспансии. Без нее оно было бы обречено на скорый распад. Поэтому не случайно, что и до того, как Тэмуджин был провозглашен ханом, и сразу же после этого события он предпринял первые грабительские походы против тангутов (Кычанов, 1968: 298 сл.; Кычанов, 1977)¹.

Единая Монгольская Империя была кочевым государством первого типа. Кочевники непосредственно в жизнь завоеванных стран вмешивались далеко не всегда и не полностью. Сбором налогов и управлением многими оседлыми областями ведали местные выходцы. Наиболее известными из них были Махмуд Ялавач и его сын Масудбек, управлявшие Мавераннахром. Широкая внешняя экспансия в этот период еще продолжалась, и плохо поддающийся контролю грабеж завоевываемых территорий до поры до времени вполне адекватно служил ее целям (Schurmann, 1956: 304).

Социальные отношения в завоеванных странах подверглись определенной трансформации, в одних более существенной, в дру-

¹ Согласно Леттимору (Lattimore, 1963: 6), после объединения Монголии Чингиз-хан вначале завоевывал кочевые племена степи, а уж затем — земледельцев. Простая хронология событий опровергает это мнение: 1205—1227 гг. — завоевание Си Си (тангутов); 1211—1234 — завоевание Цзинь, 1218 — установление монгольского господства в Восточном Туркестане. 1219—1224 — завоевание Центральной Азии, и т. д. Подчинение кочевников совершалось попутно с основными ударами, направленными против земледельческих государств.

гих — менее. Принципиальных изменений эта трансформация, однако, не внесла. Эксплуатация зависимых классов завоеванных стран значительно усилилась, но во многих из них сохранялись или постепенно восстанавливались ее старые формы. Старые господствующие классы также были уничтожены далеко не полностью и не всюду, хотя и вынуждены были мириться с главенствующим положением нового монгольского господствующего класса и поступаться в его пользу значительной частью своих прав и доходов (Schurmann, 1956).

Монгольское общество в социально-экономическом отношении претерпело более значительные изменения. Рядовым кочевникам был запрещен самовольный переход из одного подразделения в другое. Некоторые ученые усматривают в этой реформе установление феодализма и даже крепостного права (см., например, Владимирцов, 1934: 10—12; Федоров-Давыдов, 1973: 245; Ишжамц, 1974: 139). Однако запрет переходов и откочевок распространялся и на аристократию (см., например, данные Рубрука и Карпини — *Путешествия...*, 1957: 45—46, 91). Текучесть состава неминуемо создала бы угрозу военной организации, которая отчасти продолжала базироваться на прежних звеньях социополитической организации, особенно низших (см. об этом Рашид ад-Дин, 1952а: 179, 270 сл.).

Поверхностное сходство с европейским феодализмом в организации власти не должно заслонять качественных различий в отношении собственности на ключевые ресурсы, военной системы, отношений, установившихся между различными слоями монгольского общества и внутри них. Впрочем, и в организации власти различия были весьма велики. Настоящего европейского вассалитета монголы не знали. Все были вассалами каана (Владимирцов, 1934: 105—106, ср., однако, 104; Марков, 1976: 83; Krader, 1979: 228—229).

Мне кажется, рассматриваемая реформа была обусловлена двумя причинами. Завоевательная политика требовала централизации и дисциплины. Поэтому монголы из вооруженного народа превратились в народ-войско — с четкой военной организацией, построенной на основе десятичной системы. Такая военная орга-

низания издревле существовала у центральноазиатских номадов. Чингиз-хан лишь придал ей наиболее законченные формы. Об этом уже писали многие ученые (см., например, Кычанов, 1973: 81).

Вторая причина связана с обстоятельствами прихода Тэмуджина к власти. Некоторые из них еще не получили должного внимания. В свое время Бартольд (1963б: 137) высказал мнение, что главный соперник Тэмуджина — Джамуха, был главою «демократической партии» среди монголов, в то время как Тэмуджин — «аристократической». Имеющиеся источники не дают никаких оснований для подобного предположения. Тем не менее верно, что различия между Тэмуджином и Джамухой не сводились к простому соперничеству. Оба стремились к объединению монголов, но на различной основе.

Джамуха хотел сохранить традиционные формы социополитической организации, в том числе различные кочевые объединения. Тэмуджин их безжалостно ломал. Не случайно даже большинство собственно монгольских подразделений долгое время шло за Джамухой, а нукеры и войско Тэмуджина представляли собой выходцев из самых различных подразделений, объединенных не традиционными социальными связями, а личной преданностью вождю или просто силой.

Нельзя забывать, что большая часть старой монгольской аристократии, особенно высшей, была Тэмуджином истреблена в ходе долгой и кровопролитной борьбы, в некоторых отношениях напоминавшей гражданские войны. По существу, на исходе этой войны возникла новая аристократия, состоявшая из сородичей Тэмуджина, лиц, выдвинувшихся в период его борьбы за объединение монголов, и, лишь отчасти, старой кочевой знати. Это обстоятельство облегчило его реформу, направленную на прочное объединение монгольских племен.

Неизвестно, в какой мере в Степи сохранялся опыт предшествующих государственных образований, в какой — осознавались хронические слабости, коренившиеся в самих обстоятельствах их возникновения. Для создания крупного кочевого государства в степи, как уже упоминалось, требовалось объединение нескольких политических образований. Обычно это достигалось насильствен-

ным путем. Поэтому помимо конфликтов между кочевниками *en masse* и завоеванным оседлым населением нередко существовали и другие: между привилегированными политическими образованиями номадов и теми, кто подчинился им под давлением силы или обстоятельств, но сохранил свою автономию. Успешная экспансия могла на время сгладить последнее, но полностью их не устраняла. Пример всех тюркских каганатов (см. далее с. 397—400) в этом отношении весьма показателен.

Едва ли Тэмуджин знал об этих каганатах что-либо конкретное. Мировосприятие центральноазиатских кочевников было ориентировано на фиксацию циклического, а не линейного времени. Устная традиция в таких условиях приобретает легендарный характер. Но опыт монгольских междоусобиц XII в. был достаточно поучителен для того, кто был способен на нем учиться. Объединение монгольских племен было достигнуто силой, и Тэмуджин, еще не став Чингиз-ханом, несомненно задумывался о способах его укрепления.

Владимирцов (1934: 96) был не совсем прав, когда писал, что «обычно Чингиз-хан ничего нового у себя не вводил». Кредер (Krader, 1968: 95) также недооценивает отличий монгольского государства от его предшественников, когда подчеркивает его племенную основу. Новым как раз и была созданная Чингиз-ханом военно-политическая система, сломавшая высшие звенья традиционной социально-политической организации монгольских номадов, частично перетасовавшая их различные подразделения и, тем самым, устранившая угрозу проявления сепаратизма, по крайней мере, в его традиционной для кочевников форме. Ее эффективность была доказана практикой, но к возникновению феодализма она никакого отношения не имела.

Новой для монголов была и концепция верховной власти, санкционированной небесами, по мнению Рашевилца (Rachewiltz, 1973), заимствованная монголами, как до них — древними тюрками, у оседлых обществ².

² Эта концепция отмечена уже у скифов (Хазанов, 1975) и, следовательно, вообще может становиться характерной идеологической концепцией кочевых государств в евразийских степях. Поэтому вопрос о возможности ее заимствования у оседлых обществ остается открытым.

Главной повинностью монгольских аратов была военная служба. При Чингиз-хане они не получали за нее никакого жалованья. Существовали и другие повинности (Schurmann, 1956: 312 ff.; Мункуев, 1965а: 701 f.). Судя по *Тайной истории* (§§278—280), они при Угэдее были смягчены и упорядочены. Помимо почтовой повинности, араты платили натуральную (*шужн*) — по одному двухгодовалому барану со стада, выделяли дойных кобылиц для каанского двора и по одной овце с каждого ста — в пользу неимущих. Последняя повинность — *копчур*, восходила к старым реципрокальным традициям монгольского общества. «Раньше, когда существовали их обычаи и правила, — писал Рашид ад-Дин (1946: 281; см. также 1952: 135), — со всего монгольского войска выделяли ежегодно обедневшим ордам и дружинам копчур лошадьми, овцами, волами, войлоком, куртом и прочим».

Теперь *копчур* получил редистрибутивную форму, а в дальнейшем превратился в налог, причем не только с кочевников, но и с подчиненного оседлого населения. Кроме того, часть военной добычи выделялась казну и другим представителям аристократии, даже когда они не участвовали в походе (Мэн-да бей-лу, листы 12а-б, цит. по Мункуев, 1975: 67—68; ср. Владимирцов, 1934: 13).

Однако в 1233 г. была внесена поправка, что одна голова с поголовья овец, коров и лошадей берется и в том случае, если их число в хозяйстве не достигает ста (Мункуев, 1965б: 137—138).

Газан-хан, возможно, умышленно сгущал краски, когда говорил о тяжелом материальном положении рядовых монголов при своих предшественниках, чтобы подчеркнуть свою собственную заботу о них. И все же его слова представляются весьма примечательными. «Теперь не для кого не скрыть, что прежде, во времена наших славных отцов, на монгольский улус налагались разного рода повинности и тяготы. Вроде копчура скотом, содержания больших ямов, несения бремени сурового ясака и каланов, которые мы ныне одним разом отменили. Большею частью они были лишены [продовольственных] складов и тагара, однако, несмотря на те обременения, они честно трудились и служили [государю], переносили невзгоды дальних походов и довольствовались малым. Несомненно, что до настоящей поры монгольскому

войску немного досталось богатства и добра» (Рашид ад-Дин, 1957: 292).

В то же время необходимо отметить, что вопреки мнению Владимирцова (1934: ПО сл.) и его последователей, включая Кредера (Kradeg, 1978 : 102; 1979 : 230), нет убедительных данных, свидетельствующих о том, что монопольная собственность на пастбища, не говоря уже о скоте, находилась в руках монгольской аристократии. Ей лишь в гораздо большей степени, чем прежде, принадлежало право регуляции перекочевов и распределения пастбищ.

К началу XIII в. в Монголии возник не кочевой феодализм, который, по представлениям Владимирцова, мало чем отличался от западноевропейского, а общество иного типа. В этом обществе главные различия между слоями и классами заключались не в отношениях к собственности на ключевые ресурсы, а в отношении к власти и управлению. Те прямые повинности, которые правители наложили на управляемых, явились не причиной, а следствием появления привилегированного слоя.

Однако социально-экономическая ситуация в монгольском обществе приняла весьма специфическую форму, потому что на общеимперском уровне отношения монгольской аристократии и || аратов не были основными. Главные различия, ведущие формы 1 зависимости и эксплуатации устанавливались в отношениях » монгольской кочевой аристократии с завоеванным оседлым населением, как в целом, так и с его отдельными классами.

Тем показательнее, что даже при самом Чингиз-хане и его ближайших преемниках началась борьба между различными группировками монгольской знати по вопросу о способах управления и эксплуатации завоеванного оседлого населения. В той или иной форме она продолжалась долгое время и после распада единой Империи (Бартольд, 1963: 525сл.; Якубовский, 1946: 48—52; Толстов, 1948: 344; Петрушевский, 1952: 12—15; Петрушевский 1960: 32; 48-53; Петрушевский, 1977: 239—240; Строева, 1958; Мункуев, 1965: 18, 44 сл.; Хазанов, 1975: 263).

Борьба шла не только за то, должна ли эксплуатация завоеванных стран вылиться в хищнические контрибуционные или дан-

нические формы, или принять более регламентированный вид. Осознанной или неосознанной ставкой было и другое — должна ли была кочевая аристократия сблизиться с господствующими классами завоеванных стран, или же остаться враждебным им завоевателем, опирающимся только на военную силу.

Конфликты по вопросу об отношении к оседлому населению начались среди монгольской знати уже при завоевании Центральной Азии. Джучи старался предотвратить ненужные разрушения и истребление населения, но Чагатай был беспощаден (Бартольд, 1963: 525). «Великая Яса» Чингиз-хана запрещала монголам переходить к оседлости и жить в городах. Тем не менее неумолимые объективные потребности управления Империей привели к основанию ее столицы — города Каракорума (Киселев и Мерперт, 1965).

Показательно также, что уже первые чингизиды стремились создать ремесленный уклад в своем государстве, но опять-таки за счет завоеванных. При захвате городов, ремесленников отдавали членам правящего рода, а те распоряжались ими по своему усмотрению. Часть их монголы обратили в почти рабскую зависимость и угоняли в Монголию. В Каракоруме можно было встретить пленных мастеров — выходцев из Центральной Азии, Ирана, Китая и, даже, Франции (Olshki, 1946). Других ремесленников монголы обложили натуральным налогом на месте.

Чагатай свято следовал заветам отца. Напротив, Угэдей, по свидетельствам Джувейни, Сейди и других историков, стремился прекратить ненужные разрушения. По его приказу был восстановлен Герат. Гораздо важнее, что он усвоил старый афоризм древнекитайского оратора Лу Цзя (III—II вв. до н.э.), преподанный ему китайским советником Елюй Чу-цаем: «Хотя [вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне», и позволил привлечь в гражданскую администрацию ученых-конфуцианцев. Елюй Чу-цай убедил Угэдея упорядочить налогообложение в Китае и доказал на деле, что казна от этого только выигрывает (Мункуев, 1965).

Однако реформы проводились в обстановке острой борьбы со «старомонгольской» партией. Сам Угэдей временами колебал-

ся и не смог полностью устранить произвол монгольской знати в завоеванных странах (Думан, 1977: 338—339). Наследник Угэдея — Гуюк, стремился вернуться к политике деда и дяди. По свидетельству Дзужджани, при его дворе серьезно обсуждался план всеобщего избиения или кастрации мусульман в восточных областях Империи.

Но Мункэ был продолжателем линии Угэдея. Он ограничил налоги и повинности крестьян и горожан в завоеванных странах, санкционировал кардинальную денежную реформу и стремился передать управление оседлыми областями общеимперской администрации, чтобы уменьшить произвол монгольской кочевой аристократии (Рашид ад-Дин, 1960: 141—142).

Прекращение завоеваний совпало, и едва ли случайно, с началом распада Империи. И по мере того, как она распадалась на отдельные государства, развитие в каждом из них приобретало своеобразные черты. Однако в них все же можно заметить преобладание одной из первых двух тенденций, хотя они проводились в жизнь с различной последовательностью и различным успехом.

Первый тип кочевой государственности дольше всего и в наиболее чистом виде сохранялся в Золотой Орде с ее сравнительно четким географическим размежеванием основной массы кочевников и оседлого населения. Монголы сразу же после завоевания русских княжеств непосредственно вмешивались в управление ими, физически уничтожая наиболее сильных и независимых князей, производя переписи населения, устанавливая порядок налогообложения и посылая в русские города специальных чиновников-баскаков и даруг с военными отрядами.

В дальнейшем, однако, золотоордынские ханы стремились лишь к регулярному получению дани (хотя существовали и другие повинности и чрезвычайные сборы), поддержанию своего верховного суверенитета над русскими княжествами и предотвращению опасного усиления какого-либо из них. С XIV в. русские князья сами везли дань в Орду, да еще ездили в нее с взятками и доносами, интригуя друг против друга. Но по мере усиления Московского княжества его князья стали стремиться единолично

представлять всех прочих перед золотоордынским ханом. В то же время их поездки в Орду становились все более редкими (Насонов, 1940; Греков, Якубовский, 1950; Сафаргалиев, 1960; Spuler, 1965; Греков 1975; Полубояринова, 1978). С теми или иными вариациями подобная политика проводилась и по отношению к другим оседлым странам, вынужденным временами признавать свою вассальную зависимость от Золотой Орды (Константину, 1974:163).

В отличие от Ирана, в Золотой Орде кочевая аристократия не имела *икта*, зато чисто административные потребности и выгоды от создания ремесленного и земледельческого укладов были очевидны. Политика золотоордынских ханов была направлена на быстрое строительство городов на тех территориях своего государства, на которых обитали кочевники, и на превращение этих городов в торгово-ремесленные центры. Для этого в них сгонялось население из завоеванных стран. Именно такими переселенцами и была создана яркая и синкретическая культура золотоордынских городов, которых вместе с поселками насчитывалось свыше 100. Около 20 из них были крупными центрами с правом чеканки монеты (Егоров, 1973: 12; см. также *Поволжье в средние века*, 1970).

Меньше сведений имеется о земледелии в Золотой Орде. Помимо неблагоприятных природных условий, очевидно, это связано и с тем, что большую часть необходимых земледельческих продуктов монголы получали в виде дани с покоренных земель. Впрочем, уже Плано Карпини (*Путешествия...*, 1957: 57—58) отмечал создание крупных земледельческих хозяйств, которые велись руками зависимого населения, может быть, первоначально — обращенными в рабство военнопленными. Однако, по свидетельству ал-Омари (цит. по Тизенгаузен, 1884: 229, 230, 233), по сравнению с Ираном, городов и деревень в Золотой Орде было мало.

Судя по сведениям ал-Омари (Тизенгаузен, 1884: 230), Барбаро (*Барбаро и Контарини о России*, 1971: 150) и некоторым другим, седентаризационный процесс в Золотой Орде начался, но не получил большого развития. В городах оседали лишь некоторое

число обедневших кочевников и часть аристократии, связанной с административным аппаратом (Федоров-Давыдов, 1973: 85 — 86). В ней развивалась не столько оседлая жизнь, сколько города, а это не совсем одно и то же.

Переходя к общей оценке Золотой Орды, надо остановиться на характере отношений между кочевой аристократией — господствующим классом в государстве, и рядовыми кочевниками. Еще Березин (1864: 468 сл.) в своей до сих пор не утратившей ценности работе отметил существенную разницу в положении покоренного оседлого населения и рядовых номадов. Тем не менее и последние платили налоги и выполняли иные повинности. По сообщению все того же ал- Омари (цит. по Тизенгаузен, 1884: 235), в годы стихийных бедствий для уплаты налогов иногда приходилось продавать в рабство собственных детей. Однако нет данных, свидетельствующих о том, чтобы налоги были иными или что размер их существенно изменился по сравнению с эпохой единой Империи или Хулагуидским Ираном (Федоров-Давыдов, 1973: 39—41). Любопытно, что при этом кочевая аристократия и рядовые номады в Золотой Орде, особенно на первых порах, имели различное этническое происхождение. В Восточной Европе монголы физически уничтожили половецкую аристократию и навязали себя на ее место (Федоров-Давыдов, 1966: 228 сл.; Федоров-Давыдов, 1973: 27— 28, 41). Тем не менее характер их взаимоотношений с покоренными кочевниками был принципиально сходным с теми, которые существовали в других государствах чингизидов. Очевидно, это связано с общими закономерностями функционирования кочевых государств первого типа. «C'est le ton qui fait la chanson» [мелодия определяет песню].

В целом, вопреки некоторым исследователям, которые считают Золотую Орду феодальным государством (см., например, Федоров-Давыдов, 1973), я склонен считать ее ранним государством. Данничество являлось в нем ведущей формой эксплуатации покоренного населения. Рабы, особенно в городах, также составляли слой зависимого населения, но об их положении известно мало. Зато примечательно, что на протяжении всей истории Зо-

лотой Орды, несмотря на некоторые временные колебания, важное значение имел экспорт рабов (Сафаргалиев, 1960: 91; Хазанов, 1976: 264—266). Кочевая аристократия и господствующие классы вассальных государств оставались совершенно обособленными, только силой объединенными в единую политическую суперсистему. Правда, в XIV в. отмечается некоторое сближение кочевой аристократии с заново образовавшейся оседлой верхушкой новых городов, особенно, торгово-купеческой (Федоров-Давыдов, 1973: 82—83), но и оно было неполным и временным.

Когда в XIV в. Золотая Орда постепенно распалась на отдельные политические образования, каждое из них включало, помимо кочевников, прилегающие оседлые районы. Но последние постепенно приходили в упадок. Поэтому к середине XIV в. кочевая аристократия с новой силой устремилась к захвату оседлых земель (Мордовии, болгарского Прикамья), т.е. к поиску новых внешних источников зависимости и эксплуатации. Она даже пыталась прямо подчинить себе русские княжества, чтобы стать в них господствующим классом.

Государства, образовавшиеся на обломках Золотой Орды, трансформировались по-разному, представляя все отмеченные выше варианты изменений, проявляющиеся после гибели кочевых государств первого типа. Большая Орда стремилась продолжать прежнюю политику Золотой Орды, неосуществимую в условиях изменившегося соотношения сил. Поэтому ее распад и гибель не заставили себя долго ждать. В XIV в. «Дешт-и-Кипчак возвращается к своему кочевому облику, кочевая стихия господствует беспредельно, захлестнув все те элементы городской жизни, которые были здесь сто лет назад, но которые не оставили в степи почти никакого наследия» (Федоров-Давыдов, 1973: 166).

Астраханское ханство было минирепликой Золотой Орды. В Крымском ханстве возобладал седентаризационный процесс. Лишь в его периферийных областях сохранялся полукочевой уклад, отчасти поддерживаемый выгодами от набегов на Русь, Польшу и Литву, с последующей продажей пленников на международные рынки. Казанское ханство, где кочевое скотоводство было невоз-

можно уже по экологическим причинам, было вполне оседлым государством, господствующий класс которого составили потомки бывших завоевателей. Лишь отдельные традиции золотоордынского времени сохранялись в его политической жизни.

Иным был характер монгольского государства в Китае. Еще в 1230 г. некоторые представители кочевой знати предлагали истребить население Северного Китая, а страну превратить в пастбища (Мункуев, 1965: 190). Угэдей на это не пошел и запретил конфисковывать земли под пастбища (Schurmann, 1956: 29). Хубилай при завоевании Южного Китая стремился уже избегать ненужных жертв, приказывая не убивать мирных жителей и запрещая произвольные грабежи (Schurmann, 1956a: 306; Свистунова, 1977: 290—291; Думан, 1977: 341; Боровкова, 1977: 447—448). Перенеся свою столицу из Каракорума в Кайпин, а затем в 1267 г. в Даду (Ханбалык), на месте нынешнего Пекина, и основав династию Юань, Хубилай сделал важный шаг на пути превращения своей державы в государство второго типа. Ценою этого была длительная гражданская война с Ариг-Бугою и Хайду, ставкой в которой была судьба монгольского государства. Противники Хубилая стремились сохранить Монголию центром Империи, а самим стать монгольскими каанами, наподобие прежних (Далай, 1977: 327). Но Хубилай желал быть императором Китая даже ценой распада Монгольской империи.

После его победы единство монгольского общества было нарушено даже в географическом отношении. Углубился раскол между различными группами монгольской аристократии, интересы которых теперь резко разошлись. Оставшиеся в степях были недовольны тем, что львиная доля доходов от эксплуатации завоеванного Китая концентрировалась в Китае же, у отказавшихся от заветов Чингиз-хана его потомков и их приверженцев. Этим объясняется присущая «старомонголам» склонность к восстаниям и смутам (Bessac, 1965: 384).

Государство Юань было своего рода насилием над законами экологии, потому что к югу от Китайской стены располагалась древняя зона ирригационного земледелия, и основная масса ко-

чевников продолжала кочевать к северу от нее. Исключение составляли лишь те, кто был призван в армию или переселился в Китай вместе с династией. По данным монгольской летописи XVII в., в конце Юань их было свыше 400 тысяч (Данзан, 1973: 252; ср. Мункуев, 1977: 400—401), гораздо меньше, чем в самой Монголии, и капля в море по сравнению с китайцами. Тем не менее вместо даннических форм зависимости монголы в Китае предпочли прямое управление.

Уже в эпоху Чингиз-хана стало ясно, что монголы не могут, обойтись без китайской государственной машины (de Rachewiltz, 1968). Но в полной мере поняли это те, кто переселился в Китай. Поэтому они сохранили с небольшими изменениями и саму машину, и китайских чиновников, хотя и сознавали опасность опоры на них и не желали сливаться со старыми китайскими господствующими классами. Этим объясняется их первоначальное стремление разбавить административный аппарат иноэтничными элементами — иногда такими экзотичными как для китайцев, так и для монголов лицами, как Марко Поло, и попытка ограничить употребление китайского языка и письменности в качестве государственных, которая оказалось неэффективной.

В конце концов, население Юань было разделено на четыре категории, обладавшие различными правами и привилегиями: монголов; выходцев из западных по отношению к Китаю стран; жителей Северного Китая; и жителей Южного Китая. Руководителями центральных органов управления обычно назначали монголов или выходцев из Центральной и Внутренней Азии, но советниками себе они вынуждены были брать китайцев. Местные органы управления комплектовались как из монголов, так и из китайцев (Думан, 1977: 335—336). Кроме того, была возрождена старая конфуцианская система экзаменов — свидетельство невозможности коренного изменения социально-политической системы Китая.

Социально-экономические отношения, установившиеся в юаньском Китае, были не менее противоречивыми, чем политические. Социальные различия не всегда были такими, какими им предписывала быть их этническая модель. Уже при Угэде в 1236 г.,

несмотря на возражения Елюй Чу-цая, началась раздача китайских земель в уделы родственникам каана и видным представителям военной знати. Уделы («ши-и», дословно, «территории на кормление» — Думай, 1977: 344 сл., прим. 71, 74) давали право сбора налогов с пожалованной территории и часто становились наследственными. Этот дальневосточный аналог ближне- и средневосточного икта иногда состоял из целых округов и уездов (Schurmann, 1956: 67; Мункуев, 1965: 47—48), и в Китае тоже был источником сепаратизма. Однако в Юань роль удельной системы была все же меньшей, чем в Хулагуидском Иране. К тому же Хубилаю удалось несколько ограничить власть и влияние владельцев уделов (Schurmann, 1956: 8; Мелихов, 1977: 77—78).

С прежних времен в Китае сохранилось крупное частное землевладение. Но состав самого класса землевладельцев претерпел существенные изменения, особенно в Северном Китае, где среди них теперь стало много монголов и их союзников из числа киданей, чжурчженей и выходцев из Центральной Азии. Однако в Южном Китае преобладало крупное китайское землевладение (Schurmann, 1956: 23; Думан, 1977: 358; Боровкова, 1977: 448). Экономическое положение землевладельцев и даже крестьян в Южном Китае было лучше, чем в Северном, но, зато их не допускали к центральному аппарату власти (Боровкова, 1977: 450).

О положении рядовых кочевников, оставшихся в Монголии и сопредельных с нею районах (о расселении их в последних см. Рашид ад-Дин, 1952а: 279; Владимирцов, 1934: 125; Мелихов, 1977: 73) и продолжавших вести прежний образ жизни, известно мало. Если даже их социальные позиции по сравнению с общеимперским периодом и не претерпели существенных изменений, то экономические — стали хуже.

«Поскольку можно судить по скудным источникам, находящимся в нашем распоряжении, за время Юаньской династии благосостояние Монголии и монголов сильно пошло на убыль, в особенности, по сравнению с веком Чингиза и его трех преемников. Не прекращавшиеся феодальные войны, содержание больших контингентов войск, необходимых для охраны империи, истощали страну.

А между тем, ростовой, торговый капитал, находившийся в руках «мусульманских» и китайских купцов, не создавал и не мог создать новых форм производства. Вновь основанные в Монголии города, по-видимому, не процветали³; не развивалось и земледелие...» (Владимирцов, 1934: 127).

Вероятно, больше, чем междоусобные войны, к которым монголы привыкли издревле, и натуральные повинности, едва ли более обременительные, чем во времена Угэдея, на положении рядовых кочевников сказывались тяготы военной и гарнизонной службы (Далай, 1977: 336), вводившие их в тяжелые расходы и отрывавшие от ведения привычного хозяйства в оптимальной экологической среде. По свидетельству Марко Поло (гл. LXXVIII, издание Рамузио), уже при Хубилае жалование, которое платили воинам, не покрывало их расходы. Частично они кормились за счет своих стад и молока, которое продавали горожанам. Дело доходило до того, что приходилось продавать в рабство жен и детей. Так, в 1317 году, согласно придворной записи, император повелел: «За последнее время слышно, что монгольские племена обнищали и часто продают сыновей и дочерей ... в рабство. Так приказываем чиновникам выкупить и вернуть их в племена» (Юань ш и, гл. 26; цит. по Мункуев, 1977а: 423). Правительство осознавало опасность подобного положения и пыталось облегчить бремя рядовых монголов, но без особых успехов (Мункуев, 1977а).

Еще хуже было положение монголов, переселившихся в Северный Китай, где им не хватало пастбищ⁴. У многих из них было менее ста овец, но с них все равно брали *кончур*. Поэтому ряд правительственных декретов был направлен на облегчение налогового бремени. В 1304 г. облагаемый налогом минимум

³ Это подтверждается современными археологическими исследованиями (*Древнемонгольские города*, 1965). Сейчас на территории Монгольской Народной Республики известно 23 населенных пункта XII—XIV вв., два городища открыты в Забайкалье и два неукрепленных поселения в Туве. Подавляющее большинство их не дожило даже до конца XIV в.

⁴ Много веков раньше от этого же страдали древние тюрки, насильно поселенные в Северном Китае. Бильге-каган патетически предостерегал соотечественников: «О тюркский народ, когда ты идешь в эту страну, ты становишься на край гибели» (Кляшторный, 1964: 24).

скота у монголов был определен в 30 голов, а в 1312 г. — в 100 голов (Мункуев, 1965а: 75 сл.). Но, очевидно, значительного успеха эти меры не достигли.

Таким образом, в Юаньском Китае возобладала тенденция к сохранению традиционных социально-экономических отношений. Главные изменения произошли в составе господствующих классов, ставших этнически неоднородными. Кочевая аристократия в завоеванной стране вынуждена была поделиться частью власти и привилегий со своими оседлыми предшественниками, но не пожелала и не смогла слиться с ними в единый класс. В качестве монгольской аристократии она искала опору в рядовых кочевниках, но, будучи одновременно и в первую очередь господствующим классом оседлого государства, она, желая того или нет, вынуждена была относиться к ним как к одному из зависимых классов.

Юань было государством второго типа, отнюдь не ранним, а развитым, в котором социальные отношения, характерные для периода единой Монгольской империи, если и сохранялись, то лишь на социальной и географической периферии. Но родимые пятна происхождения, связанные с традициями завоевательного кочевого государства, не были в нем полностью преодолены. Политика династии была половинчатой, а сложившееся положение обернулось клубком политических, социальных и этнических конфликтов как между различными классами и сословиями, так и внутри них. Это никого не устраивало. Отражением общественного кризиса явился кризис в самом монгольском правящем классе, борьба за власть между его различными группировками и упадок императорской власти (Далай, 1977: 332—333). Падение Юань стало неизбежным.

Судьбы монгольской государственности в Туркестане также были не простыми. По мере обособления Чагатайского улуса одни царевицы выступали против бесконтрольного грабежа местного населения, другие — фактически его поощряли. Так, в 60—70-е годы XIII в. был опустошен Восточный Туркестан, несмотря на то, что его запретил грабить сам Чингиз-хан. Несторианские монахи мар Ябалаха и раббан Саума на пути из Китая в Иран в

70-е годы XIII в. видели Хотан и Кашгар совершенно разоренными (Пигулевская, 1958: 67).

На курултае 1269 г. на берегу реки Талас, оформившем образование отдельного монгольского государства в Центральной Азии, возобладали сторонники умеренной политики. Было подтверждено право каждого чингизида на получение своей доли доходов от эксплуатации оседлых областей. Но одновременно было решено не вмешиваться в управление этими областями, не собирать налогов, кроме установленных, жить в степях и горах, кочевать по определенным маршрутам и не выпускать стада на пашни (Бартольд, 1963а: 63). Таким образом, новое государство имело отчетливо выраженные признаки кочевого государства первого типа.

На практике не все царевицы следовали установленной политике. Разорение городов и земельных территорий, особенно из-за постоянных междоусобных войн, продолжалось вплоть до прихода к власти Тимура.

Смуты конца XIII — начала XIV в. довершили разорение земельных территорий. Ал-Омари писал в первой половине XIV в.: «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием» (цит. по Бартольд, 1963а: 74-75).

Правда, уже со второй половины XIII в. отдельные ханы время от времени стали предпринимать попытки опереться на оседлые области Мавераннахра, но они встречали успешное противодействие со стороны кочевой знати. Положение несколько изменилось при хане Кебеке (1318—1326 гг.), который вместе со многими представителями кочевой аристократии переселился в оседлые области, причем эта знать стала непосредственно управлять земельными территориями и городами. Вместе с ними в Мавераннахр переселилась и часть рядовых кочевников. В обмен на обязательство военной службы целые округа были выделе-

ны их различным подразделениям в кормление на правах *суюргала*, т. е. полного налогового иммунитета (Гафуров, 1972: 466—467). Но другие продолжали кочевать, враждебно относясь к новым веяниям (Бартольд, 1963б: 153; Бартольд, 1963б: 262—265; Гафуров, 1972: 466—467). Последовали очередные смуты. Хан Тармаширин (1326—1334 гг.) — брат Кебека, принял ислам⁵ и стремился к городской жизни, но был низложен и убит.

И все же в Мавераннахре вторая тенденция в развитии кочевого государства постепенно становилась ведущей. Окончательно она возобладавала при Тимуридах. Тем не менее главную военную опору Тимура по-прежнему составляли чагатаи, особенно барласы. Тимур дал им различные привилегии, в частности, освободил от налогов и других повинностей (Махмудов, 1966: 252, 263). Однако сын и преемник Тимура Шахрух желал уже быть чисто оседлым мусульманским государем. Он отвергал законы Чингиз-хана и принуждал подданных точно соблюдать все предписания шариата (Бартольд, 1963б: 157, 161). В Центральной Азии господствующий слой кочевников в конце концов стал господствующим классом оседлого населения, слившись со своими уцелевшими предшественниками. Рядовые кочевники частично осели, частично образовали особый класс податного населения, сохранивший отдельные привилегии лишь постольку, поскольку он представлял воинское сословие.

Примечательно, как постепенно изменялся смысл, вкладываемый в термин «чагатаи». В XIII—XIV вв. так называли привилегированное тюрко-монгольское окружение потомков Чагатая, в XV в. — тюркоязычное население Мавераннахра и Восточного Хорасана, в значительной мере еще сохранившее кочевнические традиции. Но

⁵ Необходимая культурная адаптация к внешнему миру влечет за собой необходимость для кочевников признания и/или принятия его религий. Однако принятие кочевниками евразийских степей той или иной религии, а также выбор соответствующего момента было явлением сложным и неоднозначным, зависящим от конкретной исторической и экономической ситуации в регионе в целом. Какие-либо генерализации в этом вопросе на материале евразийских кочевников требуют большой осторожности и менее определены, чем на материале кочевников Ближнего и Среднего Востока. В будущем я рассчитываю посвятить этому вопросу специальную работу (прим. к русскоязычному изданию: cM.Khazanov, 1994).

позднее, в период борьбы Шейбанидов с Тимури-дами, этот термин уже обозначал все население Мавераннахра как тюркское, так и таджикское, как оседлое, так и неоседлое, но в равной мере противостоящее новым пришельцам из Дешт-и-Кипчака — кочевым узбекам Шейбани-хана (Якубовский, 1941: 10).

В Китае монголы остались монголами, но перестали быть кочевниками. В Золотой Орде они остались кочевниками, но перестали быть монголами. В Мавераннахре они перестали быть и монголами, и кочевниками.

Уже в середине XIV в. единое монгольское государство в Туркестане распалось на два: Мавераннахр и Могулистан. Если Мавераннахр, в конце концов, превратился в кочевническое государство второго типа, то в Могулистане трансформация происходила в ином направлении (см. Бартольд, 1963а: 79—95; Пищулина, 1970). Земледельческо-городская база этого государства с самого начала была слишком мала. Она состояла лишь из Восточного Туркестана, и то не всего и не всегда, и Семиречья, в котором оседлая жизнь влачила жалкое существование.

Поэтому все попытки отдельных ханов последовать мавераннахрскому образцу неизменно терпели неудачу. Судьба могулистанского государства зависела от ряда внешнеполитических факторов, прежде всего от его способности к экспансии. Но и тут сказывались внутренние конфликты. Хань стремились к прочному завоеванию оседлых территорий, кочевая аристократия — к их грабежу. В результате могулистанским ханам так и не удалось захватить достаточно большие оседлые территории и, еще меньше, создать земледельческо-городской центр притяжения внутри собственного общества.

Самой влиятельной силой в Могулистане была кочевая аристократия — *беки* (эмиры в персоязычной литературе), возглавлявшие различные кочевые подразделения. Они выступали как руководящее сословие по отношению к рядовым кочевникам, и как господствующий класс — по отношению к зависимому оседлому населению.

Сомнительно, однако, чтобы на протяжении полуторавекового существования Могулистана о нем вообще можно было гово-

рить как о непрерывно существовавшем государстве. Временами единственное, что от него оставалось, была ханская власть, и то больше номинальная. Хань и их сторонники пытались опереться на города и оседлые территории, кочевые группировки успешно им противодействовали. Примечательно, что носителями централистских тенденций в Могулистане нередко выступала верхушка племени дуглатов, владевшая оазисами Восточного Туркестана.

Во второй половине XV в., когда после очередной смуты на престоле утвердился Иунус-хан, по сообщению Мухаммада Хай-дара, «могульский народ и эмиры взяли у хана обязательство, что впредь он не будет принуждать их жить в городах и населенных культурных местах, потому что именно это было причиной смуты среди могулов и их обиды на хана» (Мухаммад Хайдар, цит. по *Материалы по истории казахских ханств*, 1963: 201).

В конце концов, Иунус-хан укрепился в Мавераннахре, но утратил власть над кочевниками. Могулистан в это время быстро шел к своей гибели. Любопытно, что в конце XV в. слабая власть могулистанских ханов распространялась не на кочевые, а на некоторые оседлые области. В начале XVI в., по существу, возникло новое оседлое государство — Могулия с династией кочевого происхождения, а в первой половине XVI в. окончательно прекратилось господство могулов в Семиречье (Пищулина, 1977; ср. Златкин, 1964: 64—66).

Монгольское государство в Иране⁶ было создано тогда, когда среди монгольской аристократии борьба о дальнейших путях развития обозначилась уже достаточно четко. Первоначально хулагуиды в своей политике в основном придерживались первой линии: Чингиз-хана — Чагатай (из многочисленной литературы, посвященной монгольскому Ирану, см. Lambton, 1953, Spuler, 1955; Али-Заде, 1956; Петрушевский, 1960; Петрушевский, 1977; Petrushevsky, 1968; Boyle, 1968). Кочевники не оседали хотя бы

⁶ Я рассматриваю в данном разделе это средневосточное государство не потому, что, как и многие другие, оно было создано кочевниками евразийских степей. В политическом отношении, как и по всех остальных, средневосточный номадизм является до некоторой степени маргинальным и промежуточным. Главная причина — желание рассмотреть все государства чингизидов в одном разделе.

потому, что положение воина-кочевника было несравненно лучше, чем бесправного, задавленного и обижаемого крестьянина — *рай 'ата*. Сами ильханы вели полукочевой образ жизни.

Завоевание Ирана сопровождалось резким упадком ирригации и земледелия, сокращением обрабатываемых площадей, притоком значительного числа кочевников из евразийских степей. Вассальные государства сохранялись лишь на окраинах державы ильханов и платили дань — весьма тяжелую (Spuler, 1955: 357—359; Галстян, 1977).

В самом Иране монголы правили самостоятельно. С самого начала их государство являлось соединением раннегосударственных монгольских институтов общеимперского периода со значительно более развитыми институтами оседлого мусульманского общества, противоречивое сочетание Ясы с мусульманским правом.

Хотя состав господствующих классов претерпел значительные изменения, в нем оставалось много иранцев. Монголы сохранили бюрократический аппарат, оставшийся от государства хорезм-шахов, и почти сплошь состоявший из иранцев. Сохранилось и давнее деление правящих классов на «людей меча», заинтересованных в сильной центральной власти лишь до тех пор, пока продолжались завоевания, и на «людей пера», традиционных носителей централистских тенденций. «Люди меча» были представлены как политически доминирующей кочевой знатью монгольского и тюркского происхождения, так и той частью провинциальной оседлой знати иранского происхождения, которая не была истреблена во время завоевания или после него. «Люди пера», помимо духовенства всех религий, состояли из иранской бюрократии.

В результате произошедшего перераспределения земельного фонда монгольская и тюркская аристократия получила от ильханов обрабатываемые земли, но эксплуатировала крестьян, не порывая с кочевым образом жизни. Она просто взыскивала с них продуктовую ренту, допуская при этом произвол и насилие. В первый период существования Хулагуидского государства кочевники фактически считали себя военным лагерем в завоеванной, но оставшейся чужой неприятельской стране.

Реформы Газан-хана и его знаменитого министра Рашид ад-Дина, в политическом отношении иранского Елюй Чу-цая, хотя и не привели к значительному оседанию кочевников, но все же означали частичный поворот ко второй тенденции развития. Они отменили откупа, процветавшие при первых Хулагуидах и разорявшие крестьянство, стремились сделать налоги фиксированными, облегчить их бремя, оживить земледелие и торговлю и т. д. Кроме того, реформы способствовали увеличению политического веса иранской бюрократии.

Газан-шах не доверял кочевой знати и казнил многих ее представителей, однако должен был с нею считаться. Не случайны слова, с которыми этот мудрый и гуманный правитель обращался к ней: «Я-де не держу сторону ра'йятов-таджиков. Ежели польза в том, чтобы всех их ограбить, то на это дело нет никого сильнее меня. Но ежели вы в будущем будете надеяться на тагар и столовое довольствие и обращаться [ко мне], с просьбами, то я с вами поступлю жестоко. Надобно вам поразмыслить: раз вы ра'йятов обижаете, забираете их волов и семена и травите хлеб, то что вы будете делать в будущем?» (Рашид ад-Дин, 1957: 27).

Однако показательно, что у кочевников теперь появилось «страстное желание» владеть поместьями и «завести земледелие» (Рашид ад-Дин, 1957: 291). Так они приспособлялись к изменившимся условиям, когда завоевания прекратились и не могли быть главным источником доходов. В 1303 г. неохотно, по прямому требованию войска, Газан-хан был вынужден издать ярлык о наделении его *икта*. Они давали право на землю, воду и доходы с них и включали полный налоговый (но еще не административный) иммунитет, за исключением небольшого количества зерна, которое владельцы *икта* должны были поставлять в казну.

Икта выделялись большими наделами, нередко, целыми земледельческими округами, тем подразделениям кочевников, которые составляли отдельные войсковые единицы. Далее они делились среди всех военнообязанных, вплоть до рядовых. Помимо *икта*, наделение которыми было связано с обязанностью военной службы, развилось также наделение *мульками* — в данном случае, наследственными безусловными держаниями.

Реформы Газан-шаха были неокончательными. Борьба между сторонниками обеих тенденций продолжалась при последних Хулагуидах. И все же мнение Шпулера (Spuler, 1955: 409), что «движение сбилось с пути еще на ранних этапах: деятельность Газана по-видимому не оставила за собой каких-либо запоминающихся последствий», кажется слишком категоричным.

Показательно, что после распада государства ильханов Чобаниды, действовавшие в духе первых Хулагуидов, удерживали власть очень недолго. Чобанидское государство оказалось самым эфемерным и было разгромлено золотоордынским ханом Джанибеком (1356 г.) при поддержке местной знати. Пришедшие на смену Чобанидам Джелаириды стремились управлять в духе политической линии Газан-хана.

Будучи основным господствующим классом по отношению к оседлому населению, кочевая аристократия в хулагуидском Иране по отношению к рядовым кочевникам выступала всего лишь в роли руководящего сословия. Земли кочевых племен (*юрт*) считались их коллективной собственностью. Племенные вожди (*эмиры*) руководили перекочевками, но не имели права отчуждать пастбища или лишать кочевников права пользования ими.

Правда, кочевники платили государству традиционный *кончур* (Lambton, 1953; Петрушевский, 1960: 361; Бартольд, 1966: 331) и обязаны были воинской службой. Но нельзя забывать, что первоначально войско получало жалованье, правда, нерегулярное, и долю военной добычи. Когда завоевания окончились, все без исключения кочевники, несшие военную службу, получили *икта*.

Кочевое субобщество в Иране, окончательно сложившееся именно при Хулагуидах и просуществовавшее с различными вариациями до XX в., хотя и было частично втянуто в развитую государственную и классовую жизнь страны, но на весьма привилегированных условиях, а в политическом отношении преимущественно, через посредство своей аристократии. Это субобщество, не полностью интегрированное в социально-экономическую систему оседлого иранского общества, неоднократно являлось источником деволюции его политической системы.

Примечательно, что все перечисленные типы, тенденции и варианты возникновения и эволюции кочевой государственности в евразийских степях, прослеженные на примере государств чингизидов, были уже известны с древности (подробнее об этом см. Khazanov, 1981).

И Первое, и Второе Скифские царства являлись ранними государствами, основанными на завоевании и даннической эксплуатации кочевниками оседлого населения. Но уже в период Второго Скифского царства началось оседание кочевников. Третье Скифское царство, возникшее после ряда поражений, понесенных скифами, и, соответственно, резкого сокращения возможностей даннической эксплуатации покоренного населения, стало развиваться уже как преимущественно земледельческо-городское общество. Внутренние формы зависимости в нем возобладали над внешними. Подобному развитию способствовали длительные и многосторонние контакты с греческими полисами Северного Причерноморья, потому что в условиях соседства с ними выгодный экспорт зерна являлся дополнительным стимулом для занятия земледелием (Хазанов, 1975; Khazanov, 1978).

Общество сюнну долгое время развивалось в том же направлении, что и скифское. При шаньюе Маодуне были покорены многие кочевые племена и земледельческие территории, а Китай в первой половине II в. до н.э. вынужден был выплачивать регулярную дань в результате унижительных для него договоров, известных в истории как «договоры о мире, основанном на родстве». Археологические материалы свидетельствуют о богатстве сюннского общества в период его наибольшего могущества (Давыдова, 1975:142).

Как сообщает Сыма Цян, сын Маодуня — Лаошан, по наущению китайского ренегата, впервые обложил налогами самих сюнну (Ши Цзи, гл. 110; цит. по Таскин, 1968: 45). Однако в источниках это известие — единичное, и едва ли налогообложение в собственно сюннском обществе имело сколько-нибудь существенное значение.

Кроме того, сюнну стали развивать у себя земледельческий и ремесленный уклады, отчасти за счет китайских пленных и пе-

ребежчиков (Бань Гу. *Хань-шу*. гл. 70, 94а, 94б — цит. по Таскин, 1973: 24, 30, 41, 57, 121, 137). В Забайкалье раскопано городище сюнну — крупный ремесленный центр (Davydova, 1968, Давыдова 1977: 83—84).

Тем не менее государство сюнну до самого своего конца оставалось ранним. Сюнну гордились тем, что «создают государство, сражаясь на коне» (Бань Гу. *Хань-шу*, гл. 94б ; цит. по Таскин, 1973: 34), и в отличие от скифов, так с этого коня и не слезли. Соответствующими были и результаты. Когда сюнну стали терпеть поражения, их государство прекратило свое существование. Те поздние сюннуские племена, которые в IV—VBB. переселились вместе с другими кочевниками в Китай и создали там свои недолговечные государства, с коня, правда, слезли, но кочевниками после этого оставались недолго, и были быстро ассимилированы китайцами (Гумилев, 1974; Крюков, Малявин, Софронов, 1979: 25 сл.).

В раннем средневековье ярко выраженным кочевым государством первого типа был Тюркский каганат (551—744 гг.), империя, во времена своего расцвета простиравшаяся от Византии до Маньчжурии (о древних тюрках см. Pelliot, 1929; Бернштам, 1946; Бичурин, 1950; Малов, 1951; Малов, 1959; Liu Mau-Tsai, 1958; Кляшторный, 1964; Гумилев, 1967; Ecsedy, 1972).

Каганат возник в результате возвышения собственно тюркского (тюрк /türk/, кит. *тюркют* /türküt/) племенного объединения и подчинения им множества других кочевых объединений и оседлых территорий. При этом ведущей формой отношений, установившихся между победителями и побежденными, были различные виды вассально-даннической зависимости.

Тюрки стремились инкорпорировать подчиненные ими кочевые образования в свою военно-политическую организацию. В рунических надписях все они иногда обозначаются словом тюрк тьк (Кляшторный, 1964: 19, прим. И; Ecsedy. 1972: 247, п.3).

Но в подчиненных тюркам кочевых образованиях традиционные формы социально-политической организации претерпели мало изменений. Сохранялась и местная аристократия, хотя она должна была теперь подчиняться членам правящего в государ-

стве рода Ашина. Вассальные кочевые образования платили дань и участвовали в войнах. Нередко их посылали вперед, потому что меньше жалели. Зато вся история тюркского государства полна их сепаратистскими движениями.

В завоеванных оседлых областях сидели *тудуны* — наместники кагана, собиравшие фиксированные подати. Впрочем, в источниках отмечаются и «беззаконные подати».

По отношению к рядовым тюркам в источниках на первом плане выступают военно-организаторские функции каганов и аристократии. Известно, что они ведали распределением пастбищ, особенно на завоеванных территориях. Каганы отправляли также сакральные функции. В рунических надписях каганы неоднократно подчеркивали заботу о своем собственном народе, о том, что раздают ему полученные с покоренных народов дань, скот и рабов, требуя взамен «труды и силы» (Малов, 1959: 35, 40).

Больше всего каганы боялись откочевок отдельных групп кочевников на другие территории, т.е. выхода из-под их власти. Бильге-каган объяснял гибель Первого Восточнотюркского каганата тем, что из-за подстрекательства китайцев *беги* и народ стали неверны кагану, народ — *бегам*, и делал назидательный вывод: «Если ты, тюркский народ, не отделишься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечно» (Малов, 1959: 24).

Очевидно, классом тюркская аристократия была лишь по отношению к покоренным странам и народам. В своем собственном *эле* (*al, il* — племенной союз или объединение; этот термин нередко употреблялся в смысле «тюркское государство») она оставалась руководящим сословием. По отношению к другим кочевникам ее позиции, возможно, менялись на протяжении всей истории различных древнетюркских каганатов. Грань между руководящим сословием и господствующим классом в древнетюркских кочевых государствах была подвижной. Во многом она зависела от внешнеполитической ситуации и количества доходов, привлекаемых с покоренных оседлых областей и народов.

История падения Первого Восточнотюркского каганата и в этом отношении весьма показательна. Для него важнейшую роль играли взаимоотношения с Китаем. Когда Китай был слаб, его можно было беспрепятственно грабить и заставлять платить дань. Это устраивало подчиненные кочевые образования, и они мирились со своим положением. Но последний каган — Хели, из-за расходов, связанных с непрерывными тяжелыми войнами, внешнеполитическими неудачами, отпадением некоторых племен и стихийными бедствиями, испытывал нужду в средствах. Так как Хели не смог покрыть своих расходов за счет внешних поступлений, он, по сведениям китайских источников, обложил племена высокими налогами. Из-за этого жизнь его подданных стала более тяжелой, и вскоре они взбунтовались (Lui Mau-tsai, 1958, I: 143).

Как явствует из приведенных высказываний каганов Второго Восточнотюркского каганата, и сами они смогли извлечь уроки из истории, и ситуация в их государствах снова была иной.

Как рядовые тюрки, так и их аристократия оставались кочевниками. Земледелием они частично стали заниматься, когда после гибели Первого Восточнотюркского каганата вынужденно поселились на территории Северного Китая. После антикитайского восстания и восстановления каганата они с удовольствием вернулись к прежнему образу жизни. Но как ее предшественники (сюнну) и отдаленные преемники (монголы), тюркская аристократия стремилась к созданию земледельческого и ремесленного укладов в своем обществе. Только в отличие от монголов тюрки поощряли добровольное создание на своей территории больших согдийских колоний, занимавшихся земледелием, ремеслом, торговлей и даже основывавших города (Pulleyblank, 1952; Кляшторный, 1964: 114—122).

Прочности установившихся связей способствовала взаимная выгода. Каганы, благодаря торговому опыту и связям согдийцев, смогли наладить сбыт военной добычи и дани, особенно шелка. Для согдийцев власть тюрков была мало обременительной. Сила каганов была гарантом их безопасности на торговых путях; политическое влияние тюрков помогало открывать новые рынки. Сложилась ситуация, которой не было ни в предшествующих, ни в

последующих кочевых государствах в степях Евразии. Однако, когда каган Хели стал противопоставлять своих согдийских советников — сторонников продолжения войн с Китаем — собственной аристократии, ничего хорошего из этого у него не вышло. Лишь в Западнотюркском каганате вторая тенденция развития проявилась сколько-нибудь заметно. Правда, основная масса тюрков, в отличие от их предшественников — кушан и эфталитов, еще продолжала кочевать в степях. Но местные правители в Центральной Азии постепенно стали заменяться тюркскими или превращаться в наместников кагана. Тюрки начали переселяться в завоеванные области. Часть их оседала в оазисах, другая — занималась скотоводством на их окраинах (Гафуров, 1972: 222—223). Однако в Западнотюркском каганате власть каганов во второй половине VII в. — первой половине VIII в. была слабой. Смуты следовали одна за другой. Зависимость некоторых оседлых областей, например, согдийского Семиречья, приближалась к номинальной, во всяком случае, не выходила за пределы даннической. Поэтому отмеченная тенденция не смогла реализоваться сколько-нибудь полно. Не смогла и не успела из-за арабского завоевания Центральной Азии.

История внутреннеазиатских империй, от сюнну до монголов и, тем более, маньчжуров, отнюдь не представляет единый эволюционный ряд, в котором каждое новое государство достигало более высокого уровня развития, чем его предшественники. В отдельные периоды преемственность, действительно, была. Но она нередко прерывалась или обращалась вспять. К тому же развитие государств-преемников могло совершаться в иных направлениях, чем у их предшественников.

В социально-политическом отношении Уйгурский каганат (744—840 гг.), возникший на развалинах Второго Восточнотюркского, первоначально, действительно, во многом напоминал своего предшественника (об уйгурах см. Бичурин, 1950; Hamilton, 1955; Тихонов, 1966; Pinks, 1968; Mackerras, 1968; Малявкин, 1974).

Следуя старой тюркской традиции, уйгуры, сами представлявшие собой кочевое объединение, поставили в вассально-данническую зависимость ряд других (карлуков, теленгутов, татар, киданей).

ней, кыргызов и других). Социально-политическая организация последних практически не была существенно изменена. По сведениям китайских источников, уйгуры посылали специальных чиновников к своим кочевым вассалам, чтобы следить за поступлением ежегодной дани (Малов, 1959: 41; Малявкин, 1974: 35). Но часть подчиненных племен (например, басмалы и восточные карлуки) считались юридически равноправными.

Во время восстания Ань Лу-шаня и последовавших смут, едва не сокрушивших Тан, уйгуры успешно разоряли страну. Китай, превратившийся для них в огромную дойную корову, вынужден был терпеть грабежи, платить огромные контрибуции, стыдливо именуемые «пожалованием подарков в благодарность за оказание помощи» и дань, от уплаты которой он полностью освободился только после гибели каганата. По признанию самих китайцев, «уйгуры были большим бедствием во время танской эпохи» (Малявкин, 1974: 43).

У уйгуров уже были настоящие города, а в долинах рек развивалось земледелие. Правда, неизвестно, кто именно обрабатывал земли. Очевидно, в собственно уйгурском обществе социальная стратификация развивалась, в основном, за счет внешних факторов и внешних источников дохода. Шао Бо-вэнь в начале сунской эпохи писал: «В начале обычай уйгуров отличался простотой и искренностью, и различия между князьями и народом не были очень большими. Поэтому помыслы народа были едиными и [уйгуры] были сильны и непобедимы. Конечно, они имели заслуги перед танским государством. Танский [двор] делал богатые пожалования. Каган Дэн-ли (т. е. Тэнгри, 759—779 гг.) впервые зазнался, стал строить дворцы для жилья. У женщин имелись пудра, краски для бровей и [одежда], украшенная парчовыми вышивками, все это изготовлено в Срединном государстве. Расточительство вызвало разложение варварских обычаев» (Вэнь Цзянь Лу; цит. по Малявкин, 1974: 92).

Внутренние неурядицы, вызванные соперничеством различных групп уйгурской аристократии, отпадение ряда вассальных кочевых образований и стихийные бедствия привели к разгрому Уйгурского каганата кыргызами и вынужденной эмиграции части

уйгуров в Восточный Туркестан (Малявкин, 1972). Там уйгуры смогли покорить и со временем ассимилировать местное население. Возникшие на новом месте отдельные уйгурские политические образования в конце IX в. объединились в Уйгурское турфанское княжество. Но это государство развивалось уже по иному пути. В Восточном Туркестане возможности ведения кочевого скотоводства были весьма ограниченными. Уйгуры стали селиться в городах, заниматься земледелием (von Gabain, 1973). При таких обстоятельствах внутренние формы зависимости впервые приобрели у них решающую роль.

Типичным ранним кочевым государством первого типа было также государство киданей (каракитаев) в Центральной Азии. По свидетельству ал-Асира, кидане, завоевав Восточный Туркестан и Мавераннахр, «тяжело попирали их народы», но ограничивались чисто данническими формами зависимости оседлого населения, а сами продолжали кочевать в Семиречье. Их завоевание не сопровождалось никакими разрушениями, но болезненно воспринималось в Центральной Азии, потому что мусульмане еще не знали, что вслед за каракитаями придут монголы. Иначе, возможно, оценка первых была бы иная.

По свидетельству того же источника, у киданей «в каждом городе [есть] наместник, который доставляет им деньги, а они проживают в кибитках по своему обычаю, [существовавшему] прежде, чем они воцарились» (цит. по *Материалы по истории киргизов и Киргизии*, 1973: 73).

Повсюду продолжали существовать местные династии, а в некоторые государства, например, в Хорезм, представители киданьского гурхана вообще наезжали лишь эпизодически, только для получения дани. Дело доходило до того, что в середине XII в гурхан приказывал своему наместнику в Бухаре во всем поступать по совету местного правителя (Бартольд, 1963б: 133—134).

Кочевыми государствами второго типа являлись в древности держава кушан, а в раннем средневековье - ряд государств, созданных кочевниками в Китае в IV-VI вв. н. э., а позднее государства киданей и чжурчженей в Китае и Караханидов и Шейбанидов в Центральной Азии

Правители недолговечных государств, основанных кочевниками в Китае в IV—VI вв. н. э., сначала пытались сохранить кочевые культурные традиции и предотвратить распространение китайского влияния. Но во второй половине V в. н.э. они изменили политический курс и стали стремиться к сближению с китайской аристократией, сохраняя ее привилегии и статус.

Так, Тоба Хун, правитель государства Северное Вэй, созданного табгачами (сяньби), в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов V в. издал серию указов, направленных на синификацию табгачей. Один из этих указов запрещал ношение сяньбийской одежды, другой — запрещал даже разговаривать на сяньбийском языке. Как и до завоевания, чиновникам государства предписывалось быть образованными и обладать хорошими манерами. Зато рядовые кочевники потеряли все свои привилегии и шансы на социальное продвижение. Те области государства, где проживали табгачи, стали очень провинциальными — местами, куда ссылались преступники, а иноэтничные командующие войсками, присланные из столицы, грабили население. Правда, такая политика встречала яростное сопротивление, но наступивший затем «ренессанс» табгачской культуры продолжался очень недолго (Крюков, Малявин, Софронов, 1979: 32—34, 91—93).

Караханидский каганат, как и Уйгурский, может рассматриваться как наследник древнетюркских каганатов, но социально-политические отношения в нем приняли уже совсем иной вид (о караханидах см. Бартольд, 1963; Prilsak, 1950; Pritsak, 1954; Кляшторный, 1970; Кляшторный, 1972). В VI—VII вв. карлуки были одним из кочевых образований, подчинявшихся тюркским каганам, и во главе их стояли члены дома Ашина. Во Втором Восточнотюркском каганате они вместе с уйгурами входили в объединение токуз-огузов и участвовали в победоносном восстании, положившем конец каганату. После этого, отколовшись от уйгуров, они смогли овладеть Семиречьем (766 г.), затем Кашгарией и частью Ферганы (766—775 гг.), но вынуждены были признать вассальную зависимость от Уйгурского каганата.

Зато сразу же после его падения, в 840 г. правитель карлукского объединения, в которое входили ягма, чигили (джикили) и

тухси, будучи потомком Ашина, объявил себя каганом. Внутри каганата власть покоилась на тонком балансе сил между чигилями и ягма. Было даже два кагана, хотя чигильский считался старшим. По сравнению с предшествовавшими кочевыми государствами, в этом еще не было ничего принципиально нового.

Но по причинам, заслуживающим специального исследования, во второй половине IX в. в сердце кочевой части Внутренней Азии — монгольских степях, образовался демографический вакуум, который только начал заполняться монголоязычными племенами (киданими и татарами). Центры политической жизни тюркоязычных кочевников переместились к оседлым мусульманским государствам. Новое становление их государственности происходило в иных условиях, чем прежде. Карлуки уже не были чистыми кочевниками, во всяком случае, не все. Они по-прежнему стремились к подчинению оседлых территорий, но на более прочной основе, чем чисто даннические отношения. Внешним проявлением новых связей и устремлений было принятие карлуками в середине X в. ислама, как бы подчеркивавшее их желание считаться с порядками мусульманского мира.

Караханидское завоевание Центральной Азии не сопровождалось ни разрушениями, ни единовременной массовой миграцией кочевников. Можно лишь говорить о постепенной инфильтрации отдельных групп на территорию Мавераннахра. Свержение династии Саманидов Караханидами произошло при полном равнодушии масс, которые последовали совету духовенства и решили, по утверждению Хилял ас-Саби, что «когда борьба идет из-за благ сильных мира сего, то мусульманам нет необходимости подставлять себя для убийства» (цит. по Бартольд, 1963: 329).

Новое государство с самого начала было кочевым государством второго типа. Однако социальные изменения, произошедшие в Туркестане, все же нельзя недооценивать. Состав господствующего класса существенно пополнился тюркской военно-кочевой аристократией. По существу, он разделился на два, военный и бюрократический, состоявший из выходцев земледельческо-городской среды.

Дехканство как класс землевладельцев не было истреблено, но потеряло политический вес и экономическую силу. Недавние кочевники стремились обзавестись земельной собственностью, и караханидские правители конфисковывали имущество наиболее влиятельных представителей старой оседлой знати (Гафуров, 1972: 403). По-видимому, институт *икта*, существовавший уже при Саманидах, при Караханидах получил большее распространение в Центральной Азии. Этот институт развивался теперь на благодатной почве старых удельных традиций древнетюркской кочевой государственности и был очень удобен для кочевой знати в качестве средства ее господства над ираноязычным крестьянством.

Однако социальные противоречия в Караханидском государстве далеко не полностью совпадали с этническими. Несмотря на то, что многие ханы вели полукочевой образ жизни (Бартольд, 1963: 378), они были тесно связаны с аппаратом управления, заботились о процветании городов и следили за тем, чтобы кочевники не обижали земледельцев. Кочевые беки проявляли сепаратистские настроения. Недовольные ориентацией ханов на горожан, они блокировались с городским же духовенством (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973: 348—349).

Не удивительно, что в таких условиях разрыв между династией и рядовыми кочевниками быстро возрастал, и последние иногда выражали недовольство (Бартольд, 1963: 380). Но в Караханидском государстве кочевники ни в каком отношении не составляли единого целого. Не было в нем и сплоченных племенных объединений, сыгравших такую важную роль во внутренней истории древнетюркских каганатов. По свидетельству Махмуда Кашгарского, кочевники были разделены на отдельные разбросанные группы, некоторые из которых уже осели или оседали. Например, часть чигилей продолжала кочевать, но другая — жила в городе Таразе. В середине XI в. противопоставление Ирана и Турана, как оседлости номадизму, имевших различную этническую основу, в «доме Афрасиаба», т.е. в Центральной Азии, теряло свой смысл.

Барт (Barth, 1973: 19) заметил: «У государств есть «кочевая политика», тогда как про кочевников, начиная с монголов, вряд ли

можно сказать, что у них была «аграрная политика». Едва ли это верно. Шейбанидское завоевание Центральной Азии, по словам местного историка, обошлось «без грабежа и насилия» и не привело к сколько-нибудь существенному изменению ее социально-экономического строя. Произошли лишь очередные изменения в составе господствующих классов и перераспределение крупной земельной собственности, которая теперь сосредоточилась в руках членов нового правящего дома и знати узбекских племен. Поэт Васифи писал, что во время завоевания Герата один узбекский эмир, приняв его и его спутника за крестьян, разъяснил им, что произошла лишь смена землевладельцев и ничего более.

Кочевые племена, пришедшие с Шейбани-ханом, заняли лучшие пастбища, тесня местное полукочевое и, отчасти, даже оседлое население. Но часть их в дальнейшем осела, а часть перешла к полукочевому хозяйству (Гафуров, 1972: 528 сл.). Нехватка пастбищ в Мавераннахре препятствовала ведению чисто кочевого хозяйства, но недостаток орошаемой земли — прочной седентаризации.

Хотя созданное Шейбани-ханом государство с самого начала развивалось как государство второго типа, невозможность и нежелание части кочевников перейти к оседлому образу жизни придали ему специфические черты. Господство удельной системы — давняя традиция кочевых государств, влекло за собой бесконечные междоусобные войны. В результате главы узбекских племен, в XVI в. бывшие ханскими наместниками отдельных оседлых областей и владельцами крупных икта, в XVII в. превратились в мелких самостоятельных правителей (Иванов П.П., 1958: 68—69; Ахмедов, 1979: 22).

Создалась ситуация, несколько напоминающая положение в Аравии в XIX в. (см. с. 424—425). Сами правители перестали быть кочевниками и господствовали как над оседлым, так и над кочевым населением. Но так как последние составляли их военную опору, они подчеркивали свое кочевое происхождение, поддерживали связи с кочевой средой. Социальные позиции кочевников были гораздо выше, чем крестьян.

Мне кажется, приведенных примеров достаточно, чтобы уловить основную тенденцию возникновения и трансформации госу-

дарственности у кочевников евразийских степей. Для того, чтобы перешагнуть рубеж, отделяющий ранние государства от более развитых, кочевое общество должно было быть интегрированным (по крайней мере, частично) в единую социально-экономическую и политическую систему с оседлым. В результате кочевое государство превращалось в государство, созданное кочевниками, но покоившееся на земледельческой и городской основе.

Руководящий слой кочевников превращался в господствующий класс оседлого общества или в один из его господствующих классов. Положение рядовых кочевников в подобных государствах было более противоречиво. Они иногда платили подати государству, но в отличие от крестьян пастбища оставались в их коллективной собственности, во всяком случае на практике. Не случайно и налоги, там, где они платились, как правило, собирались со скота, а не за пользование пастбищами.

В одном и том же государстве, созданном кочевниками, позиции различных групп и объединений номадов могли быть различными. Но уже сам факт, что они не составляли отдельного общества, а, в лучшем случае, были более или менее автономным субобществом, не мог не сказываться на их положении. В социальном отношении оно было выше, чем положение крестьянства, и номады никогда не составляли с последними единого зависимого класса. Но социально-политические различия между кочевой аристократией и рядовыми кочевниками становились глубже, а их интересы расходились сильнее.

На протяжении почти трех тысяч лет в евразийских степях выделяются два основных типа кочевой государственности. Конечно, каждое из государств в силу обстоятельств своего появления, социально-политической специфики, взаимоотношений с оседлым миром и особенностей последнего, наконец, просто исторических судеб, обладало индивидуальными чертами и особенностями. Полного однообразия и единообразия никогда не было и не могло быть. Но, в целом, развитие кочевой государственности осциллировало между двумя описанными путями.

Переход от первого пути ко второму совершался гораздо чаще, чем со второго на первый. Однако и развитие по второму

пути редко достигало своего завершения. У государств, созданных кочевниками евразийских степей, всегда был кочевой хинтерланд. Кочевники этого хинтерланда нередко повторяли цикл развития, уже пройденный их предшественниками. Этим, наряду с рядом иных причин, объясняется не только обратимость социально-политических процессов у кочевников, но и обратимый, преходящий характер самой их государственности.

Однако полной цикличности все же не было. Оседлые государства на границах евразийских степей, в том числе и те, которые были созданы кочевниками в период от древности до нового времени, развивались и становились сильнее, хотя нет нужды рассматривать этот прерывистый и многолинейный процесс как плавную и однолинейную эволюцию. Их экономика и технология не стояли на месте. Но кочевники в хозяйственном отношении почти не менялись. Они могли ответить на вызов только укрупнением и укреплением своей социально-политической организации, и именно этот процесс, опять-таки, прерывистый и обратимый, мы и наблюдаем, если сравнить скифов и сунну с древними тюрками, а древних тюрков — с монголами. Только в новое время силы кочевников и оседлого населения стали несопоставимыми.

Средний Восток

Я уже отмечал ряд особенностей этого региона: отсутствие четкого экологического размежевания между кочевниками и земледельцами, отсутствие серьезных препятствий для торговли между ними, периодический приток номадов извне, нередкую слабость государственной власти.

По отмеченным причинам, в государствах, созданных кочевниками, преобладала вторая из отмеченных выше тенденций, хотя и не всегда, и не полностью.

Уже в древности среднеазиатские кочевники парны (Just., XLI, 4—5; ср. Арриан, *Parthia*, fr.I — *Fragmenta Historicorum Graecorum*, II: 586-587), отнявшие Иран у Селевкидов, постепенно осели на землю (по крайней мере, их аристократия) и слились с этнически близкими им парфянами. Старый иранский господствующий класс, сохранившийся с ахеменидских времен, был по-

теснен, но не уничтожен. Греческие и семитские полисы Месопотамии долгое время сохраняли значительную автономию.

Социально-экономические отношения в парфянском Иране определялись условиями, сложившимися на оседлых земледельческих и городских территориях со значительными локальными различиями. Однако старые кочевнические традиции (например, представление о государстве как о совокупной собственности правящего царского рода) давали о себе знать, а связи с кочевниками не были утрачены. Страбон отмечал, что у парфян образ жизни и обычаи во многом варварские и скифские, благоприятствующие господству и военным успехам (Strabo, XI, 9, 2).

Парфянский Иран был государством с династией кочевого происхождения и несколькими господствующими классами, среди которых наиболее привилегированное положение занимали потомки парнской кочевой аристократии. Однако их противоречия с другими господствующими классами никогда не были полностью устранены. Парфянская династия так и осталась для Ирана чужой. Парфяне не смогли также уничтожить многочисленные вассальные царства на территории Ирана. Они довольствовались тем, что навязали им свой суверенитет. Все это, в конце концов, привело к падению парфянского господства (Ghirshman, 1954: 262—266; Neusner, 1963; *История Ирана*, 1977: 100—102).

Следующим по времени завоеванием Ирана кочевниками евразийских степей было сельджукское. Оно не походило на монгольское, так как не было ни преднамеренным, ни заранее продуманным и спланированным. К созданию Сельджукской Империи привели цепная реакция событий и никем не предполагавшаяся слабость средневосточных государств.

В результате завоевания Ирана и Малой Азии с сопредельными странами Сельджуки, неожиданно для себя, оказались создателями Империи, большинство населения которой составляли оседлые жители, с прочно устоявшимися социальными и политическими порядками, с тысячелетними традициями государственной власти (о государствах сельджуков см. Бартольд, 1963; Гордлевский, 1960; Lambton, 1953; Lambton, 1968; Bosworth, 1968; Cahen, 1968; Агаджанов, 1969; Агаджанов, 1973).

Завоевание и связанные с ним войны разорили многие земледельческие области. Кочевники отбирали скот у крестьян, опустошали поля. Как обычно, оно изменило и состав господствующих классов, привело к перераспределению земельного фонда. Еще только в ожидании сельджукского завоевания, земля в Хорасане начала обесцениваться (Байхаки, 1959: 739—741). Тюркская кочевая аристократия заметно потеснила старую оседлую, преимущественно иранскую аристократию.

Но уже первые султаны стремились восстановить сельское хозяйство. Сельджуки не изменили полностью местных порядков, но они их модифицировали и пополнили некоторыми традициями, восходящими к тюркским объединениям и государствам, теперь переосмысленным (Lambton, 1953: 60—61; Cahen, 1968: 36 ff.; Гордлевский 1960: 77 сл.).

Личностные связи преобладали над земельными. Так, государство рассматривалось как корпоративная собственность правящего рода, а правящий род — как выразитель интересов кочевого объединения (Lambton, 1968: 218), хотя на самом деле это было уже не так.

Тем не менее гораздо большее распространение, чем при Бундах, получил институт *икта* (Бартольд, 1963: 369—370; Lambton, 1965: 358 f.), т.е. земельные наделы, с которых новый господствующий класс мог взимать налоги и повинности, не порывая сразу с кочевым бытом. Именно при Сельджуках институт *икта* впервые на Среднем Востоке превратился в средство господства кочевой тюркской аристократии над иранским крестьянством.

Этот институт был ключевым в проведенной военной реформе. В период завоеваний династия опиралась в основном на племенные ополчения. Теперь, по существу, было создано новое войско, обязанное служить за земельные пожалования. Поскольку распределение *икта* зависело от военачальников — эмиров, их власть укрепилась, а зависимость от них рядовых воинов-кочевников возросла (Низам аль-Мульк, 1949: 129). Но самое интересное заключалось в том, что войско вербовалось уже не только из огузов и туркмен, но также из арабов и курдов. Династия пыталась избавиться от чрезмерной, на ее взгляд, зависимости от собственных соплеменников (Bosworth, 1968: 197).

Однако проблемы это не решило, только создало новые трудности. Помимо тех земельных наделов, доходы с которых поступали в кормление войску, обширные земельные пожалования были розданы в *икта* или *мульк* (наследственное пожалование) членам правящего рода и сельджукской знати, иногда просто как признание положения, уже сложившегося *de facto*. После этого последние стали активно проявлять сепаратистские настроения. В борьбе с ними сельджукские султаны стали опираться на иранскую бюрократию и мусульманское духовенство. А носители центробежных тенденций среди господствующих классов в Сельджукском государстве, затеявая междоусобные войны, могли рассчитывать на недовольных кочевников (Bosworth, 1968: 197).

Кочевники огузы и туркмены всегда оставались для сельджукских султанов одной из самых главных и больных внутренних проблем (Бартольд, 1963: 372), возникшей уже в период Великих Сельджуков, но особенно резко давшей о себе знать в следующий период сельджукской истории. Кочевники не забывали, что пришли в страну как завоеватели, и не желали платить налоги и подчиняться управлению иранской бюрократии наравне с остальной массой населения.

Сельджукские султаны любили сравнивать себя с пастухами своего народа. Но для тех, кто действительно пас овец, они оказались плохими пастырями. Как позднее турецкие султаны, они долгое время придерживались многих традиций кочевого образа жизни (Гордлевский, 1960: 74; Cahen, 1968: 36). Но они возглавляли государство, социально-экономические отношения которого, а отчасти даже политическая организация, определялись уже не кочевниками, а земледельцами и горожанами. Опираясь на новую социальную базу, Сельджуки стремились перевести кочевников на положение рядовых подданных, втягивая их в социальную систему, господствующую в завоеванных странах.

Это не осталось незамеченным. Когда Идриси писал о тюрках: «Их князья воинственны, предусмотрительны, тверды, справедливы и отличаются превосходными качествами; народ жесток, дик, груб и невежествен» (цит. по Бартольд, 1963: 368), он с позиции ученого горожанина описывал конфликт между кочевой династией, правившей оседлой страной, и рядовой массой номадов.

В период Великих Сельджуков власти еще кое-как справлялись со своими кочевыми подданными. Уже при Малик-шахе (Bosworth, 1968: 79; Lambton, 1968: 249) их заставляли платить налоги с поголовья скота и за пользование пастбищами. Кроме того, кочевники несли воинскую повинность. В XI в. они продолжали играть важную роль в армии, но их стремились отправлять на границы государства, для набегов и борьбы с христианскими государствами. Правительство сознательно дробило, территориально разъединяло и разбрасывало кочевые племена, поощряло седентаризацию.

Низам аль-Мульк, влиятельнейший иранский визирь султанов Алп-Арслана и Малик-шаха, понимал рискованность такой политики. Признавая, что огузы и туркмены имеют законные права на привилегированное положение в государстве, он предлагал закрепить за их военными отрядами такое же положение в государстве, какое в прежних занимала гвардия из купленных рабов и наемников (Низам аль-Мульк, 1949: 110). Но хотя предложение Низам аль-Мулька было всего лишь паллиативом, его предостережение о необходимости считаться с огузами и туркменами после его смерти было забыто. Низам аль-Мульк был меньшим реалистом, чем Рашид ад-Дин. Его внутривластная программа в сложившихся в государстве условиях была обречена на неудачу.

Впрочем, в период распада единой Сельджукской Империи и ослабления центральной власти трудно вообще говорить о единой и последовательной политике по отношению к кочевникам тем более что приток их из Центральной Азии продолжался.

С одной стороны, огузо-туркменские племена, охотно участвовавшие в междоусобицах, склонны были ко все меньшему повиновению центральным властям. С другой - правительства не только следили за тем, чтобы они регулярно платили налоги. Они подчиняли их наместникам соответствующих провинций или непосредственно султану, а над традиционными вождями назначали специальных чиновников с широкими полномочиями.

Показательна двойственная политика султана Санджара. Он облагал кочевников налогами (Курпалидис, 1979: 106), пытался

поставить под контроль иранской бюрократии и в то же время, увещевал последнюю не притеснять кочевников слишком сильно (*Материалы по истории туркмен и Туркменистана*, 1939: 314—315). Кончилось это для него очень плохо.

В ответ на чрезмерные поборы и попытку усилить зависимость огузов, которым были отведены земли в Балхской области, те в 1153 г. восстали. Войско султана было разбито, сам он попал в плен, несколько городов Хорасана подверглись разграблению. В течение трех лет огузы повсюду возили Санджара за собой, причем днем ему оказывался внешний почет, а на ночь его запирали в железную клетку (Бартольд, 1963: 393).

При Сельджуках дело не дошло до того, что позднее случилось при Османах, когда кочевники в завоеванных их предками странах превратились в приниженный слой населения. Именно тогда слово «тюрок», в смысле кочевник, некогда произносившееся с гордостью или страхом, превратилось чуть ли не в презрительную кличку, синоним плебея, причем по иронии судьбы эта кличка звучала в устах потомков тех же самых тюрок, только утративших связь с кочевничеством. И все же даже много позднее в туркменских преданиях сохранилось представление о Сельджуках как династии, предавшей свой народ. «Сельджуки, заявляя: «мы, туркмены, мы [ваши] братья», не принесли пользу ни илю, ни народу» (Абу-л-гази-хан, 1958: 70).

Сельджукское государство (точнее, государства) вполне можно относить к государствам второго типа. Однако типичное для них развитие при сельджуках далеко не было завершено, как и в других государствах, созданных на территории Ирана в более позднее время. Только в наиболее долговечном — Сельджукском султанате Рума и его преемнице — Османской Турции, оно получило свое завершение.

Но в государстве Великих Сельджуков и султанате Санджара позиции кочевников в оседлом государстве еще не устоялись. На одном полюсе была династия и господствующий класс, состоявший из кочевников и/или бывших кочевников. На другом — рядовые огузы и туркмены, не вошедшие в состав господствующего класса, платившие налоги и обязанные некоторы-

ми иными повинностями. Между ними — аристократия отдельных кочевых групп.

В целом и социальное, и экономическое положение рядовых кочевников было лучше, чем положение крестьян — основного зависимого и эксплуатируемого класса. Но сами кочевники не составляли ни единого класса, ни единого сословия. Одни кочевые группы оказывались в более привилегированном положении, чем другие. Те кочевники, которые были причислены к воинскому сословию, занимали более высокое положение, чем те, которые составляли племенное ополчение. Те, кто несли службу на границах, получали за это земли (*удж*) и налоговый иммунитет (Гусейнов, 1979: 34). Наконец, отдельные представители и группы в составе господствующих классов, пытаясь опереться на кочевников, оказывали им определенную поддержку. В отличие от крестьянства, кочевники сохраняли вертикальные социальные связи, препятствовавшие дальнейшему ухудшению их положения.

Сходное положение сохранялось и во многих, хронологически более поздних государствах, созданных кочевниками на территории Ирана. И уже оговорил, по каким соображениям характеристика отношений, существовавших в государстве ильханов, находится не том разделе, где ей надлежало бы быть (см. с. 392, прим. 6). Гибель государства Хулагуидов совпала с возвышением Турции на западе и минского Китая на далеком востоке — государств не кочевых, а оседлых. В Иране дело обстояло по-другому.

После падения власти ильханов (1258—1353 гг.) полтора века одно недолговечное кочевое государство на его территории сменяло Другое (о них см. Петрушевский, 1949б; Петрушевский, 1949в; Lambton. 1953). Но, как справедливо заметила Лэмбтон (Lambton, 1953: 175), «говоря в целом, возникновение новых династий существенно не меняло структуру землевладельческих классов, хотя изменяло их состав и до некоторой степени, относительную значимость различных частей землевладельческих классов».

Государства Чобанидов (1340—1357 гг.), Джелаиридов (1358 — 1410 гг.). Кара-Койюнлы (1410—1468 гг.) и Ак-Койюнлы (1468— 1501 гг.) были созданы кочевниками и возглавлялись различны-

ми кочевыми династиями. По отношению к основному зависимому и эксплуатируемому классу иранского общества — крестьянству, политика этих государств и отдельных государей колебалась в пределах от положения, существовавшего в начале сельджукского господства и при первых Хулагуидах, с одной стороны, до положения, существовавшего при Великих Сельджуках и ильханах после реформ Газан-хана, с другой. Первое направление политики, связанное с чрезмерным ограблением крестьянства и монополизацией власти в руках военно-кочевой аристократии, преобладало.

С конца XIV в. иютш постепенно вытесняются *союргалами* — земельными пожалованиями, обладавшими не только налоговым, но и административно-судебным иммунитетом в обмен на обязанность военной службы (Фарзалиев, 1979).

В отношении привилегированных слоев из числа оседлого населения вопрос состоял лишь в том, какая часть их и на каких условиях допускалась в господствующий класс, в основном состоявший из кочевой аристократии. Местные землевладельцы, бюрократия и мусульманское духовенство играли лишь второстепенную и подчиненную роль.

Узун-Хасан и его сын Якуб пытались опираться на духовенство и бюрократию в противовес кочевой знати (Woods, 1976: 7; 285—266). Они стремились ограничить рост *союргалов*, установить фиксированные подати *райатов* в государстве Ак-Кой-юнлы и запрещали введение новых, но административно-финансовая реформа принесла лишь временное облегчение. Якуб умер при загадочных обстоятельствах. После его смерти эмиры жестоко расправились со всеми сторонниками реформ (Эфендиев, 1979). Ахмед Ак-Койюнлы в 1497 г. попытался по примеру турецких султанатов опереться на оседлые слои населения, уменьшить налоги, стремился уничтожить *союргалы* и вступил в борьбу с кочевой аристократией, но удержался у власти всего неполных 7 месяцев (Петрушевский, 1949а, Woods, 1976: 291).

В Иране окончательно установилась двойственность положения рядовых кочевников — в собственном кочевом объединении (*иль*, *эль*), охранявшем их интересы, и только опосредствован-

но в государстве в целом. Рядовые кочевники были обложены лишь небольшими налогами. В первую очередь они были не податным, а военным сословием, но служили в составе своих племенных ополчений (*хушун*). Их вертикальные социальные связи, по сравнению с сельджукским временем, только укрепились, потому что кочевая аристократия теперь больше, чем прежде, дорожила своими позициями в кочевом субобществе и стремилась их всячески укрепить, одновременно консервируя сложившиеся отношения. Таким образом, в средние века инкапсуляция кочевников в Иране хотя и увеличивала власть их предводителей, но далеко не всегда вела к тем же последствиям, что и в наше время. Отношения этих предводителей с центральным правительством были более конфликтными, а баланс сил — менее определенным.

Положение кочевой аристократии и рядовых кочевников в различных государствах, существовавших на территории Ирана, было неодинаковым. Кочевая аристократия одновременно выступала в двух ипостасях: как особая группа в составе гетерогенного господствующего класса государства или как один из его господствующих классов, и как руководящий слой по отношению к своему кочевому объединению, как представитель государственной власти среди кочевников, и как выразитель корпоративных интересов своего объединения перед государством, причем именно эта двойная ипостась наилучшим образом гарантировала ее интересы (Петрушевский, 1949: 75, 76; Helfgott, 1977: 49 f).

Существенным образом положение изменилось только при Сефевидах, но и то не сразу. Новая династия потомков ардебильских шейхов не являлась кочевой, но пришла к власти с помощью кочевников. Главной опорой Сефевидов на протяжении большей части XV в. была группа кочевых племен азербайджанского происхождения — кызылбаши. Правда, уже Исмаил I стремился ограничить притеснение *райатов* со стороны кочевой знати (Петрушевский, 1949в: 233), а шах Тахмасп начал разделять и разбрасывать кочевые племена (Lambton, 1953: 107). Тем не менее руководящее положение в государстве занимали представители кочевой аристократии.

Только после реформ шаха Аббаса I этому господству временно пришел конец. Руководящие позиции заняла оседлая иранская аристократия. Создание постоянного войска уменьшило значение племенных ополчений. Ведущей формой земельных пожалований кочевой аристократии стал не *союргал*, а *тиул* — условное владение, связанное со службой, которое нельзя было продать или передать по наследству. Тем самым Сефевиды попытались вернуться к практике, существовавшей при первых Сельджуках. Налоговое бремя кочевников увеличивалось, а наиболее мятежные племена физически уничтожались.

Несмотря на то, что система косвенного управления кочевниками при Сефевидах продолжалась, зависимость основной массы их от оседлого государства и его правительства возрастала. Хотя и в XVI—XVII вв. положение кочевников было лучше, чем положение крестьян, оно постепенно ухудшалось. Так, при шахе Хусейне их обложение было увеличено вдвое. Двойственное положение кочевников в составе государства стало слабеть. Большинство их превращалось в один из зависимых податных классов. В конце XVI в. кочевая знать находилась в оппозиции к Сефевидам.

Хотя подобная тенденция существовала и в последующее время, она не всегда проводилась последовательно. В отдельные периоды происходило движение вспять. Социальное положение *илятов* (т. е. рядовых кочевников) было по-прежнему выше, чем райатов.

Надир-шах, как прежние властители Ирана, применял по отношению к кочевникам практику косвенного управления. Тем не менее, несмотря на свое кызылбашское происхождение, он стремился ослабить их аристократию, в большем размере, чем его предшественники, разделяя и разбрасывая враждебные ему племена (Lambton, 1953: 131). В то же время отдельные хорасанские племена, прежде всего афшары, составляли его главную опору (Арунова и Ашрафян, 1958: 111—112).

Фатх Али-шах — основатель каджарской династии, рассматривал свое собственное племя как опору династии, а Иран — как завоеванную страну. При первых Каджарах положение ко-

чевников в государстве во многом походило на положение в предшествующий Сефевидам период (Lambton, 1953, 135—162) Господствующий в стране класс землевладельцев включал племенных вождей кочевников, которые распределяли среди своих соплеменников специально выделяемые для них земли и отвечали за сбор налогов. Как и при предшествовавших династиях, одни кочевые племена ослаблялись, зато другие усиливались, а привилегированные племена вообще не платили налогов. Когда кочевники в составе войска двигались по стране, они разоряли по дороге земледельцев, а правительство не принимало эффективных мер, чтобы воспрепятствовать этому.

Даже во второй половине XIX в., когда политика Каджаров по отношению к кочевникам изменилась, контроль за племенами и сбор налогов с них оставались серьезной проблемой.

Только Пехлеви уже в нашем столетии с помощью крутых и жестких мер в большей мере смогли покончить с особым социальным положением кочевников и низвести их основную массу на положение непривileгированного класса, размываемого и в социальном, и в экономическом (в связи с переходом части кочевников к земледелию и другим занятиям) отношениях. Можно ли считать, что в политическом отношении с проблемой кочевников в Иране покончено навсегда, покажет недалекое будущее.

Иной характер приняла проблема «кочевники и государство» в соседнем с Ираном Афганистане (см. Рейснер, 1954; Массой, Ромодин, 1965; Ганковский, 1958; Ганковский, 1958a; Lockhart, 1958; Губар, 1959). Среди различных типов кочевой государственности на Среднем Востоке «афганская модель» вообще не является достаточно чистой.

Главное различие заключается в том, что в ходе переселений афганских племен в XIV—XVIII вв. часть их завоевала земледельческие территории вместе с их населением и стала землевладельцами еще до создания собственного государства и без такого государства. Миграции и захваты облегчались тем, что земледельческое ирано-таджикское и индо-арийское население на обширной территории между Индом и Гиндукушем было частично

истреблено в период монгольского нашествия и походов Тимура, а частично укрылось в менее опасных местах.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что не всякое завоевание кочевниками земледельцев автоматически приводит к возникновению государства. Там, где земледельческое население сравнительно немногочисленно и раздроблено, где оно не обладает сильной политической организацией, где подчинение и эксплуатация его не требуют от кочевников принципиально новых форм организации и управления, там государство может и не возникнуть, и во всяком случае — не сразу. Афганские племенные объединения являлись не более чем вождествами.

Подчинение земледельческого населения было лишь одним из факторов, которые в долговременной перспективе привели к усилению социальной дифференциации и возникновению государства у афганцев. Другим — была их собственная постепенная седентаризация с аналогичными последствиями. Третьим — их многовековое активное участие в политической жизни Среднего Востока, в XVI—XVII вв. — их зависимость от Сефевидов и Моголов, способствовавшая усилению влияния афганских ханов среди соплеменников, но одновременно демонстрировавшая выгоды создания собственного государства.

Афганцы принимали активное участие в завоевании Бабу-ром Индии, а затем в длительной борьбе Моголов и Сефевидов за Кандагар. В начале XVIII в., когда Индия, Иран и Центральная Азия оказались в состоянии упадка и политической раздробленности, для афганской аристократии наступил подходящий момент. И как нередко бывало в таких случаях, внешняя экспансия опережала внутреннюю консолидацию.

В начале XVIII в. гильзаи в Кандагаре, под руководством Мир Вайса из ханского хеля Шах-Алам и абдали в Герате — во главе с представителями хан-халы сазодаев, добились независимости от Ирана. Сначала они вступили в борьбу друг с другом. Но уже в конце 1721 г. сын и преемник Мир Вайса — Мир Махмуд, во главе гильзаев, еще продолжавших вести кочевой или полукочевой образ жизни, предпринял поход на Исфаган. В следующем году он завоевал значительную часть Ирана и стал его шахом.

Недолговечное государство Мир Махмуда имело все основные признаки кочевого государства первого типа. У правительства была только одна опора — афганское войско, безжалостно грабившее и разорявшее страну. Правда, сначала завоеватели попытались сохранить сефевидскую администрацию, но перешли к репрессиям против нее, обнаружив ее ненадежность. Не удалось им и привлечь на свою сторону иранских кочевников. Тем не менее афганцы в основном сохранили прежнюю систему управления, хотя увеличили налоги, не говоря уже о простых грабежах и контрибуциях (Миклухо-Маклай, 1954).

Единственной своеобразной чертой во всем этом мероприятии было то, что завоеватели не только не могли и не желали привлечь к завоеванию Ирана другие афганские племена, но даже умудрились быстро перессориться друг с другом. В результате они перестали получать подкрепления с родины. Мир Вайс и его преемники пытались обложить налогами некоторые хели гильзаев, что вызвало открытое сопротивление. Сказывалась и старая вражда между гильзаями и абдали. Поэтому борьба афганских завоевателей с Надир-шахом была обречена на неуспех.

Надир-шах, завоевавший почти весь Афганистан, проводил политику, направленную на ослабление гильзаев, особенно западных, но стремился привлечь на свою сторону ханов абдали. Однако, усилившись, именно они смогли создать первое общеафганское государство.

Государство Ахмад-шаха Дуррани тоже являлось государством завоевательного типа, в котором абдалийские (дурранийские) племена, среди которых кочевники были уже в меньшинстве, заняли привилегированное положение. Однако вассальные владения, и тем более области расселения других афганских племен, сохраняли значительную внутреннюю автономию и управлялись по своим обычаям. Кочевников было особенно много среди западных племен, и от них шах хотел лишь одного — воинов (Elphinstone, 1819, II: 104,105). Большинство афганских племен было освобождено от уплаты налогов или платило их в очень небольшом, подчас чисто символическом размере (Ганковский, 1958: 69). Ахмад-шах «со своей проницательностью уже понял, что завое-

вать все соседние государства потребует меньше усилий, чем подчинить своих собственных соотечественников» (Elphinstone, 1819 I: 281).

Успешные походы Ахмад-шаха позволили возложить основное бремя эксплуатации на неафганское население завоеванных областей. При этом был использован унаследованный от Сефевидов, Надир-шаха и Моголов административный аппарат. Будучи трезвым и дальновидным политиком, Ахмад-шах ограничил свои завоевания в Индии Пенджабом, не стремясь создать обширную империю и перенести в нее свою столицу. Он не желал отрыва династии от афганского ядра государства и в одном из своих стихотворений писал: «О делийском троне я забываю, когда в памяти возникают горные вершины страны афганцев».

В то же время процесс захвата обрабатываемых земель дурранийскими и другими афганскими племенами в государстве Дуррани только усилился, а центробежные тенденции развивались быстро.

Афганские ханы облакались большой властью на завоеванных территориях и усиливали эксплуатацию зависимых земледельцев-хамсая. Однако они действовали не только в своих собственных интересах, но и в интересах своего племени. По отношению к соплеменникам большинство афганских ханов не располагало принудительной властью и не могло облагать их налогами и другими повинностями.

«Я не найду двух примеров, когда бы хан облагал налогами свой улус ради своей выгоды; но регулярный налог, который платят «хамсая», налог, налагаемый на неверных, который платят индусы, и пошлины, собираемые с торговли, проходящей через земли улуса, в нескольких случаях присваиваются ханом» (Elphinstone, 1819, I: 263—264). Некоторые привилегированные племена, члены которых становились землевладельцами, приобретали черты сословных групп.

Но, главное, про государство Дуррани с самого начала нельзя говорить как про государство, созданное кочевниками. Последние лишь принимали участие в его создании и особенно в *его* завоеваниях, и извлекали из этого определенную выгоду — иногда в том, что получали дальнейшие возможности и стимулы для

отказа от номадизма (ср. с политическими образованиями Белуджистана — см. Swidler, 1978; Pastner, 1978).

Ближний Восток

К Ближнему Востоку в целом особенно подходит замечание Геллнера (Gellner, 1973: 1), которое этот ученый сделал применительно к более обширному региону. «История мусульманского Среднего Востока с самого ее начала в значительной степени может быть написана с точки зрения взаимодействия кочевников и оседлого и городского населения» (ср. Asad, 1973: 71).

На кочевую государственность Ближнего Востока также оказывали влияние разнообразные факторы, такие, как преимущественно оазисный характер земледелия, слабое развитие крупных ирригационных систем (за исключением Месопотамии, Египта и древнего Йемена), благоприятствующие централизованному управлению; разделение труда среди самих кочевников и полукочевников, иногда стремление кочевников монополизировать владение скотом (туареги, кочевники Мавритании, отчасти фулани в суданско-сахельской маргинальной зоне; см. Gallois, 1972: 301—302); сравнительно небольшая плотность и разбросанность кочевого населения на обширных территориях, характерная для многих подтипов ближневосточного номадизма, и наконец, особенно большая роль ислама — «привилегированного инструмента экспансии и влияния» (de Planhol, 1976: 126).

Тем не менее экологические и исторические условия в различных частях Ближнего Востока были столь непохожи, что кочевые государства в них обладали ярко выраженными локальными особенностями.

Отсутствие крупных ирригационных систем в Аравии, начиная со средневекового периода, и оазисный характер земледельческо-городской жизни всегда мешали ее объединению в единое государство. Помимо экологических препятствий, экономический потенциал полуострова был слишком невелик как для того, чтобы стимулировать возникновение крупных кочевых объединений, так и для создания больших и сильных оседлых государств в отличие от кочевников евразийских степей, в Аравии сравнительно

прочные объединения нескольких кочевых образований были редки и недолговечны. Так, в объединение Нури аль-Шаалана в первой четверти XX в. входили рвала, авлад али и аль-мхлаф, а также несколько небольших неаназских племен, причем сильнейшими были рвала. Все эти племена считались равными и самостоятельными. Без согласия их шейхов Нури не имел даже права объявлять войну. Все его действия по ограничению самостоятельности отдельных племен рассматривались как узурпация их законных прав и имели лишь кратковременный и относительный успех (Musil, 1928: 506, Oppenheim, 1939: 108).

Для массовой седентаризации на выгодных для кочевников условиях пригодных для культивации земель в Аравии было недостаточно. Подчинение бедуинами отдельных оазисов обычно происходило на локальном уровне.

Показательно, что первые государственные образования доисламской Аравии возникли преимущественно на периферии полуострова, где кочевники непосредственно соседствовали с более богатыми и развитыми оседлыми странами. Таковыми были государства кедаритов, набатеев, киндитов, химьяритов, лахмидов и некоторые другие.

В самой Аравии носителями центростремительных сил чаще были оседлые жители, и при этом им приходилось преодолевать сепаратистские настроения кочевников с помощью различных средств: от идеологических до чисто военных. Любопытно, что ситуация, сложившаяся в кочевых областях Аравии в VI в. н. э., до некоторой степени напоминает положение в Монголии XII в. Возникновение арабского царства в Пальмире, а затем буферных государств Хира и Гассан препятствовало свободному движению кочевников на север; оккупация Южной Аравии абиссинцами, а затем ок. 570 г. — персами, препятствовала их миграциям на юг. По сравнению с античным временем, торговля на Пути благовоний сократилась. Между 581 и 640 гг. Аравию постигла серия засух (de Planhol, 1970—444). Все это привело к перенаселению и сперва выразилось в усилении набегов и войн среди самих кочевников (Bishai, 1968: 61 — 62). Затем произошло объединение под руководством Мухаммеда — выходца из торгово-городской среды.

Своего Чингиз-хана в Аравии не нашлось. Но едва ли государство Мухаммеда просуществовало бы сколько-нибудь долго, если бы не начавшиеся широкие завоевания вне Аравии.

Первое государство ваххабитов в некоторых отношениях стремилось пойти по пути, пройденному Мухаммедом и его первыми преемниками (Васильев, 1967). Но обнаружилось, что за истекшие столетия окружающий Аравию мир изменился слишком сильно, чтобы оставить ему шанс на длительный успех.

Тем не менее время от времени в Аравии, в результате подчинения кочевниками отдельных оседлых территорий, возникали мелкие государственные образования. Примечательно, что в этих кочевых государствах в одних случаях превалировала первая, в других — вторая тенденция, хотя и тут местные особенности проявлялись достаточно заметно. Однако подробные сведения о них мы имеем только для XVIII—XIX вв.

Поскольку для массовой седентаризации не было подходящих условий, и даже экономические возможности эксплуатации завоеванных или подчиненных территорий были ограниченными, династия должна была выбирать: остаться кочевой и по-прежнему всего лишь представлять руководящее аристократическое сословие в кочевом обществе или укрепиться в оазисах, рискуя потерять при этом поддержку своих соплеменников бедуинов, потому что последние получали в таком случае мало выгоды. Неудивительно поэтому, что некоторые правители пытались лавировать, не отрезая для себя ни один из возможных путей.

Например, представители дома Аль Хумайд из племени бану халид, владевшие в XVII—XVIII вв., до образования первого ваххабитского государства, всей Аль-Хасой и частью Неджда, продолжали вести кочевой образ жизни и никогда не жили в своей столице Хуфуфе (Niebuhr, 1780, II-180; Oppenheim, 1952: 133 ff.). Сходным образом вели себя Шааланы — шейхи рвала, когда на короткий период им удалось утвердиться в Аль-Джауфе. Подобный комбинированно-оазисный путь создания государства был, однако, слишком непрочным и непостоянным.

В других случаях бедуинские шейхи, поставив под свой контроль оазисы и города, становились затем их правителями (Blunt,

1881, I: 260—261, 270), постепенно отдаляясь от своих племен, и возглавляли оседлую аристократию. Спустя некоторое время они уже с оружием в руках защищали приобретенные владения от притязаний кочевников. Тем не менее они стремились сохранять свои связи с кочевниками и поддерживать родственные отношения с бедуинской знатью. Такова, например, история эмирата Джебель-Шаммар (Першиц, 1961: 168 сл.; Rosenfeld, 1965: 81 ff.).

Уже основатель династии Ибн Рашидидов — Абдаллах, заставил признать свою власть некоторые кочевые нешаммарские племена. Первое время именно шаммары были его главной опорой. Но они стремились лишь к грабежу и сбору дани. Поэтому их влияние стали систематически ограничивать. Сын Абдаллаха — Талал, уже подчинял бедуинов с помощью тех, кого его отец с помощью бедуинов покорял поколением раньше (Palgrave, 1866: 53). Основу войска Рашидидов теперь составляли рабы, вольноотпущенники и наемники. Бедуинские ополчения привлекались лишь в качестве вспомогательных. По отношению к кочевникам политика Рашидидов была довольно двойственной. Они ограничивались лишь общим контролем за межплеменными отношениями и сбором закята — не всегда успешным. Шейхи племен и те кочевники, которые призывались к участию в военных походах эмира, от уплаты закята освобождались (Musil, 1918: 24—25). Племена управлялись собственными шейхами, пастбища оставались в их коллективном владении, и Рашидиды почти не вмешивались в их внутренние дела (Doughty, 1888, I: 537).

Рашидиды всемерно подчеркивали свою принадлежность к бедуинам, в первую очередь к шаммарам, лояльность которых они стремились сохранить различными средствами. Для оседлых жителей Джебель-Шаммара Рашидиды были эмирами, для шаммаров — просто шейхами. Они одевались в бедуинское платье, проводили в пустыне от трех до восьми-девяти месяцев в году (Huber, 1891: 165), систематически подкармливали бедняков шаммаров (Doughty, 1888, I: 610).

Престиж благородного бедуинского происхождения был столь велик в Аравии, что его любили подчеркивать даже такие оседлые правители, как Саудида, кувейтские аль-Сабахи и бахрейнские аль-Халифа (Dickson, 1951: 111).

В целом можно сделать вывод, что вплоть до образования в Аравии современного государства, бедуинское общество изнутри оставалось социально дифференцированным, но не более того. Аишь там, где оно контактировало с оседлым, где часть кочевников оседала, а кочевая аристократия становилась господствующим классом оседлого населения, неравенство приобретало классовый характер.

Но это было уже развитие оседлого, а не кочевого общества. Даже ваххабиты в XVII—XIX вв., поставившие в зависимость от себя ряд кочевых племен, не смогли изменить коренным образом их социально-политическую организацию.

По-иному происходила эволюция кочевых обществ Сахары. Уникальность туарегского общества (точнее — туарегских обществ) в числе прочих причин заключается в том, что в них больше, чем в остальных кочевых обществах, подчинение одних кочевников другим являлось основой глубокой социальной стратификации.

Большинство ученых полагает, что противопоставление благородных туарегов (Ихаггарен, Имажерен) — вассалам (Имрад, Кель Улли) связано с покорением верблюдоводами более древних кочевников Сахары — козоводов (Lhote, 1955: 200, Birket-Smith, 1957: 134, Bourgeot, 1975: 19—23, Keenan, 1977: 16—17, Gast, 1979: 202—203). Так, по мнению Николайсена (Nicolaisen, 1963: 405, 409—410, 436, 479 ff.), туарегские общества возникли на основе двух различных вариантов кочевого скотоводства. На территорию древних бербероязычных козоводов Сахары в первые века н. э. с севера вторглись берберы-верблюдоводы лемта. Новые верблюдоводческие группы появились в Тассили, Ахаггаре и Аире в результате передвижений, вызванных хилялианским вторжением в Северную Африку в XI в. Обычно их отождествляют с берберами Хаввара, ушедшими на юг из Фецана. Считается, что именно в результате их миграции и подчинения более древних номадов окончательно оформилось деление на благородных туарегов и их вассалов.

Однако Першиц (1968: 342—343) обратил внимание на гематологические исследования, демонстрирующие идентичность

групп крови благородных и вассальных племен (Mandoul et Jasquemin, 1953; *non vidi*). Поэтому, по его мнению, нет оснований относить их к различным пластам туарегского этногенеза. По мнению Першица, в основе социальных различий между благородными туарегами и их вассалами лежало диктуемое экологией разделение труда между верблюдоводами и козоводами. Более сильные в военном отношении верблюдоводы оказались в выгодном положении и смогли монополизировать владение верблюдами и даже пользование главными видами оружия. Но и эта гипотеза, по существу, не отрицает подчинения.

История формирования туарегских обществ явно была сложной и длительной, и уже поэтому нет необходимости в том, чтобы одна гипотеза полностью исключала другие. Бритва Оккама далеко не всегда пригодна для истории и антропологии.

История южных туарегов была тесно связана с историей суданских обществ и государств. Правда, нет достоверных указаний на берберское (туарегское) проникновение в районы хауса ранее XV в. (Smith, 1971: 183). Но в XV в. Тимбукту и Валата платили дань туарегам (Levtzion, 1971: 140). Поэтому я остановлюсь на более «чистом» примере северных туарегов Кель Ахаг-гара, которым посвящена обширная литература.

Можно ли утверждать, что у них было классовое общество и государство, как это делали многие исследователи? Глубокие социальные различия между двумя основными сословиями — ихаггарен и имрад налицо. «Сюзерены называют Кель Улли *тамексит*, то есть «средства к существованию». Не может быть более точного определения» (Gast, 1979: 206).

Ихаггарен — это прежде всего военная аристократия, считавшаяся собственником всей земли и имевшая право свободно передвигаться по территории своего *эттебела* (ettebel, множ. — ettebelen, дословно группа барабанов), — Николайсен (Nicolaisen, 1963: 217) называет их «вождествами». Их собственное скотоводческое (верблюдоводческое) хозяйство было очень ограниченным и в основном велось силами рабов. Их главные источники дохода были подати и повинности, платившиеся вассалами имрад, а также набеги, плата за покровительство, за пропуск караванов и т. д.

Имрад — владельцы основной массы скота, имели своих рабов. Они выплачивали ежегодные фиксированные подати как в целом всем ихаггарен своего *эттебела* в лице его вождя *амрара*, так и отдельным семьям или матрилинидгам — за покровительство. Они выпасали скот, принадлежавший ихаггарен, но могли пользоваться его узуфруктом и брать на время верблюдов в торговых целях. В свою очередь, они должны были безвозмездно предоставлять свой скот во временное пользование ихаггарен, при чрезвычайных обстоятельствах вообще отдавать им часть своего скота, участвовать в их военных предприятиях, делиться добычей, когда совершали самостоятельные набеги (Duveyrier, 1864: 273, 334 ff. f 315, 385; Benhazera, 1908: 54, 139, 148; Lhote, 1955: 194, 371; Nicolaisen, 1963: 399—400, 403—405, 436; Keenan, 1977: 32 f.; Bourgeot, 1979—147 ff.; Cast, 1979: 205 f.).

Из других вассальных сословий наиболее важными и многочисленными были исеккемарен, особенно активные в торговле (Nicolaisen, 1963: 10; Keenan, 1977: 28—29). Остальные категории зависимого населения, в том числе рабы (иклан), имели значительно меньшее производственное и социальное значение.

Судя по приведенным данным, объединение (*тегехе*) туарегов Ахаггара можно считать не просто сословным, но даже классовым. В то же время коллективные по преимуществу формы зависимости, установившиеся между ихаггарен и имрад, и присутствующие в них элементы реципрокации (в том числе в политической сфере — я имею в виду отношения военной защиты и покровительства), свидетельствуют лишь о начальных формах неразвитых классовых отношений (Nicolaisen, 1963: 404; Bourgeot, 1975: 27).

Ихаггарен являлись корпоративными носителями политической власти. Правда, имелись также индивидуальные предводители — амрары различных эттебелов, выбиравшиеся из определенных матрилиниджей. Имелся и верховный вождь — *аменукал*, который одновременно был *амраром* одного из *эттебелов*.

Для ихаггарен *амрары* были обычными военными предводителями, ведавшими организацией общественной жизни, а также редистрибуцией прибавочного продукта, поступавшего в их кол-

лективное пользование. В то же время в качестве вождей всего *эттебела амрары* регулировали взаимоотношения различных сословий, ведали распределением его территории и получали за это специальную плату. Они получали также плату за пропуск караванов и половину добычи, захваченной в результате набегов их вассалов. *Амрары* отправляли судебные функции, налагали наказания и штрафы, которые шли в их пользу, следили, чтобы имрар выполняли свои повинности и т.д. Часть этих повинностей поступала лично *амрарам* (Duveyrier, 1864: 353, 427—428; Lhote, 1955: 193; Nicolaisen, 1963: 336, 400, 435—436; Keenan, 1977: 38—9, 40; Gast, 1979: 205—206).

Характер власти *аменукала* тоже был противоречивым, хотя и в ином отношении. Сильный противовес ей представляла власть *амраров*. Но все же *аменукал* был *амраром* крупнейшего *эттебела* (Кель Рела у Кель Ахаггара, Урарен у Кель Аджер). Он имел определенный религиозный престиж и представлял объединение в целом по отношению к внешнему миру. Его власть возрастала, когда его объединение выступало как единое целое, но в XIX в. такое случалось не часто. *Аменукалы* имели самостоятельные источники доходов, сопряженные с их должностью. В частности они получали плату за покровительство от соседних племен и даже имели трех-четырех помощников (*халифа*) (Benhazera, 1908: 53, 55; Lhote, 1955: 189; Briggs? 1960: 136; Nicolaisen, 1963: 397—398, 400—401, 435; Cast, 1979: 206).

В то же время особый аппарат власти и его функционеры, характерные для любого государства, у туарегов Ахаггара фактически отсутствовали.

Грань между ранними государствами, особенно в начальной стадии их развития, и предгосударственными образованиями (например, развитыми вождествами) всегда до некоторой степени условна и трудноразличима. Тем более трудно провести ее применительно к такому специфическому обществу, как туареги Ахаггара, крайне небольшому, с жесткими сословными перегородками и высшим сословием, одно время обладавшим монополией военной силы и принуждения и выступавшим в качестве корпоративного собственника ключевых ресурсов и кол-

лективного эксплуататора зависших слоев. Более индивидуализированные формы зависимости, сколько бы важное значение они со временем не приобрели, являлись производными от взаимоотношений различных слоев туарегского общества в целом. Коллективное данничество было в этом обществе первичным, клиентелла — вторичной. В такой ситуации общество Ахаггара можно считать хотя и классовым (раннеклассовым), но еще догосударственным.

При всех обстоятельствах бесспорно, что общество туарегов Ахаггара достигло очень высокого для кочевников уровня социального неравенства при отсутствии сколько-нибудь значительных групп зависимого и эксплуатируемого земледельческого населения. В этом отношении северные туареги значительно отличались от южных. У туарегов Кель Герес соотношение «благородных» и зависимых земледельцев составляло 1:10 (Bonté, 1979:183). Но в Ахаггаре арендаторы-издольщики (изеггарен, арабск. *Harratin*) начали селиться только во второй половине XIX в., и к концу его их насчитывалось всего несколько сотен (Кеепеп, 1977: 100).

Подобная ситуация является уникальной для номадов и нуждается в объяснении. Частично оно заключается в особенностях взаимоотношений ихаггарен и имрад. По-видимому, нигде зависимость одних групп кочевников от других в рамках единой социально-экономической и политической системы не зашла так далеко, как у северных туарегов. Но это стало возможным не только из-за экологического фактора, закреплявшего хозяйственную специализацию, но и из-за военно-политической специализации ихаггарен. Создавшееся положение в некоторых отношениях было выгодно и для имрад. Они получили военную защиту и сконцентрировали в своих руках все основные виды хозяйственной деятельности, с конца XIX в. включая и торговлю. Повинности вассалов не были слишком обременительными. Нет никаких данных, указывавших бы на серьезные конфликты между имрад и ихаггарен. Не случайно многие вассалы были богаче своих благородных сюзеренов (Duveyrier, 1864: 220, 354, 355; Benhazera, 1908: 151, 160—161).

Однако мне хотелось бы обратить внимание на иное обстоятельство, связанное с социополитическими изменениями у туарегов Ахаггара, общество которых отнюдь не было статичным и маломеняющимся. До 1660 г. все северные туареги входили в состав обширного государственного образования, возглавлявшегося султанами из племени именан, считавшимся *шурфа*⁷. Какое воздействие это оказало на социополитическую организацию туарегов, можно только гадать. Зато для последующего периода, вплоть до установления французского господства, характерно постепенное ослабление их политической организации и улучшение позиций имрад в туарегском обществе.

После восстания под руководством Урарен северные туареги разделились на независимые объединения Кель Аджер и Кель Ахаггар. Первоначально все или большинство вассалов находились в прямом подчинении *аменукала* и лишь одной из благородных групп — Тегехе-н-оу-Сиди. Но уже в середине XVIII в. *аменукал* Сиди аг Мухаммед эль Хир вынужден был уступить домогательствам других групп благородных туарегов. Политическая организация туарегов Ахаггара и, особенно, уровень ее централизации вновь ослабели.

Впервые возникли три *эттебела*, возглавлявшиеся ихаггарен Кель Рела, Тайток и Тегехе Меллет. Каждый из них имел своих вассалов и пользовался очень широкой автономией. Наиболее сильным и обладавшим наибольшим числом вассалов был Кель Рела. На этой почве между тремя эттебелами происходили постоянные столкновения. Помимо этого, на протяжении XVIII—XIX вв. тауреги Ахаггара неоднократно воевали с туарегами Аира и другими своими соседями (Nicolaisen, 1963: 393 f.; Keenan, 1977: 25—32, 53 f.; Cast, 1978). На протяжении XIX в. власть *аменукала* продолжала ослабевать. Ему стало трудно поддерживать порядок даже в собственном *эттебеле* (Nicolaisen, 1963: 397—398, 401).

⁷ Шурфа — потомки пророка Мухаммеда. Буквальное значение слова — «знать, аристократия». Как правило, линиджи шурфа претендуют на особый политический и религиозный статус.

И по мере того, как продолжались внутренние неурядицы и внешние войны, медленно, но неуклонно улучшались социальные позиции имрад. По мнению Кенана (Keenan, 1977: 55 — 56), этот процесс начался уже во второй половине XVIII в. У ихаггарен возникла потребность в дополнительной военной силе. К моменту появления французов в Ахаггаре вассалы имели право владеть верблюдами и таким же оружием, как благородные. К концу XIX в. (Кеепеп, 1977: 57—61), или даже раньше (Duveygier, 1864: 331; Nicolaisen, 1963: 398, 435), они уже оказывали серьезное воздействие на выборы *амраров* и *аменукала*. Ихаггарские Таитоки начали даже практиковать браки со своими имрад (Briggs, 1960: 136; Nicolaisen, 1963: 402—403). Некоторые благородные семьи уже не столько требовали, сколько выпрашивали у вассалов традиционные платежи (Lhote, 1955: 225).

Можно предположить, что к моменту появления французов общество туарегов Ахаггара находилось накануне решительных перемен. Когда Кенан (Кеепеп, 1977: 11) характеризует их как «классовая революция», он, по-видимому, заходит слишком далеко. Но эти перемены, действительно, могли привести к падению или упадку власти благородных туарегов и смягчению или ликвидации зависимого положения их вассалов. Можно усомниться и в том, что общество туарегов Ахаггара продолжало бы оставаться даже раннеклассовым.

В туарегском обществе Ахаггара заметна третья тенденция, связанная с возникновением и трансформацией кочевых государств — разделение труда, совпадающее с линиями социальной стратификации внутри общества. Она выглядит у туарегов несколько смазанной, отчасти потому, что само государство у них так и не сформировалось, отчасти потому, что ей сопутствовали и другие тенденции, и главное, потому что разделение труда совершалось между самими скотоводами, а не между скотоводами и земледельцами. В некоторых других туарегских обществах упомянутая тенденция проявлялась более отчетливо.

Першиц (1968: 351) справедливо отметил, что в неразвитости политической организации у туарегов «сыграли свою роль и

бедность страны, и малочисленность населения, и, главное, то обстоятельство, что ни у Кель Ахаггар, ни у Кель Аджар не было ни одного крупного оазиса, опираясь на который аменукалы могли бы упрочить свою власть над кочевыми племенами».

Эту мысль можно развить и дальше. Отсутствие достаточно многочисленного эксплуатируемого земледельческого населения неминуемо должно было обратить вспять процессы социальной стратификации туарегов Ахаггара, несмотря на все особенности их социально-политической организации, вернуть их на доклассовый уровень развития. В конце концов, и в данном случае общие закономерности развития кочевых обществ возобладали бы над локальными особенностями.

Очень много своеобразных аспектов имела проблема кочевой государственности в Северной Африке (Магрибе). Раздельность проживания кочевников и земледельцев в этом регионе далеко не полная, а границы между кочевым и оседлым миром были в средние века весьма подвижными (de Planhol, 1968: 140 ff.). Даже если на зиму кочевники откочевывали в присахарские районы, их летники находились в непосредственном соседстве с обрабатываемыми землями, например, в Телле, с прилегающими районами. К тому же на юг откочевывали только верблюдоводческие группы; овцеводы в зимних перекочевках не участвовали (Dhina, 1956: 421—424).

Кроме того, для кочевников всегда были притягательными степные равнины Магриба. Переселения номадов в Северную Африку происходили не только из Азии. Неблагоприятные условия, засухи и пр. влекли также кочевников Сахары к плодородному побережью. Иногда это были завоевания, иногда постепенная инфильтрация, иногда их приглашали султаны, стремившиеся противопоставить одних кочевников другим. При этом кочевники нередко присваивали земельную собственность и ставили земледельцев в зависимое положение (Dunn, 1973: 85, 92—93).

В Северной Африке кочевники имели все основания стремиться сохранить свое положение в неизменности, потому что на протяжении многих веков они были господствующей военной си-

лой с соответствующими возможностями в эксплуатации земледельцев и горожан. Их седентаризация в средние века хотя иногда и имела место, но в очень ограниченных размерах (de Planhol, 1968: 152). Все эти обстоятельства хотя и не исключали полностью, но существенно ограничивали проявление второй тенденции в эволюции кочевых государств.

Другой особенностью Северной Африки было состояние оседлых обществ. В евразийских степях, а иногда и на Среднем Востоке, кочевникам противостояли крупные и сильные государства. Как правило, любая форма их подчинения кочевникам, не говоря уже о прямом завоевании, была возможна только в периоды их ослабления и децентрализации и/или при условии предварительного объединения и централизации самих кочевников.

В Северной Африке хилялианское вторжение XI в. нанесло сильный удар по местной оседлой государственности. Начиная с XI в. для всех государств Северной Африки проблема кочевников приобрела особо острое и постоянное значение.

Временами североафриканские государства были так слабы, что кочевники могли грабить и эксплуатировать оседлое население, не заходя в своей централизации далее племенного уровня. Но даже наиболее крупные и сильные государства не могли обойтись без их поддержки, не могли вытеснить кочевников со своей территории и уже поэтому вынуждены были идти им на различные уступки. В возникновении и, тем более, длительном сохранении кочевых государств первого типа в Северной Африке в сущности не всегда была необходимость.

Поэтому само противопоставление кочевой и оседлой государственности в ней было значительно менее резким, чем на Среднем Востоке и, тем более, в евразийских степях. Этнические, социальные и политические критерии были более расплывчатыми и неопределенными. Применительно к некоторым периодам истории Северной Африки, возможно, правильнее говорить не о противопоставлении оседлой и кочевой государственности, а о государственности вообще и ее особенностях в частности, о роли кочевников в возникновении, функционировании и смене одних го-

сударств другими⁸. Не всегда испытывая потребности в создании собственных государств, кочевники, тем не менее, играли самую активную роль во всем, что так или иначе было связано с последними (об этом см. Ibn Haldun, 1925; Marcais, 1913; Branschvig, 1940; Bmnschvig, 1947; Julien, 1956a; Terrasse, 1950; Le Tourneau, 1969; Laroui, 1970; Abun-Nasr, 1971; Levzion, 1971; Levzion, 1977; Fischer 1977).

Многие государства в Северной Африке были основаны в результате завоеваний, причем именно кочевники являлись завоевателями и нередко поставщиками династий для новых государств. Довольно быстро, однако, члены династии вместе со своими ближайшими сподвижниками переселялись в города и становились во главе оседлого общества. Но основная масса кочевников оставалась кочевниками, не испытывая ни желания, ни потребности в седентаризации.

Возникало противоречие. Династия и ее правительство стремились к централизации, упорядочиванию государственной жизни и для этого — к подчинению кочевников своей власти, или хотя бы к контролю над ними.

Но они были слишком слабы, чтобы противостоять последним. Кочевники же были заинтересованы лишь в наилучших условиях для эксплуатации оседлого населения и в сохранении своей фактической независимости от любого правительства, которое они готовы были терпеть и, тем более, поддерживать лишь постольку, поскольку его политика соответствовала их интересам.

Положение дел было немного иным в том случае, если династия по своему происхождению была выходцем из оседлой религиозной среды. Слабость государственной власти, экологические особенности, этнические различия и ряд других обстоя-

⁸ Для истории Северной Африки этот вопрос является частью более широкой проблемы о взаимоотношениях государств, с одной стороны, и племен с сегментарной организацией, с другой. Среди последних были и оседлые земледельцы, социальная организация которых походила на социальную организацию кочевников и, возможно, возникла под влиянием последних в результате своего рода цепной реакции. Их роль в создании и смене одних оседлых государств другими мало чем отличалась от роли кочевников.

тельств затрудняли создание больших кочевых объединений, необходимых для крупномасштабных завоеваний. Зато господство ислама и распространенный в Северной Африке культ марабутов создавали благоприятную почву для деятельности всевозможных святых посредников и реформаторов, способных на время сплотить кочевников на завоевания под предлогом заботы о чистоте религии. Но и в подобных государствах кочевники составляли автономную и плохо контролируемую силу, добивающуюся очередных привилегий, новых возможностей грабить и эксплуатировать оседлое население. Почти постоянные внутрдинастические распри в различных государствах Северной Африки также благоприятствовали этим целям. «Новый султан будет остерегаться разрывать связи, связывающие его с товарищами по его прошлой жизни. Это они обеспечат его военной силой, необходимой для сохранения его трона. Это они, кто обеспечит его армией, в лице необходимого кочевого контингента, называемого в современном Марокко «джиш» (джайш); они же будут племенами махзен нарождающейся империи» (Marçais, 1913: 245).

В таких условиях в распоряжении различных правительств по отношению к кочевникам было только два возможных политических средства — внешняя экспансия и старое «разделяй и властвуй». Одно из них не исключало другого.

Геллнер (Gellner, 1969: 3—4) отметил, что в средневековых марокканских государствах было три группы племен: привилегированный «внутренний круг» племен, составлявших опору династии (джиш), в пользу которых платились налоги, «средний круг» — племена, платившие налоги, и «внешний круг» — племена, отказывавшиеся платить налоги. «История Марокко может быть написана как история борьбы сменяющих друг друга династий за то, чтобы удержать власть и авторитет. Две основные проблемы, с которыми они сталкивались, были: вербовка джиш и владение и расширение податных территорий» Этот образец с некоторыми модификациями был воспринят французами в колониальный период, когда некоторые племена, в основном берберские, были поставлены в привилегированное положение по сравнению с другими.

Привилегированные племена в государствах Северной Африки не платили никаких налогов и рассматривали оседлое население лишь как объект эксплуатации. Шейхи этих племен в качестве их представителей получали от государства крупные денежные субсидии, а также фискальные и земельные пожалования за военную службу. Даже когда кочевники откочевывали на юг, они оставляли сборщиков податей со своих райятов. При этом рядовые кочевники получали свою долю доходов от эксплуатации оседлого населения (Marçais, 1913: 253 ff.; Brunschvig, 1947: 100 ff.)⁹.

Социальная дифференциация внутри кочевых племен, особенно тех, кто составлял джиш, не носила классовый характер, но по отношению к оседлому населению они являлись привилегированным сословием классового общества, а их аристократия входила в состав его господствующих классов. Шейхи привилегированных кочевых племен махзен были связаны с правителями брачными узами, участвовали в выработке важнейших решений и главных событиях в жизни государства (Marçais, 1913: 242 ff., 258—259).

Если правительство не могло или не хотело удовлетворять всех требований кочевников, если раскол между ними заходил достаточно далеко, правительство теряло необходимую ему опору в кочевой среде. Вывод Ибн Халдуна о том, что основанные бедуинами государства существуют только три поколения (Ibn Haldun, 1967: 138 ff.), был сделан на богатом историческом опыте Марокко. Поэтому правительства различных североафриканских государств чаще всего стремились не порвать полностью свою зависимость от кочевников, а по возможности лишь ограничить ее, умерить их произвол, контролировать их действия, используя для этого вражду между различными кочевыми племенами.

Империя Альморавидов возникла как довольно типичное кочевое государство первого типа. В основе религиозно-реформаторского движения, которое привело берберов санхаджа из Сахары в Марокко и Испанию, лежали вполне конкретные исторические обстоятельства.

⁹ Надо отметить, что среди племен джиш были не только кочевые, но и оседлые или перешедшие к оседлости.

Важнейшее значение для санхаджа имел контроль над транссахарской торговлей. Но в первой половине XI в на юге ему угрожала Гана, а на севере — старые противники санхаджа — кочевники заната. Положение осложнялось еще и тем, что существовавшее ранее непрочное объединение самих санхаджа прекратило свое существование. Некоторые их подразделения действовали самостоятельно. В таких условиях деятельность и проповеди Ибн Ясина открывали путь для преодоления внутренних противоречий, а также экономических и внешнеполитических трудностей (Abun-Nasr, 1971: 92, Levtzion, 1971: 127—129).

Перспектива грабежа, захвата добычи и сведения счетов с конкурентами способствовала прозелитическому рвению. Хотя лидеры Альморавидов были глубоко верующими людьми, движение в целом с самого начала имело характер большой грабительской экспедиции (Hopkins, 1958: 28). Кроме того, кочевники искали на равнинах Марокко более обеспеченной жизни, чем в песках Сахары (Abun-Nasr, 1971: 92).

Однако по мере того, как Альморавиды завоевывали оседлые страны, перед ними встал извечный вопрос: что делать дальше. Отношения между Абу Бакром и Ибн Ташфином, хотя и мирно разрешившиеся, как мы видим, были весьма показательны. Абу Бакр оставался кочевником, не желавшим покидать Сахару. Ибн Ташфин, при всем своем пуританизме, ориентировался уже на завоеванные оседлые страны. Сознательно или бессознательно, но Абу Бакр был сторонником первой тенденции в развитии государства Альморавидов, Ибн Ташфин — второй.

Хотя до смерти Абу Бакра окончательного разрыва между сахарской и магрибской частями Империи не произошло, глубокий раскол был уже налицо. Кратковременное завоевание Ганы было вполне в стиле кочевого государства первого типа. Но после смерти Абу Бакра политическое образование санхаджа в Сахаре практически распалось, альморавидское движение там быстро пошло на убыль (Levtzion, 1971: 130), а сахарские санхаджа вернулись к своей привычной борьбе друг с другом, которая и раньше сдерживалась вождями движения с большим трудом.

Но и в государстве Ибн Ташфина вторая тенденция не смогла реализоваться сколько-нибудь полно. Центр Империи был перенесен в оседлые области. Но в долговременной перспективе прочнее от этого она не стала, скорее, даже наоборот. Ибн Халдун прямо писал, что источник подкреплений Альморавидов находился в пустыне. Но чем больше вовлекались они в дела Магриба и Испании, тем слабее становились их связи с Сахарой и оставшимися в ней кочевниками и тем меньше подкреплений оттуда они получали (Levtzion, 1977: 337, 338).

Между тем, и в Магрибе, и в Испании различные слои населения рассматривали Альморавидов как иностранных завоевателей. Ни прочного союза, ни, тем более, слияния с местными господствующими классами у них не было. Положение осложнялось еще и тем, что Альморавиды подчинили себе не только оседлое население, но и кочевников. Старый конфликт между санхаджа и заната они предпочли решить силой, хотя извлекли из этого мало пользы¹⁰. В областях, населенных кочевниками, налоги можно было собирать только с помощью военной силы, поэтому они не платились годами (Hopkins, 1958: 54). Но, устранив других кочевников от выгод, связанных с завоеванием, Альморавиды подрубили сук, на котором сами сидели (Le Tourneau, 1969: 13).

Санхаджа рассматривали себя как господствующий класс и, действительно, стали таковыми. Они даже запрещали своим подданным носить *литхам* (покрывало) — свой отличительный знак. Они получили различные выгоды и привилегии от династии, из них назначались военные командиры, одновременно являвшиеся губернаторами провинций. При Альморавидах впервые была введена практика земельных пожалований за службу (Hopkins, 1958: 83).

Правда, Альморавиды не могли обойтись без образованных андалузских секретарей. Роль андалузцев в их государственном аппарате напоминает роль персидской бюрократии в Империи Сельджуков, хотя влияние первых все же было более ограниченным.

¹⁰ По мнению Геллнера (из личной переписки) вся теория санхаджа /масмуда /заната очень преувеличена французской историографией.

Но даже среди самих санхаджа привилегии распределялись неравномерно. Наиболее привилегированным племенем были ламтуна. Именно они составляли ядро армии и новой аристократии. Альморавидская Империя в социально-политическом отношении представляла собой гегемонию одной племенной группы кочевого происхождения над многочисленным оседлым и кочевым населением (Abun-Nasr, 1971: 101). Подобная социальная база была слишком узкой. Несмотря на весь свой религиозный фанатизм и войны с христианами, именно Альморавиды первыми в Северной Африке ввели практику использования войск, состоявших из христианских наемников (Hopkins, 1958: 54; Levtzion, 1977: 334). Но это, конечно, не было решением проблемы.

Сын и наследник Ибн Ташфина — Али, вырос уже не в пустыне, а в городской андалузской среде, но социальная база его государства от этого шире не стала. «Короче говоря, за красивым фасадом Альморавидекой империи находилось переходное общество и различные его части, собранные по указу Юсуфа ибн Ташфина, не очень хорошо подходили друг другу» (Le Tourneau, 1969: 14—15).

Империя Альмохадов была создана не сахарскими кочевниками, а горными земледельцами масмуда. Но кочевники играли в ней все возрастающую роль и, в то же время, были плохо контролируемой и управляемой силой. К середине XII в. Бану Хиляль уже укрепились в Ифрикии и отчасти в Среднем Маг-рибе; Бану Макиль продвигались вдоль границы Сахары к Дальнему Магрибу. Заната чаще всего действовали как союзники арабских кочевников.

Единственное, что пыталось делать правительство, это противопоставлять одни группы номадов другим (Abun-Nasr, 1971: ПО, 112). Уже Абд аль-Мумин, чтобы ослабить могущество арабских племен в Ифрикии и Среднем Магрибе, переселил часть их в Марокко и предоставил им земли между Рабатом и Касабланкой, рассчитывая создать из них опору для своей династии (Marcais, 1913: 187; de Planhol, 1968: 140; le Tourneau, 1969: 66). В результате арабы и арабизированные заната быстро стали главной военной силой в государстве. Они получали пастбища и обрабатывав-

мые земли в кормление и не только были освобождены от уплаты налогов, но сами взыскивали их с оседлого населения (Marçais, 1913: 250; Julien, 1956a: 111—112; Levzion, 1977: 343). При этом они не упускали и возможности прямых грабежей.

Их верность династии зависела исключительно от соображений собственной выгоды. В последний период существования Альмохадского государства их влияние еще больше усилилось, потому что кочевники принимали активное участие в династийных распрях, поддерживая одних претендентов против других.

Пришла ли оседлая жизнь в упадок из-за кочевников или, напротив, кочевники всего лишь воспользовались обстоятельствами уже начавшегося упадка (de Planhol, 1968: 141; Le Tourneau, 1969: 103—104), но при Альмохадах на долгое время сложилось положение, когда кочевники прочно заняли привилегированное положение в государствах Северной Африки, безотносительно к обстоятельствам их возникновения.

При Абдельвадидах, Меринидах и Хафсидах роль кочевников еще более возросла. Первые две династии сами происходили из знатных кочевых родов, и поэтому кочевая аристократия претендовала в их государствах на исключительное положение. Но и у Хафсидов (Brunschvig, 1940; Brunschvig, 1947) бедуинские шейхи приравнивались к высшему слою аристократии — потомкам альмохадов. Хафсидские правители и не пытались вмешиваться во внутренние дела кочевых племен. Зато именно в их государстве с конца XIII в. достигла своего расцвета массовая раздача кочевникам земель в *икта* (Julien, 1956a: 140). В XIV в. в *икта* переходили уже целые провинции.

Стремление отдельных султанов противодействовать этому процессу успеха не имело. Положение ухудшалось еще больше из-за соперничества различных кочевых объединений. Оседлая жизнь во внутренних областях государства хирела. *Оседлые* обитатели равнин стали укрываться за стенами городов (de Planhol, 1968: 152—154). Города процветали только на побережье, но они были ориентированы на внешнюю торговлю и оторваны от собственного хинтерланда.

Когда занатское племя Бану Мерин добилось в начале XIII в. первых побед над Альхомадами, оно уже не вернулось в пустыню, а вступило в борьбу за Марокко, куда его, как и многих других, влекли хорошие пастбища и перспектива добычи. Вождь Бану Мерин — Абу Яхья заранее распределил еще не завоеванную страну на области, предназначавшиеся во владение отдельным подразделениям племени. В дальнейшем Мериниды вынуждены были опираться на поддержку отдельных занатских и арабских племен, в то же время воюя с другими племенами кочевников. Меринид Абу-л-Хасан, на короткий срок сумевший установить свою власть над всем Магрибом, правда, пытался отменить право арабских племен собирать налоги с земледельцев и даже стремился контролировать их перекочевки, но был разбит кочевниками в 1348 г. в битве при Кейруане (Abun-Nasr, 1971: 129).

Государство Абдельвадидов (Julien, 1956a) также было основано кочевниками заната. Хотя его основатель Ягмурасан ибн Зайян, обосновавшись в Тлемсене, раздавал земли арабам суейл, первые Абдельвадиды всячески подчеркивали свое происхождение. Они оставались шейхами своего племени, выступали в поход во главе его, демонстративно советовались с другими шейхами. Лишь Абу Хаммув в начале XIV в. завершил превращение кочевого шейха в султана оседлого государства.

Уже Ягмурасан стремился к тому, чтобы кочевники покинули пределы его государства. Однако его неудачи в этом отношении привели лишь к новым вторжениям и приглашению других племен, быстро обретших силу и влияние в государстве. По свидетельству Ибн Халдуна, в 1380 г. реальная власть абдельвадидских султанов не выходила за пределы прибрежных территорий. Все остальное было роздано в *икта*.

В специфических условиях Северной Африки оба пути, открывавшиеся перед кочевой государственностью, по существу, оказывались тупиковыми. Сразу же после завоевания оседлого общества кочевники переставали испытывать нужду в централизованной власти, потому что в оседлом мире не находилось силы, способной им противостоять. Нужда в государстве первого типа отпадала.

Поэтому, если руководители завоевания не желали вновь оказаться на положении обычных кочевых шейхов, они должны были переселяться в города и становиться правителями оседлого общества, т.е. делать шаг в сторону второй тенденции. Они стремились править оседлым населением, но не могли расстаться с главной опорой своего господства — поддержкой соплеменников или племен, входивших в джиш.

Однако кочевники не желали ни оседать, ни интегрироваться в социополитическую систему нового государства, а среди оседлых слоев этого государства не было силы, способной принудить их сделать это. «Ни одного конкретного решения не было найдено для этих проблем. Успешные марокканские династии использовали различные принципы рекрутирования своей военной силы: племена, из которых они происходили; иностранцы (например, христианские наемники); арабские племена, разбитые и плененные в заграничных походах; обученные армии из негров-рабов; или сочетание привилегированных племен и постоянной армии» (Gellner, 1969: 4).

Но все эксперименты были неудачными. Только турки, сравнительно прочно утвердившиеся в Тунисе и Алжире, оказались успешнее других. Вопрос о том, почему им удалось это, заслуживает специального изучения. Не претендуя на ответ, я лишь замечу, что сила Османской империи была несравненно больше, чем сила любого из средневековых североафриканских государств. В самой же Северной Африке кочевые династии, представляя интересы оседлого общества, в то же время принуждены были опираться на кочевников и способствовать им в эксплуатации земледельцев и горожан. Желая того или нет, но они, даже утратив связь с кочевым бытом, по существу отождествив свои интересы с интересами оседлого государства, не могли окончательно превратить свои государства в государства второго типа и, тем более, не могли примирить различные интересы внутри своих государств.

Лишь в позднем средневековье отдельным правителям удавалось на время ограничить деструктивную роль кочевников в своих государствах. Марокканский Мулай Исмаил в этом отно-

шении несколько напоминает шаха Аббаса I. Но его деятельность и успехи были всего лишь кратковременным историческим эпизодом. Поэтому и социальные отношения, существовавшие у североафриканских кочевников, довольно противоречивы. По отношению к государству в целом племена, составлявшие джиш, являлись привилегированным сословием классового общества, а кочевая аристократия — одним из господствующих классов. Но по отношению к собственным соплеменникам она выступала всего лишь как руководящий слой. Рассматриваемые изнутри, эти племена представляли собой уже дифференцированные в социальном отношении, но еще доклассовые общества, или субобщества, когда они были так или иначе включены в состав государства. Однако поскольку даже инкорпорация тех или иных кочевников в состав различных государств не была постоянной, значительная осцилляция социальных процессов у североафриканских кочевников была одним из постоянных факторов их средневековой истории.

Восточная Африка

Проблемы, связанные с возникновением кочевой, точнее скотоводческой, государственности в этом регионе, по существу, сводятся к истории государств Межозерья. В прошлом эти государства служили обоснованием широких теорий вроде «хамитской» или «завоевательной», которые в настоящее время пользуются плохой репутацией.

О завоевательной теории происхождения государства я уже писал выше. Хамитскую теорию в том виде, в котором она была предложена Спекем (Speke, 1864) и его последователями, в настоящее время можно считать опровергнутой (см., например, Macgaffy, 1966; Sanders, 1969). Однако обстоятельства возникновения государств Межозерья от этого яснее не стали. Скорее напротив, никогда не высказывалось столько противоречивых мнений по данному вопросу, как в последние годы.

Я не берусь решать проблему во всей ее полноте — для этого сейчас просто не хватает позитивных данных. Взамен я попытаюсь сгруппировать уже известные факты и гипотезы, на

мой взгляд, лучше других соответствующие этим фактам, и на этой основе сделать некоторые предварительные заключения.

Социально-политическая организация и даже экономика государств и вожеств Межозерья накануне колониального периода отнюдь не были столь однородными, как принято было думать еще недавно. Наличие некоторых общих политических и идеологических институтов не может заслонить существенных различий (Beattie, 1971: 245 ff.). Не может это сделать и представление об одинаковом уровне развития государств Межозерья, как бы он ни определялся различными учеными: как феодальный или раннегосударственный, «азиатский» или «африканский», деспотический или бюрократический. Достаточно сравнить Буганду и Руанду, Буньоро и Анколе, чтобы различия стали очевидными. Историческое развитие в каждом государстве Межозерья имело свои особенности. Едва ли будет слишком смелым предположить, что и в возникновении их могли иметься локальные различия.

За исключением Буганды, государства Межозерья не были этнически гомогенными. В большинстве их население делилось на группы, которые условно можно именовать этно-социальными слоями: тутси (хима, хума), хуту (иру), а кое-где еще и тва.

Физические различия между ними слишком заметны, чтобы их можно было объяснить иначе, чем различным происхождением. Те, кто склонны видеть в них только лишь следствие социальных различий в результате хозяйственной специализации и различий в системах питания (Posnansky, 1966a: 6), следуют за Лысенко или, в лучшем случае, за Ламарком, но отнюдь не за современными генетическими теориями (cf. Hiernaux, 1966).

Напротив, данные антропологии и связь тутси со скотоводством, так же как разводимая ими порода крупного рогатого скота — санга, достаточно надежно указывают на их северное происхождение.

Очевидно, появление их предков в Восточной Африке было связано с многочисленными миграциями туда скотоводческих племен. Нет необходимости предполагать при этом единовременную миграцию. Предки тутси могли появиться в Межозерье в разное время и из разных мест (Mail, 1962: 129; d'Hertefeld, 1962:

17; d'Hertefeld_F 1965: 406; Lemarchand, 1966: 599; Posnansky, 1967: 645; Oliver, 1977: 626 ff.). Но, действительно, окончательное формирование самих тутси произошло уже на месте при участии бантуязычных предков хуту. Этим, а также последующим этническим смешением объясняются языковая ассимиляция тутси и появление промежуточных антропологических типов (d'Hertefeld 1962: 17—18).

Нет никаких оснований для предположения (см., например, Oberg, 1940: 121; Oliver, 1961: 58; Dunbar, 1965: 24), что скотоводы принесли в Межозерье государственность в уже готовом и сформировавшемся виде. Однако не обязательно и представлять их по образцу таких слабо дифференцированных в социальном отношении восточноафриканских скотоводов, как каримоджонг или туркана.

Если местная традиция о культуртрегерах басвези (Nyakatura, 1973: 17 ff.), в отличие от традиции о батембузи (ср., однако, Cohen D.W., 1972: 80 ff.), имеет под собой реальное основание, а таково, кажется, мнение большинства специалистов (ср., однако, Wngley, 1958: 16; Henige, 1974: 44—45), то скорее надо предположить, что в XIV—XV вв.¹¹ в Уганде обитала группа скотоводов, уже дифференцированных в социальном отношении, во главе которых стоял линидж или клан басвези (Dunbar, 1965: 2, 24; ср. Steinhart, 1978: 132). Другой возможный вариант, кажущийся мне менее вероятным, что басвези — обозначение как самих скотоводов, так и их предводителей. Однако местные легенды разделяют басвези и бахима, подчеркивая, что первых было мало. Имеются и другие аргументы против их отождествления (Posnansky, 1967: 642; Nyakatura, 1973: 249; ср. Dunbar, 1965: 21, 45). В целом отношение басвези к бахима остается сложной и нерешенной проблемой.

При всех обстоятельствах данные археологии о Биго и других поселениях с их «большими земляными укреплениями», сооружение которых требовало концентрации и организации большого количества рабочей силы (см Posnansky, 1966a), подтвер-

¹¹ Все даты, связанные с рассматриваемым периодом в Межозерье, все еще надо рассматривать как условные.

ждают мнение, что общество басвези уже знало институционализированное социальное неравенство.

Но если скотоводы к моменту их появления в Уганде или в процессе их утверждения в ней были уже социально дифференцированными, то для этого должны быть какие-то причины. Они могли быть связаны с их предысторией или с обстоятельствами их миграции и обоснования в Уганде, или, наконец, историей их пребывания в последней.

Исчезновение басвези из Уганды скорее всего объясняется их очередной миграцией по неизвестным нам в точности причинам, может быть, из-за давления новых групп скотоводов с севера (луо?) приблизительно в конце XV в. (Posnansky, 1967: 634; Ogot, 1967: 46), усугубленном стихийными бедствиями (Dunbar, 1965: 24). По-видимому, басвези все еще оставались если не настоящими кочевниками, то подвижными скотоводами. Но та легендарная память, которую они оставили о себе в Межозерье, и стремление различных династий в некоторых ее государствах, обоснованно или нет, связать свое происхождение с басвези (Posnansky, 1966a: 5; Beattie, 1971: 57; Oliver, 1977: 636), требуют какого-то объяснения.

Возможно, при басвези в Межозерье, помимо экономических, если не впервые установились, то впервые приняли четкие контуры какие-то социополитические связи между скотоводами и земледельцами, и басвези смогли на время стать руководителями как различных скотоводческих, так и земледельческих групп. Отсюда ведет свое происхождение легендарная традиция об «империи» Китара. В сущности единственное, на чем сходится большинство ученых в данном вопросе, это важная роль взаимодействия скотоводов и земледельцев в ее возникновении.

Правда, существует мнение, что земледельцы в Межозерье имели собственную государственность еще в период, предшествовавший скотоводческим миграциям (Wrigley, 1958: 16, 17; Lewis H.S., 1966a: 405; Katoke, 1971; ср. Murdock, 1959: 350). Однако для него нет серьезных оснований (Steinhart, 1978: 134). Самое большее, что можно допустить, это наличие мелких вожеств. Государства в Межозерье возникли позднее, после скотоводческих миграций, и то далеко не сразу.

Появление в Межозерье нилотов луо и смена басвези династией бито в Буньоро, как стала называться теперь Китара, очевидно, не означали полного возврата к прежнему состоянию до басвези. Напротив, преемственность развития во многом сохранялась. На юге государства и вожества с династиями, своим происхождением связанными с хима, отчасти могли возникать как реакция на миграцию луо и установление власти бито

Как бы то ни было, в результате миграций скотоводов, которых смогли возглавить басвези, и дальнейших скотоводческих миграций между скотоводами и земледельцами на территории Межозерья установилась определенная экономическая взаимозависимость. С чисто хозяйственной стороны земледельцы, очевидно, были также заинтересованы в приобретении скота и продуктов скотоводческого хозяйства, как скотоводы — земледельческих продуктов и, возможно, ремесленных изделий (о последних см. Elam, 1974: 160, 167). В некоторых районах скот был важен также для удобрения полей (Oliver, 1977: 640). И повсюду обладание скотом приобрело престижное и, соответственно, социальное значение.

Сервис (Service, 1975: 120—123) подчеркивает договорный характер сбалансированных отношений политической кооперации, установившихся в Анколе, которые, в известной мере, были выгодны и для иру. Однако разделение труда между скотоводами и земледельцами не основывалось на чисто экономической обменной основе. Оно должно было сопровождаться установлением определенных социальных и политических связей. Возникающая единая социополитическая организация могла создаваться как мирными так и немирными средствами (Lemarchand, 1966: 598).

В одних случаях, как в Буганде, баланс сил оказался на стороне земледельцев и статус пастухов хима был очень низким. В других — перевес был на стороне скотоводов. Кроме того, в различных государствах этот баланс не всегда оставался неизменным, а правящие в них династии могли иметь различное происхождение с большинством господствующего класса. Примечательно, однако, что позиции скотоводов были слабее всего в тех областях, где было меньше хороших пастбищ и больше земли, годной для культивации (Mair, 1962: 30).

Так, Буганда малопригодна для развития скотоводческого направления экономики (Kottak, 1972: 373), Условия повышенной влажности благоприятны для тропического земледелия; в то же время 32 % площадей в Уганде заражены мухой цеце (Baker, 1963: 20). Напротив, в Анколе большая часть страны была отведена под пастбища (Elam, 1973: 162 ff.).

Там, где скотоводы оказались, в конце концов, сильнее земледельцев, возникающая единая социополитическая организация была основана на таком разделении труда с земледельцами, из которого первые извлекали наибольшую выгоду. В большей или меньшей степени происходила монополизация владения скотом, и общественное разделение труда стало принудительным¹², а реди-стрибутивные механизмы укрепляли позиции династии и связанной с ней элиты (Oberg, 1940: 130; Maquet, 1961: 164—165; d'Hertefeld, 1965: 423 ff.; Lemarchand, 1966: 608; Elam, 1973: 161, 171). Основное направление социальной стратификации совпадало с хозяйственной специализацией и этническими различиями и, тем самым, приобрело более или менее выраженную тенденцию к кастообразованию. Таким образом, третья тенденция в возникновении кочевой (скотоводческой) государственности именно в Восточной Африке проявлялась как ведущая.

Разумеется, не все скотоводы были включены в состав господствующего класса и не всем земледельцам доступ в него был закрыт. Ограниченная социальная мобильность всегда существовала. Ни в одном обществе она никогда не равняется нулю. Но в государствах Межозерья внешне она чаще всего оформлялась в рамках установившегося социально-этнического клише, основанного на противопоставлении тутси и хуту (d'Hertefeld, 1971: 56—57; Steinhart, 1978: 145).

Как уже отмечалось, все это не более чем гипотетическая общая схема. Формирование и дальнейшее развитие каждого из государств Межозерья имели свои особенности. В одних из них разделение между тутси и хуту наблюдается более отчетливо.

¹² Среди иру в Анколе существовало предание, что когда-то они имели скот, но он был отобран у них хима (Oberg, 1940: 130, ср Steinhart, 1978: 142).

В других — практически отсутствует (Mair, 1962: 134—7; Beattie, 1971: 139; Steinhart, 1978: 147). Например, в Буньоро в XIX в. после резкого сокращения поголовья крупного рогатого скота разделение между хима и иру в значительной степени утратило свое социальное значение. Любой, кто имел много скота, мог стать хима (Beattie, 1971: 24).

Однако необходимо отметить, что значительные трансформации происходили среди скотоводов даже в тех государствах, в которых они занимали доминирующее положение. Не только династии и их приближенные, но и большое количество рядовых кочевников перешли на оседлый образ жизни. Таким образом, вторая тенденция, хотя и в очень специфической форме, также проявлялась в историческом развитии государств Межозерья. Соответственно, возникновение и трансформация этих государств в целом не противоречат общей модели появления и развития государственности среди кочевников и, шире, среди экстенсивных и подвижных скотоводов. Особый характер их взаимодействия с внешним миром или особая интеграция с ним (или внутри него) явились самыми важными предпосылками и характеристиками кочевой государственности в Восточной Африке.

Выводы

Материалы этой главы показывают, что только в отдельных, редких случаях кочевое государство возникало без завоевания и покорения оседлого населения. Такие государства были лишь не более чем краткосрочными эпизодами в истории. Они появлялись как результат весьма специфических проблем, с которыми сталкивалось кочевое общество, обычно накануне завоеваний и ради завоеваний. Однако только само завоевание обеспечивало стабильное существование таких государств. Точно так же как вождества, предшествующие им, могут быть названы ситуационными, такие государства также могут быть определены как ситуационные.

Не так давно Классен и Скалник (Claessen and Skalnik, 1978a: 627) писали: «Не совсем ясно, завоевание ли ведет к формированию раннего государства, или, напротив, формирование раннего го-

сударства ведет к завоеванию». Среди кочевников наблюдаются оба примера, однако первый является более распространенным. В возникновении кочевых государств роль завоеваний, вторжений и насилия в целом настолько заметна, что в контрверзе «конфликт — интеграция» первый решительно преобладает. Но такой конфликт в основном выносился во внешний мир, за пределы самих кочевых обществ.

В эволюционном и даже структурном отношении ситуационные государства подобны «зарождающимся ранним государствам», по определению Классена и Скальника (Claessen and Skalnik, 1978a: 629—33; 1978b: 641). Различия между ними заключаются в степени стабильности и в направленности их дальнейшей эволюции. Как только возникает кочевое государство, оно должно иметь особые отношения с внешним миром и определенные формы таких отношений. Оно не может существовать продолжительное время исключительно за счет внутреннего развития кочевых обществ. Чтобы существовать и поддерживать стабильность на протяжении длительного времени, кочевое государство должно или инкорпорировать в себя часть внешнего мира, представленную его оседлым населением, или, прямым или косвенным образом, подчинить себе оседлое население. Однако именно поэтому такие государства не являются чисто кочевыми государствами в прямом смысле.

За исключением ситуационных государств, все другие кочевые государства могут только условно считаться кочевыми. Они кочевые только в том смысле, что были основаны кочевниками или что кочевники в них занимали доминирующие позиции. Но рассуждать применительно к ним о кочевниках вообще будет неправильно. Следует всегда точно выяснить, кто именно обладал властью, а также против кого и в какой форме эта власть проявлялась.

Первая социальная демаркация в кочевых государствах возникала между кочевниками и оседлым населением. Другой характерной чертой кочевых государств является их определенная гетерогенность. Пусть не во всех, но в большинстве таких государств существовало несколько правящих и зависимых сло-

ев и классов, а также зачастую промежуточные слои, своего рода «средние классы».

Как правило, слои и классы кочевых государств образуют две субсистемы (или два субобщества), связанные между собой преимущественно политическими узами. Известны случаи и более глубокого и органичного синтеза. Однако, во-первых, они обычно вторичны и возникают в результате упомянутых выше политических отношений, и, во-вторых, они редко развиваются до полного слияния двух субсистем в одну.

Социальный характер оседлого субобщества, главным образом, определялся отношениями, которые были присущи ему до его подчинения или завоевания кочевниками. Если после завоевания зависимость оседлых субобществ проявлялась лишь в политической сфере, они обычно не претерпевали серьезных изменений, особенно когда зависимость была всего лишь вассальной. Даже если завоевание сопровождалось разрушением оседлого государства и инкорпорацией его населения в новое кочевое государство, основные изменения происходили в политической сфере.

Некоторые изменения происходили в социальной структуре оседлого населения. Но они в большей степени затрагивали правящие слои и классы, чем зависимые группы населения. Определенные модификации в социальной и экономической системе оседлого субобщества также иногда имели место, но, как правило, они не были столь значительными, чтобы привести к каким-либо качественным трансформациям.

В действительности, в кочевом субобществе кочевого государства могли происходить более фундаментальные изменения. Во-первых, такое субобщество впервые становилось классовым обществом, не всегда полностью, но всегда весьма своеобразным образом. Наиболее оригинальная сторона формирования классов в кочевых субобществах кочевых государств, на мой взгляд, состоит в том, что их различные слои и группы становятся классами одновременно и не по отношению друг к другу

Обычно первой становилась классом кочевая аристократия, но не по отношению к простым кочевникам, а по отношению к подчиненному и завоеванному оседлому населению/ В то же вре-

мя в течение более или менее продолжительного периода она оставалась всего лишь руководящим сословием рядовых кочевников. Часто процесс социальной дифференциации в кочевом субобществе останавливался на этом этапе. В других случаях кочевая аристократия становилась классом по отношению к простым кочевникам. Однако даже там, где это происходило, классовый характер обоих субобществ: кочевого и оседлого, был различным.

Со времен Владимирцова (1934) постоянно обсуждалась проблема так называемого «кочевого феодализма». В течение многих десятилетий она особенно серьезно дискутировалась в советской антропологии и истории (более подробно см. Хазанов, 1975; Марков, 1976; Першиц, 1976; см. также Khazanov, 1984: 123-124). Однако, как правило, остается неясным, что обсуждается — ситуационные государства кочевников, сравнительно редкие и неустойчивые политические образования, или кочевые субобщества в кочевых государствах в широком понимании.

Однако, на мой взгляд, ни первые, ни вторые не могут быть определены как феодальные. Как правильно отметил Леттимор (Latimore, 1979: 488): «Международные термины, как, например, «феодальный», подчеркивают схожие черты, но часто скрывают различия». Можно, конечно, утверждать, что все зависит от понимания феодализма, от того, является ли он, прежде всего, социально-экономическим или политическим феноменом. Однако любые черты феодализма, которые считаются основными обеими научными школами, в действительности не характерны для кочевников.

Выдающийся советский медиевист А. Я Гуревич (1970: 7) определил феодализм следующим образом: «Феодальная формация характеризуется наличием противоречия между крупной собственностью на землю и мелким крестьянским производством и внеэкономическим принуждением, необходимость которого вытекает из основного противоречия; так как крестьянин ведет собственное домашнее хозяйство, присвоение произведенного им излишка возможно только при применении силы в той или иной форме. Связанные с этой системой производственные отношения определяются такими особенностями феодализма, как условный

характер феодального землевладения и иерархия структуры, а также иерархия правящего класса. Такое понимание феодализма дает нам прочную основу для изучения специфических проблем истории средних веков».

Однако далее в своей книге Гуревич указывает, что предложенное им определение является не более чем неполной теоретической моделью. С одной стороны, эта модель включает черты, которые характерны не только для феодализма; с другой стороны, далеко не всегда и не в одной и той же форме они применимы даже к средневековым государствам Западной Европы. Гуревич сам пришел к данным заключениям. Я хотел бы расширить большинство из них с помощью другого определения феодализма, данного великим историком Марком Блоком (Marc Bloch, 1974, II: 446): «Подчиненное крестьянство» широкое применение земельных пожалований (феод) вместо денежной платы, о которой не могло быть и речи; господство специализированного класса воинов; узы подчинения и защиты, которые связывали человека с человеком, а внутри воинского класса приобрели специфическую форму, называвшуюся вассалитетом, и неизбежно ведущую к беспорядку; и в сердцевине всего этого, выживание других форм объединений, семьи и государства...»

Но наиболее важным является то, что в отношении кочевников неприемлемо ни одно определение. В связи с этим показательна одна из недавних попыток доказать феодальную природу монгольского государства, предпринятая Мункуевым. Отметив, что идея централизованной монархии была чуждой Чингиз-хану и что, по этой причине, его государство было основано на улусной системе, Мункуев приходит к следующему выводу: «Поэтому в Монголии с самого начала феодализм возник в классическом и политическом смысле (я не имею здесь в виду вышеуказанные социально-экономические отношения) с характерным ему наличием вассальной зависимости и другими институтами» (1977: 393).

Я уже писал о весьма специфической и относительной природе монгольского вассалитета (см. Khazanov, 1984: 158, 159—160). Очевидно, что отсутствие централизованной монархии также недостаточное доказательство для того, чтобы идентифицировать

государство как феодальное. Что касается социальных и экономических отношений, то Мункуев (1977: 387) ссылается на три структуры: *отогу-бойол*, *нокур* и домашнее рабство. Ни одна из них не может быть охарактеризована как феодальная (см. Khazanov, 1984: 159—160). В этом случае очевидно, что предвзятая оценка Мункуева противоречит фактам.

Что касается оседлых субобществ в кочевых государствах, то могу лишь заметить, что поскольку я склоняюсь к узкому регионально-временному пониманию феодализма как преимущественно европейского средневекового феномена, я также не считаю их феодальными.

Следует различать феодализм как целостную социально-экономическую и политическую систему и отдельные феодальные элементы и институты (например, вассалитет). Некоторые из них распространены значительно шире, чем сам феодализм. Еще чаще они лишь внешне совпадают с феодальными (ср. Service, 1975: 82). Тем не менее именно на основании наличия подобных институтов в том или ином обществе его иногда без достаточных оснований объявляют феодальным.

Кочевое общество (субобщество) в тех случаях, когда оно вообще достигает классового уровня, является раннеклассовым и остается таковым. Во всяком случае, до тех пор, пока оно продолжает быть кочевым и политически самостоятельным. Оно может вновь стать доклассовым, но даже в том случае, если оно оказывается подчиненным оседлому обществу, развитые классовые отношения проникают в него с трудом и извне.

Под раннеклассовым кочевым обществом я понимаю общество:

а) в эволюционном ряду занимающее место между доклассовым (первобытным) и развитым классовым обществом; б) в котором частная собственность на основные ресурсы отсутствует или в котором это обстоятельство не является главным критерием социальной дифференциации; в) в котором различные отношения основных слоев, сословий и классов к производству и распределению не связаны непосредственно с отношениями по поводу собственности на основные ресурсы; г) в котором основные соци-

альные различия связаны с политическим доминированием и зависимостью, которые в большинстве случаев определяются различными социальными отношениями к правящим и управленческим институтам общества; д) в котором существуют регулярное налогообложение и/или в котором зависимые слои и классы выполняют другие обязательства перед государством и правящими слоями и классами.

Возвращаясь к трем типам кочевой государственности, выделенным ранее, необходимо уточнить, что они имеют отношение к кочевым государствам в широком смысле, а не к ситуационным государствам кочевников. Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эти типы, в первую очередь, являются условными и упрощенными теоретическими моделями. В действительности, применительно к конкретным обществам можно говорить лишь о более или менее отчетливом преобладании соответствующей тенденции и степени ее реализации.

Социальные отношения в кочевых государствах первого типа определяются тремя основными факторами: а) отношением кочевников в целом к завоеванному или подчиненному оседлому населению или оседлому государству; б) отношениями между кочевой аристократией и оседлым населением или оседлым государством; в) отношениями между кочевой аристократией и рядовыми кочевниками.

Иногда к трем факторам прибавляется четвертый: отношения между различными кочевыми объединениями, политическими образованиями, племенами, этническими группами и т.д.

В государствах первого типа отношения господства и подчинения или зависимости, установившиеся между кочевниками, особенно между кочевой аристократией и оседлым населением, в целом являются основными. Безусловно, что само существование такого государства зависит от этих отношений. Соответственно, внешние формы зависимости и эксплуатации доминируют над внутренними. Чем сильнее само господство, тем более отчетливее проявляется тенденция, характерная для государств первого типа. В государствах первого типа кочевые и оседлые общества не всегда даже образуют отдельные субобщества, разделенные в

социальном, социально-политическом, а часто и географическом отношениях. Когда оседлое государство продолжало существовать, а его зависимость от кочевого государства была только вассально-даннического типа, кочевники, с одной стороны, и земледельцы и городские жители, с другой, в основном продолжали жить в двух отдельных обществах.

В этом случае отношения между кочевой аристократией и рядовыми кочевниками могут приобретать раннеклассовую форму, хотя чаще всего они остаются доклассовыми. В отношении к кочевому обществу или субобществу аристократия часто действует как руководящее сословие, но, безусловно, не как господствующий класс. Рядовые кочевники остаются основной военной и социальной опорой кочевой аристократии, и среди кочевников в таких государствах продолжают действовать механизмы редистрибуции.

Ситуация не претерпевает фундаментальных изменений, если при вышеотмеченных обстоятельствах кочевники и оседлое население объединяются в единое государство. В таком государстве существует, по крайней мере, два правящих класса: новый кочевой и старый оседлый (или старые оседлые), и отношения между ними очень обострены. Положение непривилегированного оседлого населения в таких государствах обычно ухудшается, а уровень его эксплуатации увеличивается; однако положение рядовых кочевников в основном сохраняется прежним.

В государствах второго типа кочевники и оседлое население также могут образовывать два отдельных субобщества, но только в социальном, а не политическом или географическом отношении. Однако интеграционные процессы проявляются в них значительно сильнее, чем в государствах первого типа. В социальной сфере даже намечается тенденция стирания границ между двумя субобществами, но на практике она не осуществляется в полной мере. До определенной степени политический синтез всегда сопровождается социальным, но это зависит от конкретной ситуации.

Главными факторами, определяющими социальные отношения в государствах второго типа, являются: а) отношение правящих классов к крестьянству как зависимому и эксплуатируемому классу; б) отношения между самими правящими классами, особенно

между старыми и новыми, оседлыми и кочевыми; в) отношение правящих классов к рядовым кочевникам.

Если в государствах первого типа положение кочевой аристократии (правлящий класс — ведущее сословие) является по преимуществу двойственным, то в государствах второго не менее двойственным является положение рядовых кочевников (подданные -соплеменники). Однако рядовые кочевники не только не являются основным классом в таких государствах, но даже редко образуют одно сословие или класс.

Чем полнее реализуется вторая тенденция, тем более дифференцированным становится кочевое субобщество. Среди кочевников государства второго типа в большей степени, чем в государствах первого типа, проявляется их разделение на привилегированных, менее привилегированных и непривилегированных, основанное на связях с династией и кочевой аристократией, их этнических и племенных связях и т. п. Обычно в них формируются несколько промежуточных сословий или слоев, некоторые из которых ближе к правящему классу, а другие ближе к зависимым слоям населения. Поэтому не всегда можно сказать, что в таких государствах правительство или правящие классы имеют особую политику по отношению к простым кочевникам. Обычно эта политика варьирует применительно к различным слоям, группам и объединениям кочевников и в различные периоды существования государства.

В отношении кочевого субобщества процесс интеграции в государствах второго типа может принимать различные формы. Однако в целом он характеризуется социальной неоднородностью и отсутствием одновременного воздействия. Обычно он воздействует в первую очередь на династию и ее непосредственное окружение, правящие государством, а затем на всю или часть кочевой аристократии, которая становится правящим классом оседлого населения или одним из его правящих классов.

По мере развития интеграционного процесса кочевая аристократия и особенно династия должны были решить, сосредоточить ли основное внимание на правлении государством и объединить свои интересы с интересами государства в целом и его оседлого субобщества, или же в первую очередь стараться сохранить

свое прежнее положение в кочевом субобществе и в таком случае идти иногда против интересов государства.

Дилемма никогда не была простой, и не всегда можно было достичь согласия даже среди различных слоев и групп кочевой аристократии внутри одного государства. В результате в государствах второго типа часто возникали новые конфликты между династией кочевого происхождения и ее сторонниками, с одной стороны, и традиционной кочевой аристократией, с другой, а также между династией и рядовыми кочевниками и т. д.

Государства второго типа не всегда остаются кочевыми даже в широком смысле слова. Одним из распространенных путей их трансформации является их превращение в оседлые государства, в которых некоторые номады постепенно оседают, в то время как другие из отдельного, политически доминирующего субобщества постепенно превращаются в отсталое социальное, а иногда и этническое меньшинство, которое инкапсулируется в более развитую социально-экономическую и политическую систему оседлого государства.

К государствам третьего типа слово «кочевые» вообще может быть применено только очень условно. В их отношении в гораздо большей степени, чем в отношении государств первого и второго типов, можно говорить лишь о соответствующей тенденции, но не о какой-либо отчетливой форме.

Полное проявление и соответствующая реализация третьей тенденции происходят только при объединении двух различных процессов: возникновения единой социальной, экономической и политической системы, в которой происходит интеграция кочевников и земледельцев, и формирования социальных различий по направлениям, в основном совпадающим с экономической специализацией и вдобавок зачастую связанным с этническими различиями. Эти процессы чаще возникают раздельно, чем вместе, что является причиной того, почему при возникновении и трансформации кочевой государственности третья тенденция проявляется реже, чем две первых. Кроме того, когда она вообще прослеживается, третья тенденция чаще всего проявляется в различном сочетании с другими тенденциями и редко бывает доминирующей.

Другой причиной, также затрудняющей выделение кочевых государств третьего типа, является то обстоятельство, что создание единой социально-экономической системы, объединяющей кочевников или скотоводов с оседлым населением, само по себе формирует своеобразный смешанный характер этих государств. На практике этот процесс обычно ведет к тому, что политически доминирующие кочевники перестают быть кочевниками, хотя и могут сохранять свои скотоводческие традиции как часть культурного наследия и/или как критерий социальных отличий.

Тем не менее кочевники или экстенсивные скотоводы обычно играют ведущую роль в упомянутых процессах, особенно в их слиянии. Именно поэтому при изучении проблем, связанных с кочевой государственностью, мы должны принять во внимание существование третьей тенденции.

Вместо заключения: внешний мир и кочевники

Проблема взаимоотношений между кочевниками и оседлым земледельческим и городским миром имеет две стороны, о каждой из которых написано уже довольно много. Наиболее важные исследования первой стороны проблемы были сделаны этнографами, и я, в известной степени, следуя по их стопам. Исследование второй стороны проблемы, о воздействии кочевников на развитие оседлого мира, почти полностью остается прерогативой историков. Тем не менее большинство связанных с нею вопросов до сих пор остается неясным и спорным и требует антропологического изучения. Ограничусь несколькими примерами.

Я не могу сейчас обсуждать сложную и дискуссионную проблему о характере китайского, средневосточных или ближневосточных обществ средних веков. Но можно задать вопрос, повлияли ли частые завоевания этих обществ кочевниками на основное направление и темп их эволюции? Если да, то каким образом. Все это скорее темы для будущих исследований, чем сколько-нибудь решенные проблемы.

Даже вопрос о нередко декларируемой связи между кочевыми завоеваниями и замедленностью развития упомянутых обществ отнюдь не простой. Замедленность по сравнению с чем? Явно не с Африкой или доколумбовой Америкой. Следовательно, замедленность по сравнению с Европой. Но правомерна ли такая постановка вопроса вообще? Ведь его можно сформулировать и иначе. Чем были вызваны более быстрые темпы развития европейских обществ? Отсутствием кочевых завоеваний? Но, во-первых, Европа опережала в своем развитии многие другие регионы уже в верхнем палеолите и снова — в античное время. А во-вторых, отсутствие

кочевых завоеваний в Европе было весьма относительным. Как-никак гунны смертельно ранили Римскую империю, в то время как аварские набеги и мадьярское завоевание Паннонии в IX и X вв. ощущались в большей части Европы (Dienes, 1972) И нельзя забывать о том, что в русской историографии получило название «трехсотлетнего татарского ига».

Наконец, о более быстрых или медленных темпах развития корректно говорить лишь в том случае, если мы имеем дело с однолинейной эволюцией, конкретно — если китайское и различные мусульманские общества, как и средневековое европейское, были феодальными. (Кстати, европейский феодализм тоже весьма разнолик.) Но вопрос об этом дискутируется со времен Вольтера и Монтескье и все еще далек от своего решения.

Если же эволюция средневековых обществ Азии и Европы (и не будем забывать про древние общества тоже) была мультилинейной, где те критерии и мера, которыми мы можем измерить ее темпы? И сопоставимы ли они вообще?

Во всяком случае сомнительно, чтобы всякое кочевое завоевание обязательно должно было замедлять эволюцию завоеванного оседлого общества. Караханидское и сельджукское завоевания не принесли больших разрушений и потрясений. Многие войны между самими оседлыми государствами были более кровопролитными и опустошительными.

Применительно к социально-экономической сфере саму проблему можно иногда повернуть противоположным образом. Вспомнив о том, что именно в результате упомянутых завоеваний институт *икта*, существовавший уже при Бундах и Саманидах, получил значительно большее распространение, можно задаться вопросом: замедлили ли эти завоевания темпы эволюции соответствующих обществ или, напротив, ускорили их.

Я ничего не утверждаю. Я просто хочу показать, что нет оснований для категорических утверждений, зато много — для дискуссий и дальнейших исследований.

В полной мере это относится и ко всем вопросам и проблемам, затронутым в этой книге. Я старался в меру моих сил пред-

дложить то их решение, которое сейчас представляется мне наиболее приемлемым. Но это не означает, что оно покажется таковым моим коллегам, а, возможно, в дальнейшем и мне самому. Потому что я хотел бы надеяться, что и в будущем смогу продолжать заниматься неисчерпаемой темой, связанной с номадами и номадизмом.

На этом пора и кончить.

*Москва, ноябрь 1979**

* После августа 1979 г. я смог внести в рукопись первого издания книги лишь небольшие уточнения и добавления в основном библиографического характера

Послесловие к третьему изданию. Кочевники в истории оседлого мира

Эта книга посвящена в основном экономической и социополитической зависимости кочевых обществ от оседлых. Однако чем больше я изучаю кочевых скотоводов, тем больше я прихожу к выводу, что их идеологическая и культурная зависимость от последних также была весьма существенной. Как специализированная кочевая экономика нуждалась в земледельческих и ремесленных продуктах, так и кочевые культуры нуждались в оседлых культурах в качестве источника, компонента и модели для сравнения, заимствования, имитации или, напротив, отвержения. Земледельцы и горожане могли представляться кочевникам «другими» и «чужими», и тем не менее их влияние на кочевников нельзя недооценивать. Исторические источники и археологические материалы не оставляют сомнения в том, что значительная часть предметов материальной культуры кочевых скотоводов (одежда, утварь, даже оружие, и, конечно же, предметы роскоши) производилась оседлыми ремесленниками и мастерами.

Даже идеологическое противостояние никогда не было полным. Достаточно заметить, что сами кочевники не создали ни одну из мировых религий, но внесли значительный вклад в их распространение по земному шару (Khazanov, 1994).

Но все это одна сторона медали. В послесловии к первому изданию этой книги я отмечал, что малоизученной остается ее вторая сторона — влияние кочевых скотоводов на развитие оседлого мира. Почти двадцать лет спустя положение остается, по существу, тем же. Это вынуждены были констатировать все участники организованного мною совместно с Андре Винком симпозиума, состоявшегося в Лейдене летом 1998 г. Проблема далека

от ясности, даже если ограничить ее только культурным влиянием и заимствованиями. Нет нужды доказывать, что в ряде регионов в определенные исторические периоды кочевники оказывали существенное воздействие на культуры оседлого населения. Первое, что приходит на ум, — это, конечно, верховая езда, а в военном отношении — конница. Взаимоотношения с кочевниками, включая прямую военную конфронтацию, оказали сильное влияние на развитие военного дела и вооружения Центральной Азии, Ирана, других стран Среднего и Ближнего Востока, позднеантичной и раннесредневековой Европы, равно как Китая и ряда иных регионов. Не исключено, что средневековые европейские рыцари в технологическом отношении были потомками, если не прямыми, то коллатеральными, древних тяжеловооруженных катафрактариев, происхождение которых, очевидно, связано с евразийским степным миром.

Все же в отношении ряда артефактов, будь то некоторые виды составных луков и доспехов, сабля или стремяна, желательна известная осторожность. Нередко их изобретение, без достаточно убедительных доказательств, приписывается кочевникам. В некоторых случаях более осторожным будет предположение, что их происхождение связано с конкуренцией между двумя родами войска: пехотой и конницей. Например, иногда можно встретить утверждения о том, что в VI в. н. э. древние тюрки изобрели новый вид седла с железными стремянами, которые вскоре распространились по всей Европе. Однако древнейшие железные стремяна, датируемые концом III в. или началом IV в. н. э., найдены археологами не в горах Алтая, а в погребениях Кореи и граничащих с ней районах Маньчжурии. В ожидании новых находок пока будет более осторожным предположить, что кочевники-тюрки не изобрели стремяна, а заимствовали и, вероятно, усовершенствовали их.

Я отнюдь не отрицаю, что кочевники влияли на культуры оседлого населения, равно как и то, что изобретение и особенно распространение многих культурных элементов было именно их достижением. В оседлых странах часто подражали оружию, украшениям, модам кочевников. В VII и VIII вв. тюркские набор-

ные пояса распространились от Китая до Ирака. В эпоху династии Тан китайская одежда испытала сильное влияние одежды кочевников. Египетские мамлюки даже в то время, когда они воевали с монголами, носили монгольские украшения и любили причесывать свои волосы на монгольский лад (В. Lewis, 1993:198). В Европе русская, польская и венгерская знать подражала одеждам и прическам кочевников. Однако нередко наиболее блестящие культурные достижения кочевников были по меньшей мере стимулированы их контактами с представителями оседлого мира. В качестве примера я могу сослаться на знаменитый, но во многом все еще загадочный звериный стиль — декоративное искусство с преобладанием зооморфных мотивов, который в древности был на протяжении многих веков популярен в Евразии, от территории современной Венгрии до Китая. Очевидно, семантика этого стиля была весьма сложной и отражала как эстетические концепции кочевников, так и их религиозные воззрения и систему ценностей. Иначе говоря, звериный стиль отражал их мировоззрение. Однако сформировался он не без влияния искусства оседлых стран и, возможно, даже с помощью их художников. Эти художники играли также активную роль и в его дальнейшей эволюции. Они не только изготавливали изделия в соответствии со вкусами и традициями кочевых заказчиков; они вводили в звериный стиль новые сюжеты и художественные приемы, которые нередко быстро принимались затем самими кочевниками (Хазанов, 1975с: 107 сл.). Другим примером может служить тюркский рунический алфавит, весьма примечательный уже потому, что он использовался на протяжении пяти или шести веков и был распространен от Монголии до Венгрии. Долгое время происхождение этого алфавита оставалось загадкой. Иногда высказывалось даже мнение, что он был изобретен самими тюрками. В дальнейшем, однако, выяснилось, что алфавит возник в результате адаптации согдийских букв к тюркской фонетике, вероятно, выполненной согдийскими учеными (Clauson, 1970- 51 ff Bazin, 1975: 37—46).

Бесспорно, однако, то, что кочевники играли очень важную роль в качестве организаторов и посредников в различного вида культурных обменах между самими оседлыми обществами. Их

вклад в трансконтинентальную циркуляцию и трансмиссию культурных и технологических артефактов и инноваций, идей и концепций и даже религий является очень значительным. В этом отношении полиэтнические и поликультурные империи, основанные кочевниками, играли некоторую положительную роль.

В этнолингвистической истории Старого Света роль скотоводов вообще и кочевых скотоводов в частности трудно переоценить. Я не буду останавливаться на распространении индоевропейских языков, потому что все еще не ясно, были ли первые индоевропейцы скотоводами или ранними земледельцами. Однако распространение семитских языков, языков, принадлежащих к иранской группе индоевропейской лингвистической семьи, и многих алтайских языков, особенно тюркских, безусловно, было связано с миграциями, завоеваниями и/или политическим доминированием скотоводов и кочевников (Golden, 1992: 15 ff.).

Огромная роль, которую кочевники играли в политической истории Евразии и даже Африки, столь очевидна, что не нуждается ни в какой аргументации. Хочу лишь заметить в этой связи, что многие их завоевания являлись не столько причиной, сколько следствием слабости и дезинтеграции оседлых государств, очевидных уже к моменту завоевания. При всех обстоятельствах эти завоевания нередко приводили к радикальным изменениям политических границ или даже к гибели некоторых государств и империй и возникновению новых на их развалинах. Все эти изменения, однако, наиболее заметны в исторические периоды краткой и средней продолжительности. Далеко не все кочевые завоевания необратимо изменяли политическую конфигурацию больших исторических регионов. Последствия сельджукской победы над Византией при Манцикерте, в 1071 г., действительно привели к тому, что в дальнейшем Анатолия оказалась включенной в совсем иной историко-культурный регион. Но так же верно и то, что когда осела пыль от монгольских завоеваний, то все основные региональные политические конфигурации, которые предшествовали им: Китай, Индия, Центральная Азия, Иран, тюркская Анатолия и русские земли — появились вновь на политической и культурной картах мира. В этой связи очень важным представляется

вопрос о том, насколько кочевые завоевания изменяли общие характеристики и основные социополитические структуры завоеванных оседлых стран.

Кочевые завоевания обычно сопровождались династическими изменениями, а также более или менее серьезными изменениями в этническом и социальном составе новых государств. Особенно заметные перемены происходили в их привилегированных слоях. Однако даже смена правящих элит, как правило, не была полной, и во многих случаях нетрудно проследить определенную институциональную преемственность между ними. Так, во многих случаях, для победоносных номадов было гораздо легче устранить «людей меча» — старое военное сословие, чем «людей пера» — бюрократию. Точно так же ни сельджуки, ни карахани-ды, нанешие окончательный удар по дехканской аристократии, ни другие завоеватели никогда и не помышляли посягнуть на привилегии другого высшего слоя мусульманского общества: улама и суфийских шейхов (Бартольд, 1963: 369—371). В Китае ученые-бюрократы пережили всех завоевателей. Все династии кочевого происхождения рано или поздно обнаруживали, что для управления этой страной бюрократия была незаменима. Поэтому им приходилось полагаться на ее помощь. Даже монголы в Китае в конце концов возродили старую конфуцианскую экзаменационную систему.

Похоже, что изменения в политических структурах и институтах, вызванные кочевыми завоеваниями, нередко были менее кардинальными, чем это иногда предполагается. Такие государственные деятели, как Назим ал-Мульк, Рашид ад-Дин, Елю Чу-цай или андалузские секретари Альморавидов, символизируют ограничения, которые испытывали новые правители, вынужденные принять или приспособиться к административным моделям, существовавшим в завоеванных ими оседлых государствах. В этой связи соблазнительно напомнить Макса Вебера (1978: 368), полагавшего, что капиталистическое развитие в доиндустриальных империях было убито их бюрократиями.

Проблема инноваций в государствах, возникших в результате кочевых завоеваний, является столь же важной, как и опреде-

ленная преемственность политической традиции и практики. Очень важно установить, в какой мере победоносные кочевники вводили новые политические институты в завоеванных ими странах, и какова была судьба этих институтов в долговременной исторической перспективе. Не менее важно исследовать, происходил ли в таких случаях синтез кочевых институтов с оседлыми.

Как бы ни оценивать уровень развития евразийских кочевников, они имели собственную и весьма своеобразную политическую культуру. Они могли казаться варварами своим оседлым современникам, но на самом деле эти «варвары» были весьма изощренными в политическом отношении. Достаточно сослаться на ряд концепций и институтов, которые на протяжении многих веков имели широкое распространение в евразийских степях. К их числу относятся представления о харизме и божественном мандате на правление, данном избранному Небом роду (Rachelwitz, 1973; Golden, 1982); специфические модели правления (включая двойное царствование); развитая имперская титулатура и имперский символизм (Allsen, 1997); понятие о коллективном суверенитете, согласно которому государство и его подданные принадлежали не индивидуальному правителю, а всем членам правящего рода в качестве их корпоративной собственности, а также соответствующая удельная система; специфические модели наследования власти, основанные на различных вариантах ее коллатеральной ротации и принципе старшинства внутри правящего рода; патримониальный вид правления, подразумевавший распределение различного рода богатств среди вассалов, сторонников и даже рядовых кочевников, и некоторые другие концепции. Представляется, что в той форме, в которой они существовали до завоеваний, эти концепции не оказывали серьезного влияния на политическую культуру оседлых государств. Лишь в условиях, созданных завоеваниями, некоторые из них, например, легитимация верховной власти или понятие о коллективном суверенитете, могли быть навязаны покоренным странам, но обычно без долговременного эффекта.

Не менее, если не более важным, чем вопрос о политическом синтезе, является другой вопрос: приводили ли завоевания кочевников к серьезным изменениям в формах землевладения и зе-

мельной собственности в покоренных странах, или, иначе говоря, приводили ли они к возникновению новых форм, порывавших с прежней практикой? Хорошо известно, что во многих регионах и в различные исторические эпохи аристократия кочевников, или правящие элиты кочевого происхождения, становились земледельческими элитами оседлых обществ. Это случилось, например, с гуджаратами в ранне-средневековой Индии. В Центральной Азии и Иране это случалось не один раз. Однако оседлые общества в целом и существовавшие в них формы землевладения едва ли были серьезно затронуты этими переменами. Попытки внести более серьезные изменения в структуры завоеванных оседлых обществ обычно не имели большого успеха, особенно в долговременной перспективе. Например, монголы, особенно в Китае, Иране, возможно в других завоеванных странах, ввели правило, согласно которому даже те чингизиды, которые не сделали их своей резиденцией, имели в них свою долю земельной собственности и соответствующие доходы от нее. Для распоряжения текущими делами, касающимися этих земель, верховный правитель назначал специальные администрации, но при этом включал в них людей, которые специально следили за соблюдением интересов членов тех линиджей рода чингизидов, которые обосновались в других странах.

Такая практика противоречила местным формам землевладения, и, очевидно, она была отброшена по окончании монгольского правления в соответствующих странах.

В то же время завоеватели охотно принимали те институты завоеванных оседлых стран, которые не противоречили их интересам. Так, Сельджуки приняли и расширили систему икта, потому что она соответствовала определенным кочевым традициям и практике и к тому же способствовала их господству над земледельческим населением. Хотя я предпочитаю избегать поспешных и категоричных выводов, мне все же кажется, что изменения в социальных и экономических структурах оседлых стран, вызванные их завоеваниями кочевниками, часто были менее кардинальными, чем это иногда представляется. Определенная преемственность структур и институтов совершенно очевидна во многих случаях. Прямое и необратимое навязывание кочевых

институтов или даже их эффективное слияние с соответствующими институтами завоеванных оседлых стран были скорее исключением, чем общим правилом. В то же время определенное взаимное приспособление этих институтов и структур было весьма распространенной практикой. В целом же определенные пермутации в социальном строе оседлых стран были более частным результатом их завоевания кочевниками, чем его радикальная перемена.

Экономические последствия взаимоотношений кочевых скотоводов с оседлыми земледельцами и горожанами также неоднозначны, особенно если рассматривать их в сравнительном плане. Многие набеги и вторжения кочевников в земледельческие страны приводили к опустошительным последствиям, хотя, справедливости ради, надо отметить, что иногда эти опустошения преувеличивались сначала средневековыми историками из числа оседлого населения, а затем их последователями в новое время. Буквально следовать каждой строчке средневековых хроник так же опасно, как пытаться читать их между строк. Утверждение, что кочевники прибегали к разрушениям, убийствам и резне более часто и с большим энтузиазмом, чем завоеватели и правители из оседлых стран, в сущности остается недоказанным. Я очень сомневаюсь, что ассирийцы, или римляне, или крестоносцы были менее кровожадны, чем самые жестокие из числа завоевателей-кочевников. За время Тридцатилетней войны в Европе население Германии сократилось с 21 до 13 миллионов в значительной мере потому, что армии всех вовлеченных в эту войну государств содержались за счет грабежа оккупированных ими земель (Davies, 1996: 568) точно так же, как это делали кочевники во время своих военных кампаний. При желании число подобных примеров можно легко продолжить.

Тезис о том, что все завоевания кочевников были опустошительными, нуждается в большой осторожности и в тщательной проверке в каждом конкретном случае, особенно если речь идет о долговременных экономических последствиях. Слишком часто для объяснения экономического упадка в оседлых странах кочевникам отводится роль козлов отпущения. Запустение многих зе-

мель древнего орошения в Центральной Азии могло быть результатом засоления почв в не меньшей степени, чем разрушения ирригационной системы, вызванные вторжениями кочевников (Khazanov, 1992). Вопреки все еще распространенному мнению, ирригация в Ираке находилась в упадке уже начиная с X в., т. е. задолго до монгольского вторжения (Adams, 1965: 71—89; Sourdel and Sourdel, 1968: 272 ff.). Ибн Халдун назвал хилалианское вторжение в Северную Африку «саранчовой чумой». Однако теперь выясняется, что разрушительные последствия этого вторжения были преувеличены арабским ученым и его последователями из числа французских историков старой школы (Fisher, 1977: 244—245).

О торговле я уже писал в этой книге и хочу еще раз подчеркнуть, что как прямая торговля с кочевниками, так и караванная торговля, связывавшая определенные страны и даже континенты, в которой кочевники играли всевозможную посредническую роль, нередко приносили большую прибыль вовлеченным в нее группам оседлого населения. Притцак (Pritsak, 1979; 1980:14 ff.) даже утверждает, что сами завоевания кочевников и создание ими новых государств совершались по инициативе купеческих гильдий, вовлеченных в международную торговлю. Я не вижу никаких оснований для такого крайнего мнения, отводящего кочевникам роль марионеток на исторической арене. Гораздо более сбалансированными и обоснованными представляются выводы, к которым пришел Оллсен (Allsen, 1997: 104). Он пишет: «Мы обычно полагаем, что кочевые государства стимулировали обмен между территориями, разделенными большими расстояниями. Они делали это, устанавливая *рах*, который обеспечивал безопасность и представлял транспортные возможности. На самом деле именно процесс образования кочевых государств стимулировал торговлю, потому что он увеличивал спрос на драгоценные металлы и украшения, и особенно на парадную одежду».

Все же, на мой взгляд, требуется определенная осторожность в отношении торговли на большие расстояния и ее роли в мировом историческом процессе. После работ Валлерстейна (Wallerstein, 1974) и его последователей (см., например, Abu-Lughod, 1989), идея о существовании мировых экономических систем уже в до-

капиталистические эпохи стала столь модной, что иногда ее доводят до абсурда. На мой взгляд, гипотеза Валлерстейна отчасти уязвима даже применительно к Европе начала нового времени. Однако надо отдать должное этому ученому: он никогда не утверждал, что мировые экономические системы могли существовать уже в докапиталистические эпохи. Напротив, он подчеркивал, что их характерными чертами являются возрастающая экономическая интеграция и регулярный обмен товарами широкого и повседневного спроса. Следовательно, до победы капиталистических отношений единой мировой экономики и глобального рынка не было и быть не могло. В докапиталистические эпохи торговля между странами, разделенными большими расстояниями, особенно сухопутная торговля, в основном ограничивалась предметами роскоши, престижа и экзотическими товарами. Это понятно, если принять во внимание высокую стоимость транспортировки, охраны, а также плату за протекцию тем, кто контролировал торговые пути. Правда, в докапиталистических обществах предметы необходимости и предметы роскоши не всегда находились на противоположных полюсах, потому что последние могли иметь важное символическое значение. И тем не менее различие между докапиталистической и капиталистической эпохой очень велико. Поэтому я не могу согласиться с теми, кто утверждает, что монголы играли главную роль в экспансии китайской экономики, так как они якобы интегрировали ее с экономиками Центральной Азии, Среднего Востока и даже Европы. Равно ошибочным мне представляется и утверждение, что монголы, подобно португальцам, англичанам и голландцам, создали свою империю для установления единой торговой системы в тех регионах, где они господствовали (Seaman, 1991: 4, 7). Вклад кочевых скотоводов в развитие мировой экономики не следует переоценивать.

Однако наиболее трудные проблемы возникают, когда мы обращаемся к долговременным историческим процессам. Какое влияние оказали кочевники на эти процессы в Европе, Южной Азии, Восточной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке? На эту тему имеется множество различных *домыслов* и гипотез, но мало что, или даже вообще что-нибудь, может считаться доказанным.

К сожалению, проблема в целом отнюдь не является чисто научной, и, по-видимому, это неизбежно. Она дискутируется уже более двух сотен лет и почти всегда имеет весьма явную идеологическую подоплеку. Как только интеллектуалы, сначала в Центральной и Восточной Европе, а затем и в других частях света, обнаружили относительную отсталость своих стран по сравнению с западноевропейскими, они стали стремиться найти этому наименее унизительное, с их точки зрения, объяснение. Иначе говоря, они стали искать козла отпущения. Кочевники идеально подходили для этой роли, потому что они были «чужими». В русской, венгерской, румынской и других патриотических политизированных историографиях отсталость их стран объяснялась как следствие вторжений и завоеваний кочевников. В этих событиях историки нашли даже позитивные моменты, пригодные для заживления ран уязвленной национальной гордости. Оказалось, что страны Восточной Европы были плотинной против варваров и даже спасителями христианства, что они жертвовали собой для защиты Запада от монголов и турок (а согласно румынской историографии, также от русских и славян в целом, потому что последние в этой историографии мало чем отличались от татар — см., например, Pearton, 1988: 163—164). Так были созданы мифы, которые затем стали пропагандироваться не только историками, но и писателями, поэтами, художниками, даже правителями. Этим мифам учили и все еще продолжают учить в школах. Они глубоко проникли в общественное сознание и демонстрируют примечательную живучесть. Следуя своим средневековым предшественникам и некоторым современным европейским ученым, правда, в последнем случае часто без соответствующих ссылок, многие ученые из арабских стран и стран Среднего Востока тоже стали склоняться к объяснению сравнительной отсталости своего региона негативными последствиями монгольского нашествия (об этом см. В. Lewis, 1993: 189 ff.).

Во многих странах роль кочевников в национальных историях не только была, но и все еще остается очень политизированным вопросом. В качестве примера я кратко остановлюсь на том, как монгольское завоевание трактовалось в дореволюционной российской и советской историографиях и в продолжающейся дис-

куссии на эту тему в постсоветской России. Первая попытка догнать западную Европу, предпринятая Петром Великим, была лишь частично успешной. За исключением армии, Россия оставалась сравнительно отсталой страной. Такое положение дел нуждалось в объяснении, и оно было найдено в деструктивных последствиях монгольского завоевания. Последующий период русской истории был образно, но едва ли адекватно назван «трехсотлетним татарским игом», хотя первые следы этой концепции появились в русской литературе лишь в XVI или даже в XVII вв. (Halperin, 1982: 99; Halperin, 1986: 17). Стало общепринятым обвинять «татарское иго» за все исторические неудачи и недостатки русского общества и его политической системы.

Негативные последствия монгольского завоевания и дани, которую русские земли вынуждены были платить Золотой Орде, очевидны. Они едва ли компенсировались выгодами от международной торговли, находившейся под монгольским патронажем. Однако предполагаемые долговременные, даже перманентные последствия золотоордынского периода русской истории кажутся более всего принадлежащими к сфере идеологии. Никто еще не доказал, что только из-за «татарского ига» Россия не знала Ренессанса, Реформации и периода Просвещения, что в средние века в ней был слаб «бюргерский слой», а позднее отсутствовало сильное и многочисленное «третье сословие», что крепостное право в ней было отменено лишь в 1861 г. (Halperin, 1987: 86). Золотая Орда, безусловно, оказала определенное влияние на политическое развитие московского княжества. Возникшая в XVI в. московская автократия, возможно, заимствовала некоторые монгольские и золотоордынские административные методы и институты. Московские правители даже претендовали на роль легитимных наследников Золотой Орды. Однако золотоордынский фактор в политическом объединении русских земель едва ли стоит преувеличивать, и кажется более вероятным, что автократия в России возникла в основном в результате внутренних процессов развития. Что касается внешних воздействий на эти процессы, то византийское влияние было по меньшей мере не слабее золотоордынского.

Совсем по-иному, но столь же идеологизированно относились к Золотой Орде и ее роли в русской истории представители ревизионистской школы, возникшей в русских эмигрантских кругах в 20-х гг. XX в. «Евразийцы» утверждали, что существуют почти извечная вражда и антагонизм между континентальной евразийской и западной атлантической цивилизациями. В сущности, этот тезис был нужен евразийцам лишь для обоснования их политической мечты: восстановления Российской Империи в любых подходящих для этого одеяниях. Именно поэтому они настаивали на том, что по экологическим и культурно-историческим причинам все народы от Хингана до Карпат имеют общую судьбу и должны иметь общую государственность. По этим же причинам они превозносили автократию в России как монгольский вклад в развитие ее государственности (последние издания наиболее важных публикаций ранних евразийцев см. Исаев, 1982; Новикова и Сиземская, 1995; Толстой, 1997).

Начиная с 70-х гг. XX в. некоторые идеи евразийцев, особенно их тезис о культурном и политическом симбиозе между восточными славянами и тюрко-монгольскими кочевниками, стали пропагандироваться, хотя до поры до времени в не столь крайней форме, их эпигоном, Л. Н. Гумилевым (Гумилев, 1970; ср. 1989). В советской академической науке Л. Н. Гумилев был «белой вороной». Но зато сейчас он стал кумиром для той части русских националистов, у которых приобрело популярность евразийство и особенно такие его черты, как плохо скрытый империализм, антилиберализм и враждебность к Западу. Самое занятное, что некоторые идеи евразийства были приняты на вооружение российскими коммунистами. Их лидер Геннадий Зюганов прямо заявляет, что Россия является наследницей империи Чингиз-хана. Заманчиво было бы считать такое утверждение новым словом в постсоветском марксизме, но современные российские коммунисты являются кем угодно, но только не марксистами. Более удивительно, что А. Н. Гумилев и евразийство приобрели известную популярность в некоторых центральноазиатских кругах. Возможно, отчасти это объясняется политическими соображениями, а отчасти — недостаточным знакомством с проимперскими устремлениями старых и новых евразийцев.

В посткоммунистической России, и не только в ней, отношение к монгольскому периоду евразийской истории слишком часто оказывается прямо связано с политической поляризацией и неприкрытым национализмом. В качестве еще одного примера сошлюсь на высказывание президента Татарстана Минтемира Шаймиева о том, что без Золотой Орды не было бы великой России, потому что благодаря ей русские княжества, занимавшиеся междоусобной борьбой, объединились вокруг Москвы (Шаймиев, 1997: 6). Бедные монгольские коммунисты вынуждены были следовать за своими советскими хозяевами и демонстрировать отрицательное отношение к своему национальному герою Чингиз-хану. Те, кто не желали этого делать, были сурово наказаны. Но как только коммунистический строй в Монголии рухнул, культ Чингиз-хана снова приобрел легитимный характер. Гораздо более интересно отношение к Чингиз-хану в коммунистическом Китае. После разрыва с Советским Союзом его в этой стране стали считать китайским государственным деятелем в гораздо большей мере, чем монгольским «варваром». Его превозносили за то, что, разгромив «сорок государств», он вывел их из изоляции и сделал возможным их приобщение к более высокой китайской культуре (Farduhar, 1968: 186). Еще одна победа национализма над наукой!

Пора, однако, вернуться к общей проблеме о роли, которую скотоводы играли в историческом развитии различных регионов. Действительно ли правы те достаточно многочисленные ученые, которые полагают, что роль кочевников в этом процессе была в основном негативной? Прежде чем высказать свое мнение по этому вопросу, я должен разъяснить, что мое понимание исторического процесса радикально отличается от того, которое было предложено однолинейным эволюционизмом и марксизмом, потому что они являются телеологическими в своей сущности. На мой взгляд, все важнейшие «прорывы», т.е. кардинальные изменения в истории человечества, будь то неолитическая революция и ее последствия, включая появление кочевого скотоводства, возникновение государства, или индустриальная революция, были результатом уникальной комбинации многих различных факторов. В не-

которых случаях их совпадение по времени кажется почти случайным. Никакого автоматизма, никакой неизбежности в этих прорывах не было. Независимо друг от друга они совершались только считанное число раз, или даже лишь однажды. К тому же случались они лишь в ограниченном числе регионов, и только затем распространялись на другие регионы или были навязаны последним. Но в принципе этих прорывов вообще могло не быть, или же они могли случиться совсем в другое время, в других формах и в других регионах. В сущности, в истории наблюдается очень мало законов и закономерностей, и в той мере, в какой они существуют вообще, они в основном связаны лишь с последовательностью кардинальных изменений (Geller, 1988b: 15 ff.) Например, индустриальная революция не могла бы произойти, если бы ей не предшествовала неолитическая революция; но это отнюдь не означает, что неолитическая революция рано или поздно неизбежно влечет за собой индустриальную революцию. Возникновение письменности, конечно, связано с усложнением общества и возникновением государства. Однако нам известны бесписьменные государства и догосударственные общества, обладавшие письменностью.

Далее, лишь игнорируя очень большое количество фактов и обладая весьма догматическим складом ума, можно в настоящее время все еще придерживаться теории универсальных социоэкономических формаций. В сущности, для отцов-основателей марксизма, а затем для их попутчиков и последователей эта теория всегда служила идеологическим целям в гораздо большей мере, чем научным. Я решительно принадлежу к числу тех ученых, которые считают, что в различных регионах исторический процесс принимал различный характер, формы, темпы, следовал в различных направлениях и т. п. Что касается сходных черт, то они не меньше, если не больше, чем с параллельным самостоятельным развитием, были связаны с движениями идей, культурных инноваций и человеческими миграциями, т. е. с теми процессами, в которых кочевники играли не последнюю роль. К сожалению, наше понимание причин, вызывавших региональные различия, остается очень слабым; поэтому и воздействие кочевников на региональное развитие оценивается по-разному.

Начну с Европы. Причины, по которым Западная Европа была единственным регионом в мире, где спонтанно совершились индустриальная революция и прорыв к либеральному капитализму, по-прежнему вызывают оживленный интерес многих ученых. Одни историки придают большое значение тому обстоятельству, что в Западной Европе не было внутренних кочевников, а их вторжения в нее из других регионов прекратились уже в период развитого средневековья (см., например, Strayer, 1970: 16; Anderson, 1974: 218—28; Crone, 1989: 150), другие считают это несущественным (Bartlett, 1993). Сравнительная безопасность региона от внешних вторжений должна была благоприятствовать его развитию. И все же не следует придавать решающее значение этому обстоятельству в попытках объяснить дальнейшее многовековое развитие Западной и особенно Северо-Западной Европы. Едва ли отсутствие кочевников было столь же важным фактором в ее конечном вступлении в индустриальную эру, сколь Реформация, Просвещение или многополярная политическая система, благоприятная для экономического роста (Hall, 1985: 139; Mann, 1988: 10 ff.). Рациональная наука возникла в Западной Европе отнюдь не из-за того, что после X в. копыта лошадей кочевников никогда не вступали на ее почву. Многие особенности исторического развития этого региона заметны уже в его формативный период, т. е. задолго до начала нового времени. Конечно, сами по себе они ни в коей мере не предопределяли конечного результата. Но они открывали окна потенциальных возможностей дальнейшего развития, хотя то, что эти возможности были в конечном счете реализованы, кажется почти что чудом.

Как бы то ни было, но применительно к Западной Европе можно обсуждать лишь значение того обстоятельства, что кочевники не оказывали большого влияния на развитие этого региона. Ситуация становится противоположной, если обратиться к таким регионам, как Южная Азия, Восточная Азия и особенно Ближний и Средний Восток. Сказать, что роль кочевников в них была весьма велика, будет заурядной тривиальностью. Гораздо важнее — не ограничиваться тривиальностями и поэтому стараться избегать упрощенных моделей и поспешных выводов.

В истории индийского субконтинента роль кочевников тоже не следует переоценивать. Местные формы скотоводства были всего лишь дополнением к земледельческой экономике и разнообразностью оседлого общества, причем до такой степени, что сами скотоводы восприняли даже некоторые элементы кастовой системы. Я не буду останавливаться на проблемах, связанных с индо-ариями и гибелью харрапской цивилизации. Эти проблемы все еще во многом принадлежат к области домыслов и спекуляций, но при всех обстоятельствах индо-арии кочевыми скотоводами не были. В древности миграции и завоевания кочевников не оказали большого социального, политического и долговременного культурного влияния на индийскую цивилизацию. К такому выводу можно прийти, если не забывать, что кушаны перестали быть кочевниками задолго до своего прихода в Индию.

Распространение ислама и формирование индо-иранского общества нередко считаются двумя крупнейшими культурными и политическими переменами в средневековой Индии. Однако было бы неверно прямо связывать их с кочевниками. Характерной чертой раннесредневекового индийского развития было соединение оседлого общества земледельческих равнин с теми формами политической организации, которые возникли в пограничной зоне (Wink, 1997: 162 ff.). Однако последняя не может быть охарактеризована как кочевая. По экологическим и климатическим причинам Индия никогда не была регионом, благоприятным для миграции кочевых скотоводов евразийского степного типа. Многие, если не большинство, из переселявшихся туда тюрок уже до этого подверглись детрибализации и деномадизации. Высокий спрос на тюрок в Индии был создан не экспансией кочевников, а экспансией оседлого исламского общества. Испытавшие сильное иранское влияние газнавиды и некоторые более поздние династии по своему происхождению были тюркскими, как и напоминающие мамлюков отборные части войск. Однако они перестали быть кочевниками, и их государства никак нельзя считать кочевыми. Несмотря на этническое происхождение политических и военных элит, такие государства средневековой Индии были исламскими в гораздо большей мере, чем тюркскими, и не кочевые институты, а

некоторые институты средневосточного оседлого мусульманского общества были заимствованы при их посредстве в Южной Азии. Ислам является первостепенным социальным фактором, но даже исламское правление в Индии затронуло политическую сферу гораздо больше, чем такие фундаментальные характеристики социального строя, как кастовая система. Что касается рядовых тюрок в Индии, то их роль во многом походила на роль бедуинов во время ранних арабских завоеваний. В основном они служили топливом для ислама, и тюркские рабы-солдаты походили на свободных кочевников-воинов гораздо меньше, чем это иногда предполагают. При всех обстоятельствах оригинальные институты степных кочевников никогда не оказывали глубокого и долговременного влияния на социальный строй Индии.

Гораздо большую роль играли кочевники в Китае. С самого начала и на протяжении более трех тысяч лет китайская история была тесно связана с историей кочевников Центральной и Внутренней Азии. Новые археологические материалы и некоторые исторические источники позволяют допустить, что в формативный период китайской цивилизации культурное и иные влияния кочевников могли быть даже более сильными, чем после ее кристаллизации (см., например, So and Bunker, 1995). Впрочем, кочевники, и не только внешние, но зачастую внутренние тоже, оставались почти перманентным фактором в истории Китая. Нередко они были глубоко вовлечены в династические циклы этой страны. Деструктивные последствия некоторых вторжений кочевников в Китай хорошо известны. В дополнение к этому необходимость считаться с угрозой, которую представляли кочевники для китайского государства, часто требовала больших военных расходов или уплаты дани, субсидий и других платежей, обременявшихся увеличением налогового бремени. Это подрывало экономическую базу некоторых династий и тем самым косвенно способствовало их упадку и гибели. Менее ясно, однако, в какой мере это сказывалось на долговременном экономическом развитии страны. Огромные экономические и технологические достижения средневекового Китая скорее указывают на то, что негативные последствия его взаимоотношений с кочевниками не следует переоценивать.

Точно так же внутренняя специфика исторического процесса в Китае лишь в ограниченной мере подвергалась влиянию фактора, связанного с кочевниками. Гегель называл Китай страной повторяющегося принципа. Нет нужды следовать этому высказыванию буквально для того, чтобы признать, что исторический процесс в этой стране демонстрировал примечательную стабильность и преемственность основных идеологических структур и институтов. Даже самые победоносные кочевники никогда не могли разрушить китайскую государственную машину и бюрократию или фундаментальным образом изменить социальный строй страны. Самое большее, что они были способны сделать, это изменить состав правящего класса, который в таких случаях на время становился этнически гетерогенным. Однако возникновение и стойкое сохранение таких специфически китайских институтов, как имперский характер государственности и связанная с ним синоцентрическая модель мира, конфуцианская этика, класс ученых-бюрократов, система экзаменов для занятия должностей в государственном аппарате и многих других, было ответом на внутренние, а не внешние условия. Даже неоднократно повторявшаяся неспособность Китая выработать адекватные меры против угрозы со стороны кочевников объясняется спецификой его социополитической системы и политической философии, во всяком случае не меньше, чем силой его противников. Как верно отметил Волдрон, «любой более или менее образованный администратор в позднеимператорском Китае располагал уж никак не меньшей информацией о взаимоотношениях его страны с кочевниками, чем самые ученые из современных антропологов. Но он совсем по-иному систематизировал и понимал эту информацию» (Waldron, 1992: 380).

Представляется, что в результате такого положения дел различные китайские правительства никогда не были способны сформировать, и еще меньше — претворить на практике долговременную и рациональную политику на своем пограничье с кочевниками (см., например, Fairbank, 1968; Rossadi, 1983; Sagchid and Symans, 1989). Кочевники в завоеванном ими Китае сами неоднократно имели возможность убедиться в удивительной устойчивости его основных социополитических институтов. В тех случаях, когда

они пытались навязать стране свои собственные, альтернативные институты, они рано или поздно неизбежно терпели неудачу. Даже монголы довольно быстро обнаружили, что невозможно править Китаем, используя свое обычное право; в результате им пришлось приспосабливаться к китайским юридическим концепциям и институтам (Ch'en, 1979).

Все иностранные династии в Китае сталкивались со сходной проблемой. Недостаточная синизация делала их неприемлемыми для китайских подданных; чрезмерная синизация подрывала их собственную этническую базу, служившую им опорой в завоеванной стране. Время от времени, в попытке решить эту неразрешимую проблему, завоеватели или их потомки вводили различные гибридные Системы, при которых правительство управляло страной с помощью китайской бюрократии, но опиралось на поддержку армий, рекрутированных из числа их соплеменников. Одни правители из числа династий кочевого происхождения, как, например, чжурчжэни, открыто избрали политику ассимиляции (Vol, 1987). Другие, например, императоры из династий Ляо и Юань, пытались сохранять раздельными этнические и культурные идентификации и институты победителей и побежденных (Endicott-West, 1991). В конечном счете результат был одним и тем же. Те из кочевников (или бывших кочевников), кто не были побеждены и изгнаны из Китая или сами не предпочли покинуть его, были ассимилированы и перестали быть кочевниками. Рано или поздно чисто китайские идеологические, политические и социальноэкономические институты брали верх над системами двойного управления

Развивая идеи Леттимора (Lattimore, 1940), Барфилд предложил интересную модель для объяснения циклов китайской династической истории (Barfield, 1989; 1991). По его мнению, все кочевые империи в монгольских степях и те китайские династии, которым удавалось объединить всю страну, возникали и гибли в одно и то же время. Напротив, государственность в Маньчжурии развивалась лишь в периоды анархии на северной границе, когда и в Китае, и в степях отсутствовала центральная власть. Барфилд также утверждает, что все китайские династии, власть которых распространялась на всю страну, гибли в результате внутренних

катаклизмов; равным образом объединение Китая под властью местных династий тоже было результатом внутренних процессов, в которых степняки почти не играли никакой роли

На мой взгляд, эта модель наряду с сильными сторонами имеет ряд слабых и поэтому нуждается в дальнейшей разработке. Например, я никак не могу согласиться с Барфилдом в том, что монгольское завоевание Китая было аберрацией степных порядков и поэтому было почти случайным. Трудно также принять его утверждение, что кочевники никогда не имели отношения к событиям, приводившим к гибели империй, правивших над всем Китаем. Достаточно напомнить в этой связи роль уйгуров в падении династии Тан (Pulleyblank, 1955). Однако в главном я согласен с Барфилдом. Долговременные исторические процессы в Китае были гораздо больше связаны с внутренними, чем с внешними факторами. На Ближнем и Среднем Востоке кочевники, с одной стороны, и земледельцы и горожане — с другой, были особенно тесно связаны между собой по причинам экологического и исторического порядка. Как я уже отмечал, одной из важных особенностей этих регионов было то, что большое количество кочевых скотоводов постоянно находилось внутри их. В то время как в Восточной Европе экологические границы, отделявшие зону, занятую скотоводством, от земледельческих зон были достаточно четкими, на Ближнем Востоке и Среднем Востоке они были более размытыми. В этой связи важно делать различие между передвижениями кочевников, происходившими внутри самих регионов, и теми, в результате которых кочевники мигрировали туда из других регионов. Бедуины могли быть нарушителями спокойствия, но за немногими и неполными исключениями вроде недолговременной империи Альморавидов они не были создателями империй. В этом они сильно отличались от тюрок и монголов.

О роли кочевников в историческом процессе на Ближнем и Среднем Востоке написано уже очень много, но и различие во мнениях по этому вопросу все еще очень велико. Поэтому я ограничусь лишь несколькими вопросами и соображениями для дальнейшей дискуссии. Какие обстоятельства затормозили развитие

на Ближнем и Среднем Востоке или даже вызвали его некоторый регресс? Виновниками этого чаще всего считают кочевников и европейцев (см., например, Ashtor, 1976 и многих других авторов). Нередко в этой связи называются также мамлюки, но и в таком случае кочевники все равно оказываются виноватыми. Согласно одному из мнений, «институт мамлюков получил распространение, потому что все другие формы политической организации на Ближнем Востоке были разрушены монголами» (Garcin, 1988: 120). Правда, некоторые ученые полагают, что кочевники были лишь второстепенным фактором в числе тех, которые привели к стагнации и заблокировали развитие рассматриваемых регионов. Гораздо большее значение они придают некоторым особенностям ислама и мусульманского общества, например, слабой институционализированности власти. Но в настоящее время эти ученые находятся в меньшинстве. Гораздо чаще для объяснения стагнации кочевников ставят в один ряд с исламом. Так, по мнению Холла, совместное воздействие этих факторов привело к возникновению единообразной в культурном отношении, но политически нестабильной среды, неспособной создать условия для самостоятельного развития капиталистических отношений (Hall, 1985: 103; ср. Gellner, 1981: 24). Вполне возможно, что особенности военной организации на Ближнем и Среднем Востоке, которая основывалась на мамлюках и/или племенных контингентах, способствовали отчуждению государства от общества и тем самым имели некоторые отрицательные последствия. Это было замечено уже Ибн Халдуном, который полагал, что городская жизнь несовместима с политической ответственностью. Он обвинял оседлых жителей в том, что они доверили охрану своей собственности и самих своих жизней коррумпированным наместникам и правителям, опиравшимся на иноэтничные войска, вместо того, чтобы взять это дело в свои собственные руки. Из современных ученых к сходным выводам пришел Кук. «В исламской истории удивительно трудно найти то, что можно было бы охарактеризовать как гражданские армии, рекрутируемые не из племен, а из местного оседлого населения, и притом рекрутированные государством, которое идентифицировало бы себя с данной территорией» (Cook, 1988: 133).

Итак, армии были этническими, и господствующие элиты тоже были этническими. Но такая модель общественного устройства была создана не тюркскими кочевниками, а самими арабами уже в IX в. (Crone, 1980; Pipes, 1981). Вопреки все еще существующему мнению (Beckwith, 1984), мамлюкская система была феноменом не кочевого, а оседлого, исламского, преимущественно ближне- и средневосточного общества. Эта система была основана на особом рода этническом разделении труда и профессионализации военного дела. Сила кочевых обществ заключалась прямо в противоположном. Именно неразвитое общественное разделение труда в случае необходимости делало из каждого рядового кочевника воина-всадника. Только это обстоятельство позволяло кочевникам, несмотря на их сравнительную малочисленность, мобилизовывать достаточно большие армии. Мамлюки были совсем другими. Большинство их было вырвано из племенной среды, продано в рабство и доставлено в страны ислама в очень раннем возрасте. Их высокие военные качества были связаны со специальным обучением, а не с их этническим и кочевым происхождением. Иногда военная подготовка и вооружение мамлюков использовали некоторые кочевые традиции, но и в этом отношении мамлюкская система обладала многими оригинальными чертами (Amitai-Preiss, 1995: 214 ff.; Smith, 1997: 255 ff.).

Другим важным элементом военной системы в рассматриваемых регионах были племена, по преимуществу, хотя и не исключительно, занимавшиеся кочевым скотоводством. Следуя Ибн Халдуну и Роберу Монте-ню, Эрнест Геллнер предложил модель ближне-средневосточного исторического процесса, очень элегантную в своей простоте, но, на мой взгляд, слишком простую, чтобы быть полностью принятой. «Создается впечатление, — писал ученый, — что в основном массиве исламских стран, расположенном между Центральной Азией и атлантическими берегами Африки, все время разыгрывалась одна и та же ограниченная колода карт. Страны были различными, колода — постоянной» (Gellner, 1981: 99). По его мнению, для всех этих стран был характерен далеко не мирный симбиоз племен с базировавшимися в городах правительствами. В то время как страны северного Средиземноморья

пошли по феодальному пути развития, основанному на обособлении правителей и воинов от крестьян, относительная сила скотоводов в странах восточного и южного Средиземноморья привела к возобладанию в них «племенной альтернативы».

Геллнер задал остроумный вопрос, на который, по его собственному признанию, он так и не нашел ответа: почему в странах Ближнего и Среднего Востока никогда не родился Ибн Вебер, написавший бы «Хареджитскую этику и дух капитализма»? Один из возможных ответов, конечно, заключается в политической нестабильности рассматриваемых регионов, к которой кочевники приложили немалую руку. Можно даже развить мысль Геллнера дальше и объяснить нестабильностью отсутствие в них реальных аналогов раннекапиталистической этики. В то время как протестанты в странах северо-западной Европы в соответствии с доктриной предопределения размышляли, были ли они избраны Богом или нет, их мусульманские современники в странах Магриба были озабочены более земными проблемами. Они спрашивали себя, будут ли они ограблены завтра утром или же им удастся избежать этой участи?

Все дело в том, однако, что политическая нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке была относительной. В одни периоды она ощущалась гораздо более остро, чем в другие. На протяжении столетий многие центральные правительства в этих регионах вполне эффективно контролировали бедуинов и других кочевников, во всяком случае эти правительства были способны ограждать свои собственные государства от их агрессивных поползновений. Достаточно сослаться на пример Османской империи. Кроме того, вторжения кочевников могли быть повторяющимися, но их последствия таковыми не были, и далеко не все эти вторжения были более деструктивными, чем войны между оседлыми государствами.

На мой взгляд, сама дискуссия о роли кочевников в историческом процессе на Ближнем и Среднем Востоке должна принять иной характер. Во-первых, проблема стагнации и заблокированного развития ощутима лишь для тех, кто полагает, что западноевропейская модель была естественной и для других регионов

и что страны Ближнего и Среднего Востока также развивались в направлении к индустриальному обществу, вот только где-то и когда-то случился сбой. Отсюда их стремление найти виновных за отклонение от предопределенного пути развития. Во-вторых, мы должны признать, что не столько присутствие кочевников определило некоторые важные особенности оседлых исламских обществ в рассматриваемых регионах, сколько сами эти особенности сделали кочевников столь важным фактором в их функционировании. Если не рассматривать «европейское чудо» в качестве эталона и допустить, что исторический процесс принимал различные формы и направления, то надо обратить больше внимания на внутреннюю логику регионального развития. Возможно, при таком подходе роль кочевников в истории Ближнего и Среднего Востока будет представляться более скромной; во всяком случае, она будет оцениваться несколько по-иному. Все это приводит меня к мысли, что кочевники нигде не были единственным или даже самым важным из множества тех факторов, которые определяли долговременные тенденции регионального развития

Медисон — Оксфорд, июль 1999

Сокращения

AA	—	American Anthropologist
AQ	—	Anthropological Quarterly
CA	—	Current Anthropology
CERM	—	Centre d'études et de recherches marxistes. Paris
CHA	—	The Cambridge History of
CHI	—	The Cambridge History of Iran
GR	—	The Geographical Review
ISSJ	—	International Social Science
JAAS	—	Journal of Asian and African
JAH	—	Journal of African History
JESHO	—	Journal of the Economic and History of the Orient
JRGS	—	Journal of the Royal Geograph-Society
PPP	—	Paleogeography, Paleoclimatology, Paleoeecology
SJA	—	Southwestern Journal of Anth-
WA	—	World Archaeology
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВИ	—	Вопросы истории
ВЛУ	—	Вестник Ленинградского уни-
КСИА	—	Краткие сообщения Института логики Академии наук СССР
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института ведения Академии наук СССР
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института материальной культуры Академии наук СССР

КСИЭ	—Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛГУ	—Ленинградский государственный университет
МГУ	—Московский государственный университет
МИА	—Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	—Народы Азии и Африки
РГО	—Русское географическое общест-
СА	—Советская археология
СЭ	—Советская этнография
ТИЭ	—Труды Института этнографии Академии наук СССР. Новая серия

Библиография

Абрамзон, 1951: *Абрамзон С. М.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // ТИЭ. Т. 14. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 132-156.

Абрамзон, 1971: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971.

Абу-л-Гази, 1958: *Абу-л-Гази.* Родословная туркмен / Пер. и коммент. А. Н. Кононова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989: *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К, Татимов.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53-71.

Авдал, 1959: *Авдал, Амине.* Патронимия у курдов Армении в XIX в. // СЭ. № 6. С. 150-152.

Аверкиева, 1970: *Аверкиева Ю. П.* Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1970.

Агаджанов, 1969: *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.

Агаджанов, 1973: *Агаджанов С. Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI—XII вв. Ашхабад: Ылым, 1973.

Агаханянц, 1965: *Агаханянц О. Е.* Основные проблемы физической географии Памира. Ч. 1. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1965.

Азимджанова, 1971: *Азимджанова С. А.* Государство Бабу-ра в Кабуле и Индии. М.: Наука, 1971.

Айтбаев, 1959: *Айтбаев М. Т.* Очерк охоты киргизов XIX и начала XX вв. // Тр. Ин-та истории АН КиргССР. Вып. 5. Фрунзе: Тип. АН КиргССР, 1959. С. 77-112.

Акишев, 1969: *Акишев К. А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Изв. АН КазССР. 1969. № 1. С. 29—47.

Акишев, 1970: *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 69—78.

Акишев, Кушаев, 1963: *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

Алексеев, 1967: *Алексеев Е. А.* Кеты // Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967.

Алехин, 1950: *Алехин В. В.* География растений. М.: Учпедгиз, 1950.
Али-заде, 1956: *Али-заде А. А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956.

Андрианов, 1978: *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира и опыт его картографирования // Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978. С. 119 — 140.

Аннинский, 1940: *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Ист. Арх. Вып. 3. С. 71—112.

Аполлова, 1976: *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М.: Наука, 1976.

Аргынбаев, 1973: *Аргынбаев Х.* Некоторые особенности хозяйства казахов Копальского уезда Семиреченской области (в конце XIX — начале XX в.) // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. ТИЭ. Т. 98. Л.: Наука, 1973. С. 154—160.

Аристов, 1894: *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях // Живая старина. Вып. 3, 4. 1894. С. 391-486.

Артамонов, 1977: *Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 4—13.

Арунова, Ашрафян, 1958: *Арунова М. Р., Ашрафян К. В.* Государство Надир-шаха Афшара // Очерки общественных отношений в Иране 30-40-х гг. XVIII в. М., Изд-во вост. лит., 1958.

Ахинжанов, 1989: *Ахинжанов С. М.* Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989.

Ахмедов, 1956: *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1956.

Ахмедов, 1979: *Ахмедов Б. А.* Икта в Средней Азии в XVI — начале XVIII в. // *Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке: Бартольдские чтения 1975 г.* М.: Наука, 1979. С. 15—24.

Бабаджанов, 1975: *Бабаджанов Р.* К вопросу о скотоводческом хозяйстве туркмен Тедженского оазиса в конце XIX — начале XX в. // *Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана.* М.: Наука, 1975. С. 220—229.

Байхаги, 1969: *Байхаги, Абу-л-Фазл.* История Мас'уда (1030—1041) / Пер., коммент. и прил. А. К. Арендса. М.: Наука, 1969.

Барбаро, 1971: *Барбаро* и Контарини о России / Пер. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971.

Бартольд, 1963: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Бартольд, 1963а: *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья // Соч. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Бартольд, 1963б: *Бартольд В. В.* История Туркестана // Соч. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Бартольд, 1963в: *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Бартольд, 1963г: *Бартольд В. В.* Таджики. Исторический очерк // Соч. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Бартольд, 1963д: *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Бартольд, 1966: *Бартольд В. В.* Персидская надпись на стене анииской мечети Мануче // Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966.

Бартольд, 1971: *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана // Соч. Т. 7. М.: Наука, 1971.

Баскин, 1976: *Баскин Л. М.* Поведение копытных животных. М.: Наука, 1976.

Бекмаханов, 1947: *Бекмаханов Е.* О зависимых категориях — рабах и тюленгутах (первая половина XIX века) // Вести. АН КазССР. 1947. № 6 (27). С. 46-51.

Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973: *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.

Берг, 1947: *Берг А. С.* Климат и жизнь. М.: Географгиз, 1947. Берг, 1955: *Берг А. С.* Природа СССР. М.: Географгиз, 1955.

Березин, 1864: *Березин И. Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Тр. Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва. Т. 8. С. 387—494.

Бернштам, 1946: *Бернштам А.* Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков // Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Беретти, 1929: *Беретти Н. Н.* На крайнем Северо-Востоке // Зап. Владивостокского отд. Гос. Рус. геогр. о-ва. Владивосток: О-во изуч. Амурского края, 1929. С. 5—102.

Бижанов, 1969: *Бижанов М.* Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых // Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 160—170.

Бичурин, 1950: *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Бичурин, 1950а: *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Боголюбский, 1959: *Боголюбский С. Н.* Происхождение и преобразование домашних животных. М.: Советская наука, 1959.

Богораз-Тан, 1928: *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на земле // Основы этнографии. М.; Л.: Госиздат, 1928.

Боровкова, 1977: *Боровкова А. А.* О борьбе китайского народа против монгольских завоевателей в середине XIV в. // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст., М.: Наука, 1977. С. 447 - 461.

Брегель, 1961: *Брегель Ю. Э.* Хорезмские туркмены в XIX веке. М.: Изд-во вое. лит., 1961.

Брискин, 1929: *Брискин (Восточный) А.* Степи казакские: Очерки степного Казакстана. Кызыл-Орда: Казак, изд-во, 1929.

Броднев, 1959: *Броднев М. М.* Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев // СЭ. 1959. № 6. С. 69—79.

Будыко, 1974: *Будыко М. И.* Изменения климата. Л.: Гидрометеоиздат, 1974.

Бурдуков, 1969: *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. М: Наука, 1969.

Бучинский, 1957: *Бучинский И. Е.* О климате прошлого русской равнины. Л.: Гидрометеоиздат, 1957.

Вайнштейн, 1961: *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

Вайнштейн, 1972: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972.

Вайнштейн, 1991: *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991.

Василевич, 1969: *Василевич Г. М.* Эвенки // Историко-этнографические очерки (XVIII—XX в.). Л.: Наука, 1969.

Василевич, Левин, 1951: *Василевич Г. М., Левин М. Г.* Типы оленеводства и их происхождение. СЭ. 1951. № 1. С. 63—87.

Васильев, 1967: *Васильев А. М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45—1818). М: Наука, 1967.

Васильев, 1982: *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии (1745—1973). М.: Наука, 1982.

Васильев, 1962: *Васильев В. И.* Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение. КСИЭ. 1962. Вып. 37. С. 67—75.

Васильев, 1976: *Васильев В. И.* Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 314—341.

Васильева, 1954: *Васильева Г. П.* Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. 1. ТИЭ. Т. 21. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 82-215.

Вдовин, 1965: *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965.

Вдовин, 1973: *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973.

Виноградов, 1968: *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968.

Виноградов, Мамедов, 1975: *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызыл-кумов. М.: Наука, 1975.

Владимирцов, 1934: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Возовик, 1970: *Возовик Ю. И.* О повторяемости событий в процессе развития ландшафтов во времени // Ритмы и цикличность в природе. Вопросы географии. Сб. 79. М.: Мысль, 1970. С. 3—14.

Волков, 1967: *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967.

Волков, 1979: *Волков В. В.* Монголия в скифское время // The Third International Congress of Mongolists. Т. 3. Улан-Батор, 1979.

Воробьев, 1975: *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.): Исторический очерк. М.: Наука, 1975. Воробьев, 1983: *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь. М.: Наука, 1983.

Вяткин, 1941: *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л.: Госполитиздат, 1947.

Вяткин, 1947: *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Вяткина, 1960: *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики // ТИЭ. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Галкин, 1867: *Галкин М. Н.* Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб.: Типография Куколь-Яснопольского, 1867.

Галстян, 1977: *Галстян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 166—185.

Гамкрелидзе, 1968: *Гамкрелидзе Б. В.* Из истории скотоводства в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 237—247.

Ганковский, 1958: *Ганковский Ю. В.* Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. М.: Изд-во вост. лит., 1958.

Ганковский, 1958а: *Ганковский Ю. В.* Северо-западная Индия под властью шахов Дуррани (некоторые вопросы организации управления индийскими вилайетами) // КСИВ. 1958. Вып. 13. С. 60—74.

Гафуров, 1972: *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972.

Георги, 1776: *Георги, Иоганн Готлиб.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1. Спб.: Шнор, 1776.

Георги, 1796: *Георги, Иоганн Готлиб.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. Спб.: Илья Глазунов, 1796.

Гонгор, 1973: *Гонгор Д. К.* К вопросу формирования халхас-кой народности // The Third International Congress of Mongolists. Т. 1. Улан-Батор, 1972. С. 285—290.

Греков, Якубовский, 1950: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М; А.: Изд-во АН СССР.

Греков, 1975: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М.: Наука. 1975.

Го Мо-жо, 1959: *Го Мо-жо.* Бронзовый век. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Гондатти, 1897: *Гондатти Н.* Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела Императорского РГО. Т. 3. Вып. 1. Хабаровск, 1897. С. 166—178.

Гордлевский, 1960: *Гордлевский В. А.* Государство Сельд-жукидов Малой Азии // Избранные сочинения. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит.

Грайворонский, 1979: *Грайворонский В. В.* От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М.: Наука, 1979.

Гродеков, 1889: *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент: С. И. Лахтин, 1889.

Грумм-Гржимайло, 1926: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. 3. Вып. 1. А.: РГО, 1926.

Грумм-Гржимайло, 1933: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Изв. Гос. Рус. геогр. о-ва. Т. 65. Вып. 5. 1933. С. 437—454.

Грязнов, 1947: *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. 18. 1947. С. 9—17.

Грязнов, 1955: *Грязнов М. П.* Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. Вып. 24. 1955. С. 19—29.

Грязнов, 1957: *Грязнов М. П.* Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. Вып. 26. 1957. С. 21-28.

Грязнов, 1978: *Грязнов М. П.* Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 222—232.

Губар, 1959: *Губар, Мир Гулам Мухаммед.* Ахмад-шах — основатель афганского государства. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Гумилев, 1966: *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (ландшафт и этнос). 4. ВЛУ. 1966. № 6. Сер. геол. и географ.. Вып. 1. С. 62—72.

Гумилев, 1967: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. Гумилев, 1970: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970.

Гумилев, 1974: *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III—VI вв. М.: Наука, 1974. Гумилев, 1989: *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.

Гунга, 1976: *Гунга Ж.* В чем ценность конины? // Монголия. 1976. № 2 (206). С. 31.

Гурвич, 1975: *Гурвич И. С.* Юкагирская проблема в свете этнографических данных // Юкагиры (историко - этнографический очерк). Новосибирск: Наука, 1975. С. 12—83.

Гурвич, 1977: *Гурвич И. С.* Культура северных якутов-оленьеводов // К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977.

Гуревич, 1970: Гуревич А. Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высш. Школа, 1970.

Давыдов, 1969: Давыдов А. Д. Афганская деревня (сельская община и расселение крестьянства). М.: Наука, 1969.

Давыдова, 1975: Давыдова А. В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 141—145.

Давыдова, 1977: Давыдова А. В. Основные вопросы изучения культуры хунну // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 82—90.

Далай, 1975: Далай Ч. Некоторые вопросы истории монголов в период юаньской династии // История и культура Востока Азии. Т. Ъ. Новосибирск: Наука, 1975. С. 196—202.

Далай, 1977: Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе // Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 323—334.

Далай, 1983: Далай Ч. Монголия в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1983.

Данзан, 1973: Данзан, Лубсан Алтай Тобчи («Золотое сказание») / Пер., введ., коммен и прилож. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973.

Дахшлейгер, 1965: Дахшлейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.). Алма-Ата: Наука, 1965.

Дестунис, 1860: Дестунис, Спиридон. Византийские историки / Пер. Спб.: Леонид Демис, 1860.

Диков, 1974: Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н. Н. Диков. Новосибирск: Наука, 1974.

Диков, 1975: Диков Н. Н. Основные проблемы археологического изучения Севере-Востока СССР // ВИ. 1975.

№ 10. С. 43—52.

Дмитриев, 1903: Дмитриев Н. Очерк хозяйственного быта киргизов по данным Кустанайского и др. уездов // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 5. Тургай-

кая область. Кустанайский уезд., Воронеж: В. И. Исаев, 1903. С. 1-154.

Долгих, 1970: *Долгих Б. О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970.

Долгих, Левин, 1951: *Долгих Б. О., Левин М. Г.* Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири // ТИЭ. Т. 14. Изд-во АН СССР, 1951. С. 95—108.

Древнемонгольские города / Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Наука, 1965.

Друри, 1949: *Друри Н. В.* Дикий северный олень Советской Арктики и Субарктики. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949.

Дуброва, 1898: *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Казань: Изд-во Импер. ун-та, 1892.

Дуброво, 1884: *Дуброво Я. П.* Маршрут экспедиции к берегам р. Селенги // Изв. Восточно-Сибирского Отд. Импер. РГО. Т. 15. 1884. № 5—6. С. 1—43.

Думан, 1977: *Думан А. И.* Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII—XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 335—376.

Егоров, 1973: *Егоров В. А.* Золотоордынский город (Причины возникновения, историческая география, домостроительство). М: МГУ, 1973.

Егоров, 1985: *Егоров В. А.* Историческая география Золотой Орды в XII—XIV вв. М.: Наука, 1985.

Еремеев, 1969: *Еремеев Д. Е.* Юрюки: турецкие кочевники и полукочевники. М.: Наука, 1969.

Еремеев, 1971: *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М.: Наука, 1971.

Ермаченко, 1974: *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974.

Жагварал, 1974: *Жагварал Н.* Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор. 1974.

Жданко, 1950: *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии кара-калпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX - нач. XX вв. // ТИЭ. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Жебрак, 1933: *Жебрак А.* Пути и методы интенсификации кочевого животноводства МНР // Современная Монголия №3 С. 3—18.

Житецкий, 1892: *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки: наблюдения и заметки. Астрахань: Астраханский листок, 1892.

Житков, 1913: *Житков Б. М.* Полуостров Ямал // Записки Импер. РГО по общ. геогр. Т. 49. Спб., 1913.

Жуковская, 1979: *Жуковская Н. Л.* Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5. С. 64—75.

Жуковская, 1988: *Жуковская Н. Л.* Категория и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988.

Жуковская, 1990: *Жуковская Н. Л.* Судьба кочевой культуры. М.: Наука, 1990.

Завадский-Караснопольский, 1874: *Завадский – Караснопольский А. К.* Русское царство. Приаральский край. Спб.: П. П. Муркульев, 1874.

Захир ад-Дин Бабур, 1958: *Захир ад-Дин Бабур* Бабур-наме (Записки Бабура) / Пер. М. Селье. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958.

Збенович, 1974: *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1974.

Зиманов, 1958: *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958.

Зимин, 1972: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М.: Мысль, 1972.

Златкин, 1964: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635-1758). М.: Наука, 1964.

Златкин, 1971: *Златкин И. Я.* Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран Зарубежного Востока. М.: Наука, 1971. С. 131—193.

Златкин, 1973: *Златкин И. Я.* Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // *НАА*. 1973. № 1 С. 61—71.

Зуев, 1947: *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771-1772) // *ТИЭ*. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Иванов, 1976: *Иванов В. В.* Язык как источник при этногене-тических исследованиях и проблематика славянских древностей // *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. М.: Наука, 1976. С. 30—47.

Иванов, 1961: *Иванов М. С.* Племена Фарса. Кашкайские, хамсе, кух-гилуие, мамасани // *ТИЭ*. Т. 63. М.: Изд-во АН СССР.

Иванов, 1965: *Иванов Н. А.* Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в. // *Арабские страны. История*. М.: Наука, 1965. С. 152-192.

Иванов, 1958: *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М.: Изд-во вост. лит., 1958.

Ильясов, 1963: *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963.

Исаев, 1992: *Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России* / Отв. ред. И. А. Исаев. М.: Русская книга, 1992.

Исмаилов, 1973: *Исмаилов М. А.* О характере так называемого кочевого скотоводства в Азербайджане в XIX — начале XX веков. Изв. АН АзССР. Сер. ист., фил. и права. 1973. № 3. С. 51—59.

Историко-этнографический атлас Сибири / Под. ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

История Ирана / Под ред. М. С. Иванова. М.: Изд-во МГУ, 1977.

История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1967.

История Сибири. Т. 1. Д.: Наука, 1968.

Итина, 1977: *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э.). М.: Наука, 1977.

Ишжамц, 1974: *Ишжамц, Н.* Монголд нэгдсэн тор байгуу-лагдаж феодализм бүрэлдэн тогтсон нь. Улан-Батор: Юинжлэх Ухааны акад. хэвлэл, 1974.

Ищенко, 1928: *Ищенко М. М., Казбеков И. С., Ларин И. В., Щелоков Б. К.* Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 13 (Серия Казахстанская). Л.: Изд-во АН СССР.

Кадырбаев, 1990: *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII—XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990.

Калиновская, 1989: *Калиновская К. П.* Скотоводы восточной Африки в XIX—XX вв. М.: Наука, 1989.

Калинина, 1974: *Калинина А. В.* Основные типы пастбищ Монгольской Народной Республики (их структура и продуктивность) // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. Т. 2. Л.: Наука, 1974.

Каргалов, 1967: *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высш. шк., 1967.

Карев, 1968: *Карев Г. И.* Очерки по истории развития северного оленеводства. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1968.

Кармышева, 1954: *Кармышева Б. Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // Тр. ин-та. ист., археол. и этногр. АН ТаджССР. Т. 28. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР.

Кармышева, 1976: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976.

Каррыев, Мошкова, Насонов, Якубовский, 1954: *Каррыев, Ага, Мошкова В. Г., Насонов А. Я., Якубовский А. Ю.* Очерки из истории туркменского народа Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад: АН ТССР.

Керцелли, 1911: *Керцелли Е. В.* По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск: Губ. тип., 1911.

Киселев, Мерперт, 1965: *Киселев С. В., Мерперт Н. Я.* Из истории Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 123—137.

Клеопов, 1941: *Клеопов Ю. Д.* Основные черты развития флоры широколиственных лесов Европейской части СССР // Материалы по истории флоры и растительности СССР Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1941 С. 182—250.

Клепикова, 1974: *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). М.: Наука, 1974.

Кляшторный, 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Кляшторный, 1970: *Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу билиг» // Советская тюркология. 1970. № 4. С. 82—86.

Кляшторный, 1972: *Кляшторный С. Г.* Эпоха Махмуда Кашгарского // Советская тюркология. 1972. № 1. С. 18—28.

Кляшторный, Султанов, 1992: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.

Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. В. В. Бартольда; Изд. В. М. Жирмунского, А. Н. Кононова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Ковалевская, 1977: *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. Пути и судьбы. М.: Наука, 1977.

Ковалевский, 1956: *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков: Изд-во ХГУ, 1956.

Ковалевский, 1938: *Ковалевский Г. В.* Вертикальные земледельческие зоны и верхние границы сельскохозяйственных растений в горах земного шара // Изв. Гос. Рус. геогр. об-ва. 1938. Т. 70. Вып. 4—5. С. 480—511.

Ковязин, 1936: *Ковязин Н. М.* Оленеводство в Эвенском национальном округе // Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л. 1936. С. 3-38.

Козин, 1941: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Козлов, 1947: *Козлов П. К.* Монголия и Кам. М.: Географ-гиз, 1947.

Колычева, 1956: *Колычева Е. И.* Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII века // СЭ. 1956. № 2. С. 76—88.

Константину, 1974: *Константину Флорин* Роль кочевых народов в развитии румынского общества (IX—XIV вв.) // *Role of the Nomadic Peoples*. 1974. С. 159Л64.

Косвен, 1963: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Костин, 1965: *Костин С. И.* Колебания климата на русской равнине в историческую эпоху // Труды Главной Геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова. Вып. 181. Л. 1965. С. 56—74.

Котляков, Зонн, Чернышев, 1988: *Котляков В. М., Зонн С. В., Чернышев Е. П.* Современное состояние, рациональное освоение и охрана природных ресурсов Юго-Востока ЕТС // Вестник АН СССР. Вып. 5. 1988. С. 59—69.

Крадин, 1992: *Крадин Н. И.* Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992.

Крупник, 1975: *Крупник И. И.* Природная среда и эволюция тундрового оленеводства // Карта, схема и число в этнической географии. М.: РГО, 1975. С. 26—43.

Крупник, 1976: *Крупник И. И.* Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера. К методике изучения этно-экологических систем: Дис. ... канд. ист. наук. М.: АН СССР. Ин-т этнографии, 1976.

Крупник, 1976а: *Крупник И. И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1976. № 2. С. 57—69.

Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978: *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древнейшие китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978.

Кузеев, 1978: *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978.

Кумеков, 1972: *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.

Курпалидис, 1979: *Курпалидис Г. М.* Икта и мулк в официальных документах XIII в. (по «Атабат ал-катаба») // *Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке*. М.: Наука, 1979. С. 102-109.

Кычанов, 1968: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968.

Кычанов, 1973: *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: Наука, 1973.

Кычанов, 1974: *Кычанов Е. И.* К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен XII в. In: *Pole of the Nomadic Peoples*. 1974. С 165-170.

Кычанов, 1977: *Кычанов Е. И.* Монголо-тибетские войны и гибель государства Си Ся // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука, 1977. С. 46—61.

Кычанов, Савицкий, 1975: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов: Очерк истории Тибета и его культуры. М.: Наука, 1977.

Кюннер, 1908: *Кюннер Н. В.* Этнографическое описание Тибета. Вып. 2. Экономический очерк Тибета // *Изв. Вост. ин-та*. Т. 27. Владивосток. 1908.

Лашук, 1973: *Лашук Л. П.* Кочевничество и общие закономерности истории // *СЭ*. 1973. № 2. С. 83-95.

Левин, 1958: *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // *ТИЭ*. Т. 36. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Левшин, 1832: *Левшин, Алексей.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1—3. Спб.: Карл Край, 1832. Логашева, 1976: *Логашева В.-Р.* Туркмены Ирана. М.: Наука, : 1976.

Лус, 1930: *Лус Я. Я.* Домашний як и его гибриды на Алае и Тянь-Шане // *Домашние животные Киргизии*. Ч. 1 Л., Изд-во АН СССР, 1930.

Лус, Колесник, 1930: *Лус Я. Я., Колесник Н. Н.* Крупный рогатый скот кочевого населения Киргизии // *Домашние животные Киргизии*. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Лялина, 1894: *Лялина М. Л.* Путешествия по Туркестану Н.Севериева и А. Федченки. Спб.: Девриен, 1894.

Маанаев, 1963: *Маанаев Э.* Памирские киргизы. (Истори-ко-этнографический очерк) // Афтореф. дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе: Ин-тут ист. АН КиргССР, 1963.

Майский, 1921: *Майский, И. М.* Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, 1921.

Майский, 1959: *Майский Им. М.* Монголия накануне революции. М.: Изд-во вост. лит., 1959.

Максимов, 1929: *Максимов А. Н.* Происхождение оленеводства // Ученые записки Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. 6. М. 1929. С. 3—37.

Малов, 1951: *Малое С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Малов, 1959: *Малое С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; А.: Изд-во АН СССР, 1959.

Малявкин, 1972: *Малявкин А. Г.* К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата // Известия Сибирского отделения АН СССР. № 1. Сер. общ. наук. 1972. Вып. 1. С. 27-35.

Малявкин, 1974: *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. // История и культура Востока Азии. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1974.

Малявкин, 1975: *Малявкин А. Г.* Китай и уйгуры в 840—848 гг. // История и культура Востока Азии. Т. 3. Новосибирск: Наука, 1975. С. 65-82.

Мамбетов, 1974: *Мамбетов Г. Х.* О производственных объединениях по совместному содержанию скота у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX века // Археолого-этнографический сборник. Вып. 1. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 128—147.

Мамонова, 1979: *Мамонова Н. И.* Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // The Third International Congress of Mongolists. Т. 3. Улан-Батор, 1979. С. 204—210.

Мандыбура, 1972: *Мандыбура М. Д.* Гуцульское полонинское хозяйство второй половины XIX — начала XX в. // Карпатский сборник: Труды международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и прилегающих к ним областей. М.: Наука, 1972. С. 7-19.

Марков, 1970: *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ. 1970. № 6. С. 74—89.

Марков, 1976: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976.

Марковска, 1973: *Марковска Д.* Процесс урбанизации в современной Монголии // The Second International Congress of Mongolists. Т. 3. Улан-Батор, 1973. С. 285—290.

Мартынов, 1970: *Мартынов А. С.* О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1970. С. 234—250.

Масанов, 1984: *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX вв. Алма-Ата: Наука, 1984.

Масанов, 1995: *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности помадного общества. М.; Алматы: Социвест-Горизонт, 1995.

Маслов, 1934: *Маслов П.* Кочевые объединения единичных хозяйств в тундре Северного Края // Советский Север. 1934. № 5. С. 27—34.

Массон, 1971: *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики) // МИА. № 180. М.: Наука, 1971.

Массон, 1976: *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976.

Массон, Ромодин, 1965: *Массон, В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 2. М.: Наука, 1965.

Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (извлечения из персидских и тюркских источников) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып 1. М.: Наука, 1973.
Материалы по истории туркмен и Туркменистана VII—VI вв. // Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. М.; Л Изд-во АН СССР, 1939.

Махмудов, 1966: *Махмудов Н.* Феодалная рента и налоги при Тимуре и Тимуридах // Вопросы истории СССР. Труды Таджикского государственного университета // Серия исторических наук. Вып. 2. Душанбе, 1966. С. 231 — 271.

Мелихов, 1977: *Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. ст. М.: Наука, 1977.

Мерперт, 1974: *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского Междуречья. М.: Наука, 1974.

Мерперт, 1978: *Мерперт Н. Я.* О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 55—63.

Меновщиков, 1974: *Меновщиков Г. А.* Дикие растения в рационе коренных жителей Чукотки // СЭ. 1974. № 2. С. 93—99.

Меховский, 1936: *Меховский, Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Миклухо-Маклай, 1954: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII) // Ученые записки ЛГУ. 1954. № 179. Сер. востоковед, наук. Вып. 4. С. 138—158.

Мильков, 1967: *Мильков Ф. Н.* Основные проблемы физической географии СССР. М.: Вые. шк., 1967.

Мильков, 1977: *Мильков Ф. Н.* Природные зоны СССР. М.: Мысль, 1977.

Мошинская, 1953: *Мошинская В. И.* Материальная культура и хозяйство Уст-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья (МИА № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 72—106.

Муканов, 1974.: *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата: Наука, 1974.

Мункуев, 1965: *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Перевод и исследование. М.: Наука, 1965.

Мункуев, 1965а: *Мункуев Н. Ц.* О формах эксплуатации монгольских аратов в XIII—XIV веках. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. // Труды Бурятского

комплексного научно-исследовательского института. Вып. 16. (Сер. востоквед.). Улан-Удэ, 1965. С. 68—86.

Мункуев, 1965Б: *Мункуев Н. Ц.* К вопросу об экономическом положении Монголии и Китая в XIII—XIV вв. // Краткие сообщения Института народов Азии. 1965. Вып. 76. С. 136—153. Мункуев, 1975: *Мункуев Н. Ц.* Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. М.: Наука, 1975.

Мункуев, 1977: *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 377—408.

Мункуев, 1977а: *Мункуев Н. Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 409-446.

Муравьев, 1822: *Муравьев, Николай.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Ч. 1. М.: Август Семеро, 1822.

Народы Передней Азии. Под ред. Н. Н. Кислякова, А. И. Першица. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Народы Сибири. Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Народы Средней Азии и Казахстана / Под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Народы Средней Азии и Казахстана / Под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Насимович, 1955: *Насимович А. А.* Роль снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Насонов, 1940: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

Наумкин, Томас, Хазанов, Шапиро, 1999: *Наумкин В., Томас Д., Хазанов А., Шапиро К.* Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям. М.: Университет Висконсина в Медисоне и Российский центр стратегических исследований, 1999.

Наумкин, Шапиро, Хазанов, 1997: *Наумкин В., Шапиро К., Хазанов А.* Пасторализм в Центральной Азии. М.: Университет Висконсина в Медисоне и Российский центр стратегических исследований, 1997.

Небольсин, 1852: *Небольсин, Павел.* Очерки быта калмыков Хошоновского улуса. Спб.: Карл Край, 1852.

Нейштадт, Гуделис: *Нейштадт М. И., Гуделис В. К.* Проблемы голоцена: Вопросы голоцена. Вильнюс. С. 5—44.

Низам ал-Мульк, 1949: *Низам ал-Мульк.* Сиасет-намэ. Книга о правлении взира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер. Б. Н. Заходера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Новикова, Сиземская, 1995: *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Мир России-Евразии // Антология. М.: Высш. шк., 1995.

Нурмухамедов, Савосько, Сулейменов, 1966: *Нурмухамедов С. Б., Савосько В. К., Сулейменов П. Б.* Очерки истории социалистического строительства в Казахстане (1933—1940). Алма-Ата: Наука, 1966.

Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970.

Окладников, 1970: *Окладников А. П.* Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 172—193.

Оразов, 1970: *Оразов А.* Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в. // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 10. М.: Наука, 1970. С. 200-206.

Оразов, 1975: *Оразов А.* О типах скотоводства в Ахале в конце XIX — начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 206—219.

Очиров, 1925: *Очиров Н.* Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 г. Астрахань: Издание Калмыцкой областной плановой комиссии, 1925.

Паллас, 1809: *Паллас П. С.* Собрание исторических сведений о монгольских народах. Спб., 1809.

Пальмов, 1926—1929: *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков Ч. 1, 2, 3—4 Астрахань: Издание Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, 1926—1929.

Пассек, Черныш, 1970: *Пассек Т. Е., Черныш Е. К.* Неолит Северного Причерноморья // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 117—133.

Першиц, 1959: *Першиц А. А.* О коллективной собственности на скот у кочевников-скотоводов // СЭ. 1959. № 6. С. 37—42.

Першиц, 1960: *Першиц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // Проблемы истории первобытного общества // ТИЭ. Т. 54. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Першиц, 1961: *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (историко-этнографические очерки) // ТИЭ. Т. 69. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Першиц, 1968: *Першиц А. И.* Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968. С. 320—355.

Першиц, 1973: *Першиц А. И.* К вопросу о саунных отношениях // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973. С. 104—110.

Першиц, 1976: *Першиц А. И.* Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у скотоводов-кочевников // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 280-313.

Першиц, 1978: *Першиц А. И.* Проблема типологизации общины в до-революционной русской и советской этнографии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 8. ТИЭ. Т. 107. М.: Наука, 1978. С. 142-156.

Першиц, Хазанов, 1979: *Першиц А. И., Хазанов А. М.* Община у кочевых скотоводов. НАА. 1979. № 2.

Петри, 1926: *Петри Б.* Оленеводство у карагас // Изв. Биол.-Географ. НИИ при Гос. Иркутском ун-те. Т. 3. Вып. 1. 1926. С. 23-44.

Петров, 1961: *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII веках. Фрунзе Изд-во АН Кирг ССР.

Петров, 1964: *Петров М. П.* Пустыни СССР и их освоение М; Л: Наука, 1964.

Петров, 1966: *Петров М. П.* Пустыни Центральной Азии. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1966.

Петров, 1966а: *Петров М. П.* Еще раз об усыхании Азии // Известия Всесоюзного географического общества. Т 98 1966 № 3 С. 205—211.

Петрушевский, 1949: *Петрушевский Н. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.

Петрушевский, 1949а: *Петрушевский Н. П.* Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койунлу // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1949. С. 144—152.

Петрушевский, 1949б: *Петрушевский И. П.* Государства Азербайджана в XV веке // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1949. С. 153—213.

Петрушевский, 1949с: *Петрушевский Н. П.* Азербайджан в XVI—XVII веках // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1949.

Петрушевский, 1952: *Петрушевский И. П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин: Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7—37.

Петрушевский, 1960: *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Петрушевский, 1977: *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 107—139.

Пигулевская, 1958: *Пигулевская Н. В.* История мар Яба-лахи III и раббан Саумы / Исслед., перев., прим. М.: Изд-во вост. лит., 1958.

Пика, Прохоров, 1988: *Пика А., Прохоров Б.* Большие проблемы малых народов // Коммунист. № 16. 1988. С. 76—83.

Пикулин, 1959: *Пикулин М. Г.* Белуджи. М.: Изд-во вост. лит., 1959.

Пиотровский, 1985: *Пиотровский М. Б.* Южная Аравия в раннем средневековье. М.: Наука, 1985.

Пищулина, 1969: *Пищулина К. А.* Присырдаринские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках // Казахстан в XV—XVII веках. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 5—49.

Пищулина, 1977: *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков: Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата: Наука, 1977.

Плоских, 1972: *Плоских В. М.* Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в. // К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1972. С. 24—52.

Поволжье в средние века / Ответ, ред. А. П. Смирнов. МИА. № 164. М.: Наука, 1970.

Полное собрание русских летописей. Т. 10. Спб.: Тип. МВД, 1885.

Полубояринова, 1978: *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.

Попов, 1948: *Попов А. А.* Нганасаны. Вып. 1. ТИЭ. Т. Ъ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Потанин, 1950: *Потанин Г. П.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М.: Изд-во Геогр. лит., 1950.

Потапов, 1954: *Потапов А. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. 1954. № 6. С. 73—89.

Предтеченский, 1957: *Предтеченский П. П.* Очерк поздне-ледниковой и послеледниковой истории климата / / Труды лаборатории озероведения АН СССР. Т. 5. М.; Л. 1957. С. 86-115.

Прокофьев, 1928: *Прокофьев Г. Н.* Остяко-самоеды Туруханского края: Этнография. Кн. 6. 1928. № 2. С. 96 103.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Руб-рука. М.: Географгиз, 1957.

Рашид ад-Дин, 1946: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Рашид ад-Дин, 1952: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рашид ад-Дин, 1952а: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952

Рашид ад-Дин, 1957: *Рашид ад-Дин*. Джами ат-таварих: Сб. летописей. Т. 3. Баку: Изд-во АН АзССР, 1947,

Рашид ад-Дин, 1960: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Робакидзе, 1978: *Робакидзе А. И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. 1978. № 2. С. 15—24.

Рейснер, 1954: *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Решетов, Яковлев, 1975: *Решетов А. М., Яковлев А. Г.* К вопросу о социально-экономических отношениях у тибетцев в первой половине XX в. // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 198—215.

Рычков, 1877: *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губ. 1762 г. Оренбург. 1877.

Рябцева, 1970: *Рябцева К. М.* Динамика оледенений Хибин в голоцене в связи с ритмами увлажнения северного полушария // Ритмы и цикличность в природе (Вопросы географии. Сб. 79). М.: Мысль, 1970. С. 105—120.

Сабырханов, 1969: *Сабырханов А. К.* истории земельных отношений Казахстана в XVIII веке: На материалах Младшего Жуза // Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 146—159.

Савоскул, Карлов, 1988: *Савоскул С. С., Карлов В. В.* Туру-ханская ГЭС и судьба Эвенкии // Советская этнография. № 5. 1988. С. 166—68.

Сазонова, 1978: *Сазонова М. В.* Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Л.: Наука, 1978.

Сандаг, 1977: *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 23—45.

Сафаргалиев, 1960: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960.

Свистунова, 1977: *Свистунова Н. П.* Гибель Южносунско-го царства // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. М.: Наука, 1977.

Семенов, 1976: *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государств. М.: Наука, 1976. С. 7—86.

Семенова, 1977: *Семенова Л. А.* Из истории фатимидского Египта. Очерки и материалы. М: Наука, 1977.

Семенюк, 1973: *Семенюк Г. И.* Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин: Изд-во Калининского Гос. ун-та, 1973.

Семерилов, 1939: *Семерилов П. П.* Оленеводство тундр Ненецкого Округа. Архангельск: Северное Краевое изд-во, 1939.

Симаков, 1978: *Симаков Г. Н.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов. (Конец XIX — начало XX в.) // СЭ. 1978. № 6. С. 14—27.

Симченко, 1976: *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976.

Симуков, 1933: *Симуков А.* Хотоны // Современная Монголия. 1933. № 3. С. 19—32.

Синицын, 1967: *Синицын В. М.* Введение в палеоклиматологию. Л.: Недра, 1967.

Словцов, 1881: *Словцов И.* Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г. Омск. 1881.

Смилянская, 1979: *Смилянская И. М.* Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материалах Сирии, Ливии и Палестины). М.: Наука, 1979.

Смирнов, 1961: *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 46—72.

Снесарев, 1921: *Снесарев А. Е.* Афганистан. М.: Гос. изд-во, 1921.

Соколова, 1990: *Соколова З. П.* Перестройка и судьбы малочисленных народов Сибири // История СССР № 1 1990. С. 155-166.

Средняя Азия. Экономико-географическая характеристика и проблемы развития хозяйства / Ответ, ред. А. А Минц М., Мысль, 1969.

Строева, 1958: *Строева Л. В.* Борьба кочевой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV века // Сборник памяти И. Ю. Крачковского. Л. 1958.

Тарасов, 1993: *Тарасов А.* Поминки по Северу // Известия Октябрь 9. 1993. С. 6.

Таскин, 1968: *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М.: Наука, 1968.

Таскин, 1968а: *Таскин В. С.* Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М.: Изд-во вост. лит., 1968. С. 21—44.

Таскин, 1973: *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну: по китайским источникам. Вып. 2. М.: Наука, 1973.

Таскин, 1975: *Таскин В. С.* Киданьский император на китайском престоле // История и культура Востока Азии. Т. 3. Новосибирск: Наука, 1975. С. 83—98.

Таттар, 1961: *Таттар А. В.* Изменение фауны грызунов и птиц на территории средней полосы Европейской части СССР в голоцене // Вопросы голоцена. Вильнюс, 1961. С. 327—340.

Терлецкий, 1934: *Терлецкий П.* К вопросу о пармах Ненецкого округа // Советский Север. 1934. № 5. С. 35—44.

Тизенгаузен, 1884: *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Спб.: Императорская Академия Наук, 1884.

Тимковский, 1824: *Тимковский Е.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1. Спб.: Тип. Мед. Департамента МВД, 1824.

Тихонов, 1966: *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. М.; Л.: Наука, 1966.

Толстов, 1934: *Толстой С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 165—199.

Толстов, 1947: *Толстой С. П.* Города гузов (историко-этнографические этюды) // СЗ. 1947 № 3. С. 55—102.

Толстов, 1948: *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948.

Толстой, 1997: *Толстой Н. И.* Русский узел евразийства // Восток в русской мысли. М.: Беловодье, 1997.

Толыбеков, 1959: *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во, 1959.

Толыбеков, 1971: *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века: Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971.

Трепавлов, 1993: *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М.: Наука, 1993.

Трубачев, 1960: *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Трубецкой, 1966: *Трубецкой В. В.* Бахтиары (оседло-кочевые племена Ирана). М.: Наука, 1966.

Трубецкой, 1977: *Трубецкой В. В.* Трансформация традиционной социально-экономической структуры кочевых и полукочевых племен Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки // Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М.: Наука, 1977. С. 73—105.

Тугаринов, 1926: *Тугаринов А. Я.* Последние калмажи: Северная Азия. Кн. 1. 1926. С. 73—88.

Тумаджанов, 1961: История лесов Северного Кавказа в голоцене // Вопросы голоцена. Вильнюс: 1961. С. 249—266.

Утешев, Семенов, 1967: *Утешев А. С, Семенов С. Е.* Климат и ветровая эрозия почв. Алма-Ата: Кайнар, 1967.

Фазлаллах, 1976: *Фазлаллах Ибн Рузбихан Исфাহани.* Михман-наме-йн Бухара. (Записки Бухарского гостя) / Пер., предисл. и прим. Р. П. Джалиловой. М.: Наука, 1976.

Фань Вэнь-лань, 1958: *Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Фарзалиев, 1979: *Фарзалиев Ш. Ф.* О суйургале в XV— XVI вв. (по «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу) // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдские чтения 1975 г. М.: Наука, 1979. С. 141—145.

Федоров-Давыдов, 1966: *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966.

Федоров-Давыдов, 1973: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973.

Федорович, 1973: *Федорович Б. А.* Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. ТИЭ. Т. 98. Л.: Наука, 1973. С. 207—222.

Фиельструп, 1927: *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки. Сб. 2. (Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 2.). Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 78—107.

Фильштинский, 1977: *Фильштинский И. М.* Арабская литература в средние века. М.: Наука, 1977.

Формозов А. Н., 1928: *Формозов А. Н.* В Монголии. М.; Л.: Госиздат, 1928.

Формозов А. А., 1977: *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977.

Хазанов, 1970: *Хазанов А. М.* Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138—148.

Хазанов, 1971: *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.

Хазанов, 1972: *Хазанов А. М.* О характере рабовладения у скифов // ВДИ. 1972. № 1. С. 159—170.

Хазанов, 1973: *Хазанов А. М.* О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этногеографии Востока. М.: РГО, 1973. С. 5—10.

Хазанов, 1974: *Хазанов А. М.* Сармато-калмыцкие параллели: (К вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологической обстановке) // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции. Элиста, 17—19 мая 1972 года. Вып. 1. Элиста, 1974. С. 213—219.

Хазанов, 1975: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975.

Хазанов, 1975а: *Хазанов А. М.* Некоторые проблемы экологии нómа-дизма // Карта, схема и число в этнической географии. М.: РГО, 1975. С. 43—50.

Хазанов, 1975b: *Хазанов А. М.* Община в разлагающихся первобытных обществах и ее исторические судьбы // ВДИ. 1975. № 4. С. 3—13.

Хазанов, 1976: *Хазанов А. М.* Роль рабства в процессах классообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 249—279.

Хазанов, 1979: *Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.

Харузин, 1889: *Харузин, Алексей.* Киргизы Букеевской Орды: (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. // Изв. Импер. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 63. Тр. антрополог, отд. Т. 10. М., 1889.

Хлопин, 1970: *Хлопин И. Н.* Проблема происхождения культуры степной бронзы // КСИА. Вып. 122. 1970. С. 54-58.

Хомич, 1966: *Хомич А. В.* Ненцы. М.; Л.: Наука, 1966.

Хомич, 1976: *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976.

Цалкин, 1964: *Цалкин В. И.* Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века // КСИА. Вып. 101. 1964. С. 24—34.

Цалкин, 1966: *Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА № 135. М.: Наука, 1966.

Цалкин, 1968: *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок Кара-корума // КСИА. Вып. 114. 1968. С. 16-23.

Цалкин, 1970: *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА № 161. М.: Наука, 1970.

Цалкин, 1972: *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териоло-

гии. (Тр. Московского об-ва испытателей природы). Т 48 М 1972. С. 66—81.

Чулошников, 1924: *Чулошников А. П.* Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. 4.1. Оренбург: Киргизское государ, изд-во, 1924.

Шаймиев, 1997: *Шаймиев, Минтимер.* В истории народа — его настоящее и будущее // Родина. № 3—4. 1997. С. 6.

Шан Юэ, 1959: Очерки истории Китая / Отв. ред. Шан Юэ. М.: Изд-во вост. лит., 1959.

Шаниязов, 1975: *Шаниязов К.* Основные отрасли животноводства в дореволюционном Узбекистане // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С 188—193.

Шапиро, 1977: *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.

Шахматов, 1964: *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. (Вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964.

Шенников, 1971: *Шенников А. А.* Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества» // Этнография народов СССР. Сб. стат. Геогр. об-во СССР. Отделение этнографии. Л.: 1971. С. 76—93.

Шенников, 1973: *Шенников А. А.* Жилые дома ногойцев Северного Причерноморья // Славяно-русская этнография: Сб. ст. Геогр. об-во СССР. Л., 1973. С. 46—72.

Шибаета, 1973: *Шибаета Ю. А.* Животноводство у киргизов Восточного Памира // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Тр. ТИЭ. Т. 98. Л.: Наука, 1973. С. 99—132.

Шилов, 1964: *Шилов В. П.* Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 6. Л., 1964. С. 86—102.

Шилов, 1975: *Шилов В. П.* Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. 1975. № 1. С. 5—16.

Ширендыб, 1975: *Ширендыб Б.* Некоторые вопросы истории земельных отношений в Монголии // История и культура Востока Азии. Т. 3. Новосибирск: Наука, 1975. С. 226—234.

Шнирельман, 1974: *Шнирельман В. А.* Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства // СЭ. 1974. № 3. С. 41—52.

Шнирельман, 1980: *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980.

Шнирельман, 1986: *Шнирельман В. А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 236—426.

Шнирельман, 1989: *Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989.

Шнитников, 1957: *Шнитников А. В.* Изменение общей увлажненности материков Северного Полушария: Записки Геогр. об-ва СССР // Новая серия. Вып. 16. М.; Л., 1957.

Шнитников, 1969: *Шнитников А. В.* Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности: Очерки. А.: Наука, 1969.

Шульженко, 1954: *Шульженко И. Ф.* Животноводство Монгольской Народной Республики (Труды Монгольской комиссии). Вып. 61. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Эрдниев, 1964: *Эрдниев У. Э.* Скотоводство у калмыков в XIX — начале XX веков: Историко-этнографический очерк // Записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Вып. 4. Сер. историческая. Элиста, 1964. С. 20—46.

Эрдниев, 1970: *Эрдниев У. Э.* Калмыки: (конец XIX — начало XX вв.) // Историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое книжн. изд-во, 1970.

Эфендиев, 1979: *Эфендиев О. А.* Институт «суйургал» и централистская политика правителей Ак-Койунлу и первых Се-февидов // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдовские чтения 1975 г. М.: Наука, 1979. С. 168—175.

Якубовский, 1941: *Якубовский А. Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: Изд-во Узбекского филиала АН СССР, 1941.

Abu Jaber K. S. and Gharaibeh F. A. 1981: *Abu Jaber K. S. and Charaibeh F. A.* Bedouin Settlement: Organizational, Legal, and Administrative Structure in Jordan. In: *The Future of Pastoral Peoples*. Ed. by D. Aronson, J. G. Galaty, and P.C. Salzman. Ottawa, International Development Research Centre. 1981: 294—300.

Abu-Lughod Janet L. 1989: *Abu-Lughod Janet L.* Before European Hegemony: The World System AD 1250—1350th N^o York: Oxford University Press. 1989.

Abun-Nasr Jamil M. 1971: *Abun-Nasr Jamil M* A History of the Maghrib. Cambridge; Cambridge University Press. 1971.

Abun-Nasr Jamil M 1987: *Abun-Nasr Jamil M* A History of the Maghrib in the Islamic Period. Cambridge, Cambridge University Press. 1987.

Adams R. M. 1965: *Adams R. M.* Land Behind Baghdad. Chicago; Chicago University Press. 1965.

Adams R. M. 1981: *Adams R. M.* Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use of the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago and London, University of Chicago Press. 1981.

Adamu Mahdi and Kirk-Greene A. H. M. eds. 1986: *Adamu Mahdi and Kirk-Greene A. H. M.* eds. Pastoralists of the West African Savanna. Manchester, Manchester University Press. 1986.

Ahmed Akbar S. and Hart David M. eds. 1984: *Ahmed, Akbar S. and Hart David M.* eds. Islam in Tribal Societies: From the Atlas to the Indus. London, Routledge and Kegan Paul. 1984.

Aikio, Pekka. 1989: *Aikio, Pekka.* The Changing Role of Reindeer in the Life of the Sami. In: *Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Prédation*. Ed. by J. Glutton-Brock. London, Unwin Hyman. 1989: 169—184.

Al Rasheed, Madawi. 1991: *Al Rasheed. Madawi.* Politics in an Arabian Oasis: The Rashidi Tribal Dynasty. London and New York, L. B. Taubman & Co. 1991.

Al-Azmeh Aziz. 1985: *Al-Azmeh Aziz.* Review of Nomads and the Outside World. *The Journal of Peasant Studies*. 1985. Vol. 13, No. 1: 132—133.

Albright William Foxwell. 1942: *Albright William Foxwell.* Archaeology and the Religion of Israel. Baltimore, The Johns Hopkins Press. 1942.

Albright William Foxwell. 1960: *Albright William Foxwell*. The Archaeology of Palestine. Penguin Books, Harmondsworth, Middlesex. 1960.

Allan William. 1965: *Allan William*. The African Husbandman. London, Oliver and Boyd. 1965.

Allsen Thomas T. 1987: *Alhen Thomas T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Great Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands. Berkeley, University of California Press. 1987.

Allsen Thomas T. 1997: *Allsen Thomas T.* Commodity and Exchange in the Mongol Empire: a Cultural History of Islamic Textiles. Cambridge: Cambridge University Press. 1997.

Almagor Uri. 1978: *Almagor Uri*. Pastoral Partners: Affinity and Bond Partnership among the Dassanetchof South-West Ethiopia. Manchester, Manchester University Press. 1978.

Alpers Edward and Ehret Christopher. 1975: *Alpers Edward and Ehret Christopher*. Eastern Africa. CHA. Vol. 4, From c.1600 to c 1790. Ed. By Richard Gray. Cambridge, Cambridge University Press. 1975: 469—536.

Amitai-Preiss Reuven. 1995: *Amitai-Preiss Reuven*. Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260—1281. Cambridge: Cambridge University Press. 1995.

Anati Emmanuel. 1968: *Anati Emmanuel*. Rock-Art in Central Arabia. Vol. 1. Universite de Louvain. Institut Orientaliste (Bibliothèque du Museon. Vol. 50). Louvain. 1968.

Anati Emmanuel. 1974: *Anati Emmanuel*. Rock-Art in Central Arabia. Publications de l'institut orientaliste de Louvain 6. Louvain. 1974.

Anbar M. 1985: *Anbar M.* The Amorite Tribes in Mari and the Settlement of the Israelites in Canaan. Tel Aviv, The Chaim Rosenberg School of Jewish Studies, Tel Aviv University (In Hebrew). 1985.

Anderson Lisa. 1986: *Anderson Lisa*. The State and Social Transformation in Tunisia and Libya, 1830—1980. Phnceton, Princeton University Press. 1986.

Anthony David W. and Brown Dorcas R. 1991: *Anthony David W. and Brown Dorcas R.* The Origins of Horseback Riding. Antiquity. Vol. 65. 1991: 22—38.

Arbos, Philippe. 1923. The Geography of Pastoral Life: Illustrated with European Examples. GR. 1923. Vol. XIII, No. 4: 559—575.

And Lands. A Geographical Appraisal. Ed. By E. S. Hills. Paris, UNESCO, 1966.

Arkell A. J. 1961: *Arkell A. J.* A History of the Sudan. From the Earliest Times to 1821. University of London, The Athlone Press. 1961.

Armstrong John A. 1982: *Armstrong John A.* Nations before Nationalism. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 1982.

Arrian, History of Parthia, in C. Müller (ed.) *Fragmenta Historicorum Graecorum*, vol. II, (1841—1870).

Asad Talal. 1970: *Asad Talal.* The Kababish Arabs. Power, Authority and Consent in a Nomadic Tribe. New York, Praeger. 1970.

Asad Talal. 1973: *Asad Talal.* The Beduin as a Military Force: Notes on Some Aspects of Power Relations between Nomads and Sedentaries in Historical Perspective. In: *The Desert and the Sown.* 1973: 61—73.

Asad Talal. 1979: *Asad Talal.* Equality in nomadic social systems? Notes towards the dissolution of an anthropological category. In: *Pastoral Production and Society.* 1979: 419—428.

Ashkenazi Touvia. 1946—1949: *Ashkenazi Touvia.* La tribu arabe: ses elements. *Anthropos*, Bd. XLI—XLIV. Hft. 4—6. 1946—1949: 657—672.

Ashtor E. 1976: *Ashtor E.* A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. Berkeley, CA: University of California Press. 1976.

Atherton Lewis. 1961: *Atherton Lewis.* The Cattle Kings. Bloomington, Indiana University Press. 1961.

Awad Mohamed. 1962: *Awad Mohamed.* Nomadism in the Arab lands of the Middle East. In: *The Problems of the Arid Zone.* 1962: 325—339.

The Babur-nama in English. 1922 (Memoirs of Babur): *The Bâbur-nama in English.* Translated from the original Turki text of Zahiru'd-din Muhammad Bâbur Pâdshâh Ghâzi by Annette Susannah Beveridge, 1922. vol. I, London, Luzac and Co.

Background to Evolution in Africa. Ed. by Walte W. Bishop and J. Desmond Clark. The University of Chicago Press, Chicago and London, 1967.

Bacon Elizabeth. 1954: *Bacon Elizabeth*. Types of Pastoral Nomadism in Central and Southwest Asia. SJA 1954. Vol. 10, No. 1: 44—68.

Bacon Elizabeth. 1958: *Bacon Elizabeth*. Obok. A Study of Social Structure in Eurasia. Viking Fund Publications in Anthropology, 1958. No. 25. New York.

Bahhady Faik A. 1981: *Bahhady Faik A*. Recent Changes in Bedouin Systems of Livestock Production in the Syrian Steppe. In: In the Future of Pastoral Peoples. Ed. by D. Aronson, J. G. Galaty, P. C. Salzman, and A. Chouinard. Ottawa, International Development Research Centre. 1981: 258—265.

Baker Randall. 1975: *Baker Randall*. 'Development' and the pastoral people of Karamoja, North Eastern Uganda. An example of the treatment of symptoms. In: Pastoralism in Tropical Africa. 1975: 187—202.

Baker S. J. K. 1963: *Baker S. J. K*. The East African Environment. In: History of East Africa. Ed. by Roland Oliver and Gervase Mathew. Vol. I. Oxford, at the Clarendon Press. 1963: 1—22.

Balland Daniel and Kieffer Charles M. 1979: *Balland Daniel and Kieffer Charles M*. Nomadisme et sécheresse en Afghanistan: l'exemple des nomades Pastun due Dast-e Nawor. In: Pastoral Production and Society. 1979: 75—90.

Banks K. M. 1984: *Banks K. M*. Climates, Cultures and Cattle: The Holocene Archaeology of the Eastern Sahara. Dallas, Southern Methodist University Press. 1984.

Bar-Yosef Ofer and Khazanov Anatoly, eds. 1992: *Bar-Yosef Ofer and Khazanov Anatoly*, eds. Pastoralism in the Levant: Archaeological Materials in Anthropological Perspectives. Madison, WI, Prehistory Press. 1992.

Barfield Thomas J. 1981: *Barfield Thomas J*. The Central Asian Arabs of Afghanistan: Pastoral Nomadism in Transition Austin, University of Texas Press. 1981.

Barfield Thomas J. 1989: *Barfield Thomas J.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge, Mass., Basil Blackwell. 1989.

Barfield Thomas J. 1991: *Barfield Thomas j.* Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial History. In Gary Seaman and Daniel Marks (eds.). Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery. Los Angeles: Ethnographic Press. 1991: 21—62.

Barfield Thomas J. 1993: *Barfield Thomas J.* The Nomadic Alternative. Englewood Cliffs, N.J., Prentice Hall. 1993.

Baroin Catherine. 1985: *Baroin Catherine.* Anarchic et cohesion sociale chez les Toubou. Cambridge and Paris, Cambridge University Press and Editions de la Maison des sciences de l'homme. 1985.

Barsh Rüssel L. 1990: *Barsh Rüssel L.* The substitution of cattle for bison on the Great Plains. In: The Struggle for Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World. Ed. by Paul A. Olson. Lincoln and London, University of Nebraska Press. 1990: 103—126.

Barth Fredrik. 1953: *Barth Fredrik.* Principles of Social Organization in Southern Kurdistan. Universitetes Ethnografiske Museum Bulletin, 1953. No. 7. Oslo.

Barth Fredrik. 1956: *Barth Fredrik.* Ecologie Relationships of Ethnic Groups in Swat, Northern Pakistan. AA. 1956. Vol. 58, No. 6: 1079—1089.

Barth Fredrik. 1959—1960: *Barth Fredrik.* The Land Use Pattern of Migratory Tribes of South Persia. Norsk Geografisk Tidsskrift, Bind XVII. (The Bobbs-Merrill Reprint Series in the Social Sciences, A— 11). 1959—1960: 1—11.

Barth Fredrik. 1962: *Barth Fredrik.* Nomadism in the Mountain and Plateau Areas of South West Asia. In: The Problems of the Arid /Lone. 1962: 341—355.

Barth Fredrik. 1964: *Barth Fredrik.* Nomads of South Persia. The Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy. Oslo, Universe tetsforlaget. 1964.

Barth Fredrik. 1964a: *Barth Fredrik.* Capital, Investment, and the Social Structure of a Pastoral Nomad Group in South Persia. In: Capital, Saving, and Credit in Peasant Societies. Ed. by Raymond

Firth and B. S. Yamey. Chicago, Aldine Publishing Company. 1964a: 69-81.

Barth Fredrik. 1964b: *Barth Fredrik*. Competition and Symbiosis in North East Baluchistan. Folk. 1964b. Vol. 6, No. 1: 15—22.

Barth Fredrik. 1966: *Barth Fredrik*. Models of Social Organization. Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Occasional Paper. 1966. No. 23.

Barth Fredrik. 1973: *Barth Fredrik*. A General Perspective on Nomad-Sedentary Relations in the Middle East. In: The Desert and the Sown. 1973: 11—21.

Barth Fredrik. 1973a: *Barth Fredrik*. Descent and Marriage Reconsidered. In: The Character of Kinship. Ed. by Jack Goody. Cambridge, Cambridge University Press. 1973a: 3—19.

Barth Fredrik. 1976: *Barth Fredrik*. Socio-Economic Changes and Social Problems in Pastoral Lands: Some Concrete Factors. In: Ecological Guidelines for the Use of Natural Resources in the Middle East and South West Asia. Merges, Switzerland. 1976: 74-80.

Bartlett Robert. 1993: *Bartlett Robert*. The Making of Europe. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1993.

Bates Daniel G. 1971: *Bates Daniel C*. The Role of the State in Peasant-Nomad Mutualism. AQ. 1971. Vol. 44, No. 3: 109-131.

Bates Daniel G. 1974: *Bates Daniel C*. Shepherd Becomes Farmer. A Study of Sedentarization and Social Change in Southeastern Turkey. In: Turkey. Geographic and Social Perspectives. Ed. by Peter Benedict, Erol Tiimertekin, Fatma Mansur. Leiden: E. J. Brill, 1974. 92—133. Bates Daniel G. 1980: *Bates Daniel C*. Yoruk Settlement in Southeast Turkey. In: When Nomads Settle: Processes of Sedentarization as Adaptation and Response. Ed. by P. C Salzman. New York, Praeger. 1980: 124—139.

Bates Daniel G. 1984: *Bates Daniel C*. Review of Nomads and the Outside World. Choice (December). 1984: 416—7.

Bates Daniel G. and Lees Susan H. 1977: *Bates Daniel C and Lees Susan H*. The Role of Exchange in Productive Specialization. AA. 1977. Vol. 79, No. 4: 824—841.

Bawden C. R. 1989: *Bawden C R.* The Modern History of Mongolia. London and New York, Kegan Paul. 1989.

Baxter P. T. W. 1975: *Baxter P. T. W.* Some consequences of Sedentarization for social relationships. In: Pastoralism in Tropical Africa. 1989: 206—228.

Baxter P. T. W. ed. N. d. Property, Poverty and People: Changing Rights in Property and Problems of Pastoral Development. Manchester, University of Manchester Press.

Baxter P. T. W. and Almagor Uri, eds. 1978: *Baxter P. T. W. and Almagor Uri*, eds. Age, Generation and Time: Some Features of East African Age Organizations. London, C. Hurst & Co. 1978.

Bazin L. 1975: *Bazin L.* Turcs et Sogdiens: les enseignements de l'inscription du Bugut (Mongolie). In *Melanges linguistiques offerts a E. Benveniste*. Paris. 1975: 37—46.

Beach Hugh. 1986: *Beach Hugh.* Three Complementary Processes that Alienate Saami from Their Land in Sweden. *Nomadic Peoples*. 1986. Vol. 20: 11—20.

Beach Hugh. 1990: *Beach Hugh.* Comparative Systems of Reindeer Herding. In: *The World of Pastoralism: Herding Systems in Comparative Perspective*. Ed. by John G. Galaty and Douglas L. Johnson. New York, Guilford Press: 255—296.

Beach Hugh; Anderson Myrdene, and Aikio Pekka. 1992: *Beach Hugh; Anderson Myrdene and Aikio Pekka.* Dynamics of Saami Territoriality within the Nation-States of Norway, Sweden and Finland. In: *Mobility and Territoriality: Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists and Peripatetics*. Ed. by Michael J. Casimir and Aparna Rao. New York and Oxford, Berg Publishers. 1992: 55—90.

Beattie John. 1971: *Beattie John.* The Nyoro State. Oxford, at the Clarendon Press. 1971.

Beck Kurt. 1988: *Beck Kurt.* Die Kawahla von Kordofan: Ökologische und ökonomische Strategien Arabischer Nomaden in Sudan. Stuttgart, Franz Steiner Verlag. 1988.

Beck Lois. 1986: *Beck Lois.* The Qashga'i of Iran. New Haven, Yale University Press. 1986.

Beck Lois. 1991: *Beck Lois*. Nomarl: A Year in the Life of a Qashga'i Tribesman in Iran. Berkeley, University of California Press. 1991.

Beckwith Carol. 1983: *Beckwith Carol*. Nomads of Niger. New York, Harry N. Abrams. 1983.

Beckwith Christopher I. 1984: *Beckwith Christopher I*. Aspects of the Early History of the Central Asian Guard Corps in Islam. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 1984. IV: 29—43.

Beckwith Christopher I. 1987: *Beckwith Christopher I*. The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese During the Early Middle Ages. Princeton, Princeton University Press. 1987.

Behnke Roy L, Jr. 1980: *Behnke Roy L., Jr.* The Herders of Cyrenaica: Ecology, Economy, and Kinship among the Bedouin of Eastern Libya. Urbana, University of Illinois Press (Illinois Studies in Anthropology). 1980.

Bekure Solomon and Pasha Ishmael Ole. 1990: *Bekure Solomon and Pasha Ishmael Ole*. The Response of the Kenya Maasai to Changing Land Policies. In: *The Struggle for Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World*. Ed. by Paul A. Olson. Lincoln and London: The University of Nebraska Press. 1990: 231—250.

Bell Barbara. 1953: *Bell Barbara*. Solar Variation as an Explanation of Climatic Change. In: *Climatic Change*. 1953: 123—236.

Benhazera M. 1908: *Benhazera M*. Six mois chez les Touareg du Ahaggar. Alger, A. Jourdan. 1908.

Bennett John W. 1985: *Bennett John W*. Range Culture and Society in the North American West. *Folklore Annual*. 1985. Vol. 88—104.

Bennett John W. 1988: *Bennett John W*. The Political Ecology and Economic Development of Migratory Pastoralist Societies in Eastern Africa. In: *Power and Poverty: Development and Development Projects in the Third World*. Ed. by Thomas C. Bruneau, Donald W. Attwood, and John G. Galaty. Boulder and London, Westview Press. 1988: 31—60.

Berkes F.; Feeny D.; McCay B. J. and Acheson J. M. 1989: *Berkes F.; Feeny D.; McCay B. J. and Acheson J. M.* The Benefits of the Commons. *Nature*. 1989. Vol. 340: 91—93.

Bernard Augustin and N. Lacroix. 1906: *Bernard Augustin and N. Lacroix*. L'évolution du nomadisme en Algérie. Alger, A. Jourdan. 1906.

Bernus Edmond. 1990: *Bernus Edmond*. Dates, Dromedaries, and Drought: Diversification in Tuareg Pastoral Systems. In: *The World of Pastoralism: Herding Systems in Comparative Perspective*. Ed. by John G. Galaty and Douglas L. Johnson. New York, Guilford Press. 1990: 149—76.

Berque J. 1959: *Berque J.* Introduction. *ISSJ*. 1959. Vol. XI, No. 4: 481—498.

Berque J. 1972: *Berque J.* Du nouveau sur les Bani Hilal? *Studia Islamica*. 1972. Vol. 35: 99—111.

Berque J. 1974: *Berque J.* Maghreb, Histoire et Sociétés. Gembloux, Ducolot. 1974.

Bessac Frank B. 1965: *Bessac Frank B.* Co-variation between interethnic relations and social organization in Inner Asia. *Papers of the Michigan Academy of Science, Arts, and Letters*. 1965. Vol. L (1964 Meeting): 373—392.

Biebuyck D. P. 1966: *Biebuyck D. P.* On the Concept of the Tribe. *Civilizations*. 1966. Vol. 16, No. 4: 500—515.

Bird James. 1834: *Bird James*. Observations on the Manners of the Inhabitants who occupy the Southern Coast of Arabia and Shores of the Red Sea; with Remarks on the Ancient and Modern Geography of that Quarter, and the Route, through the Desert, from Kosir to Kenh. *JRGS*. 1834. Vol. IV, Pt. II: 192—206.

Birket-Smith Kaj. 1957: *Birket-Smith Kaj*. Fjaerne Folk. København, Jespersen og Pios Forlag. 1957.

Bishai Wilson B. 1968: *Bishai Wilson B.* Islamic History of the Middle East: Background, Development, and the Fall of the Arab Empire. Boston: Allyn and Bacon. 1968.

Black Cyril E., et al. 1991: *Black Cyril E., et al.* The Modernization of Inner Asia. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe. 1991.

Black-Michaud Jacob. 1975: *Black-Michaud Jacob*. Cohesive Force. Oxford, Blackwell. 1975.

Black-Michaud Jacob. 1986: *Black-Michaud Jacob*. Sheep and Land: The Economies of Power in a Tribal Society. London and Paris, Cambridge University Press and Maison de sciences de l'homme. 1986.

Bloch Marc. 1974: *Block Marc*. Feudal Society. Vols. 1—2. Chicago: The University of Chicago Press (Ninth Impression). 1974.

Blunt Lady Anne. 1879: *Blunt Lady Anne*. Bedouin Tribes of the Euphrates. Vols. I-II. London. John Murray. 1989.

Blunt Lady Anne. 1891: *Blunt Lady Anne*. A Pilgrimage to Nejd, the Cradle of the Arab Race. A Visit to the Court of the Arab Emir and 'our Persian Campaign'. 1891. Vols. I—II. London, John Murray.

Boas Franz. 1940: *Boas Franz*. Race, Language, and Culture. New York, Macmillan. 1940.

Bogoras Waldemar. 1904: *Bogoras Waldemar*. The Chukchee. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. 1904. Vol. II. Leiden: E. J. Brill.

Bohannan Paul. 1966: *Bohannan Paul*. African Outline. Penguin Books, Harmondsworth, Middlesex. 1966.

Bol Peter K. 1987: *Bol Peter K*. Seeking Common Ground: Han Literati under Jurchen Rule. Harvard Journal of Asiatic Studies. 1987. Vol. 47, No. 2: 461—1538.

Bonfiglioli Angelo Maliki. 1988: *Bonfiglioli Angela Maliki*. Dudal: Histoire de famille et histoire de troupeau chez un groupe de Wodaabe du Niger. Cambridge and Paris, Cambridge University Press and Editions de la Maison des sciences de l'homme. 1988.

Bonté Pierre. 1974: *Bonté Pierre*. Organization économique et sociale des pasteurs d'Afrique orientale. Les cahiers du CERM. No. 110. Études sur les sociétés de pasteurs nomades, 2. 1974: 1—95.

Bonté Pierre. 1975: *Bonté Pierre*. Cattle for God: An Attempt at a Marxist Analysis of the Religion of East African Herdsmen. Social Compass. XXII. 1975. No. 3—4: 381—396.

Bonte Pierre. 1975a: *Bonte Pierre*. Le problème de l'État chez les Touareg Kel Gress. Les cahiers du CERM. No. 121. Études sur les sociétés de pasteurs nomades. 3. 1975a: 42 62.

Bonté Pierre. 1975b: *Bonté Pierre*. Les civilisations nomads. La recherche. 1975b. Vol. 6, No. 53: 130—140.

Bonté Pierre. 1977: *Bonté Pierre*. Classes et parente dans les sociétés segmentaires. Dialectiques. 1977. No. 17: 103—14.

Bonté Pierre. 1977a: *Bonté Pierre*. La Guerre dans les sociétés d'éleveurs nomades. Les cahiers du CERM. No. 133. Études sur les sociétés de pasteurs nomades. 4. 1977a: 42—67.

Bonté Pierre. 1979: *Bonté Pierre*. Segmentante et pouvoir chez les éleveurs nomades sahariens. Éléments d'une problématique. In: Pastoral Production and Society. 1979: 171—199.

The Book of Ser Marco Polo. 1975: *The Book of Ser Marco Polo*. Translated and edited by Henry Yule, revised by Henry Cordier. Third Edition, vols. 1—2. St. Helier, Armorica Book Co.; Amsterdam, Philo Press. 1975.

Bose A. B. 1975: *Bose A. B.* Pastoral Nomadism in India. Nature, Problems, and Prospects. In: Pastoralists and Nomads in South Asia. 1975: 1—15.

Bosworth C. E. 1968: *Bosworth C. E.* The Political and Dynastic History of the Iranian World (A. D. 1000—1217). CHI. Vol. 5. Ed. by J. A. Boyle. Cambridge University Press. 1968: 1—202.

Bosworth Edmund and Hillenbrand Carole, eds. 1983: *Bosworth Edmund and Hillenbrand Carole*, eds. Qajar Iran: Political, Social and Cultural Change, 1800—1925. Edinburgh, Edinburgh University Press. 1983.

Bourgeot André. 1975: *Bourgeot André*. La formation des classes sociales chez les Twareg de l'Ahaggar. Les cahiers du CERM. No. 121. Études sur les sociétés de pasteurs nomades. 3. 1975: 19—41.

Bourgeot André. 1979: *Bourgeot André*. Structure de classe, pouvoir politique et organization de l'espace en pays touareg. In: Pastoral Production and Society. 1979: 141—153.

Bousquet G. H. 1957: *Bousquet C. H.* Les Berbères. Paris, Presses Universitaires de France. 1957.

Bovill E. W. 1958: *Bovill E. W.* The Golden Trade of the Moors. London, Oxford University Press. 1958.

Bovin Mette. 1990: *Bovin Mette*. Nomads of the Drought: Fulbe and Wodaabe Nomads between Power and Marginalization in the

Sahel of Burkina Faso and Niger Republic. In: Adaptive Strategies in African Arid Lands. Ed. by Mette Bovin and Leif Manger. Uppsala, The Scandinavian Institute of African Studies. 1990: 29—57.

Bovin Mette and Manger Leif, eds. 1990: *Bovin Mette and Manger Leif*, eds. Adaptive Strategies in African Arid Lands. Uppsala, The Scandinavian Institute of African Studies. 1990.

Bowersock G. W. 1983: *Bowersock C W*. Roman Arabia. Cambridge, Mass., Harvard University Press. 1983.

Boyle J. A. 1968: *Boyle J. A*. Dynastic and Political History of the II Khans. CHI. Vol. 5. Ed. by J. A. Boyle. Cambridge University Press. 1968: 303—421.

Bradburd Daniel J. 1990: *Bradburd Daniel J*. Ambiguous Relations: Kin, Class, and Conflict among Komachi Pastoralists. Washington, Smithsonian Institution Press, 1990.

Bradley Richard. 1972: *Bradley Richard*. Prehistorians and Pastoralists in Neolithic and Bronze Age England. WA. 1972. Vol. 4, No. 2: 192—204.

Braudel Fernand. 1972: *Braudel Fernand*. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. I. New York, Harper & Row. 1972.

Brémaud O. and Pagot J. 1962: *Brémaud O. and Pagot J*. Grazing Lands Nomadism and Transhumance in the Sahel. In: The Problems of the Arid Zone. Paris, UNESCO. 1962.

Brentjes Burchard. 1968: *Brentjes Burchard*. Von Schanidar bis Akkad. Leipzig, Urania-Verlag. 1968.

Brett Michael. 1979: *Brett Michael*. Ibn Khaldun and the Arabization of North Africa. Maghrib Review. 1979. Vol. 41: 9—16. Briant Pierre. 1976: Brian/Pierre. 'Brigandage', dissidence et conquête en Asie achéménide et hellénistique. Dialogues d'histoire ancienne. 2. Annales littéraires de l'Université de Besançon. 188. 1976: 163—258.

Briant Pierre. 1977: *Briant Pierre*. Sociétés pastorales du Zagros achéménide (VI—IV s. av.n.é. environ). Les Cahiers du CERM, No. 133. Etudes sur les sociétés de pasteurs nomades. 4. 1977: 1—9.

Briant Pierre. 1982: *Briant Pierre*. Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. London and Paris, Cambridge University Press and Maison des sciences de l'homme. 1982.

Briggs Lloyd Cabot. 1960: *Briggs Lloyd Cabot*. Tribes of Sahara. Cambridge, Mass., Harvard University Press. 1960.

Brooks C. E. P. 1949: *Brooks C. E. P.* Climate Through the Ages. A Study of the Climactic Factors and Their Variations. London, Ernest Benn Ltd.

Brooks C. E. P. 1954: *Brooks C. E. P.* The Climactic Changes of the Past Thousand Years. *Experientia*. 1954. Vol. X. Fasc. 4: 153—158.

Brotherston Gordon. 1989: *Brotherston Gordon*. Andean Pastoralism and Inca Ideology. In: *The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Prédation*. Ed. by J. Clutton-Brock. London, Unwin Hyman. 1989: 240—255.

Browman David L. 1974: *Browman David L.* Pastoral Nomadism in the Andes. CA. 1974. Vol. 15, No. 2: 188-196.

Browman David L. 1987: *Browman David L.* (ed.). Arid Land Use Strategies and Risk Management in the Andes: A Regional Anthropological Perspective. Boulder and London, Westview Press. 1987.

Browman David L. 1989: *Browman David L.* Origins and Development of Andean Pastoralism: An Overview of the Past 6000 Years. In: *The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Prédation*. Ed. by J. Clutton-Brock. London, Unwin Hyman. 1989: 256—268.

Browman David L. 1990: *Browman David L.* High Altitude Camelid Pastoralism of the Andes. In: *The World of Pastoralism: Herding Systems in Comparative Perspective*. Ed. by John G. Galaty and Douglas L. Johnson. New York, Guilford Press. 1990: 323—352.

Bruinessen Martin van. 1992: *Bruinessen Martin van*. Agha, Shaikh and State: The Social and Political Structures of Kurdistan. London and New Jersey, Zed Books. 1992.

Brunschvig Robert. 1940: *Brunschvig Robert*. La Berbérie Orientale sous les Hafsides. Des origines à la fin du XVe siècle. Tome premier. Paris. Adrien Maisonneuve. 1940.

Brunschvig Robert. 1947: *Brunschvig Robert*. La Berbérie Orientale sous les Hafsides. Des origines à la fin du XVe siècle. Tome second. Paris. Adrien Maisonneuve. 1947.

Bulliet Richard W. 1975: *Bulliet Richard W.* The Camel and the Wheel. Harvard University Press, Cambridge, Mass. 1975.

Burch Ernest S. Jr. 1972: *Burch Ernest S. Jr.* The Caribou/ Wild Reindeer as a Human Resource. *American Antiquity*, 1972. Vol. 37, No. 3: 339-368.

Burkhardt Johann Ludwig. 1830: *Burkhardt Johann Ludwig.* Reisen in Arabien, enthaltend eine Beschreibung derjenigen Gebiete in Hedjaz, welche die Mohammedaner für heilig achten. Weimar, Grosse. 1830.

Burkhardt Johann Ludwig. 1831: *Burkhardt Johann Ludwig.* Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby. Weimar, Grosse. 1831.

Burnham Philip. 1979: *Burnham Philip.* Spatial mobility and political centralization in pastoral societies. In: *Pastoral Production and Society*. 1979: 349—360.

Burton Richard F. Sir. 1893: *Burton Richard F. Sir.* Personal Narrative of a Pilgrimage to Al-Madinah and Meccah. Vol. II. London, Tylston and Edwards. 1893.

Butzer K. W. 1966: Climatic changes in the arid zones of Africa during early to mid-Holocene times. In: *World Climate*. 1966: 72—83.

Butzer K. W. and Twidale C. R. 1966: *Butzer K. W. and Twidale C. R.* Deserts in the Past. In: *Arid Lands*. 1966: 127—144. Cahen Claude. 1968: *Cahen Claude.* Pre-Ottoman Turkey. New York, Taplinger Publishing Company. 1968.

Cahen Claude. 1975: *Cahen Claude.* 1975. Tribes, Cities and Social Organization. CHI. Vol. 4. Ed. by R. N. Frye. Cambridge, Cambridge University Press. 1975: 305—328.

Capot-Rey Robert. 1953: *Capot-Rey Robert.* Le Sahara français. Paris, Presses Universitaires de France. 1953.

Capot-Rey Robert. 1962: *Capot-Rey Robert.* The Present State of Nomadism in the Sahara. In: *The Problems of the Arid Zone*. 1962: 301—310.

Carneiro Robert L. 1973: *Carneiro Robert L.* The four faces of evolution: unilineal, universal, multilineal and differential. In: *Handbook of Social and Cultural Anthropology*. Ed by John J. Honnigmann. Chicago, Rand McNally and Co. 1973: 89—110.

Carr Claudia J. 1977: *Can Claudia J.* Pastoralism in Crisis: The Dassanech and Their Ethiopian Lands. Chicago, University of Chicago, Department of Geography, Research Paper. 1977.

Casajus Domenique. 1987: *Casajus Domenique*. La tente dans la solitude: La société et les morts chez les Touaregs Kel Ferwan. Cambridge and Paris, Cambridge University Press and Maison des Sciences de l'homme. 1987.

Caskel Werner. 1954: *Caskel Werner*. The Bedouinization of Arabia. In: Studies in Islamic Cultural History. Ed. by G. E. von Grunebaum. (The American Anthropological Association. Vol. 56, No.2. Pt. 2. Memoir No. 76). Menasha, Wisconsin. 1954.

Cassanelli Lee V. 1982: *Cassanelli Lee V.* The Shaping of Somali Society: Reconstructing the History of a Pastoral People, 1600—1900. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 1982.

Castillo Jorge Silva, ed. 1981: *Castillo Jorge Silva*. Nomads and Sedentary Peoples. Mexico City, 301th International Congress of Human Sciences in Asia and North Africa. 1981.

Cermak Vladimir. 1971: *Cermak Vladimir*. Underground Temperature and Inferred Climatic Temperature of the Past Millenium. PPP. 1971. Vol. X, No. 1: 1—19.

Chappell J. E. Jr. 1971: *Chappell J. E. Jr.* Climatic pulsations in Inner Asia and correlations between sunspots and weather. PPP. 1971. Vol. X, No. 2/3:177—197.

Chappelle Jean. 1958: *Chappelle Jean*. Nomades Noirs du Sahara. Paris, Pion. 1958.

Chatty Dawn. 1980: *Chatty Dawn*. The Pastoral Family and the Truck. In: When Nomads Settle: Processes of Sedentarization as Adaptation and Response. Ed. by Philip Carl Salzman. New York, Praeger. 1980: 80—94.

Chatty Dawn. 1986: *Chatty Dawn*. From Camel to Truck: The Bedouin in the Modern World. New York, Vantage Press. 1986.

Chaudhuri K. N. 1990: *Chaudhuri K. N.* Asia Before Europe: Economy and Civilization of the Indian Ocean from the Rise of Islam to 1750. Cambridge, Cambridge University Press. 1990.

Ch'en Paul Heng-chao. 1979: *Ch'en Paul Heng-chao*. Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1979.

Claessen Henri J. M. 1978: *Claessen Henri J. M.* The Early State: A Structural Approach. In: The Early State. 1979: 533—596.

Claessen Henri J. M. and Peter Skalnik. 1978: *Claessen Henri J. M. and Peter Skalnik.* The Early State: Theories and Hypotheses. In: The Early State. 1978: 3—29.

Claessen Henri J. M. and Peter Skalnik. 1978a: *Claessen Henri J. M. and Peter Skalnik.* Eimits: Beginning and the End of the Early State. In: The Early State. 1978a: 619—635.

Claessen Henri J. M. and Peter Skalnik. 1978b: *Claessen Henri J. M. and Peter Skalnik.* The Early State: Models and Reality. In: The Early State. 1978b: 637—650.

Clark J. Desmond. 1954: *Clark J. Desmond.* The Prehistoric Cultures of the Horn of Africa. Cambridge, Cambridge University Press. 1954.

Clark J. Desmond. 1967: *Clark J. Desmond.* The Problem of Neolithic Culture in Subsaharan Africa. In: Background to Evolution in Africa. 1967: 601-607.

Clark J. Desmond. 1970: *Clark J. Desmond.* The Prehistory of Africa. London, Thames and Hudson. 1970.

Clark J. Desmond. 1972: *Clark J. Desmond.* Mobility and settlement patterns in sub-Saharan Africa: a comparison of late prehistoric hunter-gatherers and early agricultural occupation units. In: Man, Settlement and Urbanism. Ed. by Peter J. Ucko, Ruth Tringham and G. W. Dimbleby. Great Britain, Gerald Duckworth and Co. 1972: 127—148.

Clark J. D. and Brandt S. A., ed. 1984: *Clark J. D. and Brandt S. A.* From Hunters to Farmers: The Causes and Consequences of Food Production in Africa. Berkeley, University of California Press. 1984.

Clarke G. E. 1987: *Clarke C. E.* Chinois Reforms in Tibet, and Their Effects on Pastoralism. Brighton, University of Sussex, Institute of Developmental Studies, Discussion Paper. 1987.

Clarke J. I. 1959: *Clarke J. I.* Studies of Semi-nomadism in North Africa. Economic Geography. 1959. Vol. 35, No. 2: 95-106. Clauson Gerald. 1970:

Clauson Gerald. The Origin of the Turkish 'Runic' Alphabet. Acta Orientalia, 32. 1970: 51—76.

Climatic Change. Evidence, Causes and Effects. Ed. by Harlow Shapley. Harvard University Press, Cambridge, Mass.

Cline Walter. 1950: *Cline Walter*. The Teda of Tibesti, Borku and Kavar in the Eastern Sahara. Menasha, Wisconsin, George Banta Publishing Company. 1950.

Clutton-Brock Juliet. 1981: *Clutton-Brock Juliet*. A History of Domesticated Animals. London, British Museum (Natural History). 1981.

Clutton-Brock Juliet. 1981a: *Clutton-Brock Juliet*. Domesticated Animals from Early Times. London, British Museum (Natural History) and Heinemann. 1981a.

Clutton-Brock Juliet. 1987: *Clutton-Brock Juliet*. A Natural History of Domesticated Animals. Austin, University of Texas Press. 1987.

Clutton-Brock Juliet. 1989: *Clutton-Brock Juliet*. Cattle in Ancient North Africa. In: The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Prédation. Ed. by J. Clutton-Brock. London, Unwin-Hyman. 1989: 201—206.

Clutton-Brock Juliet, ed. 1989a: *Clutton-Brock Juliet*. The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Prédation. London, Unwin-Hyman. 1989a.

Clutton-Brock J. and Grigson C, eds. 1983: *Clutton-Brock J. and Grigson C*. Animals and Archaeology: 1. Hunters and their Prey. British Archaeological Reports (International Series). Oxford. 1983.

Clutton-Brock J. and Grigson C. 1984: *Clutton-Brock J. and Grigson C*. eds. Animals and Archaeology: 3. Early Herders and their Flocks. British Archaeological Reports (International Series). Oxford. 1984.

Cohen David William. 1972: *Cohen David William*. The Historical Tradition of Busoga, Mukama and Kintu. Oxford, Clarendon Press. 1972.

Cohen Ronald. 1978: *Cohen Ronald*. State Origins: A Reappraisal. In: The Early State. 1978: 31—75.

Cohen Ronald. 1978a: *Cohen Ronald*. State Foundations: A Controlled Comparison. In: Origins of the State. 1978a: 141—160.

Cole Donald Powell. 1975: *Cole Donald Powell*. Nomads of the Nomads. The AI Murrah Bedouin of the Empty Quarter. Arlington Heights, AHM Publishing Corporation. 1975.

Cole Donald Powell. 1981: *Cole Donald Powell*. Bedouin and Social Change in Saudi Arabia. Journal of Asian and African Studies. 1981. Vol. XVI, No. 1—2: 128—49.

Cole S. M. 1963: *Cole S. M.* The Prehistory of East Africa. New York, Macmillan. 1963.

Conant Frank. 1966: *Conant Frank*. The external coherence of Pokot ritual behaviour. Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences. 1966. Vol. 251. No. 772: 505—19.

Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. 1949. Ed. by Gy. Moravcsik and R. J. H. Jenkins. Budapest: Pâzmary Péter Tudományegyetem.

Constantiniu Florin. 1979: *Constantiniu Florin*. Romanians and Mongols in the XIII and XIV centuries. In: The Third International Congress of Mongolists. Ulan-Bator III. 1979: 306—310.

Cook Michael. 1988: *Cook Michael*. Islam: A Comment. In Jean Baechler, John Hall and Michael Mann (eds.) Europe and the Rise of Capitalism. New York: Basil Blackwell. 1988: 131—135.

Coon Carleton S. 1931: *Coon Carleton S.* Tribes of the Rif. Harvard African Studies: Peabody Museum. Vol. IX. Cambridge, Mass. 1931.

Coon Carleton S. 1943: *Coon Carleton S.* Southern Arabia, a problem for the future. Studies in the Anthropology of Oceania and Asia. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University. Vol. XX. Cambridge, Mass. 1943: 187—220.

Coon Carleton S. 1959: *Coon Carleton S.* Badw. Encyclopedia of Islam. 2nd Ed. Vol. 1. Leiden, E. J. Brill. 1959: 872—874.

Coon Carleton S. 1976: *Coon Carleton S.* Caravan: The Story of the Middle East. Huntington, New York, Robert E. Krieger Publishing Company (Original Edition, 1951). 1976.

Cramer Eugenia S. 1976: *Cramer Eugenia S.* Pastoral Images and Values in Southern Donegal. In: The Realm of the Extra-Human: Ideas and Actions. Ed. by Agahananda Bharati. The Hague, Mouton Publishers. 1976: 27—42.

Cribb Roger. 1991: *Cribb Roger*. Nomads in Archaeology. Cambridge, Cambridge University Press. 1991.

Crone Patricia. 1980: *Crone Patricia*. Slaves on Horses: The Evolution of the Islamic Polity. Cambridge, Cambridge University Press. 1980.

Crone Patricia. 1987: *Crone Patricia*. Meccan Trade and the Rise of Islam. Princeton, Princeton University Press. 1987.

Crone Patricia. 1989: *Crone Patricia*. Pre-Industrial Societies. Oxford, Basil Blackwell. 1989.

Cunnison Ian. 1966: *Cunnison Ian*. Beggara Arabs. Power and Lineage in a Sudanese Nomad Tribe. Oxford, Clarendon Press. 1966.

Curwen E. Cecil and Hatt Gudmund. 1953: *Curwen E. Cecil and Hatt Gudmund*. Plough and Pasture. The Early History of Farming. New York, Henry Schuman. 1953.

Daghestani Kh. 1932: *Daghestani Kh*. Études sociologiques sur la famille musulmane contemporaine en Syrie. Paris. 1932.

Dahl Gudrun. 1979: *Dahl Gudrun*. Ecology and Equality. The Boran Case. In: Pastoral Production and Society. 1979: 261—281.

Dahl Gudrun. 1979a: *Dahl Gudrun*. Suffering Grass: Subsistence and Society of Waso Borana. Stockholm, Stockholm Studies in Social Anthropology. 1979a.

Dahl Gudrun and Hjort Anders. 1976: *Dahl Gudrun and Hjort Anders*. Having Herds. Pastoral Herd Growth and Household Economy (Stockholm Studies in Social Anthropology. No. 2). Stockholm, Liber Tryck. 1976.

Dahl Gudrun and Hjort Anders. 1979: *Dahl Gudrun and Hjort Anders*. Pastoral Change and the Role of Drought. Swedish Agency for Research Co-operation with Developing Countries. Report 2. 1979.

Dale Ivan R. 1954: *Dale Ivan R*. Forest Spread and Climatic Change in Uganda during the Christian Era. The Empire Forestry Review. 1954. Vol. 33. No. 1: 23—29.

Davies Norman. 1996: *Davies Norman*. Europe: A History. New York: Oxford University Press. 1996.

Davydova A. V. 1968: *Davydova A. V*. The Yvolga Gorodishche. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1968. Tom. XX: 209—245.

Demko George J. 1969: *Demko George J*. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896 — 1916. Bloomington, Indiana University Press. 1969.

Demougeot Emilienne. 1960: *Demougeot Emilienne*. Le chameau et l'Afrique du Nord romaine. Annales: Économies-Sociétés-Civilisations. 15e année. 1960. No. 2: 209—247.

Denbow James. 1986: *Denbow James*. A New Look at the Later Prehistory of the Kalahari. Journal of African History. 1986. Vol. 27, No. 1: 3—28.

Deng Francis Mading. 1978: *Deng Francis Mading*. Africans of Two Worlds: The Dinka in Afro-Arab Sudan. London and New Haven, Yale University Press. 1978.

The Desert and the Sown. Nomads in the Wider Society. Ed. by Cynthia Nelson. Institute of International Studies, University of California. Berkeley, 1973.

Deshler W. W. 1965: *Deshler W. W.* Native Cattle Keeping in Eastern Africa. In: Man, Culture, and Animals. 1965: 153—168.

Despois Jean. 1949: *Despois Jean*. L'Afrique du Nord. Paris, Presses Universitaires de France. 1949.

Dhina Amar. 1956: *Dhina Amar*. Contribution à l'étude du nomadisme. Le chameau chez les tribus Arbâ' du Sud Algérois. Mélanges Louis Massignon. T. I. Damas. 1956: 417—428.

Diakonoff I. M. 1972: *Diakonoff I. M.* Die Arier im Vorderen Orient: Ende eines Mythos. (Zur Methodik der Erforschung verschollener Sprachen). Orientalia (n.s.). Roma, 41. 1972: 91—120.

Diarra M. S. 1975: *Diarra M. S.* Les problèmes de contact entre les pasteurs peul et les agriculteurs dans le Niger central. In: Pastoralism in Tropical Africa: 284—298.

Dickson H. R. P. 1951: *Dickson H. R. P.* The Arab of the Desert. A Glimpse into Badawin Life in Kuwait and Sa'udi Arabia. London, George Allen and Unwin Ltd. 1951.

Dienes István. 1972: *Dienes István*. The Hungarians Cross the Carpathians. Budapest, Corvina Press. 1972.

Digard Jean-Pierre. 1973: *Digard Jean-Pierre*. Contraintes techniques de l'élevage sur l'organisation des sociétés de pasteurs nomades. Documents et perspectives de travail. Les cahiers de CERM. No. 109. Etudes sur les sociétés de pasteurs nomades. 1. 1973: 33—50.

Digard Jean-Pierre. 1978: *Digard Jean-Pierre*. The Segmental System: Native Model or Anthropological Construction? Discussion of an Iranian Example. In: The Nomadic Alternative. 1978: 315—317.

Digard Jean-Pierre. 1981: *Digard Jean-Pierre*. Techniques des nomades Baxtyari d'Iran. London and Paris. Cambridge University Press and Maison des Sciences de l'homme. 1981.

Doni A. H. 1974: Doni A. H. The Role of Nomadic Tribes in Pakistan. In: Role of the Nomadic Peoples. 1974: 111—114.

Donner F. McGraw. 1981: *Donner F. McGraw*. The Early Islamic Conquests. Princeton, Princeton University Press. 1981.

Dostal Walter. 1959: *Dostal Walter*. The Evolution of Bedouin Life. In: L'antica beduina. Ed. by Gabrieli, Francesco. Roma. 1959: 11—34.

Dostal Walter. 1979: *Dostal Walter*. The Development of Bedouin Life in Arabia Seen from Archaeological Material. In: Studies in the History of Arabia. Ed. by A. Al-Ansary. Riyadh, University of Riyadh Press. 1979: 125—144.

Doughty Charles M. 1888: *Doughty Charles M*. Travels in Arabia Déserta. Vols. I—II. Cambridge University Press. 1888.

Douglas Mary. 1966: *Douglas Mary*. Population control in primitive groups. British Journal of Sociology, 1966. Vol. XVII, No. 3: 263—273.

Downs James F. 1964: *Downs James F*. Livestock, Production and Social Mobility in High Altitude Tibet. AA. 1964. Vol. 66: 1115—1119.

Downs James F. 1964a: *Downs James F*. Animal Husbandry in Navajo Society and Culture. Berkeley, University of California Press. 1964a.

Downs James F. and Ekvall Robert B. 1965: *Downs James F. and Ekvall Robert B*. Animals and Social Types in the Exploitation of the Tibetan Plateau. In: Man, Culture, and Animals: 169—184.

Dresch Paul. 1989: *Dresch Paul*. Tribes, Government and History in Yemen. New York, Oxford University Press. 1989.

Dumas-Champion François. 1983: *Dumas-Champion François*. Les Masa du Tchad. Bétail et société. Cambridge and Paris, Cambridge University Press and Maison des sciences de l'homme. 1983.

Dunbar A. R. 1965: *Dunbar A. R*. A History of the Bunyoro-Kitara (The East African Institute of Social Research. East African Studies No. 19). Nairobi, Oxford University Press.

Dyson-Hudson Neville. 1972: *Dyson-Hudson Neville*. The Study of Nomads. JAAS. 1972. Vol. VII, No. 1—2: 2—29.

Dyson-Hudson Rada. 1972: *Dyson-Hudson Rada*. Pastoralism: Self-image and Behavioral Reality. JAAS. 1972. Vol. VII, No. 1—2: 30—47.

Dyson-Hudson Rada, and McCabe J. Terrence. 1985: *Dyson-Hudson Rada, and McCabe / Terrence*. South Turkana Nomadism: Coping with an Unpredictably Varying Environment. New Haven, Human Relations Area Files. 1985.

Dyson-Hudson Rada and Neville. 1969: *Dyson-Hudson Rada and Neville*. Subsistence Herding in Uganda. Scientific American. 1969. Vol. 220, No. 2: 76—89.

Dyson-Hudson Rada and Neville. 1970: *Dyson-Hudson Rada and Neville*. The Food Production System of a Semi-Nomadic Society: The Karimojong. Uganda. In: African Food-Production Systems, Cases and Theory. Ed. by Peter F. M. McLoughlin. Baltimore and London, The Johns Hopkins Press. 1970: 91—123.

The Early State. Ed. by Henri J. M. Claessen and Peter Skalnik. The Hague, Mouton Publishers, 1978.

Eberhardt E. 1952: *Eberhardt E*. Conquerors and Rulers. Social Forces in Medieval China. Leiden, E. J. Brill. 1952.

Ecsedy Hilda. 1972: *Ecsedy Hilda*. Tribe and Tribal Society in the 6th century Turk Empire. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. Tom. XXV: 245—62.

Ecsedy Hilda. 1985: *Ecsedy Hilda*. Review of Nomads and the Outside World. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1985. Vol. XXXIX, No. 2-3: 369-371.

Egami Namio. 1956: *Egami Namio*. Kyôdo no keizai katsudô-bokuchiku to ryakudatsu no baai. Tôyo bunka kenkyûjô kiyô, 1956. No. 9: 23-63.

Egami Namio. 1970: *Egami Namio*. On the Origin of Nomadism in Mongolia. Proceedings VIII ICAES. Vol. III. Tokyo, Science Council of Japan. 1970: 324.

Ehmann Dieter. 1975: *Ehmann Dieter*. Bahtiyaren — Persische Bergnomaden im Wandel der Zeit. Weisbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag. 1975.

Ehret Christopher. 1967: *Ehret Christopher*. Cattle-Keeping and Milking in Eastern and Southern African History: The Linguistic Evidence. JAH. 1967. Vol. VIII. Pt. 1: 1—17.

Ehret Christopher and Posnansky Merrick, eds. 1982: *Ehret Christopher and Posnansky Merrick*. The Archaeological and Linguistic Reconstruction of African History. Berkeley, University of California Press. 1982.

Eickelman Dale F. 1981: *Eickelman Dale F*. The Middle East: An Anthropological Approach. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall. 1981.

Eisenstadt S. N. 1973: *Eisenstadt S. N*. Tradition, Change, and Modernity. New York, John Wiley & Sons. 1973.

Eisenstadt S. N. 1983: *Eisenstadt S. N*. Development, Modernization and Dynamics of Civilization. Cultures et development. 1983. Vol. XV, No. 2: 217—252.

Ekvall Robert. 1954: *Ekvall Robert*. Some differences in Tibetan land tenure and utilization. Sinologica. 1954. Vol. I. Basel: 39—48.

Ekvall Robert. 1968: *Ekvall Robert*. Fields on the Hoof: Nexus of Tibetan Nomadic Pastoralism. New York, Holt, Rinehart and Winston. 1968.

El-Ali Saleh A. 1959: *El-Ali Saleh A*. Muslim Estates in Hijaz in the First Century A. H. JESHO. 1959. Vol. II. Pt. 3.

El-Arifi Salih A. 1975: *El-Arifi Salih A*. A Regional Approach to Planning and Development of Pastoral Nomads in the Sudan. Sudan Notes and Records. 1975. Vol. 56: 157-159.

Elam Yitzchak. 1974: *Elam Yitzchak*. The Relationship Between Hima and Iru in Ankole. African Studies. 1974. Vol. 33. No. 3: 160—172.

Ellis Florence Hawley. 1974: *Ellis Florence Hawley*. Navajo Indians I: An Anthropological Study of the Navajo Indians. New York, Garland. 1974.

Elphinstone Mountstuart. 1819: *Elphinstone Mountstuart*. An Account of the Kingdom of Caubul, and its Dependencies in Persia, Tartary, and India: Comprising a View of the Afghan Nation, and a History of the Dooraunee Monarchy. Vols. I—II. London, Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown. 1819.

Emery Walter B. 1960: *Emery Walter B.* A Preliminary Report on the Excavations of the Egypt Exploration Society at Buhen, 1958—1959. Kush. Journal of the Sudan Antiquities Service. 1960. Vol. VIII: 11—24.

Endicott-West Elizabeth. 1989: *Endicott-West Elizabeth.* Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, Mass., Harvard University Press. 1989.

Endicott-West Elizabeth. 1991: *Endicott-West Elizabeth.* Aspects of Khitan Liao and Mongolian Yuan Imperial Rule: A Comparative Perspective. In Gary Seaman and Daniel Marks (eds.) *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*, vol. 2. Los Angeles: Ethnographic Press. 1991: 199—222.

Engels Frederick. 1969: *Engels Frederick.* Anti-Duhring. Herr Eugen Dühring's Revolution in Science. Moscow, Progress Publishers. 1969.

Eph'al Israel. 1982: *Eph'al Israel.* The Ancient Arabs: Nomads on the Borders of the Fertile Crescent 9th—5th Centuries B.C. Jerusalem, The Magnes Press. 1982.

Evangelou Phylo. 1984: *Evangelou Phylo.* Livestock Development in Kenya's Maasailand: Pastoralists' Transition to a Market Economy. Boulder and London, Westview Press. 1984.

Evans-Pritchard E. E. 1940: *Evans-Pritchard E. E.* The Nuer: a Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic Tribe. Oxford, Clarendon Press. 1940.

Evans-Pritchard E. E. 1949: *Evans-Pritchard E. E.* The Senusi of Cyrenaica. Oxford, Clarendon Press. 1949.

Ewers John C. 1955: *Ewers John C.* The Horse in the Blackfoot Indian Culture. Washington, D. C, Government Printing Office. 1955.

Fabietti Ugo. 1982: *Fabietti Ugo.* Nomadi del medio oriente: Una analisi dell'organizzazione sociale. Torino, Loescher Editore. 1982.

Fabietti Ugo. 1982a: *Fabietti Ugo.* Sedentarization as a Means of Detribalization: Some Policies of the Saudi Arabian Government towards the Nomads. In: *State, Society and Economy in Saudi Arabia*. Ed. by Tim Niblock. London, Croom Helm. 1982a: 186—197.

Fabietti Ugo. 1984: *Fabietti Ugo.* Il popolo del deserto: I beduini Shammar del gran nefud Arabia Saudita. Roma and Bari, Laterza. 1984.

Fabietü Ugo. 1986: *Fabietü Vga*. Control and Alienation of Territory among the Bedouin of Saudi Arabia. *Nomadic Peoples* 1986 Vol. 20: 33—39.

Fairbank John K. (ed.). 1968: *Fairbank John K. (ed.)*. The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1968.

Fairbridge Rhoder (Ed.). 1961: *Fairbridge Rhoder (Ed.)*. Solar Variations, Climatic Change and Related Geophysical Problems. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1961. Vol. 95. Pt. I. New York.

Farquhar David M. 1968: *Farquhar David M.* «Chinese Communist Assessments of a Foreign Conquest Dynasty». In Albert Feuerwerker (ed.) *History in Communist China*. Cambridge, MA: The M.I.T. Press. 1968: 175—188.

Fazel G. Reza. 1973: *Fazel C. Reza*. The Encapsulation of Nomadic Societies in Iran. In: *The Desert and the Sown*. 1973: 129—142.

Ferdinand Klaus. 1962: *Ferdinand Klaus*. Nomad Expansion and Commerce in Central Afghanistan. A Sketch of Some Modern Trends. *Folk*. 1962. Vol. 4: 123—159.

Ferdinand Klaus. 1969: *Ferdinand Klaus*. Nomadism in Afghanistan. With an Appendix on Milk Products. In: *Viehwirtschaft und Hirtenkultur*. 1969: 127—160.

Ferdinand Klaus. 1969a: *Ferdinand Klaus*. Ost-Afganischer Nomadismus — ein Beitrag zu Anpassungsfähigkeit der Nomaden. In: *Nomadismus als Entwicklungsproblem*. 1969a: 107—130.

Ferne Robert A. 1970: *Ferne Robert A.* Shaykh and Effendi. Changing Patterns of Authority Among the El Shabana of Southern Iraq. (*Harvard Middle Eastern Studies*, 14). Harvard University Press, Cambridge, Mass. 1970.

Finbert E. J. 1938: *Finbert E. J.* La vie du chameau. Paris.

Finkelstein I. and Perevolotsky A. 1990: *Finkelstein I. and Perevolotsky A.* Processes of Sedentarization and Nomadization in the History of Sinai and the Negev. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1990. No. 279: 67-88.

Finley M. I. 1975: *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. New York, The Viking Press. 1975.

Fischer H. J. 1977: *Fischer H. J.* The Eastern Maghrib and the Central Sudan. CHA. Vol. 3. From c 1050 to c 1600. Ed. by Roland Oliver. Cambridge, Cambridge University Press: 232—330.

Fischer W. B. 1966: *Fischer W. B.* The Middle East. A Physical, Social, and Regional Geography. London, Methuen and Co. 1966.

Fjellström P. 1964: *Fjellström P.* Angelica archangelica in the diet of the Lapps and the Nordic Peoples. Studia Ethnographia Upsaliensia. XXI. Lapponica. Lund. 1964.

Flaes R. M. Boonzajer. 1985: *Flats R. M.* Boonzajer. Review of Nomads and the Outside World. Sociologica Ruralis. 1985. Vol. 25, No. 1: 94—95.

Flaming Andrew. 1972: *Flaming Andrew.* The Genesis of Pastoralism in European Pre-History. WA. 1972. Vol. 4. No. 2: 179—191.

Flannery Kent V. 1965: *Flannery Kent V.* The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia. Science. 1965. Vol. 147, No. 3663: 1247—1256.

Flannery Kent V.; Marcus Joyce and Reynolds Robert G. 1989: *Flannery Kent V.; Marcus Joyce and Reynolds Robert C.* The Flocks of the Wamani: A Study of Llama Herders on the Punas of Ayacucho. Peru. New York, Academic Press. 1989.

Flather Paul. 1984: *Flather Paul.* Nomad Expert Denied Freedom of Movement. The Times Higher Education Supplement (August 24). 1984: 10.

Flor Fritz. 1930: *Flor Fritz.* Haustiere und Hirtenkulturen Kulturgeschichtliche Entwicklungsumrisse. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Jahrgang I. 1930: 1—238.

Flores-Ochoa Jorge A. 1979: *Flores-Ochoa Jorge JI.* Pastoralists of the Andes: The Alpaca Herders of Paraita. Philadelphia, ISHI. 1979. Forde C. Daryll. 1963: Forde C. Daryll. Habitat, Economy and Society. London, Methuen and Co. (1st Edition 1934). 1963.

Forde C. Daryll. 1971: *Forde C. Daryll.* Ecology and Social Structure. Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland 1970. 1971: 15—30.

Forsyth James. 1992: *Forsyth James. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581—1990*. Cambridge, Cambridge University Press. 1992.

Fortes M. and Evans-Pritchard E. E. 1940: *Fortes M. and Evans-Pritchard E. E.* Introduction. In: *African Political Systems*. Ed. by M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard. London, Oxford University Press. 1940: 1—23.

Frantz Charles. 1978: *Frantz Charles*. Ecology and Social Organization Among Nigerian Fulbe (Fulani). In: *The Nomadic Alternative*. 1978: 97—118.

Frantz J. B. and Choate J. E., Jr. 1955: *Frantz J. B. and Choate J. E., Jr.* The American Cowboy: The Myth and the Reality. Norman, University of Oklahoma Press. 1955.

Free Joseph P. 1944: *Free Joseph P.* Abraham's Camels. *Journal of Near Eastern Studies*. 1944. Volume III, No. 3: 187—193.

Freeman-Grenville G. S. P. 1962: *Freeman-Grenville G. S. P.* The East African Coast. Select Documents from the First to the Earlier Nineteenth Century. Oxford, Clarendon Press. 1962.

Frengel B. 1966: *Frengel B.* Climatic Change in the Atlantic/sub-Boreal Transition on the Northern Hemisphere: Botanical Evidence. In: *World Climate*. 1966: 99—123.

Fried Morton H. 1967: *Fried Morton H.* The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. New York, Random House. 1967.

Fried Morton H. 1975: *Fried Morton H.* The Notion of Tribe. Menlo Park, Calif., Cummings Publishing Company. 1975.

Frye Richard. 1961: *Frye Richard*. Remarks on Baluchi History. *Central Asiatic Journal*. 1961. Vol. VI: 44—50.

Fukui Katsuyoshi. 1970: *Fukui Katsuyoshi*. Migration and Settlement of the Iraqw in Hanang Area — Ecological Observations on an Agro-Pastoral Tribe. *Kyoto University African Studies*. Ed. by T. Umesao. 1970. Vol. V: 101—124.

Fukui Katsuyoshi and Turton David eds. 1977: *Fukui Katsuyoshi and Turton David eds.* Warfare among East African Herders. Suita, Osaka, National Museum of Ethnology. 1977.

Gadgil M. and Malhotra K. C. 1979: *Cadgil M. and Malhotra K. C.* Ecology of a Pastoral Caste: The Gavali Dhangars of Peninsular India. Calcutta, Indian Statistical Institute. 1979.

Galaty John G. 1980: *Calaty John G.* The Maasai Group-Ranch: Politics and Development in an African Pastoral Society. In: *When Nomads Settle: Processes of Sedentarization and Response*. Ed. by Philip Carl Salzman. New York, Praeger. 1980: 157—172.

Galaty John G. 1981: *Calaty John G.* Maasai: Farmers, Pastoral Ideology and Social Change. A paper presented to the symposium on planned and unplanned change in nomadic and pastoral societies. Intercongress of the International Union of Anthropological and Ethnographical Sciences, Amsterdam, 23—25 April, 1981.

Galaty John G. 1992: *Galaty John G.* «The Land is Yours»: Social and Economic Factors in the Privatization, Subdivision and Sale of Maasai Ranches. *Nomadic Peoples*. 1992. Vol. 30: 26—40.

Galaty John G.; Aronson Dan; Salzman Philip Carl and Chouinard Amy, eds. 1981: *Galaty John C; Aronson Dan; Salzman Philip Carl and Chouinard Amy, eds.* The Future of Pastoral Peoples. Ottawa, International Development Research Centre. 1981.

Galaty John G. and Johnson D. L. eds. 1990: *Galaty John G. and Johnson D. L. eds.* The World of Pastoralism: Herding Systems in Comparative Perspective. New York, Guilford Press. 1990.

Galaty John G. and Bonte Pierre, eds. 1991: *Galaty John G. and Bonte Pierre, eds.* Herders, Warriors, and Traders: Pastoralism in Africa. Boulder, Westview Press. 1991.

Galaty John G. and Bonte Pierre. 1991a: *Calaty John C. and Bonte Pierre.* The Current Realities of African Pastoralists. In: *Herders, Warriors, and Traders: Pastoralism in Africa*. Ed. by Galaty, John G. and Bonte, Pierre. Boulder, Westview Press. 1991a: 267—292.

Gallais Jean. 1972: *Gallois Jean.* Essai sur la situation actuelle des relations entre pasteurs et paysans dans le Sahel ouest-africain. In: *Études de géographie tropicale offertes à Pierre Gourou*. Paris, Mouton. 1972: 301—313.

Garcin Jean-Claude. 1988: *Garcin Jean-Claude.* The Mamluk Military System and the Blocking of Medieval Moslem Society. In Jean Baechler, John Hall and Michael Mann (eds.) *Europe and the Rise of Capitalism*. New York: Basil Blackwell. 1988: 113—130.

Garlake P. S. 1978: *Garlake P. S.* Pastoralism and Zimbabwe. *Journal of African History*. 1978. Vol. XIX, No. 4: 479-493.

Garthwaite Gene R. 1983: *Garthwaite Gene R.* Khans and Shahs: A Documentary Analysis of the Bakhtiyari in Iran. Cambridge, Cambridge University Press. 1983.

Gast Marceau. 1978: *Gast Marceau.* The History of Sovereignty among the Kel Ahaggar. In: *Nomadic Alternative*. 1978: 201-213.

Gast Marceau. 1979: *Gast Marceau.* Pastoralisme nomade et pouvoir: la société traditionnelle des Kel Ahaggar. In: *Pastoral Production and Society*: 201—20.

Gauthier-Pilters Hilde and Dagg Anne Innis. 1981: *Gauthier-Pilters Hilde and Dagg Anne Innis.* The Camel: Its Evolution, Ecology, Behavior and Relationship to Man. Chicago and London. University of Chicago Press. 1981.

Gauthier A. 1990: *Gauthier A.* La domestication: et l'homme créa animaux. Paris, Editions, France. 1990.

Gelb I. J. 1961: *Gelb I. J.* The Early History of the West Semitic Peoples. *Journal of Cuneiform Studies*. 1961. Vol. XV, No. 1: 27—47.

Gellner Ernest. 1969: *Gellner Ernest.* Saints of the Atlas. London: Weidenfeld and Nicolson. 1969.

Gellner Ernest. 1973: *Gellner Ernest.* Introduction: Approaches to Nomadism. In: *The Desert and the Sown*. 1973: 1—9.

Gellner Ernest. 1981: *Gellner Ernest.* Muslim Society: Essays. Cambridge, Cambridge University Press. 1981.

Gellner Ernest. 1988a: *Gellner Ernest.* State and Society in Soviet Thought. Oxford, Basil Blackwell. 1988a.

Gellner Ernest. 1988b: *Gellner Ernest.* Plough, Sword, and Book: The Structure of Human History. Chicago: The University of Chicago Press. 1988b.

George Shanti. 1985: *George Shanti.* Nomadic Cattle Breeders and Dairy Policy in India. *Nomadic Peoples*. 1985. Vol. 19: 1—19.

George Shanti. 1990: *George Shanti.* Agropastoral Equations in India: Intensification and Change of Mixed Farming Systems. In: *The World of Pastoralism: Herding Systems in Comparative Perspective*. Ed. by John G. Galaty and Douglas L. Johnson. New York, Guilford Press. 1990: 119—143.

Ghirshman R. 1954: *Chirshman R.* Iran. From the earliest times to the Islamic conquest. Penguin Books, Harmondsworth, Middlesex. 1954.

Gilbert Allan S. 1975: *Gilbert Allan S.* Modern Nomads and Prehistoric Pastoralists: The Limits of Analogy. Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University. 1975. 7: 54—71.

Gilbert Allan S. 1983: *Gilbert Allan S.* On the Origins of Specialized Nomadic Pastoralism in Western Iran. World Archaeology. 1983. Vol. 15, No. 1: 105—119.

Gilles Jere L. 1987: *Gilles Jere L.* Nomads, Ranchers, and Townsmen: Sociocultural Dimensions of Pastoralism Today. Boulder, Westview Press. 1987.

Gimbutas Marijah. 1970: *Gimbutas Marijah.* Proto-Indo-European Culture: The Kurgan Culture during the Fifth, Fourth, and Third Millennia B.C. In: Indo-European and Indo-Europeans. Ed. by George Cardona, Henry M. Hoenigswald and Alfred Senn. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 1970: 155—197.

Ginat Joseph. 1987: *Ginat Joseph.* Blood Disputes among Bedouin and Rural Arabs in Israel. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press. 1987.

Glantz Michael. 1976: *Glantz Michael.* Nine fallacies of natural disaster: the case of the Sahel. In: The Politics of Natural Disaster. The Case of the Sahel Drought. Ed. Michael H. Glantz. New York, Praeger Publishers. 1976: 3—24.

Glantz Michael. 1977: *Glantz Michael.* The U.N. and desertification: dealing with a global problem. In: Desertification. Environmental Degradation in and Around Arid Lands. Ed. Michael H. Glantz. Boulder, Colorado, Westview Press. 1977: 17—38.

Glantz Michael. 1977: *Glantz Michael.* The U.N. and desertification: dealing with a global problem. In: Desertification. Environmental Degradation in and Around Arid Lands. Ed. Nordwestafghanistan. Weisbaden, Franz Steiner Verlag. 1977.

Glantz Michael. 1987: *Glantz Michael,* ed. Drought and Hunger in Africa: Denying Famine a Future. Cambridge, Cambridge University Press. 1987.

Glatzer Bernt. 1977: *Glatzer Bernt*. Nomaden von Gharjistan Aspekte der wissenschaftlichen sozialen und politischen Organisation nomadischer Durran-Paschtaner in Nordwestafghanistan. Weisbaden, Franz Steiner Verlag. 1977.

Godelier Maurice. 1978: *Godelier Maurice*. Infrastructures, Societies, and History. CA. 1978. Vol. 19, No. 4: 763—771.

Goitein S. D. 1955: *Goitein S. D.* Jews and Arabs. Their Contacts Through the Ages. New York, Schocken Books. 1955.

Golden Peter B. 1980: *Golden Peter B.* Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, Akademiai Kiado. 1980.

Golden Peter B. 1982: *Golden Peter B.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, II. 1982: 37-76.

Golden Peter B. 1992: *Golden Peter B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 1992.

Goldschmidt Walter. 1971: *Goldschmidt Walter*. Independence as an Element in Pastoral Social Systems. *AQ*. 1971. Vol. 44, No. 3: 132—142.

Goldschmidt Walter. 1981: *Goldschmidt Walter*. The Failure of Pastoral Economic Development Programs in Africa. In: *The Future of Pastoral Peoples*. Ed. by D. Aronson, J. G. Galaty, and P. C. Salzman. Ottawa, International Development Research Centre. 1981: 101—118.

Goldstein Melvyn and Beall Cynthia. 1989: *Goldstein Melvyn and Beall Cynthia*. Nomads of Western Tibet: The Survival of a Way of Life. Berkeley, University of California Press. 1989.

Goldstein Melvyn and Beall Cynthia. 1991: *Goldstein Melvyn and Beall Cynthia*. Change and Continuity in Nomadic Pastoralism on the Western Tibetan Plateau. *Nomadic Peoples*. 1991. Vol 28: 105-122

Golvine L. 1957: *Golvine L.* Le Magrib Central a l'époque des Zirides. *Recherches d'Archéologie et d'Histoire*. Paris, Arts et métiers graphiques. 1957.

Golzio Karl-Heinz. 1985: *Golzio Karl-Heinz*. Review of Nomads and the Outside World. *Anthropos*. 1985. Vol. 80, No. 4—6: 316—317.

Gommans Jos. 1993: *Gommans Jos*. «Horse-traders, Mercenaries and Princes: The Formation of the Indo-Afghan Empire in the Eighteenth Century». (Ph. D. diss. University of Leiden). 1993.

Gooch Pernille. 1992: *Gooch Pernille*. Transhumant Pastoralism in Northern India: The Gujar Case. *Nomadic Peoples*. 1992. Vol. 30: 84—96.

Goodenough Ward H. 1970: *Goodenough Ward H*. The Evolution of Pastoralism and Indo-European Origins. In: *Indo-European and Indo-Europeans*. Ed. by George Cardona, Henry M. Hoeninghswald and Alfred Senn. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 1970: 253—265.

Gorse Jean Eugene and Steeds David R. 1987: *Gorse Jean Eugene and Steeds David R*. Desertification in the Sahelian and Sudanian Zones of West Africa. Washington, D.C., World Bank. 1987.

Goto Tomio. 1969: *Goto Tomio*. On the Nomadic Unit-Groups of the East Mongols in the Recent Times. *Proceedings VIII ICAES*. Vol. II. Tokyo, Science Council of Japan. 1969: 95—96.

Graf David F. 1989: *Graf David F*. Rome and the Saracens: Reassessing the Nomadic Menace. In: *L'Arabie preislamique et son environnement historique et culturel*. Ed. by T. Fahd. Leiden, E. J. Brill. 1989: 341—400.

Graham Olivia. 1988: *Graham Olivia*. Enclosure of the East African Rangelands: Recent Trends and Their Impact. London, Overseas Development Institute. 1988.

Graziosi Paolo. 1964: *Graziosi Paolo*. New Discoveries of Rock Paintings in Ethiopia. *Antiquity*. 1964. Vol. XXXVIII, No. 150: 91—8; No. 151: 187—90.

Grigson C. and Clutton-Brock J., eds. 1984: *Grigson C. and Clutton-Brock J*. Animals and archaeology: 4. Husbandry in Europe. *British Archaeological Reports (International Series)*. Oxford. 1984.

Grossman David. 1992: *Grossman David*. Rural Process-Pattern Relationships: Nomadization, Sedentarization, and Settlement Fixation. Bar-Ilan University, Praeger. 1992.

Grove A. T. 1978: *Grove A. T.* Geographical Introduction to the Sahel. The Geographical journal. 1978. Vol. 144, Pt. 3: 407—415.

Gulliver P. H. 1955: *Gulliver P. H.* The Family Herds. A Study of Two Pastoral Tribes in East Africa. The Jie and Turkana. London, Routledge and Kegan Paul. 1955.

Gulliver P. H. 1975: *Gulliver P. H.* Nomadic Movements: causes and implications. In: Pastoralism in Tropical Africa. 1975: 369—386.

Gumpłowicz L. 1899: *Gumpłowicz L.* The Outline of Sociology. Philadelphia, PA, American Academy of Political and Social Science. 1899.

Hahn Eduard. 1896: *Hahn Eduard.* Die Haustierre und ihre Beziehungen zur Wpzig, Verlag von Duncker und Humboldt. 1896.

Haldar Alfred. 1971: *Haldar Alfred.* Who were the Amorites? Leiden, E. J. Brill. 1971.

Halderman John Michael. 1987: *Halderman John Michael.* «Development and Famine Risk in Kenya Maasailand» (Ph. D. diss., University of California, Berkeley). 1987.

Hall John A. 1985: *Hall John A.* Powers and Liberties: The Causes and Consequences of the Rise of the West. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books. 1985.

Halperin C. I. 1982: *Halperin C. I.* Russia and the 'Mongol Yoke': Concepts of Conquest, Liberation, and the Chingissid Idea. Archivum Eurasiae Medii Aevi, II. 1982: 99—107.

Halperin C. I. 1986: *Halperin C. I.* The Tatar Yoke. Columbus, OH: Slavica Publishers. 1986.

Halperin C. I. 1987: *Halperin C. I.* Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, Indiana University Press. 1987.

Hamani Djibo Mallam. 1989: *Hamani Djibo Mallam.* Au carrefour du Soudan et de la Berberic: le sultanat Touareg de l'Ayar. Niamey, Institut de Recherches en Sciences Humaines. 1989.

Hamés Constant. 1979: *Hamés Constant.* L'évolution des émirats maures sous l'effet du capitalisme marchand européen. In: Pastoral Production and Society. 1979: 375—398.

Hamilton James Rüssel. 1955: *Hamilton James Rüssel*. Les Ouïghours a l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinoise. Paris, Presses Universitaires de France. 1955.

Hancar Franz. 1955: *Hancar Franz*. Das Pferd in prähistorischer und frühhistorischer Zeit. Wein-München, Verlag Herold. 1955.

Hardin Garret. 1968: *Hardin Garret*. The Tragedy of the Commons. Science. 1968. Vol. 162: 1243—1248.

Hardin, Garret and Baden, John. 1977. Managing the Commons. San Francisco, W. H., Freeman.

Harmatta J. 1970: *Harmatta J*. Studies in the History and Language of the Sarmatians (Acta Universitatis de Attila Jozsef Nominatae. Acta Antiqua et Archaeologica. Tom. XIII). Szeged. 1970.

Hart David M. 1973: *Hart David M*. The Tribe in Modern Morocco: Two Case Studies. In: Arabs and Berbers. From Tribe to Nation in North Africa. Ed. by Ernest Gellner and Charles Micaud. London, Duckworth. 1973: 25—28.

Harth Keith. 1985: *Harth Keith*. Pastoral Politics. Government and Opposition. 1985. Vol. 20, No. 3: 566—568.

Häufler Vlastislav. 1955: *Häufler Vlastislav*. Horské oblasti v Československu a jejich vyuziti. Praha. Nakladatelství Československé Akademie Věd. 1955.

Headrick Daniel R. 1981: *Headrick Daniel R*. The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century. New York, Oxford University Press. 1981.

Helfgott Leonard M. 1977: *Helfgott Leonard M*. Tribalism as a Socioeconomic Formation in Iranian History. Iranian Studies. 1977. Vol. X, No. 1—2: 36—61.

Helmer D. 1989: *Helmer D*. Le development de la domestication au Proche-Orient de 9500 a 7500 B. P.: les nouvelles données d'El Kown et de Ras Shamra. Paleorient. 1989. Vol. 15, No. 1: 111—121.

Hemmer H. 1990: *Hemmer H*. Domestication: The Decline of Environmental Appreciation. Cambridge, Cambridge University Press. 1990.

Henige David P. 1974: *Henige David P*. Reflections on Early Interlacustrine Chronology: An Essay in Source Criticism. JAH. 1974. Vol. XV, No. 1: 27—46.

Henninger Joseph. 1969: *Henninger Joseph*. Zum Frühsemitischen Nomadentum. In: Viehwirtschaft und Hirtenkultur. 1969: 33—68.

Hermanns M. 1949: *Hermanns M*. Die Nomaden von Tibet. Vienna, Verlag Herold. 1949.

Herskovits Melville J. 1962: *Herskovits Melville J*. The Human Factor in Changing Africa. New York, Alfred A. Knopf. 1962.

d'Hertefelt Marcel. 1962: *d'Hertefelt Marcel*. Le Rwanda. In: Les anciens royaumes de la zone interlacustre méridionale. Rwanda, Burundi, Buha. Par M. d'Hertefelt. A. A. Trouwborst, J. H. Scherer (Musée Royal de l'Afrique centrale. Monographies ethnographiques. No. 6). Terveuren. 1962.

d'Hertefelt Marcel. 1965: *d'Hertefelt Marcel*. The Rwanda of Rwanda. In: Peoples of Africa. Ed. by James L. Gibbs, Jr. New York, Holt, Rinehart and Winston. 1965: 405—440.

d'Hertefelt Marcel. 1971: *d'Hertefelt Marcel*. Les clans du Rwanda ancien. Elements d'ethnosociologie et ethnohistoire (Musée Royal de l'Afrique centrale. Annales — série in-8°). Terveuren. 1971.

Hess J. J. 1938: *Hess J. J*. Von den Beduinen des inneren Arabiens. Erzählungen, Lieder, Sitten und Gebräuche. Zürich and Leipzig. 1938.

Hiatt Joseph M. 1984: *Hiatt Joseph M*. State Formation and the Encapsulation of Nomads: Local Change and Continuity among Recently Sedentarized Bedouin in Jordan. Nomadic Peoples. 1984. Vol. 15: 1—11.

Hiernaux Jean. 1966: *Hiernaux Jean*. Human biological diversity in Central Africa. Man (new series). 1966. Vol. I. No. 3: 287—306.

Higgs E. S. 1967: *Higgs E. S*. Early domesticated animals in Libya. In: Background to Evolution in Africa. 1967: 165—173.

Hitti Philip K. 1956: *Hitti Philip K*. History of the Arabs. London, Macmillan and Co. 1956.

Hjort af Ornäs Anders. 1990: *Hjort af Ornäs Anders*. Production versus Environment? Planning Resource Management and Ecological Adaptation in Kenyan Drylands. In: Adaptive Strategies in African Arid Lands. Ed. by Mette Bovin and Leif Manger. Uppsala: The Scandinavian Institute of African Studies. 1990: 91—107.

Hobbs Joseph J. 1989: *Hobbs Joseph J.* Bedouin Life in the Egyptian Wilderness. Austin, University of Texas Press. 1989.

Hole Frank. 1978: *Hole Frank.* Pastoral nomadism in Western Iran. In: Explorations in Ethnoarchaeology. Ed. by R. A. Gould. Albuquerque. School of American Research Advanced Seminar Series, University of New Mexico Press. 1989: 122—167.

Holl Augustin. 1989: *Holl Augustin.* Social Issues in Saharan Prehistory. Journal of Anthropological Archaeology. 1989. Vol. 8-313-354.

Hopkins J. F. P. 1958: *Hopkins J. F. P.* Medieval Muslim Government in Barbary until the Sixth Century of the Hijra. London, Luzac and Company. 1958.

Horowitz Michael M. 1967: *Horowitz Michael M.* A Reconsideration of the 'Eastern Sudan.' Cahiers d'études africaines VII. 3(27). 1967: 381—398.

Horowitz Michael M. 1981: *Horowitz Michael M.* Research Priorities in Pastoral Studies: An Agenda for the 1980s. In: The Future of Pastoral Peoples. Ed. by D. Aronson, J. G. Galaty, and P. C. Salzman. Ottawa, International Development Research Centre 1981: 61—88.

Horton Robin. 1971: *Horton Robin.* Stateless Societies in the History of West Africa. In: History of West Africa. Vol. I. Ed. by J. F. A. Ajayi and Michael Crowder. London, Longman. 1971: 78-119.

Huber Ch. 1891: *Huber Ch.* Journal d'un voyage en Arabic (1883—1884). Paris. 1891.

Hugot H. J. 1968: *Hugot H. J.* The Origins of Agriculture: Sahara. CA. 1968. Vol. 9, No. 5. Pt. II: 483—488.

Humphrey Caroline. 1979: *Humphrey Caroline.* The uses of geneology: A historical study of the nomadic and sedentarized Buryat. In: Pastoral Production and Society. 1979: 235—260.

Humphrey Caroline. 1983: *Humphrey Caroline.* Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Cambridge, Cambridge University Press. 1983.

Humphrey Caroline. 1985: *Humphrey Caroline.* Wandering Specialists. Times Literary Supplement (February 15). 1985: 181.

Huntingford G. W. B. 1953: *Huntingford C. W. B.* The Nandi of Kenya. London, Routledge and Kegan Paul. 1953.

Huntington Ellsworth. 1907: *Huntington Ellsworth.* The Pulse of Asia. Boston-New York. 1907.

Huntington Ellsworth. 1915: *Huntington Ellsworth.* Civilization and Climate. New Haven, CT., Yale University Press. 1915

Huntington Ellsworth. 1945: *Huntington Ellsworth.* Mainsprings of Civilization. New York, John Wiley and Sons, Inc. 1915.

Hutchinson Sharon E. 1988: *Hutchinson Sharon E.* The Nuer in Crisis: Coping with Money, War and the State. Chicago, University of Chicago Press. 1988.

[Ibn Haldun]. 1925: *[Ibn Haldun].* Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale. Traduction de Slaine, réédite sous le contrôle de Paul Casanova. 1925. Vol. I—II. Paris, Geuthner.

[Ibn Khaldoun]. 1863: *[Ibn Khaldoun].* Les prolégomènes d'Ibn Khaldoun. Traduits en français et commentés par M. de Slane. Tom. I. Paris. 1863.

Ibn Khaldûn. 1967: *Ibn Khaldûn.* An Introduction to History. The Muqaddimah. Translated from the Arabic by Franz Rosental. Abridged and Edited by N. I. Dawood. London, Routledge and Kegan Paul in association with Seeker and Warburg. 1967.

Imperato Pascal James M. D. 1976: *Imperato Pascal James M. D.* Health care in the Sahel before and after the drought. In: The Politics of Natural Disaster. The Case of the Sahel Drought. Ed. Michael H. Glantz. New York, Praeger Publishers. 1976: 3—24.

Ingold Tim. 1976: *Ingold Tim.* The Skolt Lapps Today. Cambridge, Cambridge University Press. 1976.

Ingold Tim. 1980: *Ingold Tim.* Hunters, Pastoralists and Ranchers: Reindeer Economies and Their Transformations. New York, Cambridge University Press. 1980.

Ingold Tim. 1985: *Ingold Tim.* Review of Nomads and the Outside World. Man. 1985. Vol. 20, No. 2: 367—368.

Ingold Tim. 1985a: *Ingold Tim.* Khazanov on Nomads. Current Anthropology. 1985a. Vol. 26, No. 3: 384—387.

Ingold Tim. 1986: *Ingold Tim*. The Appropriation of Nature: Essays on Human Ecology and Social Relations. Manchester, Manchester University Press. 1986.

Inskeep R. 1971: *Inskeep R*. South Africa. In: The African Iron Age. Ed. by P. L. Shinnie. Oxford, Clarendon Press. 1971: 245—273.

Irons William. 1971: *Irons William*. Variation in Political Stratification among the Yomut Turkmen. AQ. 1971. Vol. 44, No. 3: 143—156.

Irons William. 1975: *Irons William*. The Yomut Turkmen: A Study of Social Organization among a Central Asian Turkic-Speaking Population. Ann Arbor, University of Michigan. 1975.

Irons William. 1979: *Irons William*. Political stratification among pastoral nomads, In: Pastoral Production and Society. 1981: 361—374. Iverson, Peter. 1981: *Iverson, Peter*. The Navajo Nation. Westport, Conn., Greenwood Press. 1981.

Jacob Georg. 1897: *Jacob Georg*. Altarabisches Beduinenleben nach den Quellen geschildert. Berlin, Mayer and Muller. 1897.

Jacobs Allan H. 1965: *Jacobs Allan H*. African Pastoralists: Some General Remarks. AQ. 1965. Vol. 38, No. 3: 144—154.

Jacobs Allan H. 1975: *Jacobs Allan H*. Maasai Pastoralism in Historical Perspective. In: Pastoralism in Tropical Africa. 1975: 406—425.

Jagchid Sechin. 1988: *Jagchid Sechin*. Essays in Mongolian Studies. Provo, Utah, David M. Kennedy Center for International Studies, Brigham Young University. 1988.

Jagchid Sechin and Hyer Paul. 1979: *Jagchid Sechin and Huer Paul*. Mongolia's Culture and Society. Boulder, Westview Press. 1979. Jagchid Sechin and Symons Van Jay. 1989: Jagchid Sechin and Symons Van Jay. Peace, War and Trade along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press. 1989.

Janata A. 1962/1963: *Janata A*. Die Bevölkerung von Ghôr. Beitrag zur Ethnographie und Ethnogenese der Chahar Aimaq. Archiv für Völkerkunde. 1962/1963. Bd. XVII/XVIII: 73—156.

Jankowska N. B. 1969: *Jankowska N. B*. Some Problems of the Economy of the Assyrian Empire. In: Ancient Mesopotamia. Socio-

Economic History. A Collection of Studies by Soviet Scholars. Moscow Nauka Publishing House. 1969: 253—276.

Janzen Jörg. 1986: *Janzen Jörg*. Nomads in the Sultanate of Oman: Tradition and Development in Dhofar. Boulder, Westview Press 1986.

Jaussen Antonin P. 1908: *Jaussen Antonin P*. Coutumes des Arabes au pays de Moab. Paris, Victor Lecoffre. 1908.

Jettmar Karl. 1967: *Jettmar Karl*. Art of the Steppes. New York, Crown Publishers, Inc. 1967.

Johnson Douglas H. 1989: *Johnson Douglas H*. Political Ecology in the Upper Nile: The Twentieth Century Expansion of the Pastoral «Common Economy». Journal of African History. 1989. Vol. 30 No. 3: 463—486.

Johnson Douglas L. 1969: *Johnson Douglas L*. The Nature of Nomadism: A Comparative Study of Pastoral Migrations in Southwestern Asia and Northern Africa. The University of Chicago. Department of Geography. Research Paper No. 118. Chicago. 1969.

Jones Wellington D. and Derwent S. Whittlesey. 1932: *Jones Wellington D. and Derwent S. Whittlesey*. Nomadic Herding Regions. Economic Geography. 1932. Vol. 8, No. 4: 378—385.

Julien Ch.-André. 1956: *Julien Ch.-André*. Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie-Algérie-Maroc. Des origines à la conquête arabe (647 Ap. J.-C). Paris. Payot. 1956.

Julien Ch.-André. 1956a: *Julien Ch.-André*. Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie-Algérie-Maroc. De la Conquête arabe à 1830. Paris. Payot. 1956a.

July Robert W. 1975: *July Robert W*. Precolonial Africa. An Economie and Social History. New York, Scribner. 1975.

Kammenhuber Annelies. 1968: *Kammenhuber Annelies*. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag. 1968.

Katakura Motoko. 1977: *Katakura Motoko*. Bedouin Village: A Study of a Saudi Arabian People in Transition. Tokyo, University of

Tokyo Press. 1977. Katoke Israel. 1971: *Katoke Israel*. The History of the Pre-Colonial States of North-western Tanzania: Introduction. Journal of World History 1971. Vol. 13: 512-514.

Katz R. W. and Glantz M. H. 1977: *Katz R. W. and Glantz M. H.* Rainfall, droughts, and dessertification in the Sahel. In: *Desertification, Environmental Degradation in and around Arid Lands*. Ed. Michael H. Glantz. Boulder, Colorado, Westview Press. 1977: 81-102.

Keenan Jeremy. 1977: *Keenan Jeremy*. The Tuareg. People of Ahaggar. New York, St. Martin's Press. 1977.

Kellog William and Scheider Stephen H. 1977: *Kellog William and Scheider Stephen H.* Climate, Desertification and Human Activities. In: *Desertification, Environmental Degradation in and around Arid Lands*. Ed. Michael H. Glantz. Boulder, Colorado, Westview Press. 1977: 141—163.

Kelly Raymond C. 1985: *Kelly Raymond C.* The Nuer Conquest: The Structure and Development of an Expansionist System. Ann Arbor, University of Michigan Press. 1985.

Kent Susan. 1985: *Kent Susan*. Review of Nomads and the Outside World. *Journal of Anthropological Research*. 1985. Vol. 41, No. 1: 117—119.

Khazanov A. M. 1973: *Khazanov A. M.* The Character of Slavery among the Scythians. *Soviet Anthropology and Archaeology*. 1973. Vol. 11, No. 4: 415—438.

Khazanov A. M. 1975: *Khazanov A. M.* Caractère de l'esclavage chez le Scythes. In: *Formes d'exploitation du travail et rapports sociaux dans l'Antiquité classique. Recherches internationales à la lumière du marxisme*. 1975. No. 84—3: 111—128.

Khazanov A. M. 1978: *Khazanov A. M.* The Early State among the Scythians. In: *The Early State*. 1978: 425—439.

Khazanov A. M. 1978a: *Khazanov A. M.* Some Theoretical Problems of the Study of the Early State. In: *The Early State*. 1978a: 77—92.

Khazanov A. M. 1978b: *Khazanov A. M.* Characteristic Features of Nomadic Communities in the Eurasian Steppes. In: *The Nomadic Alternative*. 1978b: 119—126.

Khazanov A. M. 1979: *Khazanov A. M.* Les formes de dependance des agriculteurs par rapport aux nomads antiques des steppes eurasiatiques. In: *Terre et paysans dependants dans les sociétés*

antiquites, Lyon Editions de Centre nationale de la recherchescientifique. 1979: 229-247

Khazanov A. M. 1980: *Khazanov A. M.* Notes on the emergence of the Mongolian state under Genghis Khan. In: Production pastorale et société. Bulletin de l'équipe écologie et anthropologie des sociétés pastorales. 1980.

Khazanov A. M. 1980: *Khazanov A. M.* The Size of Herds among Pastoral Nomads. In: Nomadic Peoples. 1980. No. 7: 8~13.

Khazanov A. M. 1980a: *Khazanov A. M.* The Origin of Ghenghiz Khan's State: An Anthropological Approach. In: Etnografia Polska 1980a. t. XXIV, pt. 1: 29—39.

Khazanov A. M. 1981: *Khazanov A. M.* The Early State among the Eurasian Nomads. In: The Study of State. Ed. by Henri J. M. Claessen and Peter Skalnik. The Hague, Mouton Publishers. 1981.

Khazanov A. M. 1984: *Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University Press. Second Edition: Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1994.

Khazanov A. M. 1990: *Khazanov A. M.* Pastoral Nomads in the Past, Present and Future: A Comparative View. In: The Struggle for Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World. Ed. by Paul A. Olson. Lincoln and London, University of Nebraska Press. 1990: 81—99.

Khazanov A. M. 1990a: *Khazanov A. M.* Pastoralists in Second and Third World Countries — The Problem of Modernization. Bulletin of the Israeli Academic Center in Cairo. 1990a. Vol. 13: 16—20.

Khazanov A. M. 1990b: *Khazanov A. M.* The Ecological Situation and the National Issue in Uzbekistan. Environmental Policy Review. 1990b. Vol. 4, No. 1: 20—28.

Khazanov A. M. 1992: *Khazanov A. M.* Nomads and Oases in Central Asia. In: Transition to Modernity. Ed. by John A. Hall and I. C. Jarvie. Cambridge, Cambridge University Press. 1992: 69-89.

Khazanov A. M. 1992a: *Khazanov A. M.* Soviet Soc.al Thought in the Period of Stagnation. Philosophy of the Social Sciences. 1992a. Vol. 22, No. 2: 231-237.

Khazanov A. M. 1994: *Khazanov A. M.* The Spread of Wor d Religions in Medieval Nomadic Societies of the Euras.an Steppes. In

Michael Gervers and Wayne Schlepp (eds.) *Nomadic Diplomacy, Destruction, and Religion from the Pacific to the Adriatic*. Toronto: Toronto Studies in Central and Inner Asia, 1994. No. 1: 11—33.

Khazanov A. M. 1995: *Khazanov A. M.* The Ethnic Problems of Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 1995. 14 (2): 243—264.

Khodarkovsky Michael. 1992: *Khodarkovsky Michael*. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600—1771. Ithaca and London, Cornell University Press. 1992.

Khogali Mustafa Mohamed. 1981: *Khogali Mustafa Mohamed* Sedentarization of the Nomads: Sudan. In: *The Future of Pastoral Peoples*. Ed. by D. Aronson, J. G. Galaty, and P. C. Salzman. Ottawa, International Development Research Centre. 1981: 302—313.

Khoury Philip S. and Kostiner Joseph, eds. 1990: *Khoury Philip S. and Kostiner Joseph*. Tribes and State Formation in the Middle East. Berkeley, University of California Press. 1990.

Kirchhoff Paul. 1968: *Kirchhoff Paul*. The Principles of Clanship in Human Society. In: *Readings in Anthropology*. Ed. by Morton H. Fried. Vol. II. New York, Thomas Y. Crowell Co.. 1968: 370—381. Klengel H. 1972: *Klengel H.* Zwischen Zelt und Palast. Die Begegnung von Nomaden und Sesshaften im alten Vorderasien. Leipzig, Koehler und Amelang. 1972.

Klima George J. 1970: *Klima George J.* The Barabaig: East African Cattle-Herders. New York, Holt, Rinehart and Winston. 1970.

Kluckhohn Clyde and Leighton Dorothea. 1962: *Kluckhohn Clyde and Leighton Dorothea*. The Navaho. Garden City, NY, The American Museum of Natural History. 1962.

Kolars John F. 1963: *Kolars John F.* Tradition, Season and Change in a Turkish Village (The University of Chicago, Department of Geography, Research Paper No. 82). Chicago, University of Chicago Press. 1963.

Kolars John F. 1966: *Kolars John F.* Locational Aspects of Cultural Ecology: the Case of the Goat in Nonwestern Agriculture. *GR*. 1966. Vol. LVI (October): 577—584.

Komarov Boris. 1978: *Komarov Boris*. The Destruction of Nature in the Soviet Union. London, Pluto Press. 1978.

Konczachki Z. A. 1978: *Konczachki Z. A.* The Economics of Pastoralism: A Case Study of Sub-Saharan Africa. London, Frank Cass. 1978.

Kostiner Joseph. 1990: *Kostiner Joseph.* Transforming Dualities-Tribe and State Formation in Saudi Arabia. In: Tribes and State Formation in the Middle East. Ed. by Philip S. Khoury and Joseph Kostiner. Berkeley, University of California Press. 1990.

Kottak Conrad P. 1972: *Kottak Conrad P.* Ecological Variables in the Origin and Evolution of African States: The Buganda Example. Comparative Studies in Society and History. 1972. Vol. 14, No. 3: 351—380.

Kowalska-Lewicka A. 1976: *Kowalska-Lewicka A.* Mauretania. Warszawa, Wiedza Powszechna. 1976.

Kräder Lawrence. 1955: *Kräder Lawrence.* Ecology of Central Asian Pastoralism. SJA. 1955. Vol. 11, No. 4: 301—325.

Kräder Lawrence. 1959: *Kräder Lawrence.* The Ecology of Nomadic Pastoralism. ISSJ. 1959. Vol. XL No. 4: 499—510.

Kräder Lawrence. 1963: *Kräder Lawrence.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, Mouton. 1963.

Kräder Lawrence. 1966: *Kräder Lawrence.* 1966. Social Life in the Arid Zones. In: Arid Lands. 1966: 405—420.

Kräder Lawrence. 1968: *Kräder Lawrence.* Formation of the State. Englewood Cliffs, Prentice Hall. 1968.

Kräder Lawrence. 1970: *Kräder Lawrence.* Pastoral Nomadism in Eurasia: As Evolution and as History. Proceedings VIII ICAES. 1 Vol. HI. Tokyo, Science Council of Japan. 1970: 321—323.

Kräder Lawrence. 1975: *Kräder Lawrence.* The Asiatic Mode of Production. Assen, Van Gorcum. 1975.

Kräder Lawrence. 1978: *Kräder Lawrence.* The Origin of the State among the Nomads of Asia. In: The Early State. 1978: 93-107.

Kräder Lawrence. 1979: *Kräder Lawrence.* The Origin of the State among the Nomads of Asia. In: Pastoral Production and Society.

1979- 231 234

Kramer Frite L. 1967: *Krcner Fritz L* Eduard Hahn and the End of the Three Stages of Man' GR. 1967 Vol 57, N. 1: 73-89.

Krandälov D. 1963: *Krandälov D.* Valas, na Morave. Praha, Státní Pedagogické Nakladatelství. 1963.

Kroeber A. L. 1947: *Kroeber A. L. Culture Groupings in Asia*. SJA 1947. Vol. 3, No. 4: 322-330.

Kroeber A. L. 1948: *Kroeber A. L. Anthropology*. New York, Harcourt Brace. 1948.

Krusche Rolf, ed. 1981: *Krusche Rolf. Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart*. Berlin, Akademie-Verlag. 1981.

Krzyzaniak Lech. 1976: *Krzyzaniak Lech. The Archaeological Site of Kadero*, Sudan. CA 1976. Vol. 17, No. 4.

Kuper Adam. 1982: *Kuper Adam. Lineage Theory: A Critical Retrospect*. Annual Review of Anthropology. 1982. Vol. 11: 71-95.

Küpper J. R. 1957: *Küpper J. R. Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari* (Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de L'Université de Liège, Fasc. XCLII) Paris, Société d'Édition 'Les Belles Lettres'. 1957.

Küpper J. R. 1959: *Küpper J. R. Le rôle des nomades dans l'histoire de la Mésopotamie ancienne*. JESHO. 1959. Vol. 2: 113—127.

Kussmaul Friedrich. 1962: *Kussmaul Friedrich. Geographische Aspekte der Kulturgeschichte Tibets*. In: Hermann von Wissmann-Festschrift. Tübingen. 1962: 222—237.

Kussmaul Friedrich. 1969: *Kussmaul Friedrich. Das Reiternomadentum als historisches Phänomen*. In: Nomadismus als Entwicklungsproblem. 1969: 30—56.

La Bianca Ostein Sakala. 1992: *La Bianca Ostein Sakala. Sedentarization and Nomadization: Food System Cycles at Kesban and Vicinity in Transjordan*. Berrien Springs, Mich., Andrews University Press. 1992.

Lack David. 1954: *Lack David. The Natural Regulation of Animal Numbers*. Oxford, Clarendon Press. 1954.

Lamb H. H. 1966: *Lamb H. H. The Changing Climate*. London, Methuen and Co. 1966.

Lamb H. H. 1974: *Lamb H. H. Climate, vegetation and forest limits in early civilized times*. In: The Place of Astronomy in the Ancient World. A Joint Symposium of the Royal Society and the British Academy. London, Oxford University Press. 1974: 195—230.

Lambton Ann K. S. 1953: *Lambton Ann K. S. Landlord and Peasant in Persia. A Study of Land Tenure and Land Revenue Administration*. London, Oxford University Press. 1953.

Lambton Ann K. S. 1965: *Lambton Ann K. S.* Reflections on the Iqta . In: *Arabie and Islamic Studies in Honor of Hamilton A. R Gibb*. Leiden, E. j. Brill. 1965: 358—376.

Lambton Ann K. S. 1968: *Lambton Ann K. S.* The Internal Structure of the Saljuq Empire. CHI. Vol. V. Ed. J. A. Boyle. Cambridge University Press. 1968: 203—282.

Lancaster William O. 1981: *Lancaster William O.* The Rwala Bedouin Today. Cambridge, Cambridge University Press. 1981.

Lancaster W. and Lancaster F. 1986: *Lancaster W. and Lancaster F.* The Concept of Territory among the Rwala Bedouin. *Nomadic Peoples*. 1986. Vol. 20: 41—48.

Langley Myrtle S. 1979: *Langley Myrtle S.* The Nandi of Kenya: Life Crisis Rituals in a Period of Change. New York, St. MartinDs Press. 1979.

Lapidus Ira M. 1975: *Lapidus Ira M.* Hierarchies and Networks: A Comparison of Chinese and Islamic Societies. In: *Conflict and Control in Later Imperial China*. Ed. by Frederic Wake man, Jr. and Carolyn Grant. Berkeley, Calif. 1975: 6—42.

Laroui Abdallah. 1970: *Laroui Abdallah.* L'histoire du Maghreb: Un essai de synthèse. Paris, François Maspero. 1970.

Laroui Abdallah. 1977: *Laroui Abdallah.* The History of the Maghrib: An Interpretive Essay. Princeton, Princeton University Press. 1977.

Lattimore Owen. 1940: *Laftimore Owen.* Inner Asian Frontiers of China. New York, American Geographical Society (First Edition). 1940.

Lattimore Owen. 1963: *Lattimore Owen.* The Geography of Chingis Khan. *The Geographical Journal*. 1963. Vol. CXXIX, pt. 1: 1—7.

Lattimore Owen. 1967: *Lattimore Owen.* Inner Asian Frontiers of China. Boston, Beacon Press. (First published in 1940). 1967.

Lattimore Owen. 1974: *Lattimore Owen.* On some questions of periodisation in nomadic history. In: *Role of the Nomadic Peoples*. 1974: 171—173.

Lattimore Owen. 1979: *Lattimore Owen.* Herdsman^rmers, urban culture. In: *Pastoral Production and Society*. 1979: 479-490.

Laube Raphael. 1986: *Laube Raphael*. Maasai — Identität und sozialer Wandel bei den Maasai. Basel, Monographien zur Soziologie und Gesellschaftspolitik. 1986.

Lavie Smadar. 1990: *Lavie Smadar*. The Poetics of Military Occupation: Mzeina Allegories of Bedouin Identity under Israeli and Egyptian Rule. Berkeley, University of California Press. 1990.

Le Tourneau Roger. 1969: *Le Tourneau Roger*. The Almohad Movement in North Africa in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1969.

Leach Edmund. R. 1961: *Leach Edmund. R.* Rethinking Anthropology. London, the Athlone Press; 1984. Anthropologies. London Review of Books (2 August — 6 September). 1961: 18—19.

Lee Richard B. and DeVore Irven. 1968: *Lee Richard B. and DeVore Irven*. Problems in the Study of Hunters and Gatherers. In: Man the Hunter. Ed. by Richard B. Lee and Irven DeVore. Chicago, Aldine Publishing Co. 1968: 3—12.

Leeds Anthony. 1965: *Leeds Anthony*. Reindeer Herding and Chukchi Social Institutions. In: Man, Culture and Animals. 1965: 87 — 128.

Lees Susan H. and Daniel G. Bates. 1974: *Lees Susan H. and Daniel C. Bates*. The Origins of Specialized Pastoralism: A Systemic Model. American Antiquity. 1974. Vol. 39, No. 2 (pt. 1): 187—193.

Lefébure Claude. 1979: *Lefébure Claude*. Introduction: the specificity of nomadic pastoral societies. In: Pastoral Production and Society. 1979: 1—14.

Le Houérou H. N. 1976: *Le Houérou H. N.* Ecological management of arid grazing lands ecosystems. In: The Politics of Natural Disaster. The Case of the Sahel Drought. Ed. Michael H. Glantz, New York, Praeger Publishers. 1976: 267—281.

Le Houérou H. N. 1977: *Le Houérou H. N.* The nature and causes of desertification. In: Desertification. Environmental Degradation in and around Arid Lands. Ed. Michael H Glantz. Boulder, Colorado, Westview Press. 1977: 17—38.

Leibzon Leonid. 1992: *Leibzon Leonid*. Yamal: An Endangered Peninsula. Moscow News. 1992. No. 45: November 8—15: 4

Lemarchand Rene. 1966: *Lemarchand Rene*. Power and Stratification in Rwanda: A Reconsideration. *Cahiers d'études africaines*. 1966. Vol. VI, No 24: 592—610.

Leshnik Lawrance S. 1972: *Leshnik Lawrance S*. Pastoral Nomadism in the Archaeology of India and Pakistan. *WA*. 1972. Vol. 4, No. 2: 150—166.

Levtzion Nehemia. 1971: *Levtzion Nehemia*. The Early States of the Western Sudan to 1500. In: *History of West Africa*. Vol. I. Ed. by J. F. A. Ajayi and Michael Crowder. London, Longmans. 1971: 120—157.

Levtzion Nehemia. 1977: *Levtzion Nehemia*. The Western Maghrib and Sudan. *CHA*. Vol. 3. From c 1050 to c 1600. Ed. by Roland Oliver. Cambridge, Cambridge University Press. 1977.

Levtzion Nehemia. 1979: *Levtzion Nehemia*. 'Abd Allah B. Yasin and the Almoravids. In: *Studies in West African Islamic History*. Vol. 1. The Cultivators of Islam. Ed. by John Ralph Wills. London, Frank Cass. 1979: 78—112.

Levy Thomas Evan. 1983: *Levy Thomas Evan*. The emergence of Specialized Pastoralism in the Southern Levant. *World Archaeology*. 1983. Vol. 15, No. 1: 15—36.

Lewis Bernard. 1993: *Lewis Bernard*. Islam in History, Ideas, People, and Events in the Middle East. 2nd Edition. Chicago and LaSalle, Illinois. 1993.

Lewis I. M. 1955: *Lewis I. M*. Peoples of the Horn of Africa. Somali, Afar, and Soho (Ethnographic Survey of Africa. North Eastern Africa, Pt. I). London, International African Institute. 1955.

Lewis I. M. 1960: *Lewis I. M*. The Somali Conquest of the Horn of Africa. *JAH*. 1960. Vol. I. No. 2: 213—229.

Lewis I. M. 1961: *Lewis I. M*. A Pastoral Democracy. London, Oxford University Press. 1961.

Lewis I. M. 1962: *Lewis I. M*. Historical Aspects of Genealogies in Northern Somali Social Structure. *JAH*, 1962. Vol. III, No. 1: 35—48.

Lewis H. S. 1966: *Lewis H. S*. The Origins of Galla and Somali. *JAH*. 1966. Vol. 7, No. 1: 27—46.

Lewis H. S. 1966a: *Lewis H. S.* The Origins of African Kingdoms. Cahiers d'études africaines. 1966a. Vol. VI, No. 23: 402—407.

Lewis Norman N. 1987: *Leivis Norman N.* Nomads and Settlers in Syria and Jordan, 1800—1980. Cambridge, Cambridge University Press. 1987.

Lhote Henri. 1955: *Lhote Henri.* Les Touaregs du Hoggar (Ahaggar). Paris, Payot. 1955.

Lhote Henri. 1976: *Lhote Henri.* Vers d'autres Tassilis. Paris, Arthaud. 1976.

Lindner Rudi Paul. 1981: *Lindner Rudi Paul.* Nomadism, Horses, and Huns. Past and Present, 1981. No. 92: 3—19.

Lindner Rudi Paul. 1983: *Lindner Rudi Paul.* Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University. 1983.

Lippens Philippe. 1956: *Lippens Philippe.* Expedition en Arabie Centrale. Paris, Adrien Maisonneuve. 1956.

Little Peter. 1985: *Little Peter.* Absentee Herd Owners and Part-time Pastoralists: The Political Economy of Resources Use in Northern Kenya. Human Ecology. 1985. Vol. 13, No. 2: 131—151. Little Peter. 1992: *Little Peter.* The Elusive Granary: Herder, Farmer, and State in Northern Kenya. Cambridge, Cambridge University Press. 1992.

Liu Mau-tsai. 1958: *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Buch I-II (Göttinger Asiatische Forschungen, Bd. X). Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 1958. Livingstone Ian. 1977: *Livingstone Ian.* Economic Irrationality among Pastoral Peoples: Myth or Reality? Development and Change. 1977. Vol. 8, No. 2: 209—230.

Lockhart Laurance. 1958: *Lockhart Laurance.* The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge University Press. 1958.

Loiske Vesa Matti. 1990: *Loiske Vesa Matti.* Political Adaptation: The Case of the Wabarabaig in Hanang District, Tanzania. In: Adaptive Strategies in African Arid Lands. Ed. by Mette Bovin and Leif Manger. Uppsala, The Scandinavian Institute of African Studies. 1990: 77—90.

Lovejoy P. E. and Baier S. 1976: *Lovejoy P. E. and Baier S.* The desert-side economy of the Central Sudan. In: *The Politics of Natural Disaster. The Case of the Sahel Drought.* Ed. Michael H. Glantz. New York, Praeger Publishers. 1976: 145—175.

Macgaffy Wyatt. 1961: *Macgaffy Wyati.* Concepts of Race in the Historiography of Northeast Africa. JAH. 1961. Vol. VII, No. 1. Mackerras C 1968: Mackerras C *The Uighur Empire (744— 840). According to the T'ang Dynastic History.* Centre of Oriental Studies. The Australian National University. Occasional Papers, 8. Canberra. 1968.

Maggs Tim and Whitelaw Gavin. 1991: *Maggs Tim and Whitelaw Gavin.* A Review of Recent Archaeological Research on Food-producing Communities in Southern Africa. *Journal of African History.* 1991 Vol. 32, No. 1: 3—24.

Mahapatra L. K. 1975: *Mahapatra L. K.* Pastoralists and the Modern Indian State. In: *Pastoralists and Nomads in South Asia.* 1975: 209—219.

Mair Lucy. 1962: *Mair Lucy.* Primitive Government. Penguin Books, Harmondsworth, Middlesex. 1962.

Maliki Bonfiglioli (Angelo). 1986: *Maliki Bonfiglioli (Angelo).* The Changing Structures of Livestock Ownership among Pastoralists in Niger. *Bulletin of the Institute for Development Anthropology.* 1986. Vol. 4, No. 1: 3—5.

Man, Culture and Animals. The Role of Animals in Human Ecological Adjustments. Ed. by Anthony Leeds and Andrew P. Vayda (American Association for the Advancement of Science. Publication No. 78). Washington, D.C., 1965.

Mandoul R. et P. Jacquemin. 1953: *Mandoul R. et P. Jacquemin.* Etude des groupes sanguins au Tassili-Ajjer. In: *Mission scientifique au Tassili des Ajjer. I.* Alger. 1953.

Mann Michael. 1988: *Mann Michael.* *European Development: Approaching a Historical Explanation.* In Jean Baechler, John Hall and Michael Mann (eds.) *Europe and the Rise of Capitalism.* New York: Basil Blackwell. 1988: 6—19.

Manz Beatrice Forbes. 1989: *Manz Beatrice Forbes.* *The Rise and Rule of Tamarlane.* Cambridge, Cambridge University Press. 1989.

Maquet Jacques L. 1961: *Maquet Jacques L.* The Premise of Inequality in Rwanda. A Study of Political Relations in a Central African Kingdom. London, Oxford University Press. 1961.

Marçais Georges. 1913: *Marçais Georges.* Les Arabes en Berbérie du Xle au XIVe siècle. Paris, Ernest Leroux. 1913.

Marnham Patrick. 1979: *Marnham Patrick.* Nomads of the Sahel. Minority Rights Group, Report No. 33. London. 1979.

Marshall Fiona. 1990: *Marshall Fiona.* Origins of Specialized Pastoral Production in East Africa. *American Anthropologist*. 1990. Vol. 92, No. 4: 873—894.

Martin H. Desmond. 1950: *Martin H. Desmond.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China. Baltimore, The Johns Hopkins University Press. 1950.

Marx Emanuel. 1977: *Marx Emanuel.* The Tribe as a Unit of . Subsistence: Nomadic Pastoralism in the Near East. *AA*. 1977. Vol.79, No. 2: 343—363.

Marx Emanuel. 1978: *Marx Emanuel.* The Ecology and Politics of Nomadic Pastoralists in the Middle East. In: *The Nomadic Alternative*. 1978: 41—74.

Marx Emanuel. 1979: *Marx Emanuel.* Back to the Problem of Tribe. *American Anthropologist*. 1979. Vol. 81, No. I: 124—125.

Marx Emanuel and Shmueli Avshalom, eds. 1984: *Marx Emanuel and Shmueli Avshalom.* The Changing Bedouin. New Brunswick and London, Transaction Books. 1984.

Mason I. L., ed. 1984: *Mason I. L.* Evolution of Domesticated Animals. London, Longman. 1984.

Matly Ian M. 1968: *Mason I. L.* Transhumance in Bosnia and Herzegovina. *GR*. 1968. Vol. 58, No.2: 231—261.

Matthews Victor Harold. 1978: *Matthews Victor Harold.* Pastoral Nomadism in the Mari Kingdom (ca. 1830—1760 B. C). Cambridge, Mass., American School of Oriental Research. 1978.

Mauny Raymond. 1954: *Mauny Raymond.* Gravures, peintures et inscriptions rupestres de l'Ouest Africain. Institut d'Afrique Noire. Initiation Africaines, XI. Dakar. 1954.

Mauny Raymond. 1967: *Mauny Raymond.* L'Afrique et les origines de la domestication. In: *Background to Evolution in Africa*: 583—599.

Mayrhofer Manfred. 1974: *Mayrhofer Manfred*. Die Aner im Vorderen Orient — ein Mythos? Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 1974.

McCauley M. 1970: *McCauley M.* Kazakhstan and the Virgin and Idle Lands Programme, 1953—1964. *Mizan*. 1970. Vol. 12: 100-111.

McCay Bonnie M. and Acheson James M., eds. 1987: *McCay Bonnie M. and Acheson James M.* The Question of the Commons: The Culture and Ecology of Communal Resources. Tuscon, University of Arizona Press. 1987.

McClure Harold A. 1971: *McClure Harold A.* The Arabian Peninsula and Prehistoric Populations. Field Research Projects, Miami, Florida, Coconut Grove. 1971.

McGreevy Tom. 1989: *McGreevy Tom*. Prehispanic Pastoralism in Northern Peru. In: *The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Predation*. Ed. by J. Glutton-Brock. London, Unwin Hyman. 1989: 231—239.

Mearns Robin. 1993: *Mearns Robin*. Local Institutions and Common-Pool Grazing Management in Post-Socialist Mongolia. Fourth Annual Conference of the International Association for the Study of Common Property, Manila, 15—19 June. 1993.

Meeker Michael E. 1979: *Meeker Michael E.* Literature and Violence in North Africa. New York, Cambridge University Press. 1979.

Meeker Michael E. 1989: *Meeker Michael E.* The Pastoral Son and the Spirit of Patriarchy: Religion, Society, and Person among East African Stock Keepers. Madison, University of Wisconsin Press. 1989.

Middleton John and Tait David. 1958: *Middleton John and Tait David*. Introduction. In: *Tribes Without Rulers. Studies in African Segmentary Systems*. Ed. by John Middleton and David Tait. London, Routledge and Kegan Paul. 1958: 1—31.

Minorsky V. 1948: *Minorsky V.* Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. *Bulletin of the School of Oriental Studies*. 1948. Vol. XII. Pt. 2.

Mirza Mohammad Haidar Dughlat. 1895: *Mirza Mohammad Haidar Dughlat*. The Tarikh-i-Rashidi. A History of the Moghuls of Central Asia. Ed. by N. Elias. Translation by E. Denison Ross. London, Sampson Low, Marston and Co. 1895.

Misra P. K. and Malhotra K. C, eds. 1982: *Misra P. K. and Malhotra K. C* Nomads in India. Calcutta, Anthropological Survey of India. 1982.

Mohammed M. J. 1981: *Mohammed M. J.* Planning Policy and Bedouin Society in Oman. In: The Future of Pastoral Peoples. Ed. by D. Aronson, J. G. Galaty, P. C. Salzman, and A. Chouinard. Ottawa: International Development Research Centre. 1981: 334—336.

The Mongol Mission. 1955: *The Mongol Mission*. Translations of a nun of Stanbrook Abbey, ed. and introduction by C. Dawson. London and New York, Sheed and Ward, 1955. John of Piano Carpini's 'History of the Mongols, pp. 3—72; 'The Journey of William of Rubruck', pp. 89—223.

Monod Théodore. 1932: *Monod Théodore*. L'Ardar Ahnet. Contribution à l'étude archéologique d'un district saharien. Paris, Institute d'ethnologie. 1932.

Montagne Robert. 1932: *Montagne Robert*. Notes sur la vie sociale et politique de l'Arabie du Nord. Revue des Etudes Islamiques. 1932. Cahier 1: 61—81.

Moorey P. R. S. 1976: *Moorey P. R. S.* Pictorial Evidence for the History of Horseriding in Iraq before the Kassite Period. 1976. Vol. XXXII. Pt. 1: 36—50.

Morgan David. 1986: *Morgan David*. The Mongols. Oxford, Basil Blackwell. 1986.

Morris C. Patrick. 1990: *Morris C Patrick*. Hydroelectric Development and the Human Rights of Indigenous People. In: The Struggle for the Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semi-arid World. Ed. by Paul A. Olson. Lincoln and London, University of Nebraska Press. 1990: 193—209.

Mortensen Peder Arhus. 1974: *Mortensen Peder Arhus*. A Survey of Prehistoric Settlements in Northern Luristan. Acta Archaeologica. 1974. Vol. 45. København: 1—143.

Müller V. 1931: *Müller V.* En Syria avec les Bédouins: les tribue du désert. Paris, Leroux. 1931.

Murdock George Peter. 1959: *Murdoch George Peter*. Africa. Its Peoples and Their Cultural History. New York, McGraw-Hill. 1959.

Murdock George Peter. 1965: *Murdock George Peter*. Social Structure. New York, The Free Press (First Edition 1949). 1965.

Murdock George Peter. 1967: *Murdock George Peter*. Ethnological Atlas. Pittsburgh, PA, University of Pittsburgh Press. 1967.

Murdock George Peter. 1968: *Murdock George Peter*. The Current Status of the World's Hunting and Gathering Peoples. In: *Man the Hunter*. Ed. by Richard B. Lee and Irven DeVore. Chicago, Aldine. 1968: 13—20.

Murdock George P. and Wilson Susan F. 1972: *Murdoch George P. and Wilson Susan F.* Settlement Patterns and Community Organization: Cross-Cultural Codes 3. *Ethnology*. 1972. Vol. XI. No. 3: 254—295.

Murra John V. 1975: *Murra John V.* Herds and Herders in the Inca State. In: *Man, Culture and Animals*. 1975: 185—215.

Musil Alois. 1908: *Musil Alois*. Arabia Petraea. Bd. III. *Ethnologische Reisebericht*. Wien. 1908.

Musil Alois. 1918: *Musil Alois*. Zur Zeitgeschichte von Arabien. Leipzig-Wien. 1918.

Musil Alois. 1927: *Musil Alois*. Arabia Déserta. A Topographical Itinerary. American Geographical Society. Oriental Explorations and Studies. No. 2. New York. 1927.

Musil Alois. 1928: *Musil Alois*. The Manners and Customs of the Rwala Bedouins. American Geographical Society. Oriental Explorations and Studies. No. 6. New York. 1928.

Muzzolini Alfred. 1983: *Muzzolini Alfred*. La préhistoire du boeuf dans le nord de l'Afrique durant l'Holocène. Pals, *Ethnozootechnie*. 1983. Naroll Raol S. 1950: *Naroll Raol S.* A Draft Map of the Culture Areas of Asia. *SJA*. 1950. Vol. 6, No. 2: 183—87.

Narr Karl J. 1959: *Narr Karl J.* Anfänge von Bodenbau und Viehzucht. *Paideuma*. 1959. Bd. VII. Hft. 2: 83—98.

Naumova Olga B. 1991: *Naumova Olga B.* Evolution and Nomadic Culture under Modern Conditions: Traditions and Innovations in Kazakh Culture. In: *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Ed. by Gaiy Seaman and Daniel Marks. Los Angeles, Ethnographic Press. 1991: 291—307.

Nellemann George. 1961: *Nellemann George*. Theories on Reindeer-Breeding. Folk. Vol. 3. København. 1961: 91-103.

Neusler J. 1963: *Neusler J.* Parthian Political Ideology. *Iranica Antiqua*. 1963. Vol. III. Fasc. 1: 40—59.

Nickul Karl. 1977: *Nickul Karl*. The Lappish Nation: Citizens of Four Countries. Bloomington, Indiana University Press. 1977.

Nicolaisen Johanness. 1963: *Nicolaisen Johanness*. Ecology and Culture of the Pastoral Tuareg: With Particular Reference to the Tuareg of Ahaggar and Ayr (Natinalmuseets Skrifter. Ethnografisk Raekke, 9). Copenhagen, National Museum. 1963.

[Niebuhr C] 1780: *[NiebuhrC]* Voyage de M. Niebuhr en Arabic et en d'autres pays d'Orient avec l'extrait de sa description de l'Arabie et des observations de Mr. Forskal. Vols. I—II. En Suisse. 1780.

The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes. Ed. by Wolfgang Weissleder. The Hague, Mouton Publishers, 1978.

Nomadisms als Entwicklungsproblem. Herausgegeben von Willy Kraus. Bertelsmann Universitätsverlag, 1969.

Noris H. T. 1986: *Noris H. T.* The Arab Conquest of the Western Sahara. Harlow, Essex, Longman. 1986.

Norton Brien E. 1976: *Norton Brien E.* The management of desert grazing systems. In: *The Politics of Natural Disaster. The Case of the Sahel Drought*. Ed. Michael H. Glantz. New York, Praeger Publishers. 1976: 256—266.

Nyakatura J. W. 1973: *Nyakatura J. W.* Anatomy of an African Kingdom. A History of Bunyoro-Kitara. New York, Anchor Press/ Doubleday. 1973.

Oates Joan. 1976: *Oates Joan*. Prehistory in Northeastern Arabia. *Antiquity*. 1976. Vol. L. No. 197: 20—31.

Oberg K 1940: *Oberg K*. The Kingdom of Ankole in Uganda. In: *African Political Systems*. Ed. by M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard. Published for the International Institute of African Languages and Cultures. London, Oxford University Press. 1940: 121—162.

Oberling Pierre. 1974: *Oberling Pierre*. The Qashqa'i Nomads of Pars. The Hague, Mouton. 1974.

Ogot Bethweil A. 1967: *Ogot Bethweil A.* History of the Southern Luo. Vol. I. Migration and Settlement 1500—1900. Nairobi, East African Publishing House. 1967.

Olcott Martha Brill 1987: *Olcott Martha Brill.* The Kazakhs. Stanford, Hoover Institution Press. 1987.

Oliver Roland. 1961: *Oliver Roland.* The Riddle of Zimbabwe. In: The Dawn of African History. Ed. by Roland Oliver. London, Oxford University Press. 1961.

Oliver Roland. 1977: *Oliver Roland.* The East African Interior. CHA. Vol. 3. From c 1050 to c 1600. Ed. by Roland Oliver. Cambridge, Cambridge University Press. 1977.

Oliver Roland. 1986: *Oliver Roland.* 1986. Review of Nomads and the Outside World. Journal of African History. 1986. Vol. 27, No. 2: 406.

Oliver Symmes C. 1962: *Oliver Symmes C.* Ecology and Cultural Continuity as Contributing Factors in the Social Organization of the Plains Indians. Berkeley, University of California Press. 1962.

Oliver Symmes C. 1962a: *Oliver Symmes C.* The Plains Indians as Herders. Anthropology. 1962a. Vol. 18: 35—43. (Special Issue: Path to the Symbolic Self-Essays in Honor of Walter Goldschmidt).

Olshki L. 1946: *Olshki L.* Guillaume Boucher, a French Artist at the Court of the Khans. Baltimore, England. 1946.

Olson Paul A., ed. 1990: *Olson Paul A.* The Struggle for the Land indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World. Lincoln and London, University of Nebraska Press. 1990.

Oppenheim Max Freiherr von. 1900: *Oppenheim Max Freiherr von.* Von Mittelmeer zum Persischen Golf. Durch den Hauran Syrische Wüste und Mesopotamien. Bd. II. Berlin, Dietrich Reimer. 1900.

Oppenheim Max Freiherr von. 1939: *Oppenheim Max Freiherr von.* Die Beduinen. Bd. I. Leipzig. Otto Harrassowitz. 1939.

Oppenheim Max Freiherr von. 1952: *Oppenheim Max Freiherr von.* Die Beduinen. Bd. III. Wiesbaden, Otto Harrassowitz.

Oppenheimer F. 1926: *Oppenheimer F.* The State. New York, Vanguard Press. 1926.

Origins of the State The Anthropology of Political Evolution. Ed. by Ronald Cohen and Elman R. Service. Philadelphia, Institute for the Study of Human Issues, 1978.

Orlove Benjamin S. 1977: *Orlove Benjamin S.* Alpacas, Sheep and Men: The Wool Export Economy and Regional Society in Southern Peru. New York, Academic Press. 1977.

Orlove Benjamin S. 1981: *Orlove Benjamin S.* Native Andean Pastoralists: Traditional Adaptations and Recent Changes. In: Contemporary Nomadic and Pastoral Peoples: Africa and Latin America. Ed. by Philip Carl Salzman. Williamsburg, Virginia. Studies in Third World Societies. 1981: 95—136.

Paine Robert. 1971: *Paine Robert.* Animals as Capital: Comparisons among Northern Nomadic Herders and Hunters. AA. 1971. Vol. 44. No. 3: 157—72.

Paine Robert. 1972: *Paine Robert.* The Herd Management of Lapp Reindeer Pastoralists. JAAS. 1972. Vol. 7, No. 1—2: 76—87.

Paine Robert. 1982: *Paine Robert.* Dam a River, Damn a People? Saami (Lapp) Livelihood and the Alta/Kautokeino Hydro-Electric Project and the Norwegian Parliament. Copenhagen, International Work Group for Indigenous Affairs. 1982.

Palgrave William Gifford. 1866: *Palgrave William Gifford.* Personal Narrative of a Year's Journey through Central and Eastern Arabia (1862—1863). Vols. I-II. London and Cambridge, Macmillan. 1866.

Parker S. Thomas. 1986: *Parker S. Thomas.* Romans and Saracens: a History of the Arabian Frontier. Philadelphia, American School of Oriental Research. 1986.

Pastner Stephen. 1971: *Pastner Stephen.* Ideological Aspects of Nomad-Sedentary Contact: A Case from Southern Baluchistan. AQ. 1971. Vol. 44, No. 3: 173—184.

Pastner Stephen. 1971a: *Pastner Stephen.* Camels, Sheep and Nomad Social Organization: A Comment on Rubel's Model. Man, 1971a. Vol. 6, No. 2: 285—288.

Pastner Stephen. 1978: *Pastner Stephen.* Conservatism and Change in a Desert Feudalism: The Case of Southern Baluchistan. In: The Nomadic Alternative. 1978: 247—260.

Pastner Stephen and Pastner Carroll McC. 1972: *Pastner Stephen and Pastner Carroll McC.* Agriculture, Kinship and Politics in Southern Baluchistan. Man. 1972. Vol. 7, No. 1: 128—136.

Pastoral Production and Society. Proceedings of the international meeting on nomadic pastoralism — Paris 1—3 Dec. 1976. Ed. by L'Equipe écologie et anthropologie des sociétés pastorales. Cambridge University Press.

Pastoralism in Tropical Africa. Studies presented and discussed at the XVIth International African Seminar, Niamey, December 1972. Ed. by Theodore Monod. Published for the International African Institute by Oxford University Press, 1975.

Pastoralism and Nomads in South Asia. Ed. by Lawrence Saadia Leshnik and Günter-Dietz Sontheimer (Schriftenreihe des Südasien-Instituts der Universität Heidelberg. Herausgegeben vom Südasien-Institut der Universität Heidelberg). Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1975.

Patai Raphael. 1951: *Patai Raphael*. Nomadism: Middle Eastern and Central Asian. SJA. 1951. Vol. 7, No. 4: 401—414.

Patai Raphael. 1978: *Patai Raphael*. The Culture Areas of the Middle East. In: *The Nomadic Alternative*. 1978: 3—39.

Paul A. 1954: *Paul A.* A History of the Beja Tribes of the Sudan. Cambridge, Cambridge University Press. 1954.

Pearse C. Kenneth. 1971: *Pearse C. Kenneth*. «Grazing in the Middle East: Past, Present and Future, Journal of Range Management. 1971. Vol. 24, No. 1: 13—16.

Pearton Maurice. 1988: *Pearton Maurice*. Nicolae Iorga as Historian and Politician. In: Dennis Deletant and Harry Hanak (eds.) *Historians of Central and Southeast Europe*. London: Macmillan Press. 1988: 157—173.

Pehrson Robert N. 1966: *Pehrson Robert N.* The Social Organization of the Marri Baluch. Compiled and Analyzed from his Notes by Fredrik Barth. Chicago, Aldine Publishing Company. 1966.

Pelliot P. 1929: *Pelliot P.* Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale. *Toung Pao*. 1929. Vol. 26: 202-265.

Pelliot Paul and Hambis Louis. 1951: *Pelliot Paul and Hambis, Louis*. Histoire des campagnes de Gengis Khan. Cheng-Won Ts'in-Tcheng Lou. Tome I. Leiden, E. J. Brill. 1951.

Pershits Abraham I. 1979: *Pershits Abraham I.* Tribute Relations. In: *Political Anthropology: The State of the Art*. Ed. by S. Lee Seaton and Henri J. M. Claesson. The Hague, Mouton Publishers: 149—156.

Pershils Abraham I. 1979a: *Pershits Abraham I.* On Scientific Communication and Scientific Terminology. CA. 1979a. Vol. 20, No. 1: 148—150.

Peters Emrys. 1960: *Peters Emrys.* The Proliferation of Segments in the Lineage of the Bedouin of Cyrenaica. The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1960. Vol. 90, Pt. I: 29—53.

Peters Emrys. 1967: *Peters Emrys.* Some Structural Aspects of the Feud among the Camel-Herding Bedouin of Cyrenaica. Africa. 1967. Vol. XXXVII, No. 3: 261—282.

Peters Emrys. 1968: *Peters Emrys.* The Field and the Free. An Account of a Type of Patron-Client Relationship among the Bedouin Pastoralists of Cyrenaica. In: Contributions to Mediterranean Sociology. Mediterranean Rural Communities and Social Change. Ed. by J.-G. Peristiany. The Hague, Mouton Publishers: 167—188.

Peters Emrys. Ed. 1990: *Peters Emrys.* The Bedouin of Cyrenaica: Studies in Personal and Corporate Power. Cambridge, Cambridge University Press. 1990.

Petrushevsky I. P. 1968: *Petrushevsky I. P.* The Socio-Eco-nomic Condition of Iran under the Īl-Khâns. CHI. Vol. 5. Ed. by J. A. Boyle. Cambridge University Press. 1968: 483—537.

Philby H. St. J. 1922: *Philby H. St. J.* The Heart of Arabia. A Record of Travel and Exploration. Vols. I—II. London, Constable and Co. 1922.

Phillipson D. W. 1976: *Phillipson D. W.* Archaeology and Bantu Linguistics. WA. 1976. Vol. 8, No. 1: 65—82.

Pinks Elisabeth. 1968: *Pinks Elisabeth.* Die Uiguren von Kan-Chou in der frühen Sung-Zeit (960—1028) (Asiatische Forschungen. Bd. 24). Weisbaden, Otto Harrassowitz. 1968.

Piperno Marcello and Tosi Maurizio. 1975: *Piperno Marcello and Tosi Maurizio.* The Graveyard of Shahr-i-Sokhta, Iran. Archaeology. 1975. Vol. 28, No. 3: 186—197.

Pipes Daniel. 1981: *Pipes Daniel.* Slaves, Soldiers, and Islam: The Genesis of a Military System. New Haven and London. 1981.

de Planhol Xavier. 1959: *de Planhol Xavier.* Geography, Politics and Nomadism in Anatolia. ISSJ. 1959. Vol. XI, No. 4: 525—531.

de Pianhoi Xavier. 1966: *de Planhol Xavier*. 1966. Small-scale Industry and Crafts in Arid Regions. In: *Arid Lands*. 1966: 273—285.

de Planhol Xavier. 1966a: *de Planhol Xavier*. Aspects of Mountain Life in Anatolia and Iran. In: *Geography as Human Ecology. Methodology by Example*. Ed. by S. R. Eyre and G. R. J. Jones. London, Edward Arnold Ltd. 1966a: 291—308.

de Planhol Xavier. 1968: *de Planhol Xavier*. Les fondements géographiques de l'histoire de l'Islam. Paris, Flammarion. 1968.

de Planhol Xavier. 1969: *de Planhol Xavier*. L'évolution du nomadisme en Anatolie et en Iran. In: *Viehwirtschaft und Hirtenkultur*. 1969: 69—93.

de Planhol Xavier. 1970: *de Planhol Xavier*. The Geographical Setting. In: *The Cambridge History of Islam. Vol 2. The Further Lands. Islamic Society and Civilization*. Ed. by P. M. Holt, A. K. S. Lambton, and B. Lewis. Cambridge, Cambridge University Press. 1970: 443—469.

de Planhol Xavier. 1976: *de Planhol Xavier*. The World of Islam. Ithaca and London, Cornell University Press. (French Edition 1957, first English translation 1959). 1976.

Pohl A. 1957: *Pohl A.* Einhoher und Zweihocher in Zweistromland. *Orientalia*, n.s. 1957. Vol. 26: 165—166.

Pohlhausen Henn. 1954: *Pohlhausen Henn.* Das Wander-hirtentum und seine Vorstufen. Eine ethnographisch-geographische Studie zur Entwicklung der Eigenborenwirtschaft. Braunschweig, Albert Limbach Verlag. 1954.

Pohlhausen Henn. 1972: *Pohlhausen Henn.* 1972. Standpunkte zur Diskussion über das Alter der Viehzucht. *Anthropos*. 1972. Vol. 67, No. 1/2: 176—195.

The Politics of Natural Disaster. The Case of the Sahel Drought. 1976. Ed. Michael H. Glantz. New York, Praeger Publishers.

Polo Marco. 1299: *Polo Marco*. The Book of Ser Marco Polo, the Venitian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Translated and edited with notes by Colonel Sir Henry Yule. New York: Charles Scribner's Sons.

Porter Philip W. 1965: *Porter Philip W.* Environmental Potentials and Economic Opportunities — A Background for Cultural Adaptation. AA. 1965. Vol. 67, No. 2: 409—420.

Posnansky Merrick. 1966: *Posnansky Merrick.* The Origins of Agriculture and Iron Working in Southern Africa. In: *Prelude to East African History*. Ed. by Merrick Posnansky. London, Oxford University Press. 1966: 82—94.

Posnansky Merrick. 1966a: *Posnansky Merrick.* Kingship, Archaeology and Historical Myth. *Uganda Journal*. 1966a. Vol. 30. No. 1: 1—12.

Posnansky Merrick. 1967: *Posnansky Merrick.* The Iron Age in East Africa. In: *Background to Evolution in Africa*: 629—658.

Poucha Pavel. 1968: *Poucha Pavel.* Bodenbauren und Nomaden im alteren Mittel- und Zentral-Asien. In: *Das Verhältnis von Bodenbauren und Viehzüchtern in historischer Sicht*. Berlin, Akademie-Verlag: 120—126.

Price Barbara J. 1978: *Price Barbara J.* Secondary State Formation. In: *Origins of the State*. 1978: 161—166.

Pristak Omeljan. 1950: *Pristak Omeljan.* Karachanidische Streitfragen. 1-4. Oriens. 1950. Bd. III, No. 2: 209—228.

Pristak Omeljan. 1952: *Pristak Omeljan.* Stammensnamen und Titulaturen der Altaischen Völker. *Ural-Altaische Jahrbücher*. Bd. XXIV. Hft. 1—2. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 1952: 49—104.

Pristak Omeljan. 1953: *Pristak Omeljan.* Der Untergang des Reiches des oguzischen Yabgu. In: '60 dogum yili mtmasebetiyle Fuad Köprülü armagani. *Mélanges Fuad Köprülü*. Istanbul. 1953.

Pristak Omeljan. 1954: *Pristak Omeljan.* Die Karachaniden. *Der Islam*. Bd. 31, Hft. 1. 1954: 17—68.

Pristak Omeljan. 1979: *Pristak Omeljan.* The Role of the Bosphorus Kingdom and Late Hellenism as the Basis for the Medieval Cultures North of the Black Sea. In Abraham Ascher, Tibor Halasi-Kun, and Béla K. Király (eds.) *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: The East European Pattern*. Brooklyn, NY: Brooklyn College Press. 1979: 3—21.

Pristak Omeljan. 1980: *Pristak Omeljan.* The Origin of Rus', vol. I. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1980.

The Problems of the Arid Zone. Nomadic Pastoralism as a Method of Land Use. Arid Zone Researches — XVIII. Proceedings of the Paris Symposium. Paris, UNESCO: 1962.

Pulleyblank E. G. 1952: *Pulleyblank E. C. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. T'oung Pao. 1952. Vol. XLI, No. 4: 317—356.*

Pulleyblank E. G. 1955: *Pulleyblank E. C. The Background of the Rebellion of An Lu-shan. London: Oxford University Press. 1955.* de Rachewiltz Igor. 1966: *de Rachewiltz Igor. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period. JESHO. 1966. Vol. IX, Pt. I-II: 88—144.*

de Rachewiltz Igor. 1973: *de Rachewiltz Igor. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire. Papers on Far Eastern History, 1973. Vol. 7: 21—36.*

Raikes Philip L. 1981: *Raikes Philip L. Livestock Development and Policy in East Africa. Uppsala: The Scandinavian Institute of African Studies. 1981.*

Raikes Robert. 1967: *Raikes Robert. Weather and Prehistory. London, John Baker. 1967.*

Rao Aparna. 1992: *Rao Aparna. The Constraints of Nature or of Culture? Pastoral Resources and Territorial Behaviour in the Western Himalayas. In: Mobility and Territoriality: Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists and Peripatetics. Ed. by Michael J. Casimir and Aparna Rao. New York and Oxford, Berg Publishers: 91—134.*

Rao A. and Casimir M. J. 1982: *Rao A. and Casimir M. Mobile Pastoralists of Jammu and Kashmir: A Preliminary Report. Nomadic Peoples. 1982. Vol. 10: 40—50.*

Ratchnevsky Paul. 1991: *Ratchnevsky Paul. Genghiz Khan: His Life and Legacy. Oxford, Basil Blackwell. 1991.*

Rathjens Carl. 1952—1953: *Rathjens Carl. Die Weihrauchstrasse in Arabien, die älteste Welthandelstrasse. Tribus. Bd. 2/3. 1952—1953.*

Rathjens Carl. 1955: *Rathjens Carl. Sabaeica. Bericht über die archäologischen Ergebnisse seiner zweite, dritten und vierten Reise nach Südarabien. II Teil. Hamburg, Kommissionsverlag Ludwig Appel. 1955.*

Rathjens Carl. 1969: *Rathjens Carl*. Geographische Grundlagen und Verbreitung des Nomadismus. In: Nomadismus als Entwicklungsproblem: 19—28.

Read C. A. 1959: *Read C. A.* Animal domestication in the prehistoric Near East. The origins and history of domestication are beginning to emerge from archaeological excavations. *Science*. 1959. Vol. 130, No. 3383: 1629—1639.

Reid James J. 1983: *Reid James J.* Tribalism and society in Islamic Iran, 1500—1629. Malibu, Calif., Undena Publications. 1983.

Reining P., ed. 1978: *Reining P.* Handbook on Desertification Indicators. Washington, D. C., American Association for the Advancement of Science. 1978.

Renan Ernest. 1889: *Renan Ernest*. Histoire du peuple d'Israël. T. I. Paris, Calmann Levy. 1889.

Richard Suzanne. 1987: *Richard Suzanne*. Questions of Nomadic Incursions at the End of the Third Millennium B.C. In: Studies in the History and Archaeology of Jordan, III. Edited by Adnan Hadidi. London and New York, Routledge & Kegan Paul. 1987: 241—246. Rigby Peter. 1985: *Rigby Peter*. Persistent Pastoralists: Nomadic Societies in Transition. London, Zed Books. 1985.

Rindos D. 1984: *Rindos D.* The Origins of Agriculture: An Evolutionary Perspective. New York, Academic Press. 1984.

Ripinsky M. M. 1975: *Ripinsky M. M.* The camel in ancient Arabia. *Antiquity*. 1975. Vol. 49, No. 196: 295—297.

Robertshaw Peter. 1987: *Robertshaw Peter*. Prehistory in the Upper Nile Basin. *Journal of African History*. 1987. Vol. 28, No. 2: 177—89.

Robertshaw Peter. 1989: *Robertshaw Peter*. The Development of Pastoralism in East Africa. In: The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Prédation. Ed. by J. Glutton-Brock. London, Unwin Hyman. 1989: 207—230.

Robertshaw P. T. and Collett D. P. 1983: *Robertshaw P. T. and Collett D. P.* The Identification of Pastoral Peoples in Archaeological Record' An Example from East Africa. *World Archaeology*. 1983. Vol. 15, No. 1: 67—78.

Robertshaw Peter and Collett David. 1983: *Robertshaw Peter and Collett David*. A New Framework for the Study of Early Pastoral Communities in East Africa. *Journal of African History*. 1983. Vol. 24, No. 3: 289-301.

Robertson Smith W. 1903: *Robertson Smith W.* Kinship and Marriage in Early Arabia. Ed. by S. A. Cook. London, Black. 1903.

Robinson Paul Wesley. 1985: *Robinson Paul Wesley*. «Gabbra Nomadic Pastoralism in Nineteenth and Twentieth Century Northern Kenya: Strategies for Survival in a Marginal Environment». 1985. Vols. 1—3. (Ph.D. diss., Northwestern University).

Roerich Y. N. 1974: *Roerich Y. N.* The Nomad Tribes of Tibet. In: *The Countries and Peoples of the East*. Ed. by D. A. Olderogge. Moscow, Nauka. 1974: 238—243.

Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia. A record of papers and discussions of the international UNESCO symposium. Ulan Bator, 1974.

Rosen S. A. 1988: *Rosen S. A.* Notes on the Origins of Pastoral Nomadism from the Negev and Sinai. *Current Anthropology*. 1988. Vol. 29, No. 3: 498—506.

Rosenfeld Henry. 1965: *Rosenfeld Henry*. The social composition of the military in the process of state formation in the Arabian Desert. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1965. Vol. 95. Pt. I—II: 75—86; 174—194.

Rossabi Morris (ed.) 1983: *Rossabi Morris*. China Among Equals: The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th—14th Centuries. Berkeley: University of California Press. 1983.

Rossabi Morris 1988: *Rossabi Morris*. Khubilai Khan: His Life and Times. Berkeley, University of California Press. 1988.

Rowton Michael B. 1967: *Rowton Michael B.* The Physical Environment and the Problem of the Nomads. *Xve Recontre Assyriologique Internationale*. La Civilisation de Mari. Paris, Société d'Édition 'Les Belles Lettres'. 1967: 109—112.

Rowton Michael B. 1981: *Rowton Michael B.* Economie and Political Factors in Ancient Nomadism. In: *Nomads and Sedentary Peoples*. Ed. by J. S. Castillo. Mexico City, 30th International Congress of Human Sciences in Asia and North Africa. 1981: 25—36.

Rudenko S. I. 1969: *Rudenko S. I.* Studien über das Nomadentum. In: Viehwirtschaft und Hirtenkultur. 1969: 19—32.

Russell K. W. 1988: *Russell K. W.* After Eden. Oxford. 1988. Sadr Karim. 1991: *Sadr Kaum*. The Development of Nomadism in Ancient Northeast Africa. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, B.A.R. International Series. 1991.

Sahlins Marshall D. 1961: *Sahlins Marshall D.* The Segmentary Lineage: An Organization of Predatory Expansion. AQ. 1961. Vol. 63, No. 2: 322—346.

Sahlins Marshall D. 1968: *Sahlins Marshall D.* Tribesmen. Englewood Cliffs, Prentice-Hall Inc. 1968.

Sahlins Marshall D. 1974: *Sahlins Marshall D.* Stone Age Economies. London, Tavistock Publication. 1974.

Sahlins Marshall D. and E. R. Service, (eds) 1960: *Sahlins Marshall D. and E. R. Service*. Evolution and Culture. Ann Arbor, University of Michigan Press. 1960.

Salih M. A. Mohamed. 1990: *Salih M. A. Mohamed*. Agro-Pastoralists Response to Agricultural Policies: The Predicament of the Baggara, Western Sudan. In: Adaptive Strategies in African Arid Lands. Ed. by Mette Bovin and Leif Manger. Uppsala, The Scandinavian Institute of African Studies. 1990: 59—75.

Salonen Armas. 1955: *Salonen Armas*. Hippologica Accadica. (Suomalainen Tiedeakatemia Toimituksia, Serja B, Nide 100). Helsinki. 1955.

Salzman Philip Carl. 1967: *Salzman Philip Carl*. Political Organization among Nomadic Peoples. Proceedings of the American Philosophical Society. 1967. Vol. III, No. 2: 115—131.

Salzman Philip Carl. 1971: *Salzman Philip Carl*. Movement and Resource Extraction among Pastoral Nomads: The Case of the Shah Nawazi Baluch. AW. 1971. Vol. 144. No. 3: 185—197.

Salzman Philip Carl. 1971a: *Salzman Philip Carl*. Introduction. AQ. 1971a. Vol. 44, No. 3: 103—107.

Salzman Philip Carl. 1974: *Salzman Philip Carl*. Tribal Chiefs as Middlemen: the Politics of Encapsulation in the Middle East. Anthropological Quarterly. 1974. Vol. 47, No. 2: 203—210.

Salzman Philip Carl. 1978: *Salzman Philip Carl*. Does Complementary Opposition Exist? AQ. 1978. Vol. 80, No. 1: 53—70
Salzman Philip Carl. 1978a: *Salzman Philip Carl*. The Proto-State in Iranian Baluchistan. In: Origins of the State: 125—140.

Salzman Philip Carl. 1978b: *Salzman Philip Carl*. The Studey of "Complex Society" in the Middle East: A Review Essay. International Journal of Middle East Studies. 1978b. Vol. 9: 539—557.

Salzman PhilipCarl. 1978c: *Salzman Philip Carl*. Ideology and Change in Middle Eastern Tribal Societies. Man (n.s.). 1978c Vol 13, No. 4: 618—637.

Salzman Philip Carl. 1979: *Salzman Philip Carl*. Inequality and oppression in nomadic society. In: Pastoral Production and Society. 1979: 429—446.

Salzman Philip Carl. 1979a: *Salzman Philip Carl*. Tribal Organization and Subsistence: A Response to Emmanuel Marx. American Anthropologist. 1979a. Vol. 81, No. 1: 121-124.

Salzman Philip Carl. Ed. 1980: *Salzman Philip Carl*. Ed. When Nomads Settle: Processes of Sedentarization as Adaptation and Response. New York, Praeger. 1980.

Salzman Philip Carl. Ed. 1982: *Salzman Philip Carl*. Contemporary Nomadic and Pastoral Peoples: Asia and the North. Williamsburg, VA, College of William and Mary. 1982.

Salzman Philip Carl. 1986: *Salzman Philip Carl*. Shrinking Pasture for Rajasthan Pastoralists. Nomadic Peoples. 1986. Vol. 20: 49—61.

Samatar Said S. 1982: *SamatarSaid S*. Oral Poetry and So-mali Nationalism: The Case of Sayyid Mahamad "Abdille Hasan. Cambridge, Cambridge University Press. 1982.

Sanders Edith R. 1969: *Sanders Edith R*. The Hamitic Hypothesis: Its Origin and Functions in Time Perspective. JAH. 1969. Vol. X, No. 4: 521—532.

Sandford Stephen. 1983: *Sandford Stephen*. Management of Pastoral Development in the Third World. Chichester and New York, John Wiley and Sons. 1983.

Sauer Carl O. 1952: *Sauer Carl O*. Agncultural Ongms and Dispersals. New York, The American Geographical Society. 1952

Savory Roger. 1980: *Savory Roger*. Iran under the Satavids. Cambridge, Cambridge University Press. 1980.

Schlee Günther. 1979: *Schlee Günther*. Das Glaubens — und Sozialsystem der Rendille Kamelnomaden Nordkenias. Berlin, Verlag von Dietrich Reimer. 1979.

Schlee Günther. 1989: *Schlee Günther*. Identities on the Move: Clanship and Pastoralism in Northern Kenya. Manchester and New York, Manchester University Press. 1989.

Schmidt W. 1951: *Schmidt W.* Zu den Anfängen der Herdentierzucht. Zeitschrift für Ethnologie. Band 76. Hft. 1. 1951: 1—41.

Schmidt W. and Koppers W. 1924: *Schmidt W. and Koppers W.* Völker und Kulturen. Erster Teil. Gesellschaft und Wirtschaft der Völker. Regensburg, Josef Habel. 1924.

Schneider Harold H. 1957: *Schneider Harold H.* The Subsistence Role of Cattle among the Pakot and in East Africa. AA. 1957. Vol. 59, No. 2: 278—300.

Schneider Harold H. 1964: *Schneider Harold H.* Economics in East African Aboriginal Societies. In: Economic Transition in Africa. Ed. by Melville J. Herskovits and Mitchell Harwitz. Evanston, IE, Northwestern University Press. 1964: 53—75.

Schneider Harold K. 1979: *Schneider Harold K.* Livestock and Equality in East Africa: The Economic Basis for Social Structure. Bloomington, Indiana University Press. 1979.

Schneider Jane. 1977. Was There a Pre-Capitalist World System? Peasant Studies. 1977. Vol. VI. No. 1: 20—29.

Scholz Fred, ed. 1981: *Scholz Fred*. Beduinen im Zeichen des Erdöls: Studien zur Entwicklung im Beduinischen Lebensraum Südost-Arabiens. Weisbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag. 1981.

Scholz Fred. 1991: *Scholz Fred*. Ed. 1991. Nomaden. Mobile Tierhaltung: Zur gegenwärtigen Lage von Nomaden und zu den Problemen und Chancen mobiler Tierhaltung. Berlin, Das Arabische Buch. 1991.

Schurmann Herbert Franz. 1956: *Schurmann Herbert Franz*. Economic Structure of the Yuan Dynasty. Translation of Chapters 93 and 94 of the Yüan shih (Harvard-Yenching Institute Studies, XVI). Cambridge, Mass. 1956.

Schurmann Herbert Franz. 1956a: Schurmann Herbert Franz. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1956a. Vol. 9, No.3 and No. 4: 304—389.

Schurmann Herbert Franz. 1962: Schurmann Herbert Franz. *The Mongols of Afghanistan*. Gravenhage, Mouton & Co. 1962.

Seaman Gary. 1991: Seaman Gary. World Systems and State Formation on the Inner Eurasian Periphery. In Gary Seaman and Daniel Marks (eds.) *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*, vol. 2. Los Angeles: Ethnographic Press. 1991: 1—20.

Seddon David. 1968: Seddon David. The Origins and Development of Agriculture in East and Southern Africa. CA. 1968 Vol. 9, No. 5. Pt. II: 489—34.

Service Elman R. 1971: Service Elman R. *Cultural Evolutionism. Theory and Practice*. New York, Holt, Rinehart and Winston Inc. 1971.

Service Elman R. 1975: Service Elman R. *Origins of the State and Civilization*. New York, Norton. 1978.

Service Elman R. 1978: Service Elman R. Classical and Modern Theories of the Origins of Government. In: *Origins of the State*. 1978: 21—34.

Shahid Irfan. 1984: Shahid Irfan. *Rome and the Arabs: A Prolegomenon to the Study of Byzantium and the Arabs*. Washington, D. C, Dumbarton Oaks Research Library and Collection; 1984a. *Byzantium and the Arabs in the Fourth Century*. Washington, D. C, Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 1984.

Shahrani Nazif Mohib M. 1979: Shahrani Nazi/Mohib M. *The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan: Adaptation to Closed Frontiers*. (Publications on Ethnicity and Nationality of the School of International Studies, University of Washington, No. 1). Seattle and London, University of Washington Press. 1979.

Shaw Thurstan. 1971: Shaw Thurstan. The Prehistory of West Africa. In: *History of West Africa*. Vol. I. Ed. by J. F. A. Ajayi and Michael Crowder. London, Longman. 1971: 33—77.

Sherratt A. 1981: Sherratt A. Plough and Pastoralism: Aspects of the Secondary Products Revolution. In: *Pattern of the Past: Studies in Honor of David Clarke*. Ed, by G. Isaac, I. Hodder and N. Hammond. Cambridge, Cambridge University Press. 1981: 261—306.

Sherratt A. 1983: *Sherratt A.* The secondary exploitation of animals in the Old World. *World Archaeology*. 1983. Vol. 15, No. 1: 90—104.

Shimkin Demitri B. 1986: *Shimkin Demitri B.* Review of Nomads and the Outside World. *Slavic Review*. 1986. Vol. 45, No.1: 136—137.

Shoup John. 1990: *Shoup John.* Middle Eastern Sheep Pastoralism and the Hima System. In: *The World of Pastoralism: Herding Systems in Comparative Perspective*. Ed. by John G. Galaty and Douglas L. Johnson. New York, Guilford Press. 1990: 195—215.

Silberman Leo. 1959: *Silberman Leo.* Somali Nomads. *ISSJ*. 1959. Vol. XI. No. 4: 559—571.

Silitshena Robson. 1990: *Silitshena Robson.* The Impact of Colonialism on Land Use in Central and Southern Africa. In: *The Struggle for the Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World*. Ed. by Paul A. Olson. Lincoln and London, University of Nebraska Press. 1990.

Simonsen Povl. 1957: *Simonsen Povl.* Relations Between the Lapps and the Scandinavians in Early Times — an Archaeological Survey. In: *Lapps and Norsemen in Olden Times*. Bergen, Universitetsforlaget: 65—77. 1957.

Simonsen Povl. 1972: *Simonsen Povl.* The transition from food-gathering to pastoralism in North Scandinavia and its impact on settlement patterns. In: *Man, Settlement and Urbanism*. Ed. by Peter J. Ucko, Ruth Tringham and G. W. Dimbleby. London, Duckworth: 187—92. 1972.

Simpson J. R. and Evangelou P., eds. 1984: *Simpson J. R. and Evangelou P.* Livestock Development in Subsaharan Africa: Constraints, Prospects, Policy. Boulder, Westview Press. 1984.

Sinor Denis, ed. 1990: *Sinor Denis.* The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge, Cambridge University Press. 1990.

Skalnik Peter. 1978: *Skalnik Peter.* The Early State as a Process. In: *The Early State*. 1978: 597—618.

Smith Abdullahi. 1971: *Smith Abdullahi.* The Early States of the Central Sudan. In: *History of West Africa*. Vol. I. Ed. by J. F. A. Ajayi and Michael Crowder. London, Longman. 1971: 158—201.

Smith Andrew B. 1992: *Smith Andrew B.* Pastoralism in Africa: Origins and Development Ecology. London and Athens, OH, Christopher Hurst and Ohio University Press. 1992.

Smith J. Maynard. 1974: *Smith J. Maynard.* Models in Ecology. Cambridge, Cambridge University Press. 1974.

Smith John Masson Jr. 1997: *Smith John Masson Jr.* Mongol Society and Military East: Antecedents and Adaptations. In Yaacov Lev (ed.) War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th—15th Centuries. Leiden: E. J. Brill. 1997: 249—266.

Smith M. G. 1956: *Smith M. G.* On Segmentary Lineage Systems. The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1956. Vol. 86, Pt. II: 39—80.

Smith Susan E. 1978: *Smith Susan E.* The Environment Adaptation of Nomads in the West African Sahel: A Key to Understanding Prehistoric Pastoralists. In: The Nomadic Alternative. 1978: 75—96.

So Jenny F. and Bunker Emma C. 1995: *So Jenny F. and Bunker Emma C.* Traders and Raiders on China's Northern Frontier. Seattle and London: Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institution, in association with the University of Washington Press. 1995.

Sontheimer Gunter-Dietz. 1975: *Sontheimer Gunter-Dietz.* The Dhangars. A Nomadic Pastoral Community in a Developing Agricultural Environment. In: Pastoralists and Nomads in South Asia. 1975: 139—170.

Sontheimer Gunter-Dietz. 1976: *Sontheimer Gunter-Dietz.* Biroba, Mhaskoba, und Khandoba: Ursprung, Geschichte und Umwelt von pastoralen Gottheiten in Maharashtra. Wiesbaden, F. Steiner Verlag. 1976.

Sopher David E. 1975: *Sopher David E.* Indian Pastoral Castes and Livestock Ecologies. A Geographic Analysis. In: Pastoralists and Nomads in South Asia. 1975: 183-208.

Sorre Max. 1950: *Sorre Max.* Les fondements de la Géographie Humaine. Vol. II, Partie 2. Paris, Librairie Armand. 1950.

Sourdel Dominique and Sourdel Janine. 1968: *Sourdel Dominique and Sourdel Janine.* La civilisation de l'Islam classique. Paris: Arthaud. 1968.

Southall A. 1970: *Southall A.* The Illusion of Tribe. JAAS. 1970. Vol. 5: 28—50.

Spain James W. 1963: *Spain James W.* The Pathan Borderland. The Hague, Mouton and Co. 1963.

Spear Thomas. 1981: *Spear Thomas.* Kenya's Past: An Introduction to Historical Method in Africa. Burnt Mill and Harlow, Essex, Longman. 1981.

Speke John A. 1864: *Speke John A.* A Journey of the Discovery of the Source of the Nile. New York, Harper and Bros. 1864.

Spencer Paul. 1965: *Spencer Paul.* The Samburu. A Study of Gerontocracy in a Nomadic Tribe. Berkeley-Los Angeles, University of California Press. 1965.

Spencer Paul. 1973: *Spencer Paul.* Nomads in Alliance. Symbiosis and Growth among the Rendille and Samburu of Kenya. London, Oxford University Press.

Spencer Paul. 1988: *Spencer Paul.* The Maasai of Matapato: A Study of Rituals of Rebellion. Bloomington, Indiana University Press. 1988.

Spittler Gerd. 1989: *Spittler Gerd.* Durren, Krieg und Hungerkreisen bei den Kel Ewey (1900—1985). Stuttgart, Franz Steiner Verlag. 1989.

Spooner Brian. 1972: *Spooner Brian.* The Status of Nomadism as a Cultural Phenomenon in the Middle East. JAAS. 1972. Vol. 7, No. 1—2: 122—131.

Spooner Brian. 1973: *Spooner Brian.* The Cultural Ecology of Pastoral Nomads. An Addison-Wesley Module in Anthropology. 1973. No. 45.

Spooner Brian. 1975: *Spooner Brian.* Nomadism in Baluchistan. In: Pastoralists and Nomads in South Asia. 1975: 171 — 182.

Spooner Brian. 1976: *Spooner Brian.* Flexibility and Interdependence in Traditional Pastoral Land-Use Systems: A Case for the Human Component in Ecological Studies for Development (Turan). In: Ecological Guidelines for the Use of Natural Resources in the Middle East and South West Asia. Merges, Switzerland. 1976: 86—93.

Spooner Brian. 1986: *Spooner Brian*. Review of Nomads and the Outside World. *American Ethnologist*. 1986. Vol. 13 No 1- 183— 184.

Spuler Bertold. 1955: *Spuler Bertold*. Die Mongolen in Iran. Politic, Verwaltung und Kultur der Il-chanzeit 1220-1350. Berlin, Akademie Verlag. 1955.

Spuler Bertold. 1965: *Spuler Bertold*. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223-1502. Wiesbaden, Otto Harrassowitz 1965.

Starkel L. 1966: *Starkel L*. Post-glacial climate and the moulding of European relief. In: *World Climate from 8000 to 0 B.C.* 1966- 15-33.

Stauffer Thomas R. 1965: *Stauffer Thomas R*. The Economics of Nomadism in Iran. *The Middle East Journal*. 1965. Vol. 19, No. 3: 284—302.

Stein Lothar. 1967: *Stein Lothar*. Die Sammar-Gerba. Beduinen im Übergang vom Nomadismus zur Sesshaftigkeit. Berlin, Akademie Verlag.

Steinhart, Edward I. 1978. Ankole: Pastoral Hegemony. In: *The Early State*. 1967: 131—150.

Stenning Derrick J. 1957: *Stenning Derrick J*. Transhumance, Migratory Drift, Migration Patterns of Pastoral Fulani Nomadism. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1957. Vol. 87, Pt. 1: 57—73.

Stenning Derrick J. 1958: *Stenning Derrick J*. Household Viability among the Pastoral Fulani. In: *The Development Cycle in Domestic Groups*. Ed. by Jack Goody (Cambridge Papers in Social Anthropology, No. 1). Cambridge, Cambridge University Press. 1958: 92—119.

Stenning Derrick J. 1959: *Stenning Derrick J*. Savanna Nomads. A Study of the Wodaabe Pastoral Fulani of Western Bornu Province Northern Region, Nigeria. London, Oxford University Press. 1959.

Stenning Derrick J. 1965: *Stenning Derrick J*. The Pastoral Fulani. In: *Peoples of Africa*. Ed. by James L. Gibbs, Jr. New York, Holt, Rinehart and Winston. 1959: 363—401.

Steward Frank Henderson. 1986: *Steward Frank Henderson*.

Bedouin Boundaries in Central Sinai and the Southern Negev: A Document from the Ahaywat Tribe. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 1986.

Stewart C. C 1973: *Stewart C. G* Islam and Social Order in Mauritania. A Case Study from the Nineteenth Century. Oxford, Clarendon Press; 1973a. Political Authority and Social Stratification in Mauritania. In: Arabs and Berbers. From Tribe to Nation in North Africa. Ed. by Ernest Gellner and Charles Micaud. London: Duckworth. 1973: 375—393.

Stöber Georg. 1978: *Stöber Ceorg*. Die Afshar: Nomadismus im Raum Kerman (Zentraliran). Marburg and Lahn, Geographischen Institutes der Universität Marburg (Marburger Geographische Schriften, H. 85). 1978.

Stone I., ed. 1991: *Stone I.* Pastoral Economies in Africa and Long-term Responses to Drought. Aberdeen, Proceedings of the Aberdeen University African Studies Group. 1991.

Strayer Joseph R. 1970: *Strayer Joseph R.* On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1970.

Strickon A. 1965: *Strickon A.* Euro-American Ranching Complex. In: Man, Culture and Animals. 1965.

Sutcliffe R. C 1963: *Sutcliffe R. C* Theories of Recent Changes in Climate. In: Changes of Climate. Proceedings of the Rome Symposium organized by UNESCO and the World Meteorological Organization. UNESCO, 1963: 277—280.

Sutton J. E. G. 1971: *Sutton J. E. C* The Interior of East Africa. In: The African Iron Age. Ed. by P. L. Shinnie. Oxford, Clarendon Press. 1971: 142—152.

Sweet Louise E. 1965: *Sweet Louise E.* Camel Pastoralism in North Arabia and the Minimal Camping Unit. In: Man, Culture and Animals. 1965: 129—152.

Swidler Nina. 1972: *Swidler Nina*. The Development of the Kalat Khanate. JAAS. 1972. Vol. 7, No. 1—2: 115—121.

Swidler Nina. 1973: *Swidler Nina*. Adaptive Processes Regulating Nomad-Sedentary Interaction in the Middle East. In: The Desert and the Sown. 1973: 23—41.

Swift Jeremy. 1977: *Swift Jeremy*. Pastoral development in Somalia: herding co-operatives as a strategy against desertification and famine. In: Desertification, Environmental Degradation In and Around Arid Lands.

Ed. Michael H. Glantz. Boulder, Colorado, Westview Press- 275 305. 1977.

Swift Jeremy. 1979: *Swift Jeremy*. The development of livestock trading in a nomad pastoral economy. The Somali case. In: Pastoral Production and Society. 1979: 447—466.

Szynkiewicz Siawoj. 1975: *Szynkiewicz Siawoj*. Kin Groups in Medieval Mongolia. Ethnologia Polona. Vol. 1: 113—33.

Szynkiewicz Siawoj. 1976: *Szynkiewicz Siawoj*. Grupy krewniacze u mongoiow. Studium organizacji w spoleczestwie postradowym. Ethnograha Polska. 1976. Tom. XX, z. 2: 85—145.

Szynkiewicz Siawoj. 1977: *Szynkiewicz Siawoj*. Kinship groups in modern Mongolia. Ethnologia Polona. 1977. Vol. 3: 31—45.

Szynkiewicz Siawoj. 1981: *Szynkiewicz Siawoj*. Rodzina pasterska w Mongolii [The Family of the Mongol Pastoralists]. Warszawa, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 1981.

Tablino Paulo. 1980: *Tablino Paulo*. I Gabbra del Kenya. Bologna, E. M. I. 1980.

Tamisier Maurice. 1840: *Tamisier Maurice*. Voyage en Arabic. Vol. I. Paris, Louis Des'essart. 1840.

Tapper Nancy. 1991: *Tapper Nancy*. Bartered Brides: Politics, Gender and Marriage in an Afghan Tribal Society. Cambridge, Cambridge University Press. 1991.

Tapper Richard L. 1979: *Tapper Richard L*. The organization of nomadic communities in pastoral societies of the Middle East. In: Pastoral Production and Society. 1979: 43—65.

Tapper Richard L. 1979a: *Tapper Richard L*. Individuated grazing right and social organization among the Shahsevan nomads of Azerbaijan. In: Pastoral Production and Society. 1979a: 95—114.

Tapper Richard L. 1979b: *Tapper Richard L*. Pasture and Politics: Economies, Conflict and Ritual among Shahsevan Nomads of Northwestern Iran. London, Academic Press. 1979b.

Tapper Richard L. Ed. 1983: *Tapper Richard L*. The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan. London, Cioom Helm. 1983.

Tappet Richard L. 1985: *Tapper Richard L.* Patriarchs or Parasites? The Spectator (13 July). 1985: 25—26.

Tapper Richard L. 1986: *Tapper Richard L.* Review of Nomads and the Outside World. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1986. Vol. XLI, Pt. I: 244—245.

Tapper Richard L. 1990: *Tapper Richard L.* Anthropologists, Historians, and Tribespeople on Tribe and State Formation in the Middle East. In: Tribes and State Formation in the Middle East. Ed. by Philip S. Khoury and Joseph Kostiner. Berkeley, University of California Press. 1990: 48—73.

Tchernov E. 1974: *Tchernov E.* Animal Engravings in Central Arabia. A Study from the Fauna from Sectors A-Q. Publications de Vinstitut orientaliste de Louvain 6. Louvain. 1974.

Terrasse H. 1950: *Terrasse H.* Histoire du Maroc. Casablanca, Editions Atlantides. 1950.

Terrell John Upton. 1970: *Terrell John Upton.* The Navajos. New York, Weybright and Talley. 1970.

Thesiger Wilfred. 1955: *Thesiger Wilfred.* The Hazaras of Central Afghanistan. The Geographical Journal. 1955. Vol. CXXI, Pt. 3.

Thomson James T. 1977: *Thomson James T.* Ecological deterioration: local-level rule making and enforcement problems in Niger. In: Desertification. Environmental Degradation in and around Arid Lands. Ed. Michael H. Glantz. Boulder, Colorado, Westview Press. 1977: 57—79.

Thurnwald Richard. 1932: *Thurnwald Richard.* Economics in Primitive Communities. London, Oxford University Press. 1932.

Thurnwald Richard. 1935: *Thurnwald Richard.* Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnosociologischen Grundlagen. Vol. 4. Berlin, De Gruyter. 1935.

Tony William I. 1976: *Tony William I.* Residence Rules among the Gabra Nomads: Some Ecological Considerations Ethnology, 1976. Vol. XV, No. 3: 269—285.

Toynbee A. 1935: *Toynbee A.* A Study of History. Vol. III. London, Oxford University Press. 1935.

Travels to Tana and Persia by Josafa Barbara and Ambiogio Contarini. Translated from the Italian by W. T. Clark, ed. and introduction by Lord Stanley of Alderly. London, Hakluyt Society, 1873.

Trigger Bruce G. 1976: *Trigger Bruce G. Nubia Under the Pharaohs*. London, Thames and Hudson. 1976.

Underbill Ruth. 1956: *Underbill Ruth. The Navahos*. Norman, OK, University of Oklahoma Press. 1956.

Vajnshtein S. I. 1978: *Vajnshtein S. I. The Problem of Origin and Formation of the Economic-Cultural Type of Pastoral Nomads in the Moderate Belt of Eurasia*. In: *The Nomadic Alternative*. 1978: 127—133.

Vainshtein Sevyan. 1980: *Vainshtein Sevyan. Nomads of South Siberia*. Cambridge, Cambridge University Press. Translated by Michael Colenso. 1980.

Van Ess John. 1947: *Van Ess John. Meet the Arab*. New York, The John Day Company. 1947.

Van Lohuizen-de Leeuw J. E. 1975: *Van Lohuizen-de Leeuw J. E. The Contribution of Foreign Nomads to the Culture of the Indian Subcontinent*. In: *Pastoralists and Nomads in South Asia*. 1975: 16—29.

Van Zwanenberg R. M. A. and A. King. 1975: *Van Zwanenberg R. M. A. and A. King. An Economic History of Kenya and Uganda 1800—1970*. Atlantic Highlands, Humanities Press. 1975.

Vardiman E. E. 1977: *Vardiman E. E. Nomaden: Schöpfer einer neuer Kultur im vorderen Orient*. Wien and Dusseldorf, Econ Verlag. 1977.

Veryard R. G. 1963: *Veryard R. G. A Review of Studies on Climatic Fluctuations during the Period of the Meteorological Record*. In: *Changes of Climate. Proceedings of the Rome Symposium Organized by UNESCO and the World Meteorological Organization*. UNESCO, 1963.

Veyret P. 1951: *Veyret P. Geographic de l'élevage*. Paris, Librairie Gallimard. 1951.

Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Herausgegeben von Laszlö Földes. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1969.

Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographische Studien. Redigiert von Laszló Földes. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1961.

Vogt Evon Z. 1961: *Vogt Evon Z. Navaho*. In: *Perspectives in American Indian Culture Change*. Ed. by Edward H. Spicer. Chicago, University of Chicago Press. 1961: 278—336.

Volney (C.-F.)- 1959: *Volney (C.-F.). Voyage en Egypte et en Syrie.* Publié avec une introduction et des notes de Jean Gaulmier. Paris-La Haye, Mouton. 1959.

Von Gabain A. 1973: *Von Cabain A.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qoco (850—1250). Vol. I. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 1973.

Von Wissmann H. 1959: *Von Wissmann H.* Badw. In: Encyclopaedia of Islam, 2nd Edition. Leiden, E. J. Brill. 1959: 880b—889b.

Von Wissmann H. and Kussmaul F. 1959: *Von Wissmann H. and Kussmaul F.* Badw. In: Encyclopaedia of Islam, 2nd Edition. Leiden, E. J. Brill. 1959: 874b—880b.

Vorren Ørnulv. 1973: *Vorren Ørnulv.* Some Trends of the Transition from Hunting to Nomadic Economy in Finnland. In: Circumpolar Problems. Habitat, Economy, and Social Relations in the Arctic. Ed. by Costa Berg. Oxford, Pergamon Press. 1973.

Vorren Ørnulv and Manker Ernst. 1962: *Vorren Ørnulv and Manker Ernst.* Lapp Life and Customs. A Survey. London, Oxford University Press. 1962.

Waldron Arthur. 1990: *Waldron Arthur.* The Great Wall of China: From History to Myth. Cambridge, Cambridge University Press. 1990.

Wallerstein Immanuel. 1974: *Wallerstein Immanuel.* The Modern World-System. Vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press. 1974.

Wallin George Augustus. [1850]: *Wallin George Augustus.* Notes Taken During a Journey through Part of Northern Arabia in 1850. London. 1850.

Wallin George Augustus. 1854: *Wallin George Augustus.* Narrative of a Journey from Cairo to Medina and Macca, by Suez, Araba, Tawila, al-Jauf, Jublae, Hail, and Nejd, in 1845. JRGS. 1854. Vol. 24: 115—201.

Watson William. 1972: *Watson William.* The Chinese Contribution to Eastern Nomad Culture in the pre-Han and Early Han Periods. WA. 1972. Vol. 4, No. 2: 139—149.

Watt W. Montgomery. 1953: *Watt W. Montgomery*. Muhammed at Mecca. London, Oxford University Press, 1953.

Webb Walter Prescott. 1931: *Webb Walter Prescott*. The Great Plains. New York, Grosset and Dunlop. 1931.

Weber Max. 1978: *Weber Max*. The Sociology of Agrarian Civilizations. London: New Left Books. 1978.

Webster J. B., ed. 1979: *Webster J. B.* Chronology, Migration and Drought in Interlacustrine Africa. New York, Dolhousie University Press. 1979.

Webster S. 1973: *Webster S.* Native Pastoralism in the South Andes. *Ethnology*. 1973. Vol. XII, No. 2: 115—133.

Webster's New Collegiate Dictionary. New York, 1960.

Wedel Waldo R. 1961: *Wedel Waldo R.* Prehistoric Man on the Great Plains. Norman, OK, University of Oklahoma Press. 1961.

Westermann D. 1952: *Westermann D.* Geschichte Africas. Staatenbildung südlich der Sahara. Köln, Greven Verlag. 1952

Whitaker Ian. 1955: *Whitaker Ian*. Social Relations in a Nomadic Lappish Community. Oslo, Utgitt av Norsk Folkenmuseum. 1955. No. 2.

Whittaker C R., ed. 1988: *Whittaker C R.* Pastoral Economies in Classical Antiquity. Cambridge, The Cambridge Philological Society. 1988.

White R. O. 1966: *White R. O.* The Use of Arid and Semi-Arid Land. In: *Arid Lands*. 1966: 301—361.

Wilkinson John C 1985: *Wilkinson John C* Review of Nomads and the Outside World. *The Geographical Journal*. 151, Pt. 2 (July). 1985: 270—271.

Willet Hurd C 1953: *Willet Hurd C* Atmospheric and Oceanic Circulation as Factors in Glacial-Interglacial Changes of Climate. In: *Climatic Change*. 1953: 51—71.

Winans Edgar V. 1965: *Winans Edgar V.* Ecology and Selected Problems of African Ethnology. *AQ*. 1965. Vol. 38, No. 3: 167-180.

Wink André 1990: *Wink André*. The Making of the Indo-Islamic World. Vol. I. Delhi, Oxford University Press. 1990.

Wink André. 1997: *Wink André*. Al-Hind: The Making of the Indo-Islamic World. Vol. II: The Slave Kings and the Islamic Conquest 11th—13th Centuries. Leiden: Brill. 1997.

Wittfogel Karl A. 1963: *Wittfogel Karl A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, Conn, and London, Yale University Press. 1963.

Wolfson Ze'ev. 1990: *Wolfson Zeev.* Central Asian Environment: A Dead End. *Environmental Policy Review*. 1990. Vol. 4, No. 1: 29—46.

Woods John E. 1976: *Woods John E.* The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. A Study in 15th/9th Century Turko/Iranian Politics. Minneapolis and Chicago, Bibliotheca Islamica. 1976.

Worby Eric. 1988: *Worby Eric.* Livestock Policy and Development Ideology in Botswana. In: *Power and Poverty: Development and Development Projects in the Third World*. Ed. by Donald W. Attwood, Thomas C. Bruneau, and John G. Galaty. Boulder and London, Westview Press. 1988: 155—180.

World Climate from 8000 to 0 B. C Proceedings of the International Symposium Held at Imperial College, London, 18 and 19 April 1966. Royal Meteorological Society, 1966.

Wrigley C. C 1958: *Wrigley C. C* Some Thoughts on the Bacwezi. *The Uganda Journal*. 1958. Vol. 22, No. 1: 11—17.

Yadin Yigael. 1963: *Yadin Yigael.* The Art of Warfare in Biblical Lands. In the Light of Archaeological Study. Jerusalem, International Publishing Co. 1963.

Zagarell Allen. 1989: *Zagarell Allen.* Pastoralism and the Early State in Greater Mesopotamia. In: *Archaeological Thought in America*. Ed. by C. C Lambert-Karlovsky. Cambridge, Cambridge University Press. 1989: 280—301.

Zajackowski Ananiasz. 1968: *Zajackowski Ananiasz.* Das Verhältnis des nomadischen Bevölkerung zu den sesshaften Bodenbauern in der Kiptschakischen Steppe (Dest-i Kipcak) bis zum 15 Jahrhundert. In: *Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht*. Berlin, Akademie-Verlag. 1968: 229—233.

Zarins Juris. 1989: *Zarins Juris.* Pastoralism in Southwest Asia: The Second Millennium B.C. In: *The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Prédation*. Ed. by J. Clutton-Brock. London, Unwin Hyman. 1989: 127—155.

Zarins Juris. 1990: *Zarins Juris*. Early Pastoral Nomadism and the Settlement of Lower Mesopotamia. Bulletin of the American School of Oriental Research. 1990. Vol. 280: 31—65.

Zarrinkub 'Abd al-Husain. 1975: *Zarrinkub Abd al-Husain*. The Arab Conquest of Iran and its Aftermath. CHI. Vol. 4. Ed. by R. N. Frye. Cambridge, Cambridge University Press. 1975: 1—56.

Zeuner Fredirick Everard. 1956: *Zeuner Fredirick Everard*. The Domestication of Animals. Scientia. 1956. Vol. XCI. N-DXXV. Series VI: 23—28.

Zeuner Fredirick Everard. 1963: *Zeuner Fredirick Everard*. A History of Domesticated Animals. London, Hutchinson. 1963.

Zohrer Ludwig G. A. 1964/1965: *Zohrer Ludwig C. A.* Study of the Nomads of Somalia. Archiv für Volkerkunde. 1964/ 1965. Bd. XIX: 129—165

Оглавление

<i>Благодарности и уведомления.....</i>	5
<i>Предисловие ко второму изданию.....</i>	8
<i>Предисловие к третьему, казахстанскому изданию.....</i>	57
Введение. Феномен номадизма: мифы и проблемы.....	66
Глава I. Номадизм как особый вид производящей экономики.....	83
Что такое номадизм.....	83
Основные формы скотоводства.....	86
Видовой состав стада.....	97
Численность стада.....	101
Характер использования экологических зон.....	107
Характер перекочевков.....	112
Характер утилизации продуктов скотоводческого хозяйства и системы питания.....	115
Основные типы кочевого скотоводства.....	116
Проблемы баланса и неавтаркичность кочевого Хозяйства.....	153
Глава II. Происхождение кочевого скотоводства.....	174
Глава III. Социальные предпосылки взаимоотношений номадов с внешним миром.....	217
Аборигенная модель (native model), научная модель и реальная действительность.....	217
Проблема собственности в кочевых обществах.....	222
Семья, хозяйство и община в кочевых обществах.....	227
Родство и происхождение в кочевых обществах.....	242
Сегментарные системы в кочевых обществах.....	250

Высшие уровни социально-политической организации в кочевых обществах	256
Имущественное неравенство и социальная дифферен- циация в кочевых обществах.....	262
Кочевые вождества.....	279
Тема и вариации.....	285
Глава IV. Способы адаптации номадов к внешнему миру.....	323
Седентаризация	324
Торговля и торговое посредничество.....	328
Подчинение и различные формы зависимости кочев- ников от оседлых обществ.....	341
Подчинение и различные формы зависимости осед- лых обществ от кочевников	354
Глава V. Номады и государственность	362
Кочевая государственность и условия ее возникнове- ния.....	362
Основные типы и тенденции возникновения и эволю- ции кочевой государственности	366
Евразийские степи, полупустыни и пустыни.....	369
Средний Восток.....	408
Ближний Восток.....	422
Восточная Африка.....	444
Выводы.....	450
Вместо заключения: внешний мир и кочевники.....	461
<i>Послесловие, к третьему изданию.</i>	
<i>Кочевники в истории оседлого мира</i>	<i>464</i>
Сокращения.....	489
Библиография.....	491

Научное издание

Хазанов Анатолий Михайлович

КОЧЕВНИКИ И ВНЕШНИЙ МИР

Редакторы *А. К. Султангалиева, Т.П. Казанникова*

Корректор *Н. М. Галкина*

Технический редактор *С. А. Ван Вилсон*

Обложка *С. А. Ван Вилсон*. Стилизация *Е. Н. Корешкова*

Компьютерный дизайн и верстка *С. А. Ван Вилсон* Компьютерный набор *Е. А. Немировской, А. Ш. Алдашевой*

Подписано в печать 07.10.2002 Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бум. офсетная.

Гарнитура Академическая. Усл. печ. л. 37,8. Усл. кр.-от. 38,0. Уч.-изд. л. 35,4. Тираж 1000 экз.

Издательство «Дайк-Пресс»
480100 г. Алматы, ул. Курмангазы, 29
Тел. 62-28-35
Директор Б. А. Казгулов

Типография ТОО "PRINT-S"
480082, г. Алматы,
ул. Ибрагимовна, 1

**ХАЗАНОВ
АНАТОЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ**

*Заслуженный профессор
антропологии Универси-
тета Висконсин в Меди-
соне, член Британской
Академии, лауреат премии
Гуггенхайма.*

*Автор и ответственный
редактор 14 книг и свыше
200 статей и других
научных публикаций.*

Anatoly Khazanov

